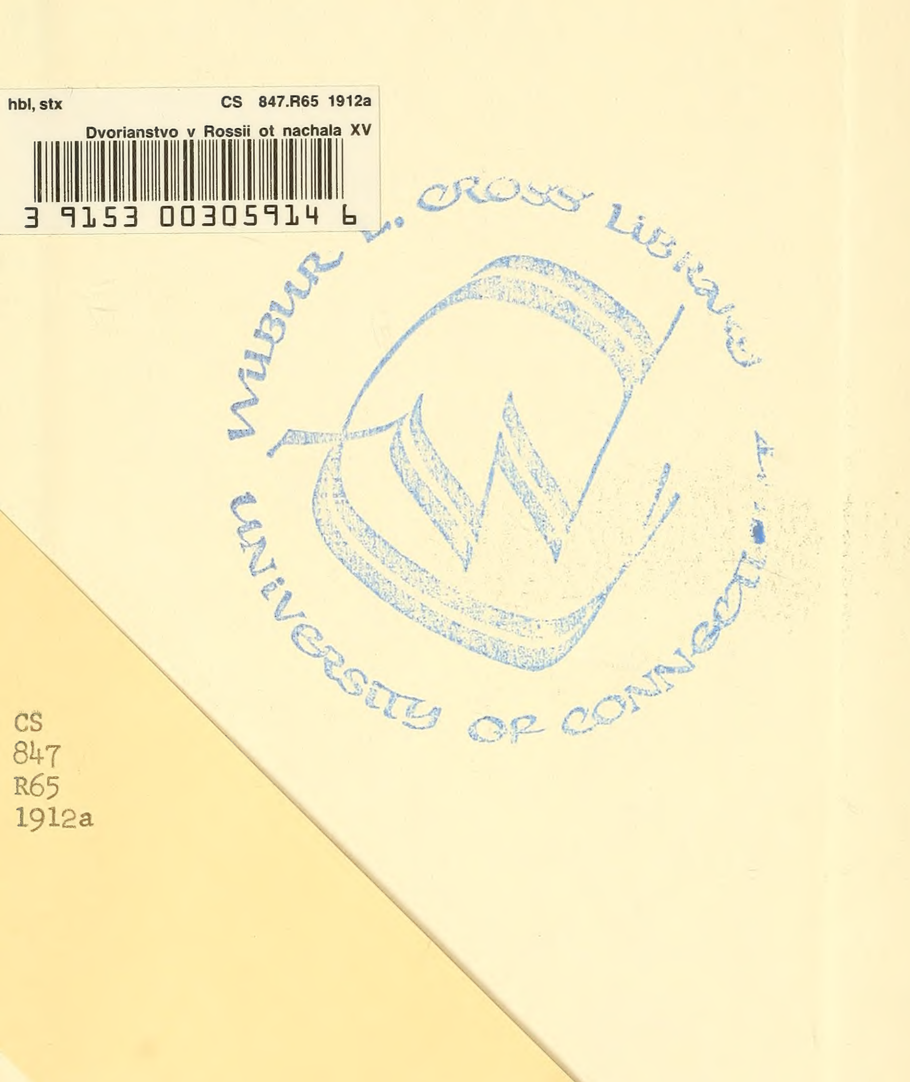

WILBUR L. CROSS LIBRARY
UNIVERSITY OF CONNECTICUT

ДВОРЯНСТВО ВЪ РОССІИ

ОТЪ НАЧАЛА XVIII ВѢКА

ДО ОТМѢНЫ КРѢПОСТНОГО ПРАВА.

А. РОМАНОВИЧЪ-СЛАВАТИНСКАГО,
профессора государственнаго права въ Императорскомъ
Университетѣ Св. Владиміра.

СВОДЪ МАТЕРІАЛА И ПРІУГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

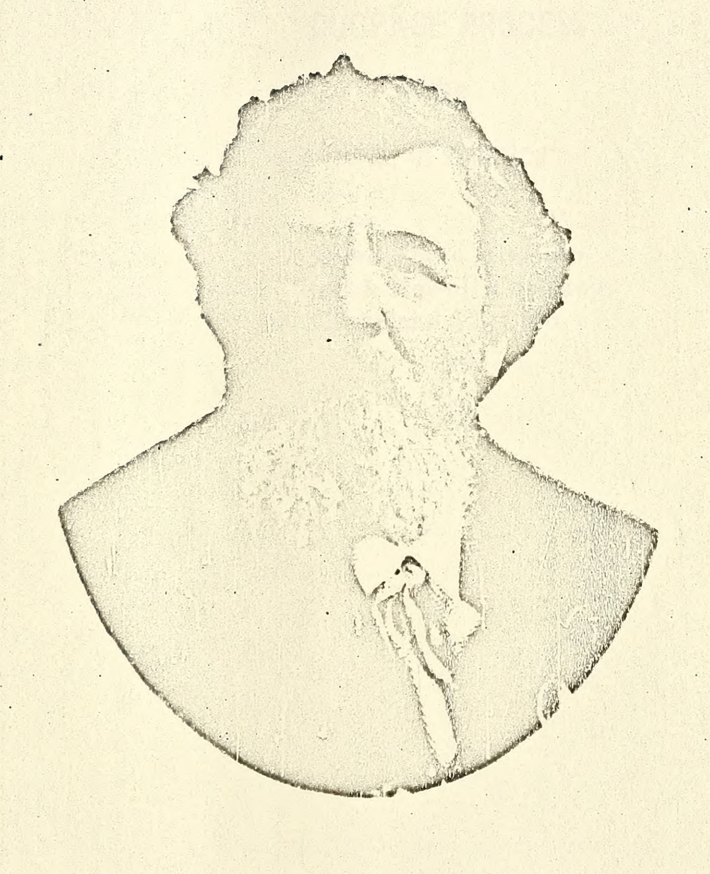
Изданіе второе (посмертное).

„Не надобно взводить на древнихъ русскихъ людей обвиненія почти бездоказательныя; и безъ того въ нихъ было много жестокости и варварства". (Р. Архивъ, 1867 годъ).

Изданіе юридическаго факультета Университета Св. Владиміра подъ редакціей проф. А. А. Жилина. Съ портретомъ автора.

КІЕВЪ.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева", Золотоворотская ул., № 11.
1912.

Введеніе.

Настоящее изданіе лучшаго произведенія покойнаго кіевскаго государствовѣда предпринято юридическимъ факультетомъ университета Св. Владиміра въ цѣляхъ: съ одной стороны—почтить память достойнаго ученаго, полъ вѣка, съ честью, неутомимо служившаго русской наукѣ и кіевскому университету, а съ другой—облегчить лицамъ, занимающимся вопросами исторіи и права Россіи, пользованіе одной изъ выдающихся въ этой области, классическихъ работъ, теперь уже совершенно вышедшей изъ продажи и ставшей библіографической рѣдкостью.

Книга издается безъ всякаго измѣненія въ текстѣ, въ томъ видѣ, какъ она была напечатана покойнымъ авторомъ въ 1870 году.

Факультетъ полагаетъ, что извѣстныя дополненія и поправки, которыя пришлось бы внести, дабы поставить изслѣдованіе вполнѣ на уровень современнаго состоянія научныхъ знаній въ кругѣ вопросовъ, имъ охватываемыхъ, умѣстны были бы лишь при переизданіи книги самимъ авторомъ.

Издаваемая книга имѣетъ значеніе не учебника, который непремѣнно при переизданіи долженъ быть исправленъ и дополненъ. Это—историческая монографія, значеніе которой научно-историческаго характера.

Въ ошибкахъ своихъ и неполнотѣ она отражаетъ индивидуальность автора и его эпохи. Измѣнять эту индивидуальность путемъ поправокъ текста факультетъ не считаетъ возможнымъ, полагая, что книга и сама по себѣ, въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ печати первый разъ, имѣетъ и до сего времени большое значеніе, и если и устарѣла въ частностяхъ, то въ цѣломъ

во многомъ долго еще будетъ служить руководящимъ началомъ при изученіи исторіи нашего дворянства.

Другіе, новые изслѣдователи въ этой области дополняютъ и дополнятъ и разовьютъ основныя идеи автора „Дворянства въ Россіи". Они, на основѣ имъ даннаго, работая дальше, получая постепенно съ развитіемъ науки и новые методы и новый матеріалъ, можно надѣяться, широко и ярко освѣтятъ многіе, темные еще, уголки нашей исторіи вообще и исторіи нашихъ юридическихъ институтовъ въ частности. Но для этого новымъ изслѣдователямъ надо знать труды ихъ предшественниковъ, имѣть ихъ подъ руками въ томъ видѣ, какъ они созданы были ихъ творцами.

Удостоенный факультетомъ высокой чести, взять на себя приведеніе въ исполненіе постановленія объ изданіи книги покойнаго моего учителя, и вполнѣ раздѣляя мнѣніе о недопустимости поправокъ, ибо таковыхъ пришлось бы сдѣлать довольно много, и онѣ несомнѣнно существенно измѣнили бы многое въ книгѣ, я рѣшилъ въ настоящемъ введеніи ограничиться лишь нѣсколькими краткими замѣчаніями біографическаго характера.

Александръ Васильевичъ Романовичъ-Славатинскій родился 3-го іюля 1832 года въ селѣ Войтовѣ Переяславскаго уѣзда Полтавской губерніи въ старинной малороссійской дворянской семьѣ. Первоначальное образованіе до 12 лѣтъ получилъ дома, а въ 1844 году поступилъ во 2-й классъ нѣжинской гимназіи, которую окончилъ въ 1850 г. Поступивъ потомъ на юридическій факультетъ университета Св. Владиміра, онъ окончилъ послѣдній въ 1855 г. со степенью кандидата законовѣдѣнія. 4-го іюня 1855 г. юридическій факультетъ, озабачиваясь вопросомъ о замѣщеніи каѳедры государственныхъ законовъ, ставшей вакантной за смертью проф. Вигуры, рѣшилъ рекомендовать совѣту университета поручить чтеніе лекцій по этой каѳедрѣ А. В. Романовичу-Славатинскому. Въ слѣдующемъ году А. В. былъ назначенъ старшимъ учителемъ Кіевской 1-й

гимназіи и откомандированъ въ университетъ для чтенія лекцій подъ наблюденіемъ и руководствомъ декана юридическаго факультета проф. Иванишева. Въ 1859 году А. В. выдержалъ магистерскій экзаменъ и защитилъ диссертацію на степень магистра государственнаго права подъ названіемъ „Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра В. до учрежденія губерній въ 1775 г.“ и былъ назначенъ адъюнктомъ. Въ 1860 г. онъ на два года былъ командированъ за границу и занимался, главнымъ образомъ, въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Женевѣ, Парижѣ и Лондонѣ, слушая свѣтилъ тогдашней юриспруденціи въ области публичнаго права: Моля, Шталя, Гнейста, Блюнчли, Лабулэ и др. Въ 1862 г. А. В. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1870 г. защитилъ диссертацію на степень доктора государственнаго права, озаглавленную „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права“ и былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ лекцій по государственному праву А. В. читалъ временно, по порученію факультета, курсъ „исторіи философіи права“, а также цѣлый рядъ лѣтъ несъ обязанности секретаря, а затѣмъ декана юридическаго факультета.

Тяжкая болѣзнь заставила А. В. въ 1902 г. прекратить свою, почти полувѣковую, научную дѣятельность. Нѣсколько разъ и послѣ того онъ пытался читать лекціи, но, лишившись зрѣнія и разбитый подагрой, долженъ былъ отказаться отъ этого. Однако, до послѣднихъ дней жизни онъ не переставалъ интересоваться наукой, слѣдилъ за новыми сочиненіями въ своей спеціальности, слѣдилъ за событіями нашей политической и академической жизни, иногда откликаясь на нихъ статьями и замѣтками. Скончался А. В. 25 августа 1910 года.

Значеніе научныхъ работъ А. В. станетъ ясно, если обратить вниманіе на время ихъ появленія и поставить ихъ въ связь съ послѣднимъ. Русское государствовѣдѣніе въ 60—70-хъ годахъ только что зарождается, только что перестаетъ быть наукой государственныхъ *законовъ* и становится наукой государственнаго *права*. Въ то

время на русскомъ правовѣдѣніи вообще сильно отразилось вліяніе знаменитой германской исторической школы права: ученій Савиньи, Пухты и ихъ послѣдователей. Извѣстнѣйшіе наши юристы, какъ Мейеръ, Неволинъ и нѣкот. друг., получили довершеніе своего образованія въ Германіи подъ непосредственнымъ руководствомъ Савиньи. Они принесли съ собой въ наши университеты духъ историзма и позитивизма, который, благодаря проф. Неволину, особенно укоренился въ Университетѣ Св. Владиміра. Но первые наши государствовѣды и помимо этого должны были сдѣлаться историками. Понять, осмыслить-дѣйствующія учрежденія нельзя было, не имѣя свѣдѣній о зарожденіи и развитіи ихъ. Предшественниковъ у этихъ піонеровъ русской государственной науки почти не было. Приходилось самимъ и собирать матеріалъ, и дѣлать выводы, изслѣдовать исторію и строить систему, догму русскаго государственнаго права. Когда русскій государствовѣдъ вспоминаетъ основателей родного государственнаго права, онъ не можетъ не остановиться прежде всего на 4-хъ именахъ: Градовскаго, Андреевскаго, Чичерина и Романовича-Славатинскаго. Главныя работы всѣхъ этихъ ученыхъ были историческаго характера.

Увлеченный, какъ общимъ направленіемъ научной мысли, такъ и неотложными потребностями русской науки, А. В. и посвятилъ свои силы прежде всего на изслѣдованіе исторіи государственныхъ учрежденій оссіи.

Первая его работа „Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра В. до учрежденія губерній въ 1775 г.“ возникла, по признанію самого автора, подъ непосредственнымъ вліяніемъ знаменитаго труда Б. Н. Чичерина „Областное управленіе въ Россіи въ XVII вѣкѣ“. А. В. хотѣлъ выполнить въ отношеніи дальнѣйшей исторіи нашихъ областныхъ учрежденій то, что было такъ успѣшно и талантливо сдѣлано Чичеринымъ для предшествовавшей эпохи. Но трудность задачи, особено относительно собиранія источниковъ, заставила его ограничитьс

лишь изслѣдованіемъ исторія высшихъ „губернскихъ“ учрежденій.

Эта первая работа особаго значенія для современной науки имѣть не можетъ. Зато вторая, главная работа А. В. „Дворянство въ Россіи“, его докторская диссертація, сдѣлавшая ему имя въ наукѣ и нынѣ переиздаваемая, и теперь еще не утратила во многомъ интереса, а во время своего появленія имѣла огромное значеніе.

„Замѣчательную по своему времени, полную свѣжихъ взглядовъ и новыхъ фактовъ, книгу Романовича-Славатинскаго не просто читали въ 70—80-хъ годахъ, говорилось въ одной изъ статей газеты „Утро Россіи“ по поводу смерти А. В., ее изучали съ любовью и уваженіемъ. Не было въ указанное время ни одного сколько нибудь интеллигентнаго студента, который не зналъ бы ее досконально и не могъ бы процитировать главныхъ ея выводовъ“. И въ самомъ дѣлѣ, для той эпохи, того состоянія русской науки появленіе подобной книги, разсматривавшей съ возможной полнотой, на основаніи точно провѣренныхъ данныхъ исторію главнаго нашего сословія, столь тѣсно связанную со всей исторіей нашего общественнаго и государственнаго быта, и при томъ написанной увлекательно, по прекрасной системѣ и дающей рядъ глубокихъ, вѣрныхъ и совершенно новыхъ выводовъ, было поистинѣ важнымъ событіемъ. Здѣсь А. В. явился совершенно самостоятельнымъ, здѣсь онъ работалъ на невоздѣланной никѣмъ еще нивѣ. Убѣжденный въ необходимости сочетать въ своемъ изслѣдованіи юридическую и оффиціальную сторону разсматриваемаго иститута съ исторической и бытовой, онъ пользовался въ качествѣ источниковъ Полнымъ Собраніемъ Законовъ, мемуарами, какъ русскихъ, современниковъ описываемыхъ событій, такъ и иностранцевъ, путешествовавшихъ по Россіи въ изслѣдуемую историческую эпоху, нѣкоторыми матеріалами изъ родовыхъ дворянскихъ архивовъ и нѣсколькими историческими монографіями. Главвымъ источникомъ было П. С. З. Изъ него авторъ съ неутомимымъ прилежаніемъ извлекъ все или почти все касавшееся

его темы, освободивъ тѣмъ послѣдующихъ ученыхъ отъ массы кропотливой работы. Менѣе воспользовался онъ различными мемуарами, что и самъ сознавалъ, извиняясь невозможностью достать многіе, работая въ провинціи, и недостовѣрностью ихъ во многихъ отношеніяхъ. Наконецъ архивный матеріалъ привлеченъ совсѣмъ въ небольшомъ количествѣ, и это самая слабая сторона работы. Его слѣдовало бы или не касаться вовсе или уже много и долго рыться въ различныхъ его хранилищахъ. Но тогда мы можетъ быть никогда не увидали бы появленія интересной книги А. В. Данныя, извлеченныя изъ сокровищницы П. С. З., были все же настолько разносторонни, охватывая и юридическую и бытовую сторону жизни нашего дворянства, что и на ихъ, главнымъ образомъ, основаніи, при служебномъ, подчиненномъ значеніи другихъ источниковъ, автору удалось написать правдивую и интересную исторію и дать многому объясненіе. Сознавая невозможность первому же изслѣдователю вполнѣ охватить вопросъ и не обладая многими матеріалами для безупречно полнаго разсмотрѣнія и анализа разбираемаго института, авторъ скромно назвалъ свою работу „пріуготовительными этюдами", „сводомъ матеріала". Но, наряду съ массой важныхъ фактическихъ данныхъ, цѣннаго матеріала, собраннаго съ большой любовью къ дѣлу и большимъ трудомъ, онъ далъ рядъ мастерскихъ обобщеній и глубокихъ выводовъ, изъ которыхъ многіе, перейдя въ учебныя пособія, стали крѣпкимъ, цѣннымъ достояніемъ русской исторіи государственнаго права.

Кромѣ вышеуказанныхъ двухъ работъ А. В. оставилъ еще нѣсколько изслѣдованій, большей частью историческаго характера. Имъ напечатана превосходная монографія „Жизнь и дѣятельность проф. Иванишева, ректора университета Св. Владиміра и вице-предсѣдателя кіевской археологической коммиссіи", гдѣ, повѣствуя о судьбѣ и работахъ бывшаго своего учителя, а потомъ сослуживца, авторъ даетъ много цѣннаго матеріала для исторіи Кіевскаго университета вообще въ пер-

вые десятилѣтія его существованія, матеріала, являющагося прекраснымъ дополненіемъ къ двумъ солиднымъ историческимъ изслѣдованіямъ о нашемъ университетѣ профессоровъ Шульгина и Владимірскаго-Буданова.

Какъ бы продолженіемъ этой работы являются его автобіографическія замѣтки: „Моя жизнь и академическая дѣятельность“, напечатанныя въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ за 1903 г. Онѣ охватываютъ жизнь университета за 50, 60 и 70-е годы. Въ виду столѣтія со дня рожденія Сперанскаго совѣтомъ университета поручено было А. В. прочитать на торжественномъ актѣ въ 1872 г. рѣчь, посвященную жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго государственнаго человѣка. Эта рѣчь была напечатана затѣмъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и вышла и отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Государственная дѣятельность Сперанскаго“. На основаніи главнымъ образомъ извѣстной работы барона Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“ авторъ далъ аудиторіи и затѣмъ читателямъ сжатое, но полное изложеніе главнѣйшихъ моментовъ жизни и важнѣйшихъ актовъ дѣятельности создателя многихъ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій и нашей кодификаціи законовъ, особенно останавливаясь на реформахъ государственнаго строя.

А. В. было написано нѣсколько рецензій на различныя научныя работы и мелкихъ статей въ повременныхъ изданіяхъ. Мы упомянемъ лишь о наиболѣе замѣчательныхъ. Таковы рецензія его на извѣстную книгу Семевскаго „Крестьянскій вопросъ“ и рецензія на II-й томъ работы Семенова „Освобожденіе крестьянъ при Александрѣ II“, за которыя онъ получилъ награды отъ академіи наукъ. Затѣмъ очень интересна его рецензія на книгу Назимова „Реакція въ Пруссіи“, гдѣ онъ, критикуя теорію государственныхъ переворотовъ, выставленную авторомъ, противупоставляетъ ей теорію переворотовъ Аристотеля, изложенную въ VIII книгѣ его „политики“. Здѣсь находится также очень интересная характеристика извѣстнаго германскаго ученаго и государственнаго дѣятеля Шталя.

Наконецъ въ 1891 г. А. В. вмѣстѣ съ проф. Н. М. Цытовичемъ читалъ лекціи въ пользу голодающихъ, которыя затѣмъ были изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Голода въ Россіи и Западной Европѣ и мѣры правительства противъ нихъ". Здѣсь въ лекціи, читанной А. В. 1-го декабря 1891 г., имъ собрана масса историческихъ данныхъ по вопросу о нашихъ голодовкахъ, изложены и разобраны мѣры противъ нихъ принимавшіяся и результаты этихъ мѣръ.

По порученію Совѣта Университета Св. Владиміра А. В. были изданы собранія сочиненій его покойныхъ сослуживцевъ проф. Иванишева и проф. Незабитовскаго. Благодаря его усердной работѣ по собиранію и приведенію въ порядокъ немногочисленныхъ, но весьма замѣчательныхъ трудовъ талантливаго юриста Незабитовскаго и выдающагося историка права Иванишева мы имѣемъ возможность знать ихъ, и наука наша не утратила драгоцѣнные результаты ихъ таланта. Покойный А. В. очень цѣнилъ такое изданіе работъ умершихъ учителей и товарищей.

А. В. выступалъ иногда съ статьями и замѣтками и въ повременныхъ изданіяхъ. Такъ, въ 1905 г. онъ напечаталъ въ газетѣ „Русскія Вѣдомости" нѣсколько статей подъ названіемъ „Голосъ стараго профессора". Здѣсь онъ явился горячимъ сторонникомъ системы такъ назыв. университетской автономіи, при которой онъ одно время работалъ и плоды которой видѣлъ, системы университетскаго устава 1863 г. Въ 1909 году въ газетѣ „Новое Время" появилась его замѣтка, написанная въ защиту научныхъ достоинствъ Кіевскаго университета и заслугъ его предъ Россіей и Юго-Западнымъ краемъ, а въ 1910 г. своимъ письмомъ въ ту же газету онъ высказалъ свой взглядъ по такъ называемому „Финляндскому вопросу", считая Финляндію областью, частью Россіи.

„Въ смутные годы, говоритъ некрологъ А. В. въ „Новомъ Времени" отъ 26 августа, онъ съ выдающимся тактомъ умѣлъ сохранять, стоящіе на высотѣ современности, правовые и государственные взгляды, при совершенно отрицательномъ отношеніи къ крайностямъ, охва-

тившимъ какъ учащуюся молодежь, такъ отчасти и профессуру. Въ трудныя и важныя минуты государственной жизни голосъ стараго кіевскаго ученаго бывалъ слышенъ и въ Петербургѣ. Его искали и къ нему прислушивались, какъ къ надежному и вѣсскому авторитету".

Что касается преподавательской дѣятельности А. В., то, читая рядъ лѣтъ лекціи въ Кіевскомъ университетѣ по русскому государственному праву, онъ задумалъ издать систематическій курсъ этого предмета. Но, подобно современникамъ его — Андреевскому и Градовскому—своего курса онъ не закончилъ. Имъ было лишь издано два выпуска его подъ заглавіемъ „Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому", въ которыхъ изложено было ученіе о Верховной власти въ Россіи и центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Къ разсмотрѣнію мѣстныхъ учрежденій онъ не приступилъ въ своемъ курсѣ, потому что, какъ онъ объяснялъ самъ, ожидались реформы въ этой сферѣ. Такъ курсъ, въ свое время незаконченный, и не получилъ завершенія. Вторая попытка изданія курса въ видѣ „Системы русскаго государственнаго права по методу историко-сравнительному" также не удалась; и эта „Система" остановилась только на разсмотрѣніи Верховной власти и ея органовъ. Эти курсы покойнаго профессора теперь, конечно, во многомъ устарѣли. Исторія учрежденій въ курсѣ государственнаго права такъ подробно теперь не излагается, ибо ею занимается спеціально особая наука: исторія права. Въ догматической части господствуютъ теперь иные методы, методы такъ назыв. формально-юридическаго направленія въ государствовѣдѣніи, выдвинутые извѣстными современными нѣмецкими учеными Лабандомъ и Еллинекомъ на смѣну старыхъ соціологическихъ конструкцій Моля, Блунчли и Штейна, подъ вліяніемъ которыхъ стоялъ покойный въ своихъ работахъ. Но все же свое дѣло эти курсы его сдѣлали и въ свое время были очень полезны. Много они облегчили работу позднѣйшимъ изслѣдователямъ, и при разсмотрѣніи отдѣльныхъ спе-

ціальныхъ вопросовъ нерѣдко на нихъ ссылаются и теперь.

Много работая и любя свою науку, покойный научалъ любить ее и своихъ учениковъ, которыхъ онъ оставилъ цѣлый рядъ на каѳедрахъ въ нѣсколькихъ университетахъ. Горячо преданный родинѣ, онъ являлся для нихъ образцомъ добросовѣстнаго русскаго ученаго, не закрывавшаго глазъ на темныя стороны родного быта и родной исторіи, но и не подчеркивавшаго ихъ и не злобствовавшаго надъ ними. Онъ понималъ, что эти темныя черты, которыхъ такъ много пришлось ему встрѣтить въ частности въ исторіи дворянства, были связаны органически со всѣмъ историческимъ развитіемъ Россіи, что „наше дворянство со всѣми его дурными и хорошими качествами было продуктомъ исторіи нашего же общественнаго строя и было неповинно въ винахъ своихъ“. И самымъ изложеніемъ темныхъ сторонъ онъ стремился пробить дорогу лучшему, болѣе свѣтлому будущему.

Содѣйствуя появленію въ свѣтъ снова, послѣ долгихъ лѣтъ, замѣчательной книги профессора А. В. Романовича-Славатинскаго, мнѣ хочется вѣрить, что она, хотя нѣсколько устарѣвшая, встрѣтитъ все же хорошій пріемъ и многими прочтется съ интересомъ и теперь. Въ ней такъ много прекрасныхъ бытовыхъ картинъ, въ ней такъ „старина наша русская слышится“, и такъ истинно-научно, полно и безпристрастно изложена исторія дворянства, что невольно она должна останавливать на себѣ вниманіе каждаго серьезнаго русскаго человѣка, хотя немного интересующагося историческими судьбами своего отечества, не говоря уже о лицахъ, занимающихся наукой.

А. Жилинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отличительная черта въ исторіи нашего дворянства, сравнительно съ дворянствомъ западной Европы, состоитъ въ томъ, что у насъ оно всегда было *установленіемъ политическимъ*, существовавшимъ и видоизмѣнявшимся, *сообразно цѣлямъ и потребностямъ правительственнымъ*. Аристократическіе элементы, свойственные всякому обществу, были, конечно, и у насъ, точно также, какъ и у насъ было стремленіе меньшинства членовъ общества выдѣлиться изъ народа и составить *привиллегированную общественную группу—лучшихъ людей*. Это присуще человѣческой природѣ и проявляется во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Но разница въ томъ, что у насъ эти аристократическіе элементы слагались въ привиллегированную общественную группу *не сами собою*, не во-имя какого-нибудь великаго національнаго интереса и присущей имъ самостоятельной силы,—у насъ аристократическіе элементы *сложены были* въ привиллегированную общественную группу *государственною властью*, которая давала ей ту или другую организацію, повышала и принижала ее, *сообразно потребностямъ государства*, *примѣнительно къ интересамъ правительства*. Въ этомъ состоитъ радикальное и основное отличіе нашего *служилаго дворянства* отъ *феодальной землевладѣльческой аристократіи* западной Европы, *нашей идеи благородства*, основанной на *службѣ* государству и народу русскому и *пожалованной самодержцемъ*, отъ идеи благородства западно-европейскаго, основаной *на крови*, на *контрактѣ съ государственной властью*.

Было время, когда *потребности государства* и обусловливаемые ими *интересы правительства* вызвали образованіе царскихъ чиновныхъ людей—помѣстнаго служилаго класса, *надѣленнаго отъ государства* землями. Въ виду этихъ потребностей и интересовъ, помѣстный служилый классъ несъ ландмилицкую службу и отбывалъ всяческія государевы *посылки*, ополчался съ своими людьми, по *призыву государства*, а крестьяне были прикрѣплены къ помѣстнымъ землямъ, отбывая службу въ пользу *слугъ государевыхъ*—барщину и оброки.

Настало время, когда преобразовательная дѣятельность государственной власти, въ лицѣ Петра, помѣстный служилый классъ, раздробившійся на царскихъ чиновныхъ людей, высшихъ и низшихъ ранговъ, *сложила* въ цѣльную общественную группу—въ *сословіе шляхетства*, отчасти по западно-европейскимъ образцамъ. Но національныя традиціи, по потребности государства и интересы правительства, *только видоизмѣняютъ* тотъ *крѣпостной* характеръ отношеній новаго сословія къ государственной власти, какой имѣли отношенія къ ней помѣстнаго служилаго класса: вмѣсто ландмилицкой службы, періодически отбываемой, вмѣсто временныхъ посылокъ, налагается постоянная служба въ регулярныхъ полкахъ и канцеляріяхъ; европейскій строй службы вызываетъ необходимость научной къ ней подготовки, и шляхетство засадили за азбуку, за цифирную и навигаціонную науку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *изящнѣйшимъ благодѣяніемъ*, какъ впослѣдствіи выражалось дворянство, когда для него что *прошло, то стало мило*—помѣстья *превращены* были въ вотчины, для *непоколебимости* и *ясности* шляхетскихъ фамилій *установленъ* майоратъ, а владѣніе крѣпостными людьми начало терять *государственный* характеръ и пріобрѣтать характеръ *гражданскій*. Въ политикѣ Петра Великаго относительно шляхетства нельзя не замѣтить раздвоенія: увлеченный западно-европейскими феодальными образцами, онъ даетъ своему шляхетству феодальные гербы и титулы, вводитъ для него майоратъ, „дабы шляхетскія

фамиліи не упадали, но въ своей ясности непоколебимы были черезъ славные и великіе домы". Слѣдуя-же преемственности исторической, національнымъ историческимъ традиціямъ, онъ говоритъ, что *знатность* пропорціональна *годности*, что только *службой* пріобрѣтается *благородство*, что *каждый дворянинъ* почесть и первое мѣсто долженъ давать *каждому оберъ-офицеру*. Результатомъ этой политики дуализма во всякомъ случаѣ было то, что въ новое сословіе брошено зерно *сословныхъ дворянскихъ воззрѣній*, которое, назрѣвая мало-по-малу, расцвѣло впослѣдствіи цвѣткомъ *дворянскихъ аристократическихъ притязаній*, которыя оформлены были законодательствомъ Екатерины II и затѣмъ привились къ нашему общественному строю.

Между прочимъ, приспѣло новое время, и положеніе шляхетства, *переименованнаго* въ дворянство, измѣнилось: персоналъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ сталъ достаточенъ для потребностей арміи и канцелярій; дворянство по доброй волѣ начало учиться цыфири, навигаціонной наукѣ, иностраннымъ языкамъ: его *освобождаютъ* отъ обязательной службы и обученія. Традиціонный *крѣпостной* характеръ сословія отходитъ на второй планъ—на первый планъ выступаетъ характеръ *привиллегированности, знатности и благородства*, привитой подражательностію западной Европѣ. Затѣмъ, вскорѣ послѣдовали реформы Екатерины II. Императрица окончательно *додѣлываетъ* сословіе, окончательно превращаетъ его въ *привиллегированное* и *благородное*, которому на правахъ *полной частной* собственности принадлежатъ крѣпостные крестьяне. Но традиція отношеній государственной власти къ новому благородному сословію сказывается. Преобразовывая губернское управленіе, Екатерина II требуетъ отъ своего дворянства новыхъ услугъ государству, новой обязательной службы, на *души его* налагаетъ мѣстный судъ и полицію. Расширеніе личныхъ правъ дворянства, превращеніе крѣпостнаго права въ право полной собственности на людей—является какъ бы вознагражденіемъ за новую обязательную службу сословія. При Павлѣ I

дуалистическая политика относительно дворянства сказывается самымъ рѣзкимъ образомъ: возстановляются тѣлесныя наказанія для дворянства, дѣлаются шаги относительно возстановленія обязательной службы, неслужащіе дворяне называются *тунеядцами*, и въ то же время манифестъ 1 января 1798 г., изданный послучаю утвержденія 1-й части дворянскаго гербовника, увѣряетъ дворянство, что оно *древностію своею не уступаетъ древнѣйшимъ родамъ другихъ государствъ*, и имѣетъ, поэтому, *право на рыцарскіе гербы дворянства феодальнаго*. То же повторяется и при императорѣ Николаѣ I: онъ также былъ недалекъ отъ возстановленія обязательной службы; онъ не позволялъ дворянству обучать своихъ дѣтей тамъ, гдѣ оно хотѣло, одѣлъ его въ униформу министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ бы показывая тѣмъ, что *сословіе состоитъ на службѣ по этому вѣдомству*, и въ то же время въ нѣкоторой степени возстановляетъ майоратъ, усиливаетъ преимущества дворянства по службѣ государственной и преобладаніе въ мѣстной службѣ, повышаетъ чины, дающіе права потомственнаго дворянства, развиваетъ систему дворянскихъ и аристократическихъ учебныхъ заведеній.

Поставленное между двухъ огней, между созидавшими и организовавшими его потребностями государства и интересами правительства—національными, историческими традиціями и между прививаемыми къ нему дуалистическою подражательной политикой аристократическими идеями и притязаніями феодальнаго западноевропейскаго дворянства, наше дворянство, *надѣленное* личными и корпоративными привиллегіями, отличившими его отъ другихъ общественныхъ классовъ, обладая на правахъ полной собственности массами крѣпостнаго населенія, *замыкается въ отдѣльное благородное сословіе, старается обособиться отъ народа* и воспитаніемъ, и нравами, и одеждой, и даже языкомъ.

А между прочимъ, идетъ время и приводитъ государство къ новымъ потребностямъ, правительство къ новымъ итересамъ, вытекшимъ изъ національныхъ историческихъ традицій: совершаются великія реформы ве-

ликаго настоящаго царствованія. Отмѣняется крѣпостное право, преобразовываются суды, вводятся земскія учрежденія, ослабляется сословная школа, льгота свободы отъ тѣлесныхъ наказаній распространяется на всѣ общественные классы. Реформы эти встрѣчаются съ тѣми сословными воззрѣніями дворянства, которыя развились въ немъ въ предшествовавшее имъ время, но, подъ вліяніемъ этихъ реформъ, *соціальное и юридическое положеніе* сословія, безъ сомнѣнія, крѣпко видоизмѣняется.

Дворянство, конечно, всѣми своими интересами кровно связано съ пережитымъ порядкомъ вещей, но ввиду новаго нарождающагося порядка ему предстоитъ *новое положеніе въ государствѣ*. Въ чемъ будетъ заключаться это новое положеніе дворянства? Жизнь отвѣтитъ на этотъ вопросъ, и разрѣшитъ его, сообразно своимъ роковымъ требованіямъ. Для насъ несомнѣнно одно: *дворянство въ настоящее время переживаетъ кризисъ.* Прежнюю историческую жизнь свою оно *невозвратно* прожило, прежнюю свою миссію—несомнѣнно великую—оно исполнило. Поэтому, и прежнее его привиллегированное положеніе въ государствѣ, и прежнее его выдѣленіе изъ массы народа русскаго, разбивавшее общество на *бѣлыхъ* и *черныхъ*, *благородныхъ* и *подлыхъ*, дѣлаются эпизодомъ изъ прошлой исторіи нашего общественнаго строя. Великій обновитель родной земли сдѣлалъ *благороднымъ* и *привиллегированнымъ* весь народъ русскій, изъ котораго выдѣляется только его излюбленный самодержецъ.

Намъ казалось, поэтому, своевременнымъ, отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ устанавливалась прежняя привиллегированность дворянства, какъ пользовалось оно своими привиллегіями, во благо націи и государству? Этимъ объясняется выборъ предмета для предлагаемыхъ пріуготовительныхъ этюдовъ, которыми воспользуемся, можетъ быть, мы сами, можетъ быть воспользуется кто-нибудь другой, болѣе насъ даровитый, чтобъ составить цѣльное прагматическое изслѣдованіе по исторіи нашего дворянства.

Но, сдѣлавъ такой выборъ, увлеченные своевременностію вопроса—мы не скрывали отъ себя и трудностей дѣла: вопросъ о дворянствѣ, въ полномъ его составѣ, почти не тронутъ другими высокоуважаемыми нами изслѣдователями по исторіи русскаго права. Если мы рѣшились остановить свой выборъ на этомъ вопросѣ, такъ только потому, что приступили къ дѣлу безъ излишнихъ притязаній на его обстоятельное и безапелляціонное разрѣшеніе. Мы слишкомъ высоко цѣнимъ задачи и требованія *прагматическаго историческаго изслѣдованія*, чтобъ назвать такъ и нашу работу. Мы слишкомъ уважаемъ высшія инстанціи человѣческаго ума, чтобъ считать нашу работу безъапелляціонной. Она имѣетъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ значеніе только свода разбросаннаго матеріала и пріуготовительныхъ этюдовъ—ряда замѣтокъ для исторіи дворянства, только намѣчающихъ нѣкоторые вопросы, къ ней относящіеся, ставящихъ рамки, рубрики для будущаго изслѣдованія. Мы только собирали муссоръ и кирпичи, которые, можетъ быть, найдетъ годными другой зодчій, съ большимъ талантомъ и эрудиціей, чтобъ употребить и ихъ на постройку зданія, которое-бы, по лучшей симметріи и изяществу отдѣлки, болѣе соотвѣтствовало достоинству и важности вопроса.

Притомъ, для полной, прагматической исторіи нашего дворянства едва ли приспѣло время, едва ли собранъ весь матеріалъ.

Дворянство еще такъ недавно, съ своими исключительными правами и преимуществами, выдѣлялось изъ народа, господствуя надъ массами крѣпостнаго населенія, что историку довольно трудно отнестись къ нему съ подобающею объективностію, не увлекшись борьбою дня — восхваленіемъ этихъ сословныхъ привиллегій, или же ихъ порицаніемъ. Мы постараемся выдержать возможно объективную точку зрѣнія, хорошо понимая, что наше дворянство, со всѣми его дурными и хорошими качествами, было продуктомъ исторіи нашего-же общественнаго строя и было неповинно въ винахъ своихъ. Поэтому, да не вмѣнятъ же и намъ въ предумы-

шленную вину, если въ исторіи дворянства, которую читатель найдетъ на страницахъ нашей книги, какъ въ исторіи всякой привиллегіи, встрѣтятся ему не однѣ свѣтлыя черты. Да не вмѣнять въ вину и намъ, что дворянство всегда выдѣляло себя изъ среды русскаго народа, то ополячиваясь, то онѣмечиваясь или офранцуживаясь, что оно всегда болѣе дорожило матеріальными выгодами своего положенія—крѣпостнымъ правомъ, свободою отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей и повинностей, а на свои обязанности предъ государствомъ, предъ родной губерніей или уѣздомъ всегда смотрѣло съ чисто-формальной точки зрѣнія. Оно *отлынивало*, елико возможно, отъ обязательной службы и обученія; оно бывало въ *нѣтяхъ* на дворянскихъ собраніяхъ; оно, выбирая судей и полицейскихъ чиновниковъ своей мѣстности, невсегда считалось съ тѣмъ, насколько отъ качества этихъ избранныхъ имъ должностныхъ лицъ зависѣли интересы родной губерніи и уѣзда. Да не вмѣнятъ намъ, наконецъ, въ вину, если въ исторіи отношеній дворянства къ крѣпостнымъ—столько печальныхъ эпизодовъ, столько эксплуатаціи русскаго мужика.

Другая трудность для изучающаго прошлыя судьбы нашего дворянства заключается въ разбросанности и неполнотѣ изданнаго матеріала, въ недоступности многаго другаго матеріала, такъ какъ онъ еще не изданъ и гніетъ по архивамъ.

Нашъ, напримѣръ, основной и главный матеріалъ—*Полное собраніе законовъ*. Но, не говоря уже о томъ, что матеріалъ этотъ касается только офиціальной, юридической жизни сословія, что едва-ли достаточно для ознакомленія съ исторіей дворянства—матеріалъ этотъ разбросанъ во многотомномъ сборникѣ и кромѣ того представляетъ нѣкоторые пробѣлы, иногда довольно существенные.

Дѣйствительно, кто занимался Полнымъ собраніемъ, тотъ знаетъ, какъ трудно собирать изъ него и группировать юридическія данныя, относящіяся къ изслѣдуемому вопросу. На указатели трудно положиться: иногда можно опустить весьма важную черту, такъ какъ ее слѣ-

дуетъ извлекать изъ какого-нибудь другого постановленія, которое не стоитъ въ указателѣ, вслѣдствіе того, что въ немъ говорится о другомъ предметѣ, и только косвенно о вопросѣ изучаемомъ. Сколько разъ приходилось намъ извлекать данныя для дворянства изъ указовъ, относящихся прямо къ какой-нибудь другой отрасли администраціи, къ уголовному или гражданскому праву. Болѣе вѣрное средство исчерпать матеріалъ Полнаго собранія—чтеніе его, страницы за страницей. Но такая работа, едва-ли по силамъ одному человѣку, да и она не представляетъ обезпеченія, что все существенное дѣйствительно извлечено. Мы настойчиво добивались того, чтобъ извлечь изъ Полнаго собранія и сгруппировать всѣ данныя, относящіяся къ исторіи дворянства, но мы все-таки далеки отъ полной увѣренности, что нами извлечено все, не только второстепенное, но и главное. Задача нашихъ критиковъ указать намъ на наши пропуски.

Мы сказали, что П. С. представляетъ, кромѣ того, нѣкоторые пробѣлы, а иногда и довольно существенные. Дѣйствительно, можно указать на нѣсколько весьма важныхъ постановленій, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ П. С. Напримѣръ: первоначальный указъ 1711 г. объ отмѣнѣ правежа крѣпостныхъ за долги ихъ помѣщиковъ, отысканный г. Побѣдоносцевымъ подъ однимъ суднымъ дѣломъ 1719 г., также какъ и указъ 21 марта 1736 г., окончательно прекратившій помѣстныя дачи, что прямо явствуетъ изъ одного указа 1804 г., подъ № 21.536,—не вошли въ П. С., а указы эти, очевидно, весьма важны. Указъ подъ № 3.900 напечатанъ безъ того окончанія, которое г. Пекарскій нашелъ въ дѣлахъ кабинета. Изъ законовъ о *правахъ благородныхъ*, читанныхъ въ засѣданіяхъ комиссіи 1767 г., какъ видно изъ капитальнаго труда г. Полѣнова, слѣдующихъ указовъ нѣтъ вовсе въ П. С.

Марта 27 1682 (7190)—правила для записыванія въ родословную книгу дворянъ.

Опредѣленіе сената 7 іюля 1723 г. о представленіи въ сенатъ шляхетства, выходящаго въ отставку.

Января 15 1739 г. о нѣкоторыхъ службахъ дворянъ.

Октября 15 1746 г. о дворянахъ, записанныхъ въ однодворцы.

Января 17 1752 г. о покупкѣ деревень заводчиками и фабрикантами.

Іюня 8 1752 г. о производствѣ юнкеровъ въ секретари (это постановленіе состоялось по опредѣленію сената, въ подкрѣпленіе его сенатъ указалъ на одну статью генеральнаго регламента, которой нѣтъ ни въ генеральномъ регламентѣ, ни въ табели о рангахъ).

14 Января 1756 г. правила для записанія ходатайствующихъ о томъ въ дворянской списокъ.

Сентября 30 1758 г. о справкахъ изъ разряднаго архива, изъ какихъ чиновъ прежнихъ службъ служилые люди записывались въ стряпчіе, въ жильцы, въ десятники, въ городовые и дѣти боярскіе, и почитались ли они за дворянъ?

Ноября 22 1760 г. о пожалованіи прапорщьяго чина тѣмъ изъ дворянъ, которые изъ военной службы, послѣ 10 лѣтняго срока, будутъ отставлены для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

Мая 7 1761 г. о доказательствѣ дворянства достовѣрнымъ свидѣтельствомъ.

Ноября 11 и 25 1765 г. при внесеніи въ дворянскій списокъ справляться также въ тѣхъ городахъ, по которымъ предки служили и деревни имѣли.

Декабря 4 1766 г. кого принимать въ число дворянскихъ дѣтей по уставу кадетскаго корпуса.

Декабря 12 1766 г. опредѣленіе сената: при предстоящемъ сочиненіи новаго уложенія сдѣлать разсмотрѣніе и положеніе, какихъ именно чиновъ и въ какой службѣ дослужившихся до оберъ-офицерства не изъ дворянъ и ихъ дѣтей писать въ дворянскій списокъ (Сб. Р. Ист. общ. Т. IV; стр. 137—147).

Кромѣ того, въ Полное собраніе, наоборотъ, введены иногда такія постановленія, которыя, хотя и были утверждены государемъ, но въ исполненіе не приводи-

лись. Въ какую бы историческую погрѣшность впалъ изслѣдователь, еслибы на основаніи этихъ постановленій дѣлалъ какіе-нибудь выводы! Для примѣра укажемъ на законы, исходатайствованные военнымъ министромъ Вязмитиновымъ, 5 декабря 1802 г., о непредставленіи къ отставкѣ дворянъ, недослужившихся до обер-офицерскаго чина, если только они не состояли 12 лѣтъ въ дѣйствительной службѣ, и министромъ юстиціи Державинымъ, 4 февраля 1803 г., о выборѣ дворянскими собраніями кандидатовъ на всѣ должности въ имперіи. Оба закона помѣщены въ П. С.; первый подъ № 20.542, а второй подъ № 20.608, но, какъ видно изъ записокъ, Державина, оба они не приводились въ исполненіе— первый за протестомъ дворянства (стр. 462), второй за выходомъ Державина изъ министерства (стр. 498). Хорошо, мы знаемъ, что законы эти не исполнялись. Но мало-ли есть другихъ, тому подобныхъ въ П. С., о которыхъ мы того не знаемъ? Мы думаемъ, напримѣръ, что весьма многія постановленія Петра Великаго существовали только на бумагѣ. Мы склонны думать, что къ такимъ постановленіямъ можно отнести 1713 г. о ландратскихъ коллегіяхъ, по выбору шляхетства, такъ какъ о дѣятельности ихъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Какая будетъ реальная правда, историческая вѣрность въ возсозданіи нашихъ административныхъ и юридическихъ порядковъ начала 17 вѣка, на основаніи законовъ, которые, будучи мертвою буквою, не входили въ жизнь и не имѣли реальнаго вліянія на юридическій бытъ народа? Но изслѣдователи нерѣдко, на основаніи подобныхъ данныхъ, возсоздаютъ нашу прошлую администрацію, наше прежнее право и строятъ, такимъ образомъ, воздушные замки. Да и какъ быть иначе, когда нѣтъ критеріума для повѣрки матеріала?

При второмъ изданіи П. С.—этой живой книги нашего недавняго прошлаго—указанные нами недостатки могутъ быть исправлены; при второмъ изданіи можетъ быть лучшій ключъ для пользованія богатымъ и многосложнымъ матеріаломъ этого сборника, могутъ быть пополнены пробѣлы и включены дефектныя постанов-

ленія, могутъ быть указанія, какія узаконенія дѣйствительно приводились въ исполненіе, и какія оставались только желаніями и неисполненными намѣреніями законодателя. Какой бы драгоцѣнный кладъ было *такое* второе изданіе для изслѣдователя прошлой русской жизни. Особенно, еслибъ была возможность, понизивъ цѣну, сдѣлать болѣе доступнымъ пріобрѣтеніе этого неоцѣненнаго матеріала, безъ изученія котораго нельзя шагу ступить историку-юристу.

Но какъ бы ни былъ полонъ и совершененъ сводъ матеріала для изученія оффиціальной юридической жизни дворянства, достаточно-ли его одного, для выясненія и возсозданія прошлыхъ судебъ этого сословія? Мы думаемъ, что нѣтъ. Сословіе, не какое-нибудь присутственное мѣсто, для пониманія роли и функцій котораго, достаточно одного знакомства съ постановленіями закона о его составѣ, предметахъ вѣдомства, степени власти и порядкахъ дѣлопроизводства. Да едва-ли это достаточно и для историческаго изученія учрежденій? Возьмемъ для примѣра приказъ, коллегію, сенатъ. Что извлечемъ мы для разумѣнія нашей прошлой административной или юридической жизни, для выясненія нашего народнаго духа, зная, что приказъ-де состоялъ изъ столькихъ-то членовъ, что какая-нибудь коллегія прежде завѣдывала-де большимъ кругомъ дѣлъ, а потомъ этотъ кругъ съузился, что сенатъ-де имѣлъ прежде такую степень власти, а потомъ иную, что дѣлопроизводство-де означенныхъ учрежденій развивалось въ такихъ и такихъ формахъ. Для историка-юриста всѣ эти свѣдѣнія, конечно, необходимы, но едва-ли они достаточны для *живаго дѣла*. Такіе великіе дѣятели нашей науки, какъ напр. Неволинъ и др., конечно, не даромъ подвизались надъ изученіемъ этихъ *формальныхъ* вопросовъ. Но они возстановили только остовъ, который нужно позднѣйшимъ изслѣдователямъ облечь живою плотью, а для этого необходимо сочетать въ прагматическомъ историко-юридическомъ изслѣдованіи *юридическій элементъ* съ *историческимъ*, *формальный* и *офиціальный* съ *матеріальнымъ* и *бытовымъ*. Если это

примѣнимо къ историческому изученію учрежденій, то тѣмъ примѣнимѣе къ изученію исторіи какого-нибудь сословія. Сословіе состоитъ изъ живыхъ людей, бытовая сторона и житейская обстановка которыхъ существенно вліяетъ на ихъ юридическое, официальное положеніе. Какъ важны подобныя свѣдѣнія для пониманія прошлой жизни сословія, показываетъ капитальный трудъ по исторіи екатерининской коммиссіи 1767 г., которымъ г. Полѣновъ обогатилъ русскую историческую науку. Трудъ этотъ вводитъ насъ во внутренній міръ задушевныхъ вѣрованій, намѣреній и желаній нашего дворянства въ 18 вѣкѣ. Дополненіемъ къ нему могли бы служить еще неизданные наказы малороссійскаго шляхетства, извлеченные изъ архива г. Судіенко и циркулирующіе въ Кіевѣ, съ которыми пытался познакомить публику г. Авсѣенко въ своей статьѣ *Малороссійское шляхетство въ 1767 г.*, помѣщенной въ XLVI т. Р. В. на 1863 г. Но при всемъ нашемъ уваженіи къ замѣчательнымъ литературнымъ и административнымъ талантамъ автора этой статьи, мы не можемъ не сказать, что эта попытка едва-ли удачнѣе другихъ. Лучше всего было-бы въ такомъ случаѣ отнестись съ тѣмъ уваженіемъ къ историческому памятнику, какъ г. Полѣновъ: издать его просто-на-просто цѣликомъ, не выбирая изъ него произвольно одного, не выпуская другаго.

Крѣпко убѣжденные въ необходимости, при изученіи какого-нибудь вопроса, сочетать юридическую и официальную его сторону съ исторической и бытовой, мы принялись за нашу работу. Но какіе рессурсы представлялъ намъ изданный матеріалъ, для того, чтобы провести это убѣжденіе въ самомъ трудѣ?

Мемуары современниковъ, конечно, заключаютъ въ себѣ не мало данныхъ для знакомства съ бытовой стороной дворянства. Въ этомъ отношеніи они представляютъ еще непочатую ниву. Но всѣ-ли они имѣютъ такую годность для науки, какъ классическія книги Котошихина или Посошкова? Къ сожалѣнію, далеко не всѣ: какъ часто въ нихъ субъективная точка зрѣнія окрашиваетъ факты личнымъ цвѣтомъ, иногда даже

извращаетъ ихъ. Сравнимъ, напримѣръ, наивныя и простодушныя записки Марковича, Нащокина, Данилова или Болотова, съ аристократическими записками Энгельгардта, жолчными и невсегда добросовѣстными мемуарами Державина или Вигеля. Насколько вообще осторожно и критически слѣдуетъ пользоваться данными этихъ мемуаровъ, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ *Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова* говорится, между прочимъ, что „изъ числа костромскихъ дворянъ, избравшихъ А. И депутатомъ г. Костромы, *третья часть* объявила себя незнающими грамотѣ". Мы не высокаго мнѣнія о степени просвѣщенія нашего дворянства въ 18 в., и какъ увидимъ ниже, неграмотные дворяне были тогда дѣйствительно не въ рѣдкость, но тѣмъ не менѣе должно сказать, что вышеприведенное показаніе Записокъ не точно: наказъ, данный костромскимъ дворянствомъ своему депутату, *подписанъ 73* человѣками, изъ которыхъ *только 9* не знали грамотѣ.

Существуютъ также описанія Россіи иностранными путешественниками, въ которыхъ найдутся коекакія данныя для бытовой стороны нашего дворянства. Но источники эти изъ самыхъ сомнительныхъ. Конечно, у такихъ наблюдателей, какъ напримѣръ незабвенный Гакстгаузенъ, можно многому поучиться. Но много-ли ихъ? Большинство же посѣщавшихъ насъ иностранцевъ судило о нашихъ порядкахъ съ предвзятыми идеями, а иногда и съ преднамѣреннымъ желаніемъ очернить Россію въ глазахъ ея наставницы, западной Европы. Мы познакомились, напримѣръ, съ Voyages Кларка, который, между прочимъ, приводитъ разсказъ сестры костромскаго губернатора, Кочетова, Герберу объ одномъ помѣщикѣ, распявшемъ своего крестьянина на крестѣ. У этого Кларка, пожалуй, мы найдемъ нѣкоторые довольно интересные факты касательно нашего дворянства конца прошлаго столѣтія—объ убійствѣ помѣщиковъ крестьянами, о притѣсненіяхъ крестьянъ помѣщиками, о тюрьмахъ, переполненныхъ бѣглыми крѣпостными, о роскошной и богатой жизни дворянъ, о многочисленной дворнѣ гр. Орлова—и въ

богатыхъ ливреяхъ, и въ нищенскихъ лохмотьяхъ и т. п. Но разсказы Кларка, очевидно—не результатъ спокойнаго наблюденія и безстрастнаго изученія нравовъ чужой страны, а желчный памфлетъ противъ Россіи англичанина, въ душѣ котораго кипѣла злоба на императора Павла, за его отношенія къ Англіи. Для пользованія подобнаго рода источниками, для извлеченія изъ нихъ данныхъ, необходимо возможно большее ихъ число, дабы путемъ сравненія и повѣрки однѣхъ другими, выбирать данныя, болѣе точныя и годныя-для науки. Но для этого нужно имѣть подъ рукою сокровища *залы барона Корфа*. Для насъ же, по мѣсту нашей службы, это сдѣлалось возможнымъ только тогда, когда уже наша работа была приведена къ концу. Поэтому, если мы и пользовались нѣкоторыми указаніями иностранцевъ о русскомъ дворянствѣ, то съ крайнею осторожностію и оговорками, и пользовались главнымъ образомъ Гакстгаузеномъ, который и за гробомъ не перестаетъ поучать о Россіи, при посредствѣ капитальнаго изданія г. Скребицкаго.

Лучшія указанія и данныя для бытовой стороны нашего дворянства заключаются въ изданіяхъ гг. Бартенева и Семевскаго. Изданія эти должны быть настольною книгою всякаго занимающагося новѣйшей русской исторіей. Ими пользовались и мы. И да не посѣтуютъ на насъ почтенные издатели, если мы съ такой, можетъ быть, неумѣренностію черпали изданный ими матеріалъ.

Несомнѣнно, наилучшій матеріалъ офиціальнаго происхожденія, для изученія бытовой стороны нашего дворянства, еще неизданъ. Онъ скрывается въ архивахъ дворянскихъ собраній и герольдіи, министерства внутреннихъ дѣлъ—особенно департаментовъ полиціи исполнительной и общихъ дѣлъ. Что можно извлечь изъ этихъ рудниковъ, показываютъ „*Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ черниговской губерніи*", составленные, между прочимъ, и по дѣламъ черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія и помѣщенные во второй книжкѣ Записокъ черниговскаго губернскаго статисти-

ческаго комитета. А сокровища для науки, которыя скрываются въ бумагахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, можно предвкушать по Исторіи этого министерства, которою г. Варадиновъ обогатилъ отечественную науку.

Какія драгоцѣнныя данныя скрываются также въ архивѣ нашего государственнаго совѣта, показываютъ двѣ-три цитаты изъ дѣлъ его, съ которыми мы встрѣчаемся въ исторіи Александра I г. Богдановича. Нельзя, поэтому, не порадоваться предпринятому изданію этого архива. Хотя позволительно при этомъ пожелать, чтобъ дальнѣйшая редакція подробнѣе и обстоятельнѣе излагала содержаніе бумагъ, чѣмъ сдѣланное въ вышедшей 1-й части извлеченіе изъ протоколовъ совѣта, бывшаго въ царствованіе Екатерины II.

А родовые дворянскіе архивы? Какъ ни истреблены они временемъ и небрежностью своихъ владѣтелей, но все-таки, еще заключаютъ въ себѣ золотыя данныя для исторіи нашего дворянства. Желательно только, чтобъ они поскорѣе сдѣлались достояніемъ исторической науки, чрезъ изданія г.г. Бартенева и Семевскаго. Намъ самимъ удалось видѣть интереснѣйшія бумаги въ архивахъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ помѣщиковъ,—намъ самимъ удалось извлечь изъ нихъ довольно много сдѣлочныхъ записей на крѣпостныхъ крестьянъ, конца 18 и начала текущаго столѣтія, показывающихъ, какъ производилась въ Малороссіи торговля людьми, несмотря на законъ 1798 г. Мы надѣемся современемъ издать систематическое собраніе такихъ записей, а пока приведемъ въ приложеніяхъ нѣкоторые образцы ихъ. Мы думаемъ, что для науки изданіе этихъ записей представляетъ неменьшій интересъ, какъ изданіе, напримѣръ, разныхъ кабальныхъ записей 17 столѣтія.

Мы сдѣлали характеристику нашего взгляда на прошлыя судьбы русскаго дворянства, мы описали пріемъ, которому считаемъ нужнымъ слѣдовать, оцѣнили источники, которыми будемъ пользоваться. Скажемъ нѣсколько словъ о планѣ нашего труда.

Въ исторіи дворянства отмѣчаютъ обыкновенно слѣдующіе три періода:

1) Въ первомъ—удѣльно-вѣчевомъ—періодѣ существуетъ *только дружина*—неосѣдлая, earth неземлевладѣльческая, а свободно переходящая отъ одного князя къ другому;

2) Во второмъ—московскомъ—періодѣ дружина дѣлается *осѣдлымъ служилымъ классомъ*—классомъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, *крѣпкимъ* самодержавной власти московскаго царя, несущимъ обязательную ланцмилицкую службу, отбывающимъ всякія наряды и посылки по приказу царя. Этотъ помѣстный служилый классъ распадается на *множество царскихъ чиновныхъ людей*—высшихъ и низшихъ рановъ—не образующихъ замкнутаго сословія, не только юридически, но даже фактически, обособленнаго отъ народа;

3) Въ третьемъ—императорскомъ—періодѣ Петръ Великій, собирая повсюду разсыпанныя храмины, и связывая ихъ въ однородныя общественныя группы, помѣщиковъ и вотчинниковъ—царскихъ чиновныхъ людей—соединяетъ въ одну общественную группу—въ *шляхетство*, видоизмѣняя его обязательную службу. Петръ III отмѣняетъ обязательную службу дворянства, оставляя за нимъ *благородство* и *привиллегіи*. Благородство и привиллегіи дворянства окончательно развиваются законодательствомъ Екатерины II, которая жалованой грамотой 1785 г. организуетъ изъ него *мѣстныя общества*, имѣющія преобладающее участіе въ мѣстномъ судѣ и управленіи (см. Историч. письма Соловьева. П. Р. В. 1858 г.).

Такимъ образомъ, мы не произвольно намѣтили время *отъ начала 18 вѣка до отмѣны крѣпостнаго права* въ исторіи нашего дворянства: мы выбрали, какъ намъ казалось, замкнутый самостоятельный періодъ, обозначившійся самымъ ходомъ историческаго развитія изслѣдуемаго нами сословія. Мы выбрали то именно время, когда на Руси появилось *дворянство, какъ сословіе*, отчасти въ смыслѣ сословія феодальнаго образованія западной Европы; когда опредѣлились закономъ личныя

и корпоративныя права его; когда дворянство, какъ выражалась Екатерина II, всегда того добивавшаяся, начало *чувствовать себя*, какъ замкнутое сословіе, какъ *людей благородныхъ*, въ отличіе *отъ подлыхъ*; когда, наконецъ, изъ среды самаго дворянства окончательно выдѣлилась *аристократія*, противоположившая себя, не только простому народу, но и рядовому—*подлому дворянству*.

Изслѣдуя этотъ періодъ въ историческомъ развитіи нашего дворянства, можно бы разбить его на двѣ поры: въ первой порѣ еще не вырабатываются личныя и корпоративныя права дворянства, еще только зарождается его сословная, аристократическая точка зрѣнія на себя. Въ этой порѣ дворянство еще находится въ прежнемъ *крѣпостномъ отношеніи* къ государству—несетъ обязательную службу, подлежитъ обязательному обученію, отбываетъ разные другіе наряды—переселяется, напримѣръ, по приказу правительства изъ деревень въ столицу, и волей-неволей строитъ палаты на теперешней англійской набережной или сергіевской улицѣ; не пользуется ни правами поземельной собственности, ни свободой отъ тѣлесныхъ наказаній; не только не имѣетъ участія въ мѣстномъ судѣ и управленіи, но даже специфическая черта сословія — владѣніе крѣпостными людьми—только начинаетъ къ нему пріурочиваться.

Вторая пора въ исторіи дворянства послѣдняго періода начинается съ манифеста 18 февраля 1762 г. и жалованной дворянству грамоты 1785 г. и оканчивается манифестомъ 19 февраля 1861 г. Манифестъ 1762 г. освобождаетъ дворянство отъ обязательной службы и обученія, грамота 1785 г. надѣляетъ личными правами, даетъ сословную организацію, широкое участіе въ мѣстномъ судѣ и управленіи—окончательно формируетъ благородное и привиллегированное сословіе. Эту пору въ исторіи дворянства, окончившуюся упраздненіемъ крѣпостнаго права, можно назвать періодомъ самого широкаго развитія личныхъ правъ дворянства, порабощенія крѣпостныхъ крестьянъ, дворянскаго преобладанія въ мѣстной жизни.

Мы хорошо понимаемъ, что *синхронистическое* изложеніе исторіи дворянства въ одну и другую пору представило бы намъ ту выгоду, что наши обобщенія и характеристики вышли бы полнѣе, изображенія отчетливѣе и законченнѣе: техническая сторона нашего труда много бы отъ того выиграла. Но мы, главнымъ образомъ, преслѣдовали въ своей работѣ другую цѣль: *возможно полный сводъ матеріала*. Для достиженія же этой цѣли намъ казалось болѣе сподручнымъ раздробить предметъ на отдѣльные вопросы, сгруппировать вопросы однородные или болѣе или менѣе соприкасающіеся, изложивъ все содержаніе въ пяти отдѣльныхъ *главахъ*, подраздѣляющихся на *раздѣлы*.

Намъ казалось, что мы обнимемъ существеннѣйшія стороны предмета, если разсмотримъ:

I. Въ *первой главѣ*, распадающейся на *три раздѣла*: 1) какъ образовалось, пріобрѣталось и раздѣлялось наше дворянство, 2) какъ развивалось въ немъ сословное значеніе, идея *благородства* и какъ оно обособлялось отъ другихъ общественныхъ классовъ, 3) какъ въ ряды дворянства русскаго постепенно вводилось дворянство иноплеменное;

II. Во *второй главѣ—изъ 4-хъ раздѣловъ:* 1) какія службы и повинности лежали на дворянствѣ, 2) какъ *состоянія* нашего дворянства имѣютъ своимъ источникомъ *вознагражденіе* его за службу, 3) какое обязательное обученіе лежало на немъ и 4) какъ постепенно созрѣвала идея освобожденія его отъ обязательной службы, какъ она осуществилась и какія оставила послѣдствія;

III. Въ *третьей главѣ*—изъ *6 раздѣловъ*—личныя права дворянства: 1) права и преимущества по службѣ государственной, 2) свободу отъ тѣлесныхъ наказаній, 3) право поземельной собственности и другія имущественныя права, 4) право на торговлю и другія промышленныя операціи, 5) свободу отъ личныхъ податей и рекрутчины и 6) неприкосновенность дворянскаго достоинства—гарантію и освященіе его личныхъ правъ;

IV. Въ *четвертой главѣ*—изъ *пяти раздѣловъ*—крѣпостное право—важнѣйшее право потомственнаго дворянства: 1) кто могъ владѣть крѣпостными людьми, 2) законы, опредѣлявшіе пространство власти помѣщиковъ надъ крестьянами, 3) фактическое положеніе крѣпостныхъ, 4) реакція противъ злоупотребленій владѣльческой власти, 5) развитіе идеи освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ путемъ борьбы аболюціонистовъ съ крѣпостниками;

V. Въ *пятой главѣ*—изъ *пяти раздѣловъ*—развитіе корпоративныхъ правъ дворянства: 1) несуществованіе корпоративныхъ правъ до отмѣны обязательной службы, 2) развитіе потребности въ этихъ корпоративныхъ правахъ, по отмѣнѣ ея, 3) организація дворянскихъ обществъ и ихъ значеніе, 4) уклоненія въ организаціи дворянскихъ обществъ, существовавшія въ Малороссіи и въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, 5) какъ пользовалось дворянство своими корпоративными правами, и чѣмъ въ сущности было его самоуправленіе.

Насъ могутъ упрекнуть во многихъ промахахъ въ *матеріальной* части нашего труда: наше дѣло—дѣло рукъ человѣческихъ; но мы позволяемъ себѣ думать, что въ *формальномъ* отношеніи предметъ обнятъ нами болѣе или менѣе правильно, выдвинуты всѣ существенныя его стороны.

Насъ могутъ упрекнуть также и въ томъ, что, избравши своей задачей обозрѣніе судебъ *собственно-русскаго дворянства*, мы отъ времени до времени приводимъ данныя, относящіяся къ дворянству малороссійскому, польскому или остзейскому. Въ свое оправданіе мы можемъ сказать только то, что по нашему крайнему разумѣнію иноплеменные дворянскіе элементы такъ сильно всегда вліяли на наше дворянство, что введеніе ихъ необходимо для прагматическаго историческаго изслѣдованія судебъ *собственно русскаго* дворянства.

Мы хорошо понимаемъ недостатки нашего труда. Мы иногда сознательно жертвовали нашимъ авторскимъ самолюбіемъ и технической отдѣлкой полнотѣ матеріала. Отсюда иногда: подробностей много, а цѣльности и

обобщеній мало; отсюда иногда—что хуже всего въ ученой работѣ—нѣкоторая сбивчивость и неотчетливость въ изложеніи самыхъ данныхъ. Но повторяемъ: мы далеки отъ претензіи считать нашу работу *прагматическимъ историческимъ изслѣдованіемъ.* Еще дальше, наши выводы и заключенія, группировку данныхъ считать безапеляціонными, такъ какъ инстанціямъ человѣческаго разумѣнія нѣсть числа. Мы только *сводили* матеріалъ, мы только писали *пріуготовительные этюды.*

Мы хотѣли выдвинуть вопросъ о *русскомъ дворянствѣ,* считая его капитальнѣйшимъ въ судьбахъ нашего общественнаго строя, а поэтому и достойнѣйшимъ предметомъ для изслѣдователя; сами же хотѣли сдѣлать *хоть что-нибудь* для его разъясненія, понимая, что въ экономіи науки всякій честный трудъ не пропадаетъ даромъ. Мы хотѣли бы, чтобъ съ такой же точки зрѣнія обсуждали нашу книгу и тѣ критики, которые удостоятъ ее своимъ вниманіемъ. Что же касается лично насъ, то, по совѣсти говоримъ, наше нравственное чувство будетъ болѣе всего удовлетворено, если нашъ трудъ найдутъ *добросовѣстной* попыткой *русскаго человѣка* содѣйствовать разъясненію вопросовъ *родной русской жизни.* По совѣсти говоримъ, мы будемъ цѣнить это превыше всѣхъ пріятностей для авторскаго самолюбія — всѣхъ похвалъ ученымъ достоинствамъ нашей книги, на которыя она не претендуетъ.

С.-Петербургъ.
10 іюля 1870 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Царскіе чиновные люди.—Ихъ раздробленіе.—Образованіе изъ нихъ сословія.—Наименованія новаго сословія: шляхетство и дворянство.—Анализъ обоихъ терминовъ, и замѣненіе перваго вторымъ.—Остатки прежнихъ чиновъ, ихъ постепенное вымираніе.—Отношеніе табели о рангахъ къ прежнимъ чинамъ.—Основное начало новыхъ чиновъ, въ отличіе отъ прежнихъ.—Когда впервые появляются новые чины.—Мѣстничество и его слѣды.—Случайные люди.—Попреки ихъ другу другу низкимъ происхожденіемъ.—Указъ 1719 г. о пресѣченіи мѣстничества и порядкѣ старшинства между членами коллегій.—Табель о рангахъ.—Первоначальная ея идея и измѣненія.—Внѣшняя исторія табели.—Табель даетъ перевѣсъ чину предъ сословіемъ и породой, чиномъ обусловливаетъ внѣшніе знаки почестей, порождаетъ чиновный point d'honneur.—Гоньба шляхетства за чинами.—Раболѣпство предъ сановниками.—Чинъ даетъ права дворянства:—потомственнаго и личнаго.—Характеристика личнаго дворянства и способы пріобрѣтенія имъ дворянства потомственнаго.—Вслѣдствіе табели дворянство сливается съ офицерствомъ и бюрократіей.—Размноженіемъ дворянства разбавляется аристократическая кровь его.—Стремленіе отдѣлить дворянство отъ офицерства и бюрократіи повышеніемъ чина, дающаго права дворянства.—Пожалованіе дворянства.—Пріобрѣтеніе его орденомъ, именитымъ гражданствомъ и султанствомъ у сибирскихъ киргизовъ.—Принятіе иностранцевъ въ русское дворянство.—Гербы.—Титулы.—Сіятельство и свѣтлость.—Искательство титуловъ.—Поддѣлка ихъ дворянствомъ остзейскимъ.—Родословныя книги—Бархатная книга и книга 1761 г.—Губернскія дворянскія родословныя книги.—Раздѣленіе ихъ на 6 частей.—Причины и значеніе этого раздѣленія.—Дворянство 6 части.—Преобразованіе разряда въ должность герольдмейстера, а герольдмейстера въ департаментъ герольдіи.—Списки дворянамъ.—Затрудненія въ разрѣшеніи сомнѣній о принадлежности къ дворянству.—Контроль надъ дворянскими депутатскими собраніями.—Поддѣлка документовъ на дворянство въ Грузіи и западныхъ губерніяхъ.

II. Развитіе сословности въ дворянствѣ: дворянскій point d'honneur, сознаніе общности интереса, значенія и важности сословія.—Заявленія шляхетства въ 1730 и 1767 годахъ.—Стремленія родоваго дворянства отдѣлиться отъ чиновнаго.—Депутаты 1767 г. заявляютъ о томъ, чтобы отмѣнено было право чиномъ получать дворянство.—Дворянство продолжаетъ пріобрѣтаться чиномъ, а вслѣдствіе того оно

размножается и бѣднѣетъ.—Бѣдность мелкаго дворянства.—Усиленіе раздвоенія.—Образованіе аристократіи.—Взглядъ мелкаго дворянства на знатное.—Знатнаго на мелкое.—Развитіе идеи о благородствѣ дворянства и подлости другихъ общественныхъ классовъ.—Стремленіе дворянства обособиться отъ народа.—Насмѣшки сатирическихъ журналовъ надъ феодальными воззрѣніями дворянства.—Употребленіе иноземныхъ языковъ дворянствомъ.—Шляхетство воспитывается у иностранныхъ боннъ и дядекъ, гувернантокъ и гувернеровъ.—Дворянскія учебныя заведенія.

III. Распространеніе на иноплеменное дворянство правъ русскаго дворянства.—Высокоблагородное рыцарство остзейское.—Панство польское.—Малороссійская старшина и образованіе изъ нея шляхетства, присоединеннаго къ русскому дворянству.—Образованіе дворянства изъ выборныхъ чиновъ различныхъ казачьихъ войскъ.—Князья и мурзы татарскаго происхожденія.—Князья и дворяне Грузіи.—Бояре, бояринаши и мазылы бессарабскіе.

I. До Петра Великаго, или, лучше сказать, до преобразовательной его дѣятельности вначалѣ 18 вѣка, у насъ не существовало *дворянство*, въ смыслѣ отдѣльнаго сословія—общественной группы, члены которой связаны сознаніемъ единства общесословнаго интереса, надѣлены особыми правами въ отличіе отъ другихъ общественныхъ классовъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ общественномъ строѣ допетровской Руси существовало полное фактическое равенство между членами общества. Равенства не было, но не было и привиллегированнаго сословія. Были только *царскіе чиновные люди*. Они образовались изъ прежнихъ дружинъ княжескихъ, рекрутировавшихся выходцами всѣхъ странъ, изъ потомства медіатизированныхъ князей Рюриковичей (кн. Одоевскіе, Горчаковы, Барятинскіе и др.) и пришлыхъ Гедиминовичей (Голицыны, Куракины, Трубецкіе и др.). Царскіе чиновные люди въ 16 и 17 столѣтіяхъ были надѣлены землями, сдѣланы помѣщиками, владѣльцами крѣпостныхъ крестьянъ. На нихъ наложена была общая повинность—обязательная служба государству, но *честь* каждаго изъ нихъ была различна, и коренилась не въ принадлежности къ одному и тому же сословію, но въ породѣ, въ *отчествѣ*. Поэтому, не

смотря на общность повинности—обязательной службы государству, на общность интереса—владѣнія крѣпостными крестьянами, царскіе чиновные люди не составляли единаго сословія, но существовали въ своемъ чиновномъ раздробленіи: бояринъ не имѣлъ ничего общаго съ окольничимъ, а тѣмъ болѣе съ меньшими чинами, окольничій съ думнымъ дворяниномъ, дворянинъ съ сыномъ боярскимъ и т. д. [1]).

Собирая повсюду разсыпанныя храмины и составляя изъ нихъ общественныя группы, Петръ Великій собираетъ въ одно цѣлое и царскихъ чиновныхъ людей. По отношенію къ нимъ онъ дѣлалъ то же самое, что и по отношенію къ городскимъ обывателямъ—купцамъ и ремесленникамъ. Сложивъ общественную группу, онъ давалъ ей иноземную организацію, окрещивалъ ее иноземнымъ терминомъ. Такъ городскіе обыватели раздѣлились на гильдіи, ремесленники на цунфты. Иноземные образцы были приложены и къ общественной группѣ. сложившейся изъ царскихъ чиновныхъ людей. Для наименованія возникающаго новаго сословія не нашлось русскаго слова, точно также, какъ не нашлось русскаго слова для гильдій, цунфтовъ, ибо не существовало самыхъ понятій, словомъ этимъ выражаемыхъ.

Сословіе, образованное Петромъ Великимъ изъ царскихъ чиновныхъ людей, названо польско-нѣмецкимъ словомъ, заимствованнымъ родственнымъ намъ племенемъ изъ Германіи—*шляхетствомъ* (Geschlecht—Шайноха: Schlag, schlagen, Напротивъ Лелевель слово шляхтичъ производитъ отъ z—lechcic—ex Lechita progenitus). Такъ и называется нашъ высшій классъ въ первую половину 18 вѣка. Сначала, какъ видно изъ указовъ Петра Великаго, наименованіе шляхетствомъ примѣняется исключительно къ рядовымъ чиновнымъ людямъ—дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, а о *царедворцахъ*—вѣроятно, прежнихъ *думцахъ*—говорится отдѣльно: такъ напримѣръ указъ 1713 г. о сборѣ со всего государства рекрутъ прямо противополагаетъ *вышнихъ чиновъ* шляхетству (№ 2.650); указъ предшествовавшаго года отличаетъ *царедворцевъ* отъ другихъ чиновъ (№ 2.593). Но

мало по малу слово *шляхетство*, которое въ Полномъ Собраніи впервые встрѣчается въ 1712 г. (№ 2.467), распространяется на все сословіе, и послѣ 1713 г. высшіе чины и царедворцы не поименовываются отдѣльно. Названіе цѣлаго сословія *дворянствомъ* устанавливается уже во второй половинѣ 18 столѣтія, преимущественно послѣ манифеста 1762 г. и коммисіи 1767 г., и освящается жалованной дворянству грамотой [2]). Это послѣднее наименованіе во всякомъ случаѣ болѣе подходило къ историческимъ особенностямъ въ образованіи нашего дворянства. Западно-европейскіе термины: nobility noblesse, Adel, шляхетство указываютъ совершенно на другой источникъ высшаго класса—породу, кровь. Отечественный же терминъ *дворянство*, *дворянинъ* прекрасно резюмируютъ прошлую исторію нашего высшаго класса—оно образовалось изъ *дворни*, придворныхъ чиновъ княжескихъ и царскихъ. Даже дворовые люди намѣстниковъ назывались иногда дворянами (Сергѣевичъ Вѣче и Князь 354 пр. 8) хотя принадлежали къ рабамъ. Въ Малороссіи дворня старшинъ и шляхетства называлась *дворянами* даже въ 18 столѣтіи [3]).

Отроки и *дѣтскіе*, непосредственно окружавшіе князя и помѣщавшіеся въ его *гридницѣ*, именовались *гридями*. Впослѣдствіи они называются *дворными людьми*, *дворными слугами*. Отсюда терминъ *дворянинъ*, встрѣчающійся впервые въ Суздальской лѣтописи подъ 1175 г., и впослѣдствіи распространившійся на все сословіе (Сергѣевичъ: Вѣче и Князь, стр. 354). Но въ Московскомъ періодѣ *дворянинъ* означалъ чинъ, и притомъ низшій. Для чести боярина или окольничаго была бы „потерка", еслибъ ихъ назвали дворянами. Между прочимъ, можетъ быть и потому Петръ Великій позаимствовалъ польско-нѣмецкое слово для наименованія цѣлаго сословія, въ ряды котораго вошли и высокіе чины. И уже впослѣдствіи, когда изгладилось изъ памяти, что *дворянство* означало одну изъ невысокихъ чиновныхъ степеней, это слово возраждается, распространяясь на все сословіе. Но есть слова, употребленіе которыхъ не проходитъ безслѣдно, такъ какъ съ ними

связывается рѣзкое опредѣленное понятіе. Таково было и слово *шляхетство* для нашихъ высшихъ общественныхъ классовъ: употребляя это наименованіе, они усвоили себѣ и внутренній смыслъ его, развившійся на феодальной почвѣ западной Европы и чуждый нашимъ національнымъ традиціямъ. Царскіе чиновные люди перешли въ шляхетство русскими людьми, но изъ шляхетства въ дворянство они вышли почти что иноземцами по крайней мѣрѣ по своимъ воззрѣніямъ, по своему отношенію къ родной землѣ, которой даже благозвучный говоръ имъ сталъ не милъ.

Мы видѣли, какъ царскіе чиновные люди по указаніямъ Петра Великаго слились въ одно сословіе—*шляхетство*. Исторіографъ Миллеръ удивляется, „что таковая не маловажная перемѣна съ великимъ по всей Россіи единомысліемъ учинилась, безъ особливаго о томъ указа, безъ обнародованнаго отъ верховныхъ судебныхъ мѣстъ опредѣленія. И только де извѣстно, что перемѣна сія послѣдовала по возвращеніи государя изъ перваго его въ чужіе края путешествія“ (Голикова: Доп. къ дѣяніямъ Петра Великаго, Т. III. стр. 229, Историческія письма Соловьева. П. Р. В. 1858 г.).

Общаго законоположенія объ этомъ преобразованіи мы дѣйствительно не встрѣчаемъ ни при Петрѣ, ни при его преемникахъ, пожалуй что до самой грамоты 1785 г., которую можно назвать первою конституціонною хартіею дворянства, впервые формулировавшею самую суть этого сословія. Образованіе шляхетства изъ старыхъ царскихъ чиновныхъ людей, къ которымъ впослѣдствіи присоединились и императорскіе чиновные люди—дѣти табели о рангахъ, возникало само собою, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда частныхъ мѣръ и повинностей, общихъ для всего сословія. Къ этому присоединились условія бытовыя: отличный отъ народа внѣшній видъ—нѣмецкій кафтанъ, бритая борода, и болѣе и болѣе обозначавшееся отличіе въ образѣ жизни, въ привычкахъ, болѣе утонченныхъ (Петръ Великій между прочимъ училъ свое шляхетство: „неразувся съ сапогами или башмаками не ложится на постели“ Р. Арх. г. 1-й). Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ

условій въ шляхетствѣ начинаетъ развиваться духъ сословновной замкнутости; оно начинаетъ проникаться сознаніемъ единства общесословнаго интереса, связывающаго его членовъ, начинаетъ чувствовать потребность въ корпоративной организаціи. Все это назрѣваетъ мало-по-малу втеченіе 18 в., а особенно послѣ освобожденія отъ обязательной службы въ 1762 г., и съ особенной ясностію выражается въ депутатскихъ наказахъ и заявленіяхъ депутатовъ коммисіи 1767 года.

А между прочимъ, старые царскіе чины—живой слѣдъ прежней раздробленности служилаго класса—вымираютъ, перемѣшиваясь съ чинами новыми, на табели о рангахъ основанными.

Въ малолѣтство Петра Великаго бояръ было 51, еще въ 1705 г.—23 человѣка. Между послѣдними, какъ представители исчезающаго чиновнаго порядка и зарождающагося новаго *бояре—графы*: Шереметевъ, Головинъ, Мусинъ-Пушкинъ (Голикова Дополненіе Т. III стр. 337, Др. Росс. Вивліоѳика Т. XX 131. Устрялова Исторія Петра Великаго Т. IV). Первыми губернаторами назначены бояре и ближніе стольники: въ Москву—бояр. Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, въ Кіевъ—ближ. ст. кн. Дм. Мих. Голицынъ, знаменитый дѣятель 1730 г., въ Смоленскъ—бояр. Салтыковъ, въ Архангельскъ—бл. стольникъ кн. П. А. Голицынъ, въ Казань—бояр. П. М. Апраксинъ (Соловьева: Исторія Россіи, Т. XVI стр. 43). Въ спискѣ лицъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ 3 февр. 1718 г., между прочими старыми чинами, упоминаются 6 бояръ (Чтенія кн. 3. 1861). Послѣдній представитель боярскаго чина кн. Ив. Юр. Трубецкой скончался въ 1750 г., а съ нимъ погребенъ и самый чинъ (кн. Долгорукова: Росс. Родосл. книга, ч. 1 стр. 321).

Окольничихъ въ 1691 г. было 61 человѣкъ, въ 1705 г. ихъ было 18, въ совѣтѣ 3 Февраля 1718 г. засѣдало 4 окольничихъ. Хотя Петръ, какъ увидимъ ниже, перестал производить въ старые чины въ концѣ 17 ст., но въ 1711 г. въ Эльбингѣ онъ произвелъ изъ стольниковъ въ окольничіе Алексѣя Александр. Юшкова, съ которымъ пресѣкся и самый этотъ чинъ. Впрочемъ,

еще въ 20 годахъ 18 ст. кн. Щербатовъ, завѣдывавшій ямскимъ приказомъ, носилъ чинъ окольничаго (Голиково: дополненіе, Т. III. стр. 229. Вивліоѳ. Т. XX 196. Чтенія кн. 3 1861 г. П. С.№ 3.488, 3.544).

Думныхъ дворянъ въ 1705 г. встрѣчаемъ 15, повѣстка о собраніи въ засѣданіе совѣта на 5 февраля 1718 г. приглашаетъ и думныхъ дворянъ (Голикова Дополн. Т. III. стр. 294, Вивліоѳ. Т. XX. стр. 147. Чтенія кн. 3-я на 1861).

Въ 1686 г. *комнатныхъ стольниковъ* было: при дворѣ Ивана Алексѣевича 74, Петра Алексѣевича 69, вдовствующей царицы Марьи Матвѣевны 317 (по другимъ 154), при царицѣ Евдокіѣ Ѳедоровнѣ 20. Да кромѣ комнатныхъ, общихъ обоимъ государямъ стольниковъ было 2724, да служащихъ въ полковникахъ и въ начальныхъ людяхъ 133, да изъ смоленской шляхты пожалованныхъ въ стольничій чинъ было 59. Въ 1702 г. въ полку окольничаго и воеводы кн. Шаховскаго находился есауломъ стольникъ кн. Григорій Яковлевичъ Вяземской (Голиковъ 16. 271, Вивліоѳ. 16.221). Въ П. С. въ 1712 г. упоминаются стольники комнатные и просто стольники (№ 2.467). Между первыми губернаторами, какъ мы видѣли, въ чинѣ ближняго стольника были губернаторы кіевскій и архангелогородскій. Екатерина 1 кн. Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго въ 1725 г. пожаловала изъ ближнихъ стольниковъ въ дѣйствительные тайные совѣтники (Бантышъ-Каменскаго Словарь достоп. людей). Въ указѣ 1726 г. объ отправленіи въ 21 провинцію воеводъ изъ сената, назначены изъ стольниковъ: въ Углицкую провинцію—Иванъ Ножинъ, Переяславскую—Борисъ Нероновъ, Калужскую—Бестужевъ-Рюминъ; въ томъ же указѣ мы встрѣчаемся и съ комнатнымъ стольникомъ кн. Сем. Козловскимъ (П. С. № 5.029). Дядя Анны Іоановны В. Ѳ. Салтыковъ оставался стольникомъ по 730 г., предпочитая этотъ чинъ новымъ чинамъ (Бантышъ-Каменскаго Словарь). Одинъ изъ предковъ артиллеріи майора Данилова, какъ видно изъ его записокъ, скончался стольникомъ въ 1736 (стр. 11). Послѣдняго представителя этого чина, въ лицѣ стольника

Артемія Ивановича Челищева, мы встрѣчаемъ еще въ 1740 г. (П. С. № 8.127), а въ смоленскомъ шляхетствѣ стольники были даже въ 1756 г. (П. С. № 10.137).

Стряпчихъ по списку 1686 г. было 1893, сверхъ 163, отбывавшихъ военную службу. Стряпчихъ съ ключемъ мы встрѣчаемъ въ 1703 г.: Сумароковъ и Плохой, переименованные въ камергеры (Голикова Ib. стр. 264). Указъ 1727 г. о распредѣленіи воеводъ по провинціямъ назначаетъ изъ стряпчихъ: на Волоколамскъ—Ив. Вас. Козлова, въ Можайскъ—Гр. Никит. Чаплина, переименованнаго въ майорскій чинъ (П. С. № 5.058). Еще въ 1739 г. мы встрѣчаемъ стряпчаго Ивана Дубровскаго (П. С. № 7.864).

Думныхъ дьяковъ по списку 1686 г. было 9, а въ 1705 г. 6, изъ числа которыхъ Украинцовъ въ 1700 г. былъ переименованъ въ думные совѣтники (Голиковъ 16. стр. 289, 29.).

Списокъ 1686 г. различаетъ *московскихъ дворянъ*, число которыхъ въ немъ 1893, отъ *городовыхъ*. Различіе это встрѣчается не только при Петрѣ, но прорывается иногда и при Аннѣ Іоановнѣ, какъ можно видѣть изъ указа 1740 г., упоминающаго о городовыхъ дворянахъ (П. С. № 6.215).

Какое количество *жильцовъ* было вначалѣ царствованія Петра Великаго, видно изъ II вѣдомости, помѣщенной г. Устряловымъ въ IV прил. къ IV Т. Исторіи царствованія Петра Великаго [4]). Вскорѣ жилецкій чинъ былъ отмѣненъ. Но и по отмѣнѣ его, въ спискѣ 1711 г. ихъ стояло еще 300 человѣкъ. Встрѣчаются жильцы и впослѣдствіи: отъ Бѣлогородской губ. въ коммисію уложенія 1730 г. былъ посланъ жилецъ Ѳедоръ Лутовиновъ (П. С. № 5.654), а въ Болховецъ еще въ 1731 воеводой былъ опредѣленъ жилецъ Андрей Авдѣевъ (П. С. № 6.036).

Такимъ образомъ, старые чины продолжаютъ существовать не только во все продолженіе царствованія Петра Великаго, но и при первыхъ его преемникахъ — почти-что до второй половины прошлаго столѣтія. Табель о рангахъ этихъ чиновъ не упразднила, не переимено-

вала ихъ въ новые классы, а оставила ихъ доживать свой вѣкъ. Когда сенатъ разсматривалъ эту табель о рангахъ, онъ представилъ государю слѣдующее донесеніе: „понеже еще остались въ древнихъ чинѣхъ нѣкоторыя персоны, а именно: бояре, кравчіе, окольничіе, думные дворяне, стольники, спальники и прочіе чины, того ради предлагается не изволитъ ли его царское величество онымъ по ихъ животъ опредѣлить противъ другихъ рангами, ибо въ Россіи изъ тѣхъ чиновъ нынѣ опредѣлены и впредь опредѣляемы быть имѣютъ въ губернаторы, въ воеводы, и ежели ранги имъ будутъ не опредѣлены, то отъ подчиненныхъ имъ будетъ не безъ противности“. Предложеніе сената не было уважено: табель о рангахъ игнорировала древніе чины (Пекарскаго Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ,. Т. I. стр. 567).

И дѣло понятное! Табель о рангахъ построена была на совершенно новыхъ началахъ іерархическаго повышенія чиновниковъ—на началахъ служебной годности, а повышеніе царскихъ чиновныхъ людей до Петра, даже по уничтоженіи мѣстничества, главнымъ образомъ основывалось на породѣ. Табель о рангахъ, примѣняя къ ней выраженіе Морошкина, ввела въ службу государственную начало личнаго *дородства*, въ отмѣну издревле господствовавшаго въ русскихъ обычаяхъ и законахъ начала *отчества*,

Но еще до изданія табели, Петръ Великій прекращаетъ возведеніе въ прежніе чины: въ 1695 г. повелѣно въ стольники, въ стряпчіе и въ дворяне не возводить; въ 1701 и 1703 г. повелѣно болѣе въ житье не писать, а оставшимися жильцами и *дѣтьми боярскими*, о которыхъ еще упоминаютъ указы начала 18 вѣка (напр. указъ 1706 г. № 2.111), комплектовать гвардейскіе полки (Голикова Дополн. Т. III стр. 261; Устрялова Исторія царствованія Петра Великаго Т. IV примѣч. IV).— Пожалованіе честью боярства Петра Апраксина въ 1709 г., возведеніе въ окольничіе Юшкова въ 1711 г.—послѣдніе примѣры пожалованія старыхъ чиновъ.—Царь самъ

проходилъ чины — но не боярина, не окольничаго, а сержанта, бомбардира и капитана; другъ царя А. Д. Меншиковъ, подобно другимъ птенцамъ Петра Великаго, также не подымался по лѣстницѣ старыхъ чиновъ, а получалъ чины новые, европейскіе. Эти новые чины начинаютъ входить въ употребленіе еще до табели о рангахъ. Мы говоримъ не о военныхъ чинахъ — генерала, бригадира, оберъ-офицерскихъ—которые появляются съ первыхъ лѣтъ прошлаго столѣтія, но о чинахъ, пріуроченныхъ табелью къ должностямъ гражданскимъ. Послѣ Полтавы кн. Гр. Долгорукій жалуется чиномъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника, бояр. Мусинъ-Пушкинъ — тайнаго совѣтника (Соловьева Исторія Россіи, Т. XV стр. 380); Владиславичъ - Рагузинскій въ 1710 г. производится въ чинъ надворнаго совѣтника (Б.-Каменскаго Словарь, Т. I); гр. Ѳед. Матв. Апраксинъ былъ въ 1711 г. генералъ-губернаторомъ азовскимъ и тайнымъ совѣтникомъ (П. С. № 2.334); въ спискѣ лицъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ 3 февраля 1718 г., наряду съ боярами, окольничими, генералъ-майорами и бригадирами, мы встрѣчаемъ и тайныхъ совѣтниковъ (Чтенія кн. 3-я, 1861 г.). Высшія сословія уже начинаютъ поддаваться обаянію новыхъ чиновъ и иноземныхъ титуловъ — уже начинаетъ зараждаться то настроеніе общества, которое одинъ иностранный наблюдатель такъ хорошо обрисовалъ словами „въ Россіи нѣтъ джентльменовъ, но есть майоры, капитаны, асессоры и регистраторы". Петръ Матв. Апраксинъ, пожалованный въ 1709 г. честью боярства, просилъ государя въ 1715 г. о „наданіи" ему графства и чина тайнаго совѣтника (Р. Арх. годъ 1-й стр. 335). Впрочемъ, наряду съ увлеченіемъ новинкой, мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ представителяхъ высшаго класса стойкую привязанность къ традиціи—привязанность къ старому чину, нежеланіе промѣнять его на новый: Вас. Ѳед. Салтыковъ оставался, какъ мы видѣли, въ чинѣ стольника до 1730 г., предпочитая его чинамъ, установленнымъ Петромъ Великимъ.

Старые чины, скажемъ еще разъ, не были офиціально отмѣнены никакимъ указомъ, по крайней мѣрѣ таковаго

мы въ памятникахъ не встрѣчаемъ. Они начинають вымирать сами собою, параллельно съ зарожденіемъ и развитіемъ новыхъ. Окончательное же упраздненіе ихъ находится въ связи съ уничтоженіемъ разряда, вѣдавшаго прежнихъ чиновныхъ людей, и учрежденіемъ въ 1711 г. сената, который уполномоченъ былъ сказывать новые чины. Какіе же были эти чины и чѣмъ они отличались отъ прежнихъ? Для разрѣшенія этого вопроса—нѣсколько словъ о *мѣстничествѣ*.

Въ допетровской Россіи опредѣленіе къ должностямъ обусловливалось *породой* лица. Отъ породы зависѣло занятіе того или другаго *мѣста*, должности. Отсюда и *мѣстничество*. Оно глубоко было укоренено въ нравы нашего служилаго класса, и господствовало не только въ высшихъ сферахъ, но и въ низшихъ: мѣстничались не только люди ближніе, породистые—бояре, окольничіе, но и люди новые, низшихъ чиновъ — дворяне, дѣти боярскіе. Случалось, что послѣдніе били челомъ государю, что съ такимъ де служить не *вмѣстно*, что ему-де и послѣдній дворянинъ *въ версту*. Не смотря на отсутствіе сословной замкнутости, городовые дворяне и дѣти боярскіе иногда неохотно впускали въ свою среду человѣка низшей породы. (Примѣры см. въ Исторіи Россіи Соловьева, Т. IX). Впрочемъ, самое это мѣстничество можетъ быть и вліяло на то, что у насъ не могла развиться аристократія въ смыслѣ сословія, всегда опирающаяся на начало *пэрства*—равенства ея членовъ.

Правда, и вовремя мѣстничества иногда случалось, что выдвигались впередъ люди незнатной породы, но милые царю—особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича: Ртищевъ, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ-дьячій сынъ, достигшій боярства. Но это только случалось, и во всякомъ случаѣ было явленіемъ рѣдкимъ, нарушающимъ исконные порядки, оскорбляющимъ знатную породу. Думцы царя, столбы государства выходили большей частію изъ однѣхъ и тѣхъ же фамилій, — это постоянно были Воротынскіе, Мстиславскіе, Голицыны и т. п. Даже по уничтоженіи мѣстничества, вконцѣ 17 вѣка, когда нельзя было явно мѣстничаться, служилые

люди уклонялись отъ *невмѣстныхъ* по ихъ разсчетамъ назначеній. (Одинъ изъ примѣровъ, приводимыхъ пр. Соловьевымъ въ XIV Т. его Исторіи, относится къ 1686 г.). „Мѣстничество было уничтожено", говоритъ кн. Щербатовъ, „но порядокъ не заведенъ, ибо въ бояре и въ окольничіе производились попрежнему, по знатности родовъ, а не по заслугамъ, яко свидѣтельствуютъ многія родословныя, что изъ стольниковъ жаловали прямо въ бояре, и многіе младые люди великіе чины имѣли, яко кн. Ив. Юр. Трубецкой (послѣдній бояринъ) менѣе 20 лѣтъ бояриномъ былъ, а симъ и поручались важнѣйшія дѣла государства". (Состояніе Россіи до Петра Великаго: Чтенія, кн. I 1860 г.). Петръ Великій, напротивъ, бралъ для себя людей, не считаясь ни съ ихъ породою, ни даже съ національностію — бралъ единственно за ихъ служебную годность. И кого только мы не найдемъ между его птенцами? Какъ миѳическія дружины нашихъ князей-витязей рекрутировались силачами и богатырями всѣхъ званій и странъ—и колбягами, и варягами, и Алешами Поповичами—такъ и дружина Петра Великаго заключала въ своихъ рядахъ силачей и богатырей умственной силы и энергіи изъ всѣхъ званій и народностей. Не говоря о знаменитомъ пирожникѣ—Александрѣ Меншиковѣ, правой рукѣ великаго преобразователя, большая часть птенцовъ Петра Великаго были люди не породы, но таланта: бар. Шафировъ—происхожденіемъ еврей, гр. Ягужинскій, первый генералъ-прокуроръ —сынъ кистера лютеранской церкви, гр. Девіеръ, первый генералъ-полиціймейстеръ—португальскій мальчишка, прислуживавшій на одномъ купеческомъ кораблѣ и м. др. (Р. Архивъ, г. 3-й). Многія теперешнія аристократическія фамиліи—сливки нашего дворянства—ведутъ свою генеалогію отъ такихъ случайныхъ людей—то таланта, то фортуны и интриги—которые наполняютъ собою страницы 18 вѣка. Екатерина II сравнивала въ разговорѣ съ Храповицкимъ свой придворный штатъ со штатомъ Елизаветы Петровны, когда „Разумовскій былъ изъ пѣвчихъ, Сиверсъ изъ лакеевъ" (З. Храповицкаго: Чтенія, 1862). Екатерина II, дворянка

въ душѣ, которая хвалила своихъ подданныхъ выраженіемъ онъ *изъ дворянъ* [5])—Екатерина II, любившая дѣйствительно окружать себя людьми *благородными*, невсегда находила между ними людей даровитыхъ, и должна была волей-неволей выдвигать на первые посты въ государствѣ плебеевъ: тотъ же „Сиверсъ изъ лакеевъ" былъ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ ея лицъ и однимъ изъ лучшихъ ея намѣстниковъ, Григ. Никол. Тепловъ, сынъ истопника псковскаго архіерейскаго дома, откуда онъ получилъ и свою фомилію—однимъ изъ первыхъ дѣльцевъ великой государыни (Осмн. вѣкъ, кн. 2-я), цѣлая плеяда малороссовъ—Безбородько, Завадовскій, Трощинскій, хотя и не могли блистать своей генеалогіей, но были лучшими государственными людьми екатерининскаго времени. Осмнадцатымъ вѣкомъ едва ли кончилась пора случайныхъ людей. Ряды высшей бюрократіи 19 столѣтія не всегда также украшались людьми аристократической породы: Сперанскій, Канкринъ, Вронченко и др. карьерой своей были обязаны своимъ замѣчательнымъ талантамъ. Еще болѣе выдвигалъ даровитыхъ плебеевъ геніальный Петръ, бравшій своихъ прибыльщиковъ и фискаловъ даже изъ крѣпостныхъ [6]). Но плебеи, войдя чрезъ чины въ шляхтство, усвоивали также чванство породой, и многіе изъ нихъ изобрѣтали генеалогіи [7]), а другъ друга попрекали *низкимъ* происхожденіемъ, и это было не только вконцѣ 17 столѣтія, когда въ домѣ боярина П. Шереметева происходила частная ссора между бояриномъ Шеинымъ и кн. Ромодановскимъ, попрекавшими другъ друга низкимъ происхожденіемъ: кн. Ромодановскій, величая себя московскимъ княземъ, называлъ Шеина измѣнничьимъ внукомъ поносилъ и отца его Семена Ивановича и мать боярыню Авдотью Ивановну, *урожденную кн. Черкасскую*, а Шеинъ билъ палкой кн. Ромодановскаго, называя его *малопороднымъ человѣкомъ*, *худымъ князишкой* (П. С. № 1.460). Это повторялось и къ концу царствованія Петра Великаго, и между людьми далеко не въ *версту* боярину Шеину и кн. Ромодановскому. Замѣчательный примѣръ этого рода представляетъ ссора между сена-

торомъ барономъ Шафировымъ и оберъ-прокуроромъ сената Скорняковымъ-Писаревымъ, происшедшая въ 1722 году. Дѣло шло о выдачѣ брату барона, Михаилу Шафирову, за 6 мѣсяцевъ проведенныхъ имъ въ отпуску, жалованья—по иноземческому окладу. „Михаилъ Шафировъ" говорилъ оберъ-прокуроръ сената, „не иноземецъ, но жидовской породы, холопа боярскаго, прозваніемъ Шаюшкин сынъ"... Баронъ отвѣчалъ, „что родитель его безпорочный свой животъ христіански... въ дворянѣхъ московскихъ скончалъ, и не у кого въ кабальномъ холопствѣ не былъ"... Оберъ-прокуроръ сената настаивалъ, что Шафировы жиды, и родственникъ ихъ жидъ, понынѣ живущій въ г. Оршѣ. Тогда Шафировъ въ свою очередь началъ попрекать Скорнякова-Писарева, что онъ происходитъ отъ „площаднаго писаря и скорняка, а отецъ его не имѣлъ крестьянъ и пріучалъ сына пахать землю...." (Пекарскаго Н. и Л. въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Т. I. стр. 210). Неудивительно, что еще въ 1719 г. изданъ указъ о пресѣченіи мѣстничества и о порядкѣ старшинства между членами коллегій, „понеже за мѣста между совѣтниками коллегій предусматривалось быть неудовольству, и отъ того и въ дѣлахъ безсоюзство и многія разности". Указъ повелѣваетъ членамъ коллегій обращаться другъ съ другомъ со всякимъ согласіемъ и надлежащимъ почтеніемъ, а не сваромъ и укоризненнымъ словомъ „понеже именными Его Великаго Государя указы прежде бывшей мѣсто и случаи древнихъ невмѣстностей весьма пресѣчены и до конца искоренены и старые разряды вѣчно оставлены, а вмѣсто того славное безмѣстіе и прочность полезная на дѣла согласная... учреждена", поэтому порядокъ старшинства между членами коллегій долженъ опредѣляться временемъ назначенія каждаго изъ нихъ сенатомъ (П. С. № 3.884) [8]).

Окончательно же упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало годности лица и дать возможность каждому даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни были его родъ и племя, Петру Великому удалось посредствомъ *табели*

о рангахъ всѣхъ чиновъ, обнародованной 24 января 1722 года.

Въ настоящее время эта табель о рангахъ представляется анахронизмомъ, учрежденіемъ отжившимъ свое время, но при своемъ появленіи она внесла новыя животворныя начала въ нашъ государственный строй. По духу своему она была поистинѣ демократическою: лѣстница въ 14 ступенекъ отдѣляла каждаго плебея отъ первыхъ сановниковъ государства, и ничто не возбраняло каждому даровитому человѣку, перешагнувъ эти ступеньки, добраться до первыхъ степеней въ государствѣ; она широко раскрыла двери, чрезъ которыя посредствомъ чина, подлые члены общества могли *облагородиться*, и войдти въ ряды шляхетства. Слѣдствіемъ этого было то, что къ шляхетству постоянно приливали новыя силы изъ народа, и оно не могло, при всемъ своемъ стремленіи, замкнуться въ особую касту. Притомъ, дальнѣйшее законодательство о чинопроизводствѣ, какъ увидимъ ниже, уклонялось отъ первоначальной идеи табели о рангахъ. По идеѣ табели, *ранги*, т. е. чины означали самыя *мѣста*, т. е. должности, помимо которыхъ они не имѣли никакого значенія, какъ внѣшніе почетные титулы. Такимъ образомъ, рангъ обусловливался должностью. Впослѣдствіи чины начинають имѣть самостоятельное значеніе внѣшнихъ почетныхъ титуловъ, независимо отъ должностей: должность начинаетъ обусловливаться рангомъ. Кромѣ того, вполнѣ демократическій характеръ табели нарушился тѣмъ, что для производства въ нѣкоторые чины для дворянства установлены сокращенные сроки. Во всякомъ случаѣ, вліяніе табели на судьбы нашего дворянства огромно. Но прежде, чѣмъ мы оцѣнимъ это вліяніе, скажемъ нѣсколько словъ, слѣдуя г. Пекарскому, о внѣшней исторіи этого основнаго памятника нашего новѣйшаго законодательства.

Есть предположеніе, что ввести табель о рангахъ Петру Великому посовѣтовалъ Лейбницъ, его постоянный совѣтникъ, по мысли котораго были образованы у насъ и коллегіи. Въ окончательной редакціи памят-

ника принимали участіе сенаторы Головкинъ и Брюсъ и генералъ-маіоры Матюшкинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ. Первые же проекты ея, какъ видѣлъ г. Пекарскій изъ кабинетныхъ дѣлъ Петра, писаны его собственною рукою, по образцамъ имѣвшихся у него въ переводѣ росписаній чиновъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ [9]). Табель о рангахъ подписана Петромъ Великимъ въ 1721 г,, съ примѣчаніемъ „сіе не публиковать и не печатать до сентября, дабы еще осмотрѣться". Вмѣстѣ съ табелью въ сенатъ были посланы росписанія чиновъ французскихъ, прусскихъ, шведскихъ и датскихъ. Она разсматривалась въ сенатѣ, въ коллегіяхъ военной и адмиралтействъ, и здѣсь предложены были измѣненія, касавшіяся помѣщенія разныхъ должностей въ высшіе ранги, на основаніи помянутыхъ иностранныхъ росписаній. Такъ напримѣръ, сенатъ писалъ о рангѣ канцлера: „въ регламентахъ о рангахъ во французскомъ, въ датскомъ, въ аглійскомъ, а въ Швеціи изъ сенаторей старшій королевскій совѣтникъ написаны въ первомъ классѣ, того ради мнѣніе наше.... тому чину быть въ первомъ классѣ. Сенатъ, кромѣ того, протестовалъ противъ того пункта табели, гдѣ полагался штафъ за занятіе въ церкви мѣста выше своего ранга (Пекарскаго: Т. I стр. 564. Соловьева: Т. XVIII стр. 141).

Табель о рангахъ легла краеугольнымъ камнемъ нашей государственной службы; вліяніе ея на послѣдующія судьбы нашего дворянства неисчислимо. Какъ ни старалось послѣ нея наше шляхетство замкнуться въ отдѣльное сословіе, какъ ни обособлялось отъ народа, какъ ни усвоивало изящный жаргонъ с. жерменьскаго фобурга, бюрократическое начало табели побивало аристократическое начало, такъ непослѣдовательно прививаемое къ нашему шляхетству правительствомъ и съ такою жадностію усвоиваемое высшими классами. Табель о рангахъ водворила въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ перевѣсъ *чина* надъ *породой*, обусловила чиномъ внѣшніе знаки почестей и отличій. Въ законодательствѣ Петра рѣдко-рѣдко прорывается уваженіе къ знатной породѣ [10]), которая опредѣляла бы внѣшнее

положеніе человѣка въ обществѣ. Напротивъ, еще до табели о рангахъ, въ 1712 г., Петръ повелѣлъ „сказать всему шляхетству, чтобъ каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ (какой бы фамиліи не былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру, и службу почитать и писаться токмо офицерамъ, а шляхетству (которые не въ офицерахъ) токмо то писать, куда развѣ посланы будутъ; а ежели кто противъ сего не почтитъ офицера, положить штрафъ, треть его жалованья“ (№ 2.467 §. 23). Табель окончательно опредѣляетъ соціальное преимущество чина предъ породой: мѣста при богослуженіяхъ и придворныхъ церемоніяхъ обусловливаются рангами, а кто займетъ мѣсто выше своего ранга, или уступитъ его лицу ниже рангомъ—тотъ платитъ штрафъ—2 мѣсяца жалованья. Рангъ мужей распространяется на ихъ женъ; дѣвицы, которыхъ отцы выше рангомъ преимуществуютъ предъ дамами, которыхъ мужья ниже рангомъ. Рангомъ опредѣляется нарядъ, экипажъ, число служителей (Въ пунктахъ о Петергофѣ: „людей своихъ, которые въ 5 классѣ, болѣе не долженъ взять какъ одного, а которые ниже никакого служителя“ (Р. Арх. ч. 2-й стр. 334), ихъ ливерея „понеже такожде знатность и достоинство чина какой особы часто тѣмъ умаляется, когда уборъ и прочій поступокъ тѣмъ не сходствуетъ“ (№ 3.980 §§ 3, 7 и 19) [11]).

Этого рода постановленія табели о рангахъ подтверждались и въ послѣдующія царствованія. При Аннѣ Леопольдовнѣ въ 1740 г. предписано богатыхъ платьевъ изъ шелковыхъ парчей и штофовъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ и стоющихъ дороже 4 р., не носить никому, кромѣ особъ первыхъ трехъ классовъ (№8.301). Несмотря на такія обусловливанія внѣшней обстановки рангомъ, неимѣющіе никакихъ ранговъ одѣвали себя и свои семейства въ платья изъ золотыхъ и серебряныхъ матерій, дѣлали для своей прислуги богатыя ливреи, ѣздили въ дорогихъ экипажахъ. Вслѣдствіе этого, при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1742 г., былъ изданъ интереснѣйшій въ бытовомъ отношеніи указъ, дозволяющій

употребленіе иностранныхъ шелковыхъ парчей, но не свыше 4 р. за аршинъ, и ливреи для прислуги, но съ шелковыми галунами безъ золота и серебра—первымъ 5 рангамъ. А слѣдующимъ классамъ (6, 7 и 8) употреблять шелковыя иностранныя парчи, но не свыше 3 р. за аршинъ, а прочимъ классамъ и неимѣющимъ ранга—не свыше 2 р. Подбоевъ же изъ шелковой матеріи неимѣющимъ ранговъ вовсе не класть, и бархату какъ имъ, такъ и женамъ ихъ, не носить. А кружевъ, да и то не шире 4 пальцевъ, кромѣ чиновъ первыхъ 5 классовъ, никому не носить (№ 8.680). Екатерина II, хотя и придала введенному ею дворянскому мундиру такое значеніе, что въ немъ можно было входить въ кавалергардскую залу, бывать безъ приглашенія на придворныхъ балахъ (Зап. Энгельгардта стр. 36, 46), но тѣмъ не менѣе и она нѣкоторые внѣшніе знаки отличія пріурочила къ чину, а не къ сословію. Въ 1775 г. былъ изданъ манифестъ о экипажахъ и ливреяхъ, для чиновниковъ разныхъ классовъ. Манифестъ относительно *экипажей* постановилъ: 6 лошадьми съ 2 вершниками въ городахъ могутъ ѣздить только особы первыхъ двухъ классовъ; шестернею безъ вершниковъ—3, 4 и 5 классовъ; четвернею безъ вершниковъ—6, 7 и 8; парою безъ вершниковъ—оберъ-офицеры; дворянамъ же, неимѣющимъ оберъ-офицерскихъ классовъ, запрещено ѣздить по городамъ иначе, какъ лѣтомъ верхомъ или въ одноколкѣ на 1 лошади, а зимою въ саняхъ на одной лошади, и имѣть за собою не болѣе 1 человѣка. Относительно *ливрей:* ливрею, выложенную по швамъ, дозволено употреблять только особамъ первыхъ двухъ классовъ; выложенную по борту—3, 4 и 5; выложенную по борту воротника и обшлаговъ—6, а оберъ-офицерамъ запрещено ливрею выкладывать чѣмъ бы то ни было (№ 14.290). Въ видѣ изъятія, ѣздить въ каретахъ парою по городамъ дозволено нечиновнымъ дворянамъ, имѣющимъ 50 лѣтъ, а также женскому полу дворянскаго происхожденія (№ 14.801). Эти постановленія отозвались и въ новѣйшемъ законодательствѣ (см. 202 стр. III Т. изд. 1857 г.).

Табель о рангахъ обусловила рангами знаки внѣшнихъ отличій; она же породила и чиновный point d'honneur: въ оскорбленіи начинаютъ видѣть обиду не лицу, не сословію, но чину. Мы видѣли, какъ въ 1692 г. кн. Ромодановскій жаловался царямъ на Шеина, что онъ-де называлъ князя *малопороднымъ человѣкомъ, худымъ князишкой* (см. выше). Въ 1722 г. Гр. Ѳед. Долгорукій жаловался Петру на Ромодановскаго за „учиненный аффронтъ характеру дѣйствительнаго тайнаго совѣтника", а членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Степановъ—на подканцлера Шафирова: „Я о моей персонѣ не говорю, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ не токмо побои, но и брани терпѣть" (Соловьева: Т. XVIII, стр. 186).

Бюрократическое начало табели о рангахъ, повторяю, побивало аристократическое начало, развивавшееся въ шляхетствѣ; чинъ одолѣлъ породу. Этого не могли не замѣтить иностранцы, посѣщавшіе Россію. Шлёцеръ въ своихъ письмахъ изъ Россіи (1781 г.) говоритъ: Un gentilhomme n'est rien ici" (Т. IV. Coxe, 2 p. 319). Тотъ же Коксъ удивляется, что въ Россіи благородный ничего не значитъ безъ ранга, безъ должности; что старшіе сыновья важнѣйшихъ лицъ въ государствѣ не имѣютъ никакихъ правъ въ силу своего рожденія, какъ пэры Англіи и Франціи, гранды Испаніи; что значеніе аристократической фамиліи упадаетъ со смертію ея главы; а имущество раздробляется между дѣтьми, наслѣдственный титулъ—князя, графа или барона—ничего не значитъ безъ должности, безъ службы гражданской или военной (ib. p. 314.). Тотъ же отзывъ мы встрѣчаемъ и въ исторіи Левека (Т. IV, p. 479) [12]).

Но этотъ перевѣсъ бюрократическаго начала надъ аристократическимъ, чина подъ породой былъ только въ принципѣ. По принципу, конечно, Фуксъ, поваръ императрицы Елизаветы Петровны, возведенный ею въ чинъ бригадира (Щербатовъ О поврежденіи нравовъ въ Россіи стр. 72), или придворный карла Лука Честихинъ, котораго Екатерина I пожаловала въ майоры (Чтенія кн. 3, 1858), или полковникъ Захаръ Зотовъ, бывшій

сначала камердинеромъ у Потемкина, а потомъ у Екатерины II (Зап. Энгельгардта, стр. 94) могли пользоваться большими внѣшними знаками отличія, чѣмъ кн. Голицыны или Куракины, если только послѣдніе нигдѣ не служили и не имѣли никакого чина. Но фактически шляхетство большей частью старалось занять, и дѣйствительно занимало, важнѣйшія должности въ государствѣ, имѣло первые чины, получаемые иногда при самомъ рожденіи. Отсюда только погоня шляхетства за чинами, на которую такъ жаловался кн. Щербатовъ: „разрушенное мѣстничество, и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и такъ каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться всякими образами, льстя и угождая государю и вельможамъ“... (Щербатова, О поврежденіи нравовъ въ Россіи, стр. 28). Шляхетство старалось удержать за собою почву, схвативъ чинъ и получивъ должность, надѣляющіе соціальными преимуществами. Но если почва ускользала, если крупный чинъ доставался плебею, шляхетство передъ нимъ раболѣпствовало. Это хорошо подтверждается отношеніемъ шляхетства къ Меншикову, Разумовскому и др. любимцамъ фортуны. „Упала древняя гордость дворянская“, говоритъ кн. Щербатовъ, чуткій къ достоинству и чести своего сословія, „видя себя управляема мужемъ, хотя достойнымъ, но изъ подлости произшедшимъ (Меншиковымъ), а мѣсто ея раболѣпство къ сему вельможѣ, могущему все“ (16 стр. 32). Сохранилось также преданіе, что Мавра Егоровна Шувалова, любимица государыни Елизаветы Петровны, пѣвала молебны, когда мужъ ея, знаменитый гр. Петръ Ив. Шуваловъ возвращался съ охоты А. Г. Разумовскаго, не высѣченный батожьемъ (Осмн. В. кн. 2-я: Семейство Разумовскихъ).

Табель о рангахъ тѣмъ въ особенности побивала аристократическій принципъ шляхетства, что не давала

ему замкнуться въ недоступную касту, но широко открыла доступъ въ это сословіе всѣмъ другимъ общественнымъ классамъ. Вѣрная нашимъ исконнымъ традиціямъ [13]), она установила способы пріобрѣтенія дворянства *чинами.* Раздѣливъ чины по вѣдомствамъ на воинскіе (сухопутные, гвардейскіе, артиллерійскіе и морскіе), и статскіе и установивъ 14 ранговъ или классовъ этихъ чиновъ, табель узаконила, что дослужившійся до перваго оберъ-офицерскаго чина не изъ дворянъ по службѣ военной [14]), вмѣстѣ съ дѣтьми его, рожденными по производствѣ въ чинъ—дворянинъ, и если у него не родится дѣтей по полученіи чина, а будутъ прежде рожденные, то отцу дозволяется просить о пожалованіи дворянства одному изъ нихъ (П. С. № 3.890, п. 15).—Право просить о возведеніи одного изъ сыновей преждерожденныхъ въ 1817 г. распространено было и на матерей, а въ 1829 г. на родныхъ дѣдовъ по отцу, если ни отецъ, ни мать при жизни своей этого не сдѣлали (2 П. С. № 3.247). Но какъ случалось, что изъ сыновей, рожденныхъ до полученія ихъ отцами оберъ-офицерскаго чина, многіе не получали никакого образованія, то въ 1845 г. постановлено: на будущее время возводить только тѣхъ преждерожденныхъ сыновей по избранію отца, которые выдержатъ экзаменъ, установленный 6 мая 1844 г. для пріема въ военную службу недорослей изъ дворянъ (2 П. С. № 18.814). 39 ст. IX Т. 3 изд. Св. зак. распространяютъ права дворянства на всѣхъ дѣтей преждерожденныхъ, исключая лишь тѣхъ, которые родились въ крѣпостномъ, или вообще въ податномъ состояніи.

Что касается чиновъ статскихъ и придворныхъ, то табель о рангахъ установляетъ, что получившіе 8 первыхъ ранговъ по этимъ вѣдомствамъ со всѣми своими законными дѣтьми „въ вѣчныя времена *лучшему старшему* дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы они и низкой породы были“ (№ 3.890. п. 11).

Такъ установился главнѣйшій способъ пріобрѣтенія *лучшаго старшаго* дворянства съ потомствомъ, которое

поэтому въ законодательствѣ получило названіе *потомственнаго*, а въ общежитіи *столбоваго* [15]). Оберъ-офицерскій чинъ по военной службѣ и колл. асессора по гражданской давалъ права этого потомственнаго, столбоваго дворянства. Что касается прочихъ чиновъ, то о нихъ въ табели о рангахъ постановлено: „прочіе же чины, какъ гражданскіе, такъ и придворные, которые въ рангахъ не изъ дворянъ, *оныхъ дѣти* не суть дворяне“ (№ 3.890. § 15). Впослѣдствіи, толкуя въ дворянской грамотѣ этотъ § табели, Екатерина II лицъ, имѣющихъ чины ниже 8 класса, причислила не къ наслѣдственному дворянству, но къ *личному* (№ 16.187, § 19). Появился новый общественный классъ, не совсѣмъ опредѣленный въ юридическомъ и соціальномъ отношеніи, промежуточный между потомственнымъ дворянствомъ и податными классами, отставшій отъ послѣднихъ и не приставшій къ первому. По нѣкоторымъ правамъ личное дворянство примкнуло къ потомственному: оно было свободно отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей и рекрутчины, но лишенное существеннѣйшихъ правъ дворянства потомственнаго—крѣпостнаго права и полнаго участія въ его корпоративной жизни—оно не совсѣмъ было благороднымъ. Его съ полнымъ правомъ нѣкоторые наши публицисты называли *межеумкомъ* (г. Лохвицкій: Губернія, ея з. и пр. учрежденія, стр. 121). Самое щекотливое къ благородству, самое алчное къ дворянскимъ почестямъ, оно боялось сблизиться и слиться съ народомъ болѣе дворянства столбоваго. Дворянство же столбовое считало для себя болѣе унизительнымъ сближеніе съ личнымъ дворяниномъ, чѣмъ съ купцомъ или простолюдиномъ. Бѣдное матеріальными средствами, но богатое искуственными потребностями, личное дворянство боялось запачкать свои благородныя руки какими-нибудь мѣщанскими занятіями и предавалось темнымъ, неопредѣленнымъ профессіямъ. Поставленное выше народа, оно съ гордостію относилось къ нему; малтретируемое же столбовымъ дворянствомъ, оно явно раболѣпствовало предъ нимъ, заискивало въ немъ, а тайно недоброжелатель-

ствовало своему счастливому собрату. Неопредѣленность юридическаго и соціальнаго положенія какой-нибудь общественной группы неблагопріятна для нравственнаго развитія ея членовъ. Какая разница такіе цѣльные и опредѣленные типы общественныхъ разрядовъ, какъ крестьянство, купечество, духовенство! Личными дворянами общества потомственныхъ дворянъ замѣщали иногда должности по земской полиціи, особенно низко стоящей во мнѣніи сословія. Нельзя не признать правильной политику правительства относительно личнаго дворянства со времени императора Николая—она состояла въ томъ, чтобы слить этотъ общественный разрядъ съ классомъ городскихъ обывателей: дѣти личныхъ дворянъ стали принадлежать къ почетному гражданству, самимъ личнымъ дворянамъ въ 1854 г. предоставлено право, наравнѣ съ почетными гражданами, записываться въ 5 часть городовой обывательской книги (2 П. С. № 27.930).

Но жалованная грамота дворянству, окрестивъ названіемъ тотъ общественный классъ, который повелся еще отъ табели о рангахъ, дала возможность личнымъ дворянамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ получать права дворянства потомственнаго. Она установила: 1) если дѣдъ, отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство, то потомству ихъ предоставляется просить дворянства дѣйствительнаго; 2) если отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство и безпорочно пребывали въ службѣ, то внуку дозволяется просить дворянства дѣйствительнаго (№ 16.187 § 21). Впослѣдствіи въ практикѣ, при толкованіи этихъ статей, возникали сомнѣнія: въ 1815 г. при разсмотрѣніи въ общемъ собраніи сената просьбы недоросля Львова о возведеніи его въ потомственное дворянство былъ возбужденъ вопросъ, долженъ ли дѣдъ и отецъ выслужить каждый по 20 лѣтъ, или, чтобъ служба обоихъ составляла 20 лѣтъ, и полагать ли въ числѣ этихъ лѣтъ службу въ нижнихъ канцелярскихъ чинахъ, или только въ оберъ-офицерскихъ? Общее собраніе постановило: когда каждый не менѣе 20 лѣтъ въ чинахъ, а

проситель притомъ совершеннолѣтній и состоитъ на службѣ. Министръ юстиціи представилъ дѣло на высочайшее благоусмотрѣніе. Государственный совѣтъ въ департаментѣ законовъ истолковалъ § 21 дворянской грамоты въ томъ смыслѣ, чтобъ прослужить обоимъ вмѣстѣ 20 лѣтъ, но для сего срока брать только время нахожденія въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, ходатайствовать же о правѣ на дворянство предоставить и малолѣтнему просителю. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта—8 членовъ приняли заключеніе департамента законовъ, а 8—сената, особенно по тому уваженію. *что чѣмъ болѣе затрудняется возведеніе въ дворянство, тѣмъ сіе полезнѣе будетъ для государства*". Государь принялъ мнѣніе послѣднихъ 8 членовъ (№ 29.745). Въ 1854 г. окончательно было опредѣлено право сыновей личныхъ дворянъ просить о возведеніи въ потомственное дворянство: къ требованіямъ закона 1815 г. прибавлено достиженіе 17 лѣтъ (2-е П. С. № 28828). Это вошло и въ 33 ст. IX т. изд. 1857 г. съ прибавленіемъ еще одного условія—вступленія просителя въ службу.

Табель о рангахъ, такимъ образомъ, широко раскрыла дверь, чрезъ которую члены всѣхъ общественныхъ классовъ, при посредствѣ чина, могли входить въ шляхетство. Всѣ фендрихи и констапели, а впослѣдствіи прапорщики и мичманы и др. оберъ-офицерскіе чины съ ихъ потомствомъ, всѣ коллежскіе чины съ ихъ потомствомъ, сдѣлались потомственными дворянами, всѣ гражданскіе чины низшихъ 6 классовъ сдѣлались личными дворянами. Дворянство почти слилось съ офицерствомъ и бюрократіей. А вслѣдствіе постоянно возрастающей численности военныхъ силъ, число оберъ-офицеровъ постоянно увеличивалось (по статистикѣ „Военнаго Сборника" въ одной части нашей арміи въ послѣднее время было офицеровъ 12.662); вслѣдствіе же развивавшейся системы административной централизаціи и опеки, число гражданскихъ чиновниковъ и выходящихъ изъ ряда ихъ коллежскихъ ассесоровъ также умножалось (въ послѣднее время админи-

страція заключала 35.000 однихъ штатныхъ мѣстъ). Отсюда чрезвычайное размноженіе дворянства [16]), а вслѣдствіе его размноженія, при системѣ дробленія наслѣдствъ—крайнее обѣднѣніе. Къ рюриковичамъ по происхожденію, къ богачамъ по состоянію, къ потомкамъ столбовъ государства, думцевъ великихъ князей и царей московскихъ, присоединялись плебеи по крови, бѣдняки по состоянію, потомки совѣтниковъ губернскихъ правленій, пѣхотныхъ прапорщиковъ или кавалерійскихъ корнетовъ, и составляли съ ними одну общественную группу, между правами и преимуществами членовъ которой не было никакой разницы по закону. Чистая аристократическая кровь болѣе и болѣе разбавлялась кровью крестьянской, мѣщанской и поповской; процентъ дворянства de la vieille souche въ цѣломъ сословіи болѣе и болѣе уменьшался. Если вѣрить Россійской родословной книгѣ кн. Долгорукова, то въ массѣ чисто-русскаго дворянства настоящихъ породистыхъ фамилій немного: онъ насчитываетъ княжескихъ фамилій рюриковской крови 39, гедиминовской 8, фамилій нетитулованныхъ, но происшедшихъ отъ Рюрика 21, внесенныхъ въ бархатную книгу 76, фамилій, существовавшихъ прежде 1.600 г., изъ которыхъ весьма многія уже угасли, 738. Что значатъ 882 фамиліи [17]), изъ которыхъ большая часть угасшихъ, въ общей массѣ потомственнаго дворянства, состоявшаго изъ 603.973 душъ обоего пола въ 1858 г. Притомъ, большая часть этихъ фамилій чрезвычайно обѣднѣли, разстались съ своей родовой поземельною собственностію, исторически слившись съ которою только и можетъ держаться аристократія. А между прочимъ этого-то и не было съ нашимъ дворянствомъ. Гакстгаузенъ справедливо замѣчаетъ, что весьма немногія аристократическія фамиліи въ Россіи сохранили свои родовыя помѣстья: Шереметевы, Строгоновы, Голицины, Воронцовы, Панины и проч., а большей частію состояніе переходитъ едва въ третье поколѣніе (Etudes, T. 3, p. 53 [18]). Кромѣ того, одна и та же фамилія развѣтвлялась такъ, что одна отрасль ея захудала и обѣдняла, а другая сохранила въ большей или меньшей

степени родовое богатство и блескъ. О кн. Голицыныхъ, о Нарышкиныхъ и многихъ др. иногда спрашиваютъ: „какіе это Голицыны, какіе это Нарышкины—богатые или бѣдные“? Между прочимъ, какъ состоянія породистыхъ фамилій дробились между наслѣдниками, или растрачивались широкою и разгульною жизнію русскихъ вельможъ, плебеи, входившіе въ ряды дворянства для того, чтобы удержаться на равной ногѣ съ знатнѣйшими членами сословія, составляли нерѣдко огромныя состоянія. И состоянія этими parvenus нерѣдко пріобрѣтались у представителей знатнѣйшихъ фамилій, какъ замѣтилъ Гакстгаузенъ (Г. 2 р. 53). Для примѣра сдѣлаемъ сопоставленіе: Гр. Салтыковъ, происходившій отъ знаменитаго своей щедростью и богатствомъ Вас. Ѳед. Салтыкова, послѣдняго стольника, имѣвшаго 80 т. душъ крестьянъ, изъ которыхъ онъ роздалъ нѣсколько тысячъ неимущимъ дворянамъ—Гр. Салтыковъ, говоримъ, оставилъ своему сыну въ 1805 г. 16 т. душъ, въ числѣ которыхъ 1.200 дворовыхъ, обремененныхъ 2 м. 800 т. долгу (Б.-Каменскаго Словарь т. 5, стр. 11). Рюминъ, сынъ рязанскаго мѣщанина, сдѣлавшійся дворяниномъ, откупами нажилъ огромное состояніе, оставивъ своимъ дѣтямъ 12.000 душъ крестьянъ (16 т. IV). Твердышевъ, изъ простыхъ мужиковъ, если вѣрить Вигелю, начавъ свои операціи съ 5 р. въ карманѣ, кончилъ тѣмъ, что оставилъ четыремъ своимъ племянницамъ: Дурасовой, Пашковой, Бекетовой и Корицкой по 16.000 душъ (Воспоминанія, ч. IV стран. 81).

Возвращаемся къ оцѣнкѣ вліянія табели о рангахъ на послѣдующія судьбы нашего дворянства. Установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, табель свела въ одну общественную группу и людей знатнаго происхожденія и богатаго состоянія, и потомство мелкихъ и небогатыхъ чиновниковъ и офицеровъ. Въ дальнѣйшей исторіи нашего дворянства, вслѣдствіе этого, возникаютъ слѣдующія направленія: мелкое дворянство, несостоятельное сохранить блескъ своего благороднаго состоянія, своими нравами, матеріальными средствами и образомъ жизни, сближается съ народомъ, не утрачивая, впрочемъ, своей

горделивой сословной точки зрѣнія на него. Напротивъ, высшее дворянство—родовое и вышедшее изъ крупной бюрократіи и генералитета—стремится замкнуться въ касту, отдѣлясь и отъ низшаго дворянства и отъ сѣраго народа своими правами, образомъ жизни, даже языкомъ. Среднее дворянство по интересамъ своимъ тяготѣетъ къ народу, по претензіямъ—къ аристократіи. Реальные интересы влекутъ его къ деревнѣ, къ хлѣбопашеству, искусственныя потребности и навѣянныя притязанія притягиваютъ въ столицу, въ города, въ обѣтованную землю аристократическихъ салоновъ, заграницу, гдѣ прохлаждаются и проживаются князья и графы—потомки бояръ и окольничихъ. Вотъ почему изъ нашего средняго дворянства не могло образоваться gentry, подобно тому какъ аристократія не могла развиться въ nobility. Среднее дворянство само отрывало себя отъ своей естественной среды—отъ родныхъ полей и душистыхъ лѣсовъ, отъ родныхъ мужиковъ. Оно считало этихъ мужиковъ людьми другой кости и крови, оно стыдилось протянуть руку мелкому собрату и благоденствовало отъ двухъ пальцевъ, протянутыхъ аристократомъ. Это раздвоеніе въ средѣ шляхетства, эти различныя направленія его членовъ, обозначаются уже въ царствованіе Анны Іоанновны. Устами Волынскаго *подлое* шляхетство выговариваетъ свой вполнѣ опредѣлившійся вглядъ на шляхетство *знатное* (см. ниже). Раздвоеніе болѣе и болѣе развивается, различныя направленія болѣе и болѣе обозначаются ко временамъ коммисіи 1767 г. Дворянство устами своихъ талантливѣйшихъ представителей (кн. Щербатовъ и др.) заявило, что пріобрѣтеніемъ дворянства чиномъ *уподляются дворянскіе роды, затмѣваются ихъ преимущества*. Отсюда послѣдовательно вытекло требованіе „дабы возвести дворянство—главный чинъ имперіи—на прежнюю степень могущества“ отмѣнить пріобрѣтеніе его чиномъ. Но заявленія дворянскихъ депутатовъ коммисіи 1767 г. были удовлетворены не вполнѣ: породистое дворянство выдѣлено было только въ шестой разрядъ дворянской родословной книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ началась реакція табели о рангахъ:

право поступать въ государственную службу, а слѣдовательно получать на ней чины, начало пріурочиваться преимущественно къ дворянству и нѣкоторымъ другимъ общественнымъ классамъ, сроки для производства въ чины начали понижать для чиновниковъ изъ дворянъ и повышать для другихъ званій. Наконецъ, уже въ послѣднее время текущаго столѣтія для того, чтобъ отдѣлить офицерство и бюрократію отъ дворянства и поддержать падающее значеніе сословія, повышены были чины, дававшіе права дворянства. Манифестъ 11 іюня (распубл. 22 іюня 1845 г.), повышаетъ чины, какъ по военной, такъ и по гражданской службѣ, дававшіе права потомственнаго дворянства:

1) Первый оберъ-офицерскій чинъ долженъ приносить права дворянства *личнаго*, а первый штабъ-офицерскій—*потомственнаго*.

2) чинъ 14 класса въ гражд. службѣ—*личное почетное гражданство*, а 9 класса—*личное дворянство. Потомственное же дворянство* по гражданской службѣ пріобрѣтается чиномъ 5 класса.—Всѣ чины эти, какъ военные, такъ и гражданскіе, должны быть получены не при отставкѣ, а во время дѣйствительной службы (2-е П. С. № 19.086). — Окончательно же порядокъ пріобрѣтенія дворянства чиномъ былъ опредѣленъ въ настоящее царствованіе указомъ сенату 9 (распубл. 13) декабря 1856 г. На основаніи этого указа чины: полковника—по военно-сухопутной службѣ, флота капитана 1-го ранга—морской и дѣйствительнаго статскаго совѣтника—гражданской, если только они получены на дѣйствительной службѣ, даютъ права потомственнаго дворянства (2-е П. С. № 31.236).

Установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, табель о рангахъ опредѣлила и другой способъ пріобрѣтенія его—*пожалованіе* монархомъ (П. С. № 3.290, § 16). Пожалованіе дворянства, помимо службы, до Петра Великаго не существовало: „изъ посадскихъ людей, и изъ поповыхъ, и изъ крестьянскихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей, *дворянство* не дается никому“ (Котоши-

хинъ, стр. 22). Возведеніе Минина, за его неоцѣненныя услуги отечеству, въ чинъ думнаго дворянина едва-ли не единственный примѣръ пожалованія до Петра (Соловьевъ, Т. IX стр. 378), да иначе и быть не могло, такъ какъ дворянство было не сословіемъ, но чиномъ. Примѣненіе § 16 табели о рангахъ впервые случилось при Екатеринѣ I, которая въ 1726 г. пожаловала дипломъ на потомственное дворянство Акинфію Никитичу Демидову (Голикова Дополн., Т. III. стр. 241) [19]). Изъ этого диплома видно, что еще Петръ Великій намѣревался возвести въ дворянство родъ Демидовыхъ, но знаменитый основатель этого рода, Никита Демидовичъ Демидовъ—изъ тульскихъ крестьянъ — отклонилъ это пожалованіе (Б.-Каменскаго Словарь, т. 2). Затѣмъ отъ пожалованія дворянства Демидову и до пожалованія его Коммиссарову-Костромскому тянется цѣлый рядъ возведеній въ дворянство помимо службы. Особенно часто это случалось въ 18 в. при Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II. При Елизаветѣ Петровнѣ въ 1741 г. всѣ унтеръ-офицеры, капралы и рядовые гренадерской роты преображен. полка, за исключеніемъ чиновъ заротныхъ, вписаны были въ герольдіи въ дворянскую книгу, а самая рота переименована въ лейбъ-кампанію „понеже во время вступленія нашего на престолъ полки нашей лейбъ-гвардія, а особливо гренадерская рота преображенскаго полка, намъ ревностную службу такъ показала, что восприняли престолъ безъ кровопролитія“ (П. С. № 8.491). Въ 1742 г. новгородецъ Михайло Сердюковъ былъ возведенъ въ дворянство „за его службы въ прочисткѣ рѣки Мсты, въ учиненіи шлюзовъ и прочаго“ (П. С. № 8.631). Елизавета Петровна возвела также въ потомственное дворянство и духовника своего Дубянскаго (Осмнадц. Вѣкъ, кн. 3 стр. 345) и весьма ею любимаго Никиту Андреяновича Возжинскаго. Последній былъ придворнымъ конюхомъ при Аннѣ Іоанновнѣ и служилъ при Елизаветѣ Петровнѣ, когда она была великой княжной; фамилію свою онъ получилъ отъ возжей, такъ какъ правилъ лошадьми придворныхъ экипажей (Р. Арх. ч. 1 стр. 431); императрицей этой

пожалованы были также въ дворянство малороссы: слѣпой бандуристъ и придворный пѣвчій Божко (Дн. Зап. Марк. ч. II. 191). Екатерина II многихъ также пожаловала въ дворянство. Она однажды сама спрашивала Храповицкаго: „Больше-ли разжаловала, нежели пожаловала въ дворяне?“ (Памятныя записки Храповицкаго). Одно изъ интересныхъ ея пожалованій: возведеніе въ дворянство 7 лѣтняго младенца Александра Даниловича Маркова, который притомъ получилъ наименованіе *Оспеннаго*, такъ какъ отъ него докторъ Димсдаль бралъ оспу для императрицы (Вейдемейеръ: Дворъ и Замѣч. люди въ Россіи, ч. I, стр. 74). Жалованная грамота 1785 г. называетъ жалованное дворянство *дѣйствительнымъ*, и опредѣляетъ для внесенія его, вмѣстѣ съ менѣе старымъ дворянствомъ (до 100 лѣтъ) въ 1-ю часть дворянской родословной книги (П. С. № 16.187). Въ гербовникахъ, издававшихся при Павлѣ I, отдѣлялось иногда особое отдѣленіе для дворянства пожалованнаго: здѣсь мы встрѣчаемся съ фамиліями Демидовыхъ, Балашовыхъ, Козловыхъ, Муравьевыхъ, Русеневыхъ, Михайловыхъ, Дубяискихъ, Шелиховыхъ и т. д. (№ 18.595 и др.). Право пожалованія подтверждено потомъ и въ манифестѣ 1845 г. о повышеніи чиновъ, дающихъ права дворянства (2 П. С. № 19.086 п. 5).

Жалованная грамота къ этимъ основнымъ способамъ пріобрѣтенія дворянства присоединяетъ третій— пожалованіе *орденомъ*: къ неопровергаемымъ доказательствамъ дворянства она присоединяетъ доказательство, что „кавалерскій орденъ особу украшалъ“ (№ 16.187. 92). Но грамота не опредѣлила, распространяется ли право потомственнаго дворянства и на дѣтей, родившихся до пожалованія ордена, поэтому въ практикѣ возникали сомнѣнія, разрѣшенныя въ 1816 г., когда дѣти протоіерея Левшина, пожалованнаго орденомъ Анны 1 ст., просили о возведеніи ихъ въ потомственное дворянство и о выдачѣ имъ герба и диплома. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено въ 1816 г., что просьба Левшиныхъ должна быть удовлетворена, такъ какъ право на по-

томственное дворянство должно распространяться и на дѣтей, до пожалованія ордена рожденныхъ (№ 26.497). Это самое было подтверждено и въ 1830 г. (2-е № 3.507), и вошло въ сводъ (ст. 39, Т. IX изд. 1857). Но этимъ всетаки не выяснилось, всѣми ли дворянскими правами могутъ пользоваться духовныя лица, сопричисленіемъ къ ордену пріобрѣвшія право сего состоянія? Въ практикѣ иногда бывали относительно этого вопроса сомнѣнія: въ 1821 г., напримѣръ, саратовская палата гражданскаго суда представляла сенату, что многія духовныя лица, сопричисленныя къ ордену Св. Анны 2 степени, являются въ палату для совершенія на имя ихъ крѣпостей на дворовыхъ людей и имѣнія, населенныя крѣпостными крестьянами. Палата и прокуроръ, затрудняясь совершеніемъ купчихъ, испрашивали разрѣшеніе сената. Разрѣшивъ этотъ случай, сенатъ издалъ указъ о дозволеніи духовнымъ лицамъ, сопричисленнымъ къ орденамъ, совершать крѣпости на всѣ имѣнія, дворянству присвоенныя (П. С. № 28.782). — Что касается купечества, то до изданія положенія 30 октября 1826 г., оно пользовалось, при полученіи ордена, правами потомственнаго дворянства, если только въ грамотѣ, выданной на орденъ, не было прямо отказано въ этомъ. Въ 1826 г. было постановлено, что чины и ордена, жалуемые лицамъ купеческаго сословія, приносятъ имъ только личное дворянство (2 № 640), а впослѣдствіи— почетное гражданство.

Всѣ ли ордена давали потомственное дворянство [20])? Въ этомъ отношеніи устанавливались нѣкоторыя ограниченія для низшихъ степеней нѣкоторыхъ орденовъ и для лицъ иныхъ званій, получавшихъ какіе-бы то ни было ордена. Съ изданіемъ новаго статута для ордена св. Анны 22 іюля 1845 г. было постановлено, что пожалованіе 2, 3 или 4 степени этого ордена даетъ права личнаго дворянства, а дѣтямъ пожалованныхъ—права потомственнаго почетнаго гражданства (2-е № 19.228 отд. III XXVIII и XXIX).—Пожалованіе орденомъ Станислава 2 и 3 ст. съ 1815 по 17 ноября 1831 г.—давало права личнаго дворянства. А 17 ноября 1831 г. было

постановлено, что пожалованіе этого ордена даетъ права дворянства потомственнаго (2-е № 2.668), пока опять 28 іюня 1855 г. не былъ возстановленъ прежній порядокъ—личное дворянство, а дѣтямъ потомственное почетное гражданство (2-е № 29.466).—Что касается званій, то кромѣ купечества, духовенство римско-католическаго исповѣданія по закону 1839 г. (2-е № 12.385 § 76) и чины башкирскаго войска по закону 1831 г. (2-е № 4.547), подтвержденному въ 1839 г. (2-е № 12.385 § 79)—пользуются правами личнаго, а не потомственнаго дворянства, какой бы орденъ они ни получили (ст. 49 IX Т. изд. 1857 г.).

Жалованная грамота дворянству установила еще одинъ способъ пріобрѣтенія дворянства: „именитыхъ гражданъ внукамъ, буде отецъ и они именитость безпорочно сохранили, дозволяется старшему послѣ 30 лѣтъ отъ рожденія его, бывъ самому жизни безпорочной, просить дворянства“ (№ 16.188, § 137).—Это существовало до манифеста 1 января 1807 г., отмѣнившаго именитое гражданство (№ 22.418), но въ 1822 г. предоставлено было старшимъ султанамъ сибирскихъ киргизовъ, по прослуженіи въ этомъ званіи трехъ трехлѣтій, просить потомственнаго дворянства (П. С. № 29.127).

Что касается принятія иностранцевъ въ русское дворянство, то табель о рангахъ объ этомъ постановила слѣдующее: „не имѣетъ никто рангъ взять по характеру, которой онъ въ чужихъ службахъ получилъ, пока мы его онаго характера не подтвердили“ (№ 3.890 § 5). Но вопросъ о принятіи иностранцевъ въ русское дворянство окончательно былъ разрѣшенъ только въ 1817 г. Банкиръ Лавіо просилъ дворянскаго достоинства по диплому баварскаго короля. Государственный совѣтъ представилъ государю, что такъ какъ дворянское достоинство русскими подданными пріобрѣтается не иначе, какъ заслугами, то и иностранцы, присягнувшіе на подданство Россіи и просящіе о причисленіи въ русское дворянство, по дипломамъ этихъ государей, не иначе могутъ быть причисляемы, какъ за заслуги россійскому государю и государству (№ 26.714).

Установивъ способы пріобрѣтенія дворянства, табель о рангахъ узаконила гербы. Мы говоримъ узаконила, потому-что до тѣхъ поръ не встрѣчаемъ никакого постановленія объ этомъ, хотя гербы начинаютъ прививаться къ нашимъ высшимъ классамъ еще въ 17 ст. На развитіе этихъ геральдическихъ претензій нашего дворянства вліяли иноземные образцы—въ особенности примѣръ рыцарства остзейскаго и шляхетства малороссійскаго, къ которому любовь къ геральдикѣ перешла изъ Польши. Народной же исторической почвы для дворянской геральдики у насъ не было, такъ какъ у насъ не было ничего подобнаго рыцарству западно-европейскому. Дворянство наше въ этомъ случаѣ только подражало аристократіи иноземной, а правительство, желавшее придать высшимъ классамъ иноземную форму, сочиняло и раздавало гербы. Что до Петра Великаго не было въ правахъ нашего высшаго сословія употребленіе геральдическихъ эмблеммъ, объ этомъ сохранилось прямое свидѣтельство Катошихина: „А грамотъ и гербовъ на дворянства ихъ (возводимыхъ въ чины) и на боярства никому не даетъ (царь), потому что гербовъ никакому человѣку изложити не могутъ... также и у старыхъ родовъ князей и бояръ, и у новыхъ, истинныхъ своихъ печатей нѣтъ,—да не токмо у князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей московскаго государства гербовъ не бываетъ; а когда случится кому къ какимъ письмамъ, или посламъ къ посольскимъ дѣламъ прикладывать печати, и они прикладываютъ у кого какая печать прилучилась, а *не породная*...“ (стр. 22). Въ восточной Россіи, такимъ образомъ, высшіе классы не вѣдали геральдики, не имѣли породныхъ печатей; малороссійское же шляхетство, какъ видно изъ грамотъ 16 ст., получало отъ польской короны клейноты и гербы шляхетскіе (Чтенія, кн. 2-я, 1861 г.). А вліяніе малороссійской шляхетской интеллигенціи на высшіе классы восточной Россіи въ 17 ст. весьма усиливается: Симеонъ Полоцкій, пропитанный польскими шляхетскими идеями, обучаетъ Ѳедора Алексѣевича; ополяченные малорусскіе шляхтичи обучаютъ дѣтей русскихъ вель-

можъ конца 17 ст. (Соловьева Т. XIII, стр. 229). И какъ ни различались по духу своему царскіе чиновные люди русскіе отъ шляхетства малороссійскаго и польскаго, какъ ни дивился, напримѣръ, варшавскій резидентъ 17 ст. Тяпкинъ, что въ Польшѣ „что жбанъ, то панъ"— вліяніе шляхетскихъ воззрѣній Польши начинаетъ проникать въ среду высшихъ служилыхъ людей—холоповъ царя московскаго. Кн. Голицынъ, кіевскій губернаторъ начала 18 ст., уже имѣетъ гербъ, воспѣваемый кіевскимъ піитой въ виршахъ „на сторожитный клейнодъ сіятельныхъ князей Голицыныхъ (Пекарскаго Т. I, стр. 287 [1]), подобно тому, какъ тѣ же поэты въ виршахъ воспѣвали и гербъ Мазепы и *три стрѣлы подъ дворянскою короною* въ гербѣ Скоропадскаго (Ib. стр. 116, Т. II). Вначалѣ 18 в. употребленіе гербовъ дворянствомъ развивается уже до того, что нѣкоторые своевольно изобрѣтали себѣ гербы, а иные употребляли даже гербы коронованныхъ государей и знатнѣйшихъ аристократическихъ фамилій. Втеченіе 18 в. страсть къ геральдикѣ еще болѣе укорепяется въ русскомъ дворянствѣ, и сатирическіе журналы подымаютъ ее на смѣхъ. Трутень 1769 г., напримѣръ, глумится надъ его превосходительствомъ г. Недоумомъ, для котораго „гербовники и патенты, едва-едва отъ пыли и моли спасшіеся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ. Александрійскіе листы, на которыхъ имена его предковъ росписаны въ кружкахъ, суть однѣ картины, коими весь домъ его украшенъ". (Трутень въ изд. г. Афанасьева, стр. 141). Необходимо было законодательству обратить вниманіе на эту развившуюся страсть дворянства къ геральдикѣ и регулировать употребленіе гербовъ.

На это обратила вниманіе табель о рангахъ. Она поручила герольдмейстеру всѣмъ дослужившимся до оберъ-офицерства—какъ изъ дворянъ, такъ и недворянъ, а не бывшимъ въ военной службѣ—которые могли доказать свое столѣтнее служилое достоинство—давать дипломы на дворянство и гербы (№ 3.890). За выдачу этихъ гербовъ, въ 1726 г. постановлено взымать на

краски по 2 р. (№ 4.831), а въ 1727 г.—съ дипломовъ на титулы (на чести графскія, баронскія и прочія), гербы и чины положена пошлина, „по пропорціи тѣхъ данныхъ частей, и гербовъ и чиновъ, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ“ (№ 5.016, 5.017). Такимъ образомъ, гербы были узаконены, и затѣмъ возведеніе въ дворянство обыкновенно уже сопровождалось выдачей диплома [22]) и составленіемъ фамильнаго герба. Такъ, лейбъ-компанцы, возведенные въ дворянство, получили также и гербы по апробованному императрицей образцу съ надписью за *ревность* и *вѣрность* (№ 8.491, 8.639), въ составленіи которыхъ, какъ видно изъ его записокъ, принималъ участіе и артиллеріи майоръ Даниловъ (стр. 59). Дворянскимъ депутатамъ коммисіи 1767 г. дозволено было, по окончаніи дѣла, знаки депутатскаго достоинства поставить въ гербы, „дабы потомки узнать могли, какому великому дѣлу они участниками были“ (№ 12.801). Въ 1768 г. выдача гербовъ была пріостановлена до составленія новаго объ этомъ положенія въ коммисіи проекта новаго уложенія, но въ 1773 г. она была разрѣшена вновь (№ 14.063). Окончательно право на гербы опредѣлено было императоромъ Павломъ I, издавшимъ 20 января 1797 г. именной указъ сенату *о составленіи общаго дворянскихъ родовъ гербовника*. Указъ этотъ предписалъ раздѣлить общій гербовникъ на 3 отдѣленія: въ первомъ отдѣленіи помѣстить всѣ фамиліи по старшинству родовъ, начиная съ князей и графовъ, потомъ бароновъ и дворянъ, со времени соединенія помѣстій съ вотчинами, не внося въ число князей и графовъ—князей и графовъ римской имперіи, которые не имѣютъ этихъ достоинствъ имперіи россійской, а оставляя ихъ въ томъ классѣ дворянства, которое имъ принадлежитъ по рожденію; татарскихъ князей повелѣно также не включать въ число княжескихъ родовъ. Во 2-е отдѣленіе гербовника имѣли быть внесены дворяне, которые въ дворянство облечены императорскою милостію. Въ 3-е—получившіе дворянское достоинство по чинамъ (№ 17.749, 17.881, 18.081). Система эта, впрочемъ, выдержана только въ нѣкоторыхъ частяхъ гербовника—

1-й, 2-й, 4-й, 5-й и 9-й, а въ другихъ частяхъ отдѣлены только титулованныя фамиліи, а всѣ остальныя дворянскія—въ перемежку. 1 января 1798 г. былъ изданъ манифестъ объ утвержденіи 1-й части дворянскаго гербовника. Манифестъ этотъ весьма интересенъ: онъ показываетъ, какъ законодательство иногда старалось прививать нашему дворянству рыцарскія и аристократическія воззрѣнія западной Европы, чуждыя нашимъ традиціямъ. Опредѣливъ значеніе рыцарскихъ гербовъ для дворянства феодальнаго, манифестъ 1798 г. нѣкоторые русскіе дворянскіе роды выводитъ отъ рыцарскихъ фамилій западной Европы, заѣхавшихъ въ Россію и получившихъ въ ней помѣстья. Русскіе княжескіе роды производитъ отъ сыновъ великаго князя Владиміра; отъ этихъ княжескихъ родовъ пошли многіе другіе дворянскіе роды. Слѣдовательно, говоритъ манифестъ, всѣ таковые роды происходятъ отъ Рюрика, а потому древностію своею они не уступаютъ древнѣйшимъ родамъ другихъ государствъ. Указавъ, далѣе, на заслуги россійскаго дворянства предъ отечествомъ, на почести и отличія, изливаемыя на дворянство монархами, на значеніе манифеста 18 февраля 1762 г., освобождающаго дворянство отъ обязательной службы, манифестъ говоритъ: „мы, слѣдуя по стопамъ предковъ нашихъ, и обращая попеченіе наше на все, что способствовать можетъ къ славѣ и чести нашего дворянства, восхотѣли издать собраніе гербовъ дворянскихъ яко знаковъ дворянскаго достоинства каждаго дворянскаго рода, ибо прежде сего, за неимѣніемъ таковаго собранія, многіе гербы или совсѣмъ утратились, или же по временамъ перемѣнялись. Мы повелѣли составить для сего общій дворянскихъ родовъ гербовникъ, съ изображеніемъ гербовъ каждаго рода, и съ показаніемъ происхожденія оныхъ“.

При этомъ повелѣвалось:

1) всѣ гербы, внесенные въ гербовникъ, оставить навсегда неизмѣнными, такъ чтобъ безъ разрѣшенія государя ничто изъ оныхъ не исключалось, и вновь въ оные не прибавлялось. 2) Каждому дворянину того рода, коего гербъ находится въ гербовникѣ, за пред-

ставленіемъ имъ доказательствъ о принадлежности къ тому роду, выдавать на пергаментѣ копію. 3) Вѣрнѣйшимъ доказательствомъ дворянства принимать этотъ гербовникъ, храня его въ сенатѣ (№ 18.302). Вскорѣ затѣмъ было постановлено взымать за копіи съ дворянскихъ гербовъ по 30 р. и была обнародована 1-я ч. гербовника (№ 18.333). Затѣмъ непрерывно до 1816 г. издано 9 частей этого гербовника, въ которыхъ описаны гербы 103 ф. титулованнаго и 1.285 нетитулованнаго дворянства [23]). Съ 1816 г. прекращается помѣщеніе обнародованій объ изданіи гербовника въ П. С., но самое изданіе его едва-ли прекратилось: изъ книги кн. Долгорукова мы знаемъ, что 10 ч. гербовника была утверждена императоромъ Николаемъ въ 1836 г. (Т. III стр. 59). И въ настоящее время при департаментѣ герольдіи состоитъ 3-я экспедиція, завѣдывающая составленіемъ гербовника дворянскихъ родовъ, а за выдачу копій со внесенныхъ гербовъ, въ 1852 г. постановлено взымать по 15 р. (2-е П. С. № 26,358).

Въ гербовникѣ мы встрѣчаемся съ *дворянствомъ титулованнымъ*. Откуда произошло оно? До Пэтра Великаго существовалъ одинъ титулъ—*княжескій*. Онъ принадлежалъ рюриковичамъ—потомкамъ князей великихъ и удѣльныхъ (Одоевскіе, Горчаковы, Долгоруковы, Вяземскіе, Волконскіе, Рѣпнины, Щербатовы и т. д.); гедиминовичамъ — потомкамъ великихъ князей литовскихъ (Хованскіе, Голицыны, Куракины, Трубецкіе и т. д.); князьямъ азіатскимъ—потомкамъ царей грузинскихъ, татарскихъ и горскихъ (Багратіоны, Имеретинскіе, Мещерскіе, Урусовы, Юсуповы и т. д.). Многіе изъ этихъ князей захудали еще задолго до Петра Великаго. Когда Иванъ Грозный селилъ въ 1550 г. близъ Москвы дѣтей боярскихъ, раздавая имъ земли въ помѣстья, тогда по московскому списку записалось въ дѣти боярскіе 1500 человѣкъ, въ числѣ которыхъ довольно много было и изъ княжескихъ фамилій (Голикова Дополн. Т. III, стр. 253. Вивліоѳ. Т. XX, стр. 160). Такимъ образомъ, тогда какъ нѣкоторыя княжескія фамиліи спустились до нижнихъ чиновъ, между знатнѣйшими

фамиліями, изъ которыхъ преимущественно выходили бояре, мы встрѣчаемъ фамиліи не титулованныя: Морозовы, Шереметевы, Салтыковы, которыя были чиновнѣе даже такихъ знатныхъ княжескихъ фамилій, какъ Куракины, Долгоруковы, Ромодановскіе, Волконскіе и т. д. (Котошихина, стр. 67).

Такимъ образомъ, если до Петра Великаго существовалъ какой-нибудь титулъ, то онъ былъ породный и вовсе не обусловливалъ положенія лицъ на лѣстницѣ служебной іерархіи: московская политика, напротивъ, состояла въ приниженіи рюриковичей и гедиминовичей [24]). Пожалованіе же титуломъ отъ монарха не водилось. Объ этомъ сохранилось интересное свидѣтельство Котошихина: „А вновь московскій царь изъ бояръ, и изъ ближнихъ, и изъ иныхъ чиновъ людей, князем учинити не можетъ никого, кромѣ боярствъ и иныхъ чиновъ людей, потому-что не обычай тому есть и не повелось; также и графовъ и волныхъ господъ чиномъ таковымъ никого не бываетъ, и изъ московскихъ чиновъ людей противъ тѣхъ двухъ чиновъ приверстати не можно потому какъ бы дано было кому волное господство, и о томъ бы размышляли, что то было бъ самому царю въ стыдъ, будто бы тотъ человѣкъ тѣмъ именемъ отъ него уволнился и неподданенъ" (стр. 22). И дѣло понятное: какъ было создавать новыя титулованныя фамиліи, когда приходилось вести такую борьбу съ старыми княжескими фамиліями, подчасъ припоминавшими, что онѣ когда-то были *волными* и царю московскому не поддавными? Но для Петра Великаго времена этой борьбы были сѣдой стариною; притомъ, какъ было Россіи, во всемъ старавшейся уподобиться Европѣ, не имѣть своихъ графовъ, своихъ бароновъ? И вотъ Петръ Великій въ 1713 г. поручаетъ Гюйссену написать проектъ: о способахъ пожалованія графскаго, баронскаго и дворянскаго достоинствъ и о формѣ относящихся къ нимъ документовъ (Пекарскаго: Т. I стр. 101), а между прочимъ еще прежде начинаетъ жаловать иноземные титулы. Петру Великому слѣдуютъ всѣ его преемники.

Въ XII приложеніи къ I Т. Исторіи Петра Великаго Устрялова подъ 1694 г. мы встрѣчаемъ *графа* Мусина-Пушкина. По другимъ свѣдѣніямъ, первымъ русскимъ графомъ, да и то возведеннымъ въ это достоинство императоромъ германско-римскимъ Леопольдомъ I въ 1701, былъ бояринъ Ѳед. Алекс. Головинъ, бывшій впослѣдствіи президентомъ коллегіи иностранной, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и первымъ андреевскимъ кавалеромъ, получившимъ этотъ орденъ въ самый день его основанія (Долгорукова ч. 3-я стр. 117). Затѣмъ въ графы римской имперіи былъ возведенъ Гаврило Ив. Головкинъ, кажется въ 1702 г. Первые иноземные титулы русское дворянство начало получать отъ иноземныхъ же монарховъ. Но скоро Петръ Великій самъ началъ возводить въ титулъ графа: перваго знаменитаго Б. Шереметева въ 1706 г., затѣмъ Головинъ и Головкинъ—графы свящ. римской имперіи—сдѣланы графами русскими, за ними слѣдуютъ Зотовъ въ 1710 г., Апраксины—въ 1710 и 1722 г., Толстой—въ 1724 г. Впослѣдствіи въ каждое новое царствованіе создаются и новые графы. Особенно изобилуетъ ими кратковременное царствованіе императора Павла I, когда было создано 17 новыхъ графовъ. До настоящаго царствованія, когда графское достоинство пожаловано Евдокимову, Муравьеву и Толстому (одна отрасль этой фамиліи получила графскій титулъ еще при Петрѣ Великомъ), создано 63 графа (Долгорукова: Росс. Родосл. кн., ч. I, стр. 11, Гакстгаузена Etudes, 3 vol. p. 83). Не всегда титулъ этотъ получали люди родовитые (Шереметевы 1706, Салтыковы 1732, Бутурлины 1750, Воронцовы 1797, Мусинъ-Пушкины 1797, Татищевы 1801, Уваровы 1846 и т. д.). Иногда онъ доставался людямъ незнатнаго происхожденія (Шуваловы 1746, Потемкинъ 1775 г., Безбородько 1797 г., Завадовскій 1797 г., Гурьевъ 1819, Канкринъ 1829, Киселевъ 1839, Клейнмихель 1839), даже недворянскаго происхожденія (Девіеръ 1726, Сиверсъ 1797, Сперанскій и др.).

Новый иноземный титулъ графа болѣе уважался нашими карьеристами 18 в., чѣмъ родной титулъ кня-

жескій, и это дѣлается понятнымъ, если мы вспомнимъ, какъ много было захудалыхъ княжескихъ родовъ, нѣкоторые представители которыхъ сами занимались хлѣбопашествомъ. Гакстгаузенъ въ окрестностяхъ Воронежа встрѣтилъ нѣсколько семействъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, которые своеручно занимались земледѣліемъ, но владѣли нѣсколькими душами крестьянъ. Это была захудалая княжеская фамилія, члены которой, въ отличіе отъ другихъ односельцевъ, носили красныя фуражки (Etudes T. III, p. 91). Многимъ изъ случайныхъ людей 18 в. графскій титулъ первоначально давался римско-германскими императорами, а потомъ уже монархами русскими: Воронцовы имѣли сначала титулъ графа священной римской имперіи, а потомъ русскаго, такъ же Безбородько, Дмитріевъ-Мамоновъ, Завадовскій, Строгановъ и т. д. Но Зубовы, Марковы, Комаровскіе—графы священно-римскіе—русскими графами не признавались. Съ Павла I, впрочемъ, почти прекратилось это пожалованіе титуломъ иностранными государями. Императоры Александръ I и Николай I сами возводили иногда въ графы великаго княжества Финляндскаго: Сухтелены 1822 г., Закревскій 1830 г.

Княжескій титулъ былъ породнымъ титуломъ многихъ нашихъ дворянскихъ фамилій. Кн. Меншиковъ первый былъ возведенъ въ княжеское достоинство монархомъ: въ 1705 г. онъ былъ сдѣланъ княземъ римской имперіи, а въ 1707 г. Петръ Великій возвелъ его въ свѣтлѣйшіе князья ижорскіе. Затѣмъ до Павла мы не встрѣчаемъ примѣра пожалованія этого титула русскими монархами. Жаловали иногда императоры римско-германскіе: Потемкина, Орлова, Платона Зубова. Павелъ I возвелъ въ княжеское достоинство 4 фамиліи: Ромодановскіе-Ладыженскіе, Лопухины, кн. Италійскіе, графы Суворовы-Рымникскіе, Аргутинскіе-Долгорукіе; Александръ I—3 фамиліи: Салтыковы 1814, Голенищевы-Кутузовы 1812, Барклай-де-Толли 1815; болѣе князей создано императоромъ Николаемъ: Ливены 1826, кн. Варшавскіе, гр. Паскевичи-Эриванскіе 1831, Остенъ-Сакены 1831, Кочубеи 1831, Васильчиковы 1839, Чер-

нышевы 1841, Воронцовы 1845 и п. др. Всѣхъ пожалованій въ княжеское достоинство мы встрѣчаемъ 16 (Долгорукова: ч. I, стр. 10, Гакстгаузена к. 3, р. 83).

Заимствовавъ иноземные титулы, мы заимствовали и предикатъ ихъ, Durcherlaucht, Erlaucht, Altesse, Excellence. Пожалованные княжескими и графскими титулами съ Петра Великаго начали именоваться *сіятельствомъ, свѣтлостію.* Это было перенесено и на тѣ фамиліи, которыя имѣли породный княжескій титулъ, но которыя до Петра такъ не именовались. *Свѣтлость*— Durcherlaucht — сравнительно съ *сіятельствомъ* — Erlaucht—наименованіе болѣе почетное, и спеціально дается монархомъ нѣкоторымъ княжескимъ фамиліямъ, которыя поэтому называются *свѣтлѣйшими.* Породныя княжескія фамиліи, а изъ пожалованныхъ Кочубеи и Васильчиковы— *сіятельныя* (Frlaucht), большая же часть пожалованныхъ—напримѣръ: Меншиковы, Салтыковы, Чернышевы, Воронцовы и т. д.—*свѣтлѣйшія* (Durcherlaucht).

Предикатомъ титулъ *барона* (волный господинъ по Котошихину. Отчего бы не *боярина*?), въ который также началъ возводить Петръ Великій, не пользуется. Наши первые бароны были Шафировъ въ 1710 г., и *именитый человѣкъ* Александръ Строгоновъ, которому въ 1722 г., было объявлено въ сенатѣ, что онъ пожалованъ *барономъ* [25]), затѣмъ появляются бароны и въ послѣдующія царствованія. Титулъ этотъ мало уважался нашей аристократіей, и большей частью жаловался финансовымъ и промышленнымъ именитостямъ иностраннаго происхожденія: Соловьевъ 1727, Черкасовъ 1742, Фридериксъ 1743, Местмахеръ 1777, Велльо 1800, Штиглицъ 1826, Боде 1840 и т. д. Впрочемъ, иногда онъ давался и за военныя и гражданскія заслуги: храбрый генералъ Меллеръ-Закомельскій получилъ этотъ титулъ въ 1789 г., Аракчеевъ и Васильевъ сначала были сдѣланы баронами, а потомъ графами (Долгорукова Т. I, стр. 13, Гакстгаузена к. 3 р. 90).

Кромѣ этихъ фамилій, пожалованныхъ титулами русскими монархами, существуетъ довольно много фамилій инородныхъ, вступившихъ въ русское подданство

съ своимъ породнымъ титуломъ, а также фамилій, получившихъ титулъ отъ монарховъ иностранныхъ. Между первыми: потомки владѣтелей Большой Кабарды—кн. Черкаскіе, владѣтелей ногайскихъ—Урусовы, Юсуповы, владѣтелей калмыцкихъ—Дондуковы-Корсаковы; множество фамилій Грузіи, Имеретіи и Гуріи, признанныхъ въ княжескомъ достоинствѣ указомъ 6 дек. 1850 г. кн. Баратовы, Джаваховы, Давыдовы, Орбеліани, Цертелевы, Эристовы и др.; графы Витгенштейны, Меллины, Нессельроде, маркизы де Траверсе, гр. Шуазель Гуфье и т. д. Что касается русскихъ фамилій, пожалованныхъ титуломъ иностранными государями, то къ нимъ относятся: гр. римской имперіи—Віельгорскіе, Зубовы, Марковы, Комаровскіе и др., саксонскій—Ностицъ, сардинскій—Хвостовъ; бароны австрійскіе—Сердобины, Вревскіе, Пасхины и т. д., шведскіе—Будберги, Дельвиги и т. д. (Ib) [26]).

Къ титулованнымъ фамиліямъ у насъ приближаются нѣкоторыя дворянскія фамиліи, которыя, хотя и не имѣютъ княжескаго титула, но происходятъ отъ княжескихъ родовъ. Сатины, Внуковы, Еропкины, Ржевскіе, Осинины и др. Этимъ фамиліямъ, въ отличіе отъ другихъ, по закону 1797 г., предоставлено имѣть въ гербѣ корону и мантію (прим. I къ 56 ст. IX т. изд. 1857).

Наши высшіе классы, наши карьеристы, увлеклись иноземными титулами, подобно тому, какъ они увлеклись и табелью о рангахъ. Мы выше видѣли, какъ П. Апраксинъ просилъ Петра Великаго въ 1715 г. о пожалованіи ему графскаго титула—„*даданіе*“ графъ было пожаловано и Микитѣ Моисеевичу Зотову въ 1710 г. по его прошенію (Долгорукой. ч. 2. стр. 2). Мы знаемъ, какія искательства иногда употреблялись, какія жертвы иногда приносились, чтобъ сдѣлаться Erlaucht или Durcherlaucht [27]). Но мы также знаемъ и замѣчательный примѣръ одной дворянской русской фамиліи, небгавшейся за иноземнымъ титуломъ, ей предлагаемымъ: Нарышкины считали для себя достаточной честью кровное родство съ Петромъ Великимъ и отклоняли пожалованіе всякаго титула (W. Coxe: Voyage en Pologne, Russie etc. T. II p. 289).

Любовь къ титуламъ, искательство ихъ, особенно сильныя въ остзейскомъ дворянствѣ, бывали поводомъ, что иногда лица, неимѣющія никакого права ни на породный, ни на пожалованный титулъ, употребляли его особенно въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, гдѣ дипломы на баронское достоинство фабриковались почти также, какъ грамоты на шляхетство въ западно-русскихъ губерніяхъ. Правительство обратило на это вниманіе въ 1833 (2 П. С. № 6.029) и нашло нужнымъ регулировать употребленіе титуловъ, подобно тому, какъ оно регулировало употребленіе гербовъ—дабы предупредить самовольное присвоеніе ихъ. Право пользоваться почетными титулами окончательно было опредѣлено въ 1846 г. Законъ этого года предоставилъ титулы: а) потомкамъ древнихъ русскихъ и литовскихъ князей; б) лицамъ происходящимъ отъ предковъ, возведенныхъ съ ихъ потомствомъ въ почетные титулы россійскими императорами, или утвержденныхъ въ ономъ по пожалованію отъ иностранныхъ государей.

Относительно же остзейскихъ бароновъ въ томъ же законѣ было постановлено, что баронскій титулъ имѣютъ право носить только тѣ остзейскія дворянскія фамиліи, которыя во время присоединенія прибалтійскихъ губерній къ Россіи, записаны были въ тамошнихъ мѣстныхъ матрикулахъ, а потомъ въ публичныхъ актахъ именуемы были баронами. Всѣмъ же прочимъ, присвоившимъ баронскій титулъ самовольно, употребленіе его строго запрещалось (2 № 19.570). Но вѣроятно, бароны—самозванцы не переводились: въ 1852 изданы дополнительныя правила къ закону 1846 г. (2 П. С. № 26.443).—Въ 1850 г. опредѣлено было право на княжескій титулъ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій Грузіи, Имеретіи и Гуріи (2 П. С. № 24.707), а 1852 г. повышена пошлина, взыскиваемая съ грамотъ на княжеское и графское достоинство, изготовляемыхъ департаментомъ герольдіи: опредѣлено взымать съ этихъ граматъ 1605 р. 15 к. (2 П. С. № 26.538). Но въ 1868 г. измѣнены были правила о взыманіи пошлинъ съ актовъ и документовъ, выдаваемыхъ департаментомъ

герольдіи. Предоставлено министру юстиціи отъ времени до времени измѣнять таксу на эти пошлины, примѣнительно къ издержкамъ и потребностямъ департамента герольдіи въ усиленіи средствъ его. На этомъ основаніи министръ юстиціи установилъ таксу въ видѣ опыта на 3 года. Размѣры этой таксы слѣдующія: съ грамотъ на титулы: свѣтлѣйшихъ князей—1.085 р. 15 к., сіятельныхъ князей—1.060 р. 15 к., съ грамотъ на баронскій титулъ—780 р. 15 к. съ диплома на дворянство 113 р.; съ гербовъ, отдѣльно выдаваемыхъ: свѣтлѣйшихъ князей—120 р., сіятельныхъ князей—115 р., сіятельныхъ графовъ—110 р., бароновъ—105 р., дворянъ—56 р. Съ копій родословной и герба: свѣтлѣйшихъ князей—68 р., сіятельныхъ князей—57 р., сіятельныхъ графовъ—52 р., бароновъ—48 р., дворянъ—25 р. (Ордеръ мин. юстиціи 30 апрѣля 1869 г. № 6.274) [28]).

Мы прослѣдили различные способы пріобрѣтенія дворянства. Различіе способовъ пріобрѣтенія обусловливало и фактическое различіе разрядовъ, на которые распадалось сословіе. Между этими разрядами не существовало никакихъ отличій юридическихъ, а напротивъ общность правъ и обязанностей распространялась по *закону* на все сословіе, и на каждаго его члена въ отдѣльности. Законъ не освящалъ особенностей разрядовъ дворянства, на которые оно расчленялось фактически.

Начало веденія дворянской родословной книги современно уничтоженію права отъѣзда, превращенію бродячаго служилаго класса въ осѣдлый и помѣстный, вольныхъ бояръ и слугъ въ холоповъ царя московскаго. Первая дворянская родословная книга, отъ которой ведетъ свое начало *Бархатная книга*, была составлена по указанію Ивана III. Вѣроятно, книга эта погибла вовремя самозванцевъ: древнѣйшая боярская книга, сохранившаяся въ сенатскомъ разрядномъ архивѣ, относится къ 1627 г. (Прилож. 9 къ I Т. ист. ц. Петра Великаго Устрялова. стр. 255). По уничтоженіи Ѳедоромъ Алексѣевичемъ мѣстничества, 12 января 1682 г. повелѣно было всѣ разрядныя книги сжечь, а вмѣсто нихъ составить *на память будущимъ родамъ* одну Ро-

дословную книгу. При внесеніи фамилій въ эту книгу онѣ были раздѣлены на 5 степеней: 1) на знатнѣйшія фамиліи—княжескіе и иные честные роды, бывшія въ боярахъ, въ окольничихъ и думныхъ дворянахъ; 2) которыя при Иванѣ Васильевичѣ были въ послахъ и на воеводствахъ; 3) бывшія въ такихъ же чинахъ при царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ; 4) бывшія въ среднихъ чинахъ и 5) произведенныя изъ нижнихъ чиновъ въ московскіе чины за службы отцовъ ихъ. Указами 1686 и 1687 годовъ велѣно было родословную книгу обновить и пополнить новыми фамиліями (Голикова: Дополн. III 3, стр. 235. П. С. № 120 и 1219). Такъ составилась „Бархатная книга“, напечатанная Миллеромъ въ Москвѣ въ 1787 г. въ 2 частяхъ, подъ названіемъ „Родословная книга князей и дворянъ росссійскихъ и выѣзжихъ“ (Прим. издат. къ Зап. Желябужскаго). Весьма многія фамиліи, внесенныя въ родословныя книги конца 17 ст., угасли или захудали, а между прочимъ явилось множество новыхъ дворянскихъ фамилій и изъ пожалованныхъ дворянствомъ и изъ заслужившихъ его чиномъ. Елизавета Петровна повелѣла въ 1761 г. надворному совѣтнику Приклонскому составить *Родословную о дворянахъ книгу*, въ которой, если мы не ошибаемся (въ П. С. указаній нѣтъ, но мы выводимъ это заключеніе изъ заявленій депутатовъ коммисіи 1767 г.), дворянство не было раздѣлено на разряды, а книга—на части. Мы говорили выше и еще подробнѣе скажемъ ниже, какъ породистое дворянство старалось отдѣлиться отъ подлаго, какъ дворянскіе депутаты коммисіи 1767 г. заявили о томъ, чтобъ дворянство не пріобрѣталось чиномъ, но только происхожденіемъ и пожалованіемъ отъ монарха. Нѣкоторые изъ нихъ заявили также и о томъ, чтобъ дворянство раздѣлено было на 6 разрядовъ (напр. депутатъ отъ романовскаго дворянства кн. Давыдовъ Сб. Р. Ист. Об. т. IV стр. 180 [29]), дабы доставить возможность родовому и титулованному дворянству обособиться отъ дворянства чиновнаго и жалованнаго, замкувшись въ отдѣльные разряды. Требованіе дворянскихъ депутатовъ, чтобы чинъ не давалъ дворянства, не могло

быть удовлетворено: оно шло въ разрѣзъ съ кореннымъ взглядомъ правительства, выразившимся въ табели о рангахъ. Иначе отнеслось правительство къ раздѣленію дворянства на разряды.

Дворянская грамота децентрализировала веденіе дворянской родословной книги: точнѣе опредѣливъ доказательства дворянства, она предоставила дворянскому обществу каждой губерніи посредствомъ депутатскаго собранія веденіе дворянской родословной книги губерніи. Такимъ образомъ, самимъ дворянскимъ обществамъ предоставлено было разрѣшеніе вопроса: кто можетъ быть ихъ членомъ, и какого разряда? Дворянскія родословныя книги были раздѣлены на 6 частей:

1. Въ *первую* часть записано было дворянство пожалованное (noblesse par lettres) и дворянство до ста лѣтъ.

2. Во *вторую*—военное дворянство, пріобрѣтенное чиномъ военной службы (noblesse d'épée)

3. Въ *третью*—дворянство бюрократическое, пріобрѣтенное чиномъ гражданской службы (noblesse de robe).

4. Въ *четвертую*—всѣ иностранные дворянскіе роды.

5. Въ *пятую*—дворянство, украшенное титулами—какъ родовыми, такъ и пожалованными (князья, графы и бароны).

6. Въ *шестую* — древніе *благородные* дворянскіе роды, доказательства дворянскаго достоинства которыхъ восходятъ за 100 лѣтъ, а *благородное* начало покрыто неизвѣстностію (№ 16.186. п. 76—82 [30]).

Интересно, что Радищевъ въ описаніи своего путешествія подсмѣивается надъ дворянами, встревожившимися тѣмъ, что ихъ древніе роды поставлены ниже всѣхъ другихъ запискою въ 6-ю часть (стр. 114 по лондонскому изд.). Авторитетъ *6-й части* былъ нѣсколько подорванъ въ 1850 г.: по дѣлу о дворянствѣ Якубинскихъ было постановлено, чтобы столѣтіе, присвояющее право на внесеніе въ 6-ю часть родословной книги, исчислять со времени изданія грамоты 1785 г. (2-е П. С. № 24.601).

Эти разряды, на которые разбила дворянство жалованная грамота 1785 г., не представляютъ никакихъ юридическихъ отличій: дворянинъ, записанный въ 1-ю часть, такъ-же могъ владѣть крѣпостными и быть даже губернскимъ предводителемъ, какъ и дворянинъ 6-й части. Но общественное мнѣніе и мнѣніе самого дворянства относилось не безразлично къ завѣтной 6-й части. Шестой разрядъ дворянства всегда считалъ себя дворянствомъ по преимуществу, самыми крѣпкими столбами государства, а на на первые три разряда смотрѣлъ, какъ на дворянъ-выскочекъ, плебейской крови. Съ меньшимъ пренебреженіемъ 6-я часть относилась къ 4-й, а титулованное дворянство всегда пользовалось особеннымъ уваженіемъ дворянства родового. Послѣднее сходилось съ титулованнымъ дворянствомъ въ стремленіи обособиться отъ дворянства чиновнаго-офицерскаго и бюрократическаго; по слѣдамъ его въ такомъ направленіи шли высшіе военные и гражданскіе чины, хотя и внесенные во 2-ю и 3-ю части дворянской родословной книги. Это стремленіе къ обособленію привело къ созданію аристократическихъ учебныхъ заведеній—пажескаго корпуса, александровскаго лицея, училища правовѣдѣнія, въ которыхъ могли воспитывать своихъ дѣтей только тѣ дворяне, которые были записаны въ 5-ю и 6-ю части, да высшіе военные и гражданскіе чины.

Царскими чиновными людьми до Петра Великаго, ихъ служебнымъ распорядкомъ завѣдывалъ разрядъ. Одновременно съ образованіемъ шляхетства разрядъ былъ уничтоженъ, а вмѣсто него при сенатѣ учрежденъ разрядный столъ; съ окончательнымъ преобразованіемъ сената, немного раньше изданія табели о рангахъ, при немъ появляется должность герольдмейстера (П. С. № 3.877). Въ эту должность назначенъ былъ Колычовъ (П. С. № 3.896), который и прежде завѣдывалъ дѣлами дворянскими и служебными (П. С. № 3.810, 3.874). При герольдмейстерѣ образуется цѣлое присутственное мѣсто —герольдмейстерская контора, съ отдѣленіемъ въ Москвѣ (П. С. № 4.098), а перваго герольдмейстера Колычева скоро смѣнилъ Плещеевъ (П. С. № 4.114). Для дво-

рянства герольдмейстеръ пріобрѣлъ такое же значеніе, какое для царскихъ чиновныхъ людей имѣлъ разрядъ. Важное значеніе этого учрежденія заставило правительство обращать постоянное вниманіе на его болѣе правильную организацію. Въ 1726 г., на основаніи словеснаго указа императора Петра, герольдмейстерскому товарищу гр. Сантію увеличенъ былъ окладъ жалованья: ему назначили противъ иноземца Фика 1.600 р. въ годъ, да домъ на квартиру „для отправленія геральдическаго искусства“ и по 2 р. на краски съ получающихъ новые гербы (№ 4.831). При раздѣленіи сената на департаменты, дѣла по герольдіи вмѣстѣ съ важнѣйшими государственными поручены I департаменту (№ 11.989. п. 11), а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы герольдія имѣла полное свѣдѣніе о всѣхъ фамиліяхъ росс. дворянства, ей былъ порученъ разрядный архивъ (Ib. 22). Въ 1800 г. для лучшаго устройства герольдіи повелѣно къ прежнему ея составу присоединить чиновниковъ, бывшихъ при составленіи гербовника, прибавивъ къ нимъ ваппенрихтера. Герольдія была поручена сенатору Козадавлеву, какъ директору герольдіи, и уравнена съ коллегіями (П. С. № 19.432). Точнѣе опредѣлено устройство герольдіи въ 1803 г., когда ей предписано докладывать дѣла общему собранію сената (П. С. № 20.608), а при герольдмейстерѣ опредѣленъ 3-й товарищъ (П. С. № 20.635). Въ 1819 г. опредѣленъ штатъ герольдіи и герольдмейстерскихъ дѣлъ въ Москвѣ (кн. штатовъ къ № 29.725), 12 мая 1848 г. герольдія была преобразована въ департаментъ сената, введенный въ составъ 1 общаго собранія; герольдмейстеру присвоены права и обязанности оберъ-прокурора, а тремъ товарищамъ его—оберъ-секретарей. Дѣла, подвѣдомственныя департаменту герольдіи, распредѣлились между тремя его экспедиціями: въ первыхъ двухъ—о дворянствѣ вообще, о почетныхъ титулахъ и о перемѣнѣ фамилій, а въ 3-й экспедиціи дѣла по составленію гербовниковъ дворянскихъ родовъ, пріуготовленію грамотъ, дипломовъ и копій съ гербовъ и родословныхъ, веденіе списка дворянамъ и лицамъ, лишеннымъ дворянскаго достоинства, кромѣ того, дѣла

о почетномъ гражданствѣ и инспекторская часть гражданскаго вѣдомства. Послѣдняя была поручена потомъ инспекторскому департаменту гражд. вѣдомства, состоявшему при 1-мъ отдѣленіи Соб. Е. И. В. канцеляріи. Но въ настоящее царствованіе этотъ департаментъ былъ упраздненъ, а инспекторская часть гражд. вѣдомства попрежнему была возвращена въ департаментъ герольдіи, что вполнѣ соотвѣтствуетъ филіаціи учрежденій: герольдія развилась изъ должности герольдмейстера, замѣнившаго разрядъ, который завѣдывалъ служебными распорядками царскихъ чиновныхъ людей.

Такимъ образомъ, завѣдываніе дворянствомъ сосредоточивается въ департаментѣ герольдіи, но нѣкоторыя дѣла этого рода подвѣдомственны и первому департаменту сената, охраняющему права сословій. Какая же разница между дворянскими дѣлами, подвѣдомственными обоимъ департаментамъ? Все, что относится до личныхъ правъ дворянъ, пользованіе которыми предполагаетъ доказательство дворянскаго состоянія, вся документальная часть—сосредоточиваются въ департаментѣ герольдіи. Напротивъ, корпоративныя права, которыми пользуются дворяне въ составѣ дворянскихъ обществъ—выборы, утвержденіе избранныхъ въ должностяхъ и т. п. —относятся къ предметамъ, подвѣдомственнымъ первому департаменту сената.

Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей герольдмейстера по инструкціи 1722 г. состояла въ томъ, чтобы знать наличную численность дворянства, разрѣшать сомнѣнія въ дворянскомъ достоинствѣ лица, завѣдывать нарядами и распредѣленіемъ дворянъ на службу. Съ послѣдней обязанностію мы познакомимся въ слѣдующей главѣ, гдѣ будемъ изслѣдовать обязательную службу дворянства. О первыхъ двухъ обязанностяхъ считаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь.

Инструкція герольдмейстеру обязываетъ его вести троякіе списки дворянамъ:

1. Генеральные именные и порознь по чинамъ, 2. Кто изъ нихъ годится къ дѣламъ, и кто находится у дѣлъ. 3. Сколько у кого дѣтей, и какихъ лѣтъ. Для

составленія этихъ списковъ повелѣно всѣ прежніе шляхетскіе списки, которые были при сенатѣ и оставались въ прежнемъ Разрядѣ, отдать герольдмейстеру, а для дополненія ихъ военная и адмиралтействъ-коллегіи должны были сообщить списки о всѣхъ дослужившихся до оберъ-офицерскаго ранга. Кромѣ того, изъ коллегій и канцелярій, равно какъ изъ губерній и провинцій, герольдмейстеру сообщались ежегодные рапорты о дворянахъ, находящихся у дѣлъ, или въ домахъ, о дворянахъ родившихся и умершихъ. Дослужившіеся до оберъ-офицерскаго чина не изъ дворянъ вписывались также въ дворянскіе списки (№ 3.896). Кн. Щербатовъ въ коммисіи 1767 г. жаловался, что веденіе дворянскихъ списковъ не исполнялось (Сб. р. Ист. Общ. т. IV стр. 161). Дѣйствительно, герольдія не могла имѣть точнаго свѣдѣнія о числѣ дворянъ, такъ какъ губернскія и воеводскія канцеляріи доставляли списки не только не ежегодно, но иногда не доставляли ихъ и вовсе. Въ 1772 г. предписано было доставить эти списки непремѣнно втеченіе текущаго года (№ 13.690). Веденіе герольдмейстеромъ списковъ 2 рода, за отмѣною обязательной службы, прекращено, а вмѣсто того въ 1784 году постановлено вести списокъ князьямъ и мурзамъ татарскаго происхожденія, возстановленнымъ въ прежнемъ ихъ достоинствѣ (№ 15. 936). Эти списки трояшаго рода ведутся департаментомъ герольдіи и въ настоящее время (ст. 1655 IX Т. изд. 1857).

Веденіе списковъ нужно было и для того, чтобы, зная наличную численность дворянства, въ данномъ случаѣ разрѣшать сомнѣнія о принадлежности лица къ дворянскому состоянію. Разрѣшеніе же этихъ сомнѣній было тѣмъ труднѣе, что ни табель о рангахъ, ни инструкція герольдмейстеру не вполнѣ опредѣлили, принадлежатъ ли къ дворянству нижнихъ чиновъ служилые люди. Въ первыя ревизскія сказки были записаны нѣкоторые дворяне (П. С. № 3.794). Объ архіерейскихъ боярскихъ дѣтяхъ Петръ Великій постановилъ въ 1721 г.: считать дворянами и не записывать въ ревизскія сказки тѣхъ изъ нихъ, шляхетство которыхъ идетъ отъ дѣда

(П. С. № 3.854 п. 2). Многіе другіе дѣти боярскіе [31]), и дворяне, вмѣстѣ съ людьми самыхъ нижнихъ чиновъ— стрѣльцами, пушкарями, станичниками, воротниками и т. д.—поступили въ *однодворцы*, а потомъ *подбирались*, какъ выражался кн. Щербатовъ въ коммисіи, подъ имена дворянскихъ фамилій; *выхаживали* себѣ отъ нѣкоторыхъ дворянъ, яко бы и они изъ таковыхъ же съ ними, записывались въ военную службу и производились въ офицеры (№ 15.486). Табель же о рангахъ, какъ мы видѣли, ничего не говоритъ о старыхъ чинахъ и только неопредѣленно предоставляетъ герольдмейстеру выдавать гербы тѣмъ неслужащимъ въ военной службѣ, которые могутъ доказать свое дворянство за сто лѣтъ. А между прочимъ, въ практикѣ 18 в. довольно часто возникалъ вопросъ:признавать ли такого-то потомка служилаго человѣка низшаго разряда за дворянина? Общимъ постановленіемъ вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ уже къ концу царствованія Елизаветы Петровны, когда въ 1754 г. былъ изданъ указъ, чтобы дворянъ и дѣтей боярскихъ, записанныхъ въ десятни, „числить съ дворяны“, такъ какъ по справкамъ въ разрядномъ архивѣ изъ другихъ списковъ видно, что записанные въ десятняхъ были изъ знатнаго рода, какъ напримѣръ въ таруской десятнѣ въ дѣти боярскіе былъ записанъ Полуевктъ Ивановъ Нарышкинъ, дѣти котораго были въ боярахъ и въ думныхъ дворянахъ (№ 10.900). Въ 1761 г., постановлено: герольдіи дворянами считать тѣхъ, которыхъ предки верстаны помѣстьями и жалованы вотчинами, если притомъ они представятъ доказательства о принадлежности ихъ къ тому роду (№ 11. 255), а вслѣдъ за тѣмъ въ томъ же году, какъ мы видѣли, для окончательнаго разрѣшенія вопроса с томъ, кто принадлежитъ къ дворянству, повелѣно было составить родословную книгу о дворянахъ (№ 11.340). Для предупрежденія неправильнаго внесенія въ эту книгу, Екатерина II въ 1764 г. постановила, что если кто станетъ просить о внесеніи въ книгу его фамиліи, то сенатъ долженъ доложить о томъ государынѣ (П. С. № 12.029). Постановленіе это, отмѣненное въ 1768 г., было возстановлено вновь

*

въ 1778 (№ 14.033). Хотя и издавались указы, что если кто будетъ просить о написаніи въ дворянскій списокъ или о подтвержденіи дворянства новымъ дипломомъ, то сверхъ представленныхъ просителемъ доказательствъ и справокъ, взятыхъ изъ разряднаго архива, брать извѣстія отъ родственниковъ просителя, ихъ ли онъ рода, и какъ въ родствѣ близокъ, а съ тѣми городами, по которымъ предки служили и деревни имѣли справляться, но указы эти не приводили ни къ какимъ существеннымъ послѣдствіямъ. Запросы о дворянствѣ въ разрядный архивъ присылались не отъ одной герольдмейстерской конторы, но и отъ другихъ присутственныхъ мѣстъ, которыя на основаніи одной справки, полученной изъ разряда, записывали въ дворянство „изъ чего легко могло послѣдовать, что совсѣмъ не той, а тѣмъ больше и недворянской фамиліи, имѣя такое жъ фамильное названіе, можетъ въ дворянскую фамилію *волгаться*". Для предупрежденія сего указъ 1771 г. постановляетъ: если присутственнымъ мѣстамъ понадобятся справки о дворянствѣ просителя, то они должны требовать ихъ отъ герольдмейстерской конторы въ Спб. или отъ герольдмейстерскихъ дѣлъ въ Москвѣ, а не отъ разряднаго архива (№ 13.577). Но и это не предупредило запутанности вопросовъ о дворянствѣ и трудности ихъ разрѣшенія. Это явствуетъ изъ весьма интереснаго дѣла о Полетаевыхъ, помѣщеннаго въ 1-мъ П. С. подъ № 14.188. Дѣло это состояло въ слѣдующемъ: дворовый человѣкъ князя Долгорукова, Николай Полетаевъ, въ бытность свою въ Спб. въ 1773 г., опредѣлился въ великолуцкій пѣхотный полкъ, въ которомъ скоро былъ произведенъ въ сержанты и представленъ къ производству въ адъютанты. Н. Полетаевъ доказывалъ свое дворянство: челобитною, поданною герольдмейстеру онъ показывалъ „что предки его Анисимъ Ѳедоровъ, сынъ его Терентій Анисимовъ, а онаго сынъ Семенъ Терентьевъ, ему родной прадѣдъ, а Семеновъ сынъ Семенъ, ему родной дѣдъ, были изъ дворянъ, находились въ службѣ по доброму городищу, верстаны помѣстными окладами". Герольдмейстерскія дѣла навели справку въ

разрядномъ архивѣ, изъ которой явствовало, что Полетаевы записаны въ добренскомъ разборѣ 7205 г., спаскія сотни въ солдатскихъ службахъ, но не рѣшили принадлежитъ-ли проситель къ дворянству. Сенатъ же рѣшилъ отрицательно: на основаніи указа Өедора Алексѣевича 7190 о составленіи родословной книги и прежнихъ указовъ сената постановлено, чтобы Полетаеву въ дворянствѣ отказать и вмѣстѣ съ его сыномъ Михаиломъ, каптенармусомъ астраханскаго батальона, возвратить въ первобытное состояніе—крѣпостныхъ кн. Долгорукова [32]). Вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждено было военнымъ командамъ: не опредѣлять недорослей въ военную службу и не представлять ихъ въ офицеры, не получивъ отъ герольдіи свѣдѣнія о подлинномъ ихъ дворянствѣ (№ 14.188). Но еще въ 1782 г. смоленское намѣстническое правленіе сообщало въ военную коллегію, что живущіе въ юхновской округѣ, положенные въ подушный окладъ однодворцы, избѣгая платежа подушныхъ и другихъ податей и недоимокъ, и *выхаживая себѣ отъ нѣкоторыхъ дворянъ, яко бы и они изъ таковыхъ же съ ними, оставляя свои семейства, записываются въ военную службу.* (№ 15.500). А вскорѣ затѣмъ орловскій и курскій генералъ-губернаторъ кн. Прозоровскій представлялъ, что многіе изъ однодворцевъ, подъ именемъ дворянъ, вступали въ службу и дослуживались офицерскихъ чиновъ, и просилъ разрѣшенія, могутъ ли они быть приняты въ дворянское общество во время выборовъ къ общественнымъ должностямъ? (П. С. № 15590).

Злоупотребленія по доказательствамъ дворянства побудили кн. Щербатова въ коммисіи 1767 г., подать голосъ объ учрежденіи въ каждомъ уѣздѣ дворянскихъ собраній съ предводителемъ во главѣ, который бы велъ списки уѣздныхъ дворянъ. „Этотъ порядокъ", говорилъ депутатъ ярославскаго дворянства, „доставитъ герольдіи возможность имѣть точныя свѣдѣнія о россійскомъ дворянствѣ и воспрепятствуетъ вновь подбираться подъ имена чужихъ фамилій". (стр. 161). Дворянская грамота, перечисливъ 15 *неопровергаемыхъ* доказательствъ благородства (ср. 92 ст. Жалованной грамоты съ 54 ст.

IX Т. изд. 1857), предоставляетъ самому дворянскому обществу губерніи, разобравъ эти доказательства, разрѣшать вопросъ о принадлежности къ нему. Принадлежность же удостовѣряется дворянской родословной книгой губерніи, составляемой дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ.

Но злоупотребленія дворянскихъ депутатскихъ собраній, при составленіи родословныхъ книгъ были весьма часты, особенно въ Малороссіи, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже, а теперь ограничимся однимъ примѣромъ: въ 1792 г. черниговскій губернскій предводитель и уѣздные дворянскіе депутаты, разсмотрѣвъ права *Богушей* на дворянство, постановили: „внести всѣхъ ихъ по древности ихъ шляхетства въ VI ч. и выдать имъ узаконенную грамоту“. Сенатъ же, напротивъ, постановилъ, такъ какъ родъ Богушей съ давнихъ временъ записанъ въ число казаковъ, то въ дворянствѣ имъ отказать (Зап. черниг. губ. статист. комитета кн. 2 стр. 53). Къ этому присоединимъ еще, что большая часть малороссійскихъ дворянъ депутатскими собраніями записана въ VI ч. книги, а герольдіей перечислена во II или III-ю. Злоупотребленія эти ограничивались не одной Малороссіей: курское дворянское собраніе внесло въ VI часть однодворцевъ Былапова и Русанова, которые сенатомъ не были исключены изъ однодворческаго состоянія и неизбавлены отъ рекрутчины (П. С. № 25.593).

Вслѣдствіе этихъ злоупотребленій, правительство начало устанавливать контроль надъ составленіемъ дворянскихъ родословныхъ книгъ въ губерніяхъ. Въ 1796 г. Павелъ I писалъ: „Дошло до нашего свѣдѣнія, что съ великимъ небреженіемъ разборъ чинится въ дворянскихъ собраніяхъ по просьбамъ ищущихъ дворянства, и дворянское къ тому право обращается въ злоупотребленіе. Въ отвращеніе того повелѣваемъ, дабы никакое въ государствѣ нашемъ правительство собою не вводило въ дворяне и не выдавало своихъ грамотъ на сіе достоинство...“. (П. С. № 17.608). Это было подтверждено и въ 1801 г.: „какъ въ дворянское достоинство, какъ регалію государскую, никто, кромѣ

насъ, облекать не можетъ, то грамотъ на сіе достоинство... безъ нашего повелѣнія не представлять“ (П. С. № 19.769). Императоръ Александръ I возстановилъ прежній способъ составленія родословныхъ книгъ дворянскими депутатскими собраніями. Но въ 1803 году, вслѣдствіе злоупотребленій дворянскихъ депутатскихъ собраній по нѣкоторымъ губерніямъ, вслѣдствіе включенія ими многихъ лицъ, неимѣющихъ на то права, въ сословіе дворянъ, предписано было, дабы при внесеніи дворянскихъ родовъ въ родословныя книги наистрожайше наблюдались правила 92 ст. дворянской грамоты; свидѣтельство же 12 благородныхъ особъ о томъ, что отецъ и дѣдъ просителя были дворянами, принимать въ подкрѣпленіе только доказательствъ, и только такихъ дворянъ, въ благородствѣ которыхъ нѣтъ сомнѣнія. (№ 20.608). Впослѣдствіи законодательство окончательно потеряло довѣріе къ свидѣтельству 12 благородныхъ дворянъ, и въ сводѣ законовъ 12-е доказательство жалованной грамоты измѣнено въ томъ смыслѣ, что этого свидѣтельства не требуется (см. 40 ст. IX Т. изд. 1833 и 54 изд. 1857 г. № 13). Несмотря на требованія жалованной грамоты о доставленіи въ герольдію копій съ дворянскихъ родословныхъ книгъ изъ губерній, несмотря на подтвержденія этого требованія въ 1797 и 1800 г.— до 1813 г. означенныя копіи получались герольдіей въ весьма маломъ числѣ: напр. изъ кіевской губерніи только за 2 года (1800 и 1801)., псковской только за 1 годъ (1805) и т. д. Въ 1813 г. новое подтвержденіе присылать копіи (№ 25.376). Въ 1821 г. министръ юстиціи Лобановъ-Ростовскій говорилъ въ своемъ предложеніи сенату, что дворянскія собранія, несмотря на указъ 1803 г., сопричисляли къ дворянскому сословію такихъ людей, которые не представляли не только достаточныхъ, но даже никакихъ почти доказательствъ о дворянскомъ своемъ происхожденіи: сенатъ подтвердилъ наблюденіе указа 1803 г. (№ 28.603). Въ 1828 г. при сенатѣ былъ учрежденъ комитетъ для начертанія правилъ о томъ, какимъ образомъ удобнѣе произвести ревизію дѣйствій дворянскихъ собраній и положительно опредѣлить на-

стоящіе дворянскіе роды (2 П. С. № 1.806). Эти правила были начертаны и представлены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта въ 1834 г. Одобривъ ихъ, государственный совѣтъ постановилъ: въ каждой губерніи для обревизованія дѣйствій дворянскихъ депутатскихъ собраній со времени учрежденія оныхъ по 1829 г., учредить особую коммисію подъ предсѣдательствомъ совѣстнаго судьи, изъ двухъ кандидатовъ въ должности предсѣдателей палатъ, двухъ членовъ депутатскаго собранія и губернскаго прокурора. Коммисіи должны были ежемѣсячно доносить герольдіи о дѣйствіяхъ своихъ, а герольдія, вслучаѣ медленности ихъ, представляла сенату. По истеченіи каждаго года, коммисіи должны представить герольдіи: а) списки тѣмъ дворянамъ, которые внесены въ родословныя книги на законномъ основаніи и б) списки всѣхъ тѣхъ дворянъ, которые записаны въ дворянскія родословныя книги, не имѣя на то права (2 П. С. № 7.007). Эти ревизіонныя коммисіи едвали достигли цѣли: государственный совѣтъ еще въ 1846 г. изыскивалъ мѣры къ прекращенію подлоговъ при доказательствѣ дворянства (2 П. С. № 19.579). Подлоги эти были особенно часты относительно дворянства иноплеменнаго, гдѣ дипломы на дворянское достоинство фабриковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Мы видѣли, какъ поддѣлывались дипломы на баронскіе титулы рыцарствомъ остзейскимъ. Подобная же поддѣлка производилась въ Грузіи и особенно въ западно-русскихъ губерніяхъ, гдѣ это велось споконъ вѣка, гдѣ *дворянство* жаловалось не только королями, но и бердичевскими жидками, снабжавшими, какъ увидимъ ниже, поддѣльными дипломами и шляхетство малороссійское.

Относительно Грузіи сенаторъ Мечниковъ, производившій тамъ ревизію, сообщилъ въ 1830 г. министру юстиціи объ открытіи имъ въ Тифлисѣ дѣлателей фальшивыхъ грузинскихъ царскихъ документовъ на дворянское и княжеское достоинства, изъяснивъ, что соучастникомъ этого преступленія оказался секретарь дворянскаго депутатскаго собранія и одинъ изъ членовъ.

Вслѣдствіе этого въ Тифлисѣ была учреждена коммисія для разсмотрѣнія документовъ на дворянское и княжеское достоинство (2 П. С. №. 4.046), а потомъ указомъ 1846 г. двѣ коммисіи—въ Тифлисѣ и Кутаисѣ, подъ контролемъ коммисіи с.-петербургской (2 П. С. № 19.891). Результатомъ дѣйствій этихъ коммисій былъ законъ 1850 г., утвердившій право на княжество и на дворянство нѣкоторыхъ родовъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи (2 П. С. № 24.707).

Учрежденіе ревизіонныхъ коммисій въ западныхъ губерніяхъ для повѣрки правъ на дворянство предшествовало учрежденію таковыхъ въ другихъ губерніяхъ по закону 1834 г, До правительства доходили свѣдѣнія, что въ Вильнѣ и самогитскихъ уѣздахъ массами подделываются документы на дворянство, что во Львовѣ, Могилевѣ и Бердичевѣ, и особенно въ послѣднемъ, фабрикуются въ обширныхъ размѣрахъ шляхетскія генеологіи и дипломы, которые продавались по рублю. Въ 1833 году повелѣно было учредить три коммисіи: одну—для губ. виленской, гродненской и бѣлостокской области, другую—для губ. кіевской, волынской и подольской, а третью—для губ. витебской, могилевской и минской. Коммисіи составлены были изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, корпуса жандармовъ и губернскаго стряпчаго. Онѣ должны были перекрѣпить хранящіяся во всѣхъ мѣстахъ въ тѣхъ губерніяхъ метрическія и актовыя книги, перечеркнувъ пробѣлы въ нихъ, прошнуровать и запечатать. Занятія коммисій кончились въ 1835 г.; о поддѣлкахъ въ актовыхъ книгахъ сообщено было герольдіи. Но эти коммисіи не принесли большой пользы: нѣкоторые бердичевскіе и львовскіе дипломы признаны ими были за подлинные. По предложенію Бибикова, въ 1840 году учреждена ревизіонная коммисія въ Кіевѣ для трехъ югозападныхъ губерній. Эта коммисія составлена была изъ предсѣдателя, товарища и совѣтника его и трехъ членовъ, избираемыхъ дворянствомъ юго-западныхъ губерній—по одному отъ каждой. Коммисія должна была окончить свои работы къ 1 января 1844 г. (2-е П. С.

№ 13.046). Работая подъ зоркимъ наблюденіемъ энергическаго начальника края, коммисія исключила изъ дворянскаго сословія 64.000 шляхтичей, причисливъ ихъ къ однодворцамъ и гражданамъ (Владиславъ Мицкевичъ въ своей книгѣ „La Pologne et ses provinces méridionales“ жалуется на обращеніе въ податное состояніе въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ 141.708 шляхтичей). О результатахъ дѣятельности центральной коммисіи 1840 г. самъ Бибиковъ въ своей знаменитой рѣчи помѣщикамъ кіевской губерніи 8 мая 1851 г. говорилъ слѣдующее: „Когда я пріѣхалъ, засталъ здѣсь что всѣ были дворяне—лакей за каретою, дворянинъ кучеръ на козлахъ, дворянинъ-форейторъ, дворянинъ-сторожъ, дворянинъ въ кухнѣ стряпалъ, дворянинъ подавалъ ему сапоги, и когда онъ разсердясь хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель отвѣчалъ ему: „не имѣешь права я тебѣ ровенъ“. Государь императоръ именуетъ себя первымъ дворяниномъ въ Россіи; спрашивается: можетъ ли онъ подать руку также дворянину повару или лакею? Была фабрика дворянскихъ документовъ въ Бердичевѣ, гдѣ продавались патенты по рублю сер.; были и коммисіи для повѣрки дѣйствій депутатскихъ собраній, но не принесли никакой пользы. Я собралъ коммисіи въ одну центральную, которая, по разборѣ такъ называемаго дворянства, исключила изъ этого благороднаго сословія 64 тысячи семействъ, неимѣвшихъ права оставаться въ ономъ.... Когда герольдія, утвердивъ уже многіе дворянскіе роды, окончитъ разсмотрѣніе дѣлъ дворянскихъ, то каждый изъ насъ, господа, будетъ увѣренъ, подавая руку подобному себѣ, что подаетъ руку такому же дворянину какъ онъ самъ“. (Истор. матеріалы Зари; апр. 1870 года). Несмотря на такіе блестящіе результаты центральной коммисіи 1840 года, зло едвали прекратилось. Въ 1842 году генералъ-губернаторъ Мирковичъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ судахъ гродненской губерніи продолжаютъ находить поддѣлку и подлоги въ актовыхъ книгахъ: учреждены были уѣздныя коммисіи для пересмотра и повѣрки актовыхъ книгъ (2 П. С. № 16.163). Въ 1844

подобные же жалобы на поддѣлку доходили и изъ волынской губерніи (2 П. С. № 18.147). Для окончательнаго выясненія вопроса о правѣ на дворянство польскаго шляхетства, въ 1852 г. было опредѣлено качество и значеніе тѣхъ чиновъ бывшаго королевства польскаго и великаго княжества литовскаго, которые даютъ своимъ потомкамъ права на принадлежность къ этому сословію (2 П. С. № 25.963). Но и этимъ укоринившаяся исторически фальсификація дворянства не прекратилась, какъ показываютъ недавно открытыя поддѣлки въ актовыхъ книгахъ кіевскаго центральнаго архива.

II. Мы видѣли, что между царскими чиновными людьми до Петра не было сознанія единства интереса, связывающаго ихъ въ одну общественную группу, образующаго изъ нихъ замкнутое сословіе, обособленное отъ народа.

Петръ Великій, собирая повсюду разсыпанныя храмины, стягивая купцовъ и ремесленниковъ въ города, расписывая ихъ на гильдіи и цунфты, сдѣлалъ то же самое и относительно чиновныхъ людей. Бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, между которыми были и гедиминовичи и рюриковичи, а послѣ замѣны старыхъ чиновъ новыми—всѣ чины военные и морскіе, гражданскіе отъ коллежскаго асессора—онъ собралъ въ одну общественную группу, образовалъ сословіе—шляхетство, наложивъ на него обязанность службы въ полкахъ и канцеляріяхъ и обученія. Увлеченный образцами запада, онъ старался поднять новое сословіе до феодальной аристократіи, перенявъ у нея основной ея институтъ—майоратъ, дабы фамиліи—потомство прапорщиковъ и надворныхъ совѣтниковъ—не *упадали, но въ своей ясности непоколебимы были чрезъ славные и великіе домы.* Но феодальное учрежденіе къ нашему дворянству не привилось, да и не могло привиться вслѣдствіе кореннаго отличія нашего дворянства отъ аристократіи западно-европейской. Но другія черты послѣдней начали развиваться въ дворянствѣ.

Самымъ качествомъ своего тягла, своихъ обязанностей къ государству, шляхетство было отличено отъ народа. Народъ тянулъ черную работу, шляхетство—служило и училось. Народъ сдѣланъ ревизскими душами, обложенными подушной податью и рекрутчиной. Для шляхетства, пожалуй, тоже были своего рода ревизскія сказки—герольдмейстерскіе списки (№ 3), но по этимъ спискамъ оно платило не подушную подать, но наряжалось на службу—распредѣлялось по полкамъ и канцеляріямъ, отдавалось въ школы. Чрезъ службу шляхетство дѣлалось благороднымъ, чрезъ обученіе—образованнымъ. Отличенное отъ народа качествомъ тягла, свободою отъ подушной подати и рекрутства, благородствомъ и обученіемъ, шляхетство начинаетъ отличаться и внѣшнимъ видомъ—нѣмецкимъ платьемъ, бритою бородой, а впослѣдствіи и языкомъ—нѣмецкимъ же и преимущественно французскимъ.

Въ поставленномъ такимъ образомъ новомъ сословіи начинаетъ мало по малу развиваться сознаніе общесословнаго единства, сословной чести. Волынскій на предложеніе Салтыкова донести о бригадирѣ Козловѣ, распускавшемъ въ Казани разные слухи о московской перемѣнѣ въ 1730 г., отвѣчаетъ: „А чтобъ мнѣ доносить и завязываться съ бездѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколь то не *токмо мнѣ*, но и *послѣднему дворянину* прилично и честно дѣлать“ (Чтен. кн. 3-я 1868: Дѣло Салникѣево). Кадеты, на основаніи указа о единонаслѣдіи лишенные участія въ отцовскомъ наслѣдствѣ и поступающіе нижними чинами въ военную службу, при Аннѣ Іоанновнѣ начинаютъ приходить въ отчаяніе „что уже всѣ свои *шляхетные поступки* теряютъ“ (П. С. № 5.653). Аристократа—кн. Щербатова оскорбляетъ (О поврежд. нравовъ въ Россіи), что въ числѣ 6 шутовъ Анны Іоанновны, были князья Голицынъ и Волконскій и гр. Апраксинъ (Манштейнъ: Т. II р. 96) [33]). Аристократы, если только можно назвать этимъ несвойственнымъ кореннымъ основамъ нашего общественнаго строя терминомъ—аристократы временъ Петра Великаго, говоримъ, едва-ли

оскорблялись, что собраты ихъ потѣшали великаго монарха. Тѣмъ менѣе могло оскорбляться рядовое шляхетство тѣмъ, напримѣръ, что Меншиковъ въ 1708 г. послалъ своей женѣ двухъ *шляхтянокъ*-дѣвокъ, „изъ которыхъ одна маленькая можетъ вамъ за попугая быть: такая словесница... что можетъ увеселять больше попугая“ (Соловьева: Т. XVI стр. 241), или же тѣмъ, что въ Астрахани, во время губернаторства Волынскаго, мичмана Егора Мещерскаго взяли въ домъ генералъ-лейтенанта Матюшкина для домашней забавы и публично держали его за дурака (Св. Т. XVIII стр. 187).— Дворянскій сословный point d'honneur, повторяемъ, было дѣло новое, прививное для нашего шляхетства 18 ст. Породная, отческая честь царскихъ чиновныхъ людей замѣнилась послѣ табели о рангахъ честью чиновной, изъ чиновной чести развилась честь сословная, сословная честь преобразовывалась въ честь личности человѣческой—персональную. Припомнимъ, какъ бояринъ Шеинъ жаловался вконцѣ 17 ст. на кн. Ромодановскаго за то, что тотъ поносилъ и отца и мать боярина, а кн. Ромодановскій на Шеина за то, что тотъ называлъ его *малопороднымъ* человѣкомъ, *худымъ* князишкой. Припомнимъ, какъ въ 1722 г. *князь* Долгорукій оскорбился за аффронтъ *характеру дѣйств. тайнаго совѣтника*, а Степановъ въ побояхъ и брани подканцлера Шафирова видѣлъ не *персональную* обиду, а оскорбленіе характеру канцеляріи совѣтника. Сравнимъ это съ голосомъ кн. Щербатова въ коммисіи 1767 г., въ которомъ звучитъ требованіе квалифицированной обиды (scandalum magnatum англійскаго пэрства) за оскорбленіе дворянина: „Поелику же дворянство отъ чести происходитъ и честью держится, то и непристойная брань и руганія дворянина, должны быть запрещены закономъ (Сб. русск. ист. общ., Т. VI, стр. 149).

Въ шляхетствѣ развивался point d'honneur; онъ обусловливался большею степенью сознанія общности сословныхъ интересовъ. Это сознаніе дѣйствительно болѣе и болѣе крѣпло и развивалось. Оно прогляды-

ваетъ уже въ заявленіяхъ 1730 г.: шляхетство требуетъ участія въ избраніи членовъ высшихъ государственныхъ учрежденій; верховный тайный совѣтъ обѣщаетъ *содержать его въ надлежащемъ почтеніи и консидераціи*, какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ (Соловьева: Т. XIX, стр. 256). Еще болѣе проглядываетъ сознаніе сословной связи между членами шляхетства въ заявленіяхъ депутатовъ коммисіи 1767 г. Они говорятъ *о дворянскомъ корпусѣ, который заключаетъ въ самомъ себѣ собственныя свои преимущества и безопасность* (кн. Щербатовъ; московскій наказъ); они требуютъ, чтобы *корпусу дворянства* права и преимущества пожалованы были (наказъ отъ *корпуса* волоколамскаго дворянства); они говорятъ *объ общихъ* нуждахъ *всего* дворянства (наказъ московскій); они печалятся, что бѣдные дворяне не имѣютъ достатка пристойно воспитать своихъ дѣтей, отчего тѣ дѣти въ невѣжествѣ и косности возрастаютъ, и ни *малѣйшаго вида дворянскаго въ житіи и поведеніи своемъ не имѣютъ* (костр. наказъ).

Высокимъ по своему внутреннему смыслу и значенію въ государствѣ представляется дворянское достоинство депутатамъ отъ дворянства въ коммиссіи 1767 г.: ярославскій наказъ называетъ дворянство *главнымъ чиномъ имперіи*, въ которомъ по словамъ его депутата (кн. Щербатова) честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ; депутатъ михайловскаго дворянства (Сем. Нарышкинъ) думаетъ, что „достоинство дворянское считается у насъ *чѣмъ-то священнымъ*, отличающимъ одного человѣка отъ другихъ, дающимъ право владѣть себѣ подобными и заботиться объ ихъ благосостояніи“ (стр. 205); курскій депутатъ (Строиловъ) говоритъ, что „дворянство должно быть *особливымъ родомъ людей* въ государствѣ, обязанность которыхъ служить ему, и и изъ своей среды замѣщать власти средніе, *поставленныя между государствомъ и народомъ*“ (стр. 206). Но самымъ страстнымъ и даровитымъ защитникомъ привиллегій дворянства и его аристократическихъ тенденцій въ коммисіи 1767 г. явился кн. Щербатовъ. По

мнѣнію его „вѣрные чада Россіи—древніе россійскіе дворяне—своею кровію и жизнію освобождали ее отъ чуждаго ига, а божественные ея храмы отъ посрамленій иновѣрцевъ“ (стр. 193). По мнѣнію его, существованіе дворянства въ данной странѣ распространяетъ въ ней культуру, „ибо гдѣ есть дворянство, тамъ есть и ихъ подданные; гдѣ есть дворянскіе подданные, тамъ заводятся земледѣліе, мануфактуры, а слѣдовательно богатство, тамъ рождаются и науки, и художества“ (стр. 160). Смотря съ такой точки зрѣнія на миссію дворянства, для поднятія культуры въ Сибири Щербатовъ предлагалъ учредить въ ней дворянскій корпусъ. Но къ счастію страны этотъ корпусъ не развился въ ней, а поэтому не было въ ней ни дворянскихъ подданныхъ, ни крѣпостнаго права, и въ Сибири выработался едва-ли не самый лучшій и самый чистый русскій народный типъ. Наконецъ, по мнѣнію кн. Щербатова, русское дворянство по древности и аристократичности своего происхожденія едвали можетъ уступить какому-либо феодальному дворянству западной Европы. Депутату днѣпровскаго пикинернаго полка Як. Козельскому, утверждавшему, что дворянство получило свое начало отъ самыхъ незнатныхъ фамилій чрезъ службу государю, что поэтому дворянству не слѣдуетъ презирать офицерскіе чины и требовать отмѣны закона о пріобрѣтеніи правъ этого сословія оберъ-офицерствомъ (стр. 187), кн. Щербатовъ отвѣчалъ слѣдующими словами: „Весьма удивляюсь, что этотъ г. депутатъ *укоряетъ подлымъ началомъ* древнія россійскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ мнѣ довольно указать на историческія событія. Одни россійскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго кн. Рюрика, и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго кн. Владиміра; другіе выѣхавшіе знатные люди берутъ начало свое отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи, хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ

россійскимъ, считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности, и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству“ (стр. 193).

Но потомки в. кн. Рюрика, Владиміра и другихъ коронованныхъ главъ хорошо сами показали въ коммисіи 1767 г., что начало своей исторіи они должны вести съ той поры, когда рюриковичи и др. превратились въ *холоповъ* царя московскаго. Они слишкомъ много занимались изобрѣтеніемъ титула Екатерины II, восхваленіемъ ея качествъ, такъ что вызвали ироническую замѣтку самой императрицы въ письмѣ ея къ А. И. Бибикову: „Я имъ велѣла сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ“ (стр. 62).

Проникнувшееся такими воззрѣніями на свое значеніе и положеніе въ государствѣ, родовое дворянство не могло равнодушно видѣть, какъ легкимъ его пріобрѣтеніемъ чинами военной и гражданской службы на основаніи табели о рангахъ, *уподлялось* дворянство, *затмѣвались* его права и преимущества. Отсюда голоса дворянскихъ депутатовъ коммиссіи 1767 г. о томъ, чтобы права дворянства пріобрѣтались не чинами, но жаловались монархомъ за особенныя добродѣтели и отмѣнныя заслуги. Это раздвоеніе дворянства на родовое и чиновное, это стремленіе перваго обособиться и замкнуться—весьма замѣчательная черта въ исторіи сословія, такъ рѣзко сказавшаяся въ коммисіи 1767 года. Депутаты заявляли, чтобы чинъ не давалъ дворянства. Елецкій депутатъ въ указѣ 1724 г. января 31, запретившемъ производить въ секретари не изъ дворянъ, видѣлъ намѣреніе Петра, чтобы въ статскихъ чинахъ были одни дворяне; право же пріобрѣтенія дворянства оберъ-офицерскимъ чиномъ представлялось ему только временною мѣрой, установленною на время шведской войны, которая въ мирное время должна быть отмѣнена (стр. 149). Ярославскій депутатъ (кн. Щербатовъ) думалъ также о законѣ Петра Великаго, что оберъ-офицерскимъ чиномъ пріобрѣтаются права дворянства, какъ о временной мѣрѣ, установленной по тогдашнимъ обстоятель-

ствамъ, а вообще же чинъ не долженъ давать этихъ правъ—ими можетъ награждать только монархъ (стр. 149). Если дворянство будетъ пріобрѣтаться чиномъ, размышлялъ михайловскій депутатъ Сем. Нарышкинъ, то дворяне при полученіи его будутъ менѣе награждаемы, ибо они съ офицерскимъ чиномъ получатъ только награжденіе доброму своему поведенію, а недворяне—и отмѣннымъ заслугамъ отечеству, которыхъ они никогда не оказали (стр. 205). Курскій депутатъ (Стротиловъ) заявилъ, что если всякій, пожалованный въ офицеры, будетъ дворяниномъ, то произойдетъ, что всякій дивизіонный генералъ, жалуя въ прапорщики, вмѣстѣ съ тѣмъ даруетъ и самое дворянство (стр. 206). А депутатъ отъ клинскаго дворянства (Петръ Орловъ) ко всѣмъ этимъ заявленіямъ прибавилъ, что какъ скоро офицеръ не изъ дворянъ не можетъ чиномъ получить дворянскаго достоинства, то слѣдуетъ сдѣлать распоряженіе, чтобы офицеры недворяне, хотя и высшихъ классовъ, не командовали офицерами-дворянами хотя и низшихъ классовъ (стр. 210).

Такъ установилось раздвоеніе въ средѣ шляхетства: люди родословные отвергали людей чиновныхъ. Но чинъ продолжалъ давать права дворянства: дворянство не переставало размножаться, раздвоеніе увеличиваться. Размноженіе дворянства вызвало его обѣдненіе, особенно при системѣ дробленія наслѣдствъ, возстановившейся съ отмѣной майоратовъ. Чѣмъ болѣе дворянство бѣднѣло, тѣмъ болѣе нѣкоторые его члены фактически сближались съ народомъ и отчуждались отъ своихъ высокопоставленныхъ собратовъ.

Многія дворянскія дѣти, воспитывавшіяся въ 18 в. въ ариѳметическихъ и гарнизонныхъ школахъ, были такъ бѣдны, что за отцами ихъ было по 3, по 1 ревизской душѣ, а за иными и ни одной не было (П. С. № 7.250). Пронскій, напримѣръ, предводитель дворянства Степ. Тютчевъ 2 ноября 1771 г. доносилъ сенату, что къ нему явилось болѣе 200 человѣкъ дворянскихъ дѣтей, объявивъ, что они желали бы поступить въ

службу, да только не въ состоянiи на нее явиться, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ ни платья, ни обуви (П. С. № 13.748). Подобнымъ же образомъ и дворянка Ахматова въ 1774 г. просила новгородскаго генералъ-губернатора Сиверса, что, питаясь съ семьей крестьянской работой, по неимѣнiю крестьянъ и земли, и будучи безъ мужа, нанявшагося для препровожденiя барокъ въ Спб., она не въ состоянiи дать воспитанiе тремъ сыновьямъ своимъ, и потому проситъ о принятiи ихъ въ новгородскую гарнизонную школу, учрежденную для однихъ солдатскихъ дѣтей. Сиверсъ доложилъ объ этомъ сенату, и сенатъ, „усматривая сколь великое число по новгородской губернiи есть такихъ неимущихъ дворянъ, кои не токмо дѣтей своихъ никакъ воспитывать не могутъ, но и сами питаются черной работой, а уповательно и въ прочихъ губернiяхъ таковыхъ же оказаться не меньше того можетъ“, постановилъ: принимать въ гарнизонныя школы такихъ бѣдныхъ дворянъ, хотя бы ихъ было до тысячи человѣкъ, отпустивъ на содержанiе каждаго изъ доходовъ камеръ-коллегiи по 5 р. $32^1/_2$ к. въ годъ (П. С. № 14.105) [34]). Изъ писемъ Екатерины II къ Архарову, бывшему генералъ-губернаторомъ, новгородско-тверскимъ, видно, что въ этихъ губернiяхъ цѣлыми селенiями жили дворянскiя фамилiи, которыя, не имѣя крестьянъ, сами занимались хлѣбопашествомъ (Р. Арх. г. 2-й. П. С. № 16.680).

Обезпеченiемъ участи дворянскаго пролетарiата было озабочено правительство и въ послѣдующiя царствованiя. Императоръ Александръ I, узнавъ въ 1801 г., что во многихъ полкахъ сверхъ комплекта служатъ унтеръ-офицерами дворяне, которые, не получая никакого жалованья, претерпѣваютъ крайнюю нужду, повелѣлъ отпускать всѣмъ имъ жалованье по окладу рядовыхъ, но съ тѣмъ, чтобы они службу отправляли наравнѣ съ рядовыми (П. С. № 20.024). Еще большее вниманiе на положенiе дворянскаго пролетарiата обратилъ императоръ Николай, при которомъ выработалась цѣлая система мѣръ противъ него. Мѣры эти состояли: а) въ надѣленiи бѣднымъ дворянамъ казенныхъ земель

во владѣніе, съ пособіемъ денежнымъ, и б) въ обезпеченіи бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей.

а) Земли надѣлялись въ многоземельныхъ губерніяхъ, на правахъ ограниченной собственности. Въ 1843 г. въ симбирской губерніи 300 дворянскимъ бѣднымъ семействамъ отведено по 60 десятинъ на каждое; поземельные участки были розданы также и въ тамбовской губ.—по 80 десятинъ на каждое семейство. Не мало дворянскихъ семействъ изъявило согласіе на переселеніе въ эти многоземельныя губерніи: изъ рязанской губ.—295, изъ смоленской—109. Это повторялось и впослѣдствіи: въ 1847 г. 30 малоимущихъ дворянскихъ семействъ рязанской губерніи и 2 смоленской получили участки въ самарской губерніи съ пособіемъ отъ правительства; въ 1849 г.—23 семейства въ самарской; въ 1851 г. 7 бѣдныхъ семействъ въ самарской губерніи съ денежнымъ пособіемъ отъ правительства въ 100—140 р. и т. д. (См. Варадинова: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ).

б) Въ то же время обращено было вниманіе на воспитаніе бѣдныхъ дворянъ. Положеніемъ комитета министровъ 1843 г. постановлено: дѣтей бѣдныхъ дворянъ отъ 7—17 лѣтъ опредѣлять на воспитаніе въ батальоны военныхъ кантонистовъ. Это подтверждено и въ 1852 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ дозволено опредѣлять ихъ и въ аудиторское училище. Если же родители или родственники не могли доставлять въ означенныя заведенія дворянскихъ дѣтей на свой счетъ, то предоставлено было дворянству тѣхъ губерній, гдѣ проживаютъ таковыя дѣти, отправлять ихъ на счетъ дворянскихъ суммъ, какъ это постановило дворянство калужской губерніи по собственной инціативѣ, или же производить отправленіе тѣми мѣрами, какія начальство признаетъ удобнѣйшими (2-е П. С. № 26.602).

Мы разсмотрѣли фактъ обѣднѣнія дворянъ. Мы говорили, что это обѣднѣніе усиливало разчлененіе многочисленнаго дворянства на нѣсколько общественныхъ группъ: старыя дворянскія фамиліи и новыя, обезпеченныя матеріально, отдѣлились отъ фамилій новаго

чиновнаго дворянства, бѣднаго матеріальными средствами, къ которому тяготѣли и захудалые дворянскіе роды шестой части. Изъ первыхъ образовывалась особая общественная группа, окрестившая себя названіемъ *аристократія*, свысока смотрящая на народъ, на мелкое и даже среднее дворянство. Подобно тому, какъ дворянство вообще, выгораживая себя изъ народа, не хотѣло воспитывать своихъ дѣтей вмѣстѣ съ разночинцами, и создавало систему дворянскихъ учебныхъ заведеній—благородныхъ пансіоновъ, благородныхъ женскихъ институтовъ и благородныхъ кадетскихъ корпусовъ—подобно тому и наша soi disante аристократія, выгораживая себя изъ рядоваго дворянства, вырабатывала свои учебныя заведенія для шестой части дворянской книги, вмѣстѣ съ дворянствомъ остзейскимъ и титулованнымъ—аристократическій пажескій корпусъ, аристократическій александровскій лицей, аристократическое училище правовѣдѣнія. Въ этихъ заведеніяхъ она пропитывалась тончайшимъ Парижемъ, *ангельскимъ* парижскимъ діалектомъ, изящнѣйшими манерами de la vieille souche старой до-революціонной Франціи. Потомки бояръ и окольничихъ—холоповъ бѣлаго царя, потомки генералъ-маіоровъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ—выходили изъ этихъ заведеній настоящими маркизами доброй старой Франціи. Эта добрая старая Франція, чрезъ легитимистскую эмиграцію конца прошлаго столѣтія, имѣла дѣйствительно огромное вліяніе на манеры, обычаи, міровоззрѣніе нашихъ высшихъ классовъ. Эти маркизы и жентиломы доброй старой Франціи, которымъ не по сердцу пришлась молодая, возрожденная великими принципами 1789 г., Франція, толпами нахлынули въ Россію, и въ салонахъ петербургскаго барства нашли себѣ прилежнѣйшихъ адептовъ. Легитимистская эмиграція была сильна не только принципами, но и количественно: императоръ Павелъ I въ 1797 г. принялъ въ свою службу цѣлый корпусъ принца Конде, состоявшій изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ конницы и артиллеріи. Эти полки, изъ которыхъ нѣкоторые состояли изъ однихъ жентиломовъ самыхъ

аристократическихъ фамилій, ополчавшихся на защиту великихъ принциповъ ancien régime'а въ чужой странѣ— эти полки, говоримъ, шефами которыхъ были принцъ Конде, герцогъ Бурбонъ, Гогенло, Дюкъ-де-Берп, Дюкъ d'Енгенъ расквартированы были во Владимірѣ, въ Луцкѣ, Ковелѣ (П. С. № 18.255), и разносили по святой русской землѣ феодальныя и кастическія воззрѣнія французскаго стариннаго дворянства, противъ которыхъ возстала въ 1789 году вся французская земля. Такимъ образомъ, наша аристократія получила окончательно свой типъ вконцѣ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ принциповъ французскаго ancien regime, представительницей которыхъ явилась легитимистская эмиграція. Тогда какъ наша аристократія проникалась этими обветшавшими принципами, лучшіе члены мелкаго и средняго дворянства, ближе стоявшаго къ народу, воспринимали начала 1789 г. Понятно, почему образованнѣйшіе представители этой общественной группы втеченіе текущаго столѣтія стояли во главѣ умственнаго движенія нашего общества—наши Гоголи и Бѣлинскіе, наши Грановскіе и Кавелины выходили изъ рядовъ средняго и мелкаго дворянства.

Окончательная редакція нашей аристократіи по французскимъ образцамъ—явленіе новое, конца 18 и начала 19 столѣтій. Но это новое явленіе подготовлялось издавна, почти что съ начала 18 вѣка: стремленіе родоваго дворянства отдѣлиться отъ дворянства чиновнаго и замкнуться въ отѣльную общественную группу почти современно образованію шляхетства изъ царскихъ и императорскихъ чиновныхъ людей. Въ ряды шляхетства вдвинуты были Петромъ Великимъ и большіе и малые чины—и бояре и дѣти боярскіе, къ нимъ примкнули прапорщики и генералы, коллежскіе ассесоры и дѣйствительные тайные совѣтники. Какъ разномастенъ сталъ составъ нашего дворянства въ 18 вѣкѣ видно изъ подписей подъ дворянскими депутатскими наказами: здѣсь и князья и графы—представители знатнѣйшихъ фамилій, здѣсь и вахмистры и сержанты и солдаты и титулярные совѣтники и царскіе придворные конюхи—

дворяне безграмотные (см. IV Т. Сб. Русск. ист. общ.). Неудивительно, что разчлененіе шляхетства на новыя общественныя группы начинается довольно рано: уже при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны *подлое* шляхетство съ своими интересами выдѣляется изъ шляхетства родоваго, [23]) и замѣчательными словами Волынскаго опредѣяетъ свои отношенія къ нему. Слова эти по истинѣ замѣчательны и показываютъ крѣпкій политическій смыслъ рядоваго шляхетства: въ нихъ заключается одинъ изъ ключей для разъясненія особенностей политическихъ судебъ русскаго народа, въ сравненіи съ польскимъ. Мы считаемъ нужнымъ привести эти характерныя слова. „Слышно здѣсь", пишетъ Волынскій Салтыкову изъ Казани въ 1730 г., „что дѣлается у васъ, или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. *Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій, и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ*, и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными, какъ бы согласно ни было, однакожъ впредь, конечно, у нихъ безъ раздоровъ не будетъ; и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе на того яряся, вредить и губить станутъ".

„Второе, понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлѣбствомъ, и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ особамъ, для бездѣльныхъ своихъ интересовъ, или страха ради. И такъ, хотя бы и вольныя всего общества законы требованы въ правленіи дѣлъ были, однакожъ бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно..." (Дѣло Сальникѣево: Чтен., кн. 3-я 1868). Такъ формулировало рядовое дворянство свой взглядъ на *сильныя фамиліи*.

Какъ смотрѣли на *слабыя фамиліи* представители дворянства родоваго? Замѣчательный образчикъ ихъ взгляда—слова, произнесенныя либераломъ, молодымъ гр. Строгоновымъ, въ засѣданіи неофиціальнаго коми-

тета 1801 г., когда обсуждался вопросъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ и заявлены были нѣкоторыя опасенія протеста этимъ улучшеніямъ со стороны дворянъ. „Что такое наше дворянство?“ говорилъ молодой другъ императора Александра I „дворянство составилось у насъ изъ множества людей, *сдѣлавшихся дворянами только службою*, неполучившихъ никакого воспитанія, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не *постигать ничего выше власти императора;* ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ *идеи о самомалѣйшемъ сопротивленіи.* Это—сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу—наиболѣе тупое; вотъ приблизительно картина большей части нашего сельскаго дворянства.... Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, къ несчастью, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды, и очень часто служитъ, плутуя, но не сопротивляясь.... *всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительною точностію, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія...*“ (Богдановичъ: И. Александра I, прилож. къ I т.). Для насъ эти слова слишкомъ ясны, чтобъ ихъ комментировать: мотивъ ихъ благороднѣйшій—улучшеніе положенія крѣпостныхъ крестьянъ безъ опасеній протестовъ дворянства, но основной ихъ тонъ, пробивающаяся задняя мысль—аристократическіе: главенство дворянства въ государствѣ, его право оппозиціи самодержавію, малтретированіе дворянства рядоваго.

Антагонизмъ аристократіи и рядоваго дворянства, какъ увидимъ ниже, съ особенной силой отразился въ мѣстной жизни сословія, въ дворянскомъ самоуправленіи, *пожалованномъ* грамотой 1785 г. Жалованная грамота, хотя и разбила губернское дворянское общество на шесть разрядовъ, какъ бы выдѣляя тѣмъ фамиліи титулованныя и родовыя, но всѣмъ членамъ этого общества дала одинаковыя избирательныя права при самомъ маленькомъ имущественномъ цензѣ, не отличивъ въ

этомъ отношеніи знатнаго дворянства отъ рядоваго. Какъ бы негодуя на такой демократическій характеръ грамоты, какъ бы протестуя противъ него, наше знатное дворянство удалялось изъ губерній въ столицу и заграницу, не желая мѣшаться съ рядовымъ дворянствомъ, принимать участіе въ самоуправленіи (Чтен., кн. III. на 1860 г.). Императоръ Николай, чтобы поднять падающее значеніе дворянства, какъ мы видѣли, повысилъ чины, дающіе права потомственнаго дворянства. Императоръ Николай, чтобы привлечь знатное дворянство къ участію въ выборахъ, какъ увидимъ, повышаетъ имущественный цензъ, устраняющій мелкопомѣстье отъ непосредственныхъ выборовъ. Но много ли мы видимъ знатныхъ дворянъ, послѣ манифеста 6 декабря 1831 г. не только уѣздными и губернскими судьями, которые, къ тому же, получали небольшое жалованье, но и въ должностяхъ предводителей--уѣздныхъ и даже губернскихъ—которыми рѣдко-рѣдко бывали князья, графы, потомство бояръ и окольничихъ, но большей частію уважаемые и зажиточные представители рядоваго дворянства?

Дворянство внутри себя раздвоилось на аристократію и дворянство рядовое—среднее и мелкое. Но это были его внутреннія отношенія. Въ отношеніяхъ же къ народу, къ недворянскимъ общественнымъ классамъ, оно сплочивалось и замыкалось въ отдѣльную общественную группу, противополагавшую себя народу—въ группу людей *благородныхъ*.

Отношенія между членами общества до Петра--высшихъ чиновъ къ низшимъ, землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, господъ къ холопамъ—мы не представляемъ въ патріархальномъ видѣ какой-нибудь идилліи, гдѣ господствуетъ полное равенство между людьми. Фактическое неравенство, вѣроятно, существовало въ самой высокой степени, и сильный порабощалъ слабаго, богатый убогаго, царскій чиновный человѣкъ—*мужъ* угнеталъ и эксплуатировалъ *мужика*-страдника. Но мы стоимъ на томъ, что до Петра не было тѣхъ рѣзкихъ разграниченій между сословіями, которыя начинаютъ

устанавливаться съ началомъ 18 вѣка, постепенно крѣпнутъ и усиливаются до настоящаго времени, такъ что, несмотря на великія реформы настоящаго царствованія, идущія въ разрѣзъ съ сословными традиціями, разграниченія эти и до сихъ поръ не выводятся изъ нравовъ нашего общества, которые въ этомъ отношеніи далеко отстали отъ законодательства. Высшіе классы общества при Петрѣ организуются въ шляхетство. Шляхетство усвоиваетъ себѣ внѣшнія формы европейской цивилизаціи: одежду, образъ жизни, нравы, привычки. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно перенимаетъ историческіе предразсудки, феодальныя традиціи западной Европы. Шляхетство начинаетъ относиться къ народу, какъ высшая каста къ низшимъ. Опредѣляется отличіе бѣлой шляхетской кости отъ черной кости мужицкой—дворянина, какъ члена привиллегированнаго сословія, отъ крестьянина, принадлежащаго къ массѣ порабощеннаго народа. Дворянство дѣлается классомъ *благороднымъ*; другіе общественные классы—*подлыми*. Это раздѣленіе членовъ общества на *благородныхъ* и *неблагородныхъ* такъ крѣпко засѣдаетъ въ нравы нашего общества, что не выводится даже теперь.

До Петра Великаго наши высшіе классы не были, да и не могли быть *благородными*: только царское семейство было *благороднымъ* (хорошо-рожденнымъ), а всѣ остальные члены общества были *прирожденными* холопами царя—Васьками, Ивашками, Алешками и т. д. [36]). Съ Петра Великаго царское семейство начинаетъ принимать другіе титулы, а шляхетство по примѣру иноземному начинаетъ именоваться *благороднымъ*. Яковъ Влад. Брюсъ въ 1706 г. писалъ изъ Москвы директору московской типографіи, Василію Кипріянову: „Г. Кипріяновъ! Ежели въ какой твоей печати имя государя царевича (Алексѣя Петровича) помянетца, то тебѣ не надлежитъ писать великаго государя царевича *благороднымъ*, понеже *во иныхъ* странахъ *всякой шляхтичъ* знатной пишется *благороднымъ* а надлежитъ писать Е.-Ц. Высокость". (Р. Старина янв. стр. 7). Первое официальное наименованіе сословія *благороднымъ* про-

изошло въ 1721 г., когда измѣнены титулы членовъ императорской фамиліи, и ихъ стали называть вмѣсто благородныхъ *благовѣрными* „понеже титуловаться благородствомъ ихъ высочествамъ по нынѣшнему употребленію низко, ибо *благородство и шляхетству дается*". (П. С. № 3.869). *Благороднымъ, высокоблагороднымъ*—Wohlgeboren, Hochwohlgeboren—называется остзейское рыцарство въ договорныхъ пунктахъ 1710 г. (П. С. № 2.279, 2.299). Малороссійское же шляхетство еще прежде называется польскими королями *благороднымъ*: король Янъ Казиміръ въ 1649 г. называетъ Богдана Бутовича *благороднымъ* (З. черниг. губ. стат. ком. кн. 2 стр. 104).

Табель о рангахъ дѣлаетъ всѣхъ *худо-рожденныхъ хорошо-рожденными*, если только они заслужатъ чинъ: право титуловаться *благородіемъ* получаютъ всѣ оберъ-офицеры. Имѣющіе штабъ-офицерскіе чины считаются *ввесьма хорошо рожденными*: получаютъ титулъ *высокоблагородія*. Послѣ этого присвоенія благородства чину, оно начинаетъ присвоиваться всѣмъ *корпусомъ* шляхетства. Но въ указахъ мы впервые встрѣтили названіе цѣлаго сословія *благороднымъ* только въ 1754 г. (П. С. № 10.558). Впрочемъ, и послѣ этого до самаго манифеста 1762 г. оно большей частію называется *вѣрнымъ*, но не благороднымъ шляхетствомъ. Манифестъ 1762 г. дворянство „яко главный въ государствѣ членъ" именуетъ *Россійскимъ благороднымъ дворянствомъ*. Замѣчательно, что Екатерина II въ 1763 г. октроируетъ благородство рыцарству остзейскому, которое считало себя благороднымъ всилу своего прирожденнаго историческаго праза и научило этому термину и понятію въ немъ скрывающемуся русское шляхетство (П. С. № 11.743). Екатерина II, составившая свою теорію дворянства подъ вліяніемъ рыцарскихъ, феодальныхъ традицій з. Европы и проникнутыхъ ими ученій публицистовъ (статьи наказа о дворянствѣ почти цѣликомъ взяты изъ Монтескье), окончательно утвердила за дворянствомъ названіе *благороднаго* (впрочемъ, въ грамотѣ благородными главнымъ образомъ названы тѣ дворянскіе

роды, которые внесены въ 6-ю часть дворянской родословной книги).

Дворяне сдѣлались *благородными*, остальной народъ *подлымъ*. Названіе это употреблялось и офиціально, въ законѣ: напримѣръ ук. 1714 г. „людямъ *подлымъ* разореніе“ (П. С. № 2.789), ук. 1715 г. „учинены фискалы, которые непрестанно доносятъ не только на *подлыхъ*, но и на знатныя фамиліи...“ (П. С. № 2.877, 3.395), ук. 1720 г. „бани строить позволять, кромѣ *подлаго народа*, а *подлымъ* не позволять...“ (№ 3.535). Въ указѣ 1745 г. „при ревизіи въ Астрахани явились многіе изъ *подлыхъ*, объявляющіе о себѣ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ...“ (№ 9.125). На языкѣ закона выраженіе это имѣло значеніе *низшаго разряда*; съ нимъ не связывался унизительный нравственный смыслъ [37]) Въ такомъ смыслѣ говорилось напр. *подлое шляхетство*, *подлое гражданство*, въ такомъ же смыслѣ могъ употреблять это выраженіе, помнится, и филантропъ Бецкій, авторъ плана московскаго воспитательнаго дома. Но на языкѣ шляхетства выраженіе это, употреблявшееся даже вконцѣ 18 вѣка—въ царствованіе Павла (Р. Арх. № 21.870), несомнѣнно имѣло другой смыслъ—*паргевъ*, или по крайней мѣрѣ французскаго слова canaille—*сволочь*, *чернь*, какъ дѣйствительно и называли изящные жентиломы доброй старой Франціи roturiers. Шляхетство подъ словомъ *подлые* могло разумѣть то же, что canaille—*сволочь*. Иначе, изъ за-чего было миргородцу Мотонису въ коммисіи 1767 г. отвѣчать аристократамъ: „подлаго у меня нѣтъ никого! Земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ. *Подлы* тѣ только, которые имѣютъ дурные свойства, производятъ дѣла, противныя законамъ, непристойныя своему званію, нарушающія общее спокойствіе и наконецъ тѣ, которые, не радя о моемъ благѣ, жизнь свою препровождаютъ праздно“. (Сб. Р. Ист. общ. Т. IV стр. 169). Изъ за-чего было также сатирическому журналу 1769 г. Трутню подсмѣиваться надъ тѣмъ, что, „родившійся отъ добро-

дѣтельныхъ и честныхъ мѣщанъ по нарѣчію некоторыхъ глупыхъ дворянъ есть человѣкъ подлый“ (Трутень 3-е ефремовское изд., стр. 27)?

Но благородные, одѣтые Петромъ Великимъ въ нѣмецкій кафтанъ, обрившіе по его указу бороды [38]), и отдѣлившіеся такимъ образомъ и внѣшнимъ видомъ своимъ отъ народа, болѣе и болѣе проникаются западно-европейской, феодальной точкой зрѣнія на него—какъ на людей другой низшей породы, черной кости, грязной крови. Такая точка зрѣнія нашего дворянства несомнѣнно развивалась подъ вліяніемъ иноземщины: шляхетство, посѣщавшее чужіе края въ первой четверти прошлаго столѣтія, запасается такими книжками, какъ Preuve de la noblesse (Пекарск. т. I стр. 153). Еще неотразимѣе вліяніе нѣмецко-дворянскихъ воззрѣній, проводникомъ которыхъ явилось у насъ высокоблагородное рыцарство остзейское, подобно тому какъ шляхетная Польша аристократизировала малороссійскую старшину. Наплывъ нѣмцевъ въ государственную службу былъ такъ же силенъ вначалѣ 18 вѣка, какъ и наплывъ аристократической легитимистской эмиграціи изъ Франціи въ концѣ его. Ряды высшихъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ были замѣщены множествомъ нѣмцевъ: при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны въ 1730 г. насчитывалось 179 гражданскихъ и военныхъ генераловъ, изъ котораго числа 50 нѣмцевъ (Осмн. В. Кн. 3 стр. 172). При Аннѣ Іоанновнѣ число это едва-ли уменьшилось, если и въ настоящее время % генераловъ и высшихъ гражданскихъ чиновъ остзейскаго происхожденія такъ великъ. Въ 1717 г. была переведена съ нѣмецкаго языка весьма поучительная книжка „Юности честное зерцало, или показаніе къ житейскому обхожденію“. Книжка имѣла много изданій. Она поучала россійское шляхетство видѣть въ слугахъ не людей, но существъ другой породы, чѣмъ ихъ господа: „нѣтъ того мерзостнѣе, какъ убогой слуга“ (Пекарскаго т. I стр. 382). Сообразно такой школѣ, слагаются и воззрѣнія шляхетства на прочіе классы общества. Кононъ Зотовъ пишетъ изъ Франціи Петру въ

1715 г. „подлый не думаетъ болѣе какъ бы чрево свое наполнить“. (Пек. т. I стр. 157). Въ Запискахъ Лукина, темнаго дворянина, относящихся къ началу 2-й половины 18 вѣка, мы встрѣчаемъ такіе выраженія: „но сей капралъ, *хотя породою изъ крестьянства*, но стоилъ добраго солдата“; „ *хотя не изъ дворянъ*, но человѣкъ весьма изрядный“. (Р. Арх. ч. 3).

Какъ ни старалась Екатерина II либерально настроить шляхетство въ 1767 г., какъ ни поддерживались виды императрицы такими дѣятелями коммисіи, какъ Гр. Гр. Орловъ, А. И. Бибиковъ и др., но феодальное воззрѣніе шляхетства на низшіе классы прорывалось. Мы не говоримъ о шляхетствѣ малороссійскомъ вскормленномъ сословными теоріями Польши, которое, какъ плакался на него Румянцевъ въ своихъ донесеніяхъ императрицѣ, при выборѣ депутатовъ въ коммисію 1767 г., не хотѣло сидѣть вмѣстѣ съ мѣщанами (Соловьева: Разсказы изъ русской исторіи 18 столѣтія Р. В. т. XXXV 1861). Не говоримъ о малороссійскомъ шляхетствѣ, которое, происходя часто отъ войсковыхъ товарищей или возныхъ, говорило еще за нашу память о дворянствѣ чиновнаго происхожденія „изъ хама не буде пана“. Мы имѣемъ ввиду дворянство великороссійское, болѣе удаленное отъ польскихъ теорій, но и болѣе приближенное къ теоріямъ остзейскимъ. Депутатъ верейскаго дворянства (Степановъ) о всѣхъ крестьянахъ каргопольскаго уѣзда отозвался, что они „лѣнивы и отягощены, уторoплены и упорны“. Гр. Гр. Орловъ нашелъ неумѣстными эти выраженія, обращенныя въ порицаніе всѣхъ крестьянъ. Но депутатъ отъ обоянскаго дворянства (Глазовъ) все-таки поносилъ всѣхъ черносошныхъ крестьянъ [39]). (Сб. русск. ист. общ. т. IV).

Невысокаго мнѣнія о русскомъ мужикѣ были и государственные сановники и представители литературы въ 18 ст. Московскій генералъ-губернаторъ кн. Волконскій, донося о привозѣ въ Москву Пугачева, писалъ императрицѣ, что тотъ *скверенъ такъ*, какъ *мужику быть простому свойственно* (Осмнадц. В. кн. 1). Сумароковъ *господскую совѣсть* отличалъ отъ *совѣсти хо-*

лопской; думалъ, что „низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ“ (на это Екатерина II сдѣлала ему незабвенное возраженіе: „и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи“) (Р. В. 1861 г. Т. XXXV). Ф.Визинъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ своего времени, посѣтивши Францію, былъ оскорбленъ тѣмъ, что лакеи не вскакиваютъ съ мѣстъ предъ господами, проходящими мимо этихъ *скотовъ*. (Р. В. 1857 г. Т. XI). Ф. Визинъ, впрочемъ, до мозга костей былъ проникнутъ сословными дворянскими предразсудками. Онъ считалъ только *дворянъ честными*, а остальныхъ —*тварями*, которыя родились *служить*, а не *господствовать*; мысль о преимуществахъ *дворянской породы* проникаетъ всѣ сочиненія ф.-Визина. До изданія жалованной грамоты *возвышеніе дворянскихъ душъ* было постоянною заботою нашего комика: „чѣмъ можно возвысить,“ спрашиваетъ онъ въ 1782 г. императрицу „упавшія души дворянства? Какимъ образомъ изгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобы почетное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?“ (соч. ф.-Визина, изд. Ефремова: стр. 201). Недовольная вопросомъ, императрица отвѣчаетъ: „сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшнимъ покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали; самая наружность, походка и пр. то уже оказываютъ“. Ф.-Визинъ оправдывается за сдѣланный вопросъ: „Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ; я видѣлъ *дворянъ раболѣпствующихъ Я дворянинъ*; и вотъ что растерзало мое сердце.“ (Ib стр. 209).

Мужику не позволялось носить такую же фамилію, какъ и дворяне: генеральнымъ учрежденіемъ о рекрутахъ 1766 г. постановлялось, что ежели принятые въ рекруты, будутъ имѣть дворянскія фамиліи, то таковыхъ въ спискахъ писать отчествами, а не фамиліями. Если, такимъ образомъ, поступалъ въ рекруты Семенъ Петровъ Боборыкинъ, а фамилія Боборыкиныхъ была дворянская, то она у него отнималась, и Семенъ Боборы-

кинъ перекрещивался въ Семена Петрова (П. С. № 12.748). Генералъ-майоръ Чорбай, шефъ гусарскаго полка при Павлѣ 1, такъ ревностно преслѣдовалъ дворянскія фамиліи своихъ солдатъ, что ихъ всѣхъ почти назвалъ Петровыми, Ивановыми, Семеновыми и т. д., отчего даже произошли большія затрудненія для военной коллегіи (П. С. № 19.208).

Дворянство и для своихъ увеселеній обособляется отъ другихъ общественныхъ классовъ: петербургскій англійскій клубъ учреждается въ царствованіе Елизаветы Петровны, тогда же появляются и *благородныя дворянскія собранія*, на которыя доступъ имѣетъ одно шляхетство. Онѣ замѣняютъ ассамблеи Петра Великаго. Но на свои ассамблеи Петръ Великій постановилъ собираться всѣмъ—съ вышнихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, знатнымъ купцамъ, приказнымъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ (П. С. № 3.246, п. 6); Кларкъ же, описывая московское благородное собраніе конца прошлаго столѣтія, говоритъ, что на эти собранія „les lois de la société repoussent toute personne née plébéienne“ (Voyages: T. 1. p. 88).

Но не для однихъ увеселеній обособлялось дворянство. Интересно, что даже за стѣнами монастыря, въ иноческой жизни, благородные старались отдѣлиться отъ подлыхъ: въ Кіевѣ, напримѣръ, во флоровскій монастырь постригались только *благородныя* монахини, а въ богословскій— *низкаго* состоянія (соч. Ф.-Визина, изд. Ефремова: Отрывки изъ дневника 1786 года стр. 510).

Къ чести нашихъ сатириковъ прошлаго столѣтія, они ополчались противъ феодальныхъ воззрѣній шляхетства на другіе общественные классы. Уже Кантемиръ въ своихъ сатирахъ доказываетъ, что „таже и въ свободныхъ и въ холопахъ течетъ кровь, таже плоть, тѣжъ кости“ (изд. 1836 г. Т. I, стр. 35, сатира 11. Филаретъ и Евгеній), что „пахарь и вельможа равны въ судѣ“ (Ib. стр. 41), что „плоть въ слугѣ одноличная“ (Ib 42), что „Адамъ дворянъ не родилъ“, а „Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ“ (44). Особенно эта

честь принадлежитъ Новикову, благороднѣйшему человѣку своего времени. Въ Трутнѣ 1769 г. онъ характеризуетъ воззрѣнія его превосходительства г. Недоума: „Сей вельможа ежедневную имѣетъ горячку величаться своею породою. Онъ производитъ свое поколѣніе отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего по крайней мѣрѣ за 500 лѣтъ доказать не могутъ; а которые сдѣлались дворянами лѣтъ за сто или меньше, съ тѣми и говорить онъ гнушается. Тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, если кто предъ нимъ упомянетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность моднова нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ; не ѣздитъ онъ ни въ церковь, ни по улицамъ, опасаяся смертельнаго обморока, который непремѣнно, думаетъ онъ, съ нимъ случится, встрѣтившись съ неблагороднымъ человѣкомъ. Онъ желаетъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и чтобъ простой народъ совсѣмъ былъ истребленъ (Трут. 3 Ефр. изд. стр. 139). Еще характернѣе личность г. Безразсуда, который „боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крепостные ево рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую оброкъ. Никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ по землѣ разпростираются.. Безразсудъ всегда твердитъ: я господинъ, они мои рабы; я человѣкъ, они крестьяне. Отъ сей вредной болѣзни рецептъ: Безразсудъ долженъ всякой день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, пока найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ“ (Ib. стр. 147).

При такомъ раздвоеніи общества на людей благородныхъ и подлыхъ, при воззрѣніи на послѣднихъ, какъ на служебныхъ тварей — другой плоти, кости и

крови—понятно стремленіе шляхетства усвоить употребленіе иноземнаго языка, на которомъ не говорятъ подлые люди, стремленіе воспитывать дѣтей въ благородныхъ учебныхъ заведеніяхъ, доступъ въ которыя закрытъ для не дворянъ.

Де-ла-Нёвиль, пріѣзжавшій въ Россію въ концѣ 17 ст., указываетъ на кн. Вас. Лук. Долгорукова, какъ на единственнаго русскаго, говорившаго по французски въ 1689 г. (Пекарскаго: Русск. мемуары XVIII в. въ Современникѣ). Вначалѣ 18 в. Петръ Великій приневоливалъ шляхетство къ изученію иностранныхъ языковъ и обученію имъ дѣтей. „Юности честное зерцало“ поучало, что младые шляхетскіе отроки должны всегда между собою говорить иностранными языками, дабы можно было ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать, дабы можно было имъ говорить такъ, чтобы *слуги ихъ не понимали.* Шляхетство начинаетъ входить во вкусъ иностранныхъ языковъ. По словамъ Берхгольца, молодой Головинъ, сынъ канцлера, очень хорошо говорилъ по французски, англійски и на др. языкахъ (Дневникъ: Т. II. стр. 32). Изъ записокъ Неплюева видно, что кн. Салтыкова такъ хорошо владѣла французскимъ языкомъ, что въ 1727 г. по французски отвѣчала на привѣтствіе посланника. Кн. Ек. Ром. Дашкова, родившаяся въ 1744 году и бывшая впослѣдствіи президентомъ Россійской академіи, по собственному признанію своему, въ совершенствѣ знала четыре иностранные языка, и очень дурно говорила по русски (Записки). Какъ начали уважать въ 18 в. знаніе франц. языка, видно изъ словъ ф.-Визина въ его Исповѣди. Во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, четырнадцатилѣтній ф.-Визинъ сошелся въ театрѣ съ сыномъ одного аристократа; новый знакомецъ былъ вѣжливъ только до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что ф. Визинъ не говоритъ по французски, а затѣмъ началъ надъ нимъ „шпынять“ (соч. ф. Визина, изданіе Ефремова, стр. 539). Изученіе иностранныхъ языковъ явилось великимъ орудіемъ просвѣщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проводникомъ феодальныхъ сословныхъ

воззрѣній, способствовало разъединенію общественныхъ классовъ. Употребленіе ихъ доходило до большихъ злоупотребленій.

Между нашими государственными людьми, кровными русскими, не въ рѣдкость было встрѣтить такихъ, которые плохо владѣли своимъ роднымъ языкомъ. Фельдмаршалъ Румянцовъ говорилъ на немъ съ нѣмецкимъ акцентомъ, кн. Кочубей, какъ видно изъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева, по привычкѣ своей къ французскому языку, изъяснялся на русскомъ съ меньшей легкостью (стр. 182), а московскій генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ, какъ свидѣтельствуетъ Вигель, подобно всѣмъ барамъ своего времени, плохо зналъ русскій языкъ (ч. 6. стр. 129). Въ 1822 г. одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта представилъ особое мнѣніе на французскомъ языкѣ, почему Александръ I, при всей своей слабости къ франц. языку, издалъ рескриптъ на имя тогдашняго предсѣдателя кн. Лопухина, повелѣвавшій, чтобы члены государственнаго совѣта представляли мнѣнія по дѣламъ не иначе, какъ на русскомъ языкѣ (Даневскаго: Ист. госуд. совѣта, стр. 74). Мы слышали, что пресловутый адресъ московскаго дворянства обсуждался нѣкоторыми членами собранія на французскомъ языкѣ,— что члены нѣкоторыхъ земскихъ собраній сочиняютъ свои рѣчи первоначально на французскомъ языкѣ, и затѣмъ ораторствуютъ по заученному русскому переводу. Мы не возстаемъ противъ знанія чужеземныхъ языковъ — дай намъ Богъ его побольше!—но въ этомъ пристрастіи къ нимъ, видимъ обиду родной землѣ, благозвучный говоръ которой дѣлался достояніемъ низшихъ необразованныхъ классовъ, еще болѣе вслѣдствіе того обособлявшихся.

Неудивительно, что при такой слабости нашей аристократіи, за которой всегда тянулось и дворянство рядовое, къ иностраннымъ языкамъ, главнѣйшими воспитателями дѣтей въ зажиточныхъ дворянскихъ семействахъ являются иностранцы обоего пола—гувернеры, гувернантки, дядьки и бонны. Они появляются

довольно рано: за Натальей Борисовной Долгоруковой, родившейся въ 1714 г., дочерью самаго національнаго и любимаго народомъ вельможи, ходила мадамъ-иноземка. Послѣ этого число мусье и мадамовъ, обучающихъ россійское благородное юношество, болѣе и болѣе увеличивается. Можно сказать, что они берутъ въ свои руки домашнее воспитаніе шляхетства. А какого рода были эти педагоги, видно изъ указа 1755 г. объ учрежденіи московскаго университета. Въ числѣ главныхъ причинъ его учрежденія была та, что „великое число въ Москвѣ у помѣщиковъ на дорогомъ содержаніи учителей, изъ которыхъ большая часть не токмо учить науки не могутъ, но и сами къ тому никакого начала не имѣютъ, и только чрезъ то младыя лѣта учениковъ, и лучшее время къ ученію пропадаетъ, а за ученіе онымъ великая плата дается; всѣ жъ почти помѣщики имѣютъ стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, не щадя иные по бѣдности великой части своего имѣнія, и ласкаясь надеждою произвести изъ дѣтей своихъ достойныхъ людей въ службу нашу, а иные, не имѣя знанія въ наукахъ, или по необходимости не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали“ (№ 10.346). Какъ видно изъ одного указа слѣдующаго года, подтверждающаго указъ 1752 г., обрѣтавшіеся въ службахъ у разныхъ персонъ учителя и мадамы занимались торговлею: продавали не только по домамъ, но и по улицамъ (№ 10.543). Въ 1757 г. повелѣно всѣхъ учителей иностранцевъ экзаменовать въ С.-Петербургѣ въ десіансъ академіи, а безъ того ихъ въ домы не принимать (№ 10.724). Эти свѣдѣнія изъ П. С. о нашихъ домашнихъ наставникахъ 18 в. подтверждаются и записками современниковъ: Державинъ, напр., учился нѣмецкому языку у сосланнаго въ каторжную работу Іосифа Розы, у котораго обучались дѣти лучшихъ дворянскихъ семействъ въ Оренбургѣ (З. Державина стр. 7).

Основаніемъ московскаго университета правительству не удалось вырвать молодое поколѣніе шляхетства

изъ рукъ проходимцевъ-педагоговъ. Московскій университетъ былъ не милъ шляхетству. При основаніи этого университета сначала предполагали не принимать въ него податныхъ, потому что науки—*благородныя занятія*. Извѣстно, какъ Ломоносовъ отстаивалъ право *каждаго русскаго* учиться въ университетѣ. „Будто-бы сорокъ алтынъ, говорилъ онъ, столь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина, а лучше выписывать“ (Богдановича: И. ц. и. Александра I. т. I. стр. 138). Благородный голосъ перваго русскаго ученаго—изъ мужиковъ—взялъ перевѣсъ: университетъ учрежденъ для дворянъ и разночинцевъ „по примѣру европейскихъ университетовъ, гдѣ всякаго званія люди свободно наукою пользуются“. И дворянству, поэтому, онъ сталъ не милымъ: оно хотѣло воспитывать своихъ дѣтей отдѣльно отъ разночинцевъ — въ *дворянскихъ* учебныхъ заведеніяхъ.

При Петрѣ Великомъ дворянскія дѣти обучались вмѣстѣ съ дѣтьми разночинцевъ. Въ славяно-греко-латинской академіи, основанной при Өедорѣ Алексѣевичѣ и получившей впослѣдствіи тутулъ императорской, обучались также не одни дѣти духовенства, но и дворянскія: въ 1736 г., напримѣръ, въ нее поступило 158 шляхетскихъ дѣтей, между которыми были изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Указомъ 1744 г. гарнизонныя и ариөметическія школы соединены въ одно заведеніе и предписано обучаться въ нихъ людямъ всѣхъ званій (Ешевскаго: Оч. ц. Елизаветы Петр.).

Но очень рано положено начало и дворянскимъ учебнымъ заведеніямъ. Они встрѣчаются впервые, при Аннѣ Іоанновнѣ и достигаютъ высшей степени развитія при императорѣ Николаѣ I — во время управленія м. н. пр. Уварова.

Верховный тайный совѣтъ, желая задобрить шляхетство, предлагалъ устроить для шляхетскихъ дѣтей особливыя кадетскія роты, изъ которыхъ дворяне выходили бы прямо офицерами въ армейскіе и гвардейскіе полки, не служа въ нихъ солдатами. Это было испол-

нено при Аннѣ Іоанновнѣ, учредившей, по мысли Миниха, въ 1731 г. сухопутный *шляхетный* корпусъ для 200 шляхетскихъ дѣтей: 150 русскихъ и 50 эстляндскихъ, лифляндскихъ и дѣтей иноземцевъ, состоявшихъ въ русской службѣ (№ 5.811, 5.881). Но скоро этотъ комплектъ былъ увеличенъ, такъ какъ записалось желающихъ больше: изъ россійскаго шляхетства 237, лифляндскаго 32, эстляндскаго 39 (№ 6.050). Дѣти же малороссійскаго шляхетства не принимались, такъ какъ оно не было уравнено въ правахъ съ русскимъ и остзейскимъ дворянствомъ. Иногда случалось, что записавшіеся кадетами дворянскіе дѣти убѣгали изъ корпуса: такъ въ 1733 г. бѣжало ихъ 5 человѣкъ (№ 6.395).— Въ 1752 г. составленъ планъ и штатъ морскаго кадетскаго корпуса тоже для дворянъ. При московскомъ университетѣ учреждены въ 1755 г. двѣ гимназіи: одна для дворянъ, а другая для разночинцевъ, кромѣ крѣпостныхъ крестьянъ (№ 10.346 п. 28). Въ 1762 г. Екатерина II учредила для 146 россійскихъ дворянскихъ дѣтей артиллерійскій и инженерный шляхетный корпусъ (№ 11.696). Въ 1764 г. при Воскресенскомъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ учреждено заведеніе для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, дабы каждый дворянинъ могъ дать приличное воспитаніе своимъ дочерямъ. Впослѣдствіи это заведеніе—Смольный монастырь—раздѣлено на 2 отдѣленія: *благородное*—3 класса и *мѣщанское*—2 класса. Въ 1766 г. изданъ уставъ императорскаго шляхетнаго сухопутнаго корпуса, въ который запрещено принимать безъ достаточнаго доказательства о дворянствѣ представляемаго отрока (№ 12.741). Этотъ корпусъ, по словамъ Вигеля, пользовался большимъ довѣріемъ дворянства, такъ что вельможи охотно отдавали туда своихъ дѣтей (Т. I стр. 14). Въ коммисіи 1767 г. кашинскій депутатъ отъ дворянства (Осипъ Кожинъ) заявлялъ, что одного этого шляхетнаго корпуса недостаточно, что подобный корпусъ слѣдуетъ учредить и въ Москвѣ. Въ этотъ корпусъ принимать дворянскихъ дѣтей не иначе, какъ по свидѣтельству герольдіи, а ежели опредѣленный окажется неимѣющимъ дворянства, то

его слѣдуетъ немедленно исключить (Сб. Русск. Истор. общ.: Т. IV, стр. 172). Интересно очень, что по мнѣнію кашинскаго депута, средства на образованіе шляхетства должны доставляться другими сословіями. Онъ предлагалъ для содержанія корпуса возстановить отмѣненный сборъ со вступающихъ въ бракъ, въ слѣдующемъ размѣрѣ: всѣ неимѣющіе благородства, за исключеніемъ купечества, должны платить за первый бракъ 50 коп., столько же и за слѣдующіе. Купечество: за первые два брака по 1 р., а за третій—1 р. 50 к. Благородные: со ста душъ по 2 р., отъ 10—100 душъ—1 р.; неимѣющіе за собой недвижимаго, но служащіе на жалованьи—со 100 р. по 1 р. (Ib. стр. 171). Но предложеніе кашинскаго депутата не было уважено: депутатъ отъ серпейскаго дворянства (гр. Строгоновъ) заявилъ, что всякій налогъ на общество долженъ служить въ пользу всего того общества, а не одной его части, а поэтому и предлагаемое училище должно быть содержано на иждивеніе дворянъ (Ib. стр. 175).

При Екатеринѣ II дворянскія учебныя заведенія на иждивеніе дворянскихъ обществъ начали основываться и въ губерніяхъ: такъ напр. въ 1777 г. тверское дворянство основало училище на 180 бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей (№ 21.691).

Стремясь воспитывать своихъ дѣтей вдали отъ другихъ общественныхъ классовъ, въ особенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, дворянство неохотно отдавало ихъ въ московскій университетъ, пока не образовался при немъ благородный пансіонъ. Еще болѣе не любило оно низшихъ училищъ, и боялось помѣщать туда своихъ дѣтей, опасаясь, чтобы, сидя на однѣхъ скамьяхъ съ товарищами-разночинцами, они не усвоили себѣ ихъ привычекъ и дурныхъ манеръ. В. С. Хвостовъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что когда отецъ его опредѣлилъ своихъ сыновей въ спб. гимназію въ 1765 г., бывшую подъ начальствомъ гр. Вл. Гр. Орлова, послѣдній благодарилъ его, что онъ-де первый изъ дворянъ отдалъ своихъ сыновей въ гимназію, учрежденную для разночинцевъ (Р. Арх. 1870 г. № 3). Тимковскій,

отправленный харьковскимъ университетомъ въ 1805 г. ревизовать училища, свидѣтельствуетъ о повсемѣстно господствовавшемъ тогда между дворянами предразсудкѣ противъ совмѣстнаго обученія ихъ дѣтей съ дѣтьми мѣщанскими и крестьянскими. Самъ Тимковскій оправдываетъ этотъ предразсудокъ: „отъ обычая учиться дворянамъ наравнѣ съ крѣпостными людьми можетъ быть больше потери, чѣмъ пріобрѣтенія, когда нѣкоторыхъ разночинцевъ образъ мыслей и жизни, обращеніе, разговоръ и поступки, не соотвѣтствуя цѣли воспитанія дворянскихъ дѣтей, сообщаютъ имъ свой духъ и тонъ“. (Тимковскій предлагаетъ, чтобы въ гимназіяхъ ввести для дворянъ особые столы впереди, а крестьянъ вовсе не допускать въ гимназіи (Ж. М. Н. пр. окт. 1869 г.). Программа Тимковскаго осуществилась уже впослѣдствіи, когда съ образованіемъ благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ во времена Уварова, для воспитанниковъ ихъ, отличенныхъ даже костюмомъ, заведены были въ классахъ отдѣльныя скамьи, на которыхъ возсѣдали, не мѣшаясь съ своими товарищами, дворянскіе сынки, большей частію самые лѣнивые и развращенные ученики класса.

Движеніе изолировать дворянство отъ другихъ общественныхъ классовъ въ учебныхъ заведеніяхъ продолжалось и при Александрѣ I. Въ 1801 г., заведены въ нѣкоторыхъ губерніяхъ военныя училища для приготовленія дворянскихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса (№ 19.980); основано было александровское дворянское училище въ Тулѣ (№ 19.984, 20.015); въ 1802 г.— подобное же училище въ Тамбовѣ (№ 20.126); въ 1805 г., иждивеніемъ дворянства учрежденъ при олонецкой губернской гимназіи пансіонъ для дворянскихъ дѣтей (№ 21.624); въ 1823 г., дворянство харьковской губерніи, чрезъ своего губернскаго предводителя Квитку, представило государю предположеніе объ учрежденіи въ Харьковѣ кадетскаго корпуса на 40 дворянъ (№ 29.419).—Возникаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дворянскія заведенія въ губерніяхъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ: въ 1805 г. предводитель тверской губерніи

Тутолминъ представилъ министерству внутреннихъ дѣлъ о желаніи тверскаго дворянства завести въ Твери институтъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ (№ 21.691).

Еще шире распространяется система обособленія дворянства въ учебныхъ заведеніяхъ при императорѣ Николаѣ. Возникаютъ кадетскіе корпуса, въ которые могли отдавать дѣтей только дворяне. По положенію о кадетскихъ корпусахъ 1830 г., предположено для приготовленія молодыхъ дворянъ въ военную службу учредить ихъ въ слѣдующихъ городахъ: въ Новгородѣ, Тулѣ, Тамбовѣ, Полоцкѣ, Полтавѣ, Елисаветградѣ (2-е П. С. № 3.457). Подобнымъ же образомъ распространяются институты для воспитанія благородныхъ дѣвицъ: въ 1828 г. въ Полтавѣ (2-е № 1.777), въ 1834 г. въ Тамбовѣ „дабы сохранить навсегда въ памяти чувствованія, коими дворянство одушевлялось при производствѣ выборовъ по новому положенію“ (2-е № 7.245) и т. д.— Расширяются особыя учебныя заведенія только для болѣе знатнаго дворянства: къ прежнему царскосельскому лицею, основанному еще при Александрѣ I, присоединяется училище правовѣдѣнія, по уставу котораго 1839 г., дозволено въ него принимать только сыновей тѣхъ россійскихъ дворянъ, которые внесены въ 6-ю ч. родословной книги, а также дѣтей статскихъ совѣтниковъ, полковниковъ и старинныхъ дворянъ остзейскихъ (2-е П. С. № 12.568). Въ 1844 г. постановлено: въ институтъ путей сообщенія принимать только дѣйствительныхъ дворянъ (2-е № 17.549).

Уваровъ, несмотря на свои неоцѣненныя услуги отечественному просвѣщенію, проводилъ сословные, дворянскіе принципы. Эта ошибка въ государственномъ человѣкѣ была тѣмъ большая, что въ это время замышлялось уже освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, и въ виду того цѣлесообразная политика требовала бы не разъединенія, но сближенія общественныхъ классовъ—при посредствѣ образованія. Вступивъ въ управленіе народнымъ просвѣщеніемъ (11 мая 1833), незабвенный министръ, убѣжденный, что дворянство „какъ потомство древнихъ рыцарей“, какъ „лучшій

цвѣтъ возрастающаго поколѣнія", должно имѣть и воспитаніе отдѣльное, обратилъ вниманіе предводителей дворянства на устройство благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ. Дворянство съ необыкновеннымъ рвеніемъ откликнулось на призывъ министра. Слѣдуя кашинскому депутату, оно разлагало пожертвованія на содержаніе этихъ пансіоновъ на своихъ крѣпостныхъ крестьянъ [10]). До 1843 г. учреждено было до 46 такихъ благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, да сверхъ того дворянскіе институты въ Москвѣ, Вильнѣ, Пензѣ и Нижнемъ и двѣ дворянскія гимназіи: въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ. (Отчетъ гр. Уварова: десятилѣтіе мин.).

Въ настоящее время, если и существуетъ у насъ аристократическая и дворянская школа—то какъ анахронизмъ, свидѣтельствующій объ отжившихъ уже требованіяхъ и стремленіяхъ нашей аристократіи отдѣлиться отъ *подлаго* дворянства,—дворянства—обособиться отъ *подлаго* народа. Школа эта звучитъ какимъ-то диссонансомъ, нарушающимъ гармонію нашего гражданскаго преуспѣянія.

III. Ядро дворянства имперіи составило *русское дворянство*, исторія котораго—главный и основной предметъ нашего изслѣдованія. Но мало-по-малу права русскаго дворянства распространялись и на дворянство иноплеменное и на высшіе классы тѣхъ частей Россіи, которыя имѣли свою особенную исторію. Мало-по-малу въ ряды дворянства имперіи вдвинуты были: дворянство остзейское, панство польское, шляхетство малороссійское и выборные чины другихъ казачьихъ войскъ, князья и мурзы татарскаго происхожденія, князья и дворяне Грузіи, бояре и бояринаши бессарабскіе.

а) Изъ дворянства иноплеменнаго стало особнякомъ въ имперіи, не поддаваясь ассимиляціи *дворянство остзейское*. По своей исторіи, по своимъ исконнымъ правамъ и по своей культурѣ оно считало себя призваннымъ не только не подчиняться національнымъ основамъ русскаго государственаго строя, но даже германизировать, вводить свои начала въ этотъ строй. Оно считало

себя добрымъ геніемъ русской земли, миссія котораго распространять въ ней западно-европейскую цивилизацію [41]). При прежнихъ правительствахъ въ остзейскомъ дворянствѣ выработалась теорія *контрактнаго* отношенія къ власти, —того *юридическаго основанія* правъ и привиллегій, котораго русское дворянство никогда не имѣло, да и имѣть не могло, вслѣдствіе того, что его права и преимущества всегда октроировались властію, всегда имѣли болѣе *политическое* основаніе, а поэтому и видоизмѣнялись, сообразно видамъ и потребностямъ правительства. Другую почву имѣли права и преимущества дворянства остзейскаго. О положеніи его при прежнихъ правительствахъ можно судить по тому обстоятельству, что напримѣръ шведское правительство закладывало дворянству государственныя имущества и занимало у него деньги. Такихъ заложенныхъ земель оказалось въ 1724 г. въ рижской губ. 953 гака, въ ревельской—20 гаковъ (П. С. № 4.573). Русское правительство сейчасъ же распорядилось о выкупѣ этихъ земель. Въ 1724 г. состоялся указъ: „понеже въ завоеванныхъ отъ шведовъ провинціяхъ есть нѣкоторыя коронныя публичныя маетности въ закладѣ отъ короля шведскаго у шляхетства и оныя публичныя коронныя маетности надлежитъ выкупить у заимодавцевъ на казенныя деньги (П. С. № 4419). Русское правительство, надѣлившее свое дворянство землями, не могло конечно потерпѣть, чтобы быть должникомъ дворянству, чтобы закладывать ему казенныя земли. Но контрактная теорія отношеній къ государственной власти, развившаяся въ остзейскомъ дворянствѣ при прежнихъ правительствахъ, нашла себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ политикѣ русскаго правительства относительно прибалтійскаго края. Основаніемъ для послѣдующихъ привиллегій шляхетнаго и высокоблагороднаго рыцарства Лифляндіи послужили *аккордные пункты*, заключенные въ лагерѣ подъ Ригою между шляхетствомъ и земствомъ княжества лифляндскаго и генеръ-фельдмаршаломъ гр. Шереметевымъ іюля 4 дня 1710 г. (П. С. № 2.279), подобно тому, какъ *договорные пункты*, учиненные въ

главной квартирѣ Гаркѣ близъ Ревеля, между шляхетствомъ и земствомъ герцогства эстляндскаго и россійскимъ генераль-поручикомъ Боуэромъ сентября 29 дня 1710 г. (П. С. № 2.299)—послужили основаніемъ для привиллегій дворянства эстляндскаго.

Лифляндскому и эстляндскому шляхетству отдано было на волю Петромъ Великимъ, ревнителемъ обязательной службы своего дворянства, служить или не служить (П. С. № 4.309), что подтвердила и Анна Іоанновна въ 1734 г. (№ 6.640). Остзейское шляхетство получило право отдавать своихъ дѣтей въ сухопутный шляхетный корпусъ (№ 5.881), чего лишено было шляхетство малороссійское. Вообще, насколько привиллегіи шляхетства остзейскаго были выше тѣхъ, которыми въ это время пользовалось шляхетство въ Россіи, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые иноземцы, какъ напримѣръ извѣстный Фикъ, готовы были принять русское подданство, но съ условіемъ надѣленія ихъ преимуществами остзейскаго дворянства (Р. Арх. 1869 г. № XI). Остзейское дворянство, въ знакъ особеннаго уваженія къ кому-нибудь изъ русскихъ, само иногда причисляло его съ потомствомъ къ своему сословію: подобный дипломъ получилъ знаменитый Александръ Ильичъ Бибиковъ отъ лифляндскаго шляхетства. „Примѣчанія достойно", говоритъ по этому поводу составитель Записокъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова, „что рыцарство сихъ завоеванныхъ провинцій поставляло всегда изъявленіемъ великаго отъ себя уваженія вписаніе въ свое сословіе россійскихъ дворянскихъ фамилій" (стр. 64). *Заматерѣвшее въ своихъ обычаяхъ*, какъ выразился о немъ совѣтъ въ 1787 г. (Протоколы совѣта: ч. 2-я стр. 391), шляхетство остзейское всегда крѣпко стояло за свои особенности, и отклоняло введеніе тѣхъ мѣръ, которыя принимались въ другихъ частяхъ имперіи. Мы встрѣтили напримѣръ интересный указъ Анны Іоанновны 1739 г. о запрещеніи продавать въ эстляндской губ. съ острова Даго крестьянъ (№ 7.867). Сколько мы понимаемъ этотъ указъ, на островѣ Даго производилась за многолюдствомъ продажа *излишнихъ крестьянъ*, какъ

общественнаго достоянія. Это нѣчто въ родѣ рабовъ римскихъ, принадлежавшихъ иногда государству. Явленіе, свойственное только высшей степени развитія рабства, что, дѣйствительно, всегда и было въ Остзеѣ, гдѣ положеніе *дрелловъ* было едва-ли лучше положенія *черныхъ*, и во всякомъ случаѣ хуже положенія древнерусскихъ *холоповъ.*

Остзейское дворянство противилось и ревизіямъ. По этому случаю оно вело цѣлую тяжбу съ русскимъ правительствомъ, интересное изложеніе которой можно найти въ первомъ П. С. З. подъ № 13.241. Лифляндское рыцарство протестовало противъ ревизіи на томъ основаніи, „что въ большомъ числѣ европейскихъ государствъ въ прошломъ вѣкѣ сочинены положеннымъ въ окладъ землямъ матрикулы или оброчныя книги, по которымъ казенныя подати расположены, и съ того времени и о званіи ревизіи уже неизвѣстно, а въ Лифляндіи въ 1688 г. тогдашнею ревизіею земли въ окладъ положены, и что при каждой мызѣ оброчнымъ признано, въ вакенбухахъ 1688 г. точнѣйше означено, которыя вакенбухи и гаковыя вѣдомости 1688 г. ревизіи при шведскомъ владѣніи непремѣннымъ правиломъ состояли, и по онымъ казенныя подати расположены и собираемы быть должны; въ ревизіонныхъ 1687 и 1688 годахъ инструкціяхъ ни словомъ не упомянуто, чтобъ еще ревизіямъ быть....“ На этотъ разъ русская администрація не потакнула археологическимъ трактатамъ остзейскаго дворянства: генералъ-губернаторъ Броунъ на это замѣтилъ „резоны жалобъ, при такомъ важномъ дѣлѣ недостаточны: ибо де вакенбухи 1688 г. ревизіи, непремѣннымъ и непоколебимымъ правиломъ гаковому числу и слѣдуемыхъ съ онаго въ казну доходовъ, почитаться не должны“. А сенатъ утвердилъ, что „дворянство ничѣмъ не доказало, что ревизія 1687 г. производима была на всѣ будущія времена, а еще меньше, чтобъ вакенбухи, сочиненныя при оной ревизіи, вѣчно оставались непремѣннымъ правиломъ, по которому исчислять гаковое число въ мызахъ, хотя бы оное въ самомъ дѣлѣ удвоилось“ (№ 13.241).

Остзейское дворянство, какъ можно заключить изъ протоколовъ совѣта за 1787 г., неблагопріятно относилось и къ межеванію, и совѣтъ опасался производствомъ размежеванія въ рижской и ревельской губерніяхъ *произвести въ тамошнихъ владѣльцахъ негодованіе или прискорбіе.* Только генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, къ мнѣнію котораго присоединился графъ Безбородько, „почитая Лифляндію и Эстляндію не иначе какъ за часть Россіи и совершенно подданными россійскому скипетру, такъ какъ и всѣ народы, обитающіе въ другихъ губерніяхъ здѣшней имперіи“, полагали, что остзейское дворянство по поводу межеванія не могло питать другихъ чувствъ „какъ равнаго съ прочими—чувствованія единой благодарности къ щедротамъ всемилостивѣйшей нашей законодательницы“ (Арх. гос. совѣта ч. 2, стр. 393). Въ коммиссіи 1767 г. депутаты остзейскаго дворянства домогались, чтобы оно оставлено было въ исключительномъ положеніи въ государствѣ, чтобы на него не были распространены общія права русскихъ дворянъ, но сохранены древнія особенныя привиллегіи, утвержденныя русскими государями. Такъ напримѣръ эстляндскій депутатъ отъ дворянства вирскаго крейса, Дитрихъ Іоганъ Р. подалъ въ коммисію заявленіе, „чтобы въ проектѣ новаго уложенія и о эстляндскомъ дворянствѣ упомянуто было, дабы ему въ преимуществахъ своихъ, въ силу ихъ всевысочайше конфирмованныхъ привиллегій неотмѣнно остаться“. Къ этому заявленію присоединились и другіе депутаты эстляндскаго дворянства: депутатъ эрфскаго крейса баронъ Филиппъ ф. Зальца и im Nahmen des Wiellsschen Kreizes als Deputirter Baron v. Ungern-Sternberg. Подобное же заявленіе было представлено и отъ депутата лифляндскаго дворянства, эстницкаго уѣзда, Александра Вильбоа, „дабы въ проектъ новаго уложенія и о лифляндскомъ дворянствѣ вмѣщено было, чтобъ ему во свободностяхъ и преимуществахъ, въ силу своихъ высочайше конфирмованныхъ привиллегій, неотмѣнно остаться“. А къ этому заявленію присоединились и другіе депутаты лифляндскаго дворянства: летскаго уѣзда

баронъ Унгеръ-Стернбергъ и эзельской провинціи Германъ Густавъ ф. Веймарнъ, а также и депутатъ отъ лифляндскаго земства всѣхъ четырехъ уѣздовъ Гергардъ Вильгельмъ ф. Блуменъ (Сб. русск. Истор. Общества. т. IV, стр. 219—222). Маршалъ Бибиковъ, хорошо зная неблагопріятный взглядъ императрицы на подобныя сепаратистическія заявленія, прекратилъ всякія пренія по поводу ихъ (Ib. стр. XXV предисловія).

Екатерина II дѣйствительно стремилась къ полному объединенію края, къ ассимиляціи остзейскаго рыцарства, и приравненія его къ русскому дворянству. Она октроировала ему—высокоблагородному по своимъ традиціямъ—*благородство* въ 1763 г., какъ бы желая показать, что и оно свое благородство получило изъ рукъ русскаго монарха, подобно дворянству русскому (№ 11.143). Она распространила въ 1783 г. указъ Анны Іоанновны 1731 г. о соединеніи помѣстій съ вотчинами и на рижскую и ревельскую губерніи, превративъ манленныя деревни—нѣчто въ родѣ помѣстій—въ прямыя наслѣдственныя (№ 15.719). Она старалась, наконецъ, распространить на остзейское дворянство постановленія законовъ 1775 и 1785 годовъ. Повелѣвъ еще прежде гражданскимъ чиновникамъ остзейскихъ губерній стараться объ изученіи русскаго языка (№ 14.036), императрица въ 1783 г. образовала изъ Лифляндіи рижскую губернію, состоящую изъ 9-ти уѣздовъ, въ которой управленіе было образовано на основаніи учрежденія о губерніяхъ 1775 г. (П. С. № 15.775), дворянство должно было избирать предводителей на общемъ основаніи (П. С. № 15.776), а ландраты и ландратскія коллегіи были уничтожены (№ 16.424).

Тогда же образована и ревельская губернія, раздѣленная на 5 уѣздовъ, изъ Эстляндіи (№ 15.774), учреждено въ ней управленіе на основаніи закона 1775 г. (№ 15.776) и уничтожены ландраты и ландратскія коллегіи (№ 16.424).

Апрѣля 15 дня 1795 г. къ Россіи присоединено княжество курляндское и семигальское съ округомъ пильтенскимъ (№ 17.419); сейчасъ же образована была изъ новаго пріобрѣтенія новая губернія, подъ властію

генералъ-губернатора ф.-д. Палена (№ 17.324), со всѣми учрежденіями 1775 года и дворянскими выборами на общемъ основаніи (№ 17.454).

Императоръ Павелъ I слѣдовалъ другой политикѣ: при немъ возстановляются особенности въ управленіи Лифляндіи (№ 17.584), Эстляндіи (16) и Курляндіи (№ 217.681). Жалованная дворянская грамота 1785 г., дворянскіе выборы и избираемыя дворянствомъ должностныя лица на общемъ основаніи упраздняются, и воскресаютъ *ландтаги* съ своими *сеймовыми заключеніями*, *ландратскія коллегіи*, Ritterschaftshauptmann'ы Эстляндіи, Landmarschall'ы–Лифляндіи и Эзеля, Landes-bevollmaechtigter'ы — Курляндіи [42]). „Всѣ эти и другіе оттѣнки въ устройствѣ и именахъ" какъ говорилъ одинъ журналъ конца 50 годовъ „различныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій тѣсно связаны съ историческимъ прошедшимъ страны. Дворянство, поэтому, не безъ причины сильно къ нимъ привязано; правительство не касается этихъ учрежденій, и остзейскія губерніи процвѣтаютъ. Всѣ эти оттѣнки—живые слѣды прошедшаго. Слѣдовательно хорошо, когда тѣнь прошедшаго проникаетъ въ настоящее. Она возбуждаетъ чувство уваженія, спасительна для продолжительности и постоянства соціальныхъ учрежденій. Горизонтъ расширяется, и почтеніе къ извѣстнымъ началамъ, мысль объ извѣстныхъ обязанностяхъ находитъ здѣсь болѣе мѣста. Имѣя ввиду прошедшее, люди лучше умѣютъ соединять лихорадочную дѣятельность настоящаго съ заботою о будущемъ, и привыкаютъ къ мысли, что грустно будетъ находить слѣды прошедшей исторіи въ однихъ пыльныхъ архивахъ". Мы думаемъ, что многоуважаемый журналъ ошибался, примѣняя точку зрѣнія англійскихъ торіевъ на свои національныя учрежденія, къ тѣмъ сословнымъ феодальнымъ учрежденіямъ, проникнутымъ началами дворянской привиллегіи, которыя такимъ особнякомъ стоятъ на русской землѣ. Мы вполнѣ одобряемъ, поэтому, политику ассимиляціи и объединенія, которой слѣдовала императрица Екатерина II

относительно остзейскаго края; вполнѣ сочувствуемъ и перемѣнѣ взгляда на этотъ вопросъ многоуважаемаго журнала. Но эта политика представляется только свѣтлымъ эпизодомъ въ отношеніяхъ нашего правительства къ прибалтійскимъ губерніямъ. Постоянной-же системой было подтвержденіе правъ и преимуществъ благороднаго рыцарства остзейскаго, вслѣдствіе чего теорія *контрактнаго юридическаго отношенія къ русской государственной власти* болѣе и болѣе укоренялась. Преемники Петра Великаго послѣдовательно подтверждали „благополучные привиллегіи, права, суды, рецессы, статуты, христіанскія земскія обыкности и употребленія" дворянства остзейскаго, которому выдавались грамоты отъ всѣхъ царствующихъ монарховъ: въ 1725 г. Екатерины I (№ 4.743), въ 1728 г. Петра II (№ 5.330, 5.332), въ 1730 г. Анны Іоанновны (№ 5.607 и 5.608), 1742 г. Елизаветы Петровны (№ 8.573), въ 1762 г. (№ 11.727) Екатерины II, въ 1801 г. Александра I (№ 20.010), въ 1827 г. Николая I (2-е П. С. № 888, 889, 891) и въ 1856 г. благополучно царствующаго государя императора (Ib. № 30.186, 30.187, 30.188) [13]).

б) Другимъ особнякомъ въ имперіи, неподдававшимся ассимиляціи, стало дворянство польское. По присоединеніи западно-русскихъ губерній, повелѣно было тамошнему дворянству представить доказательства своего дворянства (П. С. № 13.865). Польское же дворянство, за Рѣчь Посполитую, распадалось на высшее дворянство—магнатовъ и низшее—собственно шляхту. Между магнатами было много носившихъ титулованныя фамиліи, какъ родовыя княжескія (Чарторыжскіе, Сангушки и др.), такъ и пожалованныя титулами императорами римско-нѣмецкими: князья (Радзивиллы, Любомирскіе, Сапѣги, Яблоновскіе и др.) и графы (Потоцкіе, Мнишки, Стадницкіе, Замойскіе, Оссолинскіе и др.). Между ними было много русскихъ по-происхожденію, но ополяченныхъ и измѣнившихъ православію (Чарторыжскіе и др.). Большинство же низшаго дворянства—шляхта въ собственномъ смыслѣ—произошло или отъ офиціалистовъ, служившихъ при дворѣ магнатовъ, или

отъ поддѣлавшихъ документы на шляхетское достоинство. Собственно говоря, на русское дворянство имѣли право магнаты и нѣкоторыя только фамиліи низшаго шляхетства. Но по недоразумѣнію, русское правительство включило въ ряды дворянства имперіи и всю шляхту, которая скорѣе имѣла право на включеніе въ однодворцы и мѣщане. Отъ этого произошли важныя послѣдствія: былъ созданъ въ западно-русскихъ губерніяхъ привиллегированный пролетаріатъ, безъ матеріальныхъ средствъ, но съ сословными притязаніями— причина многихъ послѣдовавшихъ смутъ края. Не раньше, какъ проученное горькимъ опытомъ повстанья 1831 г., правительство поняло свою ошибку, и кончило тѣмъ, съ чего должно было начать—повѣркой правъ шляхты на дворянство, результатомъ которой было разжалованіе ея изъ дворянъ въ однодворцы и мѣщане. Но распространивъ права русскаго дворянства на польскихъ магнатовъ и шляхту, правительство отъ времени до времени, вслѣдствіе политическихъ причинъ, должно было дѣлать нѣкоторыя ограниченія въ этихъ правахъ,— особенно, какъ увидимъ ниже, въ правахъ корпоративныхъ.

в) Прежде, чѣмъ скажемъ, какъ малороссійское шляхетство слилось съ дворянствомъ русскимъ, мы коротенько изложимъ его исторію. Сигизмундъ II Августъ своими грамотами 16 столѣтія окончательно опредѣлилъ привиллегіи рыцарскаго и шляхетскаго чина народа русскаго. Онъ предоставилъ ему право избирать въ чины сенаторскіе, придворные и земскіе, участвовать въ выборѣ депутатовъ на общіе сеймы и сеймики повѣтовые и судиться статутомъ. Стефанъ Баторій въ 1576 г. даровалъ малороссійскому воинству организацію, учредивъ старшину генеральную и полковую. Вслѣдствіе 18 артикула статута, постановляющаго, чтобы „достоинства и чиновъ простолюдинамъ не давать, а давать оныя только шляхтѣ“, шляхетство слилось съ старшиной. Въ условіи, заключенномъ Богданомъ Хмѣльницкимъ съ польскою короною въ 1649 г., было постановлено: старшинъ малороссійскаго войска считать наравнѣ съ шляхетствомъ.

Такъ возникло въ Малороссіи дворянство, слившееся съ старшиною, и называвшееся *русскою шляхтой*. Отъ этихъ временъ польскаго владычества ведутъ свое начало немногія, впрочемъ, малороссійскія дворянскія фамиліи: Бакуринскіе получили на добра свои: Оспеки и др. грамоту отъ короля Сигизмунда III, въ 1609 г., Борозды, старѣйшій дворянскій родъ черниговской губерніи, получили грамоту на свои *поместя* и *маетности* въ 1620 г., благородный Богданъ Бутовичъ получилъ двѣ грамоты на свои имѣнія въ 1649 г. отъ польскаго короля Яна Казимира и н. др. (Записки черниговскаго губ. стат. ком. кн. 2). Встрѣчаются еще нѣкоторыя дворянскія фамиліи въ Малороссіи, ведущія свое начало отъ временъ незапамятныхъ: Кочубеи, вышедшіе изъ Крыма въ Малороссію еще въ 16 ст., Гамалѣи—выходцы изъ Турціи, встрѣчающіеся еще въ 17 ст. и т. д., но большинство малороссійскаго дворянства—новаго происхожденія: потомство позднѣйшей старшины, вышедшей изъ рядовъ посполитства и пришлецовъ въ страну въ 18 ст.

Русская шляхта при польскомъ владычествѣ постепенно ополячивалась. Ополячиваясь и превращая посполитство въ своихъ хлоповъ, она вызвала страшную ненависть порабощеннаго ею народа, которая высказалась въ войнахъ Хмѣльницкаго. Результатомъ этихъ войнъ было истребленіе шляхты въ Малороссіи, которая была или избита, или стала въ ряды Хмѣльницкаго, получивъ отъ него универсалы на маетности (Борозна, Юрій Бакуринскій и др.), или ушла заграницу въ Польшу и возвратилась въ Малороссію въ лучшія времена (Лизогубъ). Такимъ образомъ, послѣ хмѣльнищины, шляхетства въ Малороссіи, собственно говоря, не было. Какіе же общественные разряды въ ней оставались?

Мы видѣли, какъ за поляковъ въ Малороссіи образовалось два сословія: *шляхта*— въ составъ которой вошло много польскихъ пановъ, нахлынувшихъ на лѣвый берегъ Днѣпра вначалѣ 17 вѣка (Пясочинскій, Оссолинскій, Кисель, Вишневецкій и др.), потомковъ

дворянъ и сыновъ боярскихъ, образовавшихся въ то время, когда сѣверная Малороссія отъ 1500—1638 г. была подъ властію Россіи (Борозды и др.), а частію и изъ потомства малороссійской старшины, издавна занимавшей видныя мѣста (Кочубеи, Гамалѣи, Галаганы и др.), и 2, *посполъство* — мѣщане и крестьяне. Результатомъ войнъ Хмѣльницкаго, какъ сказано, было истребленіе шляхты [44]). Послѣ этого истребленія, въ Малороссіи остались двѣ, довольно рѣзко разграниченныя общественныя группы: *казаки*, принявшіе названіе *товариства войска запорожскаго*, и *посполъство*. Къ товариству примкнули остатки прежней шляхты, существовавшей до Хмѣльницкаго [45]). Мало-по-малу это товариство подраздѣлялось на двѣ группы: богатѣйшая его часть—*старшина* и бѣднѣйшее товариство—*рядовое казачество*. Старшина вспомнила 18 арт. статута и, „принимая на себя видъ благородства", постепенно стала превращаться въ *шляхетство*, и получивъ маетности—универсалами гетмановъ и полковниковъ, завладѣніемъ казачьими грунтами и полями, осаженіемъ слободъ и т. п. — изъ *державцевъ* этихъ маетностей преобразовалась въ *пановъ* посполъства, маетности населявшаго, превращая его въ своихъ подданныхъ. Уже въ грамотахъ Алексѣя Михайловича 1654 г. мы встрѣчаемъ упоминаніе о благородной шляхтѣ христіанской вѣры, получающей значительныя привиллегіи, въ отличіе отъ казачества и посполъства. Грамоты эти послѣдовательно подтверждаются преемниками Алексѣя Михайловича. Изъ выдѣлившейся, такимъ образомъ, изъ казачества старшины, превратившейся въ шляхетство, съ присоединеніемъ многихъ новыхъ пришлецовъ въ страну (Милорадовичи, Капнисты и др.) и великорусскихъ дворянъ, пріобрѣвшихъ въ Малороссіи имѣнія, образуется теперешнее малороссійское дворянство [46]).— Бѣднѣйшая группа товариства—составила *рядовое казачество*, отъ котораго ведетъ свое начало теперешнее сословіе *малороссійскихъ казаковъ*. Посполъство мало-по-малу превращалось въ крѣпостную зависимость отъ шляхетства—сначала фактически, потомъ юридически.

Шляхетство стремилось превратить въ посполььство, изъ котораго выходили его подданные, и рядовое казачество, всячески его эксплуатируя: вербуя въ свои подсусѣдки, захватывая его земли и т. п. Но русское правительство стало за казаковъ, и рядомъ мѣръ, принятыхъ отъ 1722—1752 г., преимущественно указомъ о ревизіи 1723 г., замѣнившимъ казацкіе *компуты* ревизскими книгами, запретившими казакамъ переходъ въ посполььство, и указомъ 1739 г., возбранившимъ казакамъ продавать свои земли—отстояло рядовое казачество, которое иначе подпало бы той же крѣпостной зависимости, какъ и посполььство. Такимъ образомъ, свободное малороссійское казачество, существовавшее рядомъ съ крѣпостными, обязано своимъ происхожденіемъ русскому правительству.

Литовскій статутъ, на которомъ держались привиллегіи шляхты за польское владычество, послѣ войнъ Хмѣльницкаго, естественно былъ отмѣненъ вмѣстѣ съ самыми шляхетскими привиллегіями. Въ концѣ 17 и въ началѣ 18 столѣтія споры старшины съ казачествомъ и посполььствомъ разрѣшались судебной властію на основаніи обычаевъ. Но судебная власть была въ рукахъ старшины, въ интересахъ которой было полное возстановленіе статута. Возстановленіе это совершается въ первой четверти прошлаго вѣка. И насколько впослѣдствіи шляхетство дорожило литовскимъ статутомъ, видно изъ того, что когда при выборѣ депутата въ коммисію 1767 г., по старанію черниговскаго предводителя Безбородька составленъ былъ наказъ, въ которомъ просили объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій статута, какъ противныхъ естественному праву и несогласныхъ съ настоящимъ временемъ, то шляхетство не могло простить этого Безбородьку, называя его недоброжелателемъ отчизны (Соловьева: Разсказы изъ Русской Исторіи 18 ст. Р. В. 1861 г. Т. XXXV) [47]).

Старшина стремилась занять въ Малороссіи то положеніе, которое до Хмѣльницкаго принадлежало шляхетству. Но шляхетство владѣло маетностями на правахъ полной собственности. Прежніе же поземельные

акты за польское владычество были *скасованы козацкою шаблею* во-время войнъ Хмѣльницкаго. Всѣ земли въ Малороссіи дѣлаются собственностію войска—товариства. Представители этого войска—гетманы и полковники—раздаютъ земли товариству—старшинѣ и рядовому козачеству. Раздача войсковыхъ земель начинается съ Хмѣльницкаго. Хмѣльницкій утверждаетъ поземельныя права тѣхъ прежнихъ землевладѣльцевъ, которые помогали ему въ войнѣ за освобожденіе. Въ своемъ универсалѣ 1657 г., „позволилъ онъ, гетманъ, шляхтѣ, якую Богъ всемогущій до войска запорожскаго наклонилъ, маетностей и кгрунтовъ ихъ власнихъ уживать, якъ издавна они уживали". Примѣру Хмѣльницкаго слѣдуютъ его преемники: Выговскій даетъ универсалъ въ 1659 г. сотнику слабинскому Ив. Домонтовичу на два села Смолинъ и Максимъ въ полку черниговскомъ; Самойловичъ—пану Івановѣ Ломѣковскому въ 1680 г. на село Вишенки; Мазепа—пану Михайлу Гамалію въ 1694 г. на село Ивахники, уѣзда Лохвицкаго; Скоропадскій—въ 1709 г. подтверждаетъ универсалъ своего *антецессора*, данный Данилу Бобырю на село Даниловку. Села раздавались не только гетманами, но и полковниками: нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко въ 1662 г. пожаловалъ универсалъ Марку Кимбаровичу на село Березу, глуховской сотни; стародубскій полковникъ Миклашевскій—въ 1697 г. Ивану Булашевичу на село Косачи почеповской сотни. Села жаловались до *ласки войсковой*—владѣть, пока угодно будетъ войску (Дн. з. Марковича ч. II. 37). Въ 1729 году въ Малороссіи производилось дозпаніе—кто и по какому праву владѣетъ маетностями? Оказались большія злоупотребленія при раздачѣ маетностей: гетманъ Скоропадскій пожаловалъ генеральному обозному Михайлу Забѣлѣ село Райгородъ, приписанный къ Коропу, который со всѣми принадлежащими селами опредѣленъ былъ на содержаніе генеральной войсковой канцеляріи, а гетманъ Апостолъ роздалъ также много селъ и деревень неправильно. Повелѣно въ 1734 г. эти раздачи возвратить (П. С. № 6.614).—Запросъ: кто и по какимъ

крѣпостямъ владѣетъ? былъ повторенъ и въ 1728 году (Дн. з. Марковича: ч. II 37).

Вся старшина—отъ гетмана и до послѣдняго чина—получала на свой урядъ, рангъ, такъ называемыя ранговыя маетности: Валькевичъ, напримѣръ, вначалѣ 1741 г. получилъ урядъ генеральнаго асаула, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовавшія на тотъ урядъ ранговыя маетности: три села—Макошинъ, Куковичи, Дремайловку, двѣ деревни—Остаповку и Бондаровку и хуторъ Рожновскій. [18])—Иногда эти ранговыя маетности возвращались въ вѣдѣніе войсковой генеральной канцеляріи, иногда оставлялись въ потомственномъ владѣніи урядника, иногда неправильно присвоивались послѣднимъ. Примѣръ возвращенія представляютъ ранговыя маетности вышесказаннаго Валькевича. Примѣры оставленія въ потомственномъ владѣніи: по смерти гетмана Данила Апостола поѣхалъ въ 1734 г. въ Петербургъ его меньшой сынъ Петръ Апостолъ, полковникъ лубенскій и отъ матки своей, гетманши, выпросилъ у государыни пожалованія всѣхъ ранговыхъ маетностей покойнаго гетмана въ вѣчное владѣніе его рода (Лѣтопись самовидца о войнахъ Хмѣльницкаго); подобнымъ же образомъ и ранговыя имѣнія гетмана Разумовскаго (Карловка, Андреяшовка, Батуринъ, Яготинъ и др.) по просьбѣ его были пожалованы ему въ потомственное владѣніе. (Семейство Разумовскихъ: Осмнадцатый вѣкъ, к. 2-я). Также точно ранговая маетность малороссійскаго асаула Пилипенка, по представленію Румянцова, въ 1772 г. пожалована ему въ потомственное владѣніе (Арх. госуд. совѣта, ч. 2, стр. 385). Кромѣ того, ранговыя маетности могли оставаться долгое время въ одной и той же фамиліи, вслѣдствіе того, что уряды часто бывали наслѣдственны, переходя отъ отца къ сыну. Такъ напр. Яковъ Бакуринскій въ 1716 г. былъ выбранъ товариствомъ и посполитствомъ сотни роиской въ сотники, а послѣ него урядъ сотничества унаслѣдованъ его сыномъ (З. черн. ст. комит. кн. 2-я, стр. 39). Въ 1734 г. сынъ Семена Галецкаго былъ назначенъ стародубскимъ сотникомъ на мѣсто отца (Дневн. записки Марковича: ч. I. 424).

По просьбѣ столенскаго сотника Ивана Бобыря преемникомъ ему гетманъ Разумовскій въ 1754 г. назначилъ сына его Романа, а потомъ—брата Романа Степана (З. черн. ст. ком. кн. 2-я стр. 48). Насколько такая наслѣдственность уряда была въ обычаѣ видно изъ того, что когда въ 1721 г. панъ Андрей Марковичъ, полковникъ лубенской, съ подчиненными казаками на каналное дѣло до Ладоги былъ „коммендерованъ", то гетманъ Скоропадскій „до повороту зъ службы родителя" универсаломъ назначилъ лубенскимъ полковникомъ сына пана знатнаго товарища войсковаго Якова. Точно также урядъ генеральнаго подскарбія отъ Андрея Марковича сначала перешелъ къ сыну Якову, а потомъ къ другому сыну (Дп. зап. Марковича). Въ П. С. мы встрѣтили просьбу престарѣлаго полковника прилуцкаго Игната Гайлагана 1737 г. назначить преемникомъ ему сына его. Но такъ какъ тогда сынъ его еще никакой службы не показалъ, то просьба не была исполнена, однакожъ отцу была подана надежда, что современемъ сіе учиниться можетъ (П. С. № 7.451. п. 2). Изъ Дневныхъ записокъ Марковича мы видимъ, что въ 1740 г. полковничій перначь былъ дѣйствительно врученъ сыну Игната Гайлагана (стр. 106. ч. II) [49]). Ранговыя маетности иногда незаконно присвоивались старшиной: по пунктамъ Б. Хмѣльницкаго опредѣлено было на гетманскую булаву староство чигиринское, а потомъ присоединены были ключъ гадяцкой со многими городами и селами: гетманъ Скоропадскій многіе изъ нихъ взялъ себѣ и утвердилъ жалованными грамотами женѣ своей и дѣтямъ въ потомственное владѣніе; точно такъ же полковая и сотенная старшина, а по смерти ея, жены и дѣти, владѣли ранговыми имѣніями на правахъ собственности (П. С. № 5.324).

Кромѣ того, малороссійская старшина завладѣвала иногда землями и грунтами казацкими. Жалобы казаковъ на неправильное завладѣніе ихъ землями не переставали приноситься правительству: Петру II было подано прошеніе на лубенскаго полковника Маркова о завладѣніи имъ цѣлою частію города Ромна-Засульемъ, нѣсколькими

селами—между прочимъ, Кулажинцами, пирятинской сотни (Р. Арх. ч. 2-й стр. 210). Въ 1728 г. повелѣвалось старшинѣ у казаковъ грунтовъ, земель и прочаго недвижимаго имущества не отнимать (П. С. № 5.305). Но старшина не переставала завладѣвать казачьими землями, и казаки не переставали на это жаловаться. Въ 1738 г. казаки нѣжинскаго полка глуховской сотни Михайло и Естафій Сергѣенки принесли челобитную на генер. обознаго Як. Лизогуба въ присвоеніи ихъ къ себѣ въ подданство, въ недопущеніи къ службѣ и въ сильномъ завладѣніи пашенною ихъ землею, всякими угодьи и грунтами, также на брата его Андрея Лизогуба, на бывшаго сотника глуховскаго Уманца, подскарбія Андрея Маркова (П. С. № 7.528).

Подобно тому, какъ за поляковъ сѣверщина, болѣе изобилующая городами и хозяйственными удобствами, наиболѣе привлекала къ себѣ панство—малороссійская старшина, послѣ изгнанія поляковъ, обратилась за маетностями сперва на сѣверъ. Но скоро старшинскія маетности появляются и въ южныхъ степяхъ—въ безлюдной, но хлѣбородной полтавщинѣ. Старшина пріобрѣтала здѣсь незаселенныя земли, садила на нихъ слободы, скликала крестьянъ и подсусѣдковъ. Такъ напримѣръ, въ 1718 г. стародубскій полковой сотникъ Семенъ Галецкій купилъ въ лубенскомъ полку лохвицкой сотни мѣсто въ степу, при рѣчкѣ Артополотѣ, съ цѣлію построить на немъ хуторъ. Возникла слободка, въ которой поселилось нѣсколько десятковъ семей казаковъ и посполитыхъ. Изъ слободки этой образовалось и нынѣ существующее село *Гольцы*, названное такъ по имени своего основателя, отъ котораго оно перешло къ генералу Вейсбаху, а потомъ къ Шостакамъ.

Маетности въ Малороссіи начинають пріобрѣтаться и русскимъ дворянствомъ—по пожалованію отъ государей и посредствомъ покупки. Вызванный въ Россію сербъ Савва Владиславичъ Рагузинскій, впослѣдствіи графъ, получилъ отъ Петра Великаго богатыя имѣнія въ Малороссіи; въ 1710 г. землями надѣлены были и сербскій купецъ Михаилъ Милорадовичъ, бывшій впо-

слѣдствіи гадяцкимъ полковникомъ, и Василій Капнистъ, грекъ, вышедшій въ 1711 г. изъ Турціи и бывшій впослѣдствіи миргородскимъ полковникомъ, сыну котораго пожалована была живописная Обуховка на Пслѣ Елизаветой Петровной. Генералу де Вейсбаху пожаловано въ 1732 г. маетностей въ разныхъ полкахъ болѣе 500 дворовъ, а по смерти его онѣ перешли къ гр. Миниху. Маетности начали пріобрѣтаться также великороссійскими дворянами посредствомъ покупки. При Петрѣ II въ 1727 году было постановлено: „великороссійскимъ всякихъ чиновъ людямъ, въ Малой Россіи земель и грунтовъ покупать, а малороссамъ продавать запретить, а которые изъ великороссійскаго народа до сего указа такія земли и грунты купили, у тѣхъ взять къ тѣмъ же полкамъ, заплатя имъ по купчимъ деньги. А кто впредь изъ великороссіянъ станетъ въ Малороссіи земли покупать, у тѣхъ брать безденежно“ (П. С. № 6.077). Запрещеніе это скоро было отмѣнено: въ 1728 г. разрѣшена свободная продажа во всей россійской имперіи маетностей—какъ великоруссамъ (кромѣ иноземцевъ) въ Малороссіи, такъ и малороссамъ въ великорусскихъ губерніяхъ, но съ тѣмъ, „чтобы великороссійскіе люди, которые въ Малороссіи нынѣ имѣютъ маетности и которые впредь себѣ купятъ, надлежащія въ Малой Россіи съ тѣхъ маетностей службы, подати и повинности отправляли, и все нести съ прочими малороссіянами, равно и быть подъ судомъ малороссійскимъ“ (П. С. № 5.324). Въ 1740 г. генералъ-лейтенанту Штафелю, жена котораго купила уже въ полку переяславскомъ имѣніе, разрѣшено покупать грунты у малороссійскихъ обывателей. Разрѣшеніе это распространено было и на грузинскихъ князей и дворянъ (П. С. № 8.129). Такимъ образомъ, къ малороссійскому шляхетству, посредствомъ пріобрѣтенія въ Малороссіи маетностей, привзошелъ великороссійскій элементъ. Изъ указа 1740 г. о высылкѣ изъ Малороссіи жидовъ заграницу видно, что въ это время маетностями въ Малороссіи владѣли многіе великорусскіе дворяне, и между прочимъ знатнѣйшихъ фамилій: фельдм. Минихъ, генералъ-лейтенантъ Штафель, кн.

Трубецкой, графы Головины, гр. Толстые, полковникъ Кашкинъ, поручикъ Казиміровъ и др. (овчарный надзиратель Игн. Деревецкій) (П. С. № 8.169).

Такъ въ Малороссіи посредствомъ раздвоенія товариства на старшину и рядовое казачество вконцѣ 17 ст., изъ первой возникло шляхетство, возстановившее польскія сословныя традиціи, сословный литовскій статутъ, пріобрѣвшее изъ войсковыхъ земель маетности, съ поселившимися на нихъ посполитыми, изъ которыхъ одни „панщину робили", а другіе „на чиншѣ сидѣли". Но такіе порядки возникли фактически. Юридическій характеръ они могли получить только чрезъ освященіе русскою государственною властію. Освященіе же это могло произойдти только чрезъ сліяніе малороссійскаго шляхетства съ русскимъ дворянствомъ, распространенія на первое тѣхъ правъ—а между прочимъ и крѣпостнаго права—которыми пользовалось дворянство русское. Малороссійская старшина начала къ этому стремиться. Стремленія ея увѣнчались успѣхомъ: она слилась съ русскимъ дворянствомъ, получила всѣ права его и привиллегіи.

А между прочимъ, до этого сліянія, русское правительство не считало малороссійскую шляхту за дворянство. Правами русскаго дворянства пользовались только тѣ изъ малороссійской шляхты, которымъ онѣ были пожалованы (Лизогубъ, Кандыба, Марковичъ, Апостолъ [50]), или которые служили въ русскихъ полкахъ и канцеляріяхъ и получали чины, дающіе права потомственнаго дворянства (Гр. Борозна, поступившій въ 1749 г. къ высочайшему двору въ предпочивальню лакеемъ, пожалованный потомъ въ камеръ-лакеи и произведенный въ 1756 г. въ поручики). А прочіе за дворянъ не признавались, и еще при Елизаветѣ Петровнѣ сенатъ подтвердилъ, чтобы малороссіянъ въ шляхетный кадетскій корпусъ не принимать, поелику-де въ Малой Россіи нѣтъ дворянъ. Малороссійская старшина начала хлопотать объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ классами табели о рангахъ. Екатерина II въ 1767 г. предписала гр. Румянцеву-Задунайскому, главнокомандующему Малороссіей, выбрать нѣсколько

дѣтей обоего пола изъ лучшихъ малороссійскихъ фамилій и прислать ихъ для опредѣленія въ шляхетный корпусъ и въ общество благородныхъ дѣвицъ. Въ томъ же году малороссійскому шляхетству предоставлено было выбрать *предводителей* и депутатовъ въ коммисію. Малороссійское шляхетство дало своимъ депутатамъ наказы. Эти наказы—живое свидѣтельство, какъ добивалось малороссійское шляхетство уравненія въ правахъ съ дворянствомъ русскимъ. И дѣло понятное: уравненіе это было санкціей того, что пріобрѣтено старшиной фактически. Такъ напр. черниговскій наказъ *повѣряетъ* своему депутату доставить императрицѣ просьбу „чтобъ *мы яко равные къ равнымъ, свободные къ свободнымъ*, яко бывшій издревле истинный, главнѣйшій членъ россійскаго народа, къ первому его тѣлу, въ сообщество единаго закона присовокуплены были", чтобъ „къ укрѣпленію между нами и прочимъ россійскимъ народомъ совершенной взаимной дружбы и единодушія *пожаловано бы было намъ въ честяхъ и преимуществахъ съ нимъ равенство*", чтобы „утвердить на вѣки свободу въ покупкѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, въ выходѣ въ иностранныя земли для службы, наукъ и житья тамъ, въ принятіи и оставленіи военной и статской службы и во всѣхъ тѣхъ выгодахъ и преимуществахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство пользуется". Прилуцкое шляхетство, особенно высказавшееся за литовскій статутъ, просило „содержать насъ, состоящихъ въ разныхъ малороссійскихъ статскихъ и военныхъ чинахъ, въ *чести дворянской*". Глуховское шляхетство: „къ достиженію прославленія и въ чинахъ равенства *присоединить всемилостивѣйше повелѣли къ россійскому дворянству и записать въ герольдію на вѣки дворянами*, и дозволить намъ на *такомъ основаніи какъ россійскому дворянству*, гдѣ пожелаемъ службу имѣть, и пользоваться своими жалованными и купленными добрами". Переясловское: „малороссійское шляхетство по причинѣ неимѣнія разрядовъ, за упущеніемъ того отъ властителей здѣшнихъ,

состоитъ въ предѣлахъ своего шляхетства, не имѣя твердаго мѣроположенія, отчего вѣрность и заслуги знатные военные, кровію и другими ревностными трудами показанныя, лишаются своего степени въ чести и славѣ, почему уже здѣшнее шляхетство возымѣло причину быть подвергаемымъ не малою частію въ явное пренебреженіе. То посему къ укрѣпленію шляхетской чести на ея пристойномъ степени и во отвращеніе сумнительствъ вредительныхъ, каковымъ до сего подвергаемо было, а особливо чтобъ *соединены быть могли съ россійскимъ дворянствомъ, яко равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ*", чтобъ „всѣхъ тѣхъ... кои въ чинахъ военныхъ и статскихъ малороссійскихъ... написано было въ списокъ шляхетской, *пріемля въ сообщество съ россійскимъ дворянствомъ*". (Наказы малороссійскаго шляхетства изъ архива г. Судіенка). Ходатайство малороссійскаго шляхетства было уважено, и тремя мѣрами совершилось его объединеніе въ правахъ съ русскимъ дворянствомъ: образованіемъ трехъ малороссійскихъ губерній въ 1782 г. малороссійскому шляхетству предоставлено было такое же участіе въ выборѣ членовъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, какое законъ 1775 г. даровалъ всему русскому дворянству, указомъ 3 мая 1783 г., лишившимъ малороссійское посполитство права свободнаго перехода и жалованной грамотой 1785 г., распространенною и на малороссійское шляхетство.

Но кого было причислить къ русскому дворянству? Наказъ черниговскаго шляхетства говоритъ „къ отвращенію сомнительствъ о породѣ изъ шляхетства, по причинѣ не имѣнія, для неспокойствъ и безпорядковъ, чрезъ долгое время въ Малой Россіи властвовавшихъ, рязрядовъ или иныхъ списковъ, равнымъ образомъ и къ пересѣченію впредь простонароднымъ похищать безъ заслугъ преимущества и выгоды, съ онымъ достоинствомъ сопряженныя, да будетъ угодно Е. И. В. всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и статскихъ малороссійскихъ вѣрно предкамъ Е. И. В., или самимъ Е. В. служили и служатъ, ука-

зать написать, по засвидѣтельствованіи отъ генералъ-губернатора, въ списокъ шляхетства, и обще съ состоявшимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, такожъ съ получившими сіе достоинство отъ королей польскихъ и отъ царей всероссійскихъ". (Арх. Судіенка).

Фактически въ шляхетство преобразовалась старшина—генеральная, полковая и сотенная, выдѣлившаяся изъ товарнства. Но чиновъ этой старшины было много и важность каждаго изъ нихъ была весьма различна. Чиновъ одного войсковаго правленія было 12—отъ генеральнаго обознаго, имѣвшаго значеніе генералъ-фельдцехмейстера войска запорожскаго до значковыхъ товарищей, число которыхъ по указу 1734 г. во всѣхъ 10 полкахъ было 420 человѣкъ, да статскаго правленія было 15 чиновъ—отъ генеральныхъ судей и до сотенныхъ писарей. Кромѣ того, были чины артиллерійскаго правленія и охочекомонныхъ полковъ (Шафонскаго: О черниговскомъ намѣстничествѣ, стр. 124). Возникъ вопросъ: какое отношеніе чиновъ этой старшины къ чинамъ табели о рангахъ? Вопросъ этотъ возникъ, когда въ 1783 г. повелѣно было военной коллегіи учредить изъ 10 малороссійскихъ полковъ полки регулярные и карабинерные, а находящихся въ малороссійскихъ полкахъ чиновниковъ, кои захотятъ остаться въ военной службѣ, и къ оной найдены будутъ способными, опредѣлить штабъ—и оберъ-офицерскими чинами новообразованныхъ полковъ, а прочихъ отъ службы уволить, переименовавъ къ дѣламъ. Вслѣдъ затѣмъ указомъ 22 декабря 1784 г., вслѣдствіе представленія бунчуковаго товарища Степана Томары въ полковники, онъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было прежнихъ малороссійскихъ чиновъ болѣе не давать (П. С. № 16.117). Во исполненіе этихъ указовъ, одни изъ малороссійскихъ чиновъ опредѣлены были на службу, съ переименованіемъ ихъ въ военные русскіе чины: полковые асаулы, полковые хорунжіе и писари—ротмистрами, сотники—поручиками, войсковые товарищи—корнетами, а значковые товарищи, сотенные хорунжіе и др.—унтеръ-офицерами. Отстав-

ленные же отъ службы, переименованы были также въ русскіе чины: бунчуковые товарищи—въ премьеръ-майоры, полковые обозные, асаулы, хорунжіе и писари—въ секундъ-майоры; сотники—въ ротмистры, а полковники—въ бригадиры.—Малороссійскіе чины были преобразованы въ русскіе, но точныхъ правилъ переименованія первыхъ въ послѣдніе все-таки не существовало. Отсюда происходило, что сенатъ переименовывалъ не одинаково носившихъ одни и тѣ же малороссійскіе чины. Одни войсковые товарищи были переименованы въ титулярные совѣтники, а другіе—въ губернскіе секретари. Депутатскія собранія, которымъ порученъ былъ разборъ малороссійскаго шляхетства, не имѣли, такимъ образомъ, руководительныхъ началъ, кого изъ прежней малороросійской старшины причислить къ потомственному дворянству, а кого нѣтъ: къ дворянству причислены были возные и другіе низшіе чины. Къ этому присоединились большія злоупотребленія депутатскихъ собраній. Въ депутаты, по свидѣтельству одного современника, избирались изъ купцовъ, простыхъ казаковъ, которые, получивъ разными происками чинъ, назвали себя дворянами и производили разборъ доказательствъ на дворянство. Большая часть малороссійской шляхты бросилась за этими доказательствами заграницу, въ Польшу, и посредствомъ жидовъ накупила себѣ у поляковъ дворянскихъ дипломовъ, при помощи которыхъ стала причислять себя къ такимъ дворянскимъ фамиліямъ, которыхъ въ Польшѣ нѣтъ и не бывало. Началась торговля дворянскими дипломами: жиды подряжались вывозить ихъ изъ Польши, а депутаты, набравъ у жидовъ дворянскихъ грамотъ съ пробѣломъ, вписывали въ нихъ ту или другую малороссійскую фамилію. Многіе простые казаки, казенные крестьяне и даже подсусѣдки сдѣлались, такимъ образомъ, дворянами. Должность депутата сдѣлалась очень прибыльной, и многіе стали напрашиваться о выборѣ въ нея. На депутатовъ подавались доносы правительству, но они оставались безъ послѣдствій. Такъ, напримѣръ, на депутата новгородсѣверской губ. Сахнов-

скаго, проживавшаго въ с. Деговѣ, сосницкаго уѣзда, былъ сдѣланъ доносъ, оставленный безъ послѣдствій.

Неудивительно, что въ Малороссіи къ концу прошлаго столѣтія, насчитывалось 100.000 дворянъ, „которыхъ“, какъ выражается современникъ, „по изгнаніи изъ нея поляковъ, ни сотой доли не было и быть не могло“.

Правительство, наконецъ, вынуждено было обратить вниманіе на эти злоупотребленія дворянскихъ депутатскихъ собраній. Правящій должность намѣстника малороссійскихъ губерній генералъ-аншефъ Кречетниковъ представилъ въ 1791 г. рапортъ въ сенатъ, что по 3 малороссійскимъ губерніямъ внесено въ дворянскія родословныя книги 22.702 души изъ платящихъ подати купцовъ, мѣщанъ, казаковъ, казенныхъ и владѣльческихъ крестьянъ [51]). При этомъ онъ присовокупилъ, что предводители и депутаты крайне небрежны въ веденіи этихъ книгъ. Между причимъ, въ герольдію также начали поступать доносы на неправильное признаніе малороссійскими дворянскими депутатскими собраніями и неправильное внесеніе въ родословную книгу фамилій, неимѣвшихъ никакого права на дворянство. Герольдія начала внимательнѣе контролировать дѣйствія депутатскихъ собраній, отмѣняя ихъ рѣшенія и отбирая выданныя ими грамоты на внесеніе въ родосл. книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ герольдія начала признавать въ дворянскомъ достоинствѣ только тѣхъ, которые имѣли неопровергаемыя о томъ доказательства, а прочихъ, доказывающихъ дворянство тѣмъ, что предки были полковыми асаулами, хорунжими, писарями, сотниками и т. д., въ дворянствѣ не признавала. Такія дѣйствія герольдіи побудили дворянство полтавской губерніи въ 1809 г. принести на нее всеподданнѣйшую жалобу государю, чрезъ своего генералъ-губернатора кн. Лобанова-Ростовскаго. Жалоба эта была передана министру юстиціи кн. Лопухину. Но полтавское дворянство долгое время не получало по ней разрѣшенія, а между прочимъ герольдія продолжала не признавать нѣкоторые малороссійскіе чины за доказательство дво-

рянства. Терпя много отъ этого, а особенно при опредѣленіи дѣтей въ военную службу, полтавское дворянское собраніе 15 октября 1819 г. опредѣлило уполномочить губернскаго маршала войдти отъ лица дворянства къ малороссійскому военному губернатору кн. Рѣпнину съ представленіемъ о правѣ малороссійскихъ чиновъ на дворянство. Энергическій ходатай о нуждахъ края, представилъ высшему начальству о томъ, „что дѣйствіемъ герольдіи потрясается благородство всего малороссійскаго дворянства“, что чиновники малороссійскіе—отъ войсковыхъ товарищей и до высшей степени съ ихъ потомствомъ—признанные губернскими дворянскими собраніями въ дворянскомъ достоинствѣ, суть дѣйств. дворяне и принадлежатъ къ военному разряду. По рѣшенію перваго общаго собранія сената, дѣло это передано на разсмотрѣніе комитета, учрежденнаго 12 февраля 1828 г. при сенатѣ, которому поручено проэктировать правила, какимъ образомъ удобнѣе произвести ревизію дѣйствій дворянскихъ собраній и положительно опредѣлить настоящіе дворянскіе роды. По заключенію комитета, тѣ изъ малороссійскихъ чиновъ должны быть признаны за дворянъ, которые переименованы русскимъ правительствомъ въ чины генералитетскіе и штабъ-офицерскіе (генеральная старшина, полковники, подкоморіе и проч.). Прочіе же малороссійскіе чины (хорунжіе, сотники и др.) тогда только имѣютъ право на потомственное дворянство, когда поступали на службу военную или гражданскую, получали на службѣ чины, а по нимъ и дворянское достоинство, но тѣ, которые въ службу не вступали, могутъ пользоваться только личнымъ дворянствомъ.

На этомъ основаніи въ 1835 г. состоялся указъ о малороссійскихъ чинахъ, дающихъ право на дворянство. Указъ постановлялъ, между прочимъ: тѣхъ, кои по 1 января 1839 г. не представятъ доказательствъ на дворянство и не будутъ имѣть права по чинамъ на личное дворянство, по прошествіи сего срока обратить немедленно въ казачье сословіе, запретивъ имъ впредь именоваться дворянами, но не лишая ихъ права доказы-

вать дворянство впослѣдствіи (2 П. С. № 7.976); а въ 1855 г. было постановлено: малороссійскимъ дворянамъ, не доказавшимъ права на это достоинство, предоставить причисляться къ обществамъ малороссійскихъ казаковъ, не испрашивая на то согласія обществъ (Ib. № 29.153). (Въ тѣхъ мѣстахъ этого очерка, гдѣ нѣтъ цитатъ, мы пользовались двумя весьма интересными записками, помѣщенными въ Чтеніяхъ императорскаго общества ист. и др. росс.: „О правахъ на дворянство малороссійскихъ чиновъ“ и „Замѣчанія о Малой Россіи“, а также Записками черниговскаго губернскаго статистическаго комитета, въ 1-й книгѣ которыхъ—превосходное изслѣдованіе г. Лазаревскаго „Малороссійскіе посполитые крестьяне“).

г) Въ 1775 г. по докладу Потемкина чины войска донскаго переименованы были въ русскіе военные чины (№ 14.251), и такимъ образомъ казаки—члены демократической казацкой общины—случайно, по выбору занимавшіе мѣста командировъ, превращены были въ дворянство. Первоначально же правами дворянства они пользовались только вслучаѣ пожалованія ими. Такъ Иванъ Платовъ, казацкій полковникъ, отличившійся въ семилѣтнюю войну, за услуги, оказанныя при усмиреніи пугачевскаго мятежа, быть пожалованъ потомственнымъ дворянствомъ (Долгорукова: ч. 2-я стр. 230). Сынъ его, наказной атаманъ войска Донскаго, знаменитый Матвѣй Ивановичъ былъ пожалованъ въ 1812 г. *графомъ*. Такимъ образомъ въ степяхъ Дона, между вольными дѣтьми казацкой общины полуазіатской организаціи появляется аристократія, появляются и гербы: надъ казацкими регаліями—надъ пикой, конемъ, казацкой шапкой *дворянская, или графская коронка*. Еще прежде, впрочемъ, казакъ пятиизбянской станицы, Денисовъ, былъ пожалованъ въ 1799 г. графомъ. Отъ него произошли Орловы-Денисовы. Это дворянство, занимая войсковыя земли, населяло ихъ крѣпостными крестьянами, которыми оно могло владѣть по общему дворянскому праву имперіи. Но земли эти, собственно говоря, были не помѣщичьими, но войсковыми. Впос-

лѣдствіи онѣ превратились въ вотчинныя. Положеніемъ 1835 г. крестьяне донскихъ помѣщиковъ надѣлены землями по 15 десятинъ, на душу, и *поверхность этой земли* отдана въ потомственную собственность донскимъ помѣщикамъ—владѣльцамъ крестьянъ—съ обязанностію вносить въ войсковую казну по $1^{1}/_{2}$ коп. съ десятины ежегодно (Побѣдоносцевъ: Курсъ гражд. права., къ 4 стр. II тома). Впослѣдствіи чины другихъ казачьихъ войскъ также приравнивались къ чинамъ табели о рангахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получали и дворянское достоинство: въ 1799 г. войска уральскаго (П. С. № 18.927), черноморскаго въ 1802 г. (П. С. № 20.508), астраханскаго въ 1817 г. (П. С. № 26.840), оренбургскаго въ 1840 г. (2-е П. С. № 14.041), кавказскаго линейнаго въ 1845 г. (2-е П. С. № 18.739) и т. д.

е) Въ 1784 г. права русскаго дворянства распространены были на *князей и мурзъ татарскаго происхожденія,* которые до того времени этими правами не пользовались и платили личную подать [32]). Дворянскія права распространены на нихъ не взирая на вѣроисповѣданіе, за исключеніемъ только права владѣть крѣпостными людьми тѣмъ изъ нихъ, которые не состоятъ въ христіанскомъ законѣ (П. С. № 15.966). Но татарамъ Кіевской и Литовской губерній было предоставлено и это послѣднее право, не смотря на ихъ магометанское исповѣданіе.

е) Въ 1818 г., по представленію Ермолова, изданы были правила для утвержденія въ дворянскомъ достоинствѣ дворянъ и князей Грузіи (П. С. № 27.437). Окончательный же разборъ грузинскаго дворянства, произошелъ при императорѣ Николаѣ I, когда въ 1850 г. приведены въ извѣстность дворянскія грузинскія фамиліи (2-е П. С. № 24.707).

е) Высшіе классы въ Бессарабіи причислены были къ дворянству имперіи, съ сохраненіемъ ихъ древнихъ молдавскихъ привиллегій, въ 1818 г. Потомственное дворянство предоставлено было *боярамъ*, личное—*бояринашамъ*, потомство которыхъ превращено въ *мазыловъ* [33]) (Уставъ образованія бессарабской области: П. С.

№ 27.357). Правила объ утвержденіи въ дворянствѣ по чинамъ и привиллегіямъ молдавскимъ, точнѣе опредѣлены въ 1821 г. Преимущественнымъ доказательствомъ молдавскаго дворянства приняты были молдавскіе чины по господарской грамотѣ 1734 г. Окончательно же права на потомственное дворянство бессарабскихъ бояръ разрѣшены въ 1845 (2-е П. С. № 18.678) и въ 1848 г. (2-е П. С. № 222.69).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I. Обязательная служба — повинность служилаго класса до Петра Великаго. — Она отправляется періодическими ополченіями и носитъ преимущественно военный характеръ. — Съ Петра Великаго служба дѣлается постоянной и раздвояется на службу въ полкахъ и въ канцеляріяхъ.—Историческій очеркъ обязательной службы и обученія.— Вначалѣ 18 вѣка мы замѣчаемъ еще слѣды прежнихъ ополченій — даже при Аннѣ Іоанновнѣ. — Смоленская шляхта.— Служба въ регулярныхъ полкахъ.—Смотры дворянъ и недорослей.— Учрежденіе должности герольдмейстера и значеніе ея для обязательной службы шляхетства.— Смотры послѣ Петра Великаго.— Манифестъ 31 дек. 1736 г., регулирующій обязательную службу шляхетства и ограничивающій ее 25 годами.—Когда онъ былъ приведенъ въ исполненіе, измѣненъ и пополненъ. — Отмѣна его при Аннѣ Леопольдовнѣ брауншвейгъ-люнебургской. —Смотры при Елизаветѣ Петровнѣ.— Цѣль смотровъ. -- Контроль, отбываетъ ли шляхетство свои повинности. — Военная служба шляхетства. — Служба солдатами. — Записка въ полки малолѣтокъ, живущихъ дома и получающихъ субалтерные чины.— Примѣры.— Этого не было при Петрѣ Великомъ, требовавшемъ солдатства и отъ шляхетства.— Небогатые дворяне служили солдатами и впослѣдствіи, производство въ чины малолѣтковъ — преимущественно доля богатыхъ и знатныхъ.— Чѣмъ солдатство особенно было тяжело для шляхетства.— Посулы верховнаго тайнаго совѣта.— Шляхетный корпусъ, выпускающій дворянъ офицерами.—Этимъ все-таки могло воспользоваться только ограниченное число недорослей.— Служба въ гвардіи.— Распредѣленіе шляхетства между гвардіей и арміей. — Распредѣленіе между сушей и моремъ.— Шляхетство не любитъ флота.— Необходимость отставокъ и побывокъ. — Гражданская служба шляхетства.—До Петра Великаго она не имѣла самостоятельнаго государственнаго значенія и получаетъ таковое при Петрѣ.—До Петра Великаго служба мечемъ считалась честнѣе службы перомъ; между людьми меча и людьми пера былъ даже антагонизмъ.—Отъ служилыхъ людей взглядъ этотъ переходитъ наслѣдственно и къ шляхетству.— Отношеніе между бюрократіей и дворянствомъ, какъ результатъ такого взгляда.— Миссія дворянства оцѣнена. миссія

бюрократіи еще ждетъ оцѣнки. — Принужденія шляхетства къ гражданской службѣ и уклоненія отъ нея.—Реакція въ дворянствѣ при Павлѣ I, вызванная строгостями военной дисциплины.—Само правительство ограничиваетъ пріемъ дворянъ въ гражданскую службу.—Развитіе дворянскихъ синекюръ по гражданской службѣ. —Мода на гражданскую службу, по случаю образованія министерствъ.—Бюрократы-дворяне и бюрократы изъ другихъ званій.— Прежнее пренебреженіе къ гражданской службѣ.—Дворяне служатъ въ гвардіи и по дипломатической части.—Гражданская служба возвышается при Николаѣ I.—Этому содѣйствуютъ университетскія дворянскія поколѣнія.—Наряды дворянъ на разныя временныя занятія; слѣды ихъ при Александрѣ I.—Обязательныя переселенія и постройки.—Крѣпостной характеръ отношеній шляхетства къ правительству.—Шляхетство не имѣло легальнаго способа отбывать отъ своихъ повинностей.—Законъ 1714 г. предоставилъ свободу выбора профессіи кадетамъ.—Священство кадетовъ.—Различное отношеніе дворянства къ духовенству въ западной Европѣ и у насъ; послѣдствія.—Большая связь между шляхетствомъ и духовенствомъ въ Малороссіи—слѣды порядковъ, существовавшихъ за польщизну.— Выходъ кадетовъ въ купечество и духовенство.—Свобода выбора профессіи кадетами отмѣнена вмѣстѣ съ отмѣной закона о единонаслѣдіи.—Отъ обязательной службы избавлено только шляхетство оствейское и смоленское.—Денежный выкупъ отбыванія службы натурой.

II. Измѣненіе системы вознагражденія за службу.—Жалованье до Петра—придатокъ къ помѣстьямъ.—Вначалѣ своего царствованія Петръ Великій еще роздаетъ помѣстья.—Первые штаты вое ные и гражданскіе.—Акциденціи и окончательное установленіе жалованья при Екатеринѣ II въ 1763 г—Традиція помѣстій сильна въ памяти служащихъ: челобитныя о пожалованіи деревень.—Раздача вотчинной коллегіей.—Раздача земель грузинцамъ и сербамъ.—Ранговыя имѣнія.—Коммандорства не имѣютъ исторической филіяціи ни съ помѣстьями, ни съ ранговыми имѣніями.—Пожалованіе населенныхъ имѣній начинается при Петрѣ и продолжается при всѣхъ его преемникахъ—въ особенности при Екатеринѣ II и Павлѣ I.—Выборъ имѣнія лицомъ, которому оно пожаловано.—Пожалованіе начальникамъ инородческихъ племенъ.—Переходъ пожалованныхъ имѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія.—Пожалованіями создаются огромныя имѣнія.—Прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній въ собственность.—Пожалованіе населенныхъ имѣній въ аренду, а ненаселенныхъ земель въ собственность.

III. Обязательное обученіе шляхетства.—Отправленіе заграницу въ науку дворянскихъ дѣтей вконцѣ прошлаго столѣтія.—Что они тамъ дѣлали? Письмо Петра Великаго къ Винніусу.—Запрещеніе посылать деньги помимо адмиралтейскаго приказа.—Письмо Конона Зотова къ Петру Великому.—Посылка заграницу продолжается.— Продолжаются и неутѣшительныя извѣстія Конона Зотова.—Тягость

посылки заграницу для шляхетскихъ недорослей.—Нѣкоторые изъ нихъ стараются отъ нея избавиться принятіемъ монашества.—Внутреннее обученіе.—Школы при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ.—Школы въ С.-Петербургѣ.—Распредѣленіе между школами.—Какъ обучалось шляхетство въ русскихъ школахъ?—Преемники Петра Великаго продолжаютъ его дѣло.—Коллизія между обязанностію службы и обязанностію обученія, по поводу основанія московскаго университета.—Распространеніе грамотности и образованія между шляхетствомъ.—Высшая степень образованія малороссійскаго шляхетства.—Образованіе дворянства въ 19 ст.—Слова смоленскаго помѣщика Кононова.

IV. Раздвоеніе интересовъ служилаго класса, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и классомъ землевладѣльческимъ.—Землевладѣльческій элементъ беретъ перевѣсъ надъ служилымъ.—Огурство и нѣти вконцѣ 17 ст.—Въ 18 в. высшее шляхетство тянется въ столицу, а низшее отбываетъ отъ службы, стремится въ деревню.—Угрозы и наказанія за уклоненіе отъ службы при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ.—Несмотря на то, число огурщиковъ и нѣтчиковъ не убываетъ.—Свидѣтельство Посошкова.—Скупы и взятки, которые могутъ давать богатые дворяне.—Взятки крестьянскими душами по свидѣтельству Данилова.—Выходъ для бѣдныхъ дворянъ: школы, записка въ купечество, въ дворовые.—Въ 17 ст. служилые люди не возбуждали вопроса объ ограниченіи обязательной службы.—Впервые вопросъ этотъ возбуждается въ 1730 г.—Мнѣніе Волынскаго.—Заявленіе кашинскаго дворянства въ 1767 г.—Представленіе воинской коммисіи 1731 г. и отвѣтъ сената.—Манифестъ 21 декабря 1736 г.—Исторія мысли объ отмѣнѣ обязательной службы.—Манифестъ 18 февраля 1762 г.—Исторія его изданія по разсказу кн. Щербатова.—Сомнѣнія г. Семевскаго въ истинѣ этого разсказа.—Значеніе манифеста въ исторіи дворянства: его можно сравнить съ манифестомъ 19 февраля 1861 г. въ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ.—Содержаніе его.—Слѣды обязательной службы и обученія.—Впечатлѣніе, произведенное на дворянство манифестомъ 1762 г.—Былъ ли онъ отмѣненъ Екатериной II? Несправедливое мнѣніе проф. Бѣляева.—Жалованная дворянству грамота подтверждаетъ манифестъ.—Нарушенія его при Павлѣ.—Указъ 12 декабря 1801 г. вызываетъ протестъ дворянства.—Манифестъ 2 апрѣля 1801 г. возстановляетъ грамоту.—Нарушенія при Николаѣ I.—Обязательная служба польскаго дворянства западнорусскихъ губерній.—Право верховной власти призывать дворянство въ ополченіе.—Первый примѣръ ополченія.—Ополченія въ 1806, 1812 и 1855 годахъ.—Пожертвованія дворянства.—Пожертвованія другихъ классовъ.—Оборотная сторона медали.

I. Служилый классъ былъ выдѣляемъ правительствомъ изъ другихъ общественныхъ разрядовъ для того, чтобъ наложить на него особаго рода тягло. Этимъ тягломъ

служилаго класса была обязательная служба государству. Обязательная служба была постоянною повинностію этого класса. За отбываніе ея раздавались кормленія, а впослѣдствіи помѣстья. Обязательная служба носила различный характеръ: служилый человѣкъ посылался на воеводства и въ посольства, назначался судьей приказа, стольникомъ или стряпчимъ двора, наряжался во всякія другія дѣла и посылки, но главною обязанностію его была служба военная. Военную службу отправлялъ преимущественно многочисленный классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ— основной фондъ служилаго люда. Но эта военная служба отбывалась не постоянно, а періодическими ополченіями. Постоянную службу несли тѣ только царскіе чиновные люди, которые были у *дѣлъ* и *посылокъ*: судьи приказовъ, воеводы городовъ, чины двора и т. п. Дворяне же и дѣти боярскіе, образовавшіе многочисленный классъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ мирное время „спокойно проживали въ своихъ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ, тяжбами, торгомъ, охотою и менѣе всего думая о ратномъ дѣлѣ, пока не прискачетъ отъ воеводы посыльный стрѣлецъ, съ царскимъ указомъ „строиться къ службѣ, запасы готовить и лошадей кормить“. Тутъ брались они за дѣдовскіе заржавленные доспѣхи“ (Устрялова: Т. I. стр. 173), и сообразно тому, кто какъ былъ *люденъ, коненъ* и *оруженъ* съ своими людьми и оружіемъ являлись на сборныя мѣста. Князь Юрья князь Ивановъ сынъ Мещерской, напримѣръ, являлся о дву конь, въ доспѣхѣ и въ шеломѣ и въ шишакѣ съ копьемъ, да съ нимъ два человѣка о дву конь въ доспѣхахъ и въ шеломахъ съ копьи, да человѣкъ въ тигиляѣ толстомъ, и въ шапкѣ въ желѣзной, да человѣкъ съ юкомъ (такъ гласятъ смотровые списки 1664). Или: Ермашко Третьяковъ сынъ Васильевъ, изъ дѣтей боярскихъ, на меринѣ, въ бехтерцѣ, въ саадакѣ, въ саблѣ, да человѣкъ съ нимъ на меринѣ въ кошу (какъ гласитъ записная книга города Володиміра) (см. Голикова: Т. III, стр. 246, 342).

Городовые воеводы вели помѣщикамъ и вотчинникамъ *разборныя книги*, которыя ежегодно сообщались

въ Москву въ Разрядъ. Основываясь на этихъ книгахъ, Разрядъ, большей частію предъ началомъ войны, посылалъ въ уѣзды *разборщиковъ* и *окладчиковъ*—первыхъ для пересмотра служилыхъ людей, вторыхъ для верстанья *новиковъ, поспѣвшихъ* въ службу 18 лѣтнихъ отроковъ (Устрялова: Ист. царствованія Петра Великаго). Такимъ образомъ, военная служба отправлялась дворянами и дѣтьми боярскими періодически, отъ времени до времени. А большую часть года, скажемъ опять словами Устрялова, они „проживали въ деревняхъ и дворахъ, разсѣянныхъ по волостямъ и станамъ, хлопоча болѣе о насущномъ хлѣбѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, о прокормленіи себя и семейства, чѣмъ о военной службѣ: карабинъ и сабля спокойно по цѣлымъ мѣсяцамъ висѣли на стѣнѣ, покрываясь ржавчиною, а воинъ-помѣщикъ возился съ сохою, мололъ муку или ѣздилъ по ярмаркамъ и торговалъ, чѣмъ могъ“.

Петръ видоизмѣняетъ этотъ характеръ обязательной службы: регулярныя арміи, составляемыя посредствомъ рекрутскаго набора, замѣняютъ ополченія помѣщиковъ и вотчинниковъ съ ихъ людьми, оружіемъ и лошадьми; служба дворянина дѣлается не *періодически отправляемой*, но *постоянной:* отъ нея избавляется онъ только за дряхлость и увѣчья. Выдѣляется особенная дѣятельность служилыхъ людей, получающая государственный характеръ—служба *статская, гражданская.* Теряется связь обязательной службы съ особенной формой вознагражденія за нее—съ *помѣстьями:* до Петра Великаго служилый человѣкъ отбывалъ службу какъ бы за помѣстья, съ Петра Великаго онъ начинаетъ нести ее, какъ членъ извѣстнаго сословія—благороднаго шляхетства. Поэтому, прекращается и раздача помѣстій, а розданныя до того помѣстья дѣлаются вотчинами. Вознагражденіемъ же за службу является постоянное, штатами опредѣляемое *жалованье*, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ—пожалованіе населенныхъ имѣній.

Кромѣ службы, какъ главной повинности шляхетства, на него налагается другая обязанность—учиться, непосредственно вытекающая изъ первой: служба по

европейскимъ образцамъ потребовала научной подготовки. Вотъ почему великій преобразователь служилаго класса отождествляетъ понятіе *благородства* съ понятіемъ *службы государству* и *образованія*. Дворянинъ сдѣлался человѣкомъ служащимъ, служащій человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться образованнымъ, всилу всего этого онъ становился *благороднымъ*.

Система обязательной службы и обученія практиковалась во всей своей строгости при Петрѣ, да можетъ быть еще при Аннѣ Іоанновнѣ, когда зоркій глазъ Миниха [51]) слѣдилъ заисправнымъ отбываніемъ шляхетствомъ этой повинности, но не безъ вліянія того же Миниха срокъ обязательной службы былъ ограниченъ 25 годами. При Петрѣ II, какъ можно заключить изъ полнаго собранія законовъ, строгость отбыванія службы шляхетствомъ весьма ослабѣла: не встрѣчаемъ ни одного указа о явкѣ и смотрѣ недорослей. При Елизаветѣ Петровнѣ, несмотря на прорывающіяся въ нѣкоторыхъ указахъ черты строгихъ петровскихъ порядковъ, отставки, какъ свидѣтельствуетъ кн. Щербатовъ, стали гораздо легче; между шляхетствомъ развивается еще прежде заведшійся обычай записывать малолѣтокъ 2, 3 лѣтъ въ полки, въ которыхъ ихъ послѣдовательно производили въ субалтерные чины, пока, съ достиженіемъ совершеннолѣтія и полученіемъ крупнаго чина, они не поступали на дѣйствительную полковую службу. При Елизаветѣ же, послѣ основанія московскаго университета, произошла коллизія между потребностями службы и образованія— коллизія, окончившаяся въ пользу послѣдняго, благодаря участію Ив. Ив. Шувалова, добраго генія русской земли.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что шляхетство въ первую половину 18 вѣка было болѣе сцентрализованнымъ и служилымъ, и менѣе мѣстнымъ и землевладѣльческимъ, чѣмъ въ 17 ст., когда господствовала система періодическихъ ополченій дворянъ и дѣтей боярскихъ, вознаграждаемая помѣстьями. Въ первый періодъ своихъ реформъ Петръ Великій остановился на мысли о развитіи мѣстнаго землевладѣльческаго значе-

нія шляхетства (Градовскій). Но потребы государственныя—постоянныя войны, требовавшія военной службы шляхетства, и усложнявшіяся задачи администраціи, для разрѣшенія которыхъ не сложилась еще многочисленная бюрократія—не дали хода этой мысли. А между прочимъ шляхетство тянула земля, привлекала привольная деревенская жизнь, которая всегда по душѣ русскому человѣку—по натурѣ своей болѣе земледѣльцу, чѣмъ горожанину. Отсюда укрывательство отъ обязательной службы, отсюда многочисленные *нѣти*, строгія казанія за нихъ. *Землевладѣльческій* элементъ шляхетства болѣе и болѣе осиливалъ элементъ *служилый*. Наконецъ, Петромъ III отмѣняется обязательная служба и шляхетство распускается въ безсрочные отпуски по домамъ. Распущенное по домамъ шляхетство, Екатерина II группируетъ въ губернскія дворянскія общества, которыя должны ставить изъ своей среды членовъ въ мѣстныя судебныя и полицейскія учрежденія. Такимъ образомъ, за дворянствомъ все—таки до нѣкоторой степени остается характеръ класса *служилаго*. Оно только перечислилось, по остроумному выраженію г. Лохвицкаго, изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ—въ случаяхъ земскихъ ополченій—воскресало его прежнее военное значеніе. Наконецъ, дворянство всегда было главнымъ общественнымъ классомъ, изъ котораго выходили чиновники военные и гражданскіе—классомъ, всегда пользовавшимся привиллегіей службы государственной.

Вначалѣ царствованія Петра Великаго образовывавшееся изъ служилыхъ людей шляхетство отбывало государственную службу еще на прежнихъ началахъ. Напримѣръ, въ первые годы шведской войны на государевой службѣ были стольники и стряпчіе и дворяне московскіе, жильцы да стольники великихъ государынь съ своими дѣтьми поспѣвшими въ службу (П. С. № 1.811) [35]. Въ 1706 г. стольники, стряпчіе дворяне московскіе и жильцы были на службѣ въ низовомъ походѣ въ полкахъ Шереметева и Хованскаго (П. С. № 2.098); въ томъ же году повелѣно быть по службѣ въ Брянскѣ,

да по письму Меншикова изъ Чернигова—въ Смоленскѣ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ, брянскимъ, корочевскимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ (П. С. № 2.107, 2.111). Въ 1712 г., по случаю опасеній турецкой войны, повелѣно нарядить на службу всѣхъ царедворцевъ, которые могутъ сами служить, съ вооруженными людьми—по человѣку съ 50 дворовъ, а которые не могутъ служить сами—съ 50 дворовъ по человѣку конному и оружейному (П. С. № 2.513). Въ слѣдующемъ году указано было царедворцамъ и городовымъ дворянамъ всѣхъ губерній и ярославской провинціи „опричь новгородскаго разряда городовъ" быть на государевой службѣ съ вооруженными людьми для охраненія украйны отъ непріятеля (П. С. № 2.627). Тогда же другимъ служилымъ людямъ предписано ѣхать на службу въ Бѣлгородъ, записывая свои пріѣзды у думнаго дворянина Неплюева (П. С. № 2.663). Если мы не ошибаемся, послѣ этихъ призывовъ дворянскихъ ополченій на государеву службу въ 1713 г., они болѣе не повторяются. Впрочемъ, при Аннѣ Іоанновнѣ въ 1738 г., по случаю опасенія башкирскихъ набѣговъ, объявлено было казанскимъ дворянамъ, чтобы они пошли въ походъ съ своими людьми, а которые сами не могли пойдти, чтобъ выслали своихъ вооруженныхъ людей (П. С. № 7.514. 4).

Послѣдній слѣдъ такого отбыванія военной службы встрѣчается еще въ царствованіе Елизаветы Петровны—это служба смоленской шляхты [56]). Въ 1752 г. всего смоленскаго шляхетства состояло 1.320 человѣкъ. Шляхетство это раздѣлялось на 4 статьи и служило со своихъ вотчинъ, безъ всякаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Самая же служба состояла въ томъ, что въ первыхъ числахъ мая смоленская шляхта выступала въ походъ, а возвращалась изъ него въ свои домы въ сентябрѣ (П. С. № 9.922).

Но очень рано Петръ Великій задумалъ преобразовать этотъ порядокъ отбыванія военной службы, и замѣнить его службой постоянной, въ регулярныхъ полкахъ. Послѣ неудачи подъ Нарвою, онъ пересталъ уже

довѣрять прежнимъ дворянскимъ ополченіямъ. Въ 1704 г. государь самъ смотрѣлъ недорослей, а по осмотрѣ, годныхъ въ службу записалъ въ солдаты. Бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ набралъ изъ нихъ драгунскій полкъ въ 1.000 человѣкъ, а потомъ подобнымъ же образомъ набрали и другой драгунскій полкъ (Записки Желябужскаго), такъ что изъ бывшихъ на смотру 1704 г. 8.092 человѣкъ недорослей, въ драгуны записано болѣе 3.000 человѣкъ (Устрялова: И. ц. Петра, т. IV стр. 481). Въ томъ же году въ преображенскій полкъ записано солдатами 377 человѣкъ недорослей, въ числѣ которыхъ было много князей (Елецкой, Шаховской, Долгоруковъ, Гагаринъ и др.) и изъ старыхъ дворянскихъ фамилій (Артемій Волынскій, Ушаковъ и др.) (Ib. стр. 493).

Новый порядокъ обязательной службы шляхетства окончательно установился съ образованіемъ сената въ 1711 г., когда отмѣненъ прежній разрядный приказъ (П. С. № 2.321), и съ назначеніемъ 19 февраля того же года войску—33 полкамъ кавалеріи и 85 полкамъ инфантеріи—штатнаго жалованья, замѣнившаго прежній порядокъ вознагражденія за службу помѣстьями (П. С. № 2.319).

Для распредѣленія дворянъ на службу производились имъ *смотры*. Смотры эти производились то самимъ Петромъ, то сенатской канцеляріей, то мѣстными начальствами. Вообще, изъ П. С. не видно, чтобъ объ этомъ существовали точныя правила до самаго учрежденія должности *герольдмейстера*, вѣдавшаго дворянство всего государства. Окончательно же порядокъ смотровъ, сроки явки недорослей, ихъ распредѣленіе по полкамъ канцеляріямъ, регулируются при Аннѣ Іоанновнѣ.

Сначала, какъ видно изъ нѣкоторыхъ указовъ, личной явки недорослей не требовалось; въ Разрядъ присылались списки о числѣ недорослей, ихъ лѣтахъ, какъ напримѣръ въ 1704 г. (П. С. № 1.960). Но вмѣстѣ съ тѣмъ смотры производились иногда и лично самимъ государемъ: въ 1704 г., напримѣръ, потребованы были изъ городовъ недоросли на царскій смотръ. Въ томъ же

году государь смотрѣлъ въ Преображенскомъ всѣхъ воеводъ и посыльныхъ людей, которыхъ выкликалъ по именамъ разрядный дьякъ Замятнинъ, а государь смотрѣлъ по тетради и ставилъ крыжи надъ именами (Зап. Желябужскаго). Съ образованіемъ сената, недоросли для смотра высылались иногда въ его канцелярію, которая иныхъ опредѣляла въ службу, иныхъ записывала въ школы, иныхъ отпускала въ домы до востребованія (П. С. № 2.492, 2.497). Впрочемъ, мѣсто смотра опредѣлялось иногда состоятельностію недоросля: такъ напримѣръ въ 1713 г. предписано было тѣхъ недорослей, за которыми крестьянъ 130 дворовъ и больше, высылать въ С.-Петербургъ, а за которыми меньшее количество дворовъ—тѣхъ въ Москву, въ канцелярію сената (П. С. № 2.652). Въ слѣдующемъ году постановлялось: недорослей, за родителями которыхъ по 100 дворовъ и больше, высылать на смотръ въ С.-Петербургъ, а за которыми меньше тѣхъ— въ военную канцелярію. (П. С. № 2.779). Въ С.-Петербургѣ недорослей большей частію смотрѣлъ самъ государь. Адмиралъ Мордвиновъ въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ, что когда онъ, 12 лѣтъ, былъ высланъ на смотръ въ С.-Петербургъ, то государь самъ осматривалъ и разбиралъ представившихся дворянскихъ недорослей и неслужащихъ дворянъ. То же самое повторялось и на слѣдующихъ смотрахъ (стр 9). Подобныя извѣстія мы находимъ и въ „Запискѣ о бѣдной и суетной жизни человѣческой“ Вас. Вас. Головина. Онъ разсказываетъ, что въ маѣ 1712 г. всѣ малолѣтніе дворяне были вызваны въ С.-Петербургъ „мая въ послѣднихъ числахъ былъ намъ всѣмъ смотръ, а смотрѣлъ самъ Его Ц. В., и изволилъ опредѣлить насъ по разбору на трое: первые, которые лѣтами постарѣе, въ службу въ солдаты, а середнихъ за море въ Голландію для морской навигаціонной науки, въ которыхъ числахъ за море и я грѣшникъ въ первое несчастіе опредѣленъ, а самыхъ малолѣтныхъ въ г. Ревель, въ науку“ (Пекарскаго т. I, стр. 142).

Въ 1721 г. былъ изданъ указъ, много разъ подтверждаемый, чтобы всѣ царедворцы и дворяне всякаго

званія и отставные офицеры, которые у дѣлъ, за исключеніемъ Сибири и Астрахани, прибыли на смотръ въ С.-Петербургъ или Москву. Провинціи для этого были соединены по двѣ, смотря по близости. Дворяне росписаны на двѣ смѣны. Одна смѣна должна была явиться на смотръ въ декабрѣ 1721 г., а другая—въ мартѣ слѣдующаго года. По отъѣздѣ на смотръ первой смѣны, дѣла исполнялись оставшимися дворянами второй. Потомъ отправлялась на смотръ вторая смѣна, а дѣла отправлялись отпущенной обратно въ свои провинціи первой. Всѣ списки царедворцевъ и *городовыхъ дворянъ*, служащихъ въ офицерскихъ чинахъ *не у дѣлъ* предписано было отдать Степану Колычеву. По мѣрѣ надобности, Колычевъ назначалъ къ дѣламъ по этимъ спискамъ. Для пересмотра же такихъ дворянъ, находящихся не у дѣлъ, или прикрывающихся дѣлами для проживанія въ своихъ деревняхъ, Колычева командировали въ Москву, гдѣ ему повелѣно разобрать и росписать къ дѣламъ на 3 статьи дворянъ губ.: московской, азовской, смоленской, кіевской, архангело-городской. А изъ Москвы онъ долженъ былъ отправиться самъ, или же послать добрыхъ людей въ другія провинціи—въ Нижній и Казань, чтобы и тамъ пересмотрѣть и росписать также дворянъ, сказавъ имъ указъ, чтобы всѣ были готовы къ новому году явиться въ Москву или С.-Петербургъ (П. С. № 3.810, 3.820, 3.825, 3.837, 3.874).

Въ слѣдующемъ году Колычевъ былъ назначенъ герольдмейстеромъ. Учрежденіе герольдмейстера окончательно регулировало обязательную службу и обученіе шляхетства. Въ рукахъ герольдмейстера сосредоточилось завѣдываніе шляхетствомъ—подобно тому, какъ прежній служилый классъ завѣдывался Разрядомъ. Герольдмейстеръ, какъ мы видѣли, долженъ былъ всегда имѣть самыя точныя свѣдѣнія о наличномъ числѣ дворянъ, а для этого онъ самъ велъ имъ списки и получалъ о нихъ вѣдомости изъ другихъ мѣстъ. Герольдмейстеръ обязанъ былъ наблюдать, чтобъ шляхетство училось, въ особенности *гражданскимъ и экономическимъ* дѣламъ. Для этого онъ долженъ былъ учинить краткую школу,

въ которой бы дѣти знатныхъ и среднихъ дворянскихъ фамилій обучались экономіи и гражданству „понеже здѣсь еще ученіи не гораздо вкоренились, паче же въ гражданскихъ дѣлахъ, а особливо въ экономическихъ дѣлахъ ничего нѣтъ“. При этомъ герольдмейстеръ обязанъ былъ наблюдать, чтобъ въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой фамиліи не было. „Чтобъ служивыхъ на землѣ и морѣ не оскудить, подъ угрозой натуральной или политической смерти, онъ обязанъ былъ также смотрѣть, чтобы шляхетство, подъ прикрытіемъ малыхъ дѣлъ, не укрывалось по городамъ“. Когда сенату надобенъ былъ къ какимъ-нибудь гражданскимъ дѣламъ дворянинъ, то герольдмейстеръ долженъ былъ представить его и потомъ отослать на мѣсто, сенатомъ опредѣленное. Въ 1735 г. постановлено: для представленія въ воеводы, герольдмейстеру дворянъ въ С.-Петербургъ самихъ не высылать, а только представлять имена кандидатовъ (П. С. № 6.679). Если дворянинъ, опредѣленный къ дѣламъ, дѣлался отъ нихъ свободнымъ, то коллегіи и канцеляріи, губернаторы и воеводы, должны были таковаго съ вѣдѣніемъ отослать къ герольдмейстеру, дабы подъ именемъ прежнихъ дѣлъ, шляхетство не укрывалось въ своихъ домахъ. Когда же въ коллегію, въ губернію или воеводство на какую-нибудь должность нуженъ былъ дворянинъ, то, выбравъ его, представляли о томъ въ сенатъ, безъ указа котораго нельзя было опредѣлить дворянина ни въ какой урядъ. Если же учрежденіе, нуждавшееся въ должностномъ лицѣ, само не могло указать на кандидата-дворянина, то оно доносило въ сенатъ о вакансіи, а сенатъ давалъ указъ герольдмейстеру о выборѣ кандидата на открывшуюся вакансію (См. инструкцію герольдмейстеру № 3.896, 3.897). Еще прежде, въ 1714 году, было постановлено: царедворцевъ, которые не у дѣлъ, въ губерніяхъ безъ вѣдома изъ канцеляріи сената собою къ дѣламъ не опредѣлять, а требовать ихъ къ дѣламъ изъ сената (П. С. № 2.770) Герольдмейстеръ могъ опредѣлять собственною властію, безъ представленія сенату, только на низшія должности—напримѣръ судебнаго коммисара,

что было постановлено уже послѣ изданія герольдмейстерской инструкціи, въ 1725 г. (П. С. № 4.780).

При Петрѣ Великомъ указы о явкѣ на смотръ дворянъ и недорослей были очень часты. Послѣ его смерти, до 1732 г., они почти не встрѣчаются. Въ этомъ-же году предписано всѣмъ шляхетскимъ и офицерскимъ дѣтямъ 15 лѣтъ, а также отставнымъ штабъ,-оберъ—и унтеръ-офицерамъ явиться на смотръ герольдмейстера въ сенатѣ непремѣнно въ іюнѣ 1732 г. (П. С. № 5.927). Вслѣдъ затѣмъ предписывалось: неимущихъ недорослей на смотръ въ С.-Петербургъ не высылать, а записывать въ армейскіе полки, ближайшіе къ ихъ мѣстопребыванію (П. С. № 5.976), въ Петербургѣ-же недорослей представлять на смотръ въ кабинетъ (П. С. № 6.127). Несмотря на указъ 3 марта 1732 г. о невысылкѣ неимущихъ недорослей въ С.-Петербургъ, продолжали туда являться такіе, которымъ не только что ѣхать, но и дойти было не съ чѣмъ, поэтому въ 1733 г. повторено: въ С.-Петербургъ высылать только такихъ недорослей, за которыми больше 20 душъ, а за которыми меньше, тѣхъ опредѣлять въ ближайшіе армейскіе полки (П. С. № 6.488).

Манифестъ 31 декабря 1736 г. и разъясняющій его законъ слѣдующаго года окончательно регулируютъ порядокъ явки на смотръ, пріема въ службу и увольненія отъ оной шляхетскихъ недорослей. „Для лучшаго содержанія шляхетскихъ домовъ и деревень“, манифестъ 31 декабря опредѣляетъ: 1) Кто имѣетъ нѣсколькихъ сыновей, тотъ можетъ одного изъ нихъ оставить въ домѣ для управленія имѣніемъ; точно также и нѣсколько родныхъ братьевъ могутъ выбрать изъ среды своей одного для занятій хозяйствомъ. Но оставшіеся въ домахъ обязаны поучиться грамотѣ, чтобъ быть годными къ гражданской службѣ. 2) Прочіе сыновья и братья, по достиженіи 20 лѣтъ, вступали въ военную службу, въ которой обязывались прослужить *25 лѣтъ*, по истеченіи которыхъ, они получали право, если не желали продолжать службу, выходить въ отставку съ повышеніемъ одного ранга. 3) Остающіеся въ домахъ и

выходящіе въ отставку, по прослуженіи узаконеннаго термина, ставили вмѣсто себя рекрутъ: за кѣмъ меньше ста душъ - одного, а за каждые слѣдующіе сто душъ — по одному прибавочному (П. С. № 7.142). Сроки явки на смотры опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: 1) Всѣ недоросли, по достиженіи ими 7 лѣтъ, должны явиться и записаться въ С.-Петербургѣ у герольдмейстера, а въ Москвѣ, и въ губерніяхъ—у губернаторовъ, которые записныя книги, по окончаніи каждаго года, должны были присылать къ герольдмейстеру. 2) Эти самые недоросли, по достиженіи ими 12 лѣтъ, являлись на вторичный смотръ, на которомъ они должны были удостовѣрить въ знаніи чтенія и письма. Если, послѣ этого вторичнаго смотра, отецъ или родственники недоросля желали обучать его долѣе въ своемъ домѣ, то должны были обязаться непремѣнно обучить его до слѣдующаго смотра закону божію, ариѳметикѣ и геометріи, а ученіе иностраннымъ языкамъ отдавалось на ихъ произволъ. Но это относилось къ тѣмъ отцамъ и родственникамъ, за которыми не меньше 100 душъ, или къ малопомѣстнымъ, которые могли доказать, что имѣютъ способы къ такому обученію. Въ противномъ-же случаѣ недоросли назадъ не возвращались, но записывались въ школы. 2) Когда недоросли достигали 16 лѣтъ, то являлись на новый смотръ, но только въ двухъ мѣстахъ—въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Герольдія представляла ихъ въ сенатъ или его контору, и если, по освидѣтельствованіи здѣсь, оказывалось, что они основательно научились ариѳметикѣ и геометріи, то, по желанію родителей, могли возвратиться въ свои домы съ обязательствомъ до 20 лѣтъ учиться географіи, фортификаціи и исторіи. Если-же родители дольше обучать не желали или средствъ не имѣли, то 16-ти лѣтніе отроки опредѣлялись въ академію. Но если на этомъ третьемъ смотрѣ оказывалось, что недоросли не обучены ариѳметикѣ и геометріи, то не исключая и тѣхъ, которые оставались въ домахъ для управленія имѣніемъ, отдавались всѣ въ матросы безъ выслуги. 4) По достиженіи 20 лѣтъ, недоросли снова представлялись

на смотръ въ С.-Петербургъ и Москву—въ герольдію, которая опредѣляла ихъ въ военную службу, при указѣ въ тѣ мѣста, куда были опредѣляемы, чтобы преуспѣвшіе въ наукахъ раньше другихъ были произведены въ чины. 5) Недоросли, отпускаемые въ домы со смотровъ, получали паспортъ, въ которомъ прописывалось, на которомъ смотру недоросль былъ и въ которомъ году онъ долженъ опять явиться на смотръ. На третьемъ смотру, въ 16 лѣтъ, родители заявляли, котораго изъ своихъ сыновей они оставляютъ въ домѣ для управленія имѣніемъ. Этотъ послѣдній получалъ также паспортъ, въ которомъ прописывалось, что онъ оставленъ для домашней экономіи и для управленія имѣніями (П. С. № 7.170, 7.182).

Манифестъ 1736 г. былъ значительной льготой для шляхетства: онъ ограничилъ вѣчную службу его 25 годами, онъ предоставилъ одному члену шляхетской семьи оставаться въ имѣніи. Кромѣ того, онъ установилъ однообразные сроки для смотровъ и опредѣлилъ значеніе ихъ. Недоросли являлись на смотры 4 раза. Первые 3 смотра—въ 7, 12 и 16 лѣтъ—имѣли значеніе экзамена, а послѣдній въ 20 лѣтъ—распредѣленія на службу. Этотъ манифестъ предположено было привесть въ исполненіе по окончаніи турецкой войны (П. С. № 7.142), но едва-ли до 1740 г. онъ исполнялся. Въ этомъ-же году подтверждена его сила (№ 8.021). Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыя его постановленія были пополнены и измѣнены: право выходить до 25 лѣтъ въ отставку предоставлено и тѣмъ, которые никого, кромѣ себя, для экономіи въ домахъ не имѣютъ; выходящіе въ отставку должны ставить за себя рекрутъ по слѣдующему размѣру: имѣющіе отъ 70—100 душъ по рекруту, 50—70 душъ—деньгами 30 руб., 30—50—по 20 руб., а кто имѣлъ меньше 20 душъ — съ тѣхъ ничего не брали (П. С. № 8.081).

Въ правленіе принцессы Анны брауншвейгъ-люнебургской, какъ видно изъ одного елизаветинскаго указа о недоросляхъ, указы 1736 и 1737 годовъ были отмѣнены, и 23 пунктомъ указа 1741 г. о наборѣ рекрутъ

повелѣвалось: всѣмъ молодымъ *шляхтичамъ* отъ 17 лѣтъ явиться при арміи къ генералитету, а въ С.-Петербургѣ и Москвѣ — въ военную коллегію, контору и герольдію, которые распредѣляли годныхъ въ военную службу. Тогда-же началъ заводиться обычай опредѣлять въ военную службу такихъ малолѣтокъ, которые не въ состояніи нести ее. Записанные малолѣтки отпускались въ домы, гдѣ и проживали до зрѣлыхъ лѣтъ, а между прочимъ служба ихъ считалась и они повышались въ чины. Елизавета Петровна возстановляетъ силу петровскихъ указовъ о явкѣ дворянъ и недорослей на смотры, подъ угрозою отдачи молодыхъ дворянъ въ матросы, а престарѣлыхъ—ссылки въ Оренбургъ на поселеніе (П. С. № 8.683). Въ 1749 г. предписано всѣхъ отставленныхъ отъ военной и штатской службы выслать немедленно въ герольдмейстерскую контору, откуда представить въ сенатъ для отдачи въ службу (П. С. № 9.569).

Мы разсмотрѣли законоположенія о смотрахъ дворянъ и шляхетскихъ недорослей. Смотры эти давали правительству средство повѣрять, отбываетъ-ли шляхетство лежащія на немъ повинности. Повинности эти главнымъ образомъ состояли въ службѣ военной и отчасти гражданской, и въ обученіи.

Мы видѣли, что и до Петра на помѣщикахъ и вотчинникахъ—на дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ—лежала военная служба, періодически ими отбываемая. Военная служба, отбываемая сначала постоянно, а потомъ 25 лѣтъ, продолжаетъ быть преимущественно обязанностію дворянъ и послѣ Петра. Но при немъ получаетъ значеніе и служба гражданская, къ которой стараются подохотить и принудить шляхетство.

При Петрѣ Великомъ военная служба дворянина начиналась съ самыхъ молодыхъ лѣтъ (обыкновенно съ 15), и непремѣнно съ рядоваго. Такъ какъ начальства, снисходя къ своимъ однасословникамъ, производили иногда въ офицеры молодыхъ шляхетскихъ отроковъ, не служившихъ въ низшихъ чинахъ, или служившихъ весьма малое время, а потому незнавшихъ съ *фунда-*

*

мента солдатскаго дѣла, то въ 1714 г. былъ изданъ указъ, запрещавшій производить въ офицеры изъ *дворянскихъ породъ*, которые не служили солдатами въ гвардіи (П. С. № 2.775). Это было подтверждено и въ 1719 г. (П. С. № 3.265). Намѣреніе Петра Великаго записывать малолѣтокъ — дворянъ въ гвардію, какъ объяснялъ это сенату Ив. Ив. Шуваловъ, состояло въ томъ, чтобъ учредить при гвардейскихъ полкахъ школы, гдѣ-бы могли учиться поступившіе малолѣтки (Чтенія: кн. 3-я, 1858 г.). Но впослѣдствіи порядки измѣнились: уже при Аннѣ Леопольдовнѣ (П. С. № 8.683), а еще болѣе при Елисаветѣ Петровнѣ (П. С. № 10.558), дворяне начали записывать своихъ дѣтей въ полки капралами, унтеръ-офицерами и сержантами, а потомъ держали ихъ при себѣ до совершеннолѣтія; старшинство-же службы считалось со дня записки, съ котораго начиналось и производство въ чины. Какъ видно изъ записокъ Энгельгардта, въ одномъ преображенскомъ полку считалось такихъ сержантовъ болѣе 100 человѣкъ, а недорослямъ не было и счету. До какихъ размѣровъ обычай этотъ дошелъ при Екатеринѣ II, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: сынъ знаменитаго А. И. Бибикова 2 лѣтъ былъ записанъ въ гвардію, а 9 произведенъ въ офицеры. Энгельгардтъ говоритъ, что 13 лѣтъ онъ былъ представленъ въ аудиторы. Такіе примѣры встрѣчаются, впрочемъ, и до Екатерины II: Еропкинъ по 13 году, въ 1736 г., былъ произведенъ въ офицеры; Румянцевъ-Задунайскій былъ записанъ въ солдаты въ 1731 г., на 6 году отъ рожденія: Вязмитиновъ, бывшій впослѣдствіи военнымъ министромъ, также ребенкомъ былъ записанъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ солдатомъ. Неудивительно, что Павелъ I, какъ свидѣтельствуетъ Энгельгардтъ, дворянъ, служившихъ въ гвардіи, называлъ *тунеядцами*. Не то было при Петрѣ Великомъ: „какъ достигъ я 14 лѣтъ возраста моего“ говоритъ кн. Як. Петр. Шаховской, „то дядя представилъ меня въ службу въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ... Въ ономъ полку, бывъ по нѣскольку времени солдатомъ, капраломъ,

каптенармусомъ и сержантомъ... *не такъ какъ послѣ многіе молодые дворяне, дома живучи всѣ унтеръ-офицерскія званія* проносили, а по введеніи уже въ офицерскіе чины въ службу вступали, я неотлучно при полку находясь, капральскую и всѣхъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ должность дѣйствительно отправлялъ" (Ч. I, стр. 2). Берхгольцъ въ своемъ Дневникѣ свидѣтельствуетъ, что большая часть рядовыхъ преображенскаго и семеновскаго полковъ въ 1721 г. были изъ дворянъ, многіе изъ князей. Они исполняли всѣ обязанности рядовыхъ, получали содержаніе и службу несли наравнѣ съ ними: такъ однажды въ караулъ къ герцогу голштинскому наряжены были вмѣстѣ съ другими рядовыми кн. Голицыны. Сынъ канцлера, молодой Головинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, поступилъ гардемариномъ во флотъ. Лордъ Витвортъ свидѣтельствуетъ, что въ драгунскомъ полку кн. Меншикова рядовыми было одихъ князей 300 человѣкъ (Voyage en Pologne, Russie etc., par Will. Coxe). Конечно, и впослѣдствіи проводить низшіе чины въ своихъ помѣстьяхъ было привиллегіей однихъ богатыхъ дворянъ. Небогатый-же дворянинъ и впослѣдствіи, поступивъ въ полкъ, переживалъ нелегкую долю солдата. Такъ напримѣръ, Державинъ, поступивъ въ рядовые преображенскаго полка, жилъ въ казармѣ вмѣстѣ съ даточными, вмѣстѣ съ ними наряжался и на всѣ работы: чистилъ каналы, возилъ провіантъ, бѣгалъ на вѣсти къ офицерамъ (З. Державина). Служба солдатомъ, наравнѣ съ подлымъ народомъ, становилась тѣмъ тяжелѣе шляхетству, чѣмъ больше развивалось въ немъ понятіе о своемъ благородствѣ. Понятно, почему верховный тайный совѣтъ, желавшій задобрить шляхетство, обѣщалъ ему въ солдаты и прочіе подлые и нижніе чины неволею не опредѣлять, а устроить особливыя кадетскія роты, изъ которыхъ выходили-бы прямо въ оберъ-офицеры (Соловьева: т. XIX, стр. 256). Но учрежденіемъ сухопутнаго кадетскаго корпуса цѣль эта не могла быть достигнута вполнѣ: корпусъ былъ учрежденъ на огра-

ниченное число лицъ, а большинство дворянъ поступало все-таки солдатами. Уже впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, съ развитіемъ служебныхъ привиллегій дворянства, солдатчина для нихъ была отмѣнена.

Шляхетство, по первоначальному плану Петра, непремѣнно должно было служить въ гвардіи, при полкахъ которой, какъ мы видѣли, устроены были школы, гдѣ обучались малолѣтки: по воинскому уставу служба въ гвардіи—единственный путь къ производству въ офицеры (П. С. № 3.006. Гл. I). Такимъ образомъ, наши первые гвардейскіе полки—преображенскій и семеновскій—были наполнены рядовыми изъ дворянъ. Но въ гвардейскіе полки, которыхъ первоначально было мало, не могло помѣститься все служащее по военной службѣ шляхетство; служба въ гвардіи требовала большихъ расходовъ. Возникъ вопросъ: кому изъ шляхетства служить въ гвардіи, а кому въ арміи? Для разрѣшенія этого вопроса въ 1621 г. постановлялось: въ гвардію опредѣлять изъ знатнаго шляхетства, а изъ прочаго въ другіе полки (П. С. № 3.756). Но что разумѣть подъ знатнымъ шляхетствомъ? Начальства затруднялись разрѣшеніемъ этого вопроса, и въ 1724 г. представляли государю: считать-ли за знатное шляхетство тѣхъ, которые имѣютъ болѣе ста дворовъ, или же по рангамъ? Петръ Великій постановилъ резолюцію: знатное дворянство *по годности* считать (П. С. № 4.588. 9). Но что разумѣлъ великій преобразователь подъ годностію, примѣнительно къ опредѣленію въ гвардію — годность-ли нравственную — образованіе или физическую — статный видъ, тѣлесную силу, высокій ростъ? Можно думать: послѣднее—въ гвардейскіе полки при Петрѣ Великомъ подбирались красивые, сильные и рослые шляхтичи. Впослѣдствіи, шляхетство распредѣлялось между гвардіей и другими полками по годности имущественной: въ армейскіе и гарнизонные полки стали опредѣлять дворянъ неимущихъ, за которыми меньше 20 душъ (П. С. № 6.949). Потомъ опять—по годности физической: въ 1741 г. постановлялось— возрастныхъ и взрачныхъ дворянъ опредѣлять въ лейбъ-гвардію, а тѣхъ, кои

малаго роста—въ полевые полки, а въ гарнизонные дворянъ вовсе не опредѣлять (П. С. № 8.331). Но случалось и послѣ этого, что дворянскіе дѣти служили по гарнизоннымъ полкамъ, поэтому постановленіе 1741 г. подтверждено при Елизаветѣ Петровнѣ (П. С. № 8.683).

Петръ Великій обращалъ вниманіе и на равномѣрное распредѣленіе шляхетства между арміей и флотомъ. Герольдмейстеръ, какъ мы видѣли, обязанъ былъ смотрѣть, чтобы въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой шляхетской фамиліи не было „чтобъ служивыхъ на землѣ и морѣ не оскудить". Въ 1716 г., послѣ смотра недорослей государемъ, 40 изъ нихъ были записаны государемъ во флотъ гардемаринами (Записки адм. Мордвинова: стр. 9) Но послѣ Петра Великаго и Екатерины I, какъ можно думать, въ морскую службу дворянскія дѣти не были опредѣляемы. Сами-же они записывались преимущественно въ сухопутный кадетскій корпусъ, въ школы артиллерійскую и инженерную и въ де-сіансъ академію, а въ адмиралтейскую—почти никто. Послѣдняя донесла сенату, что въ ней учениковъ очень мало, и некого опредѣлять во флотъ. Елизавета Петровна въ 1742 г. обратила вниманіе на возстановленіе нарушенной пропорціи между служащими по арміи и по флоту (П. С. № 8.683), но еще въ 1757 г. генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой предлагалъ сенату, что недоросли изъ дворянскихъ дѣтей большей частію опредѣляются въ сухопутный кадетскій корпусъ, а морской состоитъ не въ полномъ комплектѣ; по этому случаю Сенатъ приказали: раздѣлять недорослей пополамъ, чтобъ оба корпуса наполнялись уравнительно (П. С. № 10.730).

Служащіе въ военной службѣ—какъ сухопутной, такъ и морской—должны были постоянно находиться въ ней, по смерть: отставка (абшидъ) до закона 1737 г., ограничившаго службу 25-лѣтнимъ терминомъ, допускалась только за дряхлостью, ранами, неисцѣльными болѣзнями (П. С. № 3.980. Книга штатовъ: ч. I, стр. 80). Но служащіе по смерть, а потомъ 25 лѣтъ, дворяне, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и помѣщиками: побывка явля-

лась необходимостію, чтобы хотя отъ времени до времени освѣдомиться, какъ идетъ хозяйство въ имѣніи. Отсюда отпуски въ домы, побывка. Въ 1721 г. было постановлено, что если урядники и рядовые изъ шляхетства пожелаютъ получить отпускъ въ свои домы, то отпускать ихъ за *поруками* на полгода (поручительство явки на службу помѣщиковъ и вотчинниковъ было сильно развито до Петра Великаго). А ежели тѣмъ полкамъ, изъ которыхъ рядовые изъ шляхетства просятся въ отпуски, будетъ нарядъ на работу, то у отпущенныхъ рядовыхъ-дворянъ брать вмѣсто нихъ работниковъ изъ ихъ людей, которые могли-бы заработать урочную часть (П. С. № 3.837). Въ 1724 г. постановлено отпускать въ домы имѣющихъ деревни: служащихъ по военно-сухопутной части половину погодно, морскихъ (*и петербургскихъ жителей*) въ третій годъ, т. е. 2 года служить (и жить здѣсь), третій проводить въ деревняхъ (П. С. № 4.595). Въ 1727 г. дозволено было, когда „конъюнктуры" допускаютъ, 2 части офицеровъ, урядниковъ и рядовыхъ изъ шляхетства отпустить въ ихъ домы, чтобы они осмотрѣли и привели въ порядокъ свои деревни (П. С. № 5.016). При Петрѣ II, въ 1729 г., число отпускаемыхъ въ деревни погодно было ограничено $^1/_3$ (П. С. № 5.492). При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1732 г., положено изъ гвардейскихъ полковъ давать отпуски только въ январѣ и февралѣ каждаго года, а въ другіе мѣсяцы отнюдь не отпускать (П. С. № 5.957). Елизавета Петровна постановила: всѣхъ офицеровъ и рядовыхъ, кои изъ шляхетства, а кои не изъ шляхетства, но имѣютъ деревни, отпустить по $^1/_3$ части изъ полковъ и флота по 1 апрѣля 1743 г. (П. С. № 8.642). Но отпущенные въ домы, какъ тогда говорилось, на *рекреацію*, на какой бы ни было срокъ, обязывались явиться на службу по первому востребованію. Въ 1758 г. предписывалось губернаторамъ и воеводамъ всѣхъ отпущенныхъ изъ военной службы на рекреацію, не взирая ни на какія уваженія и причины, выслать изъ полковъ, какъ наискорѣе и безъ всякаго послабленія (П. С. № 10.847, 10.898, 10.920).

Кромѣ военной службы, какъ главной повинности, шляхетство отбывало и службу гражданскую, которая съ Петра Великаго начинаетъ получать самостоятельное государственное значеніе. До Петра-же гражданская служба такого значенія не имѣла. Она была, какъ мы видѣли, *временными полномочіями* служилаго человѣка—*дѣлами, посылками*. А служилый человѣкъ никогда не былъ *чиновникомъ*, но только *воиномъ*. Изъ понятія государевой службы вообще начинаетъ выдѣляться особая самостоятельная государственная дѣятельность при Петрѣ Великомъ—особый родъ службы. Впрочемъ, попытка такого рода выдѣленія замѣчается еще при Өедорѣ Алексѣевичѣ (Архивъ Калачева, Т. I). Впервые, если мы услѣдили, терминъ *гражданская служба* встрѣчается въ одномъ указѣ 1714 г., составляющемъ дополненіе къ указу о единонаслѣдіи (П. С. № 2.796). До этого времени и въ указахъ Петра Великаго встрѣчаются выраженія *дѣла, посылки*, въ смыслѣ гражданской службы (П. С. № 2.467 и др.). Со времени генеральнаго регламента и табели о рангахъ *штатская служба и штатскія дѣла* (Табель о рангахъ, указъ 1736 г. подъ № 7.142) получаютъ полныя права гражданства, и дворянинъ—прежде только *воинъ*—дѣлается и *чиновникомъ*.

До Петра Великаго, повторяемъ, одна военная служба считалась настоящею царскою службою, а гражданская—только временными дѣлами и посылками. Понятно, почему служба мечемъ считалась честнѣе службы перомъ; понятно, почему дворянинъ считалъ для себя безчестнымъ служить въ дьякахъ. Въ Исторіи проф. Соловьева приведенъ одинъ примѣръ, ярко характеризующій такое воззрѣніе. Дьякъ Ларіонъ Лопухинъ билъ челомъ Михаилу Өедоровичу, что родители его служили искони въ городахъ по выбору, а онъ до дьячества служилъ въ житьѣ, а потому и просилъ отставить его отъ дьячества. Государь пожаловалъ: впредь ему въ безчестье того, что онъ въ дьякахъ, *его братьи дворянамъ не ставить*, взятъ онъ изъ дворянъ въ дьяки по государеву указу, а не его хотѣньемъ

(Соловьева: Т. IX, стр. 374). Между людьми меча и людьми пера существовало даже враждебное отношеніе, сказавшееся напримѣръ на соборѣ 1642 г.

Взглядъ дворянина-дьяка Лопухина, считавшаго для себя безчестьемъ дьячество, исповѣдывался дворянами и послѣ Петра. Они продолжаютъ на себя смотрѣть, какъ на людей меча[37]) и уклоняются отъ гражданской службы, несмотря на всѣ усилія правительства подохотить ихъ къ ней. Гражданская служба ускользала, поэтому, изъ рукъ дворянства, и переходила въ руки приказнаго люда—*крапивнаго сѣмени*, какъ называло его дворянство, помнившее искониый антагонизмъ между людьми меча и людьми пера. Не бюрократія, такимъ образомъ, набиралась изъ дворянства, но дворянство выходило изъ бюрократіи, не высшее сословіе давало тонъ и направленіе чиновничеству, но чиновничество измѣняло тонъ и направленіе высшаго сословія. Правда, войдя посредствомъ чина въ дворянство, бюрократія сливалась съ нимъ своими интересами. Но все-таки, чуждая ему родомъ и племенемъ, подчасъ имъ презираемая, бюрократія наша до нѣкоторой степени была независима отъ дворянства, а это едва-ли было неблагопріятно для нашего гражданскаго преуспѣянія.

Несомнѣнно: миссія дворянства была благородна, и оно съ достоинствомъ ее исполняло. Дворяне лили кровь свою за отечество, или, точнѣе сказать, командовали тѣми, которые проливали эту кровь, „низвергали стѣны Измаила, потрясали надменный Стамбулъ". Какъ глубоко они были проникнуты сознаніемъ этихъ заслугъ своихъ предъ отечествомъ, показываютъ слова кн. Щербатова, сказанныя имъ въ комиссіи 1767 г., какъ замѣчаетъ дневная записка „съ крайнимъ движеніемъ духа". Знаменитый ярославскій депутатъ вопрошалъ: „Кто же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? То вѣрные твои чада, древніе россійскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнію—они тебя освободили отъ чуждаго ига, они пріобрѣли тебѣ прежнюю вольность". (Сб. русск. историч. общ. Т. IV стр. 143). Эти почтенныя услуги дворянства отечеству

оцѣнены какъ имъ самимъ, такъ и историками (Морошкинъ). Но достаточно-ли выяснена и оцѣнена миссія людей пера—крупной и мелкой чиновной братьи, надъ которой съ легкой руки Щедрина мы всѣ въ послѣднее время, отъ мала и до велика, такъ издѣвались и глумились? Достаточно ли оцѣнено все, сдѣланое для нашего мирнаго преуспѣянія, для совершенствованія нашего государственнаго строя, дьяками—Гусевыми, Щелкаловыми, Леонтьевыми и Грибоѣдовыми, Граматиными, Шафировыми и др., заслуги которыхъ по-истинѣ не уступаютъ заслугамъ французскихъ легистовъ, откуда можетъ быть и вражда къ нимъ служилыхъ людей. Петербургская бюрократія явилась продолжательницей дѣла московскихъ дьяковъ: царскихъ дьяковъ и подъячихъ смѣнили императорскіе правители канцелярій и секретари. И каковы бы ни были недостатки этой бюрократіи, кто откажетъ ей въ замѣчательномъ государственномъ тактѣ, въ крѣпкомъ закалѣ, въ трудовомъ сподвижничествѣ? Люди меча могутъ съ гордостью указать на подвиги Пожарскаго, Шереметева, Миниха, Румянцова, Суворова, Кутузова и т. д., не говоря о многихъ другихъ, менѣе извѣстныхъ, но не менѣе доблестныхъ воинахъ. Для людей пера есть также свои завѣтныя имена: Шафировъ, Ягужинскій, Остерманъ, Безбородько, Трощинскій, Сперанскій, и т. д., не говоря о многихъ другихъ сподвижникахъ канцелярскихъ муравейниковъ—менѣе извѣстныхъ, но по дѣламъ своимъ столько же славныхъ.

Послѣдующее изложеніе покажетъ, какъ много заботилось правительство о томъ, чтобъ подъохотить шляхетство къ гражданской службѣ, и какъ упорно шляхетство отъ нея уклонялось.

Генеральный регламентъ 1720 г. опредѣлилъ, чтобы при коллегіяхъ и канцеляріяхъ, подъ управленіемъ секретарей, шляхетскія дѣти обучались канцелярскому дѣлопроизводству, дабы современемъ они могли *по-градусамъ* быть произведены въ высшіе чины. Не позволялось только, чтобы всѣ дѣти какой-нибудь дворянской фамиліи были въ одной гражданской службѣ, но

пропорціональная часть ихъ должна была служить и въ военной. Но, зная традиціонный взглядъ дворянства на канцелярскую службу, законодатель предписывалъ *не ставить въ укоризну* знатнымъ и шляхетскимъ фамиліямъ прохожденіе ея. (П. С. № 8.534, Гл. XXXVI). Пропорція шляхетства, служащаго по гражданской части, была опредѣлена инструкціей герольдмейстеру: послѣдній обязанъ былъ смотрѣть, чтобъ въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой фамиліи не было. Герольдмейстеръ долженъ былъ набрать указное число дворянъ въ коллегіи и надворные суды (П. С. № 3.897). Въ надворные суды слѣдовало набрать 100 человѣкъ изъ дворянъ, оставшихся за выборомъ лучшихъ изъ нихъ на другія должности. Эти 100 человѣкъ употреблялись для службъ въ нижнемъ надворномъ судѣ въ С.-Петербургѣ. Они раздѣлялись на двѣ половины, образующія двѣ смѣны, отправлявшія службу погодно. Но изъ выбывающей смѣны оставлялась $1/_{3}$ и на другой годъ, дабы до наступленія ея очереди она знала дѣла прошедшаго года (П. С. № 3.878). Постановлено было также, чтобы при каждой коллегіи, для обученія канцелярскому дѣлу, изъ шляхетскихъ дѣтей состояло по 6 или по 7 человѣкъ. Однако же въ 1724 г. въ коллегіяхъ изъ шляхетства находилось весьма мало, а въ нѣкоторыхъ даже ни одного: поэтому снова предписывалось набрать изъ шляхетства, обучающагося въ академіяхъ, 100 человѣкъ и распредѣлить ихъ по коллегіямъ (П. С. № 4.457). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же 1724 г. опредѣлено: въ секретари не изъ шляхетства не опредѣлять, дабы потомъ могли въ асессоры, совѣтники и выше происходить. Изъ подъяческаго же чина опредѣлять только въ исключительныхъ случаяхъ (П. С. № 4.449). Въ слѣдующее царствованіе, въ 1726 г., сенатъ доносилъ в. т. совѣту, что юнкеры коллегій не обучаются приказнымъ дѣламъ, а поэтому достойныхъ между ними для опредѣленія въ секретарскій чинъ нѣтъ. Совѣтъ постановилъ: покамѣстъ юнкеры изъ шляхетства обучатся приказнымъ дѣламъ, производить въ секретари изъ людей приказныхъ (П. С.

№ 4.873). При учрежденіи Анной Іоанновной кадетскаго корпуса въ 1731 г., въ который принимались одни шляхетскія дѣти, постановлено было учить въ немъ и юриспруденціи „понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, такожъ и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе". (П. С. № 5.811). Манифестъ 31 дек. 1736 г., ограничившій срокъ шляхетской службы 25 годами и дозволившій одному изъ сыновей или братьевъ оставаться въ домѣ для управленія имѣніемъ, обязывалъ послѣднихъ приготовляться обученіемъ къ гражданской службѣ (П. С. № 7.142). При смотрѣ недорослей, достигшихъ 16 лѣтъ, опредѣлялись въ гражданскую службу тѣ изъ нихъ, которые оказывались болѣе къ ней способными (П. С. № 7.170), и распредѣлялись герольдмейстеромъ между коллегіями и канцеляріями (П. С. № 7.182).

Въ 1737 г. сенатъ представилъ въ кабинетъ-министровъ докладъ, чтобы выбрать изъ грамотныхъ шляхетскихъ недорослей отъ 15—17 лѣтъ, находящихся въ С.-Петербургѣ и распредѣлить ихъ между сенатомъ, коллегіями и канцеляріями. Въ сенатъ опредѣлить тѣхъ, за которыми не меньше 100 душъ; въ коллегіи и канцеляріи—за которыми не меньше 25, дабы они могли не только жалованьемъ, но и собственными средствами содержать себя *честно*, *чисто* и не *убого*. Занимаясь же канцелярскимъ дѣломъ, они должны были обучаться и другимъ наукамъ, къ шляхетству и гражданству пристойнымъ „чѣмъ оные могутъ подать и другимъ впредь свою охоту, на нихъ смотря, *въ штатскіе чины присkивать опредѣленія*". Хотя такіе шляхетскіе недоросли опредѣлялись на должность и жалованье копіистовъ, однакожъ они должны были называться *дворянами*—сенатскими, коллежскими или канцелярскими, смотря потому, къ какому мѣсту были приписаны: „чѣмъ наибольше могутъ другимъ охоты придать и излишнее нареканіе и уничтоженіе приказныхъ людей отъ себя отвести". Недоросли эти имѣли получать одинъ годъ копіистское жалованье, 2 года

подканцеляристское, 2 года канцеляристское, а по прошествіи пяти лѣтъ достойныхъ изъ нихъ производили въ секретари. Если же, по прошествіи этихъ 5 лѣтъ, они оказывались неспособными къ *гражданству*, или *штатскимъ дѣламъ*, то отсылались въ военную коллегію для опредѣленія въ полевые полки солдатами. Таково было представленіе сената въ 1737 г. Кабинетъ министровъ, хотя и находилъ, что „сенату объ этомъ предметѣ не потребно было требовать мнѣніе кабинета, такъ какъ о немъ довольные именные указы имѣются", однакожъ въ резолюціи своей согласился съ сенатскимъ представленіемъ (П. С. № 7.201). Во исполненіе этой резолюціи, кн. Юсуповъ росписалъ шляхетскихъ недорослей, бывшихъ на смотрѣ у герольдмейстера въ С.-Петербургѣ, слѣдующимъ образомъ: въ сенатъ—12, въ синодъ—6, въ иностранную коллегію —12, въ военную, юстицъ, коммерцъ и штатсъ-коллегіи—по 6, въ генералъ-бергъ-директоріумъ и въ монетную канцелярію—по 4. Въ то же время гр. Салтыковъ явившихся на смотръ въ московскую сенатскую контору распредѣлилъ такъ: въ сенатскую контору, въ камеръ, ревизіонъ и вотчинную-коллегіи—по 6, въ судной приказъ —4, въ канцелярію конфискаціи—2. Эти, распредѣленные такимъ образомъ, недоросли состояли подъ главнымъ надзоромъ: въ сенатѣ—кн. Юсупова, въ сенатской конторѣ—у кого гр. Салтыковъ заблагоразсудитъ, въ коллегіяхъ—у президентовъ и вице-президентовъ, а въ канцеляріяхъ—у главнаго судьи. Въ сенатѣ дворяне были поручены оберъ-секретарю, который, росписавъ ихъ по секретарскимъ экспедиціямъ, наблюдалъ, чтобы секретари тщательно обучали ихъ приказному порядку, законамъ и правамъ государственнымъ, уложенію и проч.—Два дня въ недѣлю дворяне обучались ариѳметикѣ. Еженедѣльно секретари экспедицій рапортовали о нихъ оберъ-секретарю, доносившему кн. Юсупову, который экзаменовалъ ихъ каждый мѣсяцъ. Приказнымъ служителямъ запрещалось озлоблять дворянъ какимъ-нибудь невѣжествомъ или ругательнымъ словомъ. Дворяне съ своей стороны должны

были *оказывать свою природу* чрезъ честное и учтивое обхожденіе со всѣми канцелярскими служителями. Имъ запрещалось ходить въ вольные домы и пьянствовать, играть въ кости и карты, посѣщать непристойные домы, подъ угрозою отдачи въ солдаты безъ выслуги [58]). Обращено вниманіе и на ихъ внѣшность: дворяне сенатской канцеляріи должны были содержать себя чисто въ платьѣ и бѣльѣ, пудрить волосы всякій день, „чтобъ имъ *не безчестно* было являться предъ честными людьми, а особенно въ праздники вмѣстѣ съ кадетами, ходить ко двору" (П. С. № 7.245).

Но эта мѣра насильственнаго опредѣленія дворянъ въ гражданскую службу оказалась скоро безуспѣшною. Въ 1740 году сенатъ приказалъ изъ опредѣленныхъ къ приказнымъ дѣламъ: 27 человѣкъ (кн. Львова, Квашнинъ-Самарина, Алексѣя Аксакова и др.) за непонятливость въ наукахъ и приказныхъ дѣлахъ отдать въ солдаты: 28 человѣкъ (кн. Шаховскаго, кн. Енгалычева и др.), хотя и прилежныхъ въ наукахъ, но неимѣющихъ склонности къ приказнымъ дѣламъ и просящихъ сенатъ объ опредѣленіи въ военную службу, отдать въ кадетскій корпусъ и морскую академію для приготовленія къ этой службѣ „понеже къ приказнымъ дѣламъ не по охотѣ обучить ихъ никакъ невозможно". Вмѣстѣ съ тѣмъ, усматривая „что изъ такихъ, кои по выбору опредѣлены, не только изъ великопомѣстныхъ и знатныхъ, но и изъ посредственныхъ и *подлыхъ*, къ приказному обученію охоты не имѣютъ, а всѣ, смотря происхожденіе воинской службы другихъ ихъ братьи дворянъ, болѣе къ тому прилежать и тщатся", сенатъ постановилъ: въ гражданскую службу опредѣлять только такихъ, кои пожелаютъ, а не неволею (П. С. № 8.043).

Такимъ образомъ, заботы правительства привлечь шляхетство къ гражданской службѣ оказывались тщетными. Какъ не прививалась къ нему эта служба, можно видѣть изъ подписей подъ наказами дворянскихъ депутатовъ въ коммисію 1767 г. Между множествомъ дворянъ военнаго чина, съ которыми мы здѣсь встрѣ-

чаемся, только изрѣдка попадаются чины гражданскіе: на 20 какихъ-нибудь премьеръ и секундъ-майоровъ, капитановъ, вахмистровъ, сержантовъ, капраловъ и солдатъ, едва встрѣтится одинъ титулярный совѣтникъ или коллежскій асессоръ [59]). (См. Сб. русск. ист. общ. Т. IV). Екатерина II въ своемъ наказѣ, хотя и ставитъ военную службу, какъ „первое право и упражненіе приличествующее дворянамъ„, но признаетъ гражданскую службу не менѣе надобною въ мирное время, а поэтому считаетъ ее не только *приличною дворянству*, но и дающею возможность получить сіе достоинство (П. С. № 12.949. Гл. XV). Впрочемъ, во все царствованіе Екатерины II дворянство продолжало брезгать службой гражданской, и продолжало служить въ военной—преимущественно въ гвардіи. Если же и служило въ статской, то по переходѣ въ нее изъ военной, чтобы занять видныя мѣста—президентовъ и вице-президентовъ коллегій, губернаторовъ или оберъ-прокуроровъ. Такія же видныя мѣста, сколько-нибудь независимыя, на которыхъ можно было держать себя *бариномъ*, дворянство очень цѣнило. Мы встрѣчаемъ примѣръ, что къ концу царствованія Екатерины II одинъ богатый помѣщикъ 1.000 душъ крестьянъ, братъ сенатора Желтухина, былъ городничимъ въ Саранскѣ (Воспоминанія Вигеля: ч. II, стр. 91). Но должности второстепенныя: членовъ коллегій, вице-губернаторовъ и совѣтниковъ въ губерніяхъ, оберъ-секретарей, продолжали замѣщаться людьми другихъ состояній—были достояніемъ крапивнаго сѣмени.

Еще въ 1796 г., при изданіи новыхъ штатовъ губерній предписывалось: „главнокомандующему и губернскому правленію нужно поощрять, чтобъ молодые дворяне, по окончаніи наукъ, занимались законами своей земли и образомъ судопроизводства, а для сего опредѣлялись бы въ приказы, не *вмѣняя въ предосужденіе благородству* пріобрѣтать свѣдѣніе въ дѣлахъ и практиковаться, чтобъ могли поступая въ вышніе чины достойно исправлять свое званіе къ пользѣ общей“ (П. С. № 19.856).

При Павлѣ I произошла реакція: строгости военной дисциплины побѣдили отвращеніе дворянства отъ гражданской службы, и оно начало поступать въ нее въ такомъ количествѣ, что скоро начались ограниченія. Вначалѣ своего царствованія императоръ Павелъ I возобновилъ званіе юнкеровъ коллегіи для приготовленія дворянъ къ гражданской службѣ. Въ юнкера записалось множество молодыхъ людей изъ дворянъ: въ 1799 г. повелѣвалось сенату оставить изъ нихъ только 50 человѣкъ, препроводивъ остальныхъ въ военную коллегію (П. С. № 19.002). Эти юнкера были оставлены при коллегіи иностранныхъ дѣлъ: 20 въ С.-Петербургѣ и 10 въ Москвѣ при архивѣ (П. С. № 19.008). Интересно очень изображеніе этихъ барченковъ и раздушонныхъ аристократиковъ, между которыми, впрочемъ, встрѣчается и дорогое имя Блудова, у Вигеля (ч. I стр. 160). Затѣмъ ограниченія пріема въ гражданскую службу дворянъ пошли въ болѣе широкихъ размѣрахъ: именнымъ указомъ сенату 5 октября 1799 г. опредѣлено дворянскихъ дѣтей въ гражданскую службу не записывать безъ доклада государю (П. С. № 19.136). Въ 1800 г. запрещено отставныхъ изъ военной службы опредѣлять въ статскую (П. С. № 19.856), а затѣмъ неопредѣленіе дворянъ въ статскую службу безъ высочайшаго соизволенія распространено и на дѣтей личныхъ дворянъ (П. С. № 19.692). Съ возстановленіемъ дворянской грамоты ограниченія эти были отмѣнены (П. С. № 19.810, 19.856). Завелся обычай между дворянствомъ состоять на мнимой гражданской службѣ, получать чины, не пачкаясь канцелярскими чернилами. Эти синекюры преслѣдовались правительствомъ, но общество ихъ терпѣло, и онѣ продолжаются едва-ли не по настоящее время. Въ 1807 г. дошло до свѣдѣнія государя, что въ одной рязанской губерніи къ присутственнымъ мѣстамъ было приписано 339 человѣкъ мнимо-служащихъ, преимущественно изъ дворянъ. Государь повелѣлъ: не причислять дворянъ къ присутственнымъ мѣстамъ безъ дѣйствительной службы (П. С. № 562). Но обычай этихъ синекюръ все-таки не

выводился: въ 1844 г. предписывалось не числить на службѣ тѣхъ лицъ, которыя по оной не имѣютъ никакихъ занятій (2-е П. С. № 17.624).

Дворянство охотно приписывалось къ присутственнымъ мѣстамъ, чтобъ только не нести дѣйствительной гражданской службы. Но взглядъ его на эту службу опять сдѣлался прежній, какъ только строгая военная дисциплина, введенная Павломъ, была смягчена, и запрещеніе вступать въ гражданскую службу отмѣнено. Если вѣрить Вигелю, то дворяне не жаловали и инженерной службы, пока принцъ ольденбургскій не испросилъ инженерамъ военные чины и мундиры (Ч. III. стр. 77). Съ образованіемъ министерствъ между дворянствомъ является мода поступать на службу въ эти новыя учрежденія. При первоначальномъ образованіи министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1802 г., при его департаментѣ учреждено было *общество дворянъ* изъ 10 душъ—для занятій исторіей администраціи и статистикой. Одинъ изъ нихъ состоялъ всегда при министрѣ для исполненія или сообщенія его приказаній (Варадинова: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ). Въ 1811 г. постановлялось: дворянъ, неимѣющихъ никакихъ чиновъ, при вступленіи въ статскую службу, принимать въ департаменты съ наименованіемъ *дворянами*, а въ прочія присутственныя мѣста—съ званіемъ канцеляристовъ (П. С. № 24.601).

Въ канцеляріяхъ новыхъ министерствъ появляются, такимъ образомъ, секретари, столоначальники и канцеляристы изъ дворянъ. Не къ нимъ-ли относится замѣчаніе Ив. Ив. Дмитріева: „какая разница между старинными секретарями и нынѣшними! Въ 60 и 70-хъ годахъ 18 вѣка“ (когда преобладали въ гражданской службѣ секретари изъ крапивнаго сѣмени) „оберъ-секретарь Крамаренковъ переводилъ Монтескье о духѣ законовъ, а Богаевскій Юстія о благосостояніи царствъ“. (Взглядъ на мою жизнь, стр. 184). Но за то новые секретари—дворянскаго происхожденія—привнесли въ гражданскую службу тонкія бюрократическія манеры, въ канцеляріяхъ ввели салонный тонъ и парижскій діалектъ.

Впрочемъ, эта мода поступать на службу въ министерскія канцеляріи была кратковременна. Сперанскій заводилъ новую школу бюрократовъ — изъ духовнаго званія, которая мало-по-малу вытѣснила изъ министерскихъ канцелярій дворянство. Дворянство по прежнему наводняетъ гвардію. Служба въ гвардіи при Александрѣ I была самою модною, самою дворянскою службою. Изъ гражданской службы только одна дипломатическая карьера пользовалась нѣкоторымъ уваженіемъ дворянства. Николай I стремится поднять гражданскую службу во мнѣніи дворянъ: къ прежнему лицею присоединяется училище правовѣдѣнія для приготовленія гражданскихъ чиновниковъ изъ аристократовъ. Изъ завѣтныхъ стѣнъ этихъ заведеній выпускаются чиновники — столбовые дворяне. Но взглядъ на гражданскую службу, какъ на профессію весьма почтенную, перемѣняется только тѣми дворянскими поколѣніями, которыя прошли чрезъ университеты, авторитетъ и вліяніе которыхъ на общество такъ усиливаются въ царствованіе императора Николая. Эти дворянскія университетскія поколѣнія, enfants terribles своего сословія, вносятъ въ него протестъ противъ привиллегіи, требованіе уравненія въ правахъ общественныхъ классовъ. Они подымаютъ и званіе людей пера. Несмотря на военный духъ правительственной системы императора Николая, мирныя занятія гражданскаго чиновника начинаютъ пользоваться большимъ почетомъ въ обществѣ, и люди пера начинаютъ даже брать верхъ надъ людьми меча.

Мы разсмотрѣли военную и гражданскую службу дворянства. Отправленіе ея составляло постоянную и главную его повинность. Но, кромѣ того, существовали наряды дворянъ на разныя другія временныя занятія. Мы разсмотримъ тѣ изъ этихъ нарядовъ, о которыхъ есть данные въ П. С. Въ 1711 г. въ Малороссіи свирѣпствовала зараза. Для охраненія отъ нея, устроены были заставы, а смотрителями на нихъ назначены — отставные дворяне (П. С. № 2.340). Въ 1712 г. сенатъ приговорили: быть на Москвѣ для разныхъ посылокъ 900 недорослямъ, которымъ изъ сената давать жало-

ванье—каждому по 15 алтынъ, да провіанта по полуосминѣ (П. С. № 2.554). Въ 1714 г. для провіантскихъ и другихъ дѣлъ взяты въ С.-Петербургъ по 2 человѣка дворянъ изъ губерній (П. С. № 2.839). Въ 1721 г. для смотрѣнія за жемчужною ловлей опредѣлены были дворяне (П. С. № 3.794). Въ камеръ-коллегію, вмѣсто солдатъ, для карауловъ и посылокъ въ 1722 г. назначено употреблять маловотчинныхъ дворянскихъ недорослей (П. С. № 4.082). Въ 1732 г. для разныхъ дѣлъ и посылокъ назначено для Москвы 60 человѣкъ дворянъ, которые должны были жить въ самой Москвѣ по $^{1}/_{2}$-мъ года—по 20 человѣкъ въ смѣну (П. С. № 6.222); вмѣстѣ съ тѣмъ „понеже въ С.-Петербургѣ для нужныхъ посылокъ въ дворянахъ обстоитъ не малая нужда“ повелѣно герольдмейстерской конторѣ для такихъ посылокъ выбрать 60 человѣкъ дворянъ изъ новгородцевъ, псковскихъ, великолуцкихъ и торопецкихъ помѣщиковъ, которымъ жить по третямъ года въ С.-Петербургѣ—по 20 человѣкъ въ очередь (П. С. № 6.254). Въ 1735 г. на Самарѣ и въ Алексѣевкѣ учреждена была дворянская рота въ 100 человѣкъ, и въ то число приверстаны закомплектныя дворянскія и иноземческія дѣти въ числѣ 33 человѣкъ, а остальныя набраны изъ недорослей—жалованье же имъ по $12^{1}/_{2}$ р. въ годъ (П. С. № 6.726). Въ 1739 г. предписано герольдмейстеру выбрать изъ знатныхъ и пожиточныхъ дворянъ 120 человѣкъ, и росписать ихъ по полкамъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые деревни имѣютъ возлѣ С.-Петербурга, жить въ С.-Петербургѣ, а тѣмъ, которые поближе къ Москвѣ—въ Москвѣ, перемѣняясь погодно по 30 человѣкъ, и исполняя всѣ дѣла по порученію коллегій и канцелярій. Въ то же время изъ губерній и провинцій потребовали въ герольдмейстерскую контору вѣдомости о томъ, сколько, и къ какимъ дѣламъ именно, надобно дворянъ и офицеровъ, дабы герольдмейстеру выбрать ихъ изъ помѣщиковъ тѣхъ губерній (П. С. № 7.858). Въ томъ же, 1739 году, повелѣно у заготовленія угля для тульскихъ оружейныхъ заводовъ при вальдмейстерѣ Борятинскомъ быть 3 отставнымъ дворянамъ тульской провинціи (П. С.

№ 7.916). Въ слѣдующемъ году для распространенія православія между инородцами казанской и архангелогородской губерній набраны были, между прочимъ, и изъ убогаго шляхетства дѣти и присланы въ синодъ, который распредѣлилъ ихъ въ школы для обученія, дабы потомъ посвятить въ священники для проповѣди инородческимъ племенамъ евангелія (П. С. № 8.090, 8.094). Даже манифестъ 18 февраля 1762 г., освободившій дворянство отъ обязательной службы, все-таки постановилъ состоять въ С.-Петербургѣ при сенатѣ и въ Москвѣ при его конторѣ 50 дворянамъ—не по наряду отъ правительства впрочемъ, но по выбору самихъ дворянъ въ губерніяхъ и уѣздахъ (П. С. № 11.444). Довольно интересно, что наряды дворянъ, порученіе имъ извѣстныхъ коммисій случались иногда и послѣ отмѣны обязательной службы. Такого рода примѣръ мы встрѣтили въ царствованіе императора Александра I въ 1820 г. Симбирское губернское правленіе назначило одного дворянина вмѣстѣ съ купцомъ г. Карсуна для надзора за бумажной фабрикой, находившейся въ карсунскомъ уѣздѣ. Исправляющій должность симбирскаго губернскаго предводителя дворянства представилъ на разрѣшеніе сената вопросъ: имѣетъ ли право губернское правленіе употреблять дворянъ въ какія-либо коммисіи? Сенатъ разрѣшилъ вопросъ отрицательно, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ не дѣлать дворянамъ и впредь неприличныхъ порученій (П. С. № 28.368).

Шляхетство отбывало военную или гражданскую службу, наряжалось въ разныя коммисіи. Кромѣ того, его *крѣпостное отношеніе* къ правительству явствуетъ еще изъ обязанности по требованіямъ правительства переселяться и строиться.

Устраивался С.-Петербургъ. Какъ было собрать населеніе для новаго города? Петръ Великій въ 1712 г. объявилъ 1.000 шляхетскимъ домамъ, что по окончаніи шведской войны они будутъ переведены въ С.-Петербургъ и поселены на Котлинѣ островѣ, гдѣ для постройки домовъ имъ отведутся за деньги дворы (П. С. № 2.467). Вслѣдъ затѣмъ составленъ былъ списокъ

бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, стольниковъ комнатныхъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, дьяковъ, жильцовъ, генераловъ, бригадировъ, полковниковъ, офицеровъ, ландрихтеровъ и коммисаровъ, которые должны переселиться въ С.-Петербургъ. Къ знатнымъ людямъ повѣстки о томъ были посланы на домы, а имена прочихъ прочтены на красномъ крыльцѣ (П. С. № 2.563). За правильнымъ веденіемъ такихъ списковъ обязаны были смотрѣть фискалы (П. С. № 2.593). Въ 1714 г. предписывалось одной части дворянства, назначеннаго къ переселенію въ С.-Петербургъ, строиться тамъ въ текущемъ году, такъ чтобъ будущею зимою переѣхать уже на житье (П. С. № 2.788). Потомъ предписывалось шляхетству построить на васильевскомъ острову каменное и деревянное строеніе, размѣры котораго должны обусловливаться числомъ крестьянскихъ дворовъ: имѣющіе отъ 500 дворовъ должны строить каменныя палаты въ два жилья, а тѣ, за кѣмъ меньшее число дворовъ, складывались, но такъ, чтобъ болѣе 2 человѣкъ къ строенію одного дома не было. Деревянное же строеніе въ одно жилье повелѣвалось строить тѣмъ, за которыми отъ 150—40 дворовъ, а имѣющимъ менѣе 40 дворовъ—вовсе не строить, развѣ кто изъ нихъ получаетъ жалованье (П. С. № 3.305), Въ 1719 г. произведено новое распредѣленіе: 1.000 — 700 дворовъ — каменный домъ на 10 саженяхъ, 700 — 500 — на 4 саженяхъ, 500 — 300 — на 5, а отъ 500 — 100 — мазанки или деревянные домы, на сколькихъ угодно саженяхъ (П. С. № 3.332, 3.339, 3.348, 3.538, 3.678). Указы эти не исполнялись: дворяне не только не начинали построекъ, но и сами въ С.-Петербургъ не являлись. Распредѣленіе же 1719 г. сдѣлано было по старымъ переписнымъ книгамъ 186 г., послѣ которыхъ у многихъ дворянъ прибыло дворовъ, а у многихъ убыло. Поэтому, помѣстный приказъ не могъ сдѣлать правильнаго росписанія, а помѣщики не хотѣли добровольно объявить, сколько за кѣмъ дворовъ. Вслѣдствіе этого, въ 1724 г. опредѣлено производить строеніе пропорціонально числу душъ. Если кто имѣетъ за собою

по послѣдней переписи 3.500 — 5.000 душъ — долженъ воздвигнуть строеніе на 10 саженяхъ, 2.500 — 3.500. — 8 саженяхъ, 1.500 — 2.500 — на 5 саженяхъ. Строеніе должно быть каменное. А кто имѣетъ 500 — 1.500 — мазанки или деревянный домъ. Для производства этихъ построекъ дворяне должны были пріѣхать въ С.-Петербургъ къ веснѣ, дабы каждый домъ былъ отдѣланъ къ 1726 г., а ежели чей домъ не будетъ отдѣланъ, у тѣхъ отписать въ казну половину ихъ деревень (П. С. № 4.405, 4.505). Въ 1724 г. постановлено переселенныхъ въ С.-Петербургъ — *петербургскихъ жителей* — отпускать въ ихъ домы на третій годъ, т. е. два годъ они должны были жить въ С.-Петербургѣ, а на третій отправляться въ свои деревни (П. С. № 4.595). При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1735 г., подтверждено дворянамъ немедленно строиться на васильевскомъ острову и въ адмиралтейской, подъ опасеніемъ отписанія въ казну недвижимаго имѣнія (П. С. № 6.735). Но, какъ видно, для шляхетства было крайне тяжело оставлять родныя помѣстья и переселяться по приказу правительства на дальній сѣверъ, въ страну суровую и болотистую. Переселенія эти въ самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ много схожаго съ переселеніями крѣпостныхъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, по волѣ помѣщика. Еще въ 1740 г. многіе шляхетскіе домы въ С.-Петербургѣ были не достроены, а нѣкоторые изъ нихъ, заброшенные хозяевами, обваливались и растаскивались. Въ 1740 г. состоялся новый указъ, подтверждающій строить домы въ С.-Петербургѣ, на основаніяхъ закона 1724 г. (П. С. № 7.167). Подтвержденіе это было послѣднимъ, по крайней мѣрѣ въ П. С. мы болѣе не встрѣчаемъ.

Изъ предъидущаго разсмотрѣнія повинностей шляхетства, можно вывесть, что оно находилось почти въ *такой же крѣпостной зависимости отъ правительства, въ какой отъ него крестьяне*. Дворянъ опредѣляли въ военную или гражданскую службу, наряжали на разныя коммисіи, переселяли въ С.-Петербургъ, отдавали въ науку, а за провинности посѣкали, *снемъ рубашку*. Была ли у нихъ какая нибудь легальная возможность

уклониться отъ исполненія этихъ повинностей, кромѣ противозаконныхъ нѣтей, побѣговъ изъ полковъ, канцелярій и школъ, укрывательства отъ службы огурствомъ, за что ихъ подвергали строгимъ взысканіямъ? Вообще говоря, легальной возможности не было никакой—точно также, какъ и у крѣпостныхъ крестьянъ не было права отбывать отъ барщины и оброковъ, а была фактическая только возможность—побѣги и огурство противъ владѣльца. Только старость, увѣчья и неисцѣльныя болѣзни, констатируемыя правительствомъ, избавляли дворянина отъ лежавшаго на немъ тягла. Даже стѣны монастыря, служившаго до Петра Великаго надежнымъ убѣжищемъ для древне-русскаго человѣка укрыться отъ всѣхъ житейскихъ золъ и напастей—даже стѣны монастыря не укрывали его отъ обязательной службы и обученія.

Но Петръ Великій закономъ о единонаслѣдіи 1714 г. хотѣлъ-было предоставить шляхетству нѣкоторую свободу въ выборѣ профессіи, лишь бы только никто не жилъ въ праздности, „которая (по святому писанію) матерію есть всѣхъ злыхъ дѣлъ“. Мы говоримъ о томъ постановленіи закона 1714 года, по которому кадеты дворянскихъ фамилій, лишенные участія въ наслѣдованіи недвижимымъ имѣніемъ, могли, по достиженіи 40 лѣтъ, постригаться въ бѣлые священники, поступать въ купечество, или посвящать себя какому-нибудь художеству. Если кто изъ шляхетства избиралъ эти профессіи, то запрещалось ставить то имъ и ихъ фамиліямъ въ безчестіе (П. С. № 2.789, § 15).

Мы не знаемъ, до какой степени шляхетство воспользовалось правомъ поступать въ бѣлые священники. Извѣстно, напримѣръ, что дѣдъ Суворова, Ив. Ив. Суворовъ, поступилъ въ духовное званіе и находился придворнымъ протоіереемъ въ Кремлѣ (Долгорукова: ч. II стр. 66). Вѣроятно, нашлись и другіе дворяне, принявшіе священство. Вообще же постановленіе закона 1714 г. было новое, несогласное съ тѣмъ характеромъ отношеній между служилыми людьми и духовенствомъ,

который установился въ московскій періодъ. Свободный переходъ служилаго человѣка въ духовенство былъ не совмѣстенъ съ политикой царей московскихъ, которая требовала, чтобы служилый классъ не умалялся. Между обоими сословіями, поэтому, у насъ не могло образоваться той связи, которая существовала въ западной Европѣ, гдѣ лица самыхъ знатныхъ фамилій поступали въ духовное званіе и достигали архіерейства и высшихъ степеней священства (Соловьевъ). Отсюда въ западной Европѣ между духовенствомъ и дворянствомъ родственная солидарная связь; отсюда клерикализмъ аристократіи и аристократизмъ духовенства. Сословныя привиллегіи, притязанія дворянства освящаются церковію. У насъ, напротивъ, духовенство, по своему духу, всегда было ближе къ народу: дворянство свысока третировало духовенство [60]), а приходскіе священники, какъ увидимъ ниже, нерѣдко принимали самое живое участіе въ движеніяхъ народныхъ массъ, особенно въ волненіяхъ крѣпостныхъ крестьянъ противъ ихъ помѣщиковъ. Высшая же іерархія у насъ всегда служила не только церкви, но и государству; всегда освящала своимъ пастырскимъ благословеніемъ не исключительныя привиллегіи сословій, но благія начинанія власти.

Мы думаемъ, поэтому, что при томъ воззрѣніи, какое шляхетство имѣло на духовное званіе, едва-ли многіе дворяне воспользовались правомъ принимать священство, дарованнымъ имъ Петромъ Великимъ [61]). Иначе было въ Малороссіи, гдѣ еще со временъ польщизны установилась болѣе тѣсная связь между шляхетствомъ и духовенствомъ. Короли польскіе въ епископы и настоятели монастырей избирали большей частію лицъ изъ дворянскихъ фамилій, дабы предоставить имъ пользованіе богатыми церковными имѣніями (Арх. юго-з. Россіи, Т. I. Ст. проф. Иванишева, стр. XV). По присоединеніи Малороссіи къ Россіи, въ духовное званіе часто вступали не только рядовые казаки, но старшина и шляхетство (такъ напр. Моисей Бугаевскій при гетманѣ Скоропадскомъ былъ опредѣленъ войсковымъ капеланомъ при резиденціи гетманской въ 1720 г., одинъ

изъ благородныхъ пановъ Бутовичей былъ священникомъ и т. д.). Многіе поступали въ духовное званіе въ Малороссіи, укрываясь отъ войсковой службы; встрѣчаемъ даже такой случай, что одно и то же лицо въ одно время было и попомъ и казакомъ. Анна Іоанновна однимъ изъ своихъ указовъ предписывала синоду: „архіереямъ — кіевскому, черниговскому и переяславскому—изъ малороссійской старшины и казаковъ, и старшинскихъ и казачьихъ дѣтей, безъ аттестатовъ — полковничья и старшины полковой, а знатныхъ безъ позволенія генеральной войсковой канцеляріи, въ дьяконы и попы посвящать не велѣно“ (П. С. № 6.614, п. 12). Въ весьма интересной запискѣ о Малороссіи, помѣщенной въ Изд. имп. общ. исторіи и древностей росс., читаемъ: „По присоединеніи въ 1654 г. Малой Россіи къ всероссійскому престолу, многіе военные малороссійскіе чиновники, убѣгая службы и паче въ военное время, оставили свое званіе и вступили въ попы... Изъ сихъ то чиновниковъ произшедшіе попы и дьяконы и нынѣ считають себя дворянами, получили изъ дворянскихъ коммисій на дворянство грамоты, и пользуются всѣми дворянскими промыслами и правами, не неся притомъ никакой дворянской службы и тягости... Имѣютъ изобильныя земли, вопреки запретительнымъ указамъ и рѣшительнымъ гетману Апостолу 1728 г. даннымъ пунктамъ“ (Стр. 32).

Вотъ почему въ Малороссіи не въ рѣдкость было встрѣтить священника-помѣщика, владѣющаго крѣпостными крестьянами. Вотъ почему въ Малороссіи и теперь такъ часто между селами встрѣчаются Протопоповки и Поповки. Рѣже примѣры эти встрѣчаются въ другихъ частяхъ имперіи (протоіерей Самборскій— помѣщикъ слободско-украинской губ. въ 1811 г.). Священники-помѣщики произошли не отъ тѣхъ дворянъ, которымъ законъ 1714 г. далъ право постригаться въ бѣлое священство: они большей частію потомки тѣхъ, которымъ пожалованы были населенныя имѣнія (Надаржинскій), или потомственное дворянство (Дубянскій) или ордена (Левшинъ).

Возвращаемся назадъ. Законъ 1714 г., предоставивъ шляхетству право постригаться въ бѣлые священники, вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ ему поступать и въ купечество, или заниматься какимъ-нибудь другимъ художествомъ. Многіе ли дворяне воспользовались этимъ правомъ? „По тогдашнему обыкновенію", говоритъ Даниловъ, „казалась великая невозможность, какимъ бы образомъ иначе дворянскому сыну сыскать себѣ пропитаніе, кромѣ оставшагося послѣ отца его недвижимаго имѣнія... науки и художества въ рѣдкомъ еще домѣ были извѣстны, а многія дворянскія дѣти грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а писать только рѣдкіе знали и за счастіе почитали быть у знатныхъ тогдашнихъ бояръ въ державныхъ тогдашнихъ бояръ въ держальникахъ" (стр. 14).

Свобода выбора профессіи, до нѣкоторой степени предоставленная шляхетству указомъ 1714 г., была окончательно возбранена отмѣной закона о единонаслѣдіи въ 1731 году (П. С. № 5.658). Послѣ этого отъ обязательной службы было свободно только шляхетство эстляндское и лифляндское, произволу котораго въ 1723 г. предоставлено было поступать въ военную службу или нѣтъ (П. С. № 4.309), что подтвердила и Анна Іоанновна въ 1734 г. (П. С. № 6.640 п. 2), а въ слѣдующемъ году распространила и на смоленское шляхетство (П. С. № 6.853), которое, впрочемъ, какъ мы видѣли, отбывало службу ополченіями.

Возможенъ былъ также, по крайней мѣрѣ, при Петрѣ Великомъ, денежный выкупъ вмѣсто отбыванія службы натурой. Этотъ выкупъ существовалъ и до Петра Великаго, какъ видно изъ уложенія (II. XVI. п. 61). Болтинъ, въ примѣчаніяхъ къ исторіи Леклерка, напечаталъ данную отцу его изъ Разряда росписку въ пріемѣ отъ него ста рублей за увольненіе отъ азовскаго похода въ 1696 г. „Сто рублей", говоритъ онъ при этомъ, „составляли тогда не малыя деньги... на сто рублей можно было купить тогда душъ въ двадцать деревеньку, которая бъ могла нынѣ ежегодно доходу давать по сто рублей, или болѣе: доказательство, что отъ службы откупиться тогда не дешево стоило" (Голи-

кова: Дополненіе, Т. Ш, стр. 242). Примѣры выкуповъ отъ обязательной службы встрѣчаются и при Петрѣ. Изъ одного указа 1714 г. видно, что многіе царедворцы, вмѣсто службы натурой, платили деньги въ приказъ морскаго флота. Но чѣмъ обусловливались эти платежи? Во всякомъ случаѣ—не количествомъ дворовъ: кн. Ив. Андр. Голицынъ, имѣвшій 1.163 двора, и кн. Михайло Юрьевичъ Одоевскій, имѣвшій 651 дворъ, платили поровну—по 300 р., кн. Сем. Мих. Щербатовъ и Григ. Мих. Собакинъ платили по 300 р., тогда какъ у перваго было 110 дворовъ, а у втораго только 76; кн. Ив. Ѳед. Козловскій съ 70 дворами, кн. Вас. Андр. Волконскій съ 152, Семенъ Петровичъ Бестужевъ съ 91—платили по 200 р. Всего выкупа съ царедворцевъ собиралось 4.180 р. (П. С. № 2.334). Мы не знаемъ также, освобождалось ли выкупомъ только знатное и богатое шляхетство, или же и рядовое. Лица, поименованныя въ выше разсмотрѣнномъ указѣ, большей частію принадлежали къ знатнымъ и богатымъ фамиліямъ. Во всякомъ случаѣ количество выкупа было такъ велико, что фактически могло имъ пользоваться только знатное дворянство. Въ Исторіи проф. Соловьева мы находимъ весьма любопытную просьбу кн. Натальи Голицыной отъ 1723 г., относящуюся къ вопросу о выкупѣ отъ службы: „По В. И. В. указу велѣно мнѣ брать въ жалованье съ Алексѣева сына Милославскаго положенныхъ на него вмѣсто службы денегъ по 300 р., и оный Милославскій по 719 г. тѣ деньги мнѣ отдавалъ, а съ 719 г. и донынѣ не платилъ ничего. Повели, государь, тѣ жалованныя мнѣ деньги на немъ, Милославскомъ, доправить и отдать мнѣ“ (Т. XVШ, стр. 163).

II. Преобразовавъ государственную службу, Петръ Великій измѣнилъ и систему вознагражденія за нее. Раздача помѣстій прекращается въ 1714 г. Розданныя помѣстья превращены въ вотчины, а вознагражденіемъ за службу является *постоянное жалованье*, штатами опредѣляемое. Жалованье—денежные оклады, въ отличіе отъ помѣстныхъ—существовало и до Петра. Котошихинъ говоритъ: „боярамъ и окольничимъ, и думнымъ

людямъ денежной окладъ по 200 р. человѣку, стольникамъ по 100 р., стряпчимъ по 80 р. и т. д., смотря по чину и по чести. А помѣстной окладъ бываетъ имъ всѣмъ чинамъ противъ денегъ съ рубля по 5 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ...“ (стр. 76), но жалованье до Петра было только *придаткомъ къ помѣстьямъ*.

Съ Петра же оно дѣлается *основнымъ вознагражденіемъ за службу*. Вначалѣ своего царствованія Петръ Великій еще продолжалъ раздачу земель въ помѣстья: съ 1682 (190) г. по 1711 г. роздано было имъ 213 человѣкамъ изъ дворцовыхъ волостей 273, въ которыхъ считалось 43.655 дворовъ и 338.960 четей пашни (Устрялова: Ист. царств. Петра Великаго, Т. I. Прилож. XII). Послѣ этого раздача въ помѣстья на прежнихъ началахъ не встрѣчается. Въ Ингерманландіи земли раздаются на другомъ основаніи—съ цѣлью ихъ заселенія. Эти земли должны были заселиться русскими или чухной съ 1714 въ 3 года, а въ противномъ случаѣ онѣ отбирались на государя и раздавались другимъ (П. С. № 2.748). Штаты, опредѣлившіе жалованье войку, изданы были въ 1711 г. (П. С. № 2.319), а въ 1715 г. вышли первые штаты по гражданской службѣ—сначала только для чиновъ областныхъ (П. С. № 2.879), но скоро—въ 1725 г.—и для коллегій (П. С. № 4.659) [62]). Петръ Великій назначилъ всѣмъ чинамъ жалованье, но казна имѣла мало денегъ. Поэтому предполагалось ввести *акциденціи*—доходы съ дѣлъ, по примѣру Лифляндіи, гдѣ это существовало даже при Александрѣ I. Предположеніе исполнено при Екатеринѣ I: въ 1726 г. въ юстицъ-и вотчинной коллегіяхъ, во всѣхъ надворныхъ судахъ и магистратахъ повелѣно жалованье выдавать членамъ, а приказнымъ довольствоваться однѣми акциденціями. При Петрѣ II акциденціи еще болѣе распространились: установлена была норма ихъ, повелѣно взымать ихъ не только впользу канцелярій, но и впользу судей. То же было и при Елизаветѣ Петровнѣ. Только Екатерина II въ 1763 г. возстановляетъ жалованье для всѣхъ служащихъ, слѣдуя мысли Петра Великаго (Дмитріева: Исторія суд. инстанцій, стр. 500).

Петръ Великій старался установить жалованье, и только недостача денегъ заставила его преемниковъ отказаться отъ этой мысли. Но традиція помѣстій была еще очень сильна въ памяти служащихъ. Изъ одного указа 1726 г. видно, что офицеры, какъ гвардіи, такъ и другихъ полковъ, постоянно подавали челобитныя о дачѣ имъ деревень. Указъ предписывалъ: бить челомъ только о дачѣ деревень изъ отписныхъ и выморочныхъ и только тѣмъ, которые много служили и бывали на баталіяхъ и штурмахъ (П. С. № 4 938).

Вслѣдъ за прекращеніемъ помѣстныхъ раздачъ, упразднены были приказы помѣстный, казанскаго дворца и нѣкоторые другіе, вѣдавшіе помѣстную раздачу земель. Несмотря на то, вотчинная коллегія принимала отъ дворянъ просьбы о дачѣ имъ земель въ помѣстье, посылала обыскивать и обмѣривать порозжія казенныя земли и постановляла опредѣленія о ихъ раздачѣ. Такимъ образомъ, помѣщику Пашкову тамбовской губерніи кирсановскаго уѣзда произведена была дача 1.210 четвертей пашни и 2.400 копенъ покосовъ, въ 1735 г. отведено кн. Тюфякиной тамбовской губерніи борисоглѣбскаго уѣзда 2.278 десятинъ, Салтыкову въ 1736 г. 2.800 четвертей. Всего же такихъ дачъ произведено вотчинной коллегіей много сотъ тысячъ десятинъ (П. С. № 21.536). Указъ 21 марта 1736 г., котораго нѣтъ въ П. С., но объ изданіи его несомнѣнно свидѣтельствуетъ указъ 29 ноября 1804 г., подъ № 21.536,—указъ 21 марта 1736 г., говоримъ, строго запретилъ вотчинной коллегіи производить раздачи земель. Указомъ этимъ помѣстныя дачи окончательно были прекращены. Но и послѣ этого, въ раздачѣ земель нѣкоторымъ чинамъ, сказывались слѣды старой помѣстной системы. Такъ напримѣръ, въ 1737 г. было опредѣлено: офицерамъ, состоящимъ при казенныхъ горныхъ заводахъ, давать сверхъ жалованья—тѣмъ, которые изъ шляхетства по 10 дворовъ ясачныхъ и дворцовыхъ, полагая въ каждомъ дворѣ по 4 души, а тѣмъ, кои не изъ шляхетства, но произошли до нѣкоторыхъ классовъ—по 5 дворовъ въ вѣчное владѣніе, подъ условіемъ обязательной службы при горныхъ заво-

дахъ (Побѣдоносцева: Утвержденіе крѣпостнаго права въ Россіи въ 18 ст. Р. В. 1861). Грузинскіе дворяне, переходившіе въ русскую службу, получали также деревни. Изъ этихъ грузинскихъ дворянъ учреждена была Анной Іоанновной въ 1738 г. гусарская рота, которой назначено опредѣленное жалованье, когда служащіе въ ней будутъ находиться на дѣйствительной службѣ. Когда же они будутъ находиться въ домахъ, то жалованья имъ не давать, а вмѣсто того отвесть имъ въ украйнѣ въ вѣчное потомственное владѣніе деревни: князьямъ по 30 дворовъ, да для воспитанія ихъ малолѣтныхъ дѣтей мужескаго пола на каждаго по 5 дворовъ, а дворянамъ по 10 дворовъ. Такъ появились въ Малороссіи помѣщики грузинскаго происхожденія: князья Давыдовы, Орбеліани, Еристовы, Цыціановы, Бараговы, Ратіевы, Джаваховы, и дворяне: Ратневы, Стефановы, Каховы и мн. др., потомство которыхъ существуетъ и понынѣ (П. С. № 7.595, 7.614, 8.129). Подобнымъ же образомъ, при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1751 г. многіе сербы, подъ предводительствомъ полковника Ив. Хорвата Откуртича, приняты были въ службу и образовали 4 полка: 2 гусарскихъ и 2 пѣхотныхъ пандурскихъ. Они получили земельныя дачи въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ заселенная ими страна названа Новой Сербіей, а воздвигнутое укрѣпленіе—крѣпостью Св. Елизаветы (П. С. 9.921, 9.924). Впослѣдствіи на этихъ земляхъ появляются и крѣпостные крестьяне. Въ 1760 г. генералъ-лейтенантъ Хорватъ доносилъ сенату, что офицерамъ новосербскаго корпуса приходится имѣть 283 человѣка деньщиковъ, на жалованье которыхъ ежегодно выходитъ 2.838 р. Онъ ходатайствовалъ, чтобъ позволено было офицерамъ, вмѣсто деньщиковъ, населять пожалованныя имъ земли малороссами, по пропорціи чиновъ: полковникамъ по 12, подполковникамъ по 8, премьеръ-майорамъ по 6, капитанамъ по 4, а прочимъ офицерамъ по 2 двора. Ходатайство Хорвата было уважено (П. С. № 11.058).—Такъ появились дворянскія фамиліи сербскаго происхожденія въ Новороссіи, которыя существуютъ и понынѣ.

Въ Малороссіи русскіе чиновники по мѣстному обычаю на время службы получали ранговыя имѣнія: такъ напримѣръ въ 1769 г. такія ранговыя деревни получили оберъ-комменданты и комменданты (П. С. № 13.260). Обычай этотъ существовалъ, впрочемъ, не въ одной Малороссіи. Изъ указа 26 февраля 1776 г. видно, что на столовое содержаніе смоленскаго губернатора назначено было въ могилевской губерніи староство мстиславское, которое числилось за нимъ во все время исправленія имъ должности. Въ указѣ 1767 г. упоминается о кореляхъ кексгольмскаго уѣзда, пожалованныхъ по смерть выборгскому губернатору (Побѣдоносцева: Утвержденіе крѣпостнаго права въ Россіи въ 18 ст., Р. В., 1861). По штатамъ 1796 г. на столъ генералъ-губернаторамъ въ 18 намѣстничествахъ назначалось по 600 душъ, вмѣсто которыхъ въ другихъ намѣстничествахъ давали по 1.200 и по 1.800 р. въ годъ (Кн. гражд. штатовъ, стр. 253).

Г. Побѣдоносцевъ въ учрежденіи коммандорственныхъ имѣній видитъ нѣчто вродѣ ранговыхъ имѣній, которыя имѣютъ историческую филіяцію съ помѣстными дачами. Коммандорственныя имѣнія были учреждены Павломъ I въ 1797 г. установленіемъ о россійскихъ императорскихъ орденахъ. Мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ оригинальномъ учрежденіи, навѣянномъ мальтійскими и рыцарскими западно-европейскими порядками, но едва-ли имѣвшимъ какую-нибудь филіяцію съ нашимъ народнымъ учрежденіемъ—помѣстьями и ранговыми имѣніями. Проникнутый рыцарскими воззрѣніями, Павелъ I нѣчто подобное рыцарскимъ братствамъ и орденамъ задумалъ образовать изъ общества кавалеровъ россійскихъ орденовъ. „Все кавалерское общество россійской имперіи да будетъ почитаемо яко единое тѣло и яко единый россійскій кавалерскій чинъ или орденъ". Подобно тому, какъ въ западной Европѣ рыцарскія общества и ордена имѣли свои капиталы, свои фундуши и имѣнія, Павелъ I опредѣлилъ въ пользу россійскихъ кавалеровъ деревни, для составленія изъ нихъ коммандорствъ. Единовременно отдѣлено было

50.000 душъ, а впослѣдствіи, съ пріумноженіемъ орденскихъ капиталовъ, дозволено увеличивать и коммандорства. Коммандорства расписаны были на 4 класса, сообразно оставленнымъ четыремъ орденамъ (св. Андрея, Екатерины, Александра Невскаго, св Анны). Самыя большія коммандорства были въ классѣ св. Андрея—по 1.000 душъ нѣкоторымъ кавалерамъ, а меньшія въ классѣ св. Анны—по 400, по 100 душъ. Въ каждомъ классѣ опредѣленная пропорція кавалеровъ состояла изъ духовныхъ особъ, которыя, получивъ коммандорственное имѣніе, въ непосредственное управленіе имъ не вступали, но пользовались доходами, подобно тому, какъ и казна съ крестьянъ своего вѣдомства (П. С. № 17.908). Такъ напримѣръ Ириней, архіепископъ псковской, получивъ въ 1797 г. орденъ Александра Невскаго, получилъ и коммандорство подъ № 16, состоявшее изъ 301 души московской губ. (Р. Арх. № 748 1869 г.). Лица же свѣтскія, получивъ коммандорственныя имѣнія, могли управлять ими непосредственнымъ хозяйственнымъ завѣдываніемъ, какъ помѣщики. Но коммандорственное имѣніе находилось только во временномъ владѣніи коммандора, доколѣ онъ пребывалъ въ классѣ ордена. Отсюда нѣкоторыя ограниченія правъ: въ коммандорственномъ имѣніи нельзя было заводить фабрикъ и винокуренныхъ заводовъ, а слѣдовало распространять одно хлѣбопашество, $^2/_3$ пашни и сѣнокосовъ принадлежали крестьянамъ, а $^1/_3$ владѣльцу (П. С. № 17.945). Вскорѣ по вступленіи Александра I на престолъ, въ томъ же 1801 году, орденскія коммандорства обращены были въ вѣдомство казенныхъ палатъ (П. С. № 19.903).

Вмѣсто помѣстныхъ раздачъ, втеченіе 18 в. развивается пожалованіе *населенныхъ имѣній*, какъ чрезвычайное вознагражденіе за службу, за услуги отечеству и монарху.

При раздачѣ помѣстій и вотчинъ въ 17 ст. на первомъ планѣ была земля, крестьяне даже не входили въ офиціальный счетъ. Да иначе и быть не могло: помѣстная раздача установилась еще въ то время—въ 15

и 16 ст., когда крестьяне были вольными и могли съ пожалованной земли перейдти на другую. Единственнымъ счетомъ могъ быть счетъ четвертями пашни и копнами сѣнокоса. По привычкѣ, такъ считали и въ 17 ст., когда уже установилось крѣпостное право. Петръ Великій, при которомъ прекратилась помѣстная раздача и началось пожалованіе населенныхъ имѣній, жалуетъ уже не чети пашни и копны сѣнокоса, но крестьянскіе *дворы*. При преемникахъ Петра, съ установленіемъ ревизій и подушной подати, жалуются уже крестьянскія *души*, такъ какъ ревизская душа дѣлается главной хозяйственной силой, единицей, которой измѣряется цѣнность и значеніе имѣнія. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ бѣлорусскихъ, считали даже не душами, но *головами*: столько-то головъ крестьянъ, столько-то головъ скота. (П. С. № 14.204). Въ имѣніи графа Огинскаго, Могилевской губ., 1.612 *головъ* крестьянъ были въ 1777 г. въ закладѣ у 6 шляхтичей (Арх. госуд. сов., ч. 2-я, стр. 371).

Петръ Великій жаловалъ населенныя имѣнія своимъ сподвижникамъ въ Малороссіи и въ завоеванныхъ земляхъ. Неизвѣстно количество имѣній, имъ пожалованныхъ. Знаемъ только о громадныхъ помѣстьяхъ Меншикова въ прибалтійскомъ краѣ[63]), въ Малороссіи и другихъ мѣстахъ, гдѣ у него въ 1724 г. было до 100.000 душъ, въ числѣ которыхъ до 32.000 бѣглыхъ и пришлыхъ всякаго званія[64]). Имѣемъ свѣдѣніе и о нѣкоторыхъ другихъ пожалованіяхъ: духовнику своему Надаржинскому Петръ Великій пожаловалъ 4.000 душъ въ слободско-украинской губерніи, Лефорту за взятіе Азова до 160 дворовъ въ епифанскомъ и рязанскомъ уѣздахъ, Гордону 100 дворовъ, Шеину 305 въ алатырскомъ уѣздѣ, Головину 57, Зотову 40, Голицыну за взятіе Шлиссельбурга 394 дв. въ козельскомъ уѣздѣ, Шереметеву за полтавскую побѣду пожалованы большія вотчины въ ярославской губ. и въ Малороссіи; кн. Як. Ѳед. Долгорукой, по-возвращеніи изъ шведскаго плѣна, Толстой послѣ прутскаго мира, гр. Апраксинъ, кн. Кантемиръ получили по 400 дворовъ и болѣе. Вѣроятно, и

другіе генералы были надѣлены деревнями (Побѣдоносцева: Утвержденіе крѣпостнаго права; словарь Б.-Каменскаго). Какъ велики были пожалованія въ Малороссіи гетману Скоропадскому, женѣ его Настасьѣ Марковнѣ и дочери Ульянѣ Ивановнѣ мѣстечекъ (Коропъ), селъ (Сасиновка, Липовица и др.), хуторовъ и цѣлыхъ волостей (Быковская, Ропская) видно изъ грамоты 1718 года, помѣщенной въ Чтеніяхъ (кн. 1-я, 1859 г.), Савва Владиславичъ Рагузинскій, извѣстный сербъ, вызванный Петромъ Великимъ въ 1703 г., получилъ богатыя имѣнія въ Малороссіи, принадлежавшія сообщникамъ Мазепы, Ломиковскому и Чуйкевичу: 14 селъ и деревень (Топаль, Киваи, Парафіевку, Розбышевку и мн. др.). (З. черниг. губ. статист. комитета, кн. 2-я).

Пожалованія населенныхъ имѣній продолжаются и въ послѣдующія царствованія. При Екатеринѣ I Меншиковъ подалъ прошеніе о пожалованіи ему Батурина, и просьба сильнаго временщика, конечно, была удовлетворена. (Протоколы в. т. с. Чтенія кн. 3-я 1858 г.).

При избраніи на престолъ Анны Іоанновны нѣкоторыми было заявлено требованіе, чтобы впредь населенныхъ имѣній не жаловать. Какое было основаніе такому требованію, очевидно направленному противъ интересовъ шляхетства? Во всякомъ случаѣ оно не было принято, и не стояло въ программѣ реформъ, предложенныхъ в. т. совѣтомъ. Анна Іоанновна въ день своей коронаціи пожаловала имѣнія: кн. Кантемирамъ 4 т. душъ, кн. Голицыну — столько же, Татищеву — 1 т. (Осьмн. В. Кн. 3). О другихъ пожалованіяхъ этой государыни мы не знаемъ. Но вѣроятно сильные люди ея времени: Бироны, Остерманъ, Минихъ (къ нему перешли меншиковскія имѣнія въ Малороссіи), кн. Черкасской, Головкинъ и др. были взысканы милостями императрицы и получили имѣнія.

Больше свѣдѣній было подъ нашею рукою о пожалованіяхъ въ слѣдующія царствованія, когда они производились въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ. Весьма значительныя пожалованія сопровождали воцареніе Ели-

*

заветы Петровны. Отписныя имѣнія вице-канцлера гр. Головина и кн. Меншикова— около 14 т. душъ пожалованы были лейбъ-компаніи; между прочимъ 258 рядовымъ (Өедоръ Рахманиновъ и др.) сдѣланы были помѣщиками каждый 29 душъ (П. С. № 8.666). Пожалованія не прекращались и во все продолженіе этого царствованія. Огромныя имѣнія получили Шуваловы— въ особенности П. И. Объ Ив. Ив. Шуваловѣ, благороднѣйшемъ человѣкѣ своего времени, есть извѣстіе, что онъ отказался отъ 6 т. душъ, предложенныхъ ему Елизаветой (Б.-Каменскаго Словарь: т. V, стр. 348). Канцлеру Бестужеву, между прочимъ, былъ отданъ цѣлый городъ Венденъ, но наибольшее число имѣній досталось семейству Разумовскихъ. У гр. Кирилла Григорьевича было 100 т. душъ, большей частію пожалованныхъ. Кромѣ того, родные Разумовскихъ: ткачъ Уласъ Будлянскій, закройщикъ Закревскій и казакъ Ефимъ Дараганъ, поженившіеся на дочеряхъ вдовы Розумихи—сестрахъ фаворита, выведены въ шляхетство и получили большія имѣнія (18 в. кн. 2-я). У сына Уласа Будлянскаго, Михаила въ 1783 г. было 3.339 д. муж. и 3.273 женскаго пола (З. черниговскаго статист. ком., кн. 2-я). Не былъ забытъ и кумъ Елизаветы Петровны, Демьянъ Оболонскій, которому въ 1745 г. пожалованы села Вишняки и Горожинъ. (Осмн. В. кн. 2-я).

Императоръ Петръ III продолжалъ пожалованіе населенныхъ имѣній. Лучшій другъ его, Гудовичъ получилъ отъ него 15 т. душъ въ старообрядческихъ волостяхъ (Б.-Каменскаго словарь), отобранныхъ отъ него впослѣдствіи Екатериной II (Вейдемейеръ ч. I, стр. 12), и опять возвращенныхъ Павломъ; Мельгуновъ получилъ 1 т. душъ (ib.); А. И. Шувалову предоставлено выбрать 1 т. душъ, гдѣ онъ пожелаетъ; камердинеру своему голштинскому камергеру Александру Бресону, произведенному въ дѣйствительные камергеры, пожаловано Павломъ вмѣстѣ съ россійскимъ дворянствомъ 1.094 д. въ новгородскомъ уѣздѣ; капитану Ацерину и капитанъ-поручику Ледицкому пожалованы были также деревни на *пропитаніе*: первому 356 душъ, а второму 138

(Семевскаго: Шесть мѣсяц. изъ русской исторіи, От. З. августъ 1867 г.).

Екатерина II ознаменовала свое вступленіе на престолъ весьма щедрою раздачей крестьянъ. Раздачи продолжались и во все теченіе ея многолѣтняго царствованія—преимущественно въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши.

Пособники ея воцаренія получили населенныя имѣнія. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" за августъ 1762 года (№ 64) мы читаемъ о пожалованіи 17.200 душъ 26 лицамъ: 10 лицамъ (Ватковскому, Протасову, Вырубову, Черткову, Еропкину и др.) по 800 душъ; обоимъ братьямъ Волковымъ, возведеннымъ въ дворянство— по 700 душъ; 8 лицамъ (Ступишину, кн. Несвицкому, Всеволодскому и др.)—по 600; 1 (Потемкину)—400; 3 (Евреинову, возведенному въ дворянство и Всеволодскимъ) — по 300; да гардеробмейстеру Вас. Шущику съ женою 1 т. душъ (Р. Арх. ч. 2-й стр. 402). Затѣмъ помѣстья щедрою рукою раздавались офиціальнымъ (генералъ-адъютантамъ) и тайнымъ фаворитамъ. Вотъ рядъ этихъ фаворитовъ, въ хронологическомъ порядкѣ: Орловъ, Васильчиковъ, Завадовскій, Потемкинъ, Зоричъ, Корсаковъ (одновременно Страховъ тайный фаворитъ), Ланской (одновременно Мордвиновъ тайный), Ермоловъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, Платонъ Зубовъ. Всѣ эти фавориты, вначалѣ бѣдные дворяне, едва имѣвшіе средства содержать себя въ гвардіи, сдѣлались потомъ богатѣйшими помѣщиками, цвѣтомъ нашей аристократіи. Гаррисъ сосчитываетъ, что семейство Орловыхъ съ 1762—1783 г. получило 45 т. душъ, Васильчиковъ въ 22 мѣсяца фавора—7 т. крестьянъ въ Россіи, Потемкинъ въ 2 года—37 т. въ Россіи, Завадовскій въ 18 мѣсяцевъ — 6 т. въ Малороссіи, 2 т. въ Польшѣ, 1.800 душъ въ Россіи, Корсаковъ въ 16 мѣсяцевъ—4 т. въ Польшѣ (La cour de Russie il y a cent ans p. 376). Исчисленіе Гарриса не совсѣмъ полно и точно: изъ фаворитовъ онъ не упоминаетъ Ермолова, получившаго 6 т. душъ въ Могилевской губерніи, Корсакова—6 т.

въ той же губерніи, не говоритъ о томъ, что Зоричъ, выбывши изъ случая, получилъ мѣстечко Шкловъ съ 13 т. душъ (З. Энгельгардта); у Завадовскаго всѣхъ крестьянъ было 31 т. душъ (Р. Арх. ч. 3). Изъ записокъ Грибовскаго извѣстны другія крупныя пожалованія населенныхъ имѣній Екатериной II: гр. Салтыкову и вице-канцлеру Остерману — по 6 т., Безбородьку—16 т., гр. Моркову въ подольской губерніи 4 т., Трощинскому 1.700 д. въ Польшѣ, во время путешествія императрицы въ Крымъ Попову пожалована была Рѣшетиловка съ 1.800 душъ, да въ польскихъ губерніяхъ 1.000 душъ, статсъ-секретарю Грибовскому—въ подольской губерніи 650, Алтеста-Рагузинецъ, покровительствуемый Зубовымъ, получилъ 600 д. въ Польшѣ. Знаемъ также изъ архива государственнаго совѣта о пожалованіи члену иностранной коллегіи Петру Бакунину глазовицкой и огрызовской части староства велижскаго полоцкой губерніи въ 1784 г., въ которыхъ было 1.474 душъ (стр. 385 ч. 2-й).

Каждое важное событіе при дворѣ, каждая побѣда или миръ сопровождались раздачей помѣстій. Когда окончено было воспитаніе цесаревича Павла Петровича, въ 1773., то гр. Н. П. Панинъ (въ одномъ изъ протоколовъ совѣта онъ названъ министромъ иностранныхъ дѣлъ) за труды по этому воспитанію получилъ, въ числѣ другихъ наградъ, 4512 д. въ смоленской губ. и 3900 д. во псковской. Противникъ раздѣла Польши, послѣднихъ онъ отдалъ 4 своимъ подчиненнымъ, такъ какъ крестьяне эти находились въ пріобрѣтенныхъ отъ Польши земляхъ (З. о жизни А. И. Бибикова: приложенія, стр 33). Примѣръ подобной раздачи вельможами встрѣчается и прежде: Вас. Ѳед. Салтыковъ, имѣвшій 80.000 крестьянъ, нѣсколько тысячъ роздалъ бѣднымъ (Б. Кам. Словарь). Принцъ Нассау-Зигенъ, за свои подвиги подъ Очаковымъ, получилъ 3.000 душъ въ могилевской губ., а адмиралъ Чичаговъ за походъ въ Швецію,—тамъ же 3.800 слишкомъ душъ. При праздновании кучукъ — кайнарджійскаго мира, въ 1775 г., Румянцовъ получилъ для *увеселенія* деревню въ

5.000 душъ въ Бѣлоруссіи, а кн. Вяземскій 2.000 д. (Вейдемейеръ: ч. I, стр. 181).

Еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, если только это возможно, производилъ раздачу населенныхъ имѣній императоръ Павелъ. Онъ былъ того мнѣнія, что крестьяне могутъ быть счастливѣе подъ управленіемъ помѣщиковъ, которыхъ онъ называлъ своими *полицеймейстерами* („У меня столько полицеймейстеровъ, сколько помѣщиковъ въ государствѣ" З. Болотова: Р. Арх., ч. 2 стр. 781), чѣмъ подъ властію лицъ, назначенныхъ для завѣдыванія крестьянами казенными[65]), поэтому, не смотря на то, что онъ обратилъ большое вниманіе на улучшеніе положенія крѣпостныхъ крестьянъ, онъ раздавалъ ихъ щедрою рукою. Въ день его коронаціи, 5 апрѣля 1797 года, посыпались награды населенными имѣніями. Въ Чтеніяхъ (кн. 1, 1867 г.) помѣщена интересная записка, составленная кн. Куракинымъ обо всѣхъ его милостяхъ въ этотъ день „благотворительность и щедрость его великія души ознаменовавшихъ, и примѣра себѣ ни въ Россіи и ни въ какомъ другомъ государствѣ неимѣющихъ". Изъ этой записки видно, что, кромѣ коммандорствъ, роздано было 105 лицамъ около 82.000 душъ. Наибольше получилъ гр. Безбородько: орловскую вотчину, принадлежавшую князю Кантемиру, 30.000 десятинъ въ воронежской губ., да 6.000 душъ на выборъ; генералъ-фельдмаршалъ князь Рѣпнинъ получилъ тоже 6.000 душъ. Другіе получили также по нѣсколько тысячъ, а иные по нѣсколько сотъ душъ; наименьше досталось полковнику Патрексоеву— 86 душъ. Получали и женщины: статсъ дама Ливенъ 1.500 душъ, вдова генералъ-маіора Максимовича— 293 души въ Малороссіи. Въ Малороссіи были пожалованы имѣнія и другимъ лицамъ: дѣйствительный тайный совѣтникъ Стрекаловъ получилъ тамъ 2.580 душъ, генералъ-лейтенантъ Бердяевъ 678 д. Не были забыты и креатуры Безбородька: членъ главнаго почтоваго управленія Судіенко 597 д., малороссійскій почтъ-директоръ Милорадовичъ 414 д. и т. д.—Пожалованія, конечно, не ограничились днемъ 5 апрѣля 1797 года:

гатчинцы (Аракчеевъ—грузинскую вотчину) и другіе любимцы Павла: Кутайсовъ, брадобрѣй государя изъ плѣнныхъ турокъ, сдѣланъ былъ оберъ-гофъ-шталмейстеромъ и графомъ и получилъ громадныя имѣнія, также какъ и кн. Куракины, Обольяниновъ, Растопчинъ, Салтыковъ и мн. др. Гр. Вьелгорскій получилъ въ потомственное владѣніе Каменецъ-Литовскій съ староствомъ каменецкимъ (П. С. № 18.359). При Павлѣ I начальства получили право, при представленіи подчиненныхъ своихъ къ наградамъ, испрашивать для нихъ крестьянъ, назначая каждому опредѣленное число душъ: на генералъ-прокурорскую канцелярію пожаловано было однажды 5.000 душъ для распредѣленія ихъ между отдѣльными чиновниками (Осми. в. кн. 3), а въ 1800 г. разнымъ чиновникамъ пожаловано было 213.000 десятинъ земли въ саратовской губ. (П. С. № 19.858[66]).

Получившіе населенныя имѣнія иногда могли сами выбирать ихъ въ какой угодно губерніи. Екатерина II писала къ Ив. Гр. Орлову „я къ тѣмъ 4.000 душъ, кои еще гр. А. Гр. Орловъ за чесменскую баталію не взялъ, присовокупляю еще 6.000 душъ для Гр. Гр. Орлова, съ тѣмъ, чтобы онъ оные выбралъ или изъ моихъ псковскихъ, или кои на Волгѣ, или въ которыхъ уѣздахъ самъ заблагоразсудитъ“ (Р. Арх. ч. 4-й стр. 66). Пожаловавъ А. И. Шувалову 4 000 крестьянъ, Петръ III предоставилъ выбрать ихъ ему самому. Точно также и Павелъ, пожаловавъ имѣнія Безбородьку и Салтыкову, предоставилъ имъ право выбрать—первому въ какой угодно губерніи, а послѣднему въ подольской.

О пожалованіи деревень не рѣдко подавались прошенія государю: такъ кн. Меншиковъ просилъ Екатерину I о пожалованіи ему Батурина; подобное-же прошеніе было подано Екатеринѣ II гр. Кир. Гр. Разумовскимъ объ обращеніи ранговыхъ гетманскихъ маетностей въ вѣчное и потомственное его владѣніе. Въ 1771 г. кн. Долгоруковы подали прошеніе, чтобъ вмѣсто давно обѣщанныхъ имъ крестьянъ—по тысячѣ каждому—пожалованы имъ были въ чебоксарскомъ уѣздѣ 2.312 душъ (Архивъ госуд. сов., ч. 2-я, стр. 385).

Насколько подобныя просьбы были въ обычаѣ показываетъ вѣдомость челобитенъ, поданныхъ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1744 г., изъ которой видно, что такія просьбы приносились не только высокопоставленными (кн. Трубецкой просилъ о пожалованіи ему деревни обѣщанной), но и простыми смертными (полковникъ Василій Танскій, канцеляріи совѣтникъ Хрисоскулѣевъ) (Осмн. В. кн. 2-я стр. 229).

Иногда населенныя имѣнія жаловались начальникамъ инородческихъ племенъ, отошедшихъ подъ власть Россіи: сыновья калмыцкаго хана Дондукъ—Омбо въ 1743 г. приняли православіе и получили княжество. Одному изъ нихъ, кн. Алексѣю Дондуковичу, Екатерина II въ 1762 г. возратила калмыцкій улусъ и титулъ хана. По смерти его, улусъ, состоявшій изъ 1816 кибитокъ, въ 1781 г., былъ взятъ въ казну, а брату хана, кн. Іонѣ Дондуковичу, родоначальнику кн. Дондуковыхъ-Корсаковыхъ съ женской стороны, пожалована была могилевской губерніи оршанскаго уѣзда волость романовская, съ 3.000 душъ (Долгорукова: ч. III стр. 23).

Пожалованныя имѣнія, вслѣдствіе частаго паденія случайныхъ людей 18 в., сопровождавшагося конфискаціей ихъ имѣній, постоянно переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія. Въ Малороссіи многія пожалованныя имѣнія переходили отъ Меншикова къ Миниху, отъ Миниха къ Разумовскому. У генерала Румянцева взяты были имѣнія, взамѣнъ которыхъ онъ просилъ пожаловать бывшую волость Ст. Лопухина; у полковника Егора Милюкова отобрано было для фельдмаршала кн. Долгорукова село Юдино, взамѣнъ котораго онъ просилъ пожаловать ему село Острецово съ деревнями суздальскаго уѣзда, изъ конфискованныхъ имѣній гвардіи капитана кн. Ив. Путатина (ib). Въ 1729 г. подполковникъ лейбъ-гвардіи Салтыковъ подалъ въ верховный тайный совѣтъ челобитную, въ которой писалъ, что въ 1727 г. пожаловано ему послѣ Петра Толстаго недвижимое имѣніе, съ котораго и были взяты печатныя и четвертныя пошлины. Послѣ того, имѣніе это было отдано Лопухинымъ, а вмѣсто него указомъ вер-

ховнаго тайнаго совѣта повелѣно Салтыкову дать имѣніе Залѣскаго, село Заболотье съ деревнями, переяславскаго уѣзда, то чтобъ съ этого имѣнія печатныхъ пошлинъ вторично не брали. Верховный тайный совѣтъ постановилъ „понеже и другихъ разныхъ чиновъ людямъ, вмѣсто прежде пожалованныхъ деревень, которыя возвращены прежнимъ владѣльцамъ, нынѣ велѣно отдать другія деревни, то чтобъ вторично пошлинъ не брать“ (П. С. № 5.386).

Путемъ пожалованій населенныхъ имѣній въ 18 вѣкѣ, образовалось много новыхъ помѣщиковъ, которые не имѣютъ никакой преемственной связи съ помѣщиками и вотчинниками 16 и 17 ст. Вообще, большая часть нашихъ помѣщиковъ начало владѣнія своими имѣніями могутъ возвести не далѣе 18 в. Въ 1700 г. 136 знатныхъ фамилій, бывшихъ въ первыхъ царскихъ чинахъ, состоявшихъ изъ 330 лицъ, да 2.849 незнатныхъ дворянскихъ фамилій, состоявшихъ изъ 14.711 лицъ, а всего 2.985 фамилій, изъ 15.041 лица, владѣли населенными имѣніями. Конечно, изъ этихъ фамилій, какъ первой, (Апраксины, Башмаковы, Булгаковы, Дашковы, Колычевы, и мн. др.), такъ и второй категоріи (Аксаковы, Алферьевы, Бахметьевы, Бородины, Валуевы, Васьковы, Голохвастовы, Дохтуровы, Ефановы, Жоховы, Леонтьевы, Рохманиновы, и др.) (Иванова: Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ, стр. 229) встрѣчаются еще и въ настоящее время, но тѣмъ не менѣе большая часть нашихъ великорусскихъ, а тѣмъ болѣе малороссійскихъ, помѣщиковъ—новѣйшаго происхожденія: 19 и ужъ никакъ не далѣе 18 столѣтій. Помѣстья весьма рѣдко задерживались въ трехъ-четырехъ генераціяхъ одной и той же дворянской фамиліи. Такія явленія, какъ село Богородское, рязанской губерніи спасскаго уѣзда, пожалованное предкамъ Лунина еще въ 1514 г., 352 года сохранявшееся въ ихъ родѣ, и только въ 1856 г. перешедшее въ женское поколѣніе Полуденской, урожденной Луниной (Р. Арх. ч. 4-й стр. 379)—такія явленія, говоримъ, весьма рѣдки. Большая-же часть другихъ имѣній, или посредствомъ

приданаго или посредствомъ раздѣла между сонаслѣдниками, переходили въ другія фамиліи. Гакстгаузенъ встрѣчалъ деревни съ населеніемъ 400—500 душъ, раздѣленныя между 30—40 помѣщиками; ему указывали на одну деревню, съ 260 душъ крестьянъ, принадлежащую 83 владѣльцамъ (Etudes, t. III p. 66). Это самое было и во времена Посошкова: „Есть въ новгородскомъ уѣздѣ погостъ, именуемый Устрика, и въ томъ селѣ дворовъ двадцать, а помѣщиковъ владѣютъ семеро разныхъ фамилій, а во иныхъ деревняхъ и больше того есть владѣльцевъ“ (О скудости и о богатствѣ, стр. 192)

Закрѣпленіе помѣстья за одной и той же дворянской фамиліей могло произойдти только при посредствѣ майората. А майоратъ, какъ увидимъ ниже, былъ не въ крови нашего шляхетства—сословія не *землевладѣльческаго*, но *служилаго*. Стремленіе-же сохранить помѣстье въ своемъ родѣ, которое отъ времени до времени проявлялось въ нѣкоторыхъ аристократическихъ фамиліяхъ—было навѣяно знакомствомъ съ аристократическими порядками западной Европы, уже послѣ отмѣны закона о единонаслѣдіи 1714 года, особенно тяжелаго для средняго и мелкаго дворянства. Предложеніе кн. Васильчикова при Николаѣ I о введеніи майоратовъ не имѣло почвы исторической. Въ большинствѣ случаевъ, аристократія наша, какъ и рядовое дворянство, мало дорожила фамильными помѣстьями. Примѣръ кн. Вяземской, вдовы генералъ-прокурора, продавшей свою извѣстную дачу иностранцу, портному Винкеру (Р. Арх. ч. 2-й, стр. 460)—не одиночный: лучшая дача въ окрестностяхъ Кіева (Кинь грусть)—достояніе Лукашевичей, а потомъ Безбородьковъ, за баснословно дешевую цѣну пріобрѣтена евреемъ Гинцбургомъ, изъ откупщиковъ и поставщиковъ въ крымскую войну. „Вѣтреные русскіе баре“ прекрасно говоритъ Васильчиковъ „громко разсуждающіе объ аристократизмѣ и о какихъ то небывалыхъ правахъ, въ парижскихъ клубахъ Moutard или Jockey, на родинѣ за безцѣнокъ продаютъ подмосковныя отчины, со всѣми

семейными воспоминаніями, архивами и портретами. Съ трудомъ укажешь дачу въ окрестностяхъ Москвы или С.-Петербурга, которая осталась въ родѣ ея строителя. Всѣ богатыя московскія палаты заняты казенными, да и въ юномъ Петербургѣ едва-ли насчитаешь три дома, болѣе трехъ поколѣній сохранившіеся въ одномъ и томъ же родѣ“ (Осип. В. кн. 2-я: Семейство Разумовскихъ, стр. 379).

Такимъ образомъ, если мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя дворянскія фамиліи обладаютъ громадными имѣніями, изумляющими иностранцевъ, то эти имѣнія не ревниво накоплялись дворянскими поколѣніями, но жаловались монархами. Такъ появились тѣ имѣнія, въ которыхъ крестьянъ считали не только десятками, но иногда и сотнями тысячъ душъ—Меншикова, Шереметева (у котораго, по замѣчанію Гакстгаузена, столько же крестьянъ, какъ у герцога пассаусскаго подданныхъ), Салтыкова, Голицыныхъ, Воронцовыхъ, Потемкина, Разумовскихъ, Паскевича и т. д.

Въ 16 ст. крупныхъ землевладѣльцевъ было весьма мало: наибольшее количество земель могли имѣть удѣльные князья и ихъ потомство, но области этихъ князей сдѣлались достояніемъ царя московскаго, а вотчины составились изъ ихъ прежней частной собственности, болѣе и болѣе дробившейся вслѣдствіе распложенія родовъ, болѣе и болѣе умалявшейся вслѣдствіе обычая отдавать отчины въ монастыри на поминъ души (Соловьева: Т. IX стр. 359). Какъ расплодились роды, происшедшіе отъ князей удѣльныхъ, можно видѣть изъ слѣдующаго указанія: отъ кн. черниговскихъ произошло 34 рода, отъ стародубскихъ—15 фамилій, ярославскихъ 38 фамилій, ростовскихъ—12 фамилій и т. д. (Хлѣбниковъ: О вліяніи общества на организацію государства, стр. 13). Какъ было накопляться значительнымъ имѣніямъ въ рукахъ самихъ аристократическихъ фамилій? Г. Хлѣбниковъ, обратившій едва ли не впервые вниманіе на количество поземельной собственности служилаго класса въ царскій періодъ его исторіи, приходитъ къ выводу, что размѣры этой собственности

были крайне ограничены (стр. 21 и слѣд.). Противъ пути, по которому изслѣдователь пришелъ къ этимъ выводамъ, на его диспутѣ сдѣланы были весьма основательныя замѣчанія профессоромъ Сергѣевичемъ (Моск. Унив. изв. за текущій годъ). Еще незнакомые съ этими замѣчаніями, мы находили нѣкоторое противорѣчіе выводовъ г. Хлѣбникова съ слѣдующимъ свидѣтельствомъ Котошихина. „За бояры, и окольничими, и думными и ближними людьми, и за стольники, за стряпчими и за дворяны и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны, и за дѣтьми боярскими, и за мурзами и за татары, и за дворовыми и конюшенными людьми, и за переводчиками, и за подьячими, и за толмачами, и за вдовами и дѣвицами, въ помѣстьяхъ ихъ и во всякихъ вотчинахъ крестьянъ по 2 и по 3 и по 4 и по 5 и по 10 и по 15 и по 20 и по 30 и по 40 и по 60 и по 80 и по 100 и по 150 и по 200 и по 300 и по 500 и по 700 и по 1.000 и по 2.000 и по 3.000 и по 5.000 и по 7.000 и по 10.000 и по 12.000 и по 15.000 дворовъ за человѣкомъ, по чину ихъ и чести; и кто дослужится, за инымъ бояриномъ есть близко 17.000 дворовъ, а за инымъ только со 100 и съ 200 дворовъ“ (стр. 115). Въ 17 ст., благодаря можетъ быть щедрымъ пожалованіямъ первыхъ Романовыхъ, появляются помѣщики, владѣющіе 15—17.000 дворовъ, но большая часть такихъ огромныхъ дворянскихъ состояній произошла, мы все-таки думаемъ, отъ пожалованій 18 вѣка—въ особенности Екатерины II и Павла I. Большія имѣнія, населенныя тысячами душъ крестьянъ, нажитыя трудомъ и постепеннымъ пріобрѣтеніемъ цѣлымъ рядомъ дворянскихъ поколѣній составляютъ исключеніе.

Пожалованіе населенныхъ имѣній было прекращено Акександромъ I въ 1801 г. На письмо одного государственнаго сановника, желавшаго получить населенное имѣніе, императоръ отвѣчалъ: „Русскіе крестьяне большей частію принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія, и потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ, и принялъ за правило никому не

давать въ собственность крестьянъ" (Богдановича: Исторія царствованія Александра I. Т. I. стр. 96). Имѣніе дано было просителю въ аренду, и съ этихъ поръ пожалованіе въ аренду населенныхъ имѣній и пожалованіе въ собственность ненаселенныхъ земель замѣнило пожалованіе имѣній населенныхъ въ собственность. Такъ въ 1803 г. императоръ предписалъ: раздавать въ новороссійскомъ краѣ населенныя земли штабъ—и оберъ-офицерамъ—первымъ по 1.000, а вторымъ по 500 десятинъ (П. С. № 20.609).

Послѣ этого раздача ненаселенныхъ земель производилась втеченіе 19 ст. въ обширныхъ размѣрахъ и продолжается доселѣ, „подвигаясь далѣе и далѣе къ окраинамъ Россіи".

III. Мы видѣли, какія службы несло дворянство и какъ оно вознаграждалось за нихъ; на немъ также лежала обязанность учиться. Посылка дворянскихъ дѣтей заграницу для обученія началась еще вконцѣ прошлаго столѣтія. Въ первый разъ отправлено было изъ комнатныхъ стольниковъ: въ Италію 28, въ Англію и Голландію 22. Большая часть изъ нихъ отправилась вначалѣ 1697 г. Въ августѣ того же года Петръ Великій изъ Амстердама писалъ къ Виніусу: „Стольники, которые прежде насъ посланы сюда, выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что все тутъ. Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ премѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать въ статъ, еще ртомъ поср...." (Пекарскаго: Т. I; Устрялова: Т. II. стр. 425). Родители посылали своимъ дѣтямъ, отправленнымъ за море въ науку, большія суммы денегъ, отъ чего тѣ жили тамъ въ волѣ и холѣ, гуляли, мало занимаясь наукой. Петръ Великій въ 1710 г. запретилъ посылать деньги заграницу помимо адмиралтейскаго приказа (П. С. № 2.292). Но дворяне за моремъ все-таки плохо занимались наукой. Кононъ Зотовъ въ 1715 г. писалъ Петру изъ Франціи:... „не худо бы было, еслибы ваше величество указалъ архіерею рязанскому выбрать латинистовъ изъ средней статьи людей, т. е. не изъ *породныхъ*... для того, что вездѣ породные презираютъ

труды". (Пекарскаго: Т. I. стр. 157), но Петръ не переставалъ посылать за море людей *породныхъ*. Въ 1716 г. онъ писалъ: „понеже мы получили вѣдомость изъ Италіи, что нашихъ въ Венеціи въ морскую службу принять хотятъ, также нынѣ изъ Франціи отозвались, что и тамъ ихъ примутъ же: того для велите какъ наискорѣе въ С.-Петербургѣ отобрать изъ школьниковъ *лучшихъ дворянскихъ дѣтей* и привезть въ Ревель и посадить на корабляхъ съ первыми вмѣстѣ, чтобъ ихъ всѣхъ было 60, а именно во всѣ три мѣста: въ Венецію, Францію и Англію по 20 человѣкъ" (П. С. № 2.999). Но вырвавшись на свободу, русскіе молодые дворяне, какъ выражается пр. Соловьевъ, на западѣ Европы позволяли себѣ такое же поведеніе, къ какому привыкли въ лѣсахъ и степяхъ Европы восточной. Кононъ Зотовъ продолжалъ сообщать царю самыя неутѣшительныя о нихъ свѣдѣнія. А въ 1717 г. онъ извѣщалъ царя: „Г. Маршалъ д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги". Въ сентябрѣ новое письмо: „Гардемаринъ Глѣбовъ покололь шпагою гардемарина Барятинскаго и за то подъ арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно на поединкахъ лицомъ къ лицу" (Соловьева: Т. XVI, стр. 30) [67]).

Посылки въ заграничную науку дворянскихъ недорослей были для нихъ великой тяжестію, *сущимъ несчастіемъ* (такъ выражался одинъ изъ посланныхъ, Вас. Вас. Головинъ). Чтобъ избавиться отъ нихъ, они поступали иногда въ монахи. Такъ одинъ вологодскій помѣщикъ Ив. Морковъ, посланный въ Венецію для навигацкой науки, ушелъ оттуда въ Россію и постригся въ монахи одного с.-петербургскаго монастыря. Но стѣны православной обители не спасли его отъ заморской науки: великій просвѣтитель Россіи велѣлъ взять

изъ монастыря іеродіакона Іосафа и послать его изучать навигацію (Соловьева: Т. XVII. стр. 306).

Отправляя дворянскихъ дѣтей въ науку заграницу, Петръ Великій не забывалъ и оставшихся дома, постоянно припуждая ихъ учиться. А учиться куда какъ было нужно: многія дворянскія дѣти, по свидѣтельству Данилова, грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а писать только рѣдкія знали (стр. 14). Въ 1714 г. повелѣно было во всѣ губерніи послать по нѣсколько учениковъ изъ математическихъ школъ. Въ архіерейскихъ домахъ и при монастыряхъ образованы были школы, въ которыхъ дворянскія и приказныя дѣти отъ 10—15 лѣтъ должны учиться цыфири и нѣкоторой части геометріи. Учителя во время ученія не могли брать съ учениковъ плату, а по выучкѣ они выдавали свидѣтельства, при чемъ въ пользу ихъ взымалось по рублю. Безъ изученія цыфири и нѣкоторой части геометріи нельзя было дворянину жениться. Поэтому, безъ свидѣтельства изъ школы, священники не могли выдавать вѣнечныхъ памятей (П. С. № 2.762, 2.778). Дѣти же знатныхъ дворянъ (не исключая губернаторскихъ и др. начальниковъ) отъ 10 лѣтъ высылались въ школы въ С.-Петербургъ (П. С. № 2.968), а если родители укрывали ихъ, то съ нихъ взымался штрафъ (П. С. 2.497). При гвардейскихъ полкахъ учреждены были также школы, въ которыхъ обучались малолѣтки, записанные въ полки. Остальные распредѣлялись между другими школами. Петръ Великій установилъ комплектъ учениковъ изъ дворянскихъ недорослей въ академіяхъ: въ С.-Петербургѣ 300, въ Геодезіи 30, въ Москвѣ 500 человѣкъ (П. С. № 4.863). Онъ самъ наблюдалъ за распредѣленіемъ между ними шляхетскихъ недорослей. Адмиралъ Мордвиновъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что по вторичномъ смотрѣ и разборѣ недорослей самимъ государемъ, онъ, будучи 13 лѣтъ, былъ записанъ въ новгородскую школу для обученія цыфирной науки, а потомъ въ числѣ 84 человѣкъ дворянъ, онъ былъ отосланъ для обученія въ Нарву. Въ октябрѣ того же года именнымъ указомъ всѣ они были взяты въ С.-Петербургъ и опре-

дѣлены въ академію съ прибавленіемъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ Москвы съ Сухаревой башни (стр. 9). Петръ Великій строго слѣдилъ, чтобы дворяне исполняли его приказанія объ обученіи своихъ дѣтей. Однимъ указомъ онъ повелѣлъ опредѣлить дворянскихъ дѣтей въ Москвѣ на Сухареву башню для изученія мореплаванія. Но родители отдали ихъ въ заиконоспасское училище. Петръ Великій былъ такъ раздраженъ этимъ ослушаніемъ, что повелѣлъ всѣхъ учениковъ дворянъ изъ спасскаго монастыря отправить въ С.-Петербургъ и заставить ихъ тамъ бить сваи на Мойкѣ. Гр. Апраксинъ, узнавъ о приближеніи монарха къ пеньковымъ анбарамъ, снялъ съ себя андреевскую ленту, мундиръ, повѣсилъ ихъ на шестъ, и началъ самъ вбивать сваи. Приблизившійся государь сказалъ: „Ѳедоръ Матвѣевичъ, ты адмиралъ и кавалеръ, какъ же ты вбиваешь сваи“?—„Государь“, отвѣчалъ Апраксинъ, „здѣсь бьютъ сваи мои племянники и внучата, а я что за человѣкъ? Какое имѣю въ родѣ преимущество“? (Б.—Каменскаго Словарь: Т. I. стр. 58).

Мы видѣли, какъ вели себя молодые русскіе дворяне, посланные въ науку заграницу. Туго учились они и въ русскихъ школахъ. Оторванные отъ деревенскаго приволья, гдѣ до 18 лѣтняго возраста считали ихъ дѣтьми малыми—неразумными, которымъ нянюшки и дядьки изъ холоповъ, вбивали въ голову барскую спѣсь и презрѣніе къ труду, какъ дѣлу холопскому, какъ могли они трудиться въ школахъ и учиться наукамъ? Нѣкоторые изъ нихъ въ деревнѣ хаживали на медвѣдя, другіе тѣшились кулачными боями, а иные попривыкли и къ чарочкѣ: удивительно ли, что въ школахъ по два дни ихъ сѣкли батогами, истязали кошками? (Веселаго: Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса—цитата изъ Пекарскаго).

Преемники Петра, хотя съ меньшей энергіей, но продолжали его заботы объ ученіи шляхетства. Объ этомъ мы встрѣчаемъ указъ Екатерины I (П. С. № 4.863), но особенно заботится о томъ Анна Іоанновна или, правильнѣе сказать, ея великій пособникъ—Минихъ. Число

школъ въ губерніяхъ было увеличено, и малолѣтки-дворяне обучались въ нихъ кромѣ грамоты и наукъ, воинской экзерциціи, а которые изъ нихъ были бѣдны, тѣмъ при школахъ выдавалось жалованье, противъ солдатскихъ дѣтей (П. С. № 6.949). Учрежденъ былъ на опредѣленное число дворянскихъ дѣтей сухопутный шляхетный корпусъ. Образована артиллерійская школа, въ которую герольдмейстеромъ представлено 700 человѣкъ дворянскихъ дѣтей (Данилова: стр. 30). Мы видѣли, что по закону 1737 г., опредѣлившему порядокъ явки на смотръ дворянскихъ недорослей, на второмъ смотрѣ, въ 12 лѣтъ, они должны были знать чтеніе и письмо; на третьемъ, въ 16 лѣтъ, кромѣ закона и артикуловъ православной вѣры—ариѳметику и геометрію. Родители, желавшіе и имѣвшіе средства продолжать обученіе дѣтей дома, могли брать ихъ къ себѣ и съ третьяго смотра, а иначе шляхетскіе недоросли отдавались въ академію, въ которой обучались географіи, фортификаціи и исторіи. Невыучившіеся до 3-го смотра ариѳметикѣ и геометріи, отдавались безъ выслуги въ матросы (П. С. № 7.170 и др.). Но исполняли ли родители требованія закона 1737 г.? Въ 1743 г. синодъ сообщилъ вѣдѣніемъ сенату, что россійскіе дворяне (и прочихъ чиновъ люди) дѣтей своихъ обучаютъ только часовнику и псалтыри а не катехизису. Отчего дворянскія дѣти не знаютъ основаній православной вѣры. Родителямъ вмѣнено въ обязанность обучать своихъ дѣтей катехизису, а за неисполненіе этой обязанности велѣно въ губерніи губернаторамъ, а въ провинціяхъ воеводамъ брать штрафъ — за каждаго человѣка изъ шляхетства по 10 руб., а прочихъ — по 2 руб. (П. С. № 8.726).

Съ учрежденіемъ московскаго университета, произошла коллизія между обязанностію службы и обученія. Коллизія эта, благодаря участію Ив. Ив. Шувалова, разрѣшилась въ пользу образованія. „Главное препятствіе въ достиженіи способныхъ людей по моему мнѣнію“, доносилъ сенату первый кураторъ московскаго университета „состоитъ въ томъ, что дворянскія дѣти

въ такихъ лѣтахъ, когда должно приготовляться, чтобъ быть годными къ службѣ, во оную вступаютъ, имѣя многіе способы происходить по случаю, а не по достоинству“ (Чтенія: кн. 3-я, 1858).

Ходатайство Шувалова было уважено, и дворянскіе недоросли, записанные въ полки солдатами, *отпущались* въ императорскій московскій университетъ для обученія наукъ: такъ напр. ф.-Визинъ, записанный 10 лѣтъ въ семеновскій полкъ солдатомъ, въ томъ же, 1754 году, *отпущенъ* былъ въ университетъ. Въ полку за обученіе производили его въ чины, а въ университетѣ сдѣлали студентомъ (соч. ф.-Визина; изд. Ефремова стр. 15). Но дворянскіе недоросли, записанные въ полки солдатами, а въ университетъ студентами, во всякое время могли быть потребованы герольдмейстеромъ на службу. Въ 1756 г. московскій университетъ представлялъ сенату, что многіе ученики изъ дворянъ показываютъ склонность къ наукамъ и успѣваютъ въ нихъ. Но большая часть изъ нихъ записаны въ службу въ молодыхъ лѣтахъ, а другимъ приходитъ время записываться, отчего всѣ они принуждены оставлять университетъ, а вслѣдствіе этого и нельзя ожидать, чтобъ изъ благородныхъ вышли люди ученые. Московскій университетъ предлагалъ сообщить въ герольдію объ ученикахъ-дворянахъ, записавшихся въ университетъ, чтобъ герольдія дозволила имъ учиться, до-сколькихъ лѣтъ сенатъ заблагоразсудитъ. А чтобъ тѣ, которымъ разрѣшено продолжать ученіе въ университетѣ, не могли отбывать ни отъ службы, ни отъ ученія — московскій университетъ долженъ сноситься о нихъ съ герольдіей. Для тѣхъ же, которые состоятъ въ дѣйствительной службѣ, но желаютъ продолжать ученіе въ университетѣ, постановить, чтобъ старшинство ихъ наблюдалось и въ повышеніяхъ ихъ не обходили, дабы они не потеряли въ полкахъ свое произвожденіе. Уважая это представленіе, сенатъ приказалъ: въ университетъ принимать шляхетскихъ недорослей, по желанію ихъ, отъ 7 до 8 лѣтъ, которые уже были на смотрахъ. О числѣ принятыхъ и вновь вступающихъ сообщать въ герольдію.

А недорослямъ дозволить учиться въ университетѣ до 16 и даже до 20 лѣтъ; а которые захотятъ быть долѣе 20 лѣтъ, о такихъ докладывать сенату. А обучающихся недорослей, которые записаны по военной или гражданской службѣ, производствомъ въ чины не обходить (П. С. № 10.558). Вотъ историческое основаніе тѣхъ классовъ, которые даются воспитанникамъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Несмотря на обязательное обученіе шляхетства, грамотность между нимъ распространялась туго. Конечно, между высшимъ дворянствомъ выводились уже въ 18 вѣкѣ такіе не *студерованные* и *грамотѣ неученые*, какіе были между боярами временъ Котошихина (стр. 19). Впрочемъ, о степени образованія нѣкоторыхъ нашихъ сановниковъ первой половинны 18 в. можемъ сдѣлать заключеніе по одному указу конца царствованія Анны Іоанновны. Въ 1737 г. повелѣно было всѣмъ кадетамъ дважды въ годъ производить экзамены, въ присутствіи одного сенатора. Когда въ 1740 г. наступилъ срокъ этихъ экзаменовъ, то сенатъ назначилъ присутствовать при нихъ одному сенатору, старшему чиномъ, генералъ-аншефу Чернышеву. Но генералъ-аншефъ Чернышевъ, *подобно прочимъ сенаторамъ, за необученіемъ другимъ наукамъ, кромѣ военной экзерциціи*, при экзаменѣ могъ быть только безполезенъ; тайный же совѣтникъ Нарышкинъ, *единственный членъ сената, къ этому дѣлу способный*, былъ занятъ другими дѣлами. Вслѣдствіе этого, сенатъ представилъ государынѣ о назначеніи къ присутствію на экзаменахъ болѣе компетентныхъ лицъ. Высочайшая резолюція постановила: производить впредь экзамены генералъ-фельдмаршалу Миниху и учителямъ де-сіансъ, адмиралтейской и инженерной школы, а сенаторовъ къ тому не употреблять (П. С. № 8.253). Предсѣдатель олонецкаго в. з. суда, полковникъ Николай Тутолминъ, котораго зналъ Державинъ въ 1785 г., по свидѣтельству его, худо разумѣлъ грамоту (Записки Державина, стр. 256). Еще ниже было образованіе женщины въ высшемъ кругу дворянства: въ 18 в. нетрудно было встрѣтить женщину въ самомъ богатомъ дворян-

скомъ семействѣ, едва грамотную и даже вовсе неграмотную. Такъ напримѣръ бабка Энгельгардта, имѣвшая болѣе тысячи душъ, едва умѣла читать и писать по русски (Записки Энгельг., стр. 3). Воззрѣніе на образованіе рядоваго дворянства охарактеризовалъ ф.-Визинъ въ своемъ Недорослѣ. Дворянство это впрочемъ, не имѣло средствъ, еслибъ даже и была его добрая воля, получать хорошее образованіе: учебныхъ заведеній было мало, педагогическія средства ихъ были крайне печальныя: извѣстны тѣ учителя новооткрытой московской гимназіи, у которыхъ учился ф.-Визинъ— они запивали смертную чашу, часто не позволявшую имъ являться на уроки; извѣстенъ его разсказъ о символическихъ пуговицахъ на кафтанѣ его учителя, знаменующихъ 5 склоненій и 4 пуговицахъ на камзолѣ, знаменующихъ 4 спряженія (Соч. ф.-Визина въ изд. Ефремова: стр. XI). Учителя цифирныхъ и геометрическихъ школъ были и того хуже. О домашнихъ педагогахъ говорить нечего: это были личности вродѣ пономаря Брудастаго, изображаемаго въ запискахъ артиллеріи майора Данилова (стр. 38), или артиллеріи штыкъ—юнкера Полетаева, съ которымъ мы встрѣчаемся въ запискахъ Державина (стр. 10), или вродѣ тѣхъ иностранныхъ мадамовъ и гувернеровъ, которые въ своемъ отечествѣ были горничными и лакеями, а въ Россіи занимались болѣе уличною торговлею, чѣмъ преподаваніемъ, о которыхъ говоритъ одинъ указъ 1756 г. (П. С. № 10.543). Многія дворянскія дѣти вначалѣ 18 в. грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а многія и вовсе ее не разумѣли: на челобитной, поданной Ларіономъ Линевымъ въ вотчинную коллегію, въ 1721 г., о передачѣ недвижимаго имѣнія въ наслѣдіе сыну, вмѣсто неграмотнаго просителя, руку приложилъ посторонній (П. С. № 5.658).

Много неграмотныхъ дворянъ мы встрѣчаемъ даже во второй половинѣ 18 вѣка. Несомнѣннымъ доказательствомъ тому могутъ служить наказы дворянскимъ депутатамъ коммисіи 1767 г. Почти въ каждомъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ нѣсколько неграмотныхъ дворянъ,

въ чинахъ подпоручика, прапорщика, даже капитана, не говоря уже о вахмистрахъ и солдатахъ[68]). Для примѣра мы укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ наказовъ. Подъ московскимъ наказомъ и *полной мочію*, данными московскому депутату Петру Ивановичу Панину, неграмотныхъ дворянъ мы не встрѣчаемъ—но они подписаны цвѣтомъ русскаго дворянства. Подъ боровскимъ наказомъ 3 подписи другихъ лицъ по-прошенію; въ костромскомъ наказѣ, вмѣсто 9 дворянъ, по неумѣнію ихъ грамотѣ, подписался подпоручикъ Иванъ Ашитковъ; въ михайловскомъ 8 подписей постороннихъ лицъ по прошенію; въ судиславскомъ 11 постороннихъ подписей, по неумѣнію грамотѣ; въ медынскомъ 8 неграмотныхъ; въ любимскомъ 9; въ ярославскомъ 4 и т. д. (См. 30 дворянскихъ наказовъ въ Сб. р. ист. общ., Т. IV).

При такомъ множествѣ неграмотныхъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи наказовъ, удивляешься тѣмъ зрѣлымъ и здравымъ понятіямъ шляхетства о своихъ нуждахъ, о потребностяхъ другихъ классовъ, о вопросахъ государственныхъ, съ которыми мы иногда встрѣчаемся и въ наказахъ и въ депутатскихъ заявленіяхъ. Правда, попадаются и такіе наказы, какъ напримѣръ юрьевскаго уѣзда владимірской губ., въ которомъ дворянство сознается, что оно по *скудоумію своему* не можетъ сдѣлать никакихъ представленій о общихъ нуждахъ, кромѣ того, что имѣются по формѣ судовъ великія продолженія; или какъ кадыковскаго дворянства костромской губ., въ которомъ оно выставляетъ главнымъ образомъ на видъ неудобства закона 1765 г., запрещающаго привозить въ города вино и водку, отчего дворянство, имѣя штабъ и оберъ-офицерскіе чины, принуждено покупать вино въ питейныхъ домахъ съ непристойнымъ запахомъ и специями, что *противно характеру дворянства*. Но это исключеніе. Большая же часть наказовъ, *несмотря на непривычку дворянъ въ семъ упражненіи*, какъ выражается тульское шляхетство, составлены съ большимъ разумѣніемъ и основательностію. Для объясненія этого противорѣчія,

не забудемъ, что коммисія 1767 г. вызвала къ дѣятельности лучшія силы нашего общества, что въ составленіи наказовъ принимало участіе не большинство шляхетства, но меньшинство, и притомъ меньшинство, состоявшее изъ такихъ лицъ, какъ Панины, Орловы (особенно Гр. Гр.), Болтинъ, Щербатовъ, Бибиковъ и др. Они-то давали тонъ и направленіе коммисіи, они вѣроятно и составляли наказы. Но на основаніи этихъ наказовъ мы не можемъ дѣлать заключеніе о высокомъ уровнѣ образованія дворянства: даже при Александрѣ I, въ 1801 г., правительство обратило вниманіе на то, что въ полкахъ много дворянъ, неумѣющихъ грамотѣ (П. С. № 19.825).

Что касается малороссійскаго шляхетства, скажемъ мимоходомъ, то по нѣкоторымъ даннымъ мы можемъ судить, что оно стояло на высшей степени образованія. Близость кіево-братской академіи, въ которой получали образованіе многіе шляхтичи, между прочимъ тому содѣйствовала. Генеральный подскарбій Марковичъ, какъ видно изъ его записокъ, очень былъ озабоченъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Въ 1741 г. онъ договорилъ инспектора для нихъ за 8 р., 3 пары сапоговъ и 2 пары чулковъ въ годъ, а въ 1742—иноземца Горна за 30 р. въ годъ для обученія языкамъ нѣмецкому и латинскому. Изъ этихъ же записокъ видно, что генеральный подскарбій имѣлъ и порядочную библіотеку, въ которой были Мильтонъ, Speculum saxonum, политика Аристотеля, лексиконъ Буддея, Ролленъ, читалъ и французскія газеты (стр. 324), сочинялъ латинскимъ діалектомъ (68), *позичалъ* Телемака для прочтенія Дмитрашку (стр. 392) и пр. (Дневн. записки). Степанъ Бутовичъ въ своемъ завѣщаніи 1746 г. приказывалъ сыну своему Петру, „дабы онъ ни въ нѣмецкіе, ни французскіе ученія себе не вдавалъ, пока не выслушаетъ реторики двохъ годъ“ (Зап. черн. статистич. комитета: кн. 2-я стр. 118). Изъ наказовъ малороссійскаго шляхетства видно, что оно нерѣдко посылало своихъ дѣтей для воспитанія заграницу. Въ 1745 г. малороссійская войсковая генеральная канцелярія представляла въ кол-

легію иностранныхъ дѣлъ о дозволеніи дѣтямъ бунчуковаго товарища Андрея Дунина-Барковскаго отправиться въ прусскую землю для обученія, да сыновьямъ генеральнаго подскарбія Ив. Скоропадскаго — въ Бреславль, въ Силезію (П. С. № 9.184). Интересное указаніе на распространеніе просвѣщенія между малороссійскимъ шляхетствомъ мы встрѣчаемъ также въ исторіи бунчуковаго товарища Лаврентія Борозды. Онъ до того былъ пристрастенъ къ чтенію, что, какъ объясняла жена его въ 1754 г., помѣшался отъ многого писанія и излишняго чтенія (Зап. черн. статист. комитета, кн. 2, стр. 71). Черниговское шляхетство въ наказѣ, данномъ своему депутату, генеральному асаулу Ив. Михайл. Скоропадскому, заявило о скудныхъ средствахъ шляхетства для воспитанія дѣтей и о необходимости учрежденія учебныхъ заведеній: дворянскаго корпуса, въ которомъ бы малороссійскимъ дворянамъ можно было научиться всему тому, что „благородному человѣку въ военной и статской службахъ и въ сообществѣ гражданскомъ полезно быть можетъ"; университета или академіи для ученія высшимъ наукамъ и особливой домъ воспитанія для женскаго пола; глуховское шляхетство просило также объ учрежденіи университета; та же просьба встрѣчается и въ наказѣ переяславскаго шляхетства, которое проситъ объ учрежденіи на казенномъ коштѣ изъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ университета въ г. Переяславѣ, „яко сей городъ не послѣдній между первѣйшими малороссійскими городами, въ которомъ состояло и отдѣльное россійское княженіе и совершилось въ немъ первоначальное гетмана Богдана Хмѣльницкаго съ Малой Россіей подданство подъ самодержавіе россійское"; кромѣ того, переяславское шляхетство, по примѣру черниговскаго, просило объ учрежденіи въ Малороссіи шляхетнаго корпуса и воспитательнаго дома для благородныхъ дѣвицъ (Архивъ Судіенка). Въ запискѣ, поданной малороссійскимъ дворянствомъ императору Александру I, въ 1801 г., оно просило объ исполненіи обѣщанія Екатерины II, 1786 г. основать университетъ въ Черниговѣ,

построеніе котораго дворянство предлагало на счетъ дворянской суммы (Чтенія: кн. 1-я на 1865).

Мы видѣли, какъ низокъ былъ уровень образованія нашего дворянства въ 18 вѣкѣ. Въ текущемъ столѣтіи уровень этотъ повышается. Въ царствованіе Александра I господствуетъ военное и пансіонское воспитаніе: изученіемъ *французскаго языка* дворянство приготовлялось служить *въ русской гвардіи*. Съ военнымъ и пансіонскимъ воспитаніемъ при Николаѣ I начинаетъ конкуррировать воспитаніе университетское. Знатное и богатое дворянство, поступая даже въ университеты, выдѣлялось изъ среды студенческаго братства и охраняло себя отъ высокихъ принциповъ университетской науки китайской стѣной сословныхъ и салонныхъ предразсудковъ. Кто не помнитъ весьма недавняго явленія въ средѣ студенческаго братства—раздѣленія его на аристократію и демократію? Первая старалась отдѣлиться отъ товарищей даже внѣшнимъ видомъ: цвѣтомъ воротника, покроемъ фуражки, французскимъ языкомъ, пренебреженіемъ къ наукѣ и т. п. Какъ бы то ни было, образованнѣйшіе члены дворянскаго сословія въ послѣднія десятилѣтія были дѣтьми университетовъ. Вообще же говоря, сословіе en masse не могло похвалиться высокимъ просвѣщеніемъ. Для насъ интересны въ этомъ отношеніи слова одного смоленскаго помѣщика, Кононова, бывшаго въ 40-хъ годахъ предводителемъ дорогобужскаго дворянства, и хорошо знавшаго своихъ собратовъ: „дворянство" говоритъ онъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ къ государю „сохранило гордость, надменность прежнихъ вѣковъ, повидимому образовалось, въ сущности мало. Науки, познанія не составляютъ еще образованія: иной дворянинъ, говорящій на многихъ европейскихъ языкахъ превосходно, толкующій о правахъ человѣчества, внутрь себя есть бояринъ вѣковъ минувшихъ" (Чтенія: кн. 1-я 1863 г.). Подобныя же сужденія объ образованіи дворянства въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія можно найдти и у Гакстгаузена.

IV. Въ 16 и 17 ст. на служиломъ классѣ лежала обязательная служба государству, за которую онъ воз-

награждался помѣстьями и вотчинами. Такимъ образомъ, интересы этого класса раздвоялись—въ одно и то же время онъ являлся классомъ *служилымъ* и *землевладѣльческимъ*. Это раздвоеніе интересовъ служилаго класса имѣло большое вліяніе на его стремленія. Какъ служащій царю, классъ этотъ тяготѣлъ къ Москвѣ: въ Москвѣ былъ дворъ царскій, въ Москвѣ раздавались почести, жаловались чины, изъ Москвы посылали на воеводства и во всякія посылки. Крѣпкой, органической связи съ мѣстностію, съ землей не было: служилый людъ стремился въ Москву. Какъ классъ землевладѣльческій, какъ хозяева своихъ вотчинъ и помѣстій, служилые люди тянулись въ деревни, куда привлекало ихъ и приволье деревенской жизни, и мирныя занятія хозяина, и „лучше быть первымъ въ уѣздѣ, чѣмъ вторымъ въ столицѣ". Этотъ двойственный характеръ нашего служилаго класса, двойственное его стремленіе—отъ окраинъ къ центру и отъ центра къ окраинамъ—прекрасно изображены проф. Градовскимъ въ 10-й главѣ его Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи. Къ концу 17 в. тяготѣніе деревни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе отъ центра къ окраинамъ, осиливаетъ. Царская служба дѣлается тяжеле, деревенская жизнь заманчивѣе—*помѣщикъ* перевѣшиваетъ *воина*. Вотъ почему *огурство*[69]) служилыхъ людей, ихъ *отбываніе* отъ службы, нѣти и побѣги болѣе и болѣе усиливаются, несмотря на строгія наказанія—опалу, батоги, лишеніе имѣній. Въ первомъ крымскомъ походѣ 1687 г. (194) дворянъ и дѣтей боярскихъ оказалось въ нѣтяхъ 1.300 человѣкъ, изъ которыхъ лѣнивѣе всѣхъ были костромичи—ихъ не явилось болѣе 239 человѣкъ (Устрялова: Истор. ц. Петра Великаго, Т. I. стр. 173).

Двойственное движеніе шляхетства продолжается и въ 18 в.: высшее стремится въ столицу, низшее—отбываетъ отъ службы, сказывается въ нѣтяхъ, прячется въ деревни. Въ 1730 г. сенатъ докладывалъ Аннѣ Іоанновнѣ о необходимости учредить въ Москвѣ судный и сыскной приказы, такъ какъ многіе дворяне, имѣющіе

деревни въ другихъ губерніяхъ, живутъ въ Москвѣ (П. С. № 5.621). Абсентеизмъ высшаго дворянства продолжается и по отмѣнѣ обязательной службы: Екатерина II въ своемъ наказѣ жалуется на отсутствіе помѣщиковъ изъ деревень, пренебреженіе ихъ къ хозяйству, развитіе системы оброчнаго управленія имѣніями (П. С. № 12.949. Гл. XII. Р. 269).

Но если высшее шляхетство, по примѣру высшихъ чиновъ 17 в., тянулось въ столицу, чтобы быть на виду двора— у самаго источника всѣхъ благъ земныхъ, то шляхетство рядовое въ 18 в. начинаетъ болѣе и болѣе предпочитать деревенскую жизнь и тяготиться обязательной службой. Указы Петра Великаго и его преемниковъ наполнены угрозами за уклоненіе и *ухоронивание* отъ службы. Въ 1707 г. постановлено брать съ служилыхъ людей, не явившихся на службу съ 1 августа—по 1 сентября, штрафъ по полуполтинѣ со двора, а съ неявившихся по 1-е октября—по полтинѣ, а тѣхъ, которые не явились и послѣ этого срока, бить батогами, сославъ въ Азовъ и отписавъ деревни на государя (П. С. № 2.157). Между знатными и малознатными *огущирками* дѣлали различіе: первыхъ отсылали въ полкъ, взявъ штрафъ, а послѣднихъ наказывали тѣлесно, и затѣмъ уже отсылали въ полкъ за поруками (П. С. № 2.199). Въ 1711 г. дозволено всякому отыскивать и представлять скрывающихся отъ службы, получая за это въ награду деревни тѣхъ, кто отъ службы ухоронивался (П. С. № 2.327, 2.337). Въ томъ же году повелѣно коммендантамъ тѣхъ офицеровъ, которые огурствомъ своимъ не поѣдутъ на службу въ Бѣлгородъ, держать за карауломъ, отписавши ихъ имѣнія на государя. (П. С. № 2.384). Но офицеры все-таки не являлись на службу въ Бѣлгородъ: поэтому, въ 1713 г. повелѣно было всякому ловить ихъ и приводить въ Москвѣ въ канцелярію сената, а въ городахъ къ коммендантамъ, и держать ихъ въ тюрьмѣ, а сыщикамъ обѣщена награда—10 р. съ человѣка (П. С. № 2.685). Если же отъ высылки на смотръ укрывались недоросли, то у нихъ, или у тѣхъ, у кого они въ домахъ жили,

отписывались деревни (П. С. № 2.625). Въ 1714 г. объявлено всѣмъ дворянамъ отъ 10—30 лѣтъ, чтобъ всѣ они явились для записки въ службу и школы до марта будущаго года, а кто не явится, то все имущество его отдать тому, кто объ этомъ извѣститъ государя, хотя бы извѣститель былъ и *изъ крѣпостныхъ крестьянъ укрывающагося отъ службы* (П. С. № 2.845). Имена явившихся велѣно было въ 1716 г. напечатать, разослать по губерніямъ и прибить въ городахъ и знатныхъ селахъ, чтобы всѣ вѣдали, кто укрывается отъ службы, и знали, на кого слѣдуетъ доносить (П. С. № 2.988). Но доносителей все-таки являлось мало: Петръ Великій приписывалъ это искусному укрывательству и послабленію правителей губерній и провинцій. Поэтому въ 1721 г. онъ предписалъ: съ укрывателей брать по 100 р. въ годъ штрафа на госпиталь и столько же съ правителей тѣхъ губерній и провинцій, гдѣ отыщутся скрывающіеся недоросли (П. С. № 3.803). Но мѣры эти все-таки не дѣйствовали: въ 1722 г. положенъ былъ послѣдній срокъ для явки недорослей и дворянъ съ угрозою, что ежели кто на тотъ срокъ не явится „таковые будутъ *шельмованы*, и съ добрыми людьми ни въ какое дѣло причтены быть не могутъ, а ежели кто таковыхъ ограбитъ, ранитъ, что у нихъ отыметъ или до-смерти убьетъ, то челобитья не принимать и суда не давать, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе отписаны будутъ на насъ безповоротно". Имена же *нѣтчиковъ* повелѣвалось напечать и прибить на площади на висѣлицѣ, съ барабаннымъ боемъ чрезъ палача „дабы о нихъ всякъ зналъ, яко преслушателей указамъ и равнымъ измѣнникамъ" (П. С. № 3.874, 3.897). Въ 1725 г., по случаю болѣзни Петра, для многолѣтняго его здравія, эти нѣтчики были прощены (П. С. № 4.641). При преемникахъ Петра Великаго преслѣдованія огурщиковъ продолжаются, хотя нѣсколько ослабѣваютъ въ энергіи, а угрозы нѣтчикамъ дѣлаются менѣе строгими. Анна Іоанновна въ 1734 году подтверждаетъ сыскать всѣхъ годныхъ къ службѣ дворянъ и опредѣлить ихъ въ армію, во флотъ и въ артиллерію (П. С. № 6.640).

Въ 1736 г. отчасти возстановляются строгія угрозы Петра Великаго, опредѣляется для явки срокъ 1 января 1737 г., и постановляется о неявившихся и ихъ пристанодержателяхъ доносить самой государынѣ лицамъ всѣхъ званій, *хотя бы то были и крѣпостные укрывающихся*, и доносителямъ отдавать деревни огурщиковъ, а съ пристанодержателей брать такой же штрафъ, какой полагался за передержательство бѣглыхъ крестьянъ—за каждаго человѣка 100 р., половина которыхъ отдавалась доносителю (П. С. № 6.949). Какъ ни строга была эта мѣра, но она не имѣла успѣха: къ герольдмейстеру явилось самое малое число дворянъ. Новое подтвержденіе (П. С. № 7.039). Анна Леопольдовна подтверждаетъ также эти указы въ 1741 году (П. С. № 8.331). Посланнымъ Елизаветой Петровной для производства 2-й ревизіи повелѣно было освидѣтельствовать паспорты у всѣхъ отставныхъ дворянъ и ихъ дѣтей, составивъ имъ списки. А кто изъ дворянъ и недорослей проживалъ въ своихъ деревняхъ безъ паспорта отъ герольдмейстерской конторы, тѣхъ слѣдовало выслать въ контору, взявъ обязательство, что если они на срокъ не явятся, то ихъ имѣніе будетъ отписано въ казну, а сами они вышлются подъ карауломъ (П. С. № 9.013). По указу же 1742 г. недорослей за неявку на смотръ и за необученіе повелѣно записывать въ матросы и солдаты безъ выслуги, а престарѣлыхъ сослать въ Оренбургъ на поселеніе. Въ 1747 г. обѣщано имъ прощеніе, если только они явятся втеченіе года, а въ противномъ случаѣ указъ 1742 г. долженъ быть примѣненъ къ нимъ во всей его строгости (П. С. № 9.465). Въ 1754 г. повторена угроза за неявку: недорослей записывать въ солдаты и матросы, а престарѣлыхъ ссылать въ Оренбургъ на поселеніе. Но въ 1761 г., наканунѣ отмѣны обязательной службы, герольдмейстеръ Квашнинъ-Самаринъ представлялъ государынѣ, что неявившихся дворянъ все-таки много, то чтобъ изъ неявившихся—недорослей писать на службу на 1 годъ солдатомъ, а кто не явится на смотръ до старости, такимъ въ обществѣ ни чина, ни мѣста съ заслуженными не давать, а съ

укрывателями недорослей поступать по прежнимъ указамъ (П. С. № 11.197).

Такимъ образомъ, за уклоненіе отъ службы, огурщикамъ и нѣтчикамъ угрожали строгія наказанія. Но не взирая на то, число ихъ не уменьшалось. Дворяне *отлынивали отъ службы, прохлаждались лежебоками* по своимъ деревнямъ. Современникъ Петра, крестьянинъ Посошковъ, сообщаетъ объ этомъ интересныя свѣдѣнія: „Се бо колико послано указовъ во всѣ городы о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ, и аще коего дворянина и на имя указано выслать, то и того не скоро высылаютъ, но, по старому уложенію, дождався третьяго указу, и буде ничѣмъ отбыть не могутъ, то уже вышлютъ. И въ такомъ ослушаніи, и указовъ царскаго величества въ презрѣніи, иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали...“ „Тѣмъ прежнимъ указомъ“, продолжаетъ Посошковъ, „такъ дворяны избалованы: въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Макеевъ сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой и одною ногой не бывалъ, и какія посылки жестокія по него ни бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзитъ, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь, или возложитъ на себя юродство, и въ озерѣ по бородѣ попуститъ. И за такимъ его пронырствомъ иніи и съ дороги отпущали, а егда изъ глазъ у посыльщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложитъ, и домой пріѣхавъ, яко левъ рыкаетъ. И аще и никаковыя службы великому государю кромѣ огурства не показалъ, а сосѣды всѣ его боятся; дѣтей у него четыре сына вырощены, и меньшему его есть лѣтъ 17, а по 719 г. никто ихъ въ службу выслать не могъ, а въ томъ 719 году, не вѣмъ, по какому случаю, двухъ его сыновъ записали въ службу. Обаче всѣ записные и незаписные большую половину дома живутъ; а какимъ способомъ живутъ, то я не могу сказать“.

„И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество дворянъ вѣки свои проживаютъ: въ Алексинскомъ уѣздѣ видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева

сына Золотарева. Дома сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козы. Въ крымскомъ походѣ не могъ онъ отбыть, чтобъ нейтить на службу, то онъ послалъ вмѣсто себя убогаго дворянина, прозваніемъ Тимирязева, и далъ ему лошадь да человѣка своего; то онъ его именемъ и былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ, и по деревнямъ четверикомъ разъѣзжалъ, и сосѣдей своихъ разорялъ" (Посошкова: о скудости и богатствѣ, стр. 89).

Отлынивали отъ службы не одни городовые дворяне, но и царедворцы: они придумывали себѣ наряды на разныя другія службы въ военную пору. Для бѣдныхъ дворянъ, конечно, труднѣе было съѣхать со службы, чѣмъ для богатыхъ. Посошковъ указываетъ на причину: „всѣ правители дворянскаго чина своей братьи знатнымъ наровятъ, и власть имутъ и дерзновеніе только надъ самыми маломочными людьми, а нарочитымъ дворянамъ не смѣютъ и слова воспретительно изрещи". Притомъ, богатому дворянину легко было откупиться; легко было *угобзить дарами* начальствующихъ: „полковые воеводы и полковники скупы съ нихъ брали". Это хорошо разъясняетъ маіоръ Даниловъ въ своихъ Запискахъ: „Зять мой Астафьевъ, получа большое наслѣдство, не прилежно сталъ уже въ полку служить; а какъ въ тогдашнее время отставки отъ службы не было, или трудно ее получить было, то онъ нашелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуски за *малые деревенскіе гостинцы.* Секретарь доволенъ былъ, когда за пашпортъ получитъ душекъ двѣнадцать мужеска пола съ женами и дѣтьми съ обязательствамъ таковымъ, когда зять мой Астафьевъ на срокъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезетъ, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою къ двѣнадцати душамъ. Чтобъ не потерять дружбы, таковымъ полезнымъ отъ секретаря отпускомъ зять мой пользовался каждый годъ по договору. Случалось мнѣ и то видѣть самому, при самомъ уже его въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставятъ у него писари полковые и ротные постели и подушекъ, хотя

онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ: и то вытаскивали изъ подъ него и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Странное видѣніе было сихъ безстыдныхъ подлецовъ. Полковой писарь былъ гораздо совѣстнѣе секретаря своего: онъ бралъ только по одному человѣку за пашпортъ" (стр. 34). Но не всѣ могли купить деревенскій покой и свободу отъ службы скупомъ, малыми деревенскими гостинцами, а покоя и свободы куда какъ хотѣлось. Прибѣгали къ другимъ средствамъ: чтобы отбыть отъ службы, записывались въ школы. Такъ напримѣръ въ 1715 г. для этой цѣли записалось 180 человѣкъ въ славяно-латинскую академію (Соловьева: Т. XVII, стр. 306). Но если Петръ Великій, какъ мы видѣли, не останавливался предъ стѣнами монастыря, то тѣмъ менѣе его могли остановить стѣны школы. Изловчались на другіе выходы: записывались въ купечество (П. С. № 6.945), а иные поступали въ дворовые къ помѣщикамъ, переходили изъ одного города въ другой, чтобъ только утаить свое дворянское званіе (П. С. № 6.949).

Мы привели довольно фактовъ, чтобъ показать, какъ дворянство тяготилось обязательной службой, какъ въ *дворянинъ-воинъ* и царскомъ слугѣ постепенно выросталъ *дворянинъ-помѣщикъ* и обыватель уѣзда. Неудивительно, что какъ только обстоятельства позволили шляхетству заговорить о своихъ нуждахъ и желаніяхъ—вниманіе его остановилось на облегченіи обязательной службы. Въ 17 в. служилые люди, созданные государствомъ для своей службы, и помыслить не могли не только объ освобожденіи отъ нея, но даже о какомъ-нибудь ограниченіи ея. Не промолвило объ этомъ ни слова шляхетство и при Петрѣ Великомъ, который ежечасно ему твердилъ, что служба государству—первѣйшая его обязанность, *ради которой оно благородно и отлично отъ подлости.* Впервые критически отнеслось дворянство къ своей обязательной службѣ при выборѣ на престолъ Анны Іоанновны: въ мнѣніяхъ (Мусина-Пушкина), поданныхъ тогда шляхетствомъ въ в. т. с., заявлено было о необходимости ограничить срокъ шляхетской службы 20 годами (Соловьева: Т. XIX, стр. 256). Инте-

ресно мнѣніе Волынскаго объ этомъ требованіи шляхетства. „Еще же слышно“, писалъ онъ Салтыкову изъ Казани, „что дѣлается воля къ службѣ; и правда, что въ неволю служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно вамъ, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ, и для того, если никотораго принужденія не будетъ, то, конечно, и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ чрезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ, развѣ останутся одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить, и съ тое чести надлежащія мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею насаживать непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинской порядокъ у себя конечно потеряемъ... Еще же и то, ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое шляхетство, то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкой будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а прочіе большая часть разбоями и грабежами прибылей себѣ искать станутъ, и воровскіе пристани у себе въ домахъ держать будутъ; и для того хотябъ и выпускали, однакожъ, по моему мнѣнію, развѣ съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ за кѣмъ было 50, а по послѣдней мѣрѣ 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ, и молодые и шаткіе свои лѣта пробылъ подъ страхомъ, а не на своей волѣ прожилъ“ (Дѣло Салникѣево. Чтенія 1868 г. кн. 3-ья). Это характерное мнѣніе Волынскаго, что по-отмѣнѣ обязательной службы никто изъ шляхетства не захочетъ служить, но *всякъ будетъ лежать въ своемъ домѣ*, напоминаетъ мнѣніе тѣхъ помѣщиковъ, которые думали, что по отмѣнѣ крѣпостного права не найдется рабочихъ рукъ для обработки земель.

Но обязательная служба такъ слилась съ шляхетствомъ, что даже послѣ освобожденія отъ нея кашинское дворянство въ наказѣ своему депутату въ коммисію 1767 г. требовало, чтобъ каждый дворянинъ неотмѣнно

служилъ отечеству 10 лѣтъ, по прошествіи которыхъ могъ подать въ отставку (Сб. Р. Ист. общ., Т. IV стр. 459).

Итакъ, вопросъ объ ограниченіи срока обязательной службы былъ возбужденъ шляхетствомъ, при избраніи на престолъ Анны Іоанновны. Вскорѣ по вступленіи ея на престолъ, назначена воинская коммисія, которая должна была изыскать лучшіе способы къ укомплектованію новообразуемыхъ кирасирскихъ полковъ. Во-главѣ этой коммисіи былъ поставленъ Минихъ. Коммисія вопросъ объ укомплектованіи кирасирскихъ полковъ связала съ вопросомъ объ ограниченіи службы. Въ 1731 г. она представляла сенату: молодое шляхетство должно служить только урочные годы, по-прошествіи которыхъ оно можетъ получить абшитъ, съ повышеніемъ однимъ рангомъ. Если отецъ какого-нибудь сына, или нераздѣленные братья какого-нибудь брата, захотятъ оставить въ домѣ для экономіи, то таковые оставляемые должны прослужить шесть, а прочіе 25 лѣтъ. Послѣ этихъ лѣтъ обязательной службы, кто захочетъ получить абшитъ, долженъ представить въ кирасирскіе полки изъ своихъ людей и лошадей: кто прослужитъ 6 лѣтъ долженъ представить въ кирасирскіе полки изъ своихъ дворовыхъ людей одного человѣка и одну лошадь съ сѣдломъ и уборомъ, а ежели кто дать людей и лошадей не похочетъ, тотъ долженъ заплатить въ полковую казну кирасирскихъ полковъ деньгами 150 р. Прослужившіе же 25 лѣтъ—получаютъ абшитъ безъ всякаго платежа; а по прослуженіи 12 лѣтъ, если захотятъ выйдти въ отставку — даютъ только одного человѣка.

Расчисленіе это сдѣлано на число душъ менѣе 1.000, а владѣющіе тысячей или болѣе должны дать вдвое. Если отецъ, имѣющій нѣсколько сыновей, пожелаетъ отдать въ 25 лѣтнюю службу только одного изъ нихъ, а другихъ всѣхъ въ шестилѣтнюю, то онъ долженъ отдать въ кирасирскіе полки за каждаго сына по одному человѣку и по одной лошади. Буде, по прослуженіи 6 лѣтъ, сыновья захотятъ служить по 25 лѣтъ, то принятыхъ отъ нихъ людей отпустить въ домы, по-

неже помѣщики ихъ будутъ въ долговременной службѣ сами. Когда же какой-нибудь шляхтичъ пожелаетъ, чтобы дѣти его были свободны отъ всѣхъ службъ и отъ урочныхъ лѣтъ, то онъ долженъ вмѣсто каждаго сына отдать въ кирасирскіе полки по 3 человѣка, съ соотвѣтственнымъ числомъ лошадей. На представленіе коммисіи сенатъ отвѣчалъ:... „Урочныхъ лѣтъ опредѣлять не надлежитъ, для того знатнаго шляхетства дѣти, которые за собою деревень, также и пожитку имѣютъ довольное число, никогда волею своею въ службу не пойдутъ, но съ охотою давать вмѣсто себя людей и лошадей съ уборомъ, а сами будутъ жить дома во всякой праздности и лѣности и безъ всякихъ добрыхъ наукъ и обхожденія; а которые столько людей и лошадей вмѣсто себя дать не могутъ, то хотя и будутъ въ службу опредѣляться, но только на 6 лѣтъ, а потомъ, пожелая быть въ праздности жъ, хотя послѣднія деревни продастъ, да заплатитъ за себя въ кирасирской полкъ 150 р.; а до тѣхъ урочныхъ лѣтъ въ службѣ развѣ одни такіе будутъ, которые самые убогіе, и отъ той службы откупиться будетъ не чѣмъ... а нынѣ изъ отставныхъ отъ воинской службы многіе по усмотрѣніямъ годные къ гражданскимъ дѣламъ опредѣляются, а когда же съ вышеписанною заплатою отъ воинской службы отставлено будетъ, то уже къ гражданскимъ дѣламъ и опредѣлять ихъ не можно“ (П. С. Штаты в. сухопутные стр. 80).

Вопросъ объ урочныхъ лѣтахъ былъ, такимъ образомъ, отложенъ, но не оставленъ. Въ манифестѣ 31 декабря 1736 г. возвратились къ требованію шляхетства 1730 г. и къ предложенію воинской коммисіи 1731 г.: урочныя лѣта были ограничены, но не 20, какъ требовало шляхетство, а 25, какъ предлагала коммисія; были приняты и другіе пункты представленія послѣдней: одинъ изъ сыновей или братьевъ могъ остаться при экономіи, за абшитъ—поставка рекрутъ (П. С. № 7.142). Манштейнъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что манифестъ 31 декабря былъ предложенъ Минихомъ (р. 103): Минихъ стоялъ, какъ мы видѣли, и во главѣ воинской

коммисіи 1731 г. Едва успѣли издать этотъ манифестъ, какъ начали сбываться пророчество Волынскаго и опасенія сената: болѣе половины офицеровъ подали въ отставку. Молодые дворяне, едва достигшіе 30 лѣтъ и записанные въ полки съ 10 или 12 лѣтъ, начали хлопотать объ увольненіи отъ службы, между ними были многіе гроша неимѣющіе, которые предпочитали собственными руками пахать поле, лишь бы не служить въ арміи. На Миниха посыпались упреки кабинета, и отставка служащему шляхетству генерально была пріостановлена, пока въ 1740 г. (П. С. № 8.021), а особенно при Елизаветѣ Петровнѣ (П. С. № 8.683), манифестъ не былъ возстановленъ въ своей силѣ.

Это былъ первый шагъ на пути освобожденія шляхетства отъ обязательной службы. Второй и окончательный былъ сдѣланъ при Петрѣ III. Ив. Ив. Шуваловъ уже въ 1750 г., проектируя нѣкоторые „фундаментальные и непремѣнные“ законы, думалъ объ облегченіи своихъ односословниковъ отъ ига обязательной службы. Мысль эта занимала и братьевъ Воронцовыхъ, и Мельгунова, товарища и друга Ив. Ив. Шувалова, и Волкова. Всѣ эти лица со второй половины царствованія Елизаветы Петровны были весьма близки къ великому князю, который еще за нѣсколько лѣтъ до своего восшествія на престолъ, какъ свидѣтельствуетъ его воспитатель Штелинъ, весьма часто говорилъ о необходимости даровать дворянству свободу отъ обязательной службы и право выѣзда заграницу. По вступленіи же на престолъ, Петръ III съ перваго дня своего царствованія началъ увольнять въ отставку значительное число дворянъ: съ 25 по 31 декабря изъ однихъ 4 гвардейскихъ полковъ было уволено имъ болѣе 170 человѣкъ (Семевскаго: Шесть мѣсяцевъ изъ русской ист., Отеч. З. авг. 1867 г.). *Вытверживанія* гр. Романа Ларіоновича Воронцова о дарованіи дворянству вольности отъ службы продолжались (кн. Щербатовъ), и 18 февр. 1762 г. изданъ былъ манифестъ о *дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству*. Кн. Щербатовъ въ своемъ памфлетѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ слѣдующимъ

образомъ разсказываетъ исторію составленія этого достопамятнаго манифеста: „Имѣлъ государь любовницу, дурную и глупую гр. Елизавету Романовну Воронцову; но ею, взошедъ на престолъ, онъ доволенъ не былъ; а вскорѣ всѣ хорошія женщины подъ его вожделеніе подвергнуты были... Кн. Елена Степановна Куракина была привожена къ нему на ночь А. Л. Нарышкинымъ... Примѣчательна для Россіи сія ночь, какъ разсказывалъ мнѣ Дм. Вас. Волковъ, тогда бывшій его секретаремъ. Петръ III, дабы сокрыть отъ гр. Елизаветы Романовны, что онъ въ сію ночь будетъ веселиться съ новопривозною, сказалъ при ней Волкову, что онъ имѣетъ съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіи извѣстнаго имъ важнаго дѣла вразсужденіи благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошелъ веселиться съ Куракиной, сказавъ Волкову, чтобы онъ къ завтрему какое знатное узаконеніе написалъ, и былъ запертъ въ пустую комнату съ датскою собакою. Волковъ... не зналъ о чемъ писать, а писать надобно. Но какъ онъ былъ человѣкъ догадливый, то вспомнилъ нерѣдкія вытверженія государю отъ гр. Романа Ларіоновича Воронцова о вольности дворянства; сѣвши написалъ манифестъ о семъ. Поутру его изъ заключенія выпустили, и манифестъ былъ государемъ апробованъ и обнародованъ“ (стр. 77). Мы видѣли, какъ мысль объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы постепенно зрѣла, какъ мало по малу приспѣвало время ея осуществленія. Разсказъ Щербатова болѣе желченъ, чѣмъ правдоподобенъ. Г. Семевскій, въ изслѣдованіи котораго о царствованіи Петра III нельзя также не замѣтить предвзятой мысли возвеличить во что бы то ни стало несчастнаго императора—г. Семевскій, говоримъ, имѣлъ право на основаніи приводимыхъ имъ аргументовъ усомниться въ истинѣ свидѣтельства кн. Щербатова. Аргументы эти: мысль манифеста 18 февраля 1762 г. была заявлена сенату уже 17 янв., а самый манифестъ былъ сочиненъ не Волковымъ, который никогда не приписывалъ себѣ его, а генералъ-прокуроромъ сената А. И. Глѣбовымъ. Аргументамъ этимъ нельзя

отказать въ полной убѣдительности. И такъ, манифестъ 18 февраля 1762 г., мало по малу подготовляемый самою жизнью, былъ составленъ А. И. Глѣбовымъ. Даровавъ дворянству льготу отъ обязательной службы, во имя которой оно стало выдѣляться изъ другихъ общественныхъ разрядовъ еще въ московскій періодъ, манифестъ этотъ составляетъ эпоху въ исторіи сословія: поистинѣ его можно сравнить съ манифестомъ 19 февраля 1861 г. въ исторіи крѣпостныхъ крестянъ. Подобно послѣднему, освободившему крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, манифестъ 18 февраля 1762 г. освободилъ дворянство отъ лежавшаго на немъ тягла—обязательной службы государству, ставившей его также въ положеніе сословія крѣпостнаго. Онъ составляетъ поворотную точку въ исторіи этого сословія, когда оно изъ *крѣпостнаго служилаго*, какимъ было во все продолженіе своего существованія, превратилось въ *привиллегированное землевладѣльческое*, распавшееся на губернскія дворянскія общества, ставившія по наряду изъ своей среды членовъ мѣстнаго суда и полиціи. Онъ окончательно опредѣлилъ то положеніе дворянъ въ государствѣ, какое сохранили они до нашихъ дней—до великихъ реформъ великаго царствующаго монарха, который льготу отъ крѣпостной зависимости распространилъ на преобладающую въ государствѣ массу земледѣльческаго населенія.

Мы разсмотримъ содержаніе этого основнаго законодательнаго памятника. Манифестъ 18 февраля 1762 г. жалуетъ на вѣчныя времена всему россійскому благородному дворянству *свободу* и *вольность*. Послѣдствія дворянской свободы и вольности состоять въ слѣдующемъ:

1. Служащіе дворяне могутъ службу продолжать или оставлять по своему благоусмотрѣнію. Однакожъ, съ ограниченіями: служащіе по военной части не могутъ просить отставки или отпуска ни во время кампаніи, ни за три мѣсяца предъ открытіемъ ея. Служащіе же въ гражданской службѣ увольняются отъ нея по своему желанію во всякое время—первыхъ 8 классовъ конфир-

маціей государя, а прочихъ низшихъ классовъ своими начальствами. Выходящіе въ отставку награждаются однимъ рангомъ, если только состояли въ прежнемъ болѣе года; переходящіе же изъ военной службы въ статскую повышаются однимъ рангомъ только тогда, когда прослужили 3 года въ прежнемъ.

2. Если дворянинъ, уволенный отъ службы, пожелаетъ отъѣхать въ другія европейскія государства, таковому иностранная коллегія должна давать паспорты безпрепятственно, но съ обязательствомъ, чтобы онъ возвратился въ свое отечество по первому востребованію, подъ штрафомъ секвестра его имѣнія. Пребывающій же въ чужихъ краяхъ можетъ поступить на службу другихъ коронованныхъ главъ, и затѣмъ съ тѣмъ же чиномъ, на который предъявитъ иностранный патентъ, можетъ перейти въ русскую службу.

3. Родителямъ предоставлено право воспитывать дѣтей своихъ, какъ внутри государства—въ училищахъ и домахъ, такъ и заграницей (П. С. № 11.444).

Таковы права, предоставляемыя манифестомъ 18 февраля 1762 г. всему благородному россійскому дворянству и смоленскому шляхетству. Но манифестъ еще удерживаетъ нѣкоторую обязательность, какъ относительно службы, такъ и относительно воспитанія. „Тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли... тѣхъ мы, яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже ко двору нашему пріѣздъ, или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ". Дворяне въ губерніяхъ должны были ежегодно избирать изъ своей среды 50 человѣкъ, изъ которыхъ 30 человѣкъ имѣли состоять при сенатѣ, а 20 при сенатской конторѣ. А дворяне, служащіе въ военной службѣ въ чинахъ менѣе оберъ-офицерскаго, могли увольняться отъ службы только по прослуженіи 12 лѣтъ. Кромѣ всего этого, постановивъ въ § 6, что никто изъ русскихъ дворянъ не будетъ принуждаемъ къ службѣ, ни назначаемъ неволею подчиненными начальствами къ какимъ-нибудь земскимъ

дѣламъ, манифестъ удерживаетъ за монархомъ право призывать дворянъ къ службѣ, когда особливая надобность потребуетъ, но во всякомъ случаѣ не иначе, какъ именнымъ указомъ, за собственноручнымъ подписаніемъ государя. На основаніи этого § манифеста, дворянство призывалось въ ополченіе, что составляло для него *недоброхотное приношеніе себя на алтарь отечества, но обязанность, возложенную закономъ.*

Предоставивъ дворянству воспитывать дѣтей въ домахъ или училищахъ, манифестъ, однакожъ, потребовалъ, чтобы родители, по достиженіи ихъ дѣтьми 12 лѣтъ, объявляли о нихъ въ герольдіи или въ губерніяхъ и провинціяхъ, гдѣ кому поспособнѣе. При этомъ отъ родителей или родственниковъ брали отчеты, чему дѣти до 12 лѣтъ обучены, и гдѣ желаютъ далѣе продолжать науки. Но чтобъ „никто не дерзалъ безъ обученія *пристойныхъ благородному дворянству* наукъ воспитывать“, повелѣно тѣмъ дворянамъ, за коими не болѣе 1.000 душъ крестьянъ, представлять своихъ дѣтей въ кадетскій корпусъ, гдѣ они всему тому, что къ *званію благороднаго дворянства принадлежитъ,* обучаемы будутъ (П. С. № 11.444). Скоро послѣ изданія манифеста, по представленію директора сухопутнаго шляхетнаго корпуса, Ив. Ив. Шувалова, что многіе, поступающіе въ корпусъ недоросли, не могутъ быть приняты за неумѣніемъ грамотѣ, повелѣно опредѣлять таковыхъ въ разныя службы (П. С. № 11.531).

Дворянство приняло манифестъ Петра III о свободѣ и вольности съ восторгомъ. Сенатъ въ полномъ своемъ составѣ отправился къ императору съ просьбой о разрѣшеніи соорудить ему золотую статую. Московское дворянство просило сенаторовъ о допущеніи его предъ ихъ присутствіе „для принесенія нижайшаго и рабскаго всеподданнѣйшаго своего его величеству благодаренія“; благодареніе это было выражено въ рѣчи тайнаго совѣтника П. П. Сумарокова, выбраннаго для этого дворянствомъ. Піиты воспѣвали императора: Ржевскій поднесъ ему оду „въ знакъ благодарности за безпримѣрное и милосердое пожалованье вольностію россій-

скихъ дворянъ", въ которой пѣлъ, что Петръ III „Россіи вольность далъ и далъ ей благоденство"; другая ода была поднесена Нарышкинымъ. (Семевскій). Какъ интересовалось манифестомъ наше высшее дворянство, показываетъ нетерпѣливое желаніе бывшаго тогда заграницей гр. Ив. Гр. Чернышева познакомиться съ его содержаніемъ: „Si l'ordre pour declarer la Noblesse libre" писалъ онъ изъ Вѣны Ив. Ив. Шувалову „est déjà imprime, de grace envoyé la moi" (Р. Арх. № 11 на 1869 г.). Очевидецъ Болотовъ слѣдующими словами своихъ записокъ изображаетъ впечатлѣніе, произведенное манифестомъ на дворянство: „Не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей. Но было чему и радоваться. До того времени, *всероссійское дворянство связано было по рукамъ и по ногамъ;* оно обязано было всенеминуемо служить, и дѣти ихъ, вступая въ военную службу, въ самой еще юности своей, принуждены были продолжать оную во всю свою жизнь и до самой своей старости, или по крайней мѣрѣ до того, покуда сдѣлаются калѣками или за дѣйствительными болѣзнями болѣе служить не въ состояніи". Неудивительно, что Рычковъ, посвящая Петру III одинъ изъ переводовъ своихъ, выражался такъ: „ваше величество любезному и вѣрноподданнѣйшему своему дворянству ту дражайшую свободу даровать благоволили, которой оно отъ начала Россіи не имѣло. Хотябъ благородное и честнѣйшее россійское шляхетство не только золотую, но еслибъ и брилльянтовую статую вашего императорскаго величества на жемчужномъ подножіи въ безсмертной знакъ приснодолжнѣйшей своей благодарности поставило, однако не умирающая память въ сердцахъ перемѣняющихся родовъ россійскаго дворянства болѣе и крѣпче всѣхъ статуй пребудетъ" (Семевскій).

Интересно очень характеризуетъ тогдашній журналъ Живописецъ воззрѣніе уѣзднаго дворянства на

реформу Петра III. Уѣздный дворянинъ пишетъ своему сыну: „Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ ли это слыхалъ, прости Господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать; нельзя у сосѣда и земли отнять... Нѣтъ ста, кто што не говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, што можно вытить изъ службы, да ѣхать за море... А изъ службы тогда хоть и невольно было вытить, такъ были на это лѣкари: отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судьѣ другова, такъ и оставятъ за болѣзнями“ (Ефр. Изд. стр. 92).

Императрица Екатерина II, вскорѣ по восшествіи на престолъ, учредила коммисію при дворѣ, въ составъ которой вошли: гр. Бестужевъ, гетм. Разумовскій, канцлеръ гр. Воронцовъ, д. т. с. кн. Шаховской, об.-гофм. Панинъ, ген.-аншефъ гр. Чернышевъ, кн. Волконскій и ген.-ад. гр. Орловъ, а для содержанія протокола д. ст. сов. Тепловъ. Коммисіи поручено было разсмотрѣть актъ, которымъ Петръ III далъ вольность дворянству и привести его содержаніе въ лучшее совершенство, такъ какъ императрица находила, что этотъ актъ еще болѣе стѣсняетъ свободу, нежели отечественная польза требовать можетъ (П. С. № 11.751). На этомъ основаніи г. Бѣляевъ предполагаетъ, что сила манифеста 1762 г. была пріостановлена и возстановленъ тотъ порядокъ, который существовалъ до Петра III (Бѣляева: Кр. на Руси, стр. 307). Многоуважаемый изслѣдователь въ этомъ случаѣ преувеличиваетъ значеніе пересмотра манифеста 1762 г. коммисіей, назначенной Екатериной II. Задача этой коммисіи, какъ прямо говоритъ указъ о ея назначеніи, состояла не въ ограниченіи вольности дворянства, дарованной ему Петромъ III, но въ ея расширеніи. Правда, современники поняли назначеніе коммисіи такъ же, какъ и г. Бѣляевъ—въ смыслѣ возстановленія обязательной службы, и недоросли изъ дворянъ стали являться къ герольдмейстеру для опредѣленія ихъ въ службу, а другіе съ просьбами объ отпускѣ въ домы для обученія наукъ, увольняемые же отъ военной и гражданской службы

присылались изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ герольдмейстерскую контору. Но сенатъ дважды подтверждалъ силу манифеста о свободѣ отъ службы и обученія (П. С. № 12.610, 12.731), и самымъ явнымъ образомъ въ 1768 г., когда, не взирая на эти подтвержденія, въ герольдмейстерскую контору явились дворянскіе недоросли Стефанъ Нелидовъ и Евстафій Кусаковъ, еще неслужившіе, и подавшіе челобитныя объ увольненіи ихъ въ домы, такъ какъ по болѣзни они не могутъ нести никакой службы. По докладѣ этого дѣла сенату было постановлено: объявить челобитчикамъ, что по силѣ манифеста 1762 г. они могутъ оставаться безъ службы, а паспортовъ выдавать имъ не нужно (П. С. № 13. 087). Хотя и послѣ этого мы встрѣчаемъ принудительную службу дворянъ, но это были злоупотребленія практики, какъ и противозаконные наряды ихъ при Александрѣ I. Такъ, въ запискахъ Лукина мы читаемъ, что когда была съ Портою война въ 1769 г., то онъ былъ сысканъ и взятъ на службу „къ неожидаемой своей печали“ (Р. Арх. ч. 3-й стр. 446). Ямская канцелярія въ 1764 г. требовала также отъ герольдмейстерской конторы о присылкѣ секундъ-майора Аничкина для опредѣленія его въ ямскіе управители (П. С. № 12.280). Воззрѣніе же самой императрицы видно изъ ея письма къ Румянцеву, написаннаго въ самомъ началѣ ея царствованія. Прося великаго полководца оставаться въ службѣ, императрица писала ему: „Не думайте, чтобъ я, противъ желанія вашего, хотѣла симъ принудить къ службѣ; мысль моя отъ того отдалена. Не токмо заслуженный генералъ, но и всякій россійской дворянинъ по своей волѣ диспонируетъ о службѣ и отставкѣ своей, и не то чтобъ я убавить прерогативъ оной хотѣла, оный при всякомъ случаѣ подкрѣплю“... (Вейдемейеръ: Дворъ... Ч. I стр. 14).

Что же касается указа 24 февраля 1774 г., на который ссылается профессоръ Бѣляевъ, то едва ли этимъ указомъ можно подтвердить предположеніе о совершенной отмѣнѣ вольности, дарованной дворянству Петромъ III. Указъ 24 февраля 1774 г. послѣдовалъ

по представленію сенату новгородскаго губернатора Сиверса, вызванному просьбой одной бѣдной дворянки объ предѣленіи дѣтей ея въ новгородскую гарнизонную школу, такъ какъ сама она не имѣла никакихъ средствъ дать имъ образованіе (П. С. № 14.105). Нѣчто подобное относительно воспитанія бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей случалось и при императорѣ Николаѣ, откуда ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать о существованіи при немъ обязательной службы.

Жалованная дворянству грамота вполнѣ и безъ всякихъ ограниченій подтвердила манифестъ 1762 г. Постановленія грамоты, заключающія въ себѣ это подтвержденіе, состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу (§ 17).

2. Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ (§ 18).

3. Подтверждаемъ благороднымъ вступать въ службы прочихъ европейскихъ, Намъ союзныхъ державъ, и выѣзжать въ чужіе краи.

Но слѣдуя § 6 манифеста 1762 г., жалованная грамота удерживаетъ за верховною властію право призывать дворянство на службу, когда потребуетъ надобность. Это изображено въ § 20: „но какъ благородное дворянское названіе и достоинство изстари, нынѣ, да и впредь пріобрѣтается службою и трудами, имперіи и престолу полезными, и существенное состояніе россійскаго дворянства зависимо есть отъ безопасности отечества и престола: и для того во всякое такое россійскому самодержавію нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякой благородной дворянинъ обязанъ по первому призыву отъ самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государства“ (П. С. № 16.187).

Екатерина II свято соблюдала эти постановленія грамоты. Послѣ кончины ея, какъ свидѣтельствуетъ Болотовъ, ничто такъ не озабочивало дворянство, какъ опасеніе, чтобъ не лишиться дарованной Петромъ III вольности (Р. Арх. ч. 2 стр. 692). Опасенія дворянства были не напрасны: новый императоръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ возстановленію обязательной службы. Въ 1797 г. онъ возстановилъ существовавшее при сенатѣ и коллегіяхъ учрежденіе юнкеровъ (П. С. № 17.707, 17.733), но такъ какъ въ эти юнкера, отбывая отъ военной службы, поступали многіе дворяне, то въ 1799 г. предписано было, оставивъ 50 юнкеровъ по старшинству ихъ въ спискѣ, остальныхъ препроводить въ военную коллегію для размѣщенія—съ тѣмъ, что ежели кто изъ нихъ не пожелаетъ опредѣлиться въ военную службу, таковыхъ исключать вовсе изъ службы, не опредѣляя впредь ни къ какой должности (П. С. № 19.002). Вслѣдъ затѣмъ было предписано: никого изъ дворянъ, не служащихъ и желающихъ вступить въ статскую службу, никуда не принимать безъ высочайшаго утвержденія (П. С. № 19.136, 19.672), а въ 1800 г. запрещено принимать въ статскую службу даже вовсе отставныхъ отъ службы военной. Служащіе же въ военной службѣ не могли выходить въ отставку до производства въ офицерскій чинъ (П. С. № 18.729). Дворянство переносило съ глухимъ сдержаннымъ ропотомъ нарушенія его свободы и вольности. Но когда при Александрѣ I явилось маленькое покушеніе на эту вольность, то дворяне заявили громкій протестъ. Покушеніе это, какъ разсказываетъ о немъ Державинъ, состояло въ слѣдующемъ. М. в.-сухопутныхъ силъ Вязмитиновъ докладывалъ государю, что унтеръ-офицеры изъ дворянъ, а особенно поляки, никакъ не хотятъ служить, всячески отбывая отъ службы. Положено было подтвердить указъ Петра III и Екатерины II, чтобъ дворянъ, не выслужившихъ оберъ-офицерскаго чина, прежде 12 лѣтъ службы, въ отставку не увольнять. Въ такомъ смыслѣ 12 декабря 1801 г. и былъ подписанъ указъ, внесенный Вязмитиновымъ въ сенатъ. Весь сенатъ, подъ вліяніемъ

энергическаго протеста гр. Потоцкаго, возсталъ противъ этого указа. Публика, въ особенности въ Москвѣ, гдѣ жило множество дворянъ, съ восторгомъ привѣтствовала гр. Потоцкаго, какъ героя-заступника дворянъ. Напротивъ, Вязмитиновъ и Державинъ—поборники указа, подверглись всякаго рода поруганіямъ (Записки: стр. 462). Тогда то была написана та ода Потоцкому, которая такъ характеризуетъ отношеніе дворянъ къ бюрократіи—*чернильнымъ вранамъ, писцамъ извлеченнымъ изъ праха*, которые, *забывъ униженную породу, рѣшились судить о жребіи дворянъ подпоръ отечества* (Р. Арх. № 7 и 8 на 1869 г.). За исключеніемъ указа 12 декабря 1801 г., который не былъ приведенъ въ исполненіе, при Александрѣ I не было другой попытки нарушить свободу дворянъ отъ обязательной службы. „Бывъ удостовѣренъ въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ дворянства“, Александръ I возстановилъ жалованную грамоту манифестомъ 2 апрѣля 1801 г., и своимъ императорскимъ словомъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ обѣщалъ не нарушать этихъ преимуществъ (П. С. № 19.810, 19.856). Но при его преемникѣ, императорѣ Николаѣ I, несмотря на то, что гражданскимъ губернаторамъ предписано обращать особое вниманіе на охраненіе дворянскихъ правъ (2-е П. С. № 10.303)—произошелъ рядъ нарушеній жалованной дворянству грамоты, болѣе или менѣе существенныхъ. Первое нарушеніе коснулось свободы образованія: въ 1831 г. былъ изданъ указъ сенату о воспитаніи россійскаго юношества предпочтительно въ отечественныхъ заведеніяхъ, по которому „запрещено юношей моложе 18 лѣтъ отправлять заграницу для усовершенствованія въ наукахъ (2-е П. С. № 4.364). Слѣдующее ограниченіе коснулось и права свободнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ: въ 1834 г. срокъ дозволеннаго пребыванія заграницей съ узаконеннымъ паспортомъ былъ ограниченъ для дворянъ 5 годами, а для лицъ прочихъ состояній 3 (2-е П. С. № 5.994). Въ 1837 г. нѣсколько была ограничена и свобода службы: постановлено молодыхъ дворянъ не опредѣлять прямо въ министерства,

пока они не прослужатъ 3 лѣтъ въ мѣстахъ губернскихъ. За такими служащими въ губернскихъ мѣстахъ молодыми дворянами должны были имѣть наблюденіе губернаторы „съ тѣмъ, чтобы они пеклись о сихъ молодыхъ людяхъ не только какъ начальники, но какъ отцы семействъ, коимъ поручаются дѣти благовоспитанныя, для первыхъ шаговъ на поприщѣ службы, и о поведеніи ихъ доносили бы Е. И. В. каждые полгода" (2-е П. С. № 9.894, 10.561). Въ 1840 г. постановленіе это было смягчено для дворянъ, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній съ правомъ на классный чинъ; по прослуженіи одного года въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, если только они оказывали усердіе, они могли поступать на службу въ канцелярію сената съ тѣмъ, чтобъ прослужили въ ней не менѣе 5 лѣтъ. Если же, поступивъ въ сенатскую канцелярію, они не оправдывали сдѣланной о нихъ аттестаціи, то по прежнему обращали ихъ на службу въ губернскія мѣста, гдѣ они обязывались прослужить вновь не менѣе 3 лѣтъ (2-е П. С. № 13.455). Въ томъ же году это распространено и на канцелярію синода (П. С. 2-е № 14.000). Въ 1843 г. предоставлено начальникамъ, обязаннымъ доносить государю о служащихъ молодыхъ дворянахъ, требовать ихъ въ свои канцеляріи для испытанія (2-е П. С. № 16.768). Въ 1851 г. еще болѣе было ограничено право пребыванія въ чужихъ краяхъ: вмѣсто 5 лѣтъ для дворянъ—3 года, а для другихъ состояній 2 года, а за заграничный пассъ положено взымать по 250 р. за полгода (2-е П. С. № 25.307). Ограниченіе свободы службы примѣнено было въ самыхъ широкихъ размѣрахъ къ дворянамъ западныхъ губерній, въ 1852 г., вслѣдствіе тѣхъ политическихъ видовъ, которымъ съ такимъ тактомъ и такъ неуклонно слѣдовалъ императоръ Николай относительно ополяченнаго западно-русскаго дворянства. Еще въ 1829 г., во время пребыванія своего въ подольской губерніи, онъ замѣтилъ уклоненіе тамошнихъ дворянъ отъ службы и изъявилъ желаніе, чтобы они къ ней были пріохочиваемы (2-е П. С. № 3.092). Но, не взирая на высочайшую волю, большая

часть молодыхъ дворянъ западныхъ губерній неправославнаго исповѣданія, особенно зажиточныхъ, чуждались службы. Поэтому, 21 апрѣля 1852 г. для нихъ установлена была обязательная служба и смотры—возстановленъ отчасти тотъ порядокъ, который до 1762 г. существовалъ для всего россійскаго дворянства. Установлено, что сыновья неправославныхъ дворянъ, за которыми не *менѣе ста душъ крестьянъ*, должны непремѣнно поступать въ военную или гражданскую службу, а если они добровольно не поступятъ, то будутъ зачисляемы насильственно, по достиженіи ими 18 лѣтняго возраста. Освобождались отъ службы только единственные сыновья и неспособные къ службѣ по тѣлеснымъ недостаткамъ или слабости здоровья. Для удостовѣренія же въ этомъ генералъ-губернаторы производили лично осмотръ, во время объѣзда ввѣренныхъ имъ губерній, или въ своей резиденціи, ежегодно, до достиженія недорослями 25-лѣтняго возраста. Осмотръ и высылка на службу производились дважды въ годъ: 1 января и 1 іюля. Воспитывающіеся въ гимназіяхъ, университетахъ и другихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ до окончанія ими курса наукъ на службу не высылались, но по окончаніи курса они непремѣнно поступали на службу. Что касается тѣхъ, которые, по отдѣленіи отъ родителей, управляли собственными имѣніями, или вступали въ бракъ, то, несмотря на отрицательное мнѣніе комитета министровъ (см. 2-е П. С. Т. XXVII отд. I стр. 402), по резолюціи государя, они также высылались на службу. Въ военную недоросли принимались или юнкерами по экзамену, или рядовыми на правахъ дворянъ, безъ экзамена; для поступленія же въ гражданскую службу опредѣлены были извѣстныя губерніи (Ib. стр. 667). Добровольно поступившіе въ военную службу, получали отставку по прослуженіи ими 5 лѣтъ, а поступившіе по принужденію—по прослуженіи ими 10 лѣтъ, изъ гражданской же службы отставка давалась по прослуженіи не менѣе 5 лѣтъ (2-е П. С. № 26.190, 26.340, 26.360, 26.532, 26.776). Общей инструкціей генералъ-губернаторамъ 1853 г. предписано имъ

наблюдать вообще, чтобы дворяне во всѣхъ губерніяхъ не находились во вредной праздности, но посвящали бы себя службѣ государственной (2-е П. С. № 27.243 § 6). Сдѣланъ былъ, такимъ образомъ, шагъ къ распространенію обязательной службы на все дворянство Имперіи. И кто знаетъ, къ какимъ мѣрамъ относительно дворянства пришелъ бы энергическій императоръ, если бы дольше прожилъ?

Втеченіе настоящаго царствованія ограниченія свободы службы для дворянства западно-русскаго были отмѣнены (въ 1856 г.), и дворянская грамота возстановлена во всей своей силѣ.

Мы видѣли, что на основаніи § 6 манифеста 1762 г., подтвержденнаго и развитаго § 20 жалованной грамоты, верховная власть сохранила за собою право призывать на службу дворянство, когда того потребуетъ опасность отечества. На этомъ основывалось *право призыва* дворянства въ ополченія, которыя для него были *обязанностію.*

Первый примѣръ ополченія, но только съ мѣстнымъ характеромъ, встрѣчается въ царствованіе Екатерины II. По призыву А. И. Бибикова, дворянство казанской губерніи, для усмиренія Пугачева, снарядило конный корпусъ войскъ, поставивъ по 1 человѣку съ 200 ревизскихъ душъ. Примѣру казанскаго дворянства послѣдовало дворянство симбирское, свіяжское и пензенское, составившее также конные корпуса (З. о жизни А. И. Бибикова, стр. 130). Въ послѣдующія царствованія встрѣчаемъ ополченія въ болѣе широкихъ размѣрахъ. По-случаю войны съ Франціей, 30 ноября 1806 г., изданъ былъ манифестъ о составленіи повсемѣстныхъ ополченій. Составъ командующихъ, какъ губернскимъ земскимъ войскомъ, такъ и тысячными и пятисотенными отрядами, предоставленъ былъ выбору самого дворянства (П. С. № 22.374). Новая война съ Франціей, въ болѣе грозныхъ размѣрахъ, заставила правительство, манифестомъ 6 іюля 1812 г., собрать земское ополченіе, надъ которымъ начальники избирались дворянствомъ

изъ среды самого себя (П. С. № 25.176). Наконецъ, въ войну 1855 г. составлялось также государственное ополченіе, въ которомъ начальники губернскихъ ополченій и офицеры дружинъ избирались дворянствомъ (2-е П. С. № 28.992, 28.993).

Мы высоко цѣнимъ заслуги дворянства предъ отечествомъ, кровь пролитую имъ на его защиту, пожертвованія, на которыя оно не скупилось въ годину испытаній. Въ царствованіе Екатерины II, въ 1789 г., между дворянствомъ устроилась подписка на добровольную отдачу крѣпостныхъ людей въ солдаты: генералъ Еропкинъ доносилъ изъ Москвы, что дворяне серпуховской, подольской и никитской округъ жертвуютъ 143 человѣка людей своихъ на службу, и что графиня Анна Родіоновна Чернышова, находящаяся въ волоколамской округѣ, подписалась поставить съ еропольской вотчины 200, да съ бѣлорусскихъ деревень 500 человѣкъ. Такія предложенія были сдѣланы и дворянствомъ псковскаго уѣзда (Арх. госуд. совѣта: ч. 2-я стр. 35,37). Усердіе дворянъ въ 1806 г. жертвовать своимъ достояніемъ отечеству даже умѣрялось самимъ правительствомъ, предписавшимъ, напримѣръ, вопреки намѣреніямъ дворянства, одѣвать ратниковъ въ обыкновенную крестьянскую одежду, а не въ щегольскую, изъ дорогихъ суконъ (П. С. № 22.390). Гр. Анна Родіоновна Чернышова предложила въ войну 1806 г. вооружить для милиціи на собственный счетъ нѣсколько тысячъ своихъ крестьянъ; гр. Анна Алекс. Орлова-Чесменская сдѣлала значительное пожертвованіе оружія для милиціи; рязанское дворянство оказало пособіе 800 бѣднымъ дворянъ, пожелавшихъ поступить въ военную службу, и т. п. (Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ Варадинова). Въ тяжелую годину 1812 г. дворянство вело себя достойно тѣхъ ожиданій, которыя высказались въ полоцкомъ манифестѣ 6 іюня 1812 г., въ которомъ государь называлъ дворянъ *Пожарскими, спасителями отечества.* Дворянство нѣкоторыхъ губерній, напримѣръ новгородской, поголовно пошло въ ополченіе, такъ, что не могли состояться и дворянскіе выборы (П. С.

№ 25.283). Частнымъ пожертвованіямъ дворянъ и конца не было. Многіе богатые помѣщики предложили на собственный счетъ сформировать цѣлые полки: гр. Салтыковъ—гусарскій, гр. Дмитріевъ-Мамоновъ—конный казачій, камеръ-юнкеръ Гагаринъ—егерскій, а Демидовъ —пѣхотный (Воспоминанія Вигеля, ч. 4-я стр. 35). Не увлеклось общимъ потокомъ патріотическаго движенія только дворянство остзейское—особенно лифляндское: оно отдало въ ополченіе престарѣлыхъ, слабосильныхъ и болѣзненныхъ крестьянъ, почти голыхъ и босыхъ, и поставило старыхъ, негодныхъ лошадей (Р. Старина: май 1870 г.), слѣдуя, вѣроятно, поговоркѣ „на тоби, небоже—що мени не гоже". Мы были свидѣтелями патріотическаго усердія дворянства въ войну съ союзниками. Несомнѣнно, впрочемъ, что патріотическій пылъ тогда былъ значительно слабѣе, чѣмъ въ войну 1812 г. Но тѣмъ не менѣе, дворянство не жалѣло пожертвованій. Въ П. С. З. можно найдти указанія на многія изъ нихъ: дворянство петербургской губерніи предложило стать самому въ ряды войска и жертвовать $^1/_{10}$ часть своихъ доходовъ во все продолженіе войны (2-е П. С. № 28.078); московское предложило также $^1/_{10}$ часть доходовъ (2-е П. С. № 28.303), нижегородское—50.000 ежегодно и предупредило манифестъ о государственномъ ополченіи, предложивъ составить изъ себя ополченіе по-примѣру 1812 г. (2-е П. С. № 28.333, 28.882); астраханское предложило также $^1/_{10}$ часть доходовъ съ своихъ недвижимыхъ имѣній (2-е П. С. № 28.337), а черниговское—собрать въ 5 лѣтъ капиталъ въ 100.000 р. сер., и назвавъ его николаевскимъ, содержать на $^0/_0$ съ него дѣтей и потомковъ тѣхъ воиновъ, которые подвизались тогда за вѣру, царя и отечество (2-е № 28.366) и т. д. Отъ пожертвованій цѣлыхъ дворянскихъ обществъ не отставали отдѣльные его члены: укажемъ на пензенскаго губернскаго предводителя дворянства, статскаго совѣтника Олсуфьева, изъявившаго желаніе жертвовать ежегодно по 1.000 р. сер. во все время войны, и если будетъ нужно, то идти на службу со всѣми своими крестьянами (2-е № 38.980) и м. др.

*

Но, указывая на патріотизмъ дворянства въ годину испытаній родной земли, слѣдуетъ быть справедливыми и не забывать о томъ, что дѣлалось въ это же время и другими классами. Дворянство исчисляло капли своей крови, проливаемой за отечество, записывало приношенія свои отечеству. Но кто исчислялъ цѣлые потоки крови, проливаемой народомъ, кто записывалъ тѣ лепты вдовицы, которыя народъ приносилъ отечеству? Дворянство для увѣковѣченія услугъ, принесенныхъ въ отечественную войну, украшено бронзовою на владимірской лентѣ медалью „крѣпости духа его сообразную“ (П. С. № 25.671), ратники изъ крѣпостныхъ крестьянъ, за свою желѣзную стойкость противъ врага, возвращались въ первобытное крѣпостное состояніе, выгонялись на барщину съ крестомъ на шапкѣ.

Притомъ, говоря объ ополченіяхъ дворянства, историкъ не долженъ забывать и оборотную сторону медали. Не долженъ забывать о подогрѣвающихъ патріотическое чувство манифестахъ и другихъ заботахъ правительства возбудить патріотическое рвеніе дворянства. Ив. Ив. Дмитріевъ, современникъ ополченія 1806 г., разсказываетъ, какъ въ то время предписывалось губернаторамъ объяснять подъ рукою въ дворянскихъ собраніяхъ о необходимости земскаго войска, какъ предписывалось синоду „пещись объ устроеніи благочестиваго негодованія противу врага“, и синодъ распространялъ между прихожанами „колико ополченіе сіе для спасенія отечества необходимо“; какъ, наконецъ, въ каждую область, на которыя была раздѣлена имперія для сбора ополченія, отправлено было по сенатору, получившему инструкцію „стараться узнать образъ общаго мнѣнія, обнаруженный въ собраніяхъ дворянства... руководствовать дворянство личнымъ присутствіемъ въ его собраніяхъ, и безъ всякаго принужденія склонять его къ цѣли общественной пользы, возбуждая гдѣ нужно соревнованіе и внушая довѣренность и уваженіе къ правительству“... (Записки: стр. 153).

Безпристрастный историкъ не долженъ забывать изъ исторіи 1812 г. и такихъ фактовъ: старикъ Лесли,

губернскій предводитель смоленскаго дворянства въ 1812 г., безъ всякаго предварительнаго сообщенія съ своею братіею, предложилъ императору общее ополченіе дворянъ своей губерніи (Чтенія, кн. 1-ая на 1863 г.); костромской губернаторъ Пасынковъ оправдывалъ свое вмѣшательство въ дворянскіе выборы 1812 г., когда шло дѣло объ ополченіи, тѣмъ, что онъ успѣлъ склонить дворянъ дать 2 воиновъ съ 50 душъ, тогда какъ нѣкоторые желали поставить только по одному (2-е П. С. № 588). Притомъ, при многихъ несомнѣнно щедрыхъ пожертвованіяхъ дворянства, какъ видно изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ современниковъ, значительную роль играло *боярское тщеславіе* (Вигель), отъ котораго нерѣдко воздерживало само правительство, запрещая излишнія издержки на одно наружное и безполезное украшеніе войска (П. С. № 22.390).

Не приводя свидѣтельства одного современника о томъ, какъ вело себя дворянство въ годину испытанія 1812 г. (В. Европы: іюнь, 1867 г.), которое намъ представляется слишкомъ уже рѣзкимъ и жолчнымъ, заключимъ рядъ нашихъ печальныхъ, но не безполезныхъ для возстановленія исторической истины воспоминаній, указаніемъ на бунтъ пензенскаго ополченія въ 1812 г. противъ дворянъ-помѣщиковъ. Начальствовавшіе надъ этимъ ополченіемъ дворяне, вмѣсто того, чтобъ заботиться о прокормленіи ратниковъ, сами кормились тѣми суммами, которыя отпускались на продовольствіе мужиковъ-ополченцевъ. Голодающіе приведены были въ отчаяніе, возмутились въ Саранскѣ и Чембарѣ и страшно отомстили своимъ начальникамъ (Воспоминанія Вигеля: ч. 4-ая, стр. 18. Бунтъ военнаго поселенія въ 1831 г. „Записки Шишкина").

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Понятіе личныхъ правъ дворянства развивается послѣ освобожденія его отъ обязательной службы и формулируется въ жалованной грамотѣ, откуда переходитъ въ сводъ.—Значеніе личныхъ правъ дворянства въ исторіи нашего гражданскаго преуспѣянія.—Удовлетворялось ли ими дворянство?—Мнѣніе кн. Щербатова. Екатерины II, иностранныхъ писателей.—Имѣютъ ли личныя права дворянства юридическое основаніе?—Перечисленіе личныхъ правъ.

I. Права и преимущества по службѣ государственной: а) военной.—Производство въ военные чины сначала не обусловливалось никакимъ сословнымъ преимуществомъ.—Запрещенія производить въ офицерскій чинъ малолѣтокъ.—Сословныя преимущества при производствѣ въ первый чинъ начинаются съ Екатерины II, развиваются при Павлѣ и Александрѣ I.—Смягченіе ихъ при Николаѣ.—Отмѣна Милютинымъ.—Привиллегія служить въ гвардіи.—Примѣчаніе къ исторіи военныхъ чиновъ. б) Гражданской службы.—Состояніе лица прежде не препятствовало вступать въ гражданскую службу.—Когда начались ограниченія для нѣкоторыхъ состояній.—Ограниченія эти усиливаются при Екатеринѣ II, которая имъ строго слѣдуетъ.—Изъятія при Павлѣ.—Запутанность вопроса о томъ, какія лица могутъ вступать въ гражданскую службу.—Вопросъ этотъ окончательно разрѣшается при Николаѣ I закономъ 14 октября 1827 г.—Понятіе чина было сначала тождественно съ понятіемъ должности.—Послѣдующее законодательство уклоняется.—Срокъ для производства въ чины впервые въ 1760 г.—Но привиллегія дворянству дается только закономъ 1790 г.—Сроки 1799 г.—Указъ 6 августа 1809 г., вводящій экзамены на чины.—Послѣдствія его.—Протестъ бюрократіи.—Ограниченія и отмѣна.—Положеніе 1834 г.—Общіе сроки по закону 1856 г.—Камергеры и камеръ-юнкеры.—Законъ Сперанскаго о нихъ, вызвавшій негодованіе аристократіи.

II. Свобода отъ тѣлесныхъ наказаній.—Въ московскомъ періодѣ служилые люди всѣхъ чиновъ имъ подлежали.—Если и было отличіе, то количественное, а не качественное.—Политическая программа Крижанича не была исполнена.—Были-ли освобождены бояре и думные люди?—Тѣлесныя наказанія при Петрѣ Великомъ. Освобожденіе отъ пытки.—Имѣло-ли оно значеніе на практикѣ?—Тѣлесныя

наказанія при преемникахъ Петра.—Имъ подвергались наравнѣ съ солдатами изъ другихъ классовъ служащіе въ военной службѣ дворяне.—Иногда принималось во вниманіе, что лицо принадлежитъ къ знатному шляхетству.—Дворянство ничего не видитъ позорнаго въ тѣлесныхъ наказаніяхъ.—Такой взглядъ развивается впослѣдствіи.—Протесты противъ тѣлесныхъ наказаній дворянства.—Что было сдѣлано Екатериной II въ удовлетвореніе имъ до грамоты 1785 г.—Грамота 1785 г. отмѣняетъ тѣлесныя наказанія для дворянъ.—Возстановленіе ихъ Павломъ I. Жалованная грамота возстановляется Александромъ I, а вмѣстѣ съ ней и свобода отъ тѣлесныхъ наказаній.—Послѣдующее законодательство о некованіи дворянъ въ желѣза и о небритіи имъ головъ.

III. Право поземельной собственности и другія имущественныя права дворянства.—Въ 17 ст. поземельное владѣніе обусловливалось службой государству, и могло принадлежать только служилому классу.—Отсюда законодательство 18 в. сдѣлало выводъ, что поземельная собственность можетъ принадлежать только дворянству.—Значеніе слiянія помѣстій съ вотчинами.—Какія лица могли владѣть недвижимыми имуществами?—Поземельная собственность—достояніе одного дворянства.—Основаніе.—Распространеніе на другіе классы, когда уничтожилось это основаніе.—Владѣніе домами.—Лавками.—Фабриками.—Дѣятельность дворянства на поприщѣ промышленности фабричной и мануфактурной.—Пространство правъ на недвижимыя имущества.—Регальныя права.—Право на внутренность земли.—Указъ 1782 г.—Обработка соли.—Право на лѣса.—Распространеніе указа 1782 г.—На угодья (пчеловодство, рыбная ловля, охота).—На мельницы.—Ограниченіе права распоряженія.—Законъ о единонаслѣдіи 1714 г.—Значеніе майората.—Законъ 1714 г. былъ особенно тяжелъ для рядоваго шляхетства, которое всячески старалось его обходить.—Почему вопросъ объ отмѣнѣ этого закона не былъ возбужденъ ни при Екатеринѣ I, ни при Петрѣ II.—Пункты о вотчинныхъ дѣлахъ 1725 г.—Въ кондиціяхъ 1730 отмѣна майората не стояла.—Она была обѣщана в. т. сов., и исполнена Анной Іоанновной.—Жалованная грамота подтверждаетъ свободу распоряженія.—Мѣна имѣній.—Распоряженіе имѣніемъ послѣдняго въ родѣ.—Знатное дворянство желаетъ майората.—Заявленіе московскаго дворянства въ 1767 г.—Право субституцій.—Разрѣшеніе верховной властію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.—Положеніе 1845 г. о заповѣдныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ.—Законъ этотъ только для богатыхъ.—Положеніе 12 декабря 1842 г. о пожалованіи майоратовъ въ западныхъ губерніяхъ.—Конфискація.

IV. Право дворянства на торговлю и другія промышленныя операціи.—Занятія эти были несовмѣстны съ обязанностями служилаго класса и шляхетства.—Какая торговля была дозволена послѣднему?—Взглядъ Екатерины II, выразившійся въ наказѣ.—Мнѣнія дворянства въ 1767 г.—Полемика ф.-Визина съ маркизомъ де-Лассе.—

Отрицательный взглядъ на торговлю не былъ въ крови нашего дворянства. — Винокуреніе и право подрядовъ на поставку вина.— Постановленіе жалованной грамоты. — Грамота эксплицитно не лишаетъ дворянъ права заниматься торговлей.—Дворяне записываются въ гильдіи.—Заключеніе московскаго губернскаго прокурора 1790 г., вслѣдствіе котораго сенатъ окончательно запрещаетъ дворянамъ записку въ гильдіи.— Банкротскій уставъ 1800 г. запрещаетъ вексельныя обязательства. — Вредное вліяніе на торговлю запрещенія заниматься ею дворянамъ.—Законъ 1 января 1807 дозволяетъ записываться во всѣ гильдіи. — Попятный шагъ закона 1824, ограничивающаго только 1-й гильдіей.—Разрѣшеніе министра финансовъ для дворянъ недостаточныхъ.—Законъ 1827 г. возстановляетъ законъ 1807 г.—Позднѣйшія узаконенія о правѣ на подряды и поставки дворянъ.—Значеніе закона 18 февраля 1846 г.—Въ 1862 г. дается право дворянамъ обязываться векселями.

V. Свобода дворянства отъ личныхъ податей. Основаніе ея заключалось въ обязательной службѣ.—Впослѣдствіи основаніемъ сдѣлалась сословная привиллегія.—Ревизіи и ревизскія сказки.—Значеніе закона 1863 г. о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ городскихъ обывателей.—Свобода отъ рекрутской повинности.—Свобода деревенскаго помѣщичьяго дома отъ постоя.—Постою подлежатъ городскіе домы дворянства.—Попытки дворянъ избавить отъ постоя и свои городскіе домы.

VI. Неприкосновенность дворянскаго достоинства.—Чиновная честь до Петра не ограждалась судомъ. Но и тѣлесное наказаніе не лишало царскихъ чиновныхъ людей чести.—При Петрѣ Великомъ шельмованіе и публичное тѣлесное наказаніе начинаютъ позорить и безчестить дворянина.—Неприкосновенность дворянскаго достоинства, охраняемаго судомъ и верховною властію, устанавливается жалованной грамотой.—Преступленія противныя основаніямъ дворянскаго достоинства.—Имѣло-ли дѣйствительное значеніе право дворянства судиться только равными себѣ.

Настоящую главу мы посвящаемъ обозрѣнію *личныхъ правъ* дворянства, въ ихъ историческомъ развитіи. Мы принимаемъ этотъ терминъ дворянской грамоты и свода законовъ, которые противополагаютъ понятіе личныхъ правъ, присвоиваемыхъ каждому дворянину въ отдѣльности, *правамъ общественнымъ*, принадлежащимъ дворянину, какъ члену, входящему въ составъ дворянскаго общества.

Личныя права дворянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ зарождались еще въ московскій періодъ, но они раз-

вываются главнымъ образомъ въ періодъ освобожденія ихъ отъ обязательной службы. Въ предъидущемъ періодѣ на дворянствѣ лежали преимущественно обязанности; въ настоящемъ періодѣ права закрываютъ обязанности. Если до 1762 г. дворянство было *тяглымъ*, *крѣпостнымъ* состояніемъ, отличавшимся отъ другихъ крѣпостныхъ классовъ только родомъ тягла и крѣпости, то съ 1762 г. оно сдѣлалось состояніемъ *привиллегированнымъ*, отличающимся отъ другихъ непривиллегированныхъ классовъ своими правами и преимуществами.

Понятіе личныхъ правъ дворянства, и самое это слово *(личныя преимущества)* въ законодательство наше вводятся жалованной дворянской грамотой 1785 г. [70]). Въ первый разъ въ нашемъ государственномъ строѣ, стоявшемъ на тяглѣ и на повинностяхъ всѣхъ общественныхъ классовъ, появляется классъ людей, личныя права которыхъ признаны и обезпечены закономъ. Въ первый разъ въ нашемъ обществѣ появляется *лицо*, а не *холопъ*—человѣкъ, котораго безъ суда нельзя подвергнуть никакому наказанію, котораго и судъ не можетъ подвергнуть наказанію тѣлесному; котораго безъ суда нельзя лишить имущества, принадлежавшаго ему на правахъ октроированной полной собственности. Начала эти, привнесенныя въ нашъ государственный строй и юридическій бытъ, не могли не имѣть великаго цивилизующаго вліянія на нашу гражданственность. Правда, права эти пока составляли удѣлъ немногихъ, имѣли видъ привиллегій самаго незначительнаго меньшинства націи. Но въ нихъ, въ этихъ личныхъ правахъ и привиллегіяхъ дворянства, положено было на русскую почву зерно тѣхъ человѣческихъ и общегражданскихъ правъ, которыя въ настоящее время начинаютъ дѣлаться достояніемъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Можно, пожалуй, призадуматься надъ вопросомъ, какой государственный строй лучше и справедливѣе—тотъ ли, который ни въ комъ не признаетъ правъ человѣческой личности, святости и неприкосновенности человѣческаго духа и тѣла, труда и имущества; или тотъ, который признаетъ эти права въ незначительномъ меньшинствѣ и отдастъ боль-

шинство, массу народа въ жертву всяческимъ неправдамъ и насиліямъ привиллегированнаго меньшинства? Но если это признаніе человѣческихъ правъ меньшинства является только переходнымъ моментомъ, шагомъ къ признанію ихъ и въ массѣ народа—то историку нельзя не привѣтствовать такого явленія, нельзя не признать его цивилизующимъ. Такимъ явленіемъ были личныя права дворянства.

Многія изъ этихъ личныхъ правъ были октроированы вслѣдствіе заявленія самого дворянства о ихъ необходимости. Удовлетворила ли жалованная грамота всѣмъ желаніямъ сословія, мы не можемъ судить, не зная проекта правамъ благородныхъ, составленнаго дирекціонной коммисіей. Мы только знаемъ, что лица, подобныя ярославскому депутату кн. Щербатову, въ которыхъ, можетъ быть, жива еще была традиція кн. Дм. Мих. Голицына и другихъ дѣятелей 1730 г., не были удовлетворены тѣми личными правами, которыя октроированы жалованной грамотой. Кн. Щербатовъ думалъ, что если „прямо разсмотрѣть, то россійскій дворянинъ никакихъ правъ не имѣетъ, окромѣ позволенія имѣть деревни и носить шпаги“ (Чтенія: 1859 г. кн. 3). Недовольство кн. Щербатова высказалось также въ его памфлетѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“: „испекли законы, правами дворянскими... названные, которые болѣе лишеніе, нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ, и вообще дѣлаютъ отягощеніе народу“ (стр. 92).

Напротивъ, императрица Екатерина II думала, что русское дворянство пользовалось даже до грамоты 1785 г. такими драгоцѣнными правами, какими могло похвалиться дворянство лишь въ немногихъ другихъ странахъ. Но императрицу слишкомъ далеко увлекла полемика съ аббатомъ Шапномъ д'Отерошемъ, который въ своемъ „Путешествіи въ Сибирь“ (1761) говорилъ: „дворянство, закабаленное въ ужасное рабство, вымѣщаетъ его на всемъ народѣ“. Екатерина II полемизируетъ съ аббатомъ, нисколько не стѣсняясь исторіей. Она силится доказать,

что дворянство никогда не было въ закабаленномъ рабствѣ, что дворянство въ каждой области составляло сословное цѣлое (?), что дворянинъ пользовался свободою дѣлать завѣщанія, заключать договоры съ государями объ обмѣнѣ земель и т. п. (Осмнадц. вѣкъ: кн. 4-я стр. 326 „Антидотъ"). Нѣкоторые иностранные писатели, посѣщавшіе Россію въ концѣ царствованія Екатерины II, находили, что если бы привиллегіи, пожалованныя императрицей дворянству, неприкосновенно исполнялись, то ни въ какой странѣ дворянство не пользовалось бы большими правами. Но, разбирая §§ жалованной грамоты, они находили, что фактъ и право далеко расходились между собою (Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe, fait en 1790—1792, T. IV. Ch. III) [71]). Дѣйствительно, привиллегіи дворянства не только нарушались, какъ напр. при Николаѣ I, не только многія изъ нихъ были мертвою буквою, какъ напримѣръ право благородныхъ судиться только равными себѣ, но нѣкоторыя существеннѣйшія изъ этихъ привиллегій даже вовсе были отмѣнены Павломъ I. Правительство въ такихъ случаяхъ стояло на своемъ правѣ: оно давало или отнимало, по своему благоусмотрѣнію. Петръ III освободилъ отъ обязательной службы, Павелъ I считалъ нужнымъ возвратиться къ ней; Екатерина II освободила отъ тѣлесныхъ наказаній, Павелъ I началъ подвергать имъ; Ѳедоръ Іоанновичъ даровалъ крѣпостныхъ крестьянъ, Александръ II отнялъ ихъ и т. д. Юридической подстилки, какъ у дворянства феодальнаго, права нашего дворянства не имѣли—тяжбы и процесса съ верховною властію за нарушеніе ихъ дворянство наше вести не могло. Подстилка правъ русскаго дворянства всегда была *политическая*: верховная власть надѣляла однимъ правомъ, лишала другаго, смотря по потребностямъ государства.

Мы сказали, что нѣкоторыя изъ личныхъ правъ дворянства зародились еще въ московскомъ періодѣ. Но формулируются они въ дворянской грамотѣ, откуда переходятъ и въ сводъ законовъ. Дворянская грамота

перечисляетъ довольно много личныхъ преимуществъ дворянства (36). Существеннѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) Вольность и свобода—въ смыслѣ освобожденія отъ обязательной службы (§§ 17, 18, 19 и 20).

2) Свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, распространяемая на дворянъ, служащихъ въ нижнихъ чинахъ военной службы (§§ 15 и 16).

3) Право поземельной собственности и другія имущественныя права (§§ 21—23, 26, 33 и 34).

4) Право на занятіе нѣкоторыми промыслами и торговыми операціями (§§ 26—32).

5) Свобода отъ личныхъ податей (§ 36), свобода деревенскаго помѣщичьяго дома отъ постоя (§ 35). А о свободѣ отъ рекрутчины грамота ничего не говоритъ, но она подразумѣвалась, какъ послѣдствіе свободы отъ обязательной службы.

6) Всѣ эти личныя права дворянства обезпечивались неприкосновенностію дворянскаго достоинства, защищаемаго судомъ и верховною властію (§§ 5, 6, 8 и 14).

Но важнѣйшимъ личнымъ правомъ дворянства—дворянскимъ по преимуществу было владѣніе крѣпостными крестьянами. Жалованная грамота о немъ не упоминаетъ, такъ какъ оно вполнѣ уже опредѣлилось ко временамъ ея изданія. Разсмотрѣніе этого права составитъ предметъ слѣдующей главы нашего изслѣдованія, а настоящую главу мы посвятимъ изученію всѣхъ другихъ личныхъ правъ.

I. Изъ вольности и свободы, въ смыслѣ освобожденія отъ обязательной службы, развились права и преимущества дворянства по службѣ государственной: обязанность служилаго класса и шляхетства нести службу преобразовалась въ право поступленія въ государственную службу и преимущества дворянства во время ея прохожденія, сравнительно съ другими классами. Дворянство главнымъ образомъ поставляло контингентъ чиновъ военныхъ и отчасти гражданскихъ. Законодательство по этому предмету было вѣрно завѣту ярославскаго депутата кн. Щербатова, что дворяне по одному имени своему имѣютъ преимущественное предъ другими

званіями право служить отечеству (Сб. Русск. Историч. Общ., т. IV стр. 149).

а) Петръ Великій предоставлялъ возможность и *простымъ людямъ* долгою службою и способностями выслуживать офицерскіе чины (П. С. № 2.775). Въ своемъ воинскомъ уставѣ онъ провелъ тотъ взглядъ, что всѣ служащіе въ войскѣ—отъ вышняго генерала до послѣдняго мушкатера — суть солдаты. Что если случится *упалое мѣсто* (вакансія) на какой-нибудь чинъ, то могутъ быть производимы не только знатные, но и подлые, если только они того заслужатъ своими достоинствами. Замѣтивъ, что въ офицеры производятъ не безъ пристрастія, Петръ Великій въ 1714 г. постановилъ, чтобы въ оберъ-офицерскіе чины производить за свидѣтельствомъ штабъ и оберъ-офицеровъ полка, а въ штабъ-офицеры—за свидѣтельствомъ штабъ-офицеровъ и генераловъ дивизіи (П. С. № 2.795). Порядокъ баллотированія въ офицеры изъ 2 или 3 кандидатовъ былъ опредѣленъ въ 1719 г. (П. С. № 3.265, 3.406), и затѣмъ распространенъ на флотъ (П. С. № 3.937). Въ 1721 г. было постановлено, чтобъ баллотировать, не выбирая кандидатовъ, но всѣхъ по списку, а именно: когда изъ унтеръ-офицеровъ въ оберъ-офицеры, тогда должны баллотироваться всѣ сержанты полка, а если бы ихъ оказалось мало, то прибавлять къ нимъ изъ каптенармусовъ и капраловъ (П. С. № 12.288). Но и этимъ способомъ нельзя было искоренить злоупотребленій: баллотировали не по достоинству, но *по старости*. Петръ Великій задумалъ замѣнить производство баллотированіемъ производствомъ по старшинству. Смерть помѣшала ему исполнить свое намѣреніе, что сдѣлано было его преемницей въ 1726 г. (П. С. № 4.896). Баллотированіе возстановляется Анной Іоанновной: сначала безъ ограниченій (П. С. № 5.690), но въ 1736 г. для нѣкоторыхъ только чиновъ: унтеръ-офицеровъ—въ прапорщики, капитановъ въ маіоры, а въ прочіе чины по достоинствамъ, а не по старшинству (П. С. № 7.022). Пріостановленный на время войны съ Турціей (П. С. № 7.487), этотъ способъ производства въ военные чины

возстановляется по ея окончаніи, въ 1740 г. (П. С. № 8.724). Но не надолго: изъ одного указа Екатерины II (№ 12.288) можно заключить, что баллотированіе въ чины военно-сухопутные окончательно отмѣняется въ 1742 г. Послѣ этого оно встрѣчается только во флотѣ, гдѣ было возстановлено въ 1764 г. и существовало даже въ первые годы царствованія императора Николая.

Такимъ образомъ, производство въ военные чины опредѣлялось—то баллотированіемъ, то старшинствомъ, или достоинствомъ служащаго, безъ всякихъ сословныхъ преимуществъ. При Елизаветѣ Петровнѣ дѣти россійскихъ дворянъ опредѣлялись въ военную службу *не инако*, какъ сначала въ солдаты, и потомъ уже по-старшинству и достоинству производились *по-линіи* въ унтеръ и оберъ-офицеры (П. С. № 11.112). Манифестъ Петра III, освобождающій дворянъ отъ обязательной службы, оставляетъ 12-лѣтній срокъ въ нижнихъ чинахъ общимъ для всѣхъ сословій (П. С. № 11.444, § 8). Безъ сомнѣнія, фактически дворяне пользовались льготами при производствѣ въ военные чины, такъ какъ въ службу они записывались малолѣтками и терминъ прохожденія въ нижнихъ чинахъ проводили въ домахъ своихъ. Правительство принимало мѣры противъ этого обычая, но не успѣшно. Въ 1763 г. предписано было малолѣтокъ въ офицеры, безъ *особливаго указа*, не производить (П. С. № 11.771), а полковничья инструкція 1765 г. установила 15 лѣтъ для поступленія въ службу. Но все-таки это не соблюдалось: въ 1785 г. военная коллегія усмотрѣла при отставкѣ разныхъ военныхъ чиновъ, что многіе изъ нихъ записались въ службу весьма малыхъ лѣтъ—лѣтъ 5, 8. Поэтому, она подтвердила слѣдовать инструкціи (П. С. № 16.209).

Дворяне, служащіе въ военной службѣ, начинаютъ пользоваться преимуществами при производствѣ въ чины предъ другими званіями, при Екатеринѣ II. Инструкція полковнику пѣхотнаго полка 1765 г. оставляетъ 12-лѣтній терминъ для недворянъ и постановляетъ, чтобъ дворянъ не производить въ другіе чины, какъ только подпрапорщика и младшаго сержанта, изъ которыхъ

они должны производиться въ офицеры, *предпочтительно* предъ недворянами, не взирая на старшинство послѣднихъ (П. С. № 12.289). Въ 1792 г. опредѣлено положеніе по службѣ *вольноопредѣляющихся*, въ отличіе отъ дворянъ (П. С. № 17.073). Срокъ службы для производства въ первый офицерскій чинъ значительно продолжительнѣе для первыхъ, чѣмъ для вторыхъ. Павелъ I подтверждаетъ преимущества по военной службѣ дворянъ (П. С. № 17.534) и своими уставами о службѣ пѣхотной (П. С. № 17.588) и кавалерійской (П. С. № 17.590) установляетъ, что въ первые офицерскіе чины (прапорщика по пѣхотѣ и корнета по кавалеріи) представлять дворянъ, по-прослуженіи ими 3 лѣтъ, а недворянъ производить не иначе, какъ по отмѣннымъ способностямъ и заслугамъ, и притомъ небезобразныхъ и выслужившихъ 12 лѣтъ (впрочемъ, прямо въ подпоручики и только въ кирасирахъ въ корнеты). Рядовыми, до производства въ унтеръ-офицерскій чинъ, дворяне должны служить 3 мѣсяца, а недворяне могли быть представляемы въ унтеръ-офицеры только по-прослуженіи 4 лѣтъ, если притомъ они способны къ письменнымъ дѣламъ. Шефы нѣкоторыхъ полковъ представляли унтеръ-офицеровъ изъ недворянъ на вакансіи прапорщиковъ. Вслѣдствіе этого, въ 1798 г. имъ было предписано не представлять изъ недворянъ не только въ офицеры, но даже въ портупей-прапорщики и въ подпрапорщики, потому что въ *оныхъ одни дворяне должны состоять* (П. С. № 18.486). Напротивъ, указомъ слѣдующаго года дозволено было представлять въ оберъ-офицеры и такихъ дворянъ, которые не прослужили въ унтеръ-офицерахъ положеннаго термина (П. С. № 10.143). При Александрѣ I, въ 1802 г., всѣ унтеръ-офицеры изъ дворянъ переименованы были *юнкерами*, производившимися въ кирасирскихъ полкахъ—въ *штандартъ-юнкеры*, въ драгунскихъ—въ *фаненъ-юнкеры*, въ гусарскихъ, егерскихъ и въ артиллеріи—въ *портупей-юнкеры* (П. С. № 20.199). Въ слѣдующемъ году предписано было недворянъ въ офицеры вовсе не производить, но представлять въ аудиторы (П. С. № 20.914) [72].

Наконецъ, императоръ Николай I не столь безусловно противодѣйствовалъ наполненію войска офицерами изъ не дворянъ. Въ 1829 г. установлены были сроки для производства въ офицерскіе чины лицъ различныхъ состояній: вольноопредѣляющихся 4 года, однодворцовъ 6 лѣтъ, разночинцовъ 10 въ гвардіи и 12 въ арміи (2-е П. С. № 2.874). Въ 1830 г., когда окончательно организованы были наши кадетскіе корпуса, была попытка не принимать дворянъ въ полки нижними чинами, но чрезъ кадетскіе корпуса и дворянскій полкъ выпускать ихъ прямо офицерами (2-е № 3.457). Трудность наполненія арміи офицерами изъ кадетовъ заставила правительство возвратиться къ прежнему порядку—двухлѣтнему сроку служенія нижними чинами дворянъ. Это продолжалось до настоящаго царствованія, когда военнымъ министромъ Милютинымъ, великимъ преобразователемъ нашей военной организаціи, всякія сословныя преимущества при производствѣ въ первый офицерскій чинъ дали мѣсто преимуществамъ знанія—экзаменамъ.

Что касается нашей гвардіи, то, какъ мы видѣли, наши первые гвардейскіе полки — преображенскій и семеновскій—рекрутировались главнымъ образомъ изъ шляхетства. Родоначальникъ полковъ гвардейской кавалеріи — лейбъ-регионтъ, учрежденный въ 1721 г. для образованія кавалерійскихъ офицеровъ, состоялъ изъ однихъ дворянъ (Зап. В. А. Нащокина, стр. 212), а третій гвардейскій полкъ—измайловскій, какъ видно изъ писемъ дюка де Лирія, образованный Анной Іоанновной вскорѣ по ея воцареніи, состоялъ изъ 2.000 человѣкъ, между которыми большая часть офицеровъ были иностранцы, а всѣ солдаты—дворяне (Осмнадц. В. кн. 3-я, стр. 113). Впослѣдствіи мы также встрѣчаемъ, что въ капралы и унтеръ-офицеры гвардіи производились только дворяне. Подтвердивъ это, Екатерина II установила, чтобъ въ полки гвардіи не принимать безъ свидѣтельства губернскаго предводителя о *дворянской породѣ* поступающаго (П. С. № 16.586). При Александрѣ I служба въ гвардіи особенно уважалась нашей аристо-

кратіей, и едва-ли было въ ней мѣсто для лицъ другихъ состояній. Николай I даже сократилъ срокъ службы для производства разночинцевъ въ офицерскіе чины въ гвардіи: при немъ появляются офицеры изъ *бурбоновъ* не только въ арміи, но и въ гвардіи.

Примѣчаніе. Наши военные чины, существующіе въ настоящее время, имѣютъ начало въ 1711 г., когда были изданы первые штаты арміи, въ которыхъ между генералитетскими чинами уже встрѣчаемъ и чинъ бригадира. Затѣмъ съ 1712 г. появляются чины штыкъ-юнкера, секундъ-поручика, секундъ-капитана, секундъ и премьеръ-маіора. Точнѣе образованіе военныхъ чиновъ опредѣляется въ воинскомъ уставѣ 1716 г., который раздѣляетъ ихъ на четыре градуса: 1) *унтеръ-офицерскіе* чины (штыкъ-юнкеръ въ артиллеріи, сержантъ, каптенармусъ, подпрапорщикъ, корпоралъ); 2) *оберъ-офицерскіе* чины—отъ фендрика или прапорщика до маіора (прапорщикъ, подпоручикъ, поручикъ, капитанъ-поручикъ, капитанъ); 3) *штабъ-офицерскіе* чины (маіоръ, подполковникъ, полковникъ); 4) *генеральскіе* (бригадиры, генералъ-маіоры, генералъ-лейтенанты, генералъ отъ кавалеріи и инфантеріи, генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ, генералъ-фельдмаршалъ или аншефтъ, генералиссимусъ—„сей чинъ коронованнымъ главамъ и великимъ владѣющимъ принцамъ только надлежитъ, а наипаче тому, чье есть войско") (П. С. № 3.006). Въ табели о рангахъ встрѣчаемъ почти тѣ же военные чины, за немногими исключеніями: изъ генеральскихъ чиновъ нѣтъ генералъ-фельдмаршалъ-лейтенанта, а изъ оберъ-офицеровъ находимъ чины: капитана, капитанъ-лейтенанта, лейтенанта, унтеръ-лейтенанта и фендрика (П. С. № 3.890). Въ штатахъ Анны Іоанновны—опять премьеръ-и секундъ-маіоры, которыхъ нѣтъ ни въ Воинскомъ Уставѣ, ни въ табели о рангахъ; при ней же мы встрѣчаемъ, вмѣсто капитановъ, ротмистровъ въ образованныхъ въ 1731 г. кирасирскихъ полкахъ. При Петрѣ III впервые мы встрѣчаемъ штабъ-капитана, а при Екатеринѣ II капитаны карабинернаго и пикинерныхъ полковъ въ 1763 г. переименовываются въ ротмистровъ. Чтобъ составить себѣ понятіе о томъ множествѣ военныхъ чиновъ, какое существовало при Екатеринѣ II, приведемъ изъ формулярнаго списка Ив. Ив. Дмитріева время прохожденія имъ этихъ чиновъ: онъ поступилъ солдатомъ семеновскаго полка въ 1772 г. 12 лѣтъ отъ рожденія, въ 1775 г. произведенъ сначала въ капралы, а потомъ въ фурьеры, въ 1776 г. въ подпрапорщики, въ 1777 г. каптенармусы, 1787 г.—прапорщики, 1789 подпоручики, 1790 капитанъ-поручики, 1791 г.—капитаны (Зап. Ив. Ив. Дмитріева: стр. 276).

Весьма важныя преобразованія военныхъ чиновъ совершены были Павломъ I. Въ 1796 г. онъ уничтожилъ штыкъ-юнкеровъ въ артиллеріи (П. С. № 17.666), а подпрапорщиковъ гусарскихъ полковъ переименовалъ корнетами (П. С. № 17.542), повелѣвъ въ слѣ-

дующемъ году первые чины провіантскаго вѣдомства именовать не корнетами, но прапорщиками (П. С. № 18.031), а первые чины артиллеріи—подпоручиками (П. С. № 17.799). Въ томъ же году вмѣсто капитанъ-поручиковъ по пѣхотѣ (въ слѣдующемъ году и артиллеріи) и секундъ-ротмистровъ по кавалеріи, учреждены по пѣхотѣ, артиллеріи и въ драгунахъ штабсъ-капитаны, а въ гусарскихъ и кирасирскихъ полкахъ—штабъ-ротмистры (П. С. № 17.716, 18.746), а унтеръ-офицеры были переименованы въ эстандартъ-юнкеры и въ фаненъ юнкеры (П. С. № 18.329). Въ 1798 г. уничтожены были чины премьеръ и секундъ-маіорскіе (П. С. № 17.857), изъ нижнихъ же чиновъ оставлены только фельдфебели и подпрапорщики, а всѣ сержанты, каптенармусы, фурьеры и капралы переименованы въ унтеръ-офицеры (П. С. № 18.470). Впрочемъ, незадолго предъ тѣмъ прибавлены новые нижніе чины, которые существовали и при Александрѣ I: постановлено было подпрапорщиковъ производить въ портупей-прапорщики и портупей-юнкеры (П. С. № 18.328), а унтеръ-офицеровъ —въ эстандартъ-юнкеры и въ фаненъ-юнкеры (П. С. № 18.329). Въ 1799 г. уничтоженъ былъ чинъ бригадира (П. С. № 19.968).

Но отмѣненные Павломъ I чины встрѣчались въ жизни долгое время послѣ ихъ упраздненія, подобно тому, какъ и чины допетровскіе и малороссійскіе: премьеръ-маіора кн. Козловскаго мы встрѣчаемъ во второмъ десятилѣтіи 19 вѣка, генералъ-поручика гр. Орлова мы встрѣчали въ 1828 г. секундъ-маіоръ Подчертковъ проживалъ во псковской губерніи еще въ 1832 г., а брагадирша Новосильцова встрѣчается еще въ 1841 году.

б) Мы разсмотрѣли, какъ развивались привиллегіи дворянъ по службѣ военной, переходимъ теперь къ службѣ гражданской.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ нашей исторіи состоитъ въ томъ, что состояніе лица долгое время не было препятствіемъ ко вступленію въ службу. Хотя Петръ Великій, какъ мы видѣли, и желалъ набирать гражданскихъ чиновниковъ преимущественно изъ шляхетства, но при немъ не было никакихъ ограниченій для вступленія въ гражданскую службу лицамъ другихъ состояній. Ограниченія эти едва ли тогда и были возможны, при большомъ недостаткѣ въ канцелярскихъ служителяхъ, что видно, напримѣръ, изъ одного указа 1746 г., предписывающаго губернаторамъ и воеводамъ отыскивать канцелярскихъ служителей, скрывающихся по деревнямъ своимъ, и опредѣлять ихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ окажется недостатокъ, а если они станутъ

укрываться, то конфисковать ихъ имущество (П. С. № 9.279). Неудивительно, что при такомъ недостаткѣ канцелярскихъ служителей, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ приказныхъ чинахъ служили крестьяне, даже безъ отпускныхъ, какъ то было открыто ревизіей 1744 г. Впрочемъ, несмотря на то, что не было систематическаго ограниченія права поступать въ гражданскую службу лицамъ нѣкоторыхъ состояній, попытки такихъ ограниченій начинаются уже при первыхъ преемникахъ Петра: напримѣръ, въ 1727 г. повелѣно дворовыхъ людей и крестьянъ ни въ какія службы не опредѣлять. Ограниченія эти начинаютъ принимать систематическій характеръ и болѣе широкіе размѣры при Екатеринѣ II. Въ 1771 г. категорически было воспрещено принимать въ статскую службу людей податнаго званія (П. С. № 13.596, 13.760). Такимъ образомъ, право опредѣляться въ гражданскую службу начинаетъ принадлежать только лицамъ нѣкоторыхъ состояній. А какихъ именно—опредѣлено въ 1779 г., и между такими состояніями, пользующимися правами гражданской службы, на первомъ планѣ было поставлено дворянство. Императрица Екатерина II строго слѣдовала этимъ началамъ и не допускала никакихъ изъятій, несмотря на крайній недостатокъ канцелярскихъ служителей во многихъ губерніяхъ.

Но при Павлѣ начали допускать изъятія. Сначала, только по крайней необходимости, и не иначе, какъ съ разрѣшенія сената, дозволялось иногда принимать въ гражданскую службу и изъ податныхъ. Потомъ, въ особенности при Александрѣ I, изъятія начали чаще и чаще повторяться, расширяясь въ своихъ размѣрахъ. Начала закона 1779 г. не были отмѣнены, но практика требовала многихъ изъ него изъятій: это весьма запутало вопросъ о томъ, какихъ званій лица могутъ поступать въ службу государственную? Вопросъ былъ разрѣшенъ уже при Николаѣ I, издавшемъ 14 октября 1827 г. положеніе о канцелярскихъ служителяхъ гражданскаго вѣдомства, которое окончательно опредѣлило, какія званія могутъ и какія не могутъ быть принимаемы въ гражданскую службу? Лица, поступавшія въ граж-

данскую службу канцелярскими служителями, раздѣлялись на 4 разряда, изъ которыхъ къ первому причислены дворяне родовые, а ко второму дѣти личныхъ дворянъ, вмѣстѣ съ лицами нѣкоторыхъ другихъ званій (купцы 1-й гильдіи, дѣти священнослужителей). Кромѣ того, что эти разряды обусловливали срокъ выслуги перваго гражданскаго чина, они устанавливали еще нѣкоторыя другія отличія между канцелярскими служителями. Такъ, принадлежащіе къ 1 и 2 разрядамъ могли являться на должность не только въ мундирныхъ сертукахъ, но и въ вицъ-мундирахъ; канцелярскіе же служители 3 и 4 разрядовъ могли носить только мундирные сертуки, которые они получали вмѣстѣ съ прочимъ принадлежащимъ имъ платьемъ и воинскимъ пайкомъ отъ своего начальства безденежно (2-е П. С. № 1.469). Какъ ни строго слѣдовалъ императоръ Николай I началамъ закона 1827 г., но и при немъ допускались изъятія для нѣкоторыхъ вѣдомствъ [73]).

Мы видѣли, какъ дворянство, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими состояніями, пріобрѣло исключительное право на поступленіе въ гражданскую службу. Вовремя прохожденія службы, оно пользовалось нѣкоторыми льготами, сравнительно съ другими состояніями—особенно при производствѣ въ чины: для дворянъ устанавливались болѣе сокращенные сроки.

Гражданскіе чины введены у насъ табелью о рангахъ. По идеѣ Петра, ранги, т. е. чины и классы, означали самыя мѣста, т. е. должности. Чинъ обусловливался должностію, по-мимо которой онъ не имѣлъ никакого значенія: коллежскій совѣтникъ былъ дѣйствительно совѣтникомъ коллегіи, и состоявшіе съ нимъ въ одномъ шестомъ классѣ оберъ-секретарь сената и прокуроры въ коллегіяхъ не назывались коллежскими совѣтниками, хотя и были съ нимъ въ одномъ классѣ; подобнымъ же образомъ коллежскій асессоръ, секретарь или регистраторъ были дѣйствительно асессоромъ, секретаремъ или регистраторомъ коллегіи и т. д. Производство въ чины, или лучше сказать въ должности, предоставлено было сенату: въ высшіе онъ баллотиро-

валъ (П. С. № 3.264), а низшіе просто сказывалъ (П. С. № 3.978). Послѣдующее законодательство о чинахъ уклоняется отъ первоначальной ихъ идеи. Чины начинаютъ получать значеніе почетныхъ титуловъ, помимо должностей; для производства въ нихъ устанавливаются сроки. Не должность опредѣляетъ уже чинъ, но чинъ даетъ право на полученіе должности. При этомъ видоизмѣненіи значенія чина, дворянство начинаетъ пользоваться привиллегіями сравнительно съ другими сословіями. Елизавета Петровна, постановивъ въ 1742 г., чтобы во всѣ чины, какъ военной, такъ и гражданской службы, производить по старшинству и заслугамъ, еще не опредѣляетъ ни сроковъ при этомъ производствѣ, ни преимуществъ дворянъ (П. С. № 8.516). Въ первый разъ срокъ для производства въ чины встрѣчается въ 1760 году. Многіе канцеляристы и регистраторы, по-прослуженіи весьма малаго времени въ этихъ званіяхъ и безъ всякаго представленія отъ тѣхъ мѣстъ, при которыхъ они служили, подавали въ сенатъ челобитныя о производствѣ въ слѣдующіе чины. Для предупрежденія того было предписано: жаловать канцеляристовъ регистраторскими чинами, а регистраторовъ секретарскими не прежде, какъ по прослуженіи ими 8 лѣтъ въ настоящихъ чинахъ. Но при этомъ не было сдѣлано никакихъ изъятій для дворянъ (П. С. № 11.066). Петръ III подтверждаетъ силу этого постановленія, угрожая штрафомъ въ 1.000 р. тому начальству, которое представитъ раньше 8 лѣтъ (П. С. № 11.540). Никакихъ привиллегій для дворянъ при производствѣ въ чины не даетъ и законъ 1767 г., устанавливающій вообще 7 лѣтній срокъ службы въ одномъ чинѣ для производства въ другой (П. С. № 12.973). Но уже въ 1772 г. повелѣно было въ представленіяхъ сенату о награжденіи чинами прописывать, изъ *какого званія* кто вступилъ въ службу (П. С. № 13.857). Несмотря на эти указы, правила о производствѣ въ чины были весьма неопредѣленны. Для установленія большей точности въ нихъ, въ 1790 г. были установлены новыя начала производства въ статскіе чины. Въ исторіи изучаемаго нами

вопроса правила эти весьма важны: они окончательно водворяютъ господство сословной привиллегіи въ чинопроизводствѣ по гражданской службѣ. Устанавливая болѣе сокращенные сроки для производства въ чины дворянъ, постановленіе 1790 г. является какъ бы коррективомъ табели о рангахъ, такъ размножившей наше дворянство: съ этихъ поръ начинаютъ повышать срокъ для производства въ 8-й классъ, такъ какъ этимъ классомъ пріобрѣталось право потомственнаго дворянства. Обращаясь къ закону 1790 г., мы находимъ въ немъ слѣдующія правила: 1) Производить въ чины до 8 класса только тѣхъ, которые прослужили 3 года въ одномъ чинѣ. 2) Изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники и изъ титулярныхъ въ коллежскіе асессоры *недворянъ* не иначе производить, какъ по прослуженіи ими 12 лѣтъ безпорочно, а о представляемыхъ до этого срока докладывать государынѣ. 3) При отставкѣ повышать однимъ рангомъ только дворянъ, прослужившихъ въ послѣднемъ чинѣ годъ. 4) Дворянамъ свободно переходить изъ статской службы въ военную, на основаніи манифеста 18 февраля 1762 г., а статскимъ чинамъ недворянскаго происхожденія такой переходъ былъ возбраненъ (П. С. № 16.930). Переходъ изъ гражданской службы въ военную совершался съ тѣмъ же чиномъ: въ 1762 г., по воцареніи Екатерины II, нѣсколько титулярныхъ совѣтниковъ были переименованы капитанами кавалергардовъ (Штаты в.-сух. къ № 11.614); изъ Записокъ В. Сем. Хвостова (Р. Арх. № 3. 1870 г.) видно, что братъ его перешелъ изъ статской службы съ чиномъ надворнаго совѣтника въ военную съ чиномъ подполковника.

Въ 1791 г. было постановлено, чтобы при представленіяхъ къ чину коллежскаго асессора, начальства прилагали свидѣтельства о дворянствѣ представляемыхъ (П. С. № 16.960). Начало сословной привиллегіи при чинопроизводствѣ по гражданской службѣ, введенное Екатериной II, не выводилось потомъ изъ нашего законодательства, болѣе и болѣе развиваясь. Павелъ I, противникъ своей предшественницы въ большей части

государственныхъ предначертаній, въ этомъ случаѣ былъ вполнѣ вѣренъ ей. Въ 1799 г. установлены новые сроки для производства въ чины *дворянъ*—въ коллежскіе асессоры чрезъ 4 года, въ надворные—чрезъ 5 лѣтъ, въ коллежскіе совѣтники—чрезъ 6, а въ статскіе—чрезъ 4 года (П. С. № 19.219).

По указаніямъ Сперанскаго, порядокъ этотъ былъ радикально измѣненъ указомъ 6 августа 1809 г., оставившимъ прежніе сроки для производства въ чины до коллежскаго асессора и постановившимъ, что лѣта службы для производства въ коллежскіе асессоры не имѣютъ никакого значенія, но необходимо свидѣтельство объ испытаніи въ положенныхъ наукахъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Еще болѣе было затруднено производство въ чинъ статскаго совѣтника: 10 лѣтъ безпорочной службы, занятіе извѣстныхъ опредѣленныхъ должностей, университетскій аттестатъ (П. С. № 23.771). Однимъ изъ послѣдствій, во всякомъ случаѣ замѣчательной мѣры, было введеніе въ дворянство людей, болѣе или менѣе образованныхъ. Но эта мѣра слишкомъ затронула интересы бюрократіи, считавшей поруганіемъ для своихъ сѣдыхъ волосъ испытаніе въ наукахъ, чтобъ не вызвать въ ней яраго протеста. И бюрократія ополчилась противъ указа 6 августа, поддерживаемая авторитетомъ Карамзина и всей дворянской партіи—систематическихъ противниковъ нововведеній Сперанскаго (Б. Корфа: Жизнь гр. Сперанскаго). Законъ 1809 г. мало-по-малу нарушался: сначала для отдѣльныхъ вѣдомствъ—то военнаго, то горнаго, а потомъ, въ 1834 г. и вовсе былъ отмѣненъ. Положеніе 25 іюня этого 1834 г. возстановляетъ прежній порядокъ производства въ чины, съ прежними привилегіями для дворянства, оставляя, впрочемъ, элементъ указа 1809 г.—образованіе, хотя и въ значительно ослабленной степени. Для производства изъ 9 въ 8 классъ положено для потомственныхъ дворянъ 4 года, для другихъ званій 6 лѣтъ, при условіи аттестата изъ высшаго учебнаго заведенія (§ 22). Этотъ нормальный срокъ сокращался за особыя отличія: для дворянъ

2 года, для прочихъ званій 4 (§ 23). Для производства же въ первый классный чинъ положеніе оставляетъ правила 1827 г., по которымъ канцелярскіе служители 1-го разряда (дворяне потомственные) производятся чрезъ 2 года, 2-го—4, 3-го—6, 4-го—12 (2-е П. С. № 1.469). Но такъ какъ положеніемъ 1834 г. оставляется мѣриломъ образованіе, то вышеозначенные сроки производства въ первый чинъ по положенію 1827 г., сокращаются слѣдующимъ образомъ: для потомственныхъ дворянъ—1 годъ, а для другихъ званій сроки болѣе продолжительные (§§ 30, 39) (2-е П. С. № 7.224).

Въ настоящее царствованіе, когда на всѣ части законодательства повѣяло новымъ духомъ, правила производства въ чины по гражданской службѣ, установившіяся въ царствованія Екатерины II, Павла и Николая, и проникнутыя началомъ сословной привиллегіи, подверглись довольно существенной перемѣнѣ. Въ 1856 г. изданъ законъ, основанный на томъ положеніи, что „награжденія повышеніемъ въ чинахъ, также какъ и всѣ прочія по службѣ награды, должны быть даруемы только за постоянные... труды на самой службѣ, безъ принятія въ уваженіе какихъ-либо обстоятельствъ сей службѣ предшествовавшихъ“. Послѣдовательное развитіе такого положенія должно было привести къ установленію *общихъ сроковъ* для лицъ всѣхъ состояній при производствѣ во всѣ чины до 5-го класса (14—8-го — 3 года, 8 — 5-го 4 года) (2-е П. С. № 31.237).

Кромѣ преимуществъ при производствѣ въ чины, которыя пріобрѣло наше дворянство, при Елизаветѣ Петровнѣ и ея предшественникахъ образовалось правило, что званія камергера и камеръ-юнкера даютъ право на чинъ: первое 4-го, а второе 5-го классовъ (П. С. № 8 510 [74]). Екатерина II раздавала эти званія сыновьямъ знатнѣйшихъ фамилій иногда въ колыбели. Такимъ образомъ, нѣкоторые члены нашей аристократіи были прирожденными дѣйствительными статскими и статскими совѣтниками. Чины же эти давали право на занятіе высшихъ должностей. И такимъ образомъ, молодые люди знатныхъ фамилій, привыкшіе вести сует-

ную салонную жизнь, безъ серьезнаго труда, съ самымъ поверхностнымъ образованіемъ во вкусѣ французскаго легитимитета, получали прирожденное право на занятіе важнѣйшихъ должностей въ государствѣ. Это вопіющее злоупотребленіе существовало у насъ до Александра I. Этотъ-же императоръ, въ лучшую пору своего царствованія, не могъ терпѣть этихъ аристократиковъ—прирожденныхъ генераловъ и бригадировъ, и называлъ ихъ *полотерами*. Поэтому, предложенная Сперанскимъ мѣра уничтожить эту привиллегію аристократіи была очень хорошо принята государемъ, и 3 апрѣля 1809 г. состоялся именной указъ сенату о неприсвоеніи званіямъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ никакого чина, и объ обязанности лицъ, въ сихъ званіяхъ состоящихъ, вступить въ дѣйствительную службу. На основаніи этого указа, наличные камергеры и камеръ-юнкеры, втеченіе двухъ мѣсяцевъ со дня изданія его, должны были избрать родъ дѣйствительной службы, а иначе они считались въ отставкѣ. На будущее же время эти званія должны были имѣть значеніе однихъ придворныхъ отличій, неприсвоивающихъ никакого чина (П. С. № 23.559). Аристократія цѣлыми родами, какъ разсказываетъ б. Корфъ, возстала противъ *дерзкаго поповича*, посягнувшаго на ея права (Жизнь гр. Сперанскаго). Посыпались обвиненія и на самого императора, что онъ, возбуждая вредныя идеи о равенствѣ, хотѣлъ уничтожить аристократію и водворить турецкіе порядки, при которыхъ сынъ визиря не пользуется никакими преимуществами предъ сыномъ простолюдина (В. Вигеля, ч. 3-я).

II. Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ, жалуемыхъ дворянству грамотой 1785 г.—свобода отъ тѣлесныхъ наказаній. Преимуществомъ этимъ дворянство до того времени не пользовалось. Правда, уже въ 17 ст. въ уголовное законодательство начинаютъ вкрадываться нѣкоторыя отличія въ наказаніяхъ людей, сообразно ихъ различнымъ чинамъ. Но отличія эти въ большей части случаевъ были болѣе количественныя, чѣмъ качественныя: за одно и то же преступленіе человѣка

меньшаго чина били кнутомъ или плетьми, а большаго чина—плетьми или батогами. Соборное уложеніе (Гл. XXI ст. 47) постановляетъ, что по оговору языка на дворянина и людей его, пытать прежде людей, а буде и они покажутъ на своего господина, то пытать и его. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, уложеніе допускаетъ даже качественное различіе въ наказаніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ гл. о судѣ (X) постановлялось: за неправый судъ на думныхъ людей налагался штрафъ и отнималась у нихъ честь, а людямъ недумнымъ чинили торговую казнь; за поддѣлку судебнаго протокола дьяка били кнутомъ, а подъячему отсѣкали руку. Но тѣмъ не менѣе по исконному московскому порядку, служилые люди всѣхъ безъ изъятія чиновъ, будучи холопами царя, равно подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ. Политическая программа Юрія Крижанича—серба и католика, переѣхавшаго въ Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ, и потомъ сосланнаго въ Сибирь—чтобы князья, бояре, боярскія дѣти могли писаться полными, а не уничижительными именами, были освобождены отъ наказанія кнутомъ, батогами, клейменія, отнятія члена, пытки и смертной казни, а наказывались бы только ссылкой и отнятіемъ почестей и должностей—программа эта была исполнена по истеченіи цѣлаго столѣтія, послѣ ея составленія—при Екатеринѣ II. (Н. Попова: В. Н. Татищевъ и его время, стр. 77). Нѣтъ, поэтому, основанія предполагать вмѣстѣ съ г. Хлѣбниковымъ, что законъ и обычай начиналъ освобождать отъ тѣлесныхъ наказаній бояръ и думныхъ людей (стр. 248). Если бояре и думные люди иногда освобождались отъ тѣлесныхъ наказаній, то ни по закону, который не дѣлалъ для нихъ никакого изъятія, ни по обычаю, который освящалъ употребленіе тѣлесныхъ наказаній во всевозможныхъ случаяхъ, но по доброй волѣ царя, во власти котораго было миловать и жаловать перваго боярина, такъ же, какъ и послѣдняго холопа. Уложеніе прямо постановляетъ, что если бояре и воеводы, безъ государева указа, начнутъ отпускать со службы ратныхъ людей, и брать съ нихъ за то посулы и поминки, то

имъ чинити жестокое наказаніе, что государь укажетъ (Гл. VII § 11), а государь въ такомъ случаѣ, конечно, могъ подвергнуть какому ему благоугодно наказанію: и кн. Васька Голицынъ или кн. Юшка Трубецкой могли быть также побиты кнутомъ, плетьми или батогами, какъ и всякій другой Васька—сынъ боярскій, или Юшка—посадскій человѣкъ. Современникъ Уложенія, Котошихинъ, въ своей статьѣ о Разбойномъ приказѣ дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что за разбой, пожогъ и др. преступленія пытали всякаго „какого чину ни буди: князь, или бояринъ, или и простой человѣкъ“ (стр. 90).

Тѣлесныя наказанія, такимъ образомъ, равно распространяемыя на людей всѣхъ чиновъ были исконнымъ порядкомъ, присущимъ общественному строю, установившемуся въ московскій періодъ. Порядокъ этотъ по наслѣдству перешелъ къ Петру, а отъ него къ преемникамъ. Человѣкъ пылкаго нрава, горячо взявшійся за дѣло государственное, Петръ Великій подвергалъ тѣлеснымъ наказаніямъ людей всѣхъ чиновъ можетъ быть даже больше, чѣмъ его предшественники—подвергалъ подчасъ даже своеручно. Интересны очень въ этомъ отношеніи Записки Желябужскаго. Изъ нихъ мы видимъ, какъ щедръ былъ Петръ Великій на тѣлесныя наказанія всѣхъ своихъ подданныхъ, не взирая на ихъ чинъ и званіе: били кнутомъ или плетьми, *снемъ рубашку*, за малѣйшую провинность, будь провинившійся князь или бояръ. При чтеніи этихъ записокъ, возстаетъ предъ нами образъ перваго нашего императора—грознаго барина, расправляющагося со своими неумѣлыми и нерадивыми дворовыми и крестьянами. Напримѣръ: въ 1688 году кн. Лобанова-Ростовскаго за разбой *били кнутомъ* въ жилецкомъ подклѣтѣ; въ 1696 г. *полковникъ* Мокшеевъ *битъ кнутомъ* за то, что отпустилъ раскольника; въ 1698 году *били кнутомъ* кн. Хотетовскаго за то, что продалъ одну вотчину двумъ; въ 1699 г. Дивовъ и Колычевъ *биты плетьми*, снемъ рубашку, за то, что Колычевъ взялъ съ Дивова 20 руб. денегъ да бочку вина, чтобъ Дивову не быть

на Воронежѣ у корабельнаго дѣла; въ 1704 г. *воевода* Наумовъ *битъ батогами* нещадно за то, что у него борода и усъ не выбриты; того жъ года въ Преображенскомъ *битъ плетьми* кн. Алексѣй Барятинскій за то, что приводилъ отъ Дубравскаго людей къ смотру и утаилъ, а Родіонъ Зерново-Вельяминовъ въ Разрядѣ *битъ батогами*, что не записался въ срокъ; еще прежде (въ 1701 г.) кн. Илью Ѳедорова сына Шаховскаго *выбили плетьми*, снемъ рубашку, за то, что онъ писалъ въ Москвѣ грамотку недостойну и т. д.

Но раздавая щедрою рукою кнутъ и плети, не разбирая ни роду, ни чина виноватаго, расправляясь своей дубинкой со всѣми столбами государства, Петръ Великій въ своемъ воинскомъ уставѣ постановилъ, что *шляхта*, служители высокихъ чиновъ, старики 70 лѣтъ, недоросли и беременныя женщины не подвергаются пыткѣ „развѣ въ государственныхъ дѣлахъ и убійствахъ, однакожъ съ подлинными о томъ доводами" (Гл. VI). Но понятіе *слово* и *дѣло* въ 18 вѣкѣ было такъ широко, что подъ него можно было подвести всякое преступленіе, всякій проступокъ. Поэтому, едва-ли льгота, даруемая шляхетству воинскимъ уставомъ, имѣла для него въ жизни какое-либо значеніе. Дворяне подвергались пыткѣ даже въ царствованіе Елизаветы Петровны (тайно Шешковскій ихъ пыталъ и послѣ жалованной грамоты)- не только по дѣламъ государственнымъ (дѣло Лопухиной), но и по другимъ криминальнымъ: соучастниковъ въ убійствѣ семейства Жуковыхъ пытали плетьми въ 1754 г., не взирая на ихъ состояніе (Побѣдоносцевъ: Р. В. т. XXX, 1860 г.). Тѣмъ менѣе дворянство могло быть изъято отъ наказаній тѣлесныхъ. Примѣры ихъ вначалѣ царствованія Петра мы видѣли изъ Желябужскаго. То же самое было и къ концу его царствованія и при его преемникахъ. Такъ за порубку заповѣдныхъ лѣсовъ многіе дворяне въ 1720 году были биты кнутьемъ, а иные гоняты шпицрутенъ и наказываемы морскими кошками и леньками (П. С. № 3.509). Помѣщика Бобнева въ 1732 г., за двойную продажу имѣнія, за старостію наказали ботагами, а не по уло-

женію, какъ кн. Хотетовскаго въ 1698 г. за ту же вину (П. С. № 6.073), а въ 1738 г. дворянинъ, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка капралъ, Никаноръ Алфимовъ былъ приговоренъ судомъ за многія продерзостности къ наказанію кнутомъ, который по высочайшей резолюціи былъ замѣненъ шпицрутеномъ въ 6 разъ чрезъ одинъ батальонъ (П. С. № 7.503). Дворяне, служащіе въ военной службѣ, подвергались тѣмъ же наказаніямъ, что и солдаты. Воинская коммиссія 1731 г., изыскивавшая средства для лучшаго укомплектованія кирасирскихъ полковъ, для большаго привлеченія къ нимъ шляхтичей, предлагала дать этимъ полкамъ нѣкоторыя выгоды предъ другими полками, и между прочимъ, чтобъ никакой кирасиръ *батожьями* не былъ штрафованъ, но ношеніемъ мушкетовъ или тому подобнымъ (Шт. в. сухоп. къ № 6.804). Ив. Ив. Шуваловъ въ донесеніи сенату говорилъ, что молодые дворяне, служащіе въ полкахъ солдатами, бывали биты палкою за несоблюденіе чистоты въ одеждѣ и обуви солдатской и за другія малости, хотя командирамъ и было иногда совѣстно бить своего брата дворянина за такіе малые проступки (Чтенія: кн. 3, 1858 г.).

Такимъ образомъ, по закону тѣлеснымъ наказаніямъ до жалованной грамоты подлежало шляхетство, наравнѣ со всѣми другими общественными классами. Но уже и въ это время въ отдѣльныхъ случаяхъ брали иногда во вниманіе принадлежность къ шляхетскому состоянію. Если Петръ Великій, который, по словамъ кн. Щербатова, не разбирая ни роду, ни чиновъ, бивалъ всѣхъ приближенныхъ къ нему (Чтен., кн. 1-я, 1860 г.), считался иногда съ знатностію лица, и назначалъ, напримѣръ, малознатнымъ огурщикамъ болѣе строгое наказаніе (П. С. № 2.199), то это было еще возможнѣе при преемникахъ его—особенно при Елизаветѣ и Екатеринѣ II, когда на тѣлесныя наказанія дворянство уже начало смотрѣть, какъ на наказанія позорящія честь дворянина. Въ 1756 г. было постановлено, что если сыщикамъ разбойниковъ не будутъ оказывать помощи управители, то тѣхъ изъ нихъ, которые не изъ дворянъ, бить

плетьми, а которые изъ дворянъ — содержать подъ карауломъ (П. С. № 10.650. § 1). Интересна классификація наказаній за продажу чужихъ людей въ рекруты, которую дѣлаетъ генеральное учрежденіе о ежегодномъ рекрутскомъ наборѣ 1757 г.: имѣющіе чины писались за то вѣчно въ солдаты, а неимѣющіе — военные гонялись шпицрутенъ, а статскіе и неслужащіе годные въ службу бились плетьми и посылались въ Оренбургъ въ солдаты, а негодные въ службу — бились кнутомъ и отдавались на житье къ нерчинскимъ заводамъ (П. С. № 11.359). Въ 1762 г. вдова генералъ-экипажмейстера Зотова за принятіе подъ именемъ сына посторонняго младенца и *введеніе* такимъ образомъ въ *знатное шляхетство нерожденнаго въ немъ* и за то, что показаніями своими навлекла на своихъ крѣпостныхъ людей тяжкія истязанія пытками, не была подвергнута никакому тѣлесному наказанію, но только пострижена въ монашество (П. С. № 11.436). Подобнымъ же образомъ и *мучительница* и *душегубица* Салтычиха, принадлежавшая къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, не была подвергаема пыткамъ, но чтобъ показать ей всю жестокость таковыхъ, при ней пытали *на заказъ* другихъ преступниковъ (Р. Арх. ч. 3-й стр. 642). Салтычиха не была подвергнута и тѣлеснымъ наказаніямъ, которыя претерпѣли другіе соучастники ея злодѣяній, не принадлежавшіе къ шляхетству: были биты кнутомъ и клеймены крѣпостные люди мучительницы и попъ, хоронившій замученныхъ душегубицей (П. С. № 13.211. Письмо очевидца въ Осми. В., кн. 4-я)[73].

Мы сказали, что при Елизаветѣ и Екатеринѣ II, дворянство начало смотрѣть на тѣлесныя наказанія, какъ на позорящія честь сословія. Несомнѣнно, что такого взгляда прежде не было, да и быть не могло: тѣлесныя наказанія до самаго Петра Великаго *не лишали ни чести, ни правъ прежняго состоянія*. Въ 17 ст. противъ тѣлесныхъ наказаній высшихъ классовъ протестъ былъ заявленъ не самими этими классами, но иностранцемъ—сербомъ Крижаничемъ. Мы не знаемъ также, были-ли протесты шляхетства противъ тѣлесныхъ

наказаній при Петрѣ Великомъ. По всей вѣроятности, таковыхъ не было.

Но чѣмъ болѣе шляхетство проникалось сознаніемъ своей сословной чести, чѣмъ болѣе развивалось въ немъ воззрѣніе на себя, какъ на сословіе *благородное*, костію и кровію отличающееся отъ подлыхъ общественныхъ классовъ—тѣмъ болѣе позорными и безчестными начали казаться ему кнутъ, плети и пытка. Въ 1730 г. не было прямо заявлено объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для шляхетства, но верховный тайный совѣтъ обѣщалъ содержать его въ надлежащемъ почтеніи и консидераціи, какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ, а слѣдовательно и не подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ.

Это видоизмѣненіе взгляда шляхетства на тѣлесныя наказанія хорошо прослѣдилъ кн. Щербатовъ въ своемъ разсужденіи „О порокахъ и самовластіи Петра“: „Петръ Великій“, говоритъ онъ, „не разбирая ни роду, ни чиновъ, бивалъ приближающихъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, *имъ же введенныхъ*, не странно показаться, и многіе изъ насъ, конечно, *восхотятъ скорѣе смертную казнь претерпѣть, нежели жить послѣ палокъ или плетей*, хотя бы сіе наказаніе и священными руками и подъ очами Божія помазанника было учинено. Всякой вѣкъ имѣетъ свои нравы, а вѣкъ тотъ, который засталъ Петръ Великій, и съ воспитанными въ коемъ людьми жилъ, былъ таковъ, что побои *не инако, какъ по болѣзни почитали, не считая ихъ себѣ въ безчестіе, хотя бы тѣ и кацкими руками были учинены*“. Кн. Щербатовъ еще самъ знавалъ такихъ, которые, потерпѣвъ отъ Петра Великаго побои, не жаловались на него, и не стыдились говорить о нихъ (Чтенія, кн. 1-я 1860 г.).

Но всякій вѣкъ имѣетъ свои нравы, и люди другаго вѣка—другихъ нравовъ, не могли переносить, что односословниковъ ихъ — дворянъ подвергаютъ унизительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, и заявляли энергическіе голоса объ отмѣнѣ ихъ. Ив. Ив. Шуваловъ, проектируя въ 1750 г. для своего отечества „фундаментальные и непремѣнные законы“, требовалъ, чтобы

дворянъ освободили отъ безчестной политической казни— отъ кнута и плетей. Еще энергичнѣе раздались голоса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для дворянъ въ коммиссіи 1767 г. Депутатъ елецкаго дворянства (Бибиковъ), ссылаясь на 360 ст. XV гл. наказа „дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены", требовалъ: для того „чтобы дворянское имя не было поругаемо, дворянина не пытать, не исключивъ его изъ числа дворянъ" (Сб. Р. Ист. Общ. Т. IV стр. 148). Медынскій наказъ заявляетъ „чтобы дворянство избавлено было отъ всякаго тѣлеснаго и безчестнаго наказанія и пытокъ, а потому смертной казни" (Ib. стр. 287). Ярославскій наказъ уполномачиваетъ своего депутата, кн. Щербатова, заявить въ коммиссіи, чтобы и въ наказаніяхъ отличить дворянъ отъ простыхъ людей, „дабы дворянинъ, впадшій въ прегрѣшеніе, не подверженъ былъ къ пыткѣ и ко всякому публичному наказанію, безъ лишенія его прежде чина дворянскаго, дабы сей корпусъ не подверженъ былъ и пятну" (297, § 8). Кн. Щербатовъ, вѣрный своему наказу, заявилъ въ коммиссіи, чтобъ дворянъ не подвергали наказанію чрезъ катскія руки (стр. 149). Кашинскій наказъ повторяетъ требованіе наказа ярославскаго: „избавить всякаго дворянина навсегда, въ какое бы преступленіе ни впалъ, тѣлеснаго наказанія, развѣ бы случился такой жестокосердый и упорный, на котораго бы многія явныя доказательства были, а онъ въ томъ запирался" (стр. 459 § 10).

Намъ неизвѣстно, что было сдѣлано императрицей для удовлетворенія заявленнымъ требованіямъ объ освобожденіи дворянства отъ тѣлесныхъ наказаній—неизвѣстно, продолжали-ли его подвергать этимъ наказаніямъ, или же на практикѣ они были отмѣнены еще до изданія жалованной грамоты? Въ П. С. мы встрѣчали въ 1779 г. случай клейменія буквою *у* (убійца) на лбу одного дворянина за убійство имъ своего родного зятя (П. С. № 15.032).

Дворянская грамота 1785 г. постановляла: „тѣлесное наказаніе да не касается до благороднаго", и распро-

страняла эту льготу и на дворянъ, служащихъ нижними чинами въ войскахъ (§§ 15 и 16 № 16.187), которые до тѣхъ-поръ, какъ мы видѣли, подвергались всѣмъ тѣмъ наказаніямъ, что и рядовые изъ подлыхъ.

При Павлѣ I тѣлесныя наказанія для дворянъ были возстановлены. 2 января 1797 г. сенатъ поднесъ государю докладъ объ отставномъ прапорщикѣ Рожновѣ, который за произнесеніе дерзкихъ словъ о св. иконахъ и владѣтельныхъ государяхъ, по законамъ, заслуживалъ бы смертной казни, но какъ таковой по указу 1754 г. чинить не велѣно, то и подлежитъ онъ наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей, заклейменію и ссылкѣ въ тяжкую работу. Но какъ жалованною грамотою дворянство освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній, то прапорщика Рожнова слѣдуетъ, лиша чиновъ и соединеннаго съ нимъ дворянскаго достоинства, заклепать въ кандалы и послать въ тяжкую работу. На этомъ докладѣ 3 января 1797 г. написана была собственноручная резолюція государя: „какъ скоро снято дворянство, то уже и привиллегія до него не касается. По чему и впредь поступать“. Вслѣдствіе этого государю поднесены были доклады: о подпоручикѣ Иванѣ Ѳеодосѣевѣ, который, проѣзжая чрезъ новгородскую и тверскую губерніи, вездѣ разглашалъ отъ имени государя, что помѣщичьи крестьяне будутъ государевыми; о секретарѣ Васильяновѣ, оскорбившемъ государя; о поручикѣ Перскомъ, виновномъ въ смертоубійствѣ, и прапорщицѣ Трубниковой, участвовавшей въ убійствѣ, совершенномъ ея мужемъ. Доклады гласили, что поименованныя лица разрушили преступленіями свое дворянское достоинство, а потому, по снятіи съ нихъ онаго, наказать ихъ кнутомъ, такъ какъ привиллегія дворянства уже ихъ не касается. Государь утвердилъ доклады сената, а генералъ-прокуроръ кн. Куракинъ, въ отвращеніе разномыслія въ присужденіи дворянамъ наказаній, предложилъ сенату издать объ этомъ общій указъ. Указъ сената дѣйствительно былъ изданъ 13-го апрѣля 1797 г., которымъ постановлялось: дворянъ, гильдейскихъ гражданъ, священниковъ [76]) и діаконовъ

наказывать тѣлесно за преступленія уголовныя (П. С. № 17.916). Мы не знаемъ, насколько строго этотъ указъ примѣнялся, и во-всѣхъ ли случаяхъ, безъ всякаго изъятія, дворяне подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ; мы только знаемъ, что въ 1798 г. весьма богатый помѣщикъ воронежской губерніи гр. Девіеръ, съ участниками своими дворянами Потуловыми, за многія весьма важныя преступленія и за смертоубійство, не были подвергнуты тѣлесному наказанію (П. С. № 18.511) [77].

Жалованная грамота, можно сказать, дала возможность такого толкованія свободы дворянъ отъ тѣлесныхъ наказаній, какое было сдѣлано императоромъ Павломъ и его генералъ-прокуроромъ кн. Куракинымъ: постановивъ, что тѣлесное наказаніе не должно касаться благороднаго, грамота не опредѣлила, что эта льгота распространяется на него и по лишеніи дворянства судомъ до содѣянія имъ новаго преступленія, какъ это обыкновенно практиковалось впослѣдствіи, послѣ возстановленія грамоты Александромъ I по манифесту 2 апрѣля 1801 г. Вслѣдствіе этого манифеста, сенатъ поднесъ государю докладъ, въ которомъ, перечисляя всѣ нарушенія жалованной грамоты Павломъ I, въ 1-мъ пунктѣ указалъ и на возстановленіе торговой казни для дворянъ, постановляя при этомъ, что буде кто изъ дворянъ и имѣлъ несчастіе впасть въ тяжкое преступленіе, то таковаго по мѣрѣ его вины подвергать опредѣленнымъ въ законѣ наказаніямъ, изъемля, однакожъ, отъ тѣлесныхъ. Докладъ сената былъ утвержденъ государемъ (П. С. № 19.856). Возстановленіе дворянскихъ правъ было однимъ изъ первыхъ актовъ царствованія Александра I: вступивъ на престолъ 12 марта 1801 г., онъ возстановилъ грамоту 2 апрѣля того же года. Но замѣчательно, что онъ возстановилъ ее какъ бы не-хотя. Это видно изъ извлеченій изъ засѣданій неофиціальнаго комитета, составленныхъ гр. Строгоновымъ. Въ первомъ засѣданіи этого комитета, 15 іюля 1801 г., государь сказалъ, „что онъ возстановилъ дворянскую грамоту противъ собственной своей воли, и что исключительность дарованныхъ ею правъ всегда была ему

противна“. На это ему отвѣчали, что ничто не мѣшало распространить современемъ эти исключительныя права и на прочія сословія (Приложенія ко 2-ой гл. I-ой ч. Ист. Ал. I Богдановича). Но это распространеніе свободы отъ тѣлесныхъ наказаній и на прочія сословія—хотя и не такой безусловной, какъ для дворянства—произошло уже въ наше время.

Впрочемъ, и по возстановленіи жалованной грамоты, нѣкоторымъ видамъ тѣлесныхъ наказаній подвергались и дворяне. Такъ можно по крайней мѣрѣ судить по запрещеніямъ употреблять эти наказанія для дворянъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ П. С. З. Въ 1802 г. повелѣно было не ковать въ желѣза подсудимыхъ изъ дворянъ, такъ какъ кованіе въ желѣза по воинскому артикулу (Гл. 50, п. 3) считается тѣлеснымъ наказаніемъ, отъ котораго дворяне избавлены § 15 жалованной грамоты (П. С. № 20.335). Положеніемъ комитета министровъ 1826 г. запрещено было брить половину головы арестантамъ изъ классныхъ чиновниковъ и дворянъ (2-е П. С. № 209). Вслѣдъ затѣмъ, въ 1828 г., запрещалось ковать въ желѣза преступниковъ-дворянъ, при ссылкѣ ихъ въ Сибирь на поселеніе (2-е № 1.641). Въ 1833 г. свобода отъ наказаній тѣлесныхъ распространена и на дѣтей личныхъ дворянъ (2-е № 6.663). Несмотря, однакожъ, на то, что общій наказъ гражданскимъ губернаторамъ (§ 37) предписывалъ имъ наблюдать, чтобъ никто изъ дворянъ не былъ подвергаемъ наказаніямъ, въ противность правъ ихъ состоянія (2-е № 10.303), московскій военный генералъ-губернаторъ еще въ 1845 г. доносилъ министерству внутреннихъ дѣлъ, что многіе арестанты изъ дворянъ и чиновниковъ, слѣдующіе чрезъ Москву въ Сибирь, препровождаются въ кандалахъ и съ бритыми головами. Поэтому сенатъ въ томъ же году подтвердилъ запрещеніе о нековании въ кандалы преступниковъ изъ дворянъ, до учиненія ими новаго преступленія (2-е № 18.857). На основаніи предшествовавшихъ постановленій составилась 199 ст. IX Т. изд. 1857 г. „дворя-

*

нинъ свободенъ отъ всякаго тѣлеснаго наказанія, какъ по суду, такъ и во время содержанія подъ стражей".

III. Жалованная грамота подтверждаетъ дворянству право поземельной собственности, и даетъ ему нѣкоторыя новыя имущественныя права.

Не наша задача разсмотрѣніе историческаго развитія правъ на недвижимыя имущества вообще и въ частности на землю, въ томъ объемѣ, какого потребовала бы важность этого вопроса. Притомъ, вопросъ этотъ не былъ предметомъ нашихъ самостоятельныхъ занятій. Поэтому, мы ограничимся только указаніемъ на важнѣйшія его стороны, по скольку онѣ относятся къ исторіи дворянства. Въ указаніяхъ же своихъ мы будемъ слѣдовать главнымъ образомъ классическому труду покойнаго Неволина, обращаясь изрѣдка и къ другимъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ и къ самымъ памятникамъ.

Въ 17 ст. помѣстья и вотчины, хотя продолжаютъ различаться между собою по названію, но въ сущности составляютъ одинъ и тотъ же видъ поземельнаго владѣнія: начала вотчиннаго владѣнія проникаютъ въ помѣстную систему, начала помѣстной системы входятъ во владѣніе вотчинами. Въ сущности, какъ помѣстья, такъ и вотчины, представляютъ *несвободную поземельную собственность*— въ томъ именно смыслѣ, что на обладателяхъ ею лежитъ повинность обязательной службы государству, а самое обладаніе обусловливается этою службою. Точнѣе сказать: поземельное владѣніе въ 17 ст. возможно было только подъ условіемъ службы государству (Градовскаго: Исторія мѣстнаго управленія). Естественное послѣдствіе такого порядка вещей состояло въ томъ, что какъ помѣстья, такъ и вотчины, по уложенію, преимущественно и почти исключительно, могли принадлежать только лицамъ, служащимъ царю. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ этихъ лицъ, вотчинами могли владѣть только гости, которымъ иногда жаловались и помѣстья. Но гости иногда получали также значеніе служилыхъ людей. Притомъ, послѣ уложенія, въ 1666 г. даже гостямъ запрещено было покупать вотчины. Такимъ образомъ, въ 17 ст. поземельное владѣніе сосре-

доточивается въ рукахъ одного служилаго класса. Отсюда былъ прямой выводъ для законодательства 18 вѣка: *поземельное владѣніе можетъ принадлежать только лицамъ дворянскаго сословія.*

Слившись фактически въ 17 в. въ одинъ видъ поземельнаго владѣнія, помѣстья и вотчины сливаются и юридически вначалѣ 18 в.—законами Петра 1 и Анны Іоанновны.

Петръ Великій помѣстья и маетности смоленской шляхты предоставилъ ей въ вотчину еще въ 1701 году (П. С. № 1845). Закономъ 1714 г. Петръ Великій установилъ одинъ и тотъ же порядокъ единонаслѣдія, какъ въ помѣстьяхъ, такъ и въ вотчинахъ. Дворяне въ 18 в. толковали этотъ законъ, какъ *изящнѣйшее благодѣяніе*, которымъ Петръ Великій всѣ помѣстныя дачи дворянамъ въ собственность (это понятіе слилось съ понятіемъ вотчины) пожаловалъ (Размышленіе о неудобствахъ дать свободу крестьянамъ, 1785 г. Чт. кн. 3-я 1861 г.). Но едва-ли такъ понималъ законъ 23 марта 1714 г. виновникъ его. Закономъ этимъ Петръ Великій освятилъ только то, что уже установилось фактически—соединилъ помѣстья съ вотчинами и нѣкоторыми другими имуществами, подъ общимъ названіемъ *имуществъ недвижимыхъ*. Анна Іоанновна, отмѣнивъ законъ о единонаслѣдіи, подтвердила это соединеніе. Но соединеніемъ помѣстій съ вотчинами едва-ли выиграли права поземельной собственности дворянства—скорѣе это соединеніе было въ интересѣ распространенія регальныхъ правъ государства на всякое поземельное владѣніе, окончательнымъ торжествомъ того порядка, который вырабатывался уже въ 17 ст.—подчиненіе условіямъ ограниченнаго помѣстнаго владѣнія, владѣнія полнаго и вотчиннаго.

Какія же лица могли обладать недвижимыми имуществами на правѣ полной собственности, если только таковое право у насъ существовало до Екатерины II? Петръ Великій не разрѣшилъ этого вопроса: вопросъ разрѣшался постепенно втеченіе послѣдующаго времени, и примѣнительно къ недвижимымъ имуществамъ разнаго рода.

1. Что касается *недвижимой поземельной собственности*, лежащей не въ городахъ, но въ уѣздахъ, то, какъ мы видѣли, уже въ 17 ст. она могла принадлежать только *царскимъ чиновнымъ людямъ*. Мы знаемъ, что изъ этихъ царскихъ чиновныхъ людей при Петрѣ Великомъ образовалось *шляхетство*, раздѣлившееся на *потомственное* и *личное*. О правѣ дворянъ потомственныхъ на владѣніе уѣздными землями не могло быть никакого сомнѣнія. Но могли-ли уѣздныя земли принадлежать личнымъ дворянамъ? Законодательство Петра Великаго вопроса этого не разрѣшало. Въ законахъ-же, изданныхъ Анной Іоанновной и Елизаветой Петровной, вопросъ этотъ разрѣшается даже отрицательно: поземельная собственность, лежащая въ уѣздѣ, *можетъ принадлежать только потомственнымъ дворянамъ*, съ устраненіемъ отъ нея лицъ прочихъ состояній, и даже личныхъ дворянъ. Но запрещеніе личнымъ дворянамъ владѣть поземельной собственностію направлено было только на новое пріобрѣтеніе ея, но не на ту, которою они уже владѣли. Это ясно выражено въ межевыхъ инструкціяхъ 1754 и 1766 годовъ: утверждая права на поземельную собственность, которою уже владѣли дворяне личные, инструкціи эти воспрещаютъ имъ новое пріобрѣтеніе ея.

Жалованная грамота окончательно освящаетъ право благородныхъ—потомственнаго дворянства — на поземельную собственность. Она предоставляетъ имъ право именоваться и писаться помѣщиками и вотчинниками своихъ помѣстій и вотчинъ—родовыхъ, благопріобрѣтенныхъ и жалованныхъ (П. С. № 16.187 § 21).

Основаніе исключенію лицъ недворянскаго происхожденія владѣть поземельною собственностью завѣщано законодательству 18 в. предшествовавшимъ временемъ. Разумъ этого основанія заключался въ томъ, что на дворянствѣ лежала обязательная служба государству, за отбываніе которой оно владѣло землями съ прикрѣпленными къ нимъ крестьянами. Съ этой точки зрѣнія, исключеніе лицъ тѣхъ другихъ состояній, на

которыхъ не лежала обязательная служба, находило себѣ оправданіе. Но какъ только обязательная служба была снята съ дворянства, исключительно принадлежавшее ему право землевладѣнія сдѣлалось ничѣмъ неоправдываемой привиллегіей. Понятно стремленіе законодательства, послѣдовавшаго за отмѣной обязательной службы, распространить право владѣнія уѣздными землями и на лицъ недворянскаго происхожденія. Впрочемъ, законодательство 18 в. сдѣлало только незначительный шагъ на этомъ пути: городовое положеніе дозволило именитымъ гражданамъ имѣть загородные дворы и сады. Рѣшительнѣе шагъ былъ сдѣланъ Александромъ I: указъ 12 декабря 1801 г., о которомъ одинъ изъ образованнѣйшихъ его современниковъ, гр. Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, сказалъ, что онъ „есть учрежденіе такой важности и пользы, что можетъ быть поставленъ въ числѣ тѣхъ, кои и не къ лѣтописямъ частнаго народа, но всего человѣчества принадлежатъ" (Р. Арх. № XI. 1869 г.)—указъ 1801 г.—„преддверіе уничтоженія самого рабства"—предоставилъ право пріобрѣтенія всѣхъ земель безъ крестьянъ всѣмъ россійскимъ подданнымъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ (П. С. № 20.075). Императоръ Николай I въ 1848 г. сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ: онъ разрѣшилъ и крѣпостнымъ крестьянамъ пріобрѣтеніе всякаго рода недвижимыхъ имуществъ, а въ томъ числѣ и ненаселенныхъ земель—съ согласія ихъ помѣщиковъ (2-е П. С. № 22.042). Послѣ этого за дворянствомъ осталось только право владѣть населенными недвижимыми имѣніями, какъ исключительная его привиллегія, которой были лишены другіе общественные классы.

2. Домами—не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ—лица дворянскаго состоянія могли владѣть и до жалованной грамоты, которая только подтверждаетъ имъ это право (П. С. № 16.187. § 30). Относительно способа пользованія городскими домами было не въ обычаѣ старинныхъ русскихъ баръ отдавать ихъ внаймы, и какъ бы долго ни продолжалось отсутствіе хозяевъ, городскія дворянскія палаты стояли пустыми, въ ожи-

данiи ихъ возвращенiя, подобно царскимъ дворцамъ (Вигель: ч. I, стр. 180).

3. Лавками въ городахъ прежде могли владѣть только городскiе обыватели. Но Екатерина II, въ 1783 г., дозволила всѣмъ, живущимъ въ городахъ, а въ томъ числѣ и дворянамъ, имѣть въ домахъ своихъ лавки и амбары. Жалованная грамота дозволяетъ благороднымъ имѣть въ своихъ городскихъ домахъ рукодѣлiе (П. С. № 16.187 § 30). На основанiи этого права, гр. Апраксинъ, въ 1802 г., устроилъ на своемъ дворѣ лавки, положивъ основанiе существующему и понынѣ апраксину двору. Но вопросъ о владѣнiи лавками въ городахъ все-таки былъ разрѣшенъ законодательствомъ не довольно опредѣлительно. Не было именно выяснено, ограничивается-ли право лицъ, непринадлежащихъ къ городскимъ обывателямъ, владѣнiемъ лавками только въ домахъ своихъ, или же они имѣютъ и право прiобрѣтать лавки въ гостинныхъ дворахъ, рядахъ и на рынкахъ? Послѣднее было запрещено законами 1824 и 1826 г. Но за то возникали сомнѣнiя и по вопросу уже разрѣшенному законодательствомъ: можетъ-ли дворянинъ, безъ записки въ гильдiю, прiобрѣтать въ городѣ домы съ лавками? Такъ, напримѣръ, жена полковника Воейкова въ 1833 г. должна была записаться въ московское купечество, по-случаю покупки дома съ лавками въ Москвѣ. Въ государственномъ совѣтѣ по этому поводу снова былъ возбужденъ вопросъ о правѣ дворянъ владѣть въ городахъ домами съ лавками. Вопросъ былъ разрѣшенъ подтвержденiемъ закона 1783 г.—могутъ владѣть безъ записки въ гильдiи (2 П. С. № 6.457).

4. Петръ Великiй разрѣшилъ лицамъ всѣхъ состоянiй учреждать фабрики и мануфактуры. Но эти фабрики и мануфактуры, бывъ поставлены подъ строгiй контроль мануфактуръ—коллегiи, составляли ограниченную собственность ихъ владѣльцевъ. Екатерина II освободила ихъ отъ этого контроля, сдѣлавъ полною собственностью тѣхъ лицъ, которымъ онѣ принадлежали. Жалованная грамота ограничила право благородныхъ

имѣть фабрики и мануфактуры, предоставивъ имѣть ихъ только въ деревняхъ (П. С. № 16.187. § 28). Пока дворянамъ не дозволялось записываться въ гильдіи, до тѣхъ поръ они безусловно были устранены отъ владѣнія фабриками и мануфактурами въ городахъ. Право это они пріобрѣли въ 1827 г., когда предоставлено всѣмъ дворянамъ, потомственнымъ и личнымъ, имѣть фабрики и заводы въ городахъ, съ запискою въ одну изъ трехъ гильдій; а личнымъ дворянамъ, кромѣ того, было дозволено, безъ всякой записки въ гильдію, имѣть въ городахъ такъ-называемыя домашнія заведенія. У насъ нѣтъ матеріала, чтобъ изслѣдовать подробно, какъ воспользовалось дворянство правомъ учреждать фабрики и мануфактуры. Достаточно замѣтить вообще, что въ очень многихъ дворянскихъ имѣніяхъ мануфактурная промышленность получила весьма широкое развитіе: уже вначалѣ текущаго столѣтія между помѣщиками явились весьма замѣчательные дѣятели на этомъ поприщѣ. Полтавскій помѣщикъ Кирьяковъ въ 1811 г. за усовершенствованія селитренныхъ заводовъ въ своихъ имѣніяхъ, смоленскій помѣщикъ Щепочкинъ за изобрѣтенный имъ способъ бѣленія пряжи, украшены были орденомъ Владиміра 4 ст. Уже вначалѣ текущаго столѣтія прославились фабрики: кн. Юсупова—сукна, орденскія ленты, шелковыя и кашемировыя матеріи; бригадира гр. Толстаго—стеклянныя издѣлія; гр. Потемкина знаменитая глушковская фабрика суконъ въ курской губерніи; шерстяная фабрика помѣщицы Сабуровой, тамбовской губ. моршанскаго уѣзда, на которой приготовлялись шали, достоинствомъ своимъ неуступавшія самымъ лучшимъ турецкимъ; съ ней соперничала фабрика шалей помѣщицы пензенской губ. Колокольцевой и т. д. Со втораго десятилѣтія текущаго столѣтія особенно сильно начинаетъ развиваться въ помѣщичьихъ имѣніяхъ свеклосахарная промышленность. Изъ среды дворянства вышли нѣкоторые весьма замѣчательные дѣятели фабричной промышленности, какъ Полторацкій, Мальцовъ, Бобринскій и мн. др. (Варадинова: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ).

Мы разсмотрѣли развитіе правъ дворянства на разные роды имуществъ недвижимыхъ. Какъ велико было пространство этихъ правъ? Мы видѣли, что въ 17 ст., какъ вотчины, такъ и помѣстья, составляли несвободное поземельное владѣніе служилаго класса. Петръ Великій еще болѣе стѣсняетъ права какъ на поземельную, такъ и на всякую другую недвижимую собственность. Въ Германіи онъ видѣлъ множество королевскихъ правъ на частныя земли—jura regalia, существовавшія тамъ, какъ остатки отъ среднихъ вѣковъ. Эти регальныя права онъ перенесъ и въ Россію, еще болѣе усиливъ тѣмъ несвободный характеръ поземельнаго владѣнія. При немъ, можно сказать, поземельная собственность (вотчинная уже не различалась отъ помѣстной) превратилась въ поземельное владѣніе, весьма ограниченное какъ относительно пользованія, такъ и относительно распоряженія.

А. Ограниченія *права пользованія*, введенныя Петромъ Великимъ, относились главнымъ образомъ: 1) къ внутренностямъ земли, 2) къ растущимъ на ея поверхности лѣсамъ, 3) къ нѣкоторымъ угодьямъ и 4) къ мельницамъ.

1. До Петра Великаго помѣщики и вотчинники могли свободно отыскивать въ нѣдрахъ своихъ земель минералы. Въ 1700 г. впервые Петръ повелѣлъ воеводамъ и особымъ чиновникамъ отыскивать руды на земляхъ всѣхъ частныхъ владѣльцевъ. Въ 1719 г. разработка минераловъ предоставлена была и частной промышленности, но на условіяхъ крайне стѣснительныхъ. „*Намъ однимъ, яко монарху*“ говоритъ Петръ Великій въ указѣ объ учрежденіи бергъ-коллегіума „принадлежатъ рудокопные заводы; но мы по любви къ нашимъ подданнымъ милостиво соизволяемъ употребленіе ихъ каждому и всѣмъ вообще, кто имѣетъ къ тому охоту“. Вслѣдствіе этого, всякому даровано было право, какъ на собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ, искать, плавить, варить и чистить всякіе металлы. Владѣльцы земель имѣли, впрочемъ, первое право на устроеніе заводовъ. Но когда они не имѣли къ тому ни охоты,

ни средствъ, то должны были терпѣть, что другіе будутъ въ ихъ земляхъ искать, копать и передѣлывать руду и минералы, *дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не осталось.* Однакожъ, промышленники съ той земли, на которой построятъ заводы, должны были заплатить владѣльцу отъ каждой руды или обработаннаго минерала $^1/_{32}$ долю прибыли, а за землю для постройки завода, за дрова и лѣсъ они должны были платить деньгами. Но назначеніе цѣны за все это не вполнѣ зависѣло отъ благоусмотрѣнія помѣщика: буде онъ назначалъ *цѣну несносную,* то о томъ представляли въ коллегію (П. С. № 3.464). Начала этого указа оставались въ силѣ до Екатерины II. Манифестомъ 28 іюня 1782 г. право собственности владѣльцевъ распространено на всѣ произведенія земли, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея содержащіяся. На этомъ основеніи дозволено каждому добывать въ своихъ собственныхъ земляхъ и обработывать всяческіе металлы и минералы (П. С. № 15.447). Право это подтверждено въ § 33 жалованной грамоты, и осталось неизмѣннымъ и въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Нѣкоторое ограниченіе закона 1782 г. состояло до послѣдняго времени въ томъ, что разработка соли составляла регалію, но въ 1862 г., со введеніемъ акциза на соль, обработка ея сдѣлалась предметомъ частной промышленности [78]).

2. Петръ Великій ограничилъ право владѣльцевъ и на лѣса, на земляхъ ихъ растущіе. Ограниченія эти начинаются съ 1703 г., потомъ они непрерывно продолжаются во все его царствованіе. Въ 1703 г. запрещено владѣльцамъ земель на пространствѣ 50 верстъ отъ большихъ рѣкъ и 20 отъ малыхъ, удобныхъ для сплавки лѣсовъ, рубить дерево извѣстныхъ породъ (дубъ, кленъ, большую сосну и др.). Въ 1719 г. число заповѣдныхъ породъ нѣсколько уменьшается, но за то запрещено рубить дубъ повсюду, а въ заповѣдныхъ лѣсахъ—даже брать валежникъ. Казна и всѣ лица для государственныхъ потребностей могли рубить во всѣхъ лѣсахъ всякое дерево, не платя за то ничего владѣльцу лѣса. Напротивъ, за порубку заповѣдныхъ лѣсовъ для

частныхъ потребъ, даже владѣльцами, налагались самыя строгія наказанія: смертная казнь, ссылка на каторгу съ вырѣзаніемъ ноздрей, денежные штрафы.— Екатерина I поставила лѣсную часть на другихъ основаніяхъ. Значительно было ограничено число заповѣдныхъ лѣсовъ: заповѣдные лѣса оставлены только въ казанской губерніи — преимущественно по Волгѣ, въ воронежской по Воронежу и Дону, въ кіевской—по Днѣпру, около Ильменя, по Волхову, и въ олонецкой провинціи—по Свири. По этимъ рѣкамъ лѣса заказаны были только на 15 в., а по малымъ оставались вовсе свободными.—Но при Петрѣ II открылось большое истребленіе лѣсовъ; поэтому они снова были заказаны на большемъ пространствѣ.—Еще болѣе усилены строгія постановленія о лѣсахъ Анной Іоанновной: запрещено рубить заказные лѣса на сто верстъ отъ нѣкоторыхъ озеръ и большихъ рѣкъ, а отъ малыхъ на 25 верстъ; дубъ заказанъ повсюду; за порубку и поврежденіе заповѣдныхъ лѣсовъ увеличены денежные штрафы, а за порубку и поврежденіе въ 3-й разъ назначалось наказаніе кнутомъ и каторга на 10 лѣтъ.—Лѣсное законодательство Елизаветы Петровны проникнуто тѣми же началами.

Императрица Екатерина II распространила начала манифеста 1782 г. и на лѣса, повелѣвъ указомъ 22 сентября того же года всѣ лѣса, растущіе въ дачахъ помѣщиковъ, хотя бы они были до сего времени заповѣданы и клеймены, предоставить въ полную ихъ собственность (П. С. № 15.518). Жалованная грамота § 34 подтверждаетъ благороднымъ это право собственности на лѣса, растущіе въ ихъ имѣніяхъ. А отсюда начало это перешло и въ дѣйствующее законодательство.

3. При Петрѣ Великомъ многія угодья, лежащія на владѣльческихъ земляхъ, были причислены къ казеннымъ оброчнымъ статьямъ. Екатерина I нѣкоторыя изъ такихъ угодій повелѣла отдать самимъ поземельнымъ владѣльцамъ въ вѣчное содержаніе, безъ переоброчки. Это подтверждено и межевыми инструкціями 1754 и

1766 годовъ.—Въ 1775 г. многія изъ такихъ угодій были обращены въ полную собственность ихъ владѣльцевъ, а въ 1782 г. право собственности распространено и на все имѣніе, со всѣми угодьями въ немъ находящимися, что подтверждено и жалованной грамотой и вошло въ дѣйствующее законодательство. Къ угодьямъ, которыми владѣльцы имѣній не могли пользоваться, относились:

а) Пчельники и бортныя угожья, которые въ 1704 г. были обложены оброкомъ, какъ казенныя статьи. Межевыя инструкціи повелѣли отдавать эти угодья въ оброчное содержаніе безъ переоброчки самимъ владѣльцамъ, а въ 1775 г. сборъ и вовсе былъ отрѣшенъ.

б) Всѣ частныя рыбныя ловли отобраны были также Петромъ Великимъ въ казну въ 1704 г., и затѣмъ ихъ отдавали въ содержаніе изъ за платежа оброка. Въ 1727 г. повелѣно было отдать ихъ въ содержаніе самимъ владѣльцамъ безъ переоброчки, что подтверждено и межевыми инструкціями, и продолжалось до 1775 г., когда сборъ съ рыбныхъ ловель отрѣшенъ, и они сдѣлались полной собственностію вотчинниковъ. Въ 1782 г. и въ жалованной грамотѣ Екатерины II подтверждено право поземельныхъ собственниковъ на воды.

в) Кромѣ запрещеній ловить звѣрей и птицъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга и Москвы, которыя также начинають появляться при Петрѣ Великомъ и отчасти существуютъ и къ настоящее время, къ числу ограниченій правъ собственности владѣльцевъ можно также отнести и позволеніе ловить въ ихъ дачахъ разныхъ птицъ для двора, даваемое извѣстнымъ лицамъ. Это въ особенности часто практиковалось при Аннѣ Іоанновнѣ. Такъ напримѣръ, въ 1731 г. повелѣно донскимъ кречетнымъ помытчикамъ ловить птицъ въ угодьяхъ людей всякихъ чиновъ безвозбранно, для доставленія ежегодно въ Москву по 20 кречетовъ и по 30 кречетныхъ челиговъ (П. С. № 5.791), а въ слѣдующемъ голу подобное приказаніе получили и ростовскіе сокольи помытчики (П. С. № 6.089) [79]).

4. Съ мельницъ, принадлежащихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, Петръ Великій повелѣлъ въ 1704 г., ввидѣ оброка, брать 1/4 часть дохода. Съ 1729 г. мельницы начали отдавать владѣльцамъ въ вѣчное оброчное содержаніе, за исключеніемъ пильныхъ, которыя въ 1763 г. вовсе исключены изъ оброка. Въ 1775 г. отмѣненъ сборъ и со всѣхъ другихъ владѣльческихъ мельницъ, и онѣ сдѣлались полною собственностію ихъ владѣльцевъ (См. Неволина: Ист. гражд. законовъ, Т. II).

Б. Намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть, какимъ ограниченіямъ подвергалось право распоряженія недвижимыми имуществами?

Екатерина II въ своей полемикѣ съ аббатомъ Шапомъ говоритъ объ исконномъ правѣ русскихъ дворянъ пользоваться свободою завѣщаній, изъ которыхъ де нѣкоторыя, совершонныя болѣе 500 лѣтъ назадъ, видѣла сама императрица (Осмн. В. кн. 4 стр. 327 „Антидотъ"). Съ развитіемъ помѣстной системы, свобода завѣщаній могла имѣть мѣсто только относительно вотчинъ. Но важнѣйшее ограниченіе права распоряженія недвижимыми имуществами было установлено закономъ 1714 г. о порядкѣ *единонаслѣдія* въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ. Законъ этотъ игралъ столь важную роль въ положеніи дворянства начала прошлаго столѣтія, что мы считаемъ нужнымъ обстоятельнѣе познакомиться съ его судьбами.

Законъ 1714 г. очевидно былъ навѣянъ западной Европой, въ которой, вслѣдствіе сильнаго развитія аристократіи—преемницы феодальныхъ порядковъ—господствовалъ мойоратъ и безземельность кадетовъ. Увлеченный порядками западной Европы, Петръ Великій задумалъ систему мойората, выработавшуюся на западѣ исторически, перенесть и въ Россію, въ которой не было для нея никакой исторической почвы, никакой традиціи. Задумавъ такое важное дѣло, прежде всего онъ постарался собрать и изучить законы о наслѣдованіи въ иностранныхъ государствахъ. Брюсу поручено было составить для царя краткое описаніе законовъ

шкоцкихъ, агленскихъ и французскихъ о наслѣдникахъ или первыхъ сынахъ. Несмотря на турецкій походъ, которымъ былъ такъ озабоченъ Петръ Великій, въ 1711 г. Головкинъ писалъ секретарямъ посольскаго приказа: „желаетъ его царское величество вѣдать подлинно изъ правилъ французскихъ, аглинскихъ и венецыйскихъ, какое у нихъ опредѣленіе, какъ въ недвижимыхъ маетностяхъ и домахъ, такъ и пожиткахъ, дѣтямъ по отцахъ оставшимся мужеска и женска пола въ наслѣдствіи и раздѣлѣ оныхъ, какъ знатнѣйшихъ княжихъ, графскихъ, шляхецкихъ, такъ и купецкихъ фамилій: и вы поищите такихъ правилъ въ книгахъ, которыя вывезъ къ Москвѣ Петръ Посниковъ, и ежели того нѣтъ то спрашивайте и ищите оныхъ правилъ на Москвѣ у иноземцевъ, и ежели гдѣ что сыщется, то велите перевести“. (Соловьева: Т. XVI. стр. 199). Наконецъ, въ мартѣ 1714 г. изданъ былъ и самый законъ о единонаслѣдіи. Модификація майората, въ сравненіи съ западной Европой, состояла въ томъ, что у насъ онъ былъ обязателенъ не для одного шляхетства, но для всѣхъ подданныхъ, какого бы чина и состоянія они ни были, такъ какъ и предметомъ его была не одна поземельная собственность, но всѣ недвижимыя имущества. Наиболѣе, конечно, онъ затрагивалъ интересы шляхетства.

Какія же были существенныя стороны закона 1714 г.?

Въ прежнемъ порядкѣ наслѣдованія, Петръ Великій видѣлъ 3 главные недостатка: отъ равнаго раздѣленія имѣній между дѣтьми происходилъ вредъ государственнымъ интересамъ, разореніе крестьянамъ и паденіе шляхетскимъ фамиліямъ.

Вредъ государственнымъ интересамъ состоялъ въ томъ, что при раздробленіи имѣній затруднялся платежъ податей. Кромѣ того, каждый наслѣдникъ, получивъ хотя малую часть, имѣлъ свой *даровой хлѣбъ*, и не хотѣлъ безъ *принужденія* вступать въ государственную службу.

Разореніе крестьянамъ происходило отъ того, что сыновья богатыхъ родителей, привыкши въ домѣ ихъ къ богатой жизни, хотѣли продолжать ее и послѣ раздѣла богатаго родительскаго достоянія на нѣсколько малыхъ долей и обременяли вслѣдствіе того своихъ крестьянъ излишними платежами. Петръ Великій объяснялъ это наглядпымъ примѣромъ: если кто имѣлъ 1.000 дворовъ и 5 сыновъ, держалъ „домъ доволной, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное". По смерти его, имѣніе дѣлится на 5 частей, и у каждаго сына является по 200 дворовъ. Но сыновья эти „помня славу отца своего и *честь рода*", не хотятъ *сиро* жить, но *ясно*: тогда съ крестьянъ ихъ будетъ 5 столовъ, а не одинъ, и 200 дворовъ понесутъ тѣ же тягости, что и 1.000. А подлые люди отъ этого разорятся.

Съ раздробленіемъ имѣній, знатныя фамиліи постепенно упадали и приходили, наконецъ, въ такую бѣдность, что обращались въ поселянъ „какъ уже много тѣхъ экземпляровъ есть въ Россійскомъ народѣ".

Система единонаслѣдія, по мнѣнію Петра Великаго, могла предупредить и вредъ государственнымъ интересамъ, и разореніе крестьянамъ, и разореніе шляхетскимъ фамиліямъ.

Вредъ государственнымъ интересамъ она предупредитъ потому, что когда недвижимое имѣніе достанется нераздѣльно одному сыну, то государственныя подати будутъ уплачиваться исправнѣе. А прочіе сыновья, которымъ достанется только часть движимаго, принуждены будутъ искать хлѣба службою, ученіемъ, торгами и прочимъ.

Разореніе крестьянамъ предупредится тѣмъ, что владѣлецъ большаго нераздѣльнаго имѣнія всегда можетъ болѣе льготить ихъ и менѣе съ нихъ брать.

При нераздѣльности имѣній, шляхетскія фамиліи не будутъ упадать, „но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы".

Самый же порядокъ единонаслѣдія опредѣленъ былъ слѣдующими началами:

1) Кто имѣетъ нѣсколько сыновей, тотъ можетъ, посредствомъ завѣщанія, одного изъ нихъ назначить

наслѣдникомъ недвижимаго своего имѣнія, а прочихъ дѣтей по усмотрѣнію надѣлить имуществомъ движимымъ. А если владѣлецъ не раздѣлитъ посредствомъ завѣщанія на вышеозначенныхъ началахъ, то недвижимое имѣніе опредѣляется по закону старшему сыну, а движимое должно дѣлиться поровну между другими дѣтьми.

2) Если у владѣльца нѣтъ дѣтей, то онъ можетъ отдать свое недвижимое имѣніе какому захочетъ члену своей фамиліи, а движимое или своимъ родственникамъ или постороннему. А если при жизни онъ не сдѣлаетъ распоряженія, тогда оба имѣнія отдаются въ родъ по закону: недвижимое ближайшему въ родѣ, а движимое дѣлится между прочими.

3) Если же владѣлецъ будетъ послѣднимъ въ своей фамиліи, и будетъ имѣть одну или нѣсколько дочерей, въ дѣвицахъ или замужемъ, то онъ можетъ отдать недвижимое имѣніе одной изъ этихъ дочерей— замужней, вдовѣ или дѣвицѣ. Но для возобновленія фамиліи, мужъ замужней обязанъ тотчасъ-же принять имя тестя, а дѣвица или вдова не могутъ выйти замужъ за того, кто не захочетъ принять имени тестя (П. С. № 2.789) [80]).

Что касается безземельныхъ кадетовъ, то законъ, изданный вскорѣ послѣ указа о единонаслѣдіи, предоставлялъ имъ право покупать недвижимыя имущества, по прослуженіи извѣстнаго числа лѣтъ: въ военной службѣ 7, а въ гражданской 10; а записавшимся въ купечество или мастерство—по истеченіи 15 лѣтъ (П. С. № 2.796). Законъ 1714 г. былъ извѣстенъ подъ именемъ *пунктовъ*, такъ какъ онъ раздѣлялся на *пункты*. Поэтому, по отмѣнѣ его говорили „онъ родился въ пунктахъ“, т. е. въ то время, когда еще дѣйствовалъ законъ о единонаслѣдіи (Записки Нащокина).

Еслибы эти *пункты* привились къ нашему дворянству, послѣдствія того были бы неисчислимы: законы о наслѣдованіи всегда играютъ такую важную роль въ государственномъ строѣ (Токвиль), они опредѣляютъ

соціальное и политическое положеніе аристократіи. Майоратъ, сосредоточивая поземельную собственность въ рукахъ представителей аристократическихъ фамилій, поддерживаетъ ихъ политическое преобладаніе. Это хорошо поняла наша аристократія впослѣдствіи.

Но майоратъ, введенный у насъ Петромъ Великимъ, не имѣлъ для себя исторической почвы: будучи учрежденіемъ чисто сословнымъ, онъ появился въ то время, когда шляхетство, какъ сословіе, только что зарождалось; онъ сталъ въ разрѣзъ съ исконнымъ порядкомъ наслѣдованія, формулированнымъ въ уложеніи —порядкомъ раздѣла. Майоратъ былъ страшнымъ бременемъ для русскаго шляхетства—въ особенности для шляхетства рядоваго [81]). Неравенство между дѣтьми, установленное закономъ о единонаслѣдіи, какъ повѣствуетъ майоръ Даниловъ, „тронуло нѣжные родительскія сердца и, по тогдашнему обыкновенію, казалась великая невозможность, какимъ бы образомъ дворянскому сыну сыскать себѣ пропитаніе, кромѣ оставшаго послѣ отца его недвижимаго имѣнія“ (стр. 14). Родители, не смотря на строгое запрещеніе, продавали свои деревни въ чужой родъ, чтобъ, получа деньги, раздѣлить ихъ поровну между дѣтьми, или перепродавали для укрѣпленія кадетамъ; если же не успѣвали продать, то въ духовномъ завѣщаніи писали на себѣ чей-нибудь долгъ, завѣщавъ наслѣднику подъ клятвою заплатить его меньшимъ дѣтямъ. Нѣкоторые исполняли волю отца и уплачивали долги, продавали для того свои деревни; другіе же оспаривали завѣщанія. А иногда между членами семьи случались кровавыя драки: не только братья и ближніе родственники другъ друга, но и дѣти отцовъ своихъ побивали до смерти. Кромѣ того, пункты вызвали значительное хозяйственное разстройство имѣній: хлѣбъ, лошадей и скотъ считали за движимое и отдавали кадетамъ. И такимъ образомъ наслѣдникъ получалъ имѣніе безъ инвентаря, а кадеты инвентарь безъ имѣнія (П. С. № 5.653). Богатое и знатное шляхетство имѣло еще средства устроить участь меньшихъ дѣтей. Масса же рядоваго шляхетства—бѣд-

наго и безденежнаго—вовсе была лишена этихъ средствъ. Первые тяготились майоратомъ гораздо менѣе, можетъ быть даже понимали его сословное аристократическое значеніе; вторые плакались на майоратъ, ввергавшій ихъ въ бѣдность и заставлявшій терять *шляхетскіе поступки*. Понятно, поэтому, что при Екатеринѣ I и Петрѣ II, когда власть находилась въ рукахъ сильныхъ и богатыхъ, вопросъ объ отмѣнѣ майората не былъ тронутъ. При Екатеринѣ I произведено только незначительное смягченіе строгихъ началъ закона о единонаслѣдіи: пунктами о вотчинныхъ дѣлахъ 1725 г. дозволено кадетамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія тотчасъ по вступленіи ихъ въ военную или гражданскую службу (П. С. № 4.722). Насколько изложенное нами соображеніе (съ которымъ мы встрѣчались и у Соловьева) о различномъ воззрѣніи на майоратъ знатнаго и рядоваго шляхетства оправдывается фактами, видно и изъ того, что въ кондиціяхъ, предложенныхъ верховниками герцогинѣ курляндской, нѣтъ ничего объ отмѣнѣ майората. А кондиціи эти можно считать политической программой знатнаго шляхетства. Но когда о своихъ интересахъ заговорило шляхетство рядовое—оно стало *неотступно* просить, дабы позволено было недвижимое имѣніе дѣлить между дѣтьми поровну (Записки Данилова, стр. 15). В. тайный совѣтъ, поставленный въ необходимость задобрить рядовое шляхетство, обѣщалъ ему уничтоженіе майората. Обѣщаніе это было исполнено Анной Іоанновной, которую въ борьбѣ съ верховниками поддержало шляхетство рядовое. Когда въ 1730 г. былъ поднятъ вопросъ о составленіи новаго уложенія, то сенатъ воспользовался этимъ и возбудилъ вопросъ о майоратѣ. Сенаторы пришли къ слѣдующей резолюціи: „что если государыня дастъ позволеніе, чтобъ о наслѣдствахъ поступать по прежнимъ указамъ и по уложенію, то въ сочиненіи новаго уложенія вотчинной главы трудъ весьма уменьшится, потому что многіе пункты прежняго уложенія достаточны будутъ“. (Соловьева: Т. XIX. стр. 279) Сходственно съ этой резолюціей, 9 декабря 1730 г.

сенатъ представилъ государынѣ докладъ объ отмѣнѣ указа 1714 г. и дополнительныхъ къ нему статей 1725 г., такъ какъ они „по состоянію здѣшняго государства не къ пользѣ происходятъ“. Указавъ на всѣ вредныя послѣдствія закона о единонаслѣдіи, сенатъ предлагалъ возстановить тотъ порядокъ наслѣдованія, который опредѣленъ въ уложеніи. Докладъ сената былъ апробованъ, порядокъ наслѣдованія по уложенію возстановленъ, и съ шляхетства снято ограниченіе права распоряженія своими недвижимыми имѣніями (П. С. № 5.653). Жалованная грамота подтверждаетъ дворянству полную свободу распоряжаться благопріобрѣтенными имѣніями, ограничивая только право распоряженія имѣніями родовыми (П. С. № 16.187 § 22).

Но жалованная грамота ничего не говоритъ о правѣ дворянъ мѣняться своими недвижимыми имѣніями. На основаніи этого умолчанія, сенатъ въ 1786 г. призналъ мѣну ихъ запрещенною, что подтверждено и X. т. Св. Зак. (Неволина: Ист. росс. гражд. законовъ, т. 2).

Что же касается запрещенія послѣднему въ родѣ распорядиться своимъ недвижимымъ имѣніемъ, которое сдѣлано было Петромъ Великимъ въ 1712 г., то оно отмѣнено вскорѣ послѣ его смерти. Жалованная грамота, предоставляя неограниченное право распоряженія имуществами благопріобрѣтенными, дозволяетъ, конечно, распоряженіе ими и послѣднему въ родѣ. Александръ I распространилъ это право и на имущества родовыя (ib).

Мы разсказали исторію отмѣны майоратовъ. Отмѣна эта имѣла значеніе и безусловнаго ихъ запрещенія. По крайней мѣрѣ, указъ 1730 г. ничего не говоритъ о правѣ дворянъ устраивать майораты по своему благоусмотрѣнію, а при устройствѣ ихъ впослѣдствіи, въ каждомъ данномъ случаѣ испрашивалось разрѣшеніе верховной власти. Знатное шляхетство, какъ мы видѣли, не только не тяготилось закономъ 1714 г., но могло даже понимать и оцѣнивать его благопріятное для усиленія дворянскаго сословія значеніе. Закономъ о единонаслѣдіи тяготилось шляхетство рядовое, доро-

жившее болѣе насущными житейскими нуждами, чѣмъ политическими сословными затѣями.

Чѣмъ болѣе знатное шляхетство проникалось духомъ аристократизма и пониманіемъ своихъ сословныхъ интересовъ, чѣмъ болѣе оно освоивалось съ положеніемъ аристократіи западно-европейской, вездѣ державшейся майората—тѣмъ дѣлалось для него желательнѣе это установленіе. Понятно заявленіе наказа московскаго дворянства, подписаннаго вельможами и знатнѣйшими дворянами: чтобы сообразуясь съ прочими въ Европѣ христіанскими областьми благоучрежденными, исходатайствовано было право власти всякому владѣльцу опредѣлять свое движимое и недвижимое въ *нераздѣльное наслѣдство*, кому кто оное отдать пожелаетъ съ *предписаніемъ* порядка, какъ оному переходить изъ колѣна въ колѣно" (Сб. Русск. Историч. Общ. т. IV стр. 225). Но жалованная грамота не разрѣшила дворянству учреждать въ своихъ имѣніяхъ субституціи. Предоставляемую же ею свободу дворянамъ вполнѣ распоряжаться своими благопріобрѣтенными имѣніями нельзя было также истолковать въ смыслѣ разрѣшенія субституцій, ибо для каждаго отдѣльнаго случая послѣ того требовалось высочайшее разрѣшеніе. Первый случай такого разрѣшенія относится къ 1774 г., когда по просьбѣ генералъ-фельдмаршала гр. Чернышева въ пожалованномъ ему староствѣ чечерскомъ могилевской губерніи и въ наслѣдственномъ селѣ Еропольчѣ волоколамскаго уѣзда учрежденъ былъ майоратъ (П. С. № 14.177). Затѣмъ въ царствованіе Александра I, указомъ 1817 года учрежденъ былъ майоратъ въ имѣніи гр. Строгонова (П. С. № 26.995). Болѣе этихъ двухъ случаевъ до Николая I не было. Въ секретный комитетъ 6 декабря 1826 г. Л. В. Васильчиковымъ внесена была записка о недѣлимости дворянскихъ имѣній и майоратахъ (Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. права V ч. стр. 42). Послѣдствіемъ этой записки не было изданіе какого-нибудь узаконенія о майоратахъ, а между прочимъ съ 1831 г. чаще и чаще дворянство начало обращаться къ верховной власти съ просьбами

объ учрежденіи ихъ. Съ 1 октября 1831 г., когда былъ учрежденъ майоратъ гр. Строгоновой и до 5 октября 1845, когда онъ учрежденъ кн. Витгенштейномъ—встрѣчаемъ 14 случаевъ [82]).

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ майораты учреждались на различныхъ началахъ: для объединенія этихъ началъ и установленія постоянныхъ и однообразныхъ правилъ въ 1845 г. издано было положеніе *о заповѣдныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ*. На основаніи этого положенія, заповѣдныя имѣнія могутъ учреждаться или по высочайшему повелѣнію при самомъ пожалованіи имѣнія, или по волѣ владѣльца съ утвержденія государя. Одно и тоже лицо можетъ учредить нѣсколько отдѣльныхъ заповѣдныхъ имѣній, точно также, какъ и нѣсколько лицъ могутъ изъ своихъ имѣній составить одно заповѣдное. Требуется только, чтобъ заповѣдное имѣніе заключало въ себѣ не менѣе 400 и не болѣе 4.000 крестьянскихъ дворовъ, или не менѣе 10 т. и не болѣе 100 т. десятинъ удобной земли, и чтобъ приносило ежегоднаго дохода не менѣе 12 т. и не болѣе 200 т. р. с. Учредитель заповѣднаго имѣнія можетъ къ родовому своему имени присоединить названіе одного изъ своихъ имѣній, входящихъ въ составъ заповѣднаго. Наслѣдниками заповѣдныхъ имѣній можно назначать лишь своихъ законныхъ дѣтей и нисходящее отъ нихъ потомство, съ правомъ первородства и представленія и предпочтеніемъ мужскаго колѣна женскому. Заповѣдное имѣніе признается собственностію не одного настоящаго владѣльца, но цѣлаго рода. Кромѣ того, законъ 1845 г., подобно предшествовавшему ему закону 1714 г., обратилъ вниманіе и на положеніе крестьянъ въ заповѣдномъ имѣніи, обязывая учредителя означить въ актѣ установленія онаго крестьянскія повинности и число десятинъ пахатной земли, которыми должны быть надѣлены крестьяне (2-е П. С. № 19.202). Послѣ изданія этого закона, 17 владѣльцевъ, знатныхъ и богатыхъ дворянскихъ фамилій, учредили для *ясности* и *непоколебимости* своихъ родовъ заповѣдныя имѣнія. Дворяне небогатые не могли, еслибъ даже хотѣли, воспользоваться

закономъ 1845 г., который не для нихъ былъ и писанъ, такъ какъ минимумъ имѣнія, для обращенія его въ заповѣдное—400 крестьянскихъ дворовъ, или не менѣе 10 т. десятинъ удобной земли, а дохода не менѣе 12 т. р. с. въ годъ.

Заповѣдныхъ имѣній, по закону 1845 г., не слѣдуетъ смѣшивать съ имѣніями, жалуемыми на правѣ майоратовъ въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, для которыхъ издано положеніе 6 декабря 1842 г. Мотивъ установленія имѣній этого рода въ значительной степени состоялъ и въ улучшеніи быта крестьянъ, которые ставились въ нихъ въ положеніе крестьянъ обязанныхъ (2-е П. С. № 16.297).

Въ заключеніе историческаго развитія имущественныхъ правъ дворянства, упомянемъ и о томъ, что по жалованой грамотѣ наслѣдственное имѣніе благороднаго, вслучаѣ осужденія его за преступленіе, отдается его законнымъ наслѣдникамъ (П. С. № 16.187 § 23). Другими словами, жалованная дворянству грамота уничтожаетъ конфискацію дворянскихъ имѣній. Это было важное пріобрѣтеніе. До жалованной же грамоты, конфискація, въ формѣ отписки помѣстій и вотчинъ на государя, съ устраненіемъ отъ нихъ наслѣдниковъ—была необходимымъ послѣдствіемъ всякаго преступленія. Такъ дѣти Меншикова, Долгоруковыхъ, Миниха, Остермана и др. были лишены наслѣдства въ конфискованныхъ имѣніяхъ своихъ родителей. Право конфискаціи, основывавшееся больше на обычаѣ, чѣмъ на законѣ, было неизбѣжнымъ и естественнымъ послѣдствіемъ служебнаго характера поземельнаго владѣнія дворянства. Служилые люди 17 столѣтія, подобно тому, какъ и шляхетство первой половины 18 вѣка владѣли землями не на правахъ полной собственности, но въ вознагражденіе за службу государству. Всякая провинность ихъ могла имѣть значеніе нарушенія служебныхъ обязанностей, послѣдствіемъ котораго являлось отнятіе у нихъ и ихъ рода имѣній. Признаніе поземельнаго владѣнія дворянства ихъ полною собственностію было логическимъ послѣдствіемъ отмѣны обязательной службы,

а отмѣна конфискаціи—логическимъ послѣдствіемъ такого признанія. Затѣмъ, конфискація осталась, какъ исключеніе—за политическія преступленія, но во всякомъ случаѣ по постановленію верховной власти (Побѣдоносцева: Курсъ гражд. права: т. I стр. 335). На этомъ основаніи конфискованы были имѣнія у декабристовъ, у польскихъ политическихъ преступниковъ. Но во всякомъ случаѣ, и въ этомъ ограниченномъ и исключительномъ видѣ, конфискація въ нашемъ законодательствѣ является анахронизмомъ, живымъ слѣдомъ прежняго служебнаго положенія дворянства и несвободнаго землевладѣнія.

VI. Право служилыхъ людей заниматься торговлею и разными промышленными операціями было несовмѣстно съ обязательною службой, на нихъ лежавшею. Петръ Великій, какъ мы видѣли, указомъ о единонаслѣдіи дозволилъ кадетамъ дворянскихъ фамилій идти въ чинъ купеческій, или заниматься какимъ нибудь знатнымъ художествомъ (П. С. № 2.789. § 15). Положеніе регламента главнаго магистрата, что шляхетство, живущее въ городахъ, не числится между гражданами (П. С. № 3.708. Гл. VII), вѣроятно, относилось не къ кадетамъ: занимаясь торговлею или художествами, они должны были имѣть право приписываться къ одной изъ двухъ гильдій, на которыя раздѣлялось гражданство. Такимъ образомъ, по законамъ Петра торговлею могли заниматься только кадеты: остальное шляхетство, несшее обязательную службу, отъ нея устранялось. Но подъ торговлею, недозволенною шляхетству, разумѣлась въ законодательствѣ Петра Великаго купля—продажа *скупныхъ* товаровъ, которую могли вести только купцы по-профессіи. Но какъ шляхетство, кромѣ своего служилаго характера, имѣло значеніе класса землевладѣльческаго, то ему, въ качествѣ сельскихъ хозяевъ, дозволена была продажа домашнихъ товаровъ—произведеній его деревень.

При Екатеринѣ I, въ 1726 г., мы встрѣтили указъ, разрѣшающій какъ смоленской шляхтѣ, такъ и помѣщикамъ всей имперіи, повсемѣстную продажу продук-

товъ деревенскихъ хозяйствъ, съ ограниченіемъ: не вывозить ихъ заграницу и не продавать иноземнымъ купцамъ для заморскаго торга (П. С. № 4.918). Шляхетству, при первомъ появленіи у насъ векселей, не были запрещены и вексельныя обязательства: первый вексельный уставъ, изданный при Петрѣ II въ 1729 г., не заключалъ въ себѣ безусловнаго запрещенія векселей для шляхетства (П. С. № 5.410).

Съ отмѣною закона о единонаслѣдіи, кадеты лишились права записываться въ купечество, что сдѣлалось, такимъ образомъ, безусловно запрещеннымъ для шляхетства. Въ 1736 г. дворянскій недоросль Доможировъ, укрываясь отъ службы, записался въ с.-петербургское купечество. Сенатъ приговорилъ: Доможирова отдать въ солдаты, а съ членовъ с.-петербургской ратуши, записавшихъ его въ купечество, взыскать штрафъ (П. С. № 6.945).

Занятіе дворянства торговлей было несовмѣстно съ его обязанностію службы. Послѣ отмѣны обязательной службы, было совершенно сообразнымъ съ дѣломъ предоставить ему право записываться въ купечество, но случилось иначе: Екатерина II стремилась во что бы то ни стало создать въ Россіи дворянство на манеръ французскаго или нѣмецкаго, считавшаго занятіе торговлей *безславіемъ* для дворянства, и поэтому она приняла начало, которое старалась привить и самому дворянству, что занятіе торговлей *не совмѣстно съ достоинствомъ человѣка благороднаго, дворянина.* Въ своемъ наказѣ Екатерина II во взглядѣ на то, можетъ ли дворянство заниматься торговлей, слѣдуетъ мнѣнію *нѣкотораго лучшаго о законахъ писателя*, который думалъ, что „противно существу торговли, чтобы дворянство оную въ самодержавномъ правленіи дѣлало..., и противно существу самодержавнаго правленія, чтобы въ ономъ дворянство торговлю производило... и что потому обыкновеніе, дозволившее въ нѣкоторой державѣ торги вести дворянству способствовало къ приведенію тамъ въ безсиліе прежняго учрежденнаго правленія“ (Гл. XIII наказа, § 330, ср. съ Esprit Монтескье). Воззрѣнія

самого дворянства высказались въ коммисіи 1767 г. Они были по этому случаю весьма разнорѣчивы: одни изъ депутатовъ смотрѣли на право дворянъ заниматься торговлей съ точки зрѣнія наказа, а другіе были противоположнаго мнѣнія. Такъ напримѣръ, ростовскій депутатъ, Ѳедоръ Языковъ, высказалъ „чтобъ дворянамъ не давать права производить торгъ и имѣть фабрики, какъ родъ *дѣятельности имъ не соотвѣтствующей* (Сб., стр. 163); галицкій депутатъ, Юрій Лермантовъ, требовалъ „чтобъ дворянамъ не дозволять обязываться векселями“ (ib. стр. 202). Напротивъ, ярославской депутатъ кн. Щербатовъ, заявилъ, чтобы *одному дворянству* предоставлено было право заниматься торговлею не только своихъ домашнихъ, но и другихъ произведеній (Ib. стр. 152), а кашинскій депутатъ, Кожинъ, возражалъ галицкому депутату: „что запретить дворянству обязываться съ купцами векселями не только не способно, но и вредно, ибо чрезъ это коммерція можетъ много пострадать“ (стр. 208).

Воззрѣніе на торговлю, какъ на *недворянское* дѣло, развившееся во французскомъ дворянствѣ и принятое Екатериной II, желавшей, подобно Людовикамъ Франціи, окружить себя своими доморощенными шевалье и жентиломами, начинаетъ проникать въ дворянство; но воззрѣніе это настолько не было въ крови сословія, что въ средѣ его же самого оно встрѣчало отпоръ. Замѣчательна полемика ф. Визина въ брошюрѣ о „Торгующемъ дворянствѣ“ съ „храбрымъ дворяниномъ“ маркизомъ де-Лассе, который доказывалъ, что дворянству *унизительно* заниматься торговлею, и что если дворяне сдѣлаются хоть на время купцами, то въ нихъ пропадетъ рыцарскій духъ, составляющій гордость и украшеніе Франціи. Ф. Визинъ, какъ ни проникнутъ былъ дворянскими воззрѣніями, думалъ, что *бѣдные дворяне* могли бы безъ ущерба для государства обратиться къ купеческой дѣятельности, предоставивъ войну старшимъ своимъ братьямъ—дворянству богатому (соч. ф. Визина, изд. Ефремова: стр. 565 „Торгующее дворянство противуположенное дворянству военному“). Насколько наше

дворянство, даже богатое и знатное, не брезгало впослѣдствіи, когда это было разрѣшено ему, записываться въ гильдіи, видно изъ замѣтки Гакстгаузена, который знавалъ даже сенаторовъ (feu le sénateur de Rakhmanoff), которые, по-отставкѣ, записывались въ первую гильдію (Etudes V. 3-me, p. 63).

Но если торговля вообще и запрещалась нашему дворянству, то, имѣя право винокуренія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣло право подряда на поставку вина. Указъ 1716 г., подтвержденный въ 1626 г., предоставилъ право курить вино однимъ помѣщикамъ (П. С. № 5.342). На основаніи этого исключительнаго права винокуренія, въ 1754 г. предписано было впредь къ подрядамъ вина допускать однихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, и только временно, доколѣ помѣщики размножатъ свои винокуренные заводы, дозволить допускать къ подрядамъ и изъ купечества (П. С. № 10.261). Уставъ о винокуреніи 1756 г., подтвержденный въ 1784 г. (П. С. № 19.918), напротивъ, право винокуренія исключительно предоставляетъ дворянамъ, а откупы купечеству. Но въ 1769 г. сенатъ представлялъ, что если къ поставкѣ вина мало явится изъ купечества, то вызывать и дворянъ. Поэтому, многіе города были отданы на откупъ дворянамъ. Въ 1774 г. сенатъ возвратился къ началамъ закона 1765 г., и на торги не вызывалъ дворянъ. Но во многихъ провинціяхъ изъ купечества на торги явилось не болѣе одного человѣка, а въ нѣкоторыхъ (кіевской, московской и др.) даже ни одного. Поэтому, въ томъ же, 1774 г., было предписано вызвать на торги вмѣстѣ съ купечествомъ не только дворянъ, но и разночинцевъ, и даже крѣпостныхъ крестьянъ (П. С. № 14.123). Но, позволивъ дворянству вступать въ откупа, Екатерина II сдѣлала уступку интересамъ казны, но не отступилась отъ своего взгляда, что это *не дворянское* дѣло. Это видно изъ записокъ Храповицкаго: разсматривая имена дворянъ, содержащихъ питейный откупъ, императрица непріятно была удивлена, встрѣтивъ между ними: кн. Ю. В. Долгорукова, Гагарина, Куракина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Апраксина она на-

звала сумасшедшимъ за поданное имъ прошеніе о запискѣ его въ 3-ю гильдію (Чтен., 1862 г.)[83]).

Жалованная грамота, подтвердивъ прежнее право дворянъ продавать произведенія ихъ деревенскихъ хозяйствъ (§ 27), расширила его тѣмъ, что предоставила имъ право произведенія эти отпускать оптомъ заграницу (§ 32). Впрочемъ, на практикѣ это послѣднее право иногда встрѣчало сомнѣнія: такъ напр., таганрогская таможня запретила новороссійскому помѣщику Фурсову отпустить за море товары. Вслѣдствіе этого, въ 1802 г. подтвержденъ былъ § 32 жалованной грамоты, предоставляющій дворянству право вести заграничную оптовую торговлю произведеніями своихъ деревень (П. С. № 20.493). Еще прежде, въ 1786 г., подтверждено право дворянъ входить во всякаго рода откупа и подряды, свойственные дворянской собственности, съ распространеніемъ его на всѣхъ служащихъ дворянъ, въ какой бы должности они ни были (П. С. № 16.328).

Что касается права дворянъ записываться въ гильдіи, то вопроса этого жалованная грамота не разрѣшаетъ ни положительно, ни отрицательно. Но она предоставила дворянамъ пользоваться городовымъ правомъ (§ 31). Городовое же право, по городской грамотѣ 1785 г., дозволяло всякому, какого бы кто состоянія ни былъ, объявивъ капиталъ, записаться въ гильдію (П. С. № 16.188. § 92). Поэтому, нѣкоторые дворяне и начали записываться въ гильдіи. По справкѣ, взятой изъ московскаго городоваго магистрата 1790 г., оказалось, что изъ дворянъ записалось: въ именитые граждане 2, въ первую гильдію 2, во вторую 3, въ третью 1. Московскій главнокомандующій кн. Прозоровскій для разрѣшенія вопроса о правѣ дворянъ записываться въ гильдіи созвалъ въ 1790 г. общее собраніе губернскаго правленія и палатъ. Губернскій прокуроръ и стряпчій представили свое заключеніе, по которому „самое *существо достоинства* обязуетъ каждаго дворянина упражняться не въ оборотахъ торговыхъ, но главнѣйше *въ службѣ военной*, а въ мирное время въ отправленіи правосудія“, почему „и не долженствуетъ дворянству

входить въ промыслъ торговый, наравнѣ съ купечествомъ, такъ какъ нельзя оба эти званія соединить вмѣстѣ и къ одному праву: ибо каждый изъ нихъ съ младенчества приготовленъ образомъ мыслей, другъ отъ друга весьма отдаленнымъ, да и какая удобность съ записаннаго въ купечество дворянина въ общественныя нужды и тягости требовать даянія, а въ случаѣ не платежа чрезъ какія средства персональность таковаго къ тому побудить, когда жалованной грамотой постановлено, да не судится благородный, окромѣ своими равными, да изъемлется благородный самолично отъ личныхъ податей“ Кромѣ того, между доводами прокурорскаго заключенія, заключался и тотъ, что дворянство никогда ни на какія гильдіи не раздѣлялось, но пребывало и пребываетъ всегда въ одномъ корпусѣ и названіи. Общее собраніе московскаго губернскаго правленія и палатъ убѣдилось доводами прокурорскаго заключенія, проникнутаго воззрѣніями храбраго дворянина маркиза де-Лассе, и представило сенату рапортъ, на основаніи котораго сенатъ окончательно запретилъ дворянамъ записываться въ гильдіи (П. С. № 16.914).

Записываться въ гильдіи дворянамъ было запрещено, но право обязываться векселями у нихъ отнято не было. Хотя первый вексельный уставъ 1729 г. присвоиваетъ вексельныя обязательства главнымъ образомъ купечеству, но не запрещаетъ ихъ, какъ мы видѣли, и дворянству. Векселя вошли въ большое употребленіе между шляхетствомъ, такъ что всякая взаимная ссуда обезпечивалась ими. Легкость дѣлать скрытно займы подъ векселя разорила многія дворянскія фамиліи, впавшія чрезъ то въ неоплатные долги. Павелъ I обратилъ вниманіе на такое положеніе дѣлъ. Банкротскимъ уставомъ 19 декабря 1800 г. дворянамъ безусловно запрещено употребленіе векселей, а дозволены только слѣдующія обязательства: 1) закладныя съ залогомъ недвижимаго и движимаго имѣній, 2) крѣпостныя заемныя письма безъ залога и 3) на случай скорой нужды—домовыя заемныя письма безъ или съ залогомъ движимыхъ вещей (П. С. № 19.629, ч. 2 отд. 1) [84]).

Взглядъ на торговлю, какъ на дѣло недворянское, вызвавшій ея запрещеніе для дворянъ, имѣлъ вредное вліяніе еще въ томъ отношеніи, что купцы, получивъ чины и войдя посредствомъ ихъ въ дворянство, должны были перестать заниматься торговлей, несовмѣстной съ достоинствомъ ихъ новаго званія. Множество капиталовъ отвлекалось, такимъ образомъ, отъ торговли. Въ этомъ то смыслѣ кн. Щербатовъ въ своихъ „Размышленіяхъ о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и въ офицеры“ называетъ чины язвой, разоряющей россійскую торговлю [85]). Этому злу правительство могло помочь двоякимъ образомъ: прекращеніемъ производства купцовъ въ дворяне, или предоставленіемъ дворянамъ права быть купцами. Оно остановилось на второмъ средствѣ. Одно изъ важнѣйшихъ неудобствъ записки дворянъ въ гильдіи, по мнѣнію московскаго губернскаго прокурора въ 1790 г., состояло въ трудности заставить гильдейскаго дворянина отбывать всѣ тягости, лежащія на купечествѣ. Устранить это затрудненіе составляло главнѣйшую задачу законодателя, задумавшаго пріобщить дворянство къ торговлѣ. Надлежало обезпечить отбываніе разныхъ повинностей и тягостей, лежащихъ на дворянахъ, записанныхъ въ гильдію. Задача эта была разрѣшена манифестомъ 1 января 1807 г. *Для укрѣпленія связи между обоими государственными сословіями*, и для того, чтобы дворяне, не состоящіе въ государственной службѣ, могли содѣйствовать общему благу на *поприщѣ торговаго трудолюбія*, имъ предоставлено право записываться во всѣ три гильдіи, подъ условіемъ небытности въ государственной службѣ. Дворянинъ, записанный въ гильдію, кромѣ гильдейской пошлины, долженъ нести всѣ городскія повинности и тягости личныя и вещественныя по своему купеческому званію. Онъ выбирается лично во всѣ городовыя службы, избавляясь въ то трехлѣтіе отъ службъ дворянскихъ. По дѣламъ и спорамъ торговымъ, онъ подлежитъ суду, какъ купецъ, а по уголовнымъ дѣламъ—какъ дворянинъ. Въ обязательствахъ по купеческимъ дѣламъ мо-

жетъ употреблять векселя, по обязательствамъ же дворянскаго быта подлежитъ правиламъ банкротскаго устава, возбранявшаго векселя (П. С. № 22.418. Отд. 2 ст. 607).

Но переходъ отъ безусловнаго запрещенія записываться въ гильдіи къ праву записываться въ каждую изъ нихъ былъ слишкомъ рѣзокъ: законъ 1824 г. дѣлаетъ попятный шагъ. Право дворянъ ограничивается только запиской въ одну первую гильдію (П. С. № 30.115. Г. I § 4). Но какъ многіе неслужащіе дворяне недостаточнаго состоянія занимались торговлею, не имѣя средствъ записаться въ 1-ю гильдію, то въ 1825 г. министру финансовъ разрѣшено, по удостовѣреніи о ихъ состояніи разрѣшать имъ вступленіе и въ низшія гильдіи, наравнѣ съ шляхтичами западныхъ губерній (П. С. № 30. 337 § 1). Въ 1827 г. возстановляется законъ 1807 г. о запискѣ дворянъ во всѣ гильдіи (2 П. С. № 1.631. § 13). Въ томъ же году подтверждено право дворянъ на подряды и поставки безъ записки въ гильдіи (2 П. С. № 910), а въ 1842 г. губернскимъ дворянскимъ предводителямъ, во время нахожденія въ этой должности, запрещено входить въ откупа въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они служатъ (2 П. С. № 15.335). Но этотъ законъ прямо не разрѣшилъ: имѣютъ ли право на подряды и поставки, безъ записки въ гильдію, личные дворяне и тѣ потомственные, которые не имѣютъ недвижимой собственности? Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ 1851 г. воронежской казенной палатой, и разрѣшенъ сенатомъ отрицательно для дворянъ потомственныхъ, неимѣющихъ недвижимой собственности (2 П. С. № 26. 354). 13 февраля 1846 г. было издано новое положеніе для общественнаго управленія С.-Петербурга—замѣчательный шагъ введенія дворянъ въ городское управленіе и сближенія ихъ съ городскими обывателями (2 П. С. № 19.721). Мѣра эта въ настоящее царствованіе примѣняется и къ управленію общественными дѣлами другихъ важнѣйшихъ городовъ—Москвы, Одессы и др., и сдѣлается, вѣроятно, основнымъ началомъ городскаго управленія вообще. Въ 1862 г. право обязываться векселями распространено и

на дворянъ, которымъ законъ 1863 г., подтверждая силу закона 1827 г., дозволяетъ производить, какъ оптовой торгъ—по 1-й гильдіи, такъ и розничный—по 2-й.

V. Жалованная грамота освобождаетъ дворянство отъ личныхъ податей (§ 36). Она освящаетъ то, что образовалось исторически. Личной обязанностію служилаго класса была служба; личныя подати и повинности составляли обязанность другихъ общественныхъ классовъ—въ собственномъ смыслѣ *тяглыхъ*. Это самое служитъ основаніемъ освобожденія отъ личныхъ податей шляхетства въ 18 вѣкѣ; освобожденіе это дѣлается уже впослѣдствіи, по отмѣнѣ обязательной службы, *сословной привиллегіей, на достоинствѣ дворянскаго званія* основанной. Но насколько по воззрѣніямъ Петра Великаго свобода шляхетства отъ податей обусловливалась его обязательною службою государству, видно изъ одного указа 1710 г., которымъ велѣно было переписать дворянъ во всѣхъ губерніяхъ, и которые изъ нихъ будутъ къ службѣ негодны, тѣхъ обложить денежными окладами, подобно дворянамъ ингерманландской губерніи (П. С. № 2.257). Когда за основаніе податной системы была принята *душа*, какъ окладная единица, то для приведенія въ извѣстность этихъ окладныхъ единицъ, указомъ 1718 г. велѣно было произвести ревизію (П. С. № 3.245). Въ ревизскія сказки внесены были только души, обложенныя податью. Ревизія, такимъ образомъ, установила строгое различіе между податными общественными классами, записанными въ ревизскія сказки, и неподатными, въ сказки незаписанными. Ее весьма справедливо, поэтому, одинъ изслѣдователь назвалъ *разборомъ государственныхъ состояній*. Между состояніями неподатными на первомъ планѣ стало шляхетство; между состояніями податными—на послѣднемъ мѣстѣ стало крѣпостное крестьянство. Ревизія провела ту рѣзкую, юридическую черту разграниченія между общественными классами, какой не знала Русь допетровская.

Но замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ въ первыя ревизскія сказки внесены были дворяне: указъ

1721 г. предписалъ исключить ихъ изъ сказокъ, и впредь дворянъ въ сказки не записывать (П. С. № 3.802, 3.901, п. 8). При производствѣ первой ревизіи опредѣлено было положеніе архіерейскихъ боярскихъ дѣтей: тѣ изъ нихъ, шляхетство которыхъ шло отъ дѣда, были приравнены къ дворянству и исключены изъ подушнаго оклада (П. С. № 3.854, 4.901, 9). Напротивъ, *помѣщики-раскольники* были переписаны и положены въ денежный окладъ, наравнѣ со всѣми раскольщиками (П. С. № 3. 239). Такимъ образомъ, первая ревизія выдѣлила дворянство изъ подушныхъ общественныхъ классовъ: дворянство было отвѣтственно въ платежѣ подушной подати его крѣпостными крестьянами (П. С. № 3.901, 3). Это было подтверждено и слѣдующими ревизіями.

Повторяемъ: основаніемъ первоначальнаго исключенія дворянъ изъ подушныхъ классовъ была обязательная служба, на нихъ лежавшая. Основаніе это сохраняло свою силу до 1762 г., когда обязательная служба была снята. Затѣмъ, не оставалось болѣе другаго основанія, какъ сословная привиллегія, внѣшняя разграничительная черта благородныхъ отъ подлыхъ. Уничтоженіе этой сословной привиллегіи могло произойдти двоякимъ путемъ: или, оставивъ окладной единицей душу, распространить подушную подать и на дворянство, или же, избравъ другую окладную единицу—недвижимое имущество, снять подать и съ другихъ общественныхъ классовъ. Законъ 1863 г.. замѣнившій подушную подать для городскихъ обывателей налогомъ съ ихъ недвижимыхъ имуществъ, показываетъ, что законодательство наше пошло по второму пути. Послѣдовательное развитіе закона 1863 г. и распространеніе его на сельскихъ обывателей сгладитъ и относительно ихъ слѣдъ сословной привиллегіи, установившейся при иныхъ порядкахъ.

Свобода дворянъ отъ рекрутчины имѣла также историческое основаніе. На дворянствѣ прежде лежала обязательная служба государству—въ высшихъ чинахъ военныхъ и гражданскихъ. Это была для него своего рода рекрутчина. Въ 1762 г. юридически обязательная

служба была снята съ дворянства, но она осталась нравственной обязанностію, требуемою честью и достоинствомъ благороднаго сословія. Жалованная грамота подтверждаетъ свободу и вольность отъ службы, но не налагаетъ рекрутчины: на дворянствѣ лежитъ новая обязанность—мѣстная служба по выборамъ. Преобразованія послѣдняго времени замѣняютъ выборные дворянствомъ суды и полиціи—коронными, а мѣстную службу распространяютъ на все земство. Такимъ образомъ, рушится послѣднее основаніе льготы дворянства—свободы отъ рекрутчины, и единственнымъ правомѣрнымъ способомъ формированія военныхъ силъ дѣлается *конскрипція*—обязанность всего народа русскаго служить въ родномъ войскѣ—къ которой должно будетъ придти законодательство, послѣдовательно развивая привнесенныя уже въ нашъ общественный строй начала.

Жалованная грамота освобождаетъ помѣщичій деревенскій домъ отъ постоя (§ 35), которому подлежитъ на основаніи городской грамоты городской домъ дворянина (§ 15). Освобождались-ли отъ постоя деревенскіе домы помѣщиковъ до жалованной грамоты 1785 г.? Относительно великорусскихъ дворянъ мы не имѣемъ данныхъ для разрѣшенія этого вопроса. Мы только знаемъ, что въ 1722 г. дворянамъ повелѣно было строить избы для полковыхъ урядниковъ и солдатъ „для того, что ежели станутъ стоять по *дворамъ мужичьимъ*, то будутъ ссоры“ (П. С. № 3.901, п. 5) [86]).

Что же касается шляхетства малороссійскаго, то въ его деревенскіе домы ставились консистенты еще при Елизаветѣ Петровнѣ, какъ это видно изъ жалобы значковаго товарища Бакуринскаго, поданной въ черниговскую полковую канцелярію (Зап. черн. губ. статистич. комитета, кн. 2-я). На тяжесть постойной повинности жалуется малороссійское шляхетство въ наказахъ своимъ депутатамъ въ коммисію 1767 г. Такъ напр. прилуцкое шляхетство проситъ о подтвержденіи грамоты Петра Великаго 21 января 1721 г., освободившей домы старшины отъ консистенскихъ квартиръ; переяславское шляхетство жаловалось также, что отводъ квартиръ въ

домахъ шляхетскихъ есть главное основаніе къ ихъ разоренію и изнуренію и т. п. (Архивъ Судіенка). Жалованная грамота, принявъ въ сообщество россійскаго дворянства и шляхетство малороссійское, распространила и на него льготу свободы деревенскаго дворянскаго дома отъ постоя. Привиллегія эта имѣла основаніе, когда въ законодательствѣ все было направлено къ тому, чтобъ внѣшнимъ даже образомъ показать отличіе мужика отъ дворянина—его прирожденнаго полиціймейстера. Но когда задачей законодательства сдѣлалось, напротивъ, поднять мужика до дворянина—льгота эта едва-ли имѣетъ основаніе.

Въ городскомъ быту личность дворянина не такъ выдѣлялась изъ массы городскихъ обывателей, какъ выдѣлялась она въ сельскомъ быту изъ массы крѣпостныхъ крестьянъ: городскіе домы, какого бы ранга владѣльцы ихъ ни были, подлежали постою еще по закону 1718 г. (П. С. № 3.203). Но замѣчательно стремленіе дворянства избавить отъ постойной повинности и свои городскія палаты. Въ П. С. мы встрѣтили интересный случай въ 1756 г., свидѣтельствующій о такомъ стремленіи: д. ст. сов. Демидовъ не допускалъ въ свой домъ назначеннаго постоя, говоря, что ежели кто придетъ къ нему ставить постой, того онъ будетъ выталкивать въ шею. За такое своевольство государыня Елизавета Петровна повелѣла въ домъ Демидова поставить вдвое, а ежели для того не будетъ особливыхъ покоевъ, то ввесть постой въ покои, имъ самимъ занимаемые (П. С. № 10.649).

VI. Жалованная грамота установила *неприкосновенность* дворянскаго достоинства, защищаемаго судомъ и верховною властію. Начало это совершенно новое. Въ 17 в., безъ всякаго судебнаго разбирательства, по одному слову царя, у чиновныхъ людей отнимались чести, и и они перечислялись изъ высшаго разряда въ низшій: такъ например, въ 1689 г. у кн. Вас. Вас., да у сына его Алексѣя Вас. Голицыныхъ *отняты были чести*, и они написаны изъ бояръ въ дѣти боярскія по послѣднему городу, а въ 1691 г. то же самое случилось и

съ кн. Андр. Голицынымъ: за неистовыя слова про царское величество, по повелѣнію царя, отняли у него боярство и записали въ дѣти боярскія по послѣднему городу, у Собакиныхъ же отняли стольничество и записали ихъ также въ дѣти боярскія по послѣднему городу (Записки Желябужскаго). Наоборотъ, изъ того же Желябужскаго и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтельствъ видно, что тѣлесное наказаніе до Петра Великаго не лишало царскихъ чиновныхъ людей *чести*: ихъ били кнутомъ или плетьми, снемъ рубашку, и затѣмъ сажали на прежнее мѣсто—судьей приказа, воеводой полка или города, стольникомъ или стряпчимъ царя, а боярской, окольнической, стольнической или стряпческой чести никакой *потерки* отъ того не было. Только Петръ Великій установилъ начало, что *шельмованный* и публично на площади наказанный или только обнаженный и не напрасно пытанный—лишаются своего титула и ранга, *безчестятся*, такъ что всякій членъ общества долженъ чуждаться, *мерзить* ими (Гл. XIII генеральнаго регламента и § 18 табели о рангахъ).

Но, установивъ такія послѣдствія шельмованія и публичнаго тѣлеснаго наказанія, Петръ Великій не опредѣлилъ, что дворянинъ лишается правъ своего состоянія только *по суду*. Впервые это было выражено въ жалованной грамотѣ. Впрочемъ, Екатерина II, при конфирмаціи одного криминальнаго доклада, сказала Храповицкому: „сіе не въ одной пожалованной дворянству грамотѣ, но въ докладныхъ отъ синода пунктахъ, чтобъ не лишать дворянства безъ государевой конфирмаціи и безъ суда; c'est une prerogative, qu'on a extorqué à Pierre, il était cruel, и духовные подали докладъ...“ (Чтенія, 1862 г.). Но едва ли такъ было, иначе изъ за чего верховники въ кондиціяхъ 1730 г. требовали бы, чтобы у шляхетства живота, имѣнія и *чести безъ суда* не отнимать?

Жалованная грамота постановляетъ, чтобъ *благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо.* Поэтому она требуетъ, чтобъ дворяне не лишались

дворянскаго достоинства, пока сами не лишатъ себя онаго преступленіемъ, *основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ*. Къ такимъ преступленіямъ грамота относитъ слѣдующія: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки, 6) преступленія, за кои по закону слѣдуетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, 7) подговоръ другихъ къ подобнымъ преступленіямъ. Но каковы бы ни были преступленія дворянина—*безъ суда*, и притомъ суда *своими равными*, онъ не могъ лишиться ни дворянскаго достоинства, ни жизни, ни имѣнія. Притомъ, дѣло дворянина, достойнаго за свои преступленія лишенія дворянскаго достоинства или жизни, не вершилось безъ внесенія въ сенатъ, откуда поступало на высочайшую конфирмацію (П. С. № 16.181). Эти начала жалованной грамоты непоколебимо соблюдались впослѣдствіи и вносились въ сводъ законовъ.

Но что касается *равнаго суда* для дворянина, то, какъ мы говорили, это право всегда было мертвой буквою. Жалованная грамота оставила неприкосновеннымъ областное судоустройство, введенное учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. По этому же судоустройству только уѣздные суды состояли изъ однихъ выборныхъ отъ дворянства. Средняя же инстанція, которой были подсудны дворяне—верхній земскій судъ—состояла изъ короннаго предсѣдателя и засѣдателей, выбранныхъ дворянствомъ. А палаты состояли исключительно изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ. Съ уничтоженіемъ верхнихъ земскихъ судовъ Павломъ I, ихъ организація перешла на палаты, которыя съ тѣхъ поръ составлялись изъ короннаго предсѣдателя и засѣдателей отъ дворянства и городскихъ обывателей. При императорѣ Николаѣ предсѣдатели палатъ стали избираться дворянствомъ, но при рѣшеніи дѣлъ дворянъ принимали участіе и засѣдатели отъ городскаго общества, что установлено при Александрѣ I (П. С. № 20.284), и товарищи предсѣдателей—чиновники отъ короны.

Такимъ образомъ, если подъ судомъ равныхъ разумѣть судъ выбранныхъ дворянствомъ судей, то су-

домъ этимъ дворянство пользовалось только въ первой судебной инстанціи, и лишено было его въ палатахъ, а еще болѣе въ сенатѣ, составъ котораго всегда былъ коронный, такъ какъ предположеніе Сперанскаго о составленіи его изъ выборныхъ отъ дворянства не осуществилось [87]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Владѣніе крѣпостными — одно изъ важнѣйшихъ правъ потомственнаго дворянства. — Общій взглядъ на развитіе крѣпостнаго права: оно окончательно устанавливается въ 17 столѣтіи, освящается ревизіей, видоизмѣняется вслѣдствіе отмѣны обязательной службы дворянства, развивается фактически, законодательство о немъ носитъ фрагментарный, казуистическій характеръ, что имѣетъ существенное вліяніе на отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ.

I. Кто могъ владѣть крѣпостными людьми? — Двоякое направленіе законодательства при разрѣшеніи этого вопроса: до межевой инструкціи 1754 г.—финансовая цѣль, послѣ инструкціи—пріурочевіе владѣнія крѣпостными къ дворянству потомственному, а потомъ къ дворянству, владѣющему населенными имѣніями. — Крѣпостными владѣли господскіе люди не только въ 17, но и въ 18 ст.—Какъ отнеслась къ вопросу первая ревизія? — Владѣніе крѣпостными лицами всѣхъ состояній продолжается.— Значеніе въ исторіи вопроса второй ревизіи.—Постановленія, изданныя послѣ нея.—Крѣпостными владѣютъ иностранцы.—Владѣетъ г. Смоленскъ даже впослѣдствіи.—Межевая инструкція 1754 г.—Неясность ея редакціи.—Послѣдствія.—Владѣніе крѣпостными лицами, не имѣющими на то права, продолжается. — Подтвержденіе 1784 г., и фактическія его нарушенія.—Обходъ закона: владѣніе по довѣренностямъ. — Запрещеніе владѣть личнымъ дворянамъ 1814 г. — Лица, владѣющія крѣпостными въ западныхъ губерніяхъ.— Трудность искоренить тамошніе обычаи.—Вопросъ окончательно разрѣшается при императорѣ Николаѣ I законами 1836, 1841, 1842 и 1853 годовъ. — Постановленія свода законовъ 3-го изданія.

II. Неопредѣленность законовъ, опредѣляющихъ пространство власти помѣщиковъ надъ крестьянами.

а) Какимъ наказаніямъ помѣщики могли подвергать крестьянъ? – Законъ не давалъ категорическаго отвѣта. — Наиболѣе регулируется право ссылки.—Ссылка крестьянъ въ Сибирь на поселеніе установлена указомъ 1760 г., подтвержденнымъ въ 1761 г., съ цѣлями государственными.—Екатерина II расширяетъ до права ссылать на каторгу въ 1765 г. — Злоупотребленія помѣщиковъ вызвали временное пріостановленіе. — Павелъ I подтверждаетъ, но съ цѣлями

государственными. — Въ первую половину своего царствованія Александръ I упраздняетъ —Помѣщики дорожили этимъ правомъ, и оно возстановляется въ 1822 г.— Въ 1823 и 1824 годахъ право это расширяется. — Всякія государственныя цѣли при этомъ уничтожаются.—Поводъ, возбудившій вопросъ объ этомъ правѣ при императорѣ Николаѣ I.—Законъ 1827 г. окончательно его регулируетъ.— Въ 1847 г. предоставлено помѣщикамъ отдавать малолѣтнихъ крѣпостныхъ въ распоряженіе губернскихъ правленій. — Тогда какъ право ссылки регулировалось закономъ, всѣ другія наказанія развивались фактически.—Законъ опредѣляетъ ихъ только послѣ 2-го изданія свода.—Роды и мѣра наказаній по 3-му изданію свода.— Сравненіе его опредѣленій съ изданіемъ 1833 г.—Развитіе вопроса о правѣ суда помѣщиковъ надъ крестьянами.

б) Оброки и издѣльныя повинности крестьянъ. — Крестьяне фактически раздѣлились на оброчныхъ и барщинныхъ.—Норма оброка не была опредѣлена.—Та же неопредѣленность и относительно издѣльной повинности. — Единственное ограниченіе — не требовать работъ въ воскресные и праздничные дни.

в) Право помѣщиковъ продавать своихъ крѣпостныхъ.—Какъ установилось это право?—Мнѣніе Болтина.—Право это образовалось раньше 18 ст.—При Петрѣ Великомъ оно такъ уже было развито, что указомъ 1721 г. онъ старался возможно уменьшить его. — Но самъ Петръ, предоставивъ право ставить въ рекруты наемныхъ людей, содѣйствовалъ развитію торговли крестьянами. — Постановленія о продажѣ крестьянъ преемниковъ Петра, и въ особенности Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I.—Постановленія о продажѣ крестьянъ IX т. Св. Зак. изд. 1857 г.

II. Общая характеристика фактическаго положенія крѣпостныхъ словами манифеста 19 февраля 1861 г. — Не всѣ помѣщики злоупотребляли властію надъ крѣпостными, и злоупотребленія не могутъ быть вмѣнены цѣлому сословію дворянства.—Злоупотребленія эти обусловливались многими причинами и часто вытекали изъ самаго порядка вещей. — Каковы бы ни были причины, но злоупотребленія были велики и дѣлали фактическое положеніе крѣпостныхъ болѣе тягостнымъ, чѣмъ оно было по-закону. — Каковы же были эти фактическія отношенія?

а) Неточное опредѣленіе права наказаній въ законѣ развивало на практикѣ разнообразіе ихъ рода и жестокость мѣры. — Право наказанія холопа помѣщики въ 17 ст. начали примѣнять къ крестьянину.—Карательную власть надъ крестьяниномъ помѣщики начинаютъ представлять въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ въ уложеніи выразилась карательная власть государства.—Такое воззрѣніе переходитъ наслѣдственно къ помѣщикамъ 18-го и 19-го столѣтій.— Помѣщики дорожатъ правомъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ.—Виды тѣлесныхъ наказаній крестьянъ. — Челобитная, поданная крѣпостными Петру Великому. —Она не имѣла послѣдствій. —Свирѣпость наказаній про-

должается.—Узаконеніе палокъ и розогъ.—Употребленіе помѣщиками пытокъ.—Употребленіе ссылки.—Неуловимость другихъ видовъ наказаній, употреблявшихся на практикѣ.—Примѣры Jus primae noctis.—Возрастъ крестьянина часто не брался во вниманіе при его наказаніи.—Кровавые эпизоды изъ исторіи крѣпостнаго права: дѣло Салтычихи 1768 г. и поручика Карцова 1852 г.—Законъ никогда не давалъ помѣщику *права жизни и смерти* надъ крестьяниномъ, но и не предусматривалъ послѣдствій истязанія.—Судебныя мѣста подвергали помѣщиковъ за жестокости противъ крѣпостныхъ разнообразнымъ наказаніямъ, и нерѣдко весьма снисходительнымъ.—Примѣры подобныхъ судебныхъ рѣшеній.

б) Неопредѣленность постановленій закона о правѣ помѣщика на трудъ крестьянъ и объ обязанностяхъ ихъ хозяйственнаго обезпеченія была причиною шаткаго экономическаго положенія послѣднихъ.—Свидѣтельство Посошкова.—Посошковъ совѣтуетъ установить норму повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика.—Совѣтъ Посошкова не былъ исполненъ.—Хозяйственное положеніе крестьянъ ухудшилось.—Свидѣтельство лэди Рондо.—Благородный протестъ Полѣнова.—Фактическое положеніе крестьянъ оброчныхъ.—Фактическое положеніе крестьянъ барщинскихъ.—Тяжесть для крестьянъ перевода въ господскій дворъ.—Многочисленность дворни—исконная привычка русскихъ баръ.—Богатые баре пародируютъ придворные этикетъ и штатъ.—За вельможами тянулось среднее и мелкое дворянство.—Правительство изыскиваетъ средства уменьшить число дворовыхъ.—Это дѣлаетъ только послѣдняя ревизія.—Общее число дворни предъ упраздненіемъ крѣпостнаго права.—Крѣпостные музыканты и актеры.—Крѣпостные живописцы и образованные люди.—Необезпеченное положеніе крестьянъ въ голодные годы.—Тяжесть переселеній изъ одного имѣнія въ другое.—Въ эксплуатаціи крестьянъ помѣщиками были причины, смягчающія ихъ вину.—Развитіе роскоши, карточной игры.—Недостаточныя средства имѣній, для удовлетворенія новымъ потребностямъ дворянства.—Обремененіе имѣній долгами.—Заботы правительства сберечь состоянія знатныхъ фамилій.—Кредитныя учрежденія содѣйствуютъ еще большему обремененію имѣній долгами.

в) Нужда дворянства въ деньгахъ содѣйствовала непомѣрному развитію торговли крестьянами.—Торговля предъ рекрутскими наборами.—Жалобы Екатерины II, которая сама попустила развитіе этой торговли до самыхъ циническихъ размѣровъ.—Извѣстія „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о продажѣ крѣпостныхъ людей.—Цѣна крѣпостныхъ.—Крѣпостные были предметомъ не только купли и продажи, но и многихъ другихъ сдѣлокъ.—Продажи на своз цѣлой деревни.—Мошенническая продажа чужихъ людей за своихъ.—Сильное развитіе продажи людей въ Малороссіи, вызвавшее запрещеніе 1798 г. которое, впрочемъ, едва ли уменьшило эту торговлю.—Торговля людьми вначалѣ царствованія Александра I.—Намѣреніе

императора запретить продажу людей безъ земли.—Государственный совѣтъ отстаиваетъ такое право продажи.—Иронія гр. Мордвинова, вполнѣ высказавшаяся при вторичномъ обсужденіи вопроса въ 1833 г.—Законъ 1833 г., развитый и пополненный въ 1841 г.—Случаи незаконной продажи и послѣ этого закона.—Какъ отозвались лучшіе члены дворянства на этотъ законъ.

III. Реакція противъ злоупотребленій владѣльческой власти.

А. Реакціи въ правительствѣ.—Постановленіе Петра о надзорѣ надъ помѣщичьими имѣніями.—Отдача помѣщиковъ *подъ началъ*, а ихъ имѣній будущимъ наслѣдникамъ.—Начало опеки за мотовство и угнетеніе крестьянъ.—Рѣшителями вопроса были власти, солидарно связанныя своими интересами съ помѣщикомъ.—Лишеніе крестьянъ права жалобы на владѣльца.—Постановленіе Петра не приводило къ существеннымъ результатамъ.—Постановленія Екатерины II: наставленіе губернаторамъ 1764 г. и законъ 1775 г. —Императоръ Павелъ фактически допускалъ жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, но крестьянамъ отъ этого было не легче.—Желаніе Александра I оградить крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщиковъ. —Неопредѣленность правилъ о наложеніи опекъ.—Попытки законодательства болѣе ихъ регулировать.—Мѣры, принятыя Николаемъ къ огражденію крестьянъ отъ злоупотребленій.—Большій контроль надъ помѣщиками и большая опредѣленность правилъ о взятіи имѣній въ опеку.—Мѣстныя власти иногда при всей доброй волѣ не могли оградить крестянъ: сопротивленіе помѣщиковъ силою, трудность проникнуть въ имѣніе.—Множество жалобъ, приносимыхъ крестьянами государю, министру внутреннихъ дѣлъ, начальнику губерніи. Открытіе злоупотребленій, увеличившееся при гр. Перовскомъ.—Число имѣній, которыя брались въ опеку за жестокое обращеніе владѣльцевъ съ крестьянами.

Б. Недостаточность правительственной реакціи къ пресѣченію злоупотребленій помѣщиковъ вызывала реакцію въ средѣ самихъ крестьянъ.

а) Пассивная реакція: 1) Побѣги.—Историческій очеркъ побѣговъ и мѣръ правительства къ ихъ уменьшенію.—2) Самоубійство крестьянъ.—Трудность констатировать число такихъ самоубійствъ.—Примѣръ уменьшенія такого числа послѣ отмѣны крѣпостнаго права.

б) Активная реакція крестьянъ: 1) волненія крестьянъ и открытое ихъ сопротивленіе власти владѣльца.—Случаи волненій при Петрѣ.—Волненія крестьянъ непрерывно тянутся чрезъ 18 и 19 столѣтія, оканчиваясь наканунѣ отмѣны крѣпостнаго права.—Волненія при Елизаветѣ Петровнѣ.—Волненія усиливаются послѣ манифеста 18 февраля 1762 г.. освободившаго дворянство отъ обязательной службы. Связь этихъ волненій съ манифестомъ.—Между крестьянами распространяются слухи объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости.—Этого освобожденія не послѣдовало, и волненія про-

должаются и по вступленіи на престолъ Екатерины II.—Пугачевщина.—Террористическія мѣры сената противъ усмиренныхъ крестьянъ.—Императрица воздерживаетъ сенатъ отъ этихъ мѣръ.—Месть помѣщиковъ.—Затишье послѣ пугачовщины.—Волненія крестьянъ возобновляются съ воцареніемъ Павла, болѣе и болѣе увеличиваясь въ размѣрахъ.—Случаи волненій при Александрѣ I. Съ началомъ царствованія Николая Павловича волненія усиливаются.—Опять распространяется слухъ объ освобожденіи отъ помѣщиковъ.—Манифестъ 12 мая 1826 г.—Волненія продолжаются послѣ манифеста.—Волненія усиливаются въ послѣдніе годы существованія крѣпостнаго права.

2. Убійство крестьянами помѣщиковъ.—Слова Екатерины II, сказанныя ею при полемикѣ съ Сумароковымъ.—Обвиненія одного современника коммисіи 1767 г. въ убійствахъ господъ ихъ крѣпостными.—Замѣчаніе Кларка.—Статистика убійствъ помѣщиковъ крестьянами.

V. Вопросъ о правомѣрности крѣпостнаго права не могъ быть возбужденъ раньше отмѣны обязательной службы дворянства.—Послѣ отмѣны этой службы вопросъ дѣлается предметомъ спора между крѣпостниками и аболюціонистами.—Положеніе правительства между борющимися партіями.—Отношеніе къ крѣпостному праву Петра.—Расширеніе крѣпостного права послѣ Петра, сдерживаемое правительствомъ—преимущественно относительно Малороссіи.—Воззрѣніе на крѣпостное право Екатерины II и споръ ея съ Сумароковымъ.—Амблематъ вольнаго экономическаго общества, поставленный имъ на соисканіе преміи въ 1766 г.—Множество записокъ.—Записка Беарда Делабея и Полѣнова.—Записка человѣка *неграмматикальнаго и отъ роду никакихъ исторій не читавшаго.*—Обсужденіе вопроса о крѣпостномъ правѣ въ коммисіи 1767 г.—Возраженія Болтина.—„Размышленія о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ и служителямъ, или здѣлать собственность имѣній“.—Двойственное поведеніе Екатерины II относительно крѣпостнаго права.—Взглядъ на крѣпостное право Павла.—Отношеніе къ нему Александра I.—Дебаты неофиціальнаго комитета.—Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г.—Отношеніе къ этому указу крѣпостника—Державина.—Результаты указа въ жизни.—Государственный совѣтъ стоитъ за крѣпостное право.—Записка Карамзина.—Возраженія на книгу гр. Стройновскаго.—Письмо Попова къ Александру I и отвѣтъ на него императора.—Мнѣнія гр. Растопчина и харьковскаго помѣщика Каразина.—Что дѣлаетъ Александръ I?—Улучшеніе положенія остзейскихъ крестьянъ вызываетъ новые протесты крѣпостниковъ.—Паника дворянства въ 1818 г., что крестьяне будутъ освобождены.—Отношеніе къ крѣпостному праву Сперанскаго.—Ходъ вопроса при императорѣ Николаѣ I.—Секретный комитетъ 1826 г.—Комитетъ 1839 г.—Вопросъ объ обязанныхъ крестьянахъ.—Указъ о нихъ 2 апрѣля 1842 г.—Проекты частныхъ

лицъ.—Слѣдующіе комитеты.—Отношеніе къ указу 1842 г. дворянства.—Возбужденіе вопроса при императорѣ Александрѣ II.—Записка министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго, характеризующая отношеніе къ вопросу объ упраздняемомъ крѣпостномъ правѣ дворянства.

Въ настоящей главѣ мы изложимъ одно изъ важнѣйшихъ правъ потомственнаго дворянства—право владѣть крѣпостными людьми.

Крѣпостное право на крестьянъ окончательно устанавливается въ 17 ст., ко временамъ образованія Петромъ Великимъ шляхетства. Правда, въ законѣ по временамъ еще различаются кабальные люди отъ пашенныхъ крестьянъ (П. С. № 5.392, 7.438. Послѣдній относится къ 1737 г.), но едва-ли они различались между собою въ жизни. Указы Петра Великаго о ревизіи, сливая пашенныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ одинъ разрядъ крѣпостныхъ, только освятили то, что выработалось въ самой жизни. Несомнѣнно, что освобожденіе дворянства отъ обязательной службы нѣсколько видоизмѣняетъ характеръ владѣнія крѣпостными людьми, какъ это замѣтили Бѣляевъ, Побѣдоносцевъ и другіе изслѣдователи исторіи крѣпостнаго права.

Мотивъ укрѣпленія крестьянъ былъ государственный—доставить служилому классу постоянныхъ работниковъ, чтобъ было съ чего царскую службу служить. Пока на шляхетствѣ лежала обязательная служба—обладаніе имъ крѣпостными крестьянами носило государственный характеръ. Шляхетство владѣло крѣпостными потому, что несло обязательную службу: оно было такимъ же крѣпостнымъ сословіемъ относительно государства, какимъ относительно его были крестьяне. На первомъ лежала барщина въ пользу государства—обязательная служба; на второмъ—барщина въ пользу шляхетства—оброки и издѣльная повинность.

Логическимъ послѣдствіемъ освобожденія шляхетства отъ обязательной службы должно было быть освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Но

этого не случилось въ 18 ст., и крѣпостное право получило частноправный характеръ. Только нашему времени и благополучно царствующему великому монарху суждено было сдѣлать для крѣпостныхъ крестьянъ то же самое, что сдѣлано Петромъ III для дворянъ: недаромъ законъ 19 февраля 1861 г. сравниваютъ съ закономъ 18 февраля 1762 г. Почти чрезъ сто лѣтъ, и почти что въ одинъ и тотъ же день, какъ дворянство освободилось отъ обязательной службы государству, крестьяне освободились отъ крѣпостной зависимости отъ дворянства— отъ обязательныхъ оброковъ и издѣльныхъ повинностей въ пользу его.

Установленіе крѣпостной зависимости крестьянъ мотивировалось государственнымъ интересомъ. Но дальнѣйшее развитіе ея совершалось подъ преобладающимъ вліяніемъ чисто частныхъ интересовъ землевладѣльцевъ — изпомѣщенныхъ царскихъ чиновныхъ людей 17 ст., шляхетства и дворянства 18 в.

Притомъ, какъ замѣчено нѣкоторыми изслѣдователями, крѣпостная зависимость развивалась *фактически*. Законъ не предупреждалъ того, что слагалось на практикѣ, но нерѣдко только освящалъ то, что само собою сложилось въ жизни. Дѣйствительно: до самаго изданія св. зак., гдѣ впервые законодатель формулируетъ юридически отношенія крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ—не было системы законовъ, опредѣляющихъ эти отношенія. Та или другая сторона ихъ, тотъ или другой вопросъ — разрѣшались мало-по-малу, отдѣльными постановленіями. Вотъ почему законодательство о крѣпостномъ правѣ носитъ такой фрагментарный и казуистическій характеръ не только въ 18, но и въ 19 столѣтіяхъ.

Этотъ фактическій характеръ развитія отношеній помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ имѣлъ огромное вліяніе на эти отношенія. Важнѣйшія стороны ихъ не разрѣшались закономъ: кто могъ владѣть крѣпостными крестьянами? Какое пространство власти надъ ними? Можно-ли продавать крестьянъ отдѣльно отъ земли? и многіе подобные центральные вопросы разрѣшались

постепенно, по мѣрѣ возникновенія ихъ въ жизни, и часто разрѣшались не только неопредѣленно, но и разнорѣчиво.

I. Переходя къ историческому развитію права дворянства на владѣніе крѣпостными людьми, прежде всего постараемся разсмотрѣть, какъ разрѣшало законодательство вопросъ о томъ, кто можетъ владѣть крѣпостными людьми? При разрѣшеніи этого вопроса, законодательство до межевой инструкціи 1754 г. преслѣдовало главнымъ образомъ цѣль финансовую—разрѣшало владѣніе крѣпостными лицамъ всѣхъ званій, лишь бы они исправно платили за нихъ подушную подать. Съ межевой же инструкціи 1754 г. владѣніе крѣпостными людьми начинаетъ пріурочиваться къ потомственному дворянству, какъ важнѣйшая сословная привиллегія его. Впрочемъ, пріуроченіе это совершается только при Николаѣ I, ко временамъ изданія свода, когда законодатель старается связать владѣніе крѣпостными съ владѣніемъ землями, и сдѣлать обладателями крѣпостныхъ потомственныхъ дворянъ — землевладѣльцевъ. До-тѣхъ же поръ законъ допускалъ много изъятій, а иногда изъятія эти существовали помимо допущенія ихъ закономъ.

Въ 1635 г. запрещено было боярскимъ людямъ [88]) брать служилыя кабалы на вольныхъ людяхъ. Но несмотря на это запрещеніе, господскіе люди въ 17 ст. пріобрѣтали себѣ во владѣніе крѣпостныхъ людей покупкой. Изъ одного суднаго дѣла 1673 г. видно, что крѣпостной человѣкъ кн. Ромодановской имѣлъ у себя во владѣніи купленную имъ жонку, которую выдалъ замужъ за своего крѣпостнаго, подареннаго ему его боярыней. Подобные случаи встрѣчаются и вначалѣ 18 в.: г. Побѣдоносцевъ, у котораго мы заимствовали вышеприведенный фактъ, указываетъ на нѣкоторые случаи, изъ которыхъ ясно видно, что въ началѣ 18 ст. крѣпостные владѣли иногда крѣпостными. Напримѣръ: вдова дьяка Ушакова тягалась съ однимъ оброчнымъ крестьяниномъ о крѣпостной дѣвкѣ. Еще возможнѣе было владѣніе крѣпостными людьми для крестьянъ

государевыхъ: государевъ крестьянинъ Посошковъ жалуется на побѣги своихъ крѣпостныхъ.

Первая ревизія не разрѣшила вопроса о томъ, какія сословія вправѣ, и какія не вправѣ владѣть крестьянами. И вотъ въ 1730 г. московская губернская канцелярія доноситъ сенату, что многіе боярскіе люди накупили и побрали въ закладъ людей и крестьянъ (П. С. № 5.633). Сенатъ запрещаетъ такія покупки, но вслѣдъ затѣмъ самъ приказываетъ отдавать малолѣтнихъ незаконнорожденныхъ дѣвокъ въ крѣпостную зависимость всякому, кто только пожелаетъ ихъ взять (П. С. № 5.584). Какъ видно изъ одного указа 1737 г., ярославскіе купцы владѣли крѣпостными, которыхъ имъ позволено было отдавать вмѣсто себя въ рекруты (П. С. № 7.466). Указъ 1739 г. запретилъ писать крѣпостныхъ за такими лицами, у которыхъ не было деревень, но владѣть такимъ лицамъ крѣпостными уже пріобрѣтенными не возбранилъ (П. С. № 8.836).

Вторая ревизія, стремившаяся, по-выраженію г. Побѣдоносцева, расширить предѣлы господскаго права, также не пріурочиваетъ владѣнія крѣпостными къ какому-нибудь одному сословію. А инструкція ревизорамъ 1743 г. позволяетъ писать крѣпостныхъ за рядовыми, солдатами и приказными, лишь бы они платили за нихъ подушную подать (П. С. № 8.836 § 7). Законъ 1746 г. слѣдуетъ той же системѣ: пріемышей отдаетъ въ крѣпостную зависимость отъ ихъ воспитателей — поповъ, церковниковъ, купцовъ и разночинцевъ, хотя двумъ послѣднимъ званіямъ, какъ людямъ подлымъ, имѣть крѣпостныхъ и было запрещено другими постановленіями (П. С. № 9.343). Иностранцы, какъ видно изъ указа 1746 г., могли владѣть также крѣпостными, съ однимъ только условіемъ — не вывозить ихъ изъ Россіи (П. С. № 9.249). — При самомъ производствѣ второй ревизіи оказалось, что многіе купцы и разночинцы владѣли крѣпостными. Въ г. Ельцѣ воронежской губерніи одна купеческая вдова дала отпускную 20 крѣпостнымъ, а у 44 нижегородскихъ посадскихъ оказалось крѣпостныхъ дворовыхъ людей 127 человѣкъ. Нѣко-

торые изъ этихъ посадскихъ просили даже объ исключеніи крѣпостныхъ изъ ихъ владѣнія, за неимѣніемъ средствъ платить за нихъ подати. Сенатъ нашелъ, что хотя 17 гл. Уложенія и указы 1721 и 1739 г.г. запрещаютъ, но указы 1722 и 1723 г.г. разрѣшаютъ писать крѣпостныхъ за посадскими, а потому послѣднимъ въ ихъ просьбѣ отказать (П. С. № 9.267). Въ томъ же 1746 г. позволено смоленскимъ мѣщанамъ, на основаніи королевскихъ привилеевъ 1623 и 1634 г.г., подтвержденныхъ жалованной грамотой Смоленску при сдачѣ его въ россійскую державу, покупать людей и крестьянъ безъ земли, а не съ землями и не цѣлыми деревнями (П. С. № 9.332). Это самое было подтверждено и указомъ 1777 г. (П. С. № 9.332), и оставалось за городомъ Смоленскомъ, какъ аномалія, даже въ то время, когда владѣніе крѣпостными окончательно было пріурочено къ потомственному дворянству, какъ одна изъ важнѣйшихъ его привиллегій.

Стремленіе законодательства къ этому пріуроченію начинается съ межевой инструкціи 1754 г. Инструкція постановила, чтобъ купцы, нижніе чины не оберъ-офицерскаго ранга, крестьяне государственные и помѣщичьи, приказные служители нешляхетскаго происхожденія, а также и жены ихъ, хотя бы изъ шляхетства, не владѣли землями вообще, а въ частности населенными крестьянами (П. С. № 10.237). Вслѣдствіе того въ 1758 г. было повелѣно: лицамъ, неимѣющимъ права владѣть имѣніями, продать ихъ въ полугодовой срокъ, по-истеченіи котораго непроданныя имѣнія должны быть отписаны на государыню (П. С. № 10.746). Постановленіе это не было, однакожъ, безусловно: оно не распростронялось на придворное вѣдомство (П. С. № 10.848). Постановленіе межевой инструкціи, по неясности ея редакціи, было понято въ томъ смыслѣ, что оно распространяется только на владѣніе населенными крестьянами имѣніями, но не на дворовыхъ людей. Поэтому, многіе приказные служители просили юстицъ-коллегію о совершеніи купчихъ на такихъ людей. Коллегія обратилась за разъясненіемъ инструкціи въ сенатъ, а сенатъ воспре-

тилъ приказнослужителямъ покупать и дворовыхъ людей (П. С. № 10.855). Но пріобрѣтеніе крѣпостныхъ людьми, не имѣющими на то права въ силу межевой инструкціи, все-таки не прекращалось: напримѣръ, въ 1783 г. открылось, что одинъ спбургскій купецъ купилъ у тульскаго помѣщика двороваго человѣка (П. С. № 16.042). Межевая инструкція, какъ мы видѣли, запретила и дворянкамъ, вышедшимъ замужъ за недворянъ владѣть дворянскими имѣніями. Но дворянская грамота постановила, что благородная дворянка, хотя бы и вышла замужъ за недворянина, не лишается правъ своего состоянія (§ 7). Въ практикѣ вскорѣ возникъ вопросъ: можетъ-ли такая дворянка владѣть дворянскимъ имѣніемъ? Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ 1788 г. прокурорами многихъ губерній, и въ томъ-же году разрѣшенъ сенатомъ положительно (П. С. № 16.554). Впослѣдствіи законъ 1841 г., воспретившій дворянкамъ пріобрѣтать крѣпостныхъ людей какъ съ землею, такъ и безъ земли, по-выходѣ замужъ за недворянина, возвратился къ прежней системѣ, 1754 года (2-е П. С. № 14.335).

Въ 1784 г. постановленіе межевой инструкціи о невладѣніи крѣпостными лицами недворянскаго происхожденія было подтверждено, но несмотря на то, фактически продолжаютъ владѣть ими купцы и разночинцы. Установился обходъ закона: дворяне стали выдавать довѣренности на полное и потомственное владѣніе своими населенными имѣніями лицамъ, неимѣющимъ на то своего собственнаго права (П. С. № 24.547, 25.737). Но законодательство неуклонно преслѣдуетъ цѣль—пріурочить крѣпостное право къ одному потомственному дворянству. Въ 1814 г. запрещается владѣніе крѣпостными — какъ крестьянами, такъ и дворовыми—личнымъ дворянамъ. Законъ при этомъ оставилъ неприкосновеннымъ владѣніе людьми уже пріобрѣтенными, не распространяя этого права на наслѣдниковъ, которые обязаны были продать доставшихся имъ крѣпостныхъ въ узаконенный срокъ и не дѣлать новыхъ пріобрѣтеній ихъ. На основаніи этого закона, въ 1815 г.

запрещено аудиторамъ и другимъ чиновникамъ военнаго министерства покупать крѣпостныхъ (П. С. № 25.936). Но нарушеніе этихъ постановленій все-таки продолжалось: въ 1816 г принимаются новыя мѣры къ прекращенію укрѣпленія крестьянъ лицами, не имѣющими на то права (П. С. № 24.469).

Еще труднѣе было стѣснить предѣлы владѣнія крѣпостными въ западныхъ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши. Здѣсь, во времена польскаго владычества, установился у помѣщиковъ обычай, освященный закономъ, отдавать населенныя имѣнія со всѣми вотчинными правами—съ правомъ суда и даже смертной казни надъ крестьянами—евреямъ въ аренду [89]. Кромѣ того, конституція 1775 г. разрѣшила лицамъ всѣхъ званій, даже иностраннымъ, пріобрѣтать имѣнія съ крестьянами. Поэтому, въ западныхъ губерніяхъ, вначалѣ 19 столѣтія, многіе мѣщане, иностранцы и даже евреи, владѣли населенными имѣніями. Наше правительство въ 1813 г. запретило такія владѣнія. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1816 г. стало извѣстно, что евреи продолжаютъ, подъ именемъ *заарендованія кресценцій*, заключать съ помѣщиками условія на право владѣнія ихъ крестьянами на прежнихъ основаніяхъ. Сенатъ подтвердилъ силу прежняго запрещенія, несмотря на депутацію отъ еврейскихъ обществъ западныхъ губерній, принесшую всеподданнѣйшую жалобу, что такое запрещеніе повергаетъ ихъ собратій въ крайнее разореніе. Тѣмъ не менѣе заарендованіе кресценцій все-таки продолжалось: въ одной гродненской губерніи въ 1820 г. 46 евреевъ владѣли 19.438 душъ крестьянъ. Запрещеніе подтверждено еще разъ (П. С. № 28.501). Не все-таки въ 1825 г. помѣщика мозырскаго уѣзда минской губерніи Щита, по опредѣленію сената, велѣно было выдержать двѣ недѣли при полиціи за противозаконную отдачу имѣнія въ аренду евреямъ. Государственный совѣтъ даже усилилъ мѣру наказанія—до 6 недѣль ареста (П. С. № 30.543). Но трудно было искорениться заматерѣлому обычаю, и при императорѣ Николаѣ все еще встрѣчались случаи противозаконнаго владѣнія крѣпостными въ губерніяхъ

западныхъ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ уѣздный лекарь г. Себежа витебской губерніи, еврей Левинъ Шпоръ, владѣлъ дворовыми людьми (2-е П. С. № 2.233), а мѣщанину той же губерніи Короновскому принадлежало тогда же довольно большое имѣніе, населенное крестьянами, которыхъ онъ иногда уступалъ купцамъ (2-е П. С. № 2.378).

Но императоръ Николай рѣшительно вознамѣрился пріурочить владѣніе крѣпостными къ одному потомственному дворянству. Подтвердивъ силу закона 1758 г., по которому лица, неимѣющія права владѣть имѣніями, должны были продать ихъ въ полугодовой срокъ, по истеченіи котораго имѣнія брались въ казну, Николай I издалъ законъ 1836 г., повелѣвающій, что если деревни, населенныя крѣпостными крестьянами, или же крѣпостные люди безъ земли, достанутся по наслѣдству лицамъ, неимѣющимъ права владѣть оными, то они немедленно поступаютъ въ казенное вѣдомство, а наслѣдникамъ отпускается изъ казны за каждую ревизскую душу такая сумма, какая причтется по цѣнѣ, установленной для написанія купчихъ крѣпостей на населенныя имѣнія въ той губерніи (2-е П. С. № 9.203), а вслѣдъ затѣмъ, въ 1842 году, постановлено за крѣпостныхъ женщинъ, непринадлежащихъ къ семейству, давать лицамъ не имѣющимъ права владѣть ими по 50 р. сер. (2-е П. С. № 15.414). Вообще, пріурочивая владѣніе крѣпостными къ потомственному дворянству, императоръ Николай I старался возможно ограничить кругъ лицъ, которыя имѣли право на это владѣніе. Единственное уклоненіе отъ такого направленія представляетъ законъ 1838 г., подтвердившій право дворянъ магометанскаго закона, издавна поселившихся въ западныхъ губерніяхъ, владѣть населенными имѣніями (2-е П. С. № 13.592). Законъ этотъ нарушилъ XX гл. уложенія и изданныя на ея основаніи постановленія. Но за то онъ былъ единственнымъ, расширяющимъ кругъ лицъ владѣющихъ крѣпостными. Всѣ же другія узаконенія Николая I—противоположнаго направленія. Важнѣйшее изъ этихъ узаконеній состоялось въ 1841 г.: оно воспре-

тило дворянамъ, невладѣющимъ населенными имѣніями, пріобрѣтать всякими способами крѣпостныхъ людей безъ земли (2-е П. С. № 14.152). Не менѣе важный законъ былъ изданъ въ 1842 г.: онъ запретилъ лицамъ, происшедшимъ изъ крѣпостнаго состоянія и возведеннымъ въ дворянское достоинство, до 3 поколѣнія, владѣть такими заселенными имѣніями, въ которыхъ они, отцы или дѣды ихъ были записаны по ревизіямъ (2-е П. С. № 15.657). Въ 1853 г. это запрещеніе было еще болѣе расширено: оно распространено и на дворянъ обоего пола, состоящихъ въ бракѣ съ лицами, вышедшими изъ крѣпостнаго состоянія, которымъ запрещалось при жизни ихъ супруговъ пріобрѣтать, кромѣ наслѣдства, тѣ имѣнія, въ которыхъ ихъ супруги, или отцы сихъ послѣднихъ, или дѣды по отцамъ, были приписаны по ревизіямъ, а равномѣрно и людей безъ земли, приписанныхъ къ такимъ имѣніямъ (2-е П. С. № 27.690)[90].

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, какія лица могутъ владѣть крѣпостными, разрѣшается окончательно ко временамъ 3-го изд. св. з. Въ IX т. этого изданія владѣніе крѣпостными исключительно присвоивается потомственному дворянству, на слѣдующихъ основаніяхъ: потомственный дворянинъ можетъ пріобрѣтать крѣпостныхъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли, но безъ земли только въ такомъ случаѣ, когда онъ владѣетъ уже населеннымъ крѣпостными крестьянами имѣніемъ (а если не населенными землями? законъ не разрѣшалъ); въ губерніи же черниговской и полтавской запрещалось вовсе пріобрѣтеніе крестьянъ безъ земли (ст. 208). Возведенные въ дворянство изъ крѣпостнаго состоянія до 3-го колѣна включительно не могли никакимъ способомъ пріобрѣтать тѣхъ населенныхъ имѣній, въ которыхъ они сами, отцы или дѣды ихъ по отцу (а матери? законъ не разрѣшалъ) были записаны по ревизіямъ, а также и крѣпостныхъ людей безъ земли, приписанныхъ къ тѣмъ имѣніямъ (ст. 209). Запрещеніе это распространялось и на дворянъ обоего пола, состоящихъ въ бракѣ съ лицами изъ крѣпостнаго состоянія (ст. 211), которые не могли получать и указныхъ частей

послѣ смерти супруговъ въ такихъ имѣніяхъ, въ которыхъ они сами, отцы или дѣды ихъ по отцамъ, были крѣпостными крестьянами (ст. 212).

Дворяне нехристіанскаго исповѣданія не могли имѣть крѣпостныхъ христіанъ, за исключеніемъ только тѣхъ дворянъ изъ татаръ, которые издавна владѣли населенными имѣніями въ западныхъ губерніяхъ (ст. 215).

Относительно права владѣнія крѣпостными однимъ потомственнымъ дворянамъ допускалось единственное изъятіе для смоленскаго городскаго общества, и нѣкоторыхъ тамошнихъ купцовъ и мѣщанъ. Но: 1) крѣпостные принадлежали *всему* смоленскому городскому обществу, а не отдѣльнымъ его членамъ; г) смоленскіе мѣщане или купцы владѣли крѣпостными только пожизненно, не передавая ихъ своимъ наслѣдникамъ (ст. 549).

II. Мы видѣли, какъ долгое время законодательство неопредѣленно разрѣшало вопросъ о томъ, кто можетъ владѣть крѣпостными людьми. Не болѣе опредѣленности было и въ законахъ о пространствѣ власти надъ крѣпостными. Законодательство только мало по малу, и то сбивчиво и неопредѣленно, разрѣшало вопросы: какимъ наказаніямъ можетъ подвергать помѣщикъ своихъ крестьянъ? какіе оброки и издѣльныя повинности онъ можетъ налагать на нихъ? можетъ ли онъ продавать ихъ отдѣльно отъ семействъ и отъ земли?

а) Какимъ наказаніямъ помѣщикъ могъ подвергать своихъ крестьянъ? Законъ на этотъ вопросъ не давалъ долгое время категорическаго отвѣта: не только не была опредѣлена имъ мѣра наказаній, но даже самый родъ ихъ. Законъ, напримѣръ, прямо не говорилъ, что владѣльцы могутъ подвергать своихъ крѣпостныхъ тѣлеснымъ наказаніямъ, но и не запрещалъ имъ употребленіе таковыхъ. Единственный родъ наказаній, регулированіемъ которыхъ законодательство особенно занимается, да и то потому, что они касались интересовъ администраціи — право помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь.

Съ нихъ мы и начинаемъ. Право наказанія этого рода предоставлено помѣщикамъ указомъ 1760 г. Какъ видно изъ этого указа, мотивомъ его были интересы чисто правительственные—заселеніе Сибири „понеже въ сибирской губерніи и въ иркутской провинціи, нерчинскаго уѣзда, состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству удобныя мѣста, которыхъ къ заселенію государственный интересъ требуетъ". Указъ отдаетъ на волю помѣщиковъ отдавать на поселеніе своихъ крестьянъ за разные продерзостные поступки, лишь бы крестьяне были не старѣе 45 лѣтъ и годны къ работѣ. Помѣщикъ получалъ за ссылаемаго рекрутскую квитанцію, обязанъ былъ отдать съ нимъ и его жену, но малолѣтнихъ дѣтей могъ оставить при себѣ, а если отдавалъ и ихъ, то получалъ изъ казны вознагражденіе: за дѣтей муж. пола до 5 лѣтъ по 10 р., отъ 5 до 15 лѣтъ—20 р., за 15-ти лѣтнихъ—рекрутскія квитанціи, а за дѣтей женск. пола — половину (П. С. № 11.166). Указъ 1761 г. подтвердилъ это право помѣщиковъ отдавать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе (П. С. № 11.216). А Екатерина II даже расширила его, предоставивъ въ 1765 году помѣщикамъ людей своихъ „по продерзостному состоянію заслуживающихъ справедливое наказаніе" отдавать въ каторжную работу на какое угодно имъ время, съ правомъ брать ихъ обратно по своему благоусмотрѣнію (П. С. № 12.311). Первоначальная мысль этого наказанія—заселеніе пустынной Сибири—такимъ образомъ извратилась. Помѣщики начали сильно злоупотреблять этимъ правомъ наказанія: они не всегда снабжали ссылаемыхъ указною одеждою (П. С. № 11.488). Злоупотребленія вызвали въ 1773 г. временное пріостановленіе ссылки крѣпостныхъ на поселеніе (Арх. госуд. совѣта: ч. 2-я, стр. 359). Но императоръ Павелъ подтвердилъ въ 1797 г. помѣщикамъ право ссылать крѣпостныхъ на поселеніе, главнымъ образомъ въ интересахъ заселенія забайкальскаго края (П. С. № 19, 157). Въ 1802 г. было постановлено: пріостановить ссылку крѣпостныхъ на поселеніе по волѣ ихъ помѣщиковъ, впредь до повелѣнія (П. С. № 20.119). Но повелѣнія не состоялось.

Между прочимъ, помѣщица Воробьева, въ 1811 г., за мнимый побѣгъ своихъ крестьянъ, подала просьбу о ссылкѣ ихъ на поселеніе. Тогдашній генералъ-губернаторъ новгородскій, тверскій и ярославскій, принцъ Георгій Ольденбургскій, пріостановилъ исполненіе этой просьбы, и въ своемъ донесеніи государю поставилъ вопросъ: слѣдуетъ ли ссылать крестьянъ на поселеніе по волѣ ихъ помѣщиковъ? Послѣдовала весьма интересная въ исторіи этого вопроса резолюція государя, по которой право, предоставленное помѣщикамъ ссылать своихъ крестьянъ на поселеніе, истолковано исключительно въ смыслѣ интереса государственнаго—заселенія Сибири, по минованіи надобности въ которомъ оно должно быть отмѣнено, и крестьяне должно быть ссылаемы въ Сибирь на поселеніе не по желанію помѣщика, а единственно по приговору суда за предусмотрѣнныя закономъ преступленія (П. С. 24.707).

Нѣсколько прежде отмѣнено было дарованное Екатериной II помѣщикамъ право ссылать крѣпостныхъ на каторгу. Въ 1807 г. изъ новгородскаго губернскаго правленія въ адмиралтействъ-коллегію былъ присланъ крестьянинъ Козьма Сергѣевъ для отдачи его въ каторжную работу на 20 лѣтъ, по просьбѣ помѣщицы Козляниновой. Коллегія затруднялась привесть въ исполненіе законъ 1765 г. и испрашивала разрѣшеніе сената: долженъ-ли этотъ законъ все-таки имѣть силу? Первый департаментъ отвѣтилъ утвердительно. Но императоръ, разсмотрѣвъ опредѣленіе сената, нашелъ, что съ изданіемъ учрежденія о губерніяхъ и другихъ послѣдующихъ узаконеній, указъ 1765 г. не можетъ уже имѣть своего дѣйствія, такъ какъ для исправленія людей худаго поведенія устроены исправительные и рабочіе дома, а каторжная работа опредѣлена только для важныхъ преступниковъ. Поэтому, императоръ упразднилъ право помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу (П. С. № 23.530).

Такимъ образомъ, въ свѣтлую пору своего царствованія императоръ Александръ I рѣшительно былъ про-

тивъ права помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ не только на каторгу, но и на поселеніе. Но это было только въ свѣтлую пору. Правомъ ссылки помѣщики очень дорожили, и постоянно находили себѣ поддержку въ сенатѣ, а тѣмъ болѣе въ губернскихъ властяхъ— въ уѣздномъ судѣ и палатахъ. Въ 1822 г., по дѣлу о подозрѣніи дворовыхъ людей помѣщиковъ новгородской губерніи, Протасовыхъ въ намѣреніи отравить свою госпожу, государственный совѣтъ постановилъ: возвратить помѣщикамъ право ссылать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе въ Сибирь, но безъ зачета ихъ въ рекруты. Государь утвердилъ мнѣніе совѣта (П. С. № 28.954). Въ 1823 г. постановлено не дѣлать изслѣдованія по просьбамъ помѣщиковъ, но приводить эти просьбы, подаваемыя въ губернское правленіе, въ немедленное исполненіе (П. С. № 29.507). Въ слѣдующемъ же году это право еще болѣе было расширено: губернскимъ правленіямъ предписано принимать всѣхъ представляемыхъ помѣщиками крѣпостныхъ людей къ отсылкѣ въ Сибирь на поселеніе, безъ всякаго ограниченія о лѣтахъ (П. С. № 29.824). Отмѣною зачисленія ссылаемаго въ рекруты и опредѣленнаго числа лѣтъ уничтоженъ былъ и послѣдній намекъ на государственныя цѣли этого права помѣщиковъ, которыя проглядываютъ въ указахъ 1760 и 1799 годовъ. Притомъ, постановленія 1823 и 1824 годовъ запретили мѣстнымъ начальствамъ изслѣдовать основательность просьбъ помѣщиковъ о ссылкѣ ихъ крѣпостныхъ въ Сибирь на поселеніе и предписали приводить ихъ въ исполненіе безъ всякаго изслѣдованія поводовъ, не разрѣшивъ категорически вопроса, можно-ли при такой ссылкѣ разлучать мужа съ женою, или же нѣтъ, что прямо запрещалось законами 1760 и 1799 годовъ. Вслѣдствіе такой неопредѣленности, изданныхъ къ концу царствованія Александра I постановленій, въ 1827 г. возникло дѣло, весьма характерное для изслѣдуемаго нами вопроса. Помѣщикъ рязанской губерніи, ротмистръ Батуринъ, представилъ своего двороваго человѣка, Трофимова, къ ссылкѣ въ Сибирь. Трофимовъ, прося гражданскаго-губернатора

отправить вмѣстѣ съ нимъ и жену его, такъ какъ на это было полное ея согласіе, вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что помѣщикъ привлекалъ ее къ прелюбодѣянію, и по несогласію на то, для достиженія своей цѣли, рѣшился отправить его въ Сибирь, яко бы за дурное поведеніе. Жена Трофимова подтвердила показанія своего мужа и заявила желаніе не разставаться съ нимъ. Губернаторъ, не приступая къ раскрытію причинъ, побудившихъ помѣщика сослать крѣпостнаго, хотя онѣ были преступны, затруднился, по неясности закона, исполнить просьбу Трофимова объ отправленіи вмѣстѣ съ нимъ и его жены. Пріостановивъ отправленіе, онъ представилъ дѣло на разрѣшеніе комитета министровъ; комитетъ нашелъ, что Трофимовъ долженъ идти на поселеніе, не смотря на сдѣланный имъ извѣтъ на помѣщика, но въ то же время постановилъ, чтобы въ такихъ случаяхъ женамъ не препятствовать слѣдовать за ихъ мужьями, если онѣ того пожелаютъ, такъ какъ и закономъ 1818 г. постановлено о преступникахъ, что хотя они считаются политически мертвыми, но естественная ихъ связь съ женами не прекращается. На это послѣдовала высочайшая резолюція: „Справедливо совершенно, и поручить мѣстному начальству оградить ее отъ притѣсненій помѣщика“ (2-е П. С. № 810). Этотъ случай можетъ быть вызвалъ законъ 30 августа 1827 г., болѣе регулировавшій право помѣщиковъ ссылать на поселеніе своихъ крѣпостныхъ. Законъ постановилъ: 1) помѣщики могутъ ссылать только такихъ крѣпостныхъ, которые не старѣе 50 лѣтъ, не дряхлы и не увѣчны; 2) ссылать, не разлучая супруговъ, вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми муж. пола до 5, а жен. до 10 лѣтъ; 3) переселяемыхъ снабжать одеждой и кормовыми деньгами до Тобольска, платя за нихъ подати до новой ревизіи; 4) переселяемыхъ представлять въ губернское правленіе, при прошеніи помѣщика, съ приложеніемъ свидѣтельства уѣзднаго предводителя и земскаго суда въ томъ, что переселяемые дѣйствительно принадлежатъ помѣщику, имѣютъ извѣстныя лѣта, и не состоятъ въ торговыхъ дѣлахъ, по дозволенію помѣщика (2-е П. С. № 1.339). Въ 1847 г.

предоставлено было также помѣщикамъ право удалять изъ имѣній несовершеннолѣтнихъ крѣпостныхъ порочнаго поведенія отъ 8 до 17 лѣтъ, отдавая ихъ въ распоряженіе губернскаго правленія, которое отсылало мальчиковъ въ баталіоны военныхъ кантонистовъ ближайшихъ губерній, а дѣвочекъ передавало въ мѣстную палату государственныхъ имуществъ, для распредѣленія по казеннымъ селеніямъ въ отдаленныхъ отъ прежняго ихъ жительства уѣздахъ (2-е П. С. № 21.718).

Право ссылки помѣщиками крестьянъ—единственный родъ наказанія, регулированіемъ котораго занимается наше законодательство въ 18 и 19 ст. Всѣ же другіе виды наказаній развиваются фактически. Только ко времени 2-го изданія свода, и даже уложенія 1845 г., роды и мѣра наказаній, которымъ помѣщики могутъ подвергать своихъ крѣпостныхъ, приводятся въ систему и опредѣляются юридически. Эта система и опредѣленія переносятся затѣмъ и въ послѣднее изданіе свода. Въ IX Т. этого изданія размѣры расправы помѣщиковъ надъ крестьянами опредѣляются слѣдующимъ образомъ: тѣ изъ проступковъ и преступленій крѣпостныхъ, которые не подвергаютъ ихъ лишенію правъ состоянія, когда притомъ эти преступленія и проступки учинены противъ самого помѣщика и его семейства, или противъ его крѣпостныхъ, подлежатъ расправѣ самого помѣщика или управляющаго имѣніемъ, и вѣдаются полиціями и судами только тогда, когда самъ помѣщикъ, не желая употреблять предоставленныхъ ему закономъ домашнихъ средствъ, дастъ о томъ знать домашнему начальству. Когда же проступки и преступленія учинены крѣпостными не противъ самого помѣщика или его семейства и крѣпостныхъ людей, а противъ кого-либо другого—то дѣла о томъ могутъ подлежать расправѣ помѣщика или его управляющаго лишь въ томъ случаѣ, если самъ обиженный будетъ его о томъ просить. Но если жалоба обиженнаго поступитъ прямо къ мѣстному начальству, то эти дѣла разсматриваются и рѣшаются въ полицейскихъ или судебныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи. Мѣра наказаній, которымъ помѣщики и ихъ

управляющіе могли подвергать крѣпостныхъ, опредѣлена слѣдующимъ образомъ: наказанію *розгами* можно было подвергать до сорока, а *палками*—до пятнадцати ударовъ, или же аресту въ сельской тюрьмѣ отъ 1 до 7 дней, а въ случаяхъ особенной важности—до 2 мѣсяцевъ. За преступленія и проступки болѣе важные, или когда мѣры домашняго исправленія оказывались безуспѣшными, помѣщикъ (но не управляющій) могъ отсылать крѣпостныхъ въ смирительный и рабочій домы на время отъ 2 недѣль до 3 мѣсяцевъ, или же въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства отъ одного до шести мѣсяцевъ (ст. 1.052). Сверхъ всего этого, помѣщику предоставлялось право отдавать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты (ст. 1.055) и удалять навсегда изъ имѣнія съ предоставленіемъ ихъ въ распоряженіе губернскаго правленія (ст. 1.056).

Эти постановленія послѣдняго изданія свода во всякомъ случаѣ были болѣе опредѣленными, чѣмъ постановленія первыхъ изданій: изд. 1833 г. предоставляетъ помѣщику право употреблять домашнія средства наказанія и исправленія по *своему усмотрѣнію*, лишь бы *только* не было увѣчья и опасности для жизни (ст. 594, Т. IX, изд. 1833 г.).

Болѣе точнымъ опредѣленіемъ права помѣщиковъ наказывать крѣпостныхъ правительство получило большую возможность контролировать фактическія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ разрѣшенъ вопросъ, въ какихъ случаяхъ крестьяне подлежатъ суду государственному, и въ какихъ суду владѣльческому. Между прочимъ, прежними узаконеніями вопросъ этотъ разрѣшался не ясно. Судъ во взаимныхъ спорахъ и искахъ крѣпостныхъ людей между собою, какъ видно изъ наказа губернаторамъ 1728 г. (§ 13), издавна принадлежалъ владѣльцамъ (П. С. № 5.333). Напротивъ, расправа въ преступленіяхъ запрещалась помѣщикамъ еще въ 17 ст.: напримѣръ, если помѣщикъ сыскивалъ у себя въ разбоѣ своего крестьянина, то долженъ былъ, не расправляясь самъ съ нимъ, представить его въ губу (Ул. гл. XI, § 79). Въ 18 в. законъ этотъ

не былъ подтвержденъ, а поэтому случались его нарушенія: помѣщики стремились усвоить себѣ судъ надъ крестьянами по всяческимъ дѣламъ. Такъ, напримѣръ, въ 1770 г. оренбургская помѣщица, вдова Эттингерша, присвоила себѣ судейскую власть надъ своимъ крестьяниномъ въ такомъ дѣлѣ, которое надлежало изслѣдовать не ей, но городской юстиціи. Послѣ этого случая было предписано: охранять судебную власть отъ вступленія въ нее помѣщиковъ по такимъ дѣла. ь ихъ крестьянъ, которыя подлежатъ разсмотрѣнію судовъ (П. С. № 13.516).

Подтвердивъ помѣщикамъ право расправы во взаимныхъ спорахъ и искахъ ихъ крестьянъ между собою (ст. 1.050), IX Т. послѣдняго изданія прямо воспрещаетъ имъ расправу въ такихъ преступленіяхъ, за которыя виновному угрожаетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія (ст. 1.054).

б) Какимъ оброкамъ и издѣльнымъ повинностямъ помѣщики могли подвергать своихъ крестьянъ, и какъ обезпечивалось хозяйственное положеніе послѣднихъ? При разрѣшеніи этого вопроса законодательство шло тѣмъ же путемъ, какъ и относительно права наказанія и суда: частныя мѣры, отрывочныя постановленія. Уже въ 17 ст. крестьяне раздѣлились, по способу извлеченія изъ нихъ дохода, на 2 разряда: оброчныхъ и барщинныхъ. Раздѣленіе это произошло само собою, безъ всякаго предустановленія его закономъ. Законъ не устанавливалъ ни норму оброка, платимаго крестьянами, ни издѣльныхъ повинностей, отбываемыхъ ими. То и другое предоставлялось благоусмотрѣнію послѣднихъ.

Относительно оброка единственный намекъ на опредѣленіе его закономъ можно найдти въ указѣ 1724 г., которымъ государственные крестьяне облагались четырехгривеннымъ сборомъ съ души, кромѣ 74 к. подушныхъ—вмѣсто тѣхъ сборовъ, что помѣщиковы платили помѣщикамъ (П. С. № 4.533). Отсюда нѣкоторые заключаютъ (Бѣляевъ), что 40 к. съ души законъ считалъ оброкомъ нормальнымъ. Если это и было, то во всякомъ случаѣ только въ началѣ 18 вѣка, съ перемѣною же хо-

зяйственныхъ отношеній, естественно должна была перемѣниться и норма оброка. Но въ чемъ она заключалась—трудно опредѣлить. Притомъ, даже въ то время, когда законъ считалъ 40 к. съ души оброкомъ нормальнымъ, онъ все-таки не дѣлалъ его обязательнымъ.

Точно также и издѣльная повинность не была опредѣлена ни относительно своего рода, ни относительно размѣра. Здѣсь произволъ помѣщика былъ безъ границъ. Единственное ограниченіе состояло въ запрещеніи работъ въ воскресные и праздничные дни. Запрещеніе это встрѣчается еще въ 17 ст.: въ 1699 г. кн. Оболенскій былъ посаженъ въ тюрьму за принужденіе своихъ крестьянъ работать въ воскресенье (П. С. № 453).

Запрещеніе это, подтвержденное Павломъ I, повторяется и въ текущемъ столѣтіи. Въ 1818 г., напримѣръ, дошло до свѣдѣнія государя, что многіе помѣщики употребляютъ своихъ крестьянъ въ работу по воскреснымъ днямъ. Возбраняя это злоупотребленіе, государь повелѣлъ духовнымъ лицамъ доводить о томъ до свѣдѣнія министра, который долженъ былъ представлять въ комитетъ министровъ (П. С. № 27.270). Но скоро духовенство было освобождено отъ этихъ донесеній, а наблюденіе за неупотребленіемъ крестьянъ на господскія работы въ воскресные дни предоставлено губернскому начальству (П. С. № 27.549).

Число дней барщины опредѣлено только при императорѣ Павлѣ: манифестомъ 5 апрѣля 1797 г. подтверждено не употреблять крестьянъ въ работы по праздникамъ, а требовать отъ нихъ только трехдневной работы въ недѣлю, оставляя прочіе дни для собственныхъ ихъ работъ (П. С. № 17.904).

Крѣпостные раздѣлялись на крестьянъ пашенныхъ и на дворовыхъ людей. Раздѣленіе это было слѣдомъ прежнихъ двухъ разрядовъ—холоповъ и крестьянъ. Но послѣ того, какъ Петръ Великій, при производствѣ первой ревизіи, повелѣлъ вносить ихъ въ однѣ и тѣ же ревизскія сказки, юридическаго различія между обоими разрядами не существовало: посадить крестьянина на

пашню или взять его во дворъ совершенно зависѣло отъ благоусмотрѣнія владѣльца. Уже предъ самой отмѣной крѣпостнаго права, въ 1858 г., постановлено: современи подачи ревизскихъ сказокъ по 10-й переписи, крестьянъ въ дворовые болѣе не перечислять. Крестьяне, сидѣвшіе на пашнѣ, не пользовались пашеннымъ жеребьемъ, обезпеченнымъ закономъ: давать имъ поля, и въ какомъ угодно размѣрѣ—совершенно зависѣло отъ помѣщика. Помѣщики же вовсе не заботились объ обезпеченіи крестьянъ землею. Въ 1827 г., напримѣръ, одна помѣщица заложила 200 десятинъ земли, оставивъ для 28 душъ своихъ крестьянъ только 10 десятинъ. Вслѣдствіе этого, былъ изданъ законъ 1827 г.—единственная попытка обезпечить крестьянъ землею. По этому закону, если у помѣщика за залогомъ или продажею земли, будетъ оставаться оной менѣе $4^1/_2$ десятинъ, то такое имѣніе слѣдовало брать въ казенное завѣдываніе (2-е П. С. № 906). Трудомъ своихъ крестьянъ помѣщики могли пользоваться или сами, или же отдавая въ наемъ ихъ другимъ лицамъ. Это право найма долгое время не было ограничено какъ относительно срока, на который можно было нанимать крѣпостныхъ, такъ и относительно лицъ, которымъ можно было ихъ отдавать въ наемъ. Первое ограниченіе относительно срока состоялось въ 1775 г., когда, на основаніи уложенія, дозволено было нанимать ихъ только на 5 лѣтъ (П. С. № 14.253). Ограниченіе относительно лицъ послѣдовало гораздо позже, и по слѣдующему случаю. Помѣщица кн. Болховская, въ 1817 г., отдала свою крѣпостную дѣвку въ услуженіе одной казанской мѣщанкѣ на 5 лѣтъ. Получивъ деньги впередъ за все время (200 р.), она предоставила полное право суда и расправы наемщицѣ. Нестерпимыя жестокости отъ послѣдней заставили крѣпостную принесть жалобу на своихъ хозяевъ казанскому губернскому прокурору. Это вызвало постановленіе 1824 г., воспретившее помѣщикамъ отдавать въ услуженіе своихъ крѣпостныхъ такимъ лицамъ, которые по закону не имѣютъ права владѣть ими (П. С. № 30.040).

Помѣщикъ могъ самъ управлять своими крестьянами, могъ управлять ими чрезъ управляющихъ, или же отдать въ аренду. Выборъ этихъ управителей и арендаторовъ, которые нерѣдко бывали plus royalistes que le roi, и отъ которыхъ вслѣдствіе этого крестьяне иногда болѣе терпѣли, чѣмъ отъ самихъ господъ, ихъ права и обязанности относительно управляемыхъ и арендуемыхъ имѣній—не были регулированы закономъ. Только въ 1848 г. для юго-западныхъ губерній, а въ 1852 г. для сѣверо-западнаго края, установлены правила о порядкѣ допущенія частныхъ лицъ къ управленію населенными имѣніями. Въ 1853 г. эти правила были согласпены и установлены общія для всѣхъ западныхъ губерній: никто не долженъ быть допускаемъ на службу въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не только управителей, но и другихъ вотчинныхъ начальниковъ—войтовъ, экономовъ и прикащиковъ, безъ дозволенія уѣзднаго предводителя дворянства, который обязанъ вести именной списокъ такимъ лицамъ. Помѣщики же должны давать каждому изъ принимаемыхъ въ вотчинныя должности письменныя инструкціи, отнюдь не дозволяя никому изъ нихъ, кромѣ самого управляющаго, уполномоченнаго законною довѣренностію, наказывать тѣлесно крестьянъ (2-е П. С. № 27.405). Въ 1854 г. помѣщикамъ запрещено вообще предоставлять своимъ управителямъ право удалять крестьянъ навсегда изъ имѣнія или же отдавать ихъ въ рекруты, такъ какъ право это должно принадлежать власти самого помѣщика (2-е П. С. № 28.158). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1853 г., помѣщики лишены права отдавать имѣнія, населенныя крѣпостными, въ арендное содержаніе (2-е П. С. № 27.805).

Не была точно опредѣлена и обязанность помѣщиковъ продовольствовать крестьянъ въ голодные годы. На каждый отдѣльный случай издавались отдѣльныя постановленія. Въ голодный 1734 г., такъ какъ помѣщики, имѣвшіе большіе запасы хлѣба, не радѣли о продовольствіи своихъ крестьянъ, предписывалось начальству наблюдать, чтобы они пропитывали крестьянъ и снабжали ихъ сѣменами для обсѣмененія полей (П.

С. № 6.569), а вслѣдъ затѣмъ помѣщикамъ предписывалось не допускать крестьянъ во время голода ходить по міру и просить милостыню (П. С. № 6.570). Въ 1750 г. по случаю голода повелѣно запретить помѣщикамъ винокуреніе и принудить ихъ доставлять крестьянамъ пропитаніе и сѣмена на засѣвъ полей (П. С. № 9.709). Въ 1761 г. владѣльцевъ обязали имѣть въ запасѣ хлѣба на годичное продовольствіе крестьянъ и на будущій засѣвъ полей (П. С. № 11.203), а въ 1772 г. подтверждено помѣщикамъ не допускать, чтобы ихъ крѣпостные просили милостыню (П. С. № 13.767).

Право помѣщиковъ переселять крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, лежащее не только въ иномъ уѣздѣ, но даже въ другой губерніи, установилось фактически и существовало еще въ 17 ст. Но утвержденіе такого права закономъ случилось только въ царствованіе Петра Великаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ и пользованіе имъ было нѣсколько регулировано. Мотивъ регулированія, впрочемъ, заключался не въ гарантіяхъ крестьянъ, но въ интересахъ казны — въ правильности сбора подушной подати. Плакатъ 1724 г. постановилъ, что если помѣщикъ пожелаетъ перевесть крестьянъ въ другое имѣніе, то долженъ просить объ этомъ камеръ-коллегію, которая даетъ указъ о переселеніи, а у челобитчика беретъ подписку, что онъ будетъ платить подушныя деньги въ указные сроки безъ доимки (П. С. № 4.533). Но помѣщики продолжали переводить крестьянъ безъ всякаго указа камеръ-коллегіи, поэтому въ 1732 г. требованія плаката были повторены, подъ угрозою штрафа за неисполненіе ихъ: по 3 р. съ каждой переведенной души (№ 6.117). Это подтверждено опять въ 1733 г. (№ 6.395). Постановленія эти во всякомъ случаѣ были стѣснительны для помѣщиковъ: сенатъ, *изобрѣтая ко удовольствію ихъ легчайшій способъ*, въ 1762 г. постановилъ, что если кто пожелаетъ перевесть своихъ крестьянъ, тотъ подаетъ объ этомъ только объявленіе офицерамъ, опредѣленнымъ при подушномъ сборѣ (П. С. № 11.423). Отсюда при Екатеринѣ II образовался тотъ порядокъ переселенія крестьянъ изъ одного имѣнія

въ другое, которому слѣдовали до самой отмѣны крѣпостнаго права: для переселенія достаточно было подать прошеніе въ земскій судъ, не ожидая отъ него никакого дозволенія или указа (П. С. № 15.549).

Самая замѣчательная попытка регулировать закономъ оброки и издѣльныя повинности крѣпостныхъ крестьянъ и обезпечить ихъ хозяйственное положеніе—инвентари, введенные по мысли Д. Г. Бибикова, незабвеннаго по своимъ заботамъ объ улучшеніи положенія крестьянъ во ввѣренномъ его управленію краѣ. Инвентари эти введены были первоначально въ одномъ юго-западномъ краѣ, и притомъ сначала особенные для каждаго имѣнія, а потомъ, въ 1848 г., общіе и нормальные для всѣхъ помѣщичьихъ имѣній юго-западнаго генералъ-губернаторства. Они несомнѣнно принесли крестьянамъ большую услугу, поставивъ власть помѣщиковъ надъ ними въ законные предѣлы и обезпечивъ ихъ хозяйственное положеніе. Но инвентари эти установились уже къ концу существованія крѣпостнаго права, и притомъ для одной только полосы имперіи: вопросъ о введеніи ихъ въ сѣверо-западномъ генералъ-губернаторствѣ былъ только возбужденъ и вызвалъ категорическое требованіе объ окончательномъ упраздненіи крѣпостной зависимости, за что̀ также историкъ долженъ помянуть признательнымъ словомъ, какъ инвентари, такъ и ихъ изобрѣтателя.

Въ IX Т. Свода Зак., изд. 1857 г. слѣдующимъ образомъ опредѣлены право помѣщика на трудъ крестьянъ и обязанности ихъ хозяйственнаго обезпеченія: 1) Относительно *работъ, повинностей и оброковъ* крѣпостныхъ людей — владѣлецъ могъ налагать на нихъ всякія работы, взымать оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ единственными ограничивающими это право условіями: 1) чтобъ крестьяне не претерпѣвали чрезъ то разоренія и 2) чтобъ положенное закономъ число дней оставлялось на исправленіе ихъ собственныхъ работъ (ст. 1.045). Но черта, переходъ за которую сопровождался разореніемъ крестьянъ, не была обозначена въ законѣ; точнѣе опредѣлено имъ второе

условіе. Крестьяне обязывались работать на своего помѣщика 3 дня въ недѣлю; они не могли быть принуждаемы къ работамъ въ воскресные дни и въ извѣстные праздники (ст. 1.046). Переводъ же крестьянъ во дворъ, а дворовыхъ на пашню, совершенно предоставленъ былъ благоусмотрѣнію владѣльца (ст. 1.047). Владѣлецъ имѣлъ право не только употреблять своихъ крѣпостныхъ людей для личныхъ услугъ и работъ, но могъ отдавать ихъ и постороннимъ лицамъ въ услуженіе, для обученія ремеслу или на воспитаніе, съ единственнымъ ограниченіемъ не отдавать крѣпостныхъ людей въ работу на горные заводы (ст. 1.048, 1.049).

2) Относительно *переселенія крѣпостныхъ* — помѣщикъ имѣлъ право переселять ихъ, порознь, или цѣлыми селеніями, съ однихъ земель на другія, какъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ, такъ и въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ находящіяся (ст. 1.060). Главнѣйшее ограниченіе состояло въ томъ, что крестьяне, заложенные въ кредитныхъ установленіяхъ, могли быть переселяемы ихъ помѣщикомъ не иначе, какъ съ согласія тѣхъ мѣстъ, гдѣ они состоятъ въ залогѣ (ст. 1.063).

3) Относительно *обезпеченія продовольствія и благосостоянія крѣпостныхъ крестьянъ*—владѣлецъ, вслучаѣ неурожая, не сбивая крестьянъ съ пашни, а дворовыхъ со двора, обязанъ былъ доставлять имъ способы пропитанія, воздерживая отъ нищенства (ст. 1.103). За каждаго пойманнаго въ нищенствѣ съ владѣльца взыскивалось 1 р. 50 к. (ст. 1.105). Если земля, отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ будетъ заложена, и закладная просрочена, или же земля будетъ отдѣльно продана, и въ обоихъ случаяхъ у помѣщика останется менѣе 4½ д. на душу, а втеченіе года не будетъ имъ пріобрѣтено другой земли, соразмѣрно числу душъ, то крестьяне брались въ казенное вѣдомство (ст. 1.017).

в) Вопросъ о правѣ помѣщиковъ продавать своихъ крѣпостныхъ отдѣльно отъ земли и отъ семействъ разрѣшался отдѣльными постановленіями втеченіе 18 и 19 ст.

Уже Болтина занималъ вопросъ о томъ, какъ установилось право помѣщиковъ продавать своихъ крестьянъ отдѣльно отъ земли и въ розницу. Первый поводъ къ такой продажѣ онъ видѣлъ въ наборѣ рекрутъ съ числа дворовъ. „Наборомъ этимъ указана была помѣщикамъ возможность отдѣлять крестьянъ отъ земли и отъ семействъ. Указъ, сравнившій помѣстья съ вотчинами, и послѣдовавшая затѣмъ подушная перепись, утвердили владѣльческое притязаніе. Обычай продавать сначала былъ терпимъ, послабляемъ, превратно толкуемъ, обратился, наконецъ, чрезъ долгое употребленіе въ законъ" (Прим. на Леклерка, т. II, стр. 211). Такимъ образомъ, начало праву помѣщиковъ продавать крестьянъ Болтинъ видитъ въ 18 вѣкѣ. Право это образовалось, впрочемъ, нѣсколько раньше. Уложеніе, конечно, предоставить его не могло, ибо оно различало еще холоповъ, право продажи которыхъ владѣльцами всегда было безусловно, отъ крестьянъ, продавать которыхъ землевладѣльцы права не имѣли. Но оба эти разряда постепенно въ жизни сливались: право продажи холоповъ помѣщики начали переносить и на крестьянъ. Сначала мы встрѣчаемъ, что и законъ разрѣшаетъ отдѣльные случаи такой продажи: напримѣръ, въ 1665 г. она была разрѣшена царскому любимцу боярину Матвѣеву. Прецедентомъ этимъ захотѣли воспользоваться другіе. Пока наконецъ боярскимъ приговоромъ 1682 г. (190 г.) сдѣлочныя записи на крестьянъ были разрѣшены всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, наравнѣ со сдѣлочными записями на холоповъ (П. С. № 946). При Петрѣ Великомъ *обычай* продажи отдѣльно отъ семействъ—дѣтей отъ родителей, родителей отъ дѣтей—въ особенности мелкимъ шляхетствомъ, уже такъ распространяется, что онъ задумалъ его искоренить. Но обычай этотъ укоренился уже до того, что великій обновитель родной земли понималъ всѣ трудности безусловнаго его прекращенія, и поэтому въ 1721 г. онъ ограничивается только требованіемъ, чтобы продавали по крайности цѣлыми семействами, а не порознь, и проситъ гг. сенаторовъ при составленіи новаго уложенія

обратить вниманіе на этотъ обычай (П. С. № 3.770) [91]. Но, возставая противъ этого обычая, Петръ самъ содѣйствовалъ его развитію, предоставивъ въ 1717 г., вмѣсто себя, ставить въ рекруты наемныхъ людей (№ 3.135), онъ позволилъ въ 1720 г. людямъ всякихъ чиновъ, кромѣ шляхетства, отдавать за себя въ солдаты купленныхъ людей (№ 3.669). Позволеніе это привело къ большимъ злоупотребленіямъ, и законодательство впослѣдствіи само стало его ограничивать. При производствѣ рекрутскаго набора въ 1738 г. разрѣшено было купечеству гжатской пристани для поставки вмѣсто себя рекрутовъ покупать у помѣщиковъ крѣпостныхъ съ тѣмъ, чтобы не употреблять ихъ для своего услуженія, и покупать только у такихъ помѣщиковъ, которые имѣютъ не менѣе 50 душъ (№ 7.696); въ 1739 г. разрѣшено покупать только у помѣщиковъ своего города, и притомъ у имѣющихъ не менѣе 100 душъ (№ 7.973). Но въ 1747 году право покупки опять подтверждается безъ всякихъ ограниченій (№ 9.456).

Съ Екатерины II, которая, впрочемъ, на торговлю крестьянами смотрѣла, какъ на одну изъ привиллегій россійскаго дворянства (№ 14.376) [92], начинаются нѣкоторыя ограниченія этой торговли. Прежде всего генеральнымъ учрежденіемъ о рекрутскомъ наборѣ 1766 г. постановлено не дозволять совершенія купчихъ на крѣпостныхъ за 3 мѣсяца до рекрутскаго набора (№ 13.237). Цѣль этого запрещенія разъяснена въ 1768 г. Капитанъ Шестаковъ просилъ вологодскую провинціальную канцелярію совершить купчую на приторгованную имъ жонку и двухъ малолѣтнихъ ея дѣтей, изъ которыхъ одному было 6 лѣтъ, а другому 4 года. Канцелярія, за силою указа 1766 г., запретила совершить купчую. Прокуроръ протестовалъ противъ этого запрещенія на томъ основаніи, что законъ 1766 г. имѣлъ ввиду совершеніе купчихъ на такихъ людей, которые годны въ военную службу. Сенатъ уважилъ протестъ и приказалъ совершать купчія на малолѣтныхъ и престарѣлыхъ во всякое время (П. С. № 13.074). Постановленіе генеральнаго учрежденія подтверждалось и при наборѣ

рекрутъ въ 1770 г. (№ 13.483, § 8), и въ 1789 г. (№ 16.818). Этими же постановленіями повелѣвалось не принимать въ рекруты вольныхъ людей за крестьянъ, дабы не производить запрещенной торговли послѣдними. Вмѣстѣ съ тѣмъ предоставленная въ 1766 г. дворцовымъ волостямъ покупка земель съ крестьянами, съ единственнымъ ограниченіемъ не платить за душу болѣе 30 р. и распространенная въ 1788 г. на всѣхъ казенныхъ поселянъ, по случаю многихъ злоупотребленій была также отмѣнена (№ 16.821).

Еще прежде, въ 1771 г., запрещена продажа крестьянъ безъ земли съ молотка (П. С. № 13.634). Но такая продажа съ молотка продолжалась: въ 1784 г. тамбовскій верхній земскій судъ за вексельный искъ купца Капустина съ секретаря Головина продалъ съ молотка крѣпостныхъ крестьянъ послѣдняго. Въ 1792 г. законъ 1771 г. подвергся новому разъясненію: крестьяне безъ земли, за казенные и партикулярные долги ихъ владѣльцевъ, должны быть продаваемы съ публичнаго торга, но только безъ употребленія молотка (№ 17.076). Особенно сильныя злоупотребленія по торговлѣ людьми въ Малороссіи вызвали законъ 1798 г., запретившій тамъ продажу крестьянъ безъ земли (№ 18.706) [93].

Александръ I обратилъ большое вниманіе на ограниченіе торговли людьми. Узнавъ въ 1804 г., что нахичеванскіе армяне, пріобрѣтя за Кубанью невольниковъ, развозили ихъ, скованными въ желѣза, и продавали въ Крыму и въ другихъ мѣстахъ татарамъ и помѣщикамъ, онъ повелѣлъ „запретить сей постыдный торгъ“ (№ 21.246). Въ томъ же году, для предупрежденія злоупотребленій продажею крестьянъ при рекрутскихъ наборахъ, повелѣно крѣпостныхъ, продаваемыхъ безъ земли, принимать въ рекруты не иначе, какъ чрезъ 3 года по совершеніи купчей на ихъ продажу (П. С. № 21.442). Въ 1808 г. запрещено вывозить людей для продажи на ярмарки и торги (№ 23.157).

Несмотря, однакожъ, на запрещеніе 1804 г. принимать въ рекруты крѣпостныхъ людей прежде, какъ по истеченіи трехъ лѣтъ послѣ совершенія на нихъ купчихъ

крѣпостей, многіе помѣщики продолжали дѣлать такія покупки и отдачу въ рекруты. Вслѣдствіе того, въ 1810 г. подтверждена сила закона 1804 г. (П. С. № 24.220). Лифляндскіе же помѣщики продолжали вести сильно укоренившуюся между ними торговлю людьми, несмотря на положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1804 г. (§§ 5 и 25). Напримѣръ: генералъ-лейтенантша Шредеръ и надворный совѣтникъ Гейзеръ вывозили изъ своихъ имѣній крестьянъ для продажи ихъ въ С.-Петербургѣ. Государь повелѣлъ сенату подтвердить положеніе 1804 г., воспретившее торгъ крестьянами помѣщикамъ лифляндскимъ (№ 24.699). Въ 1812 г. запрещена выдача довѣренностей на совершеніе купчихъ на продажу людей поодиночкѣ и безъ земли (№ 25.107). Этотъ законъ возбудилъ, впрочемъ, сомнѣніе: запрещается ли имъ только выдача довѣренностей, или же и личное право продажи владѣльцами, имѣющими право владѣть крестьянами, и выдача ими довѣренностей на покупку оныхъ? Вопросъ разрѣшенъ сенатомъ, въ смыслѣ запрещенія выдачи довѣренностей только на продажу, но личная продажа и выдача довѣренностей на покупку лицами, имѣющими на то право, должны оставаться въ прежней силѣ (№ 25.259). Законъ этотъ не прекратилъ, однакожъ, выдачи довѣренностей на продажу — даже въ царствованіе императора Николая I, что можно видѣть изъ дѣла о запроданной дворовой дѣвкѣ Денисовой, помѣщеннаго во 2-мъ П. С. подъ № 535. Въ 1813 г. законъ установилъ таксу на продаваемыхъ крестьянъ: за душу мужскаго пола по 300 р., а женскаго—половину (№ 25.385). Въ 1815 г. запрещены публикаціи при явкѣ купчихъ на крѣпостныхъ, продававшихся безъ земли, и неотдачѣ ихъ на выкупъ, такъ какъ продаваемыхъ безъ земли крѣпостныхъ нельзя считать недвижимымъ имѣніемъ (П. С. № 25.775). Въ слѣдующемъ году запрещена продажа крѣпостныхъ донскимъ чиновникамъ для поселенія на войсковыя земли, такъ какъ продажа эта часто сопровождалась разореніемъ и раздробленіемъ крестьянскихъ семействъ (№ 26.164, 26.290). Въ 1816 г. право совершать купчія на крестьянъ опять подверглось сомнѣнію. Баронесса

ф. Дельвигъ крестьянъ своихъ, доставшихся ей по рядной отъ ея отца, кн. Андрея Волконскаго, пензенской губерніи инсарскаго уѣзда въ с. Ключаревѣ 58 душъ, продала на своз подпоручику Аммосу Юрлову, давъ своему брату право совершить купчую на имя покупщика. Пензенская гражданская палата, затрудняясь совершеніемъ купчей, представила дѣло на заключеніе губернскаго прокурора. Утвердительное мнѣніе послѣдняго было одобрено сенатомъ (№ 26.335). Законъ 1822 г. запретилъ печатать публикаціи въ сенатскихъ объявленіяхъ о продажѣ людей безъ земли (№ 29.192).

Одно изъ первыхъ постановленій императора Николая I по изслѣдуемому нами вопросу состоялось въ 1827 г.: офицеры войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, нерѣдко продавали своихъ крѣпостныхъ гражданамъ княжества—таковыя продажи въ этомъ году были воспрещены (2-е П. С. № 1.009). Болѣе важное ограниченіе состоялось въ 1833 г. Воспрещено было: 1) представлять и принимать въ обезпеченіе и удовлетвореніе частныхъ долговъ крѣпостныхъ людей безъ земли; 2) по закладнымъ на крѣпостныхъ людей безъ земли и по частнымъ долговымъ обязательствамъ, совершеннымъ до настоящаго запрещенія и представленнымъ ко взысканію, причислять крѣпостныхъ людей, подлежащихъ продажѣ, безъ раздробленія ихъ семействъ, въ казенное вѣдомство, выдавая изъ казны по 300 р. за ревизскую душу мужескаго пола и по 150 р. женскаго; 3) безусловно запрещено продавать и уступать по дарственнымъ записямъ отдѣльно отъ семействъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли (2-е П. С. № 6.163). Исполненіе этого важнаго закона вызывало въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, курская палата гражданскаго суда возбудила вопросъ: можетъ-ли быть допускаемо раздробленіе семействъ при раздѣлѣ между наслѣдниками? Для разрѣшенія подобныхъ сомнѣній въ 1841 г. состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта. Мнѣніе это дѣлаетъ самое широкое толкованіе закона 1833 г., въ смыслѣ ограниченія про-

дажи крѣпостныхъ и раздробленія крестьянскихъ семействъ при раздѣлѣ наслѣдства. На основаніи его: 1) покупать крестьянъ можетъ только лицо, владѣющее уже населеннымъ имѣніемъ, къ которому покупаемые и должны быть приписаны; поэтому, при совершеніи крѣпостныхъ актовъ, присутственныя мѣста должны потребовать отъ покупщика крестьянъ безъ земли, къ какому недвижимому населенному своему имѣнію намѣренъ онъ приписать тѣхъ людей. 2) При продажѣ или залогѣ имѣній не дозволять владѣльцамъ выговаривать, или оставлять за собою людей, отдѣляемыхъ отъ семействъ. 3) Малолѣтнихъ, неимѣющихъ ни отца, ни матери, т. е. холостыхъ братьевъ и незамужнихъ сестеръ, считать за одно семейство, и не дозволять ихъ раздробленія. 4) Воспретить раздробленіе семействъ и при раздѣлѣ между наслѣдниками (2-е П. С. № 14.152). Но какъ быть, если одна крѣпостная душа достается двумъ наслѣдникамъ? Законъ 1841 г. этого не разрѣшаетъ, а между прочимъ въ жизни такіе случаи бывали возможны. Изъ рѣчи, сказанной Д. Г. Бибиковымъ 8 мая 1851 г., это несомнѣнно видно: „случилось въ 1851 г., что *два* помѣщика радомысльскаго и овручскаго уѣздовъ имѣли *одного* крестьянина Іосифа, который въ недѣлю работалъ одному помѣщику три дня и другому три дня...“ (Историческіе матеріалы Зари; апрѣль 1870).—Законъ 1841 г. не оговорилъ также, что имъ отмѣняется сила закона 1798 г., воспретившаго продажу крестьянъ безъ земли въ Малороссіи. Вслѣдствіе этого, малороссійскіе помѣщики стали покупать другъ у друга крестьянъ безъ земли, основываясь на законѣ 1841 г. Такъ напримѣръ, миргородскій уѣздный судъ совершилъ купчую на крестьянъ Кобзуновыхъ, купленныхъ капитаномъ Носенкомъ. Это вызвало въ 1846 г. подтвержденіе закона 1798 г. о несовершеніи купчихъ на людей безъ земли въ черниговской и полтавской губерніяхъ (2-е П. С. № 2.000).—Въ 1847 г. крестьянамъ даровано весьма важное право: при продажѣ имѣнія съ публичныхъ торговъ за долги, они могли выкупать себя съ землею (2-е № 21.689). Замѣ-

чательно, что объ этомъ правѣ крестьяне ходатайствовали еще раньше, но встрѣтили въ правительствѣ отказъ. Въ 1842 г. крестьяне одного помѣщика витебской губерніи подали министру финансовъ прошеніе, въ которомъ вызывались уплатить казенные долги, числившіеся на имѣніи, съ тѣмъ чтобы имъ потомъ была выдана купчая на имѣніе и дозволено избрать родъ жизни. Канкринъ препроводилъ это прошеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, назвавъ его *неблаговиднымъ* „по незаконности домогательства". Въ такомъ же смыслѣ и гр. Перовскій писалъ къ витебскому гражданскому губернатору, который объявилъ крестьянамъ, что прошеніе ихъ не можетъ быть удовлетворено по незаконности его (Варадинова: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, III ч. отд. 2, стр. 697).

Въ IX Т. Св. Зак. изд. 1857 г. право продажи и покупки крѣпостныхъ помѣщиками регулировано слѣдующими правилами: Продавать и покупать крестьянъ —какъ съ землею, такъ и безъ земли—могутъ только *потомственные дворяне*. Потомъ, покупать безъ земли могутъ только тѣ изъ нихъ, которые владѣютъ *населенными имѣніями* (ст. 1.069) [91]). Безусловно запрещена продажа крѣпостныхъ: гражданамъ Финляндіи (ст. 1.079) и чиновникамъ земли войска донскаго, для переселенія на войсковыя земли (ст. 1.085). За этими ограниченіями, дозволялась продажа, какъ цѣлыми селеніями, такъ и отдѣльными семьями (ib). Помѣщикъ могъ продавать какъ лично, такъ и чрезъ другихъ лицъ по довѣренности. Но относительно выдачи довѣренности устанавливались ограниченія: не дозволялось выдавать довѣренность на продажу и покупку крѣпостныхъ людей по *одиночкѣ и безъ земли* лицамъ, неимѣющимъ дворянскихъ правъ (ст. 1.071); напротивъ, на продажу, покупку и закладъ съ землею, довѣренность могла быть выдана всякому лицу безъ ограниченія (ст. 1.072). О продажѣ людей безъ земли въ розницу запрещена публикація въ вѣдомостяхъ (ст. 1.080); равномѣрно запрещалась и продажа на ярмаркахъ и на торгахъ—поименно и безъ земли (ст. 1.082).

III. Такъ развивалось наше законодательство по важнѣйшимъ вопросамъ, вытекающимъ изъ отношеній помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ. Опредѣленія закона, какъ мы видѣли, нерѣдко бывали недостаточны—не обнимали вполнѣ и всесторонне того, что развивалось въ самой жизни. Фактически власть помѣщиковъ надъ ихъ крѣпостными всегда превышала тѣ границы, которыя установлялись закономъ; фактическое положеніе крѣпостныхъ всегда было хуже ихъ положенія юридическаго. Вѣрными чертами изображено все это въ незабвенномъ манифестѣ 19 февраля 1861 г.: „Права помѣщиковъ были до нынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ...“

Современники крѣпостнаго права и его упраздненія, мы собственнымъ опытомъ знаемъ его свѣтлыя и темныя стороны. Мы знаемъ, что далеко не всѣ помѣщики злоупотребляли своими правами и своей фактической силой надъ подвластными имъ людьми. Что кровавые эпизоды изъ печальной исторіи крѣпостнаго права—людоѣдство Салтычихи, при Екатеринѣ II, кровавыя похожденія помѣщиковъ Орлова, Побѣдинскаго и Каннабиха при Александрѣ I, или свирѣпости поручика Карцова и развратные поступки тайнаго совѣтника Жадовскаго при Николаѣ I, и мн. др. тому подобные—не могутъ быть вмѣнены цѣлому сословію, хотя исто-

рикъ крѣпостнаго права и не долженъ забывать о нихъ. Въ рядахъ сословія, напротивъ, нерѣдко находились помѣщики, которые слѣдовали благородному примѣру своего собрата 17 ст., Ртищева, который, продавая одно изъ своихъ селъ, уменьшилъ ему цѣну съ условіемъ, чтобъ покупатель хорошо обращался съ крестьянами, а умирая, умолялъ наслѣдниковъ, чтобы они кротко обходились съ крѣпостными (Соловьева: т. XII, стр. 353).

Злоупотребленій власти помѣщиковъ надъ крѣпостными, повторяемъ, нельзя вмѣнять цѣлому сословію. Не всегда они происходили и отъ преднамѣренной злой воли помѣщика, или дурныхъ его качествъ. Злоупотребленія эти въ большинствѣ случаевъ были неизбѣжными послѣдствіями самой сущности крѣпостнаго права, неопредѣленности и неточности регулировавшихъ его законовъ. Обусловливались они также общимъ духомъ времени—вездѣ царствовавшими насиліемъ и произволомъ, низкимъ уровнемъ образованія дворянства, при которомъ немыслима высокая степень развитія нравственнаго. „Россія слыветъ монархіею", говорилъ Храповицкій, по-случаю учрежденія вольныхъ хлѣбопашцевъ въ 1803 г. „Самодержавный государь постановляетъ законы основаніемъ и мѣрою власти своей. А внутри что? Тысячи господъ большихъ и малыхъ владѣютъ неограниченно третьею, можетъ быть, частію народа! *Взглянуть на нравственность господствующихъ, ощутится состояніе повинующихся. Другъ человѣчества обольется слезами*" (Чтенія, Кн. 2-ая 1858 г.).

Была еще одна причина злоупотребленій владѣльческой власти, не ложащаяся на совѣсть дворянства, въ которой виновато было само правительство. Монархи жаловали населенныя имѣнія, не обращая вниманія на нравственную сторону жалуемаго лица—не зная, выйдетъ-ли изъ него справедливый и милостивый помѣщикъ. Отсюда происходило, что пожалованные крестьяне часто дѣлались жертвами суровыхъ и жестокихъ владѣльцевъ. Для примѣра мы укажемъ только на адъютанта гренадерской роты преображенскаго полка Юрья

Гринштейна и на гатчинца Каннабиха. Гринштейну, за его участіе въ возведеніи на престолъ Елизаветы Петровны, пожаловано 927 душъ мужескаго пола. Новый помѣщикъ былъ такой нравственности и такого нрава, что его, по наказаніи плетьми, удалили изъ столицы въ пожалованную деревню. Какимъ-же онъ могъ быть господиномъ для своихъ крестьянъ? Гатчинецъ—Каннабихъ получилъ отъ Павла 1.000 душъ крестьянъ, за ловкій отвѣтъ на парадѣ [95]). Вначалѣ царствованія Александра I, этотъ Каннабихъ прославился такими страшными жестокостями надъ крестьянами, что о нихъ ходили цѣлыя легенды. Приведенные примѣры, конечно, не были исключительными. Аракчеевъ и большинство созданныхъ Павломъ *помѣщиковъ-полицiймейстеровъ* могли быть во вкусѣ Коннабиха. Замѣчено довольно справедливо, что лучшими помѣщиками, дѣйствительно нерѣдко отцами для своихъ крестьянъ, всегда болѣе были помѣщики исконные, родовые. Выскочки-же и счастливые проходимцы, которыми была едва-ли не большая часть помѣщиковъ, всегда были тиранами, злоупотреблявшими своей властію. Да и сердобольные помѣщики, прирожденные очень часто управляли имѣніями не лично, а посредствомъ управителей и приказчиковъ—тѣхъ же тирановъ, угнетавшихъ крестьянъ именемъ сердобольныхъ владѣльцевъ.

Каковы бы ни были тому причины, но несомнѣнно, что злоупотребленія власти помѣщиковъ были весьма велики, и составляли обыденное явленіе нашего недавняго прошлаго. Несомнѣнно, что положеніе крѣпостныхъ въ жизни было бѣдственно, а фактическія отношенія ихъ къ помѣщикамъ—тягостнѣе отношеній по закону.

Каково же было это положеніе крестьянъ въ жизни, каковы были фактическія отношенія ихъ къ помѣщикамъ?

а) Мы видѣли, что законодательство долгое время не вполнѣ точно опредѣляло не только *мѣру*, но и самый *родъ* тѣхъ наказаній, которымъ помѣщики могли подвергать своихъ крестьянъ. Не регулируемыя закономъ, наказанія эти тѣмъ съ большимъ *разнообразіемъ*

ихъ *рода* *и* *жестокостію* ихъ *мѣры* развиваются на практикѣ. Родъ наказанія нерѣдко изобрѣтается фантазіей помѣщика, мѣра его всегда опредѣляется его благоусмотрѣніемъ. У каждаго владѣльца былъ свой особенный уголовный кодексъ—свои особыя преступленія, свои особыя наказанія. Дѣянія, считавшіяся преступными однимъ владѣльцемъ, считались дозволительными другимъ. У каждаго были свои особенныя нарушенія *первыхъ двухъ пунктовъ:* иной считалъ самымъ тяжкимъ преступленіемъ въ своемъ крѣпостномъ—пьянство, другой — воровство, третій—лѣнь и т. д. Такое же разнообразіе и во взглядѣ на цѣль наказанія: въ этомъ пунктѣ наши помѣщики расходились между собою можетъ быть болѣе криминалистовъ нѣмецкихъ. Мы знавали и послѣдователей системы устрашенія, и системы исправленія; знавали такихъ, для которыхъ наказаніе крестьянина основывалось на началѣ матеріальнаго воздаянія (поваръ плохо приготовлялъ кушанье—онъ долженъ былъ все съѣсть), или же опредѣлялось принципомъ абсолютной справедливости Канта.

Право наказанія холопа всегда было безусловно. Холопа господинъ могъ подвергать такому наказанію, какому хотѣлъ. Въ 17 ст. помѣщики начинаютъ примѣнять это и къ недавно свободнымъ крестьянамъ: въ 17 ст. уже щедро раздаются тѣлесныя наказанія, уже употребляются пытки, кандалы, колодки, устраиваются тюрьмы для содержанія крѣпостныхъ въ заключеніи, встрѣчается ссылка. Одинъ помѣщикъ, напримѣръ, пишетъ своему приказчику вконцѣ 17 ст.: „А будетъ кто тебя не послушаетъ, и тебѣ бы *сѣчь кнутьемъ*, и *сошли* ихъ въ подмосковную на Орлово, до *указу*, а *глухому* Данилу и женѣ ево...., и *дураку* Кажихѣ, также и Тимохинѣ Марьѣ, *кнута* имъ не миновать“ (чтенія, кн. 2-я 1859 г.). Замѣчено (Побѣдоносцевъ), что помѣщики въ своихъ имѣніяхъ пародировали тѣ государственные порядки и обыкновенія, которые развились въ московскомъ государствѣ. Организація управленія имѣніями въ 17 ст. дѣйствительно воспроизводила въ миніатюрѣ организацію управленія государственнаго.

Свою карательную власть надъ крестьянами до извѣстной степени помѣщики могли представлять въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ сказалась карательная власть государственная въ соборномъ уложеніи. Они употребляютъ иногда офиціальныя выраженія, при опредѣленіи мѣры наказаній своимъ крестьянамъ: бьютъ ихъ батогами *нещадно*, чтобы другимъ *неповадно было такъ дѣлать.*

Такой взглядъ на карательную власть помѣщика преемственно переходитъ въ 18 и 19 вѣка, смягчаясь и видоизмѣняясь сообразно смягченію самыхъ нравовъ. Употребленіе тѣлесныхъ наказаній въ 18 вѣкѣ дѣлается необходимой принадлежностію управленія имѣніемъ, *краеугольнымъ камнемъ домостроительства русскихъ дворянъ*, которые *начинаютъ исповѣдывать то политическое правило, что правительство не можетъ лишить ихъ права тѣлеснаго наказанія безъ общаго и нарочитаго ихъ согласія* [96]). Крестьяне сами признаютъ право тѣлесныхъ наказаній прирожденнымъ и исконнымъ правомъ своихъ помѣщиковъ: *„тѣло государево, душа Божья, спина барская“*. Крестьянъ наказываютъ батогами, палками, кнутомъ (арапникомъ), кошками. Наказанія эти часто слѣдуютъ за побоями, нанесенными дворянскими руками. О томъ, что претерпѣвали помѣщичьи крестьяне отъ своихъ владѣльцевъ при Петрѣ Великомъ, можетъ дать понятіе одинъ любопытнѣйшій документъ, отысканный нашимъ даровитымъ и неутомимымъ исторіографомъ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ—челобитная крѣпостныхъ людей Петру. Челобитная эта яркими красками рисуетъ ихъ бѣдственное, страдальческое положеніе: „Просимъ и молимъ и умильно вопіемъ“, челомъ били крѣпостные Петру, „да тя на милость приклонимъ о *свободствѣ,* дабы намъ изъ Содому и Гомору отраднѣе было. На семъ нашемъ приношеніи къ тебѣ, великому государю, сановніи твои бояре и князи тебѣ великому государю станутъ возбранять, чтобъ намъ у нихъ яко въ Содомѣ и Гоморѣ мучиться, *яко львы челюстями своими пожираютъ,* и *якоже зміи ехидные разсвирѣпся*

напрасно попираютъ и якоже волци свирѣпіи біютъ насъ яко немилостивіи пилаты: великій государь, смилуйся пожалуй" (14 приложеніе къ XVIII Т. Исторіи Соловьева, стр. 356). Потребы государственнаго строя не позволяли Петру, въ великой душѣ котораго, вѣроятно, откликнулось громкое эхо на этотъ отчаянный крикъ наболѣвшаго горя и страданій—удовлетворить челобитную крестьянъ, вырвавъ ихъ изъ *челюстей львовъ пожирающихъ, разсвирѣпѣвшихъ змiевъ ехидныхъ, волцей свирѣпихъ и Пилатовъ немилостивыхъ.* Крестьяне продолжаютъ быть жертвами необуздываемой закономъ карательной власти помѣщиковъ. Во второй половинѣ 18 вѣка помѣщикъ Марковъ, иногда при гостяхъ, наказывалъ своихъ крѣпостныхъ кнутьями въ двѣ руки (Р. Арх. ч. 3-й стр. 973). Нормальными орудіями наказанія, вслѣдствіе смягченія нравовъ, мало-по-малу дѣлаются розги и палки, узаконяемыя сводомъ. Впрочемъ, еще въ 1844 г. министръ внутреннихъ дѣлъ воспрещалъ помѣщикамъ наказывать крѣпостныхъ *трехременною плетью* (а не трехременною?) (Варадинова: Ист. м. вн. дѣлъ).

Число ударовъ, неопредѣляемое даже первымъ изданіемъ свода, зависѣло отъ благоусмотрѣнія помѣщика—отъ степени его вспыльчиваго нрава, или отъ холодной разсчитанной злости. Десятки ударовъ полагались за меньшіе проступки; за проступки большіе—назначались сотни. Мы помнимъ одного помѣщика, который обыкновенно не назначалъ числа ударовъ, но велѣлъ бить, пока выкуритъ самъ одну или двѣ трубки.

Пытки крѣпостныхъ начинаютъ входить въ употребленіе вначалѣ 18 вѣка: въ 1705 г., по приказу помѣщицы Нарышкиной, прикащикъ пыталъ въ вотчинной конторѣ ея крестьянъ (Бѣляева: Кр. на Руси, стр. 217). Затѣмъ мало-по-малу онѣ распространяются, входятъ во всеобщее употребленіе у нашихъ помѣщиковъ, существуя до недавняго времени—можно сказать, до самой отмѣны крѣпостнаго права. Помѣщикъ пензенской губ., Струйскій, умершій въ 1823 г., производилъ ихъ для собственнаго удовольствія. До своей маніи писать стихи,

онъ былъ пристрастенъ къ юридическимъ упражненіямъ: дѣлалъ своимъ людямъ допросы, употребляя при этомъ пытки (Р. Арх. ч. 3-й стр. 961). Елецкій земскій судъ, производя вначалѣ текущаго столѣтія слѣдствіе въ имѣніи маіора Орлова, помѣщика орловской губ., примѣтилъ большое количество больныхъ крестьянъ въ его деревнѣ. По изслѣдованіи причинъ болѣзней, нашли, что по 40 человѣкъ крестьянъ, вмѣстѣ со скотомъ, въ двухъ тѣсныхъ избахъ, со смраднымъ и сырымъ воздухомъ, лежатъ больные и изнуренные на полу безъ всякаго призрѣнія; что одинъ крѣпостной уже другой годъ прикованъ къ стѣнной цѣпи, и что вообще цѣпи, желѣза, рогатки и колодки употребляются только въ маловажныхъ проступкахъ, а въ случаяхъ болѣе важныхъ истязанія *изобрѣтаются* помѣщикомъ „съ такимъ необузданнымъ свирѣпствомъ, что безъ содроганія и выразить не можно (П. С. № 20.217. Этотъ указъ дословно перепечатанъ въ Рус. Старинѣ, за янв. 1870 г., стр. 46). Въ то же самое время и у ярославскаго помѣщика, генералъ-маіора Побѣдинскаго, по произведенному самимъ дворянствомъ слѣдствію, найдены въ домѣ съ *запекшеюся кровью* разныя тиранскія орудія: крестообразное пяло, колодки и цѣпь съ обручами, вколоченная въ стѣну, которыя употреблялись къ истязанію и томленію крестьянъ (Русс. старина, янв. 1870 г. стр. 78). Употребленіе пытокъ не было рѣдкостью даже въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX столѣтія, когда отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, благодаря императору Николаю I и его усердному помощнику въ этомъ дѣлѣ, гр. Перовскому, управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ 1841—1851 г., были подчинены болѣе строгому контролю правительства. Въ русскихъ уголовныхъ процессахъ Любавскаго, который, къ сожалѣнію, привелъ мало дѣлъ по злоупотребленію владѣльческой власти, встрѣчаются примѣры употребленія пытокъ помѣщиками въ весьма недавнее время. Въ 1846 г., напримѣръ, помѣщикъ Трубицынъ, въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ, пыталъ своихъ крестьянъ, приказавъ приказчику вѣшать ихъ за палецъ (стр. 321

2-го т.). Помѣщикъ же херсонской губерніи Карцовъ, съ похожденіями котораго мы познакомимся ниже, какъ обнаружено слѣдствіемъ 1852 г., желѣзныя цѣпи, рогатки и кандалы употреблялъ, какъ самые обыкновенные способы наказанія и истязанія своихъ крестьянъ.

Ссылка также употреблялась помѣщиками. Мы говоримъ не о ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе и на каторгу, которою помѣщики пользовались, какъ видѣли выше, также не совсѣмъ умѣренно и справедливо, ссылали иногда мужа, чтобъ попользоваться его женою, не снабжая ссылаемыхъ нужной одеждой и обувью. Мы говоримъ о той ссылкѣ, которую помѣщики, пародируя карательную власть государства, заводили въ предѣлахъ своихъ имѣній. Вас. Вас. Головинъ, на долю котораго выпало *сущее несчастіе* быть послану Петромъ въ Голландію для изученія навигацкой науки—Вас. Вас. Головинъ, говоримъ, по выходѣ въ отставку, зажилъ въ своей деревнѣ большимъ эксцентрикомъ. Въ одной отдаленной вотчинѣ онъ устроилъ мѣсто ссылки для провинившихся крестьянъ: однажды туда были сосланы *котъ Ванька*, съѣвшій рыбу, приготовленную для барскаго стола, и *баба зажигалка* [97]), отъ неосторожности которой сгорѣло село (Пекарск., Т. I. 142). Въ радомысльскомъ уѣздѣ кіевской губерніи и въ настоящее время, среди сыпучихъ песковъ и нѣкогда дремучихъ лѣсовъ, стоитъ село *Злодіевка*. По преданію, названіе этого села произошло отъ того, что помѣщики, владѣльцы Злодѣевки (Искры), ссылали въ нее своихъ провинившихся крѣпостныхъ—*злодіевъ*. Мы слышали также разсказъ объ одной малороссійской помѣщицѣ, крутаго нрава, въ имѣніи которой среди степи стояла *пустка*—полуразвалившаяся изба: туда въ ссылку посылались крестьяне, тамъ существовало нѣчто вродѣ каторги—самая безпощадная панщина.

Трудно перечислить и уловить другіе роды наказаній, такъ какъ они изобрѣтались, какъ сказали мы, фантазіей помѣщика. Однакожъ, можно сказать, что водились еще слѣдующія: обливаніе водой на морозѣ, или стояніе босыми ногами на снѣгу въ январскій хо-

лодъ; бритье половины головы и одного уса; жалѣніе крапивой, колѣнки на гречкѣ или орѣховой скорлупѣ (преимущественно для женщинъ); повара, неудачно приготовившаго кушанье, булочницу, недопекшую или перепекшую хлѣбы—заставляли съѣдать порцію борща или соуса, приготовленнаго на помѣщичью семью, нерѣдко многочисленную, и огромную булку или ситницу; случалось и то, что цѣлая ваза горячаго супа, неловко приготовленнаго, выливалась на голову несчастнаго повара и т. п.

Одной изъ весьма нерѣдкихъ причинъ угнетенія крестьянъ помѣщиками было покушеніе послѣднихъ на женъ и дочерей своихъ крѣпостныхъ. Смѣлые мужья и отцы подвергались гоненіямъ, податливые дѣлались фаворитами. Тайный совѣтникъ Ждановскій, помѣщикъ оренбургской губерніи, по произведенному надъ нимъ въ 1855 г. слѣдствію, оказался виновнымъ въ растлѣніи многихъ своихъ дѣвокъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за несогласіе на прелюбодѣяніе, наказывались розгами. Онъ установилъ въ своемъ имѣніи нѣчто вродѣ jus primae noctis—позволялъ жениться на своихъ крѣпостныхъ, но только съ условіемъ, чтобы первая ночь принадлежала барину. Одного мужа, неисполнившаго этого условія, онъ отдалъ въ солдаты (Любавскаго: Р. угол. процессы, Т. II; стр. 330).

Возрастъ крестьянина не всегда брался во вниманіе при наказаніи его: въ 1808 г. одинъ воспитатель морскаго кадетскаго корпуса, капитанъ-лейтенантъ Кролевецкій, наказывалъ своего 12-лѣтняго крѣпостнаго мальчика за шалости въ съѣзжемъ домѣ, затѣмъ посадилъ его въ желѣзную рогатку, въ которой мальчикъ удавился (П. С. № 23.708). Послѣ этого случая законодатель предписалъ владѣльцамъ не употреблять рогатокъ, что, какъ мы видѣли, ими не исполнялось. Другой случай наказанія малолѣтняго относится къ 1825 г. Штабсъ-капитанша Пашевкина, по приведеніи изъ бѣговъ 12-лѣтней дѣвочки, крѣпостной ея мужа, приказала служанкамъ наказывать ее сперва розгами, а потомъ кучерскимъ кнутомъ, что онѣ и исполняли до

усталости, причемъ сама госпожа имъ помогала; когда же послѣ этого дѣвочка пришла въ изнеможеніе, Пашевкина заставила бить ее кнутомъ вторично. Дѣвочка на другой день умерла (П. С. № 30.529).

До какого изувѣрства доходили иногда жестокости помѣщиковъ надъ крестьянами, ярко изображаютъ два эпизода изъ печальной исторіи крѣпостного права: дѣло Салтычихи, оконченное при Екатеринѣ II въ 1768 г. и поручика Ивана Карцова, преданнаго херсонскимъ губернскимъ правленіемъ уголовному суду въ 1852 г.

Интересное описаніе салтычихинова дѣла находится въ Р. Архивѣ (годъ третій 641—651). Несмотря на его общеизвѣстность, для полноты фактической, мы приводимъ его въ нашей книгѣ.

Салтычиха происходила изъ весьма знатной фамиліи и имѣла болѣе 600 душъ въ вологодской, костромской и московской губерніяхъ. Жестокости свои она совершала въ царствованія Елизаветы Петровны и Петра III. Слѣдствіе объ этихъ жестокостяхъ, несмотря на то, что жалобы подавались съ 1757 г, началось только въ 1762 г., а окончилось указомъ 1768 г. о наказаніи ея. Слѣдствіемъ открыто, что Салтыкова впродолженіе 10 или 11 лѣтъ погубила своихъ людей слишкомъ сто душъ (139), и преимущественно женскаго пола, въ томъ числѣ были дѣвочки лѣтъ по 11 и 12. Единственной причиной гнѣва Салтыковой было нечистое мытье половъ и платья. Побои она наносила саморучно скалкою, валькомъ, палкою и полѣномъ, а по ея приказанію конюхи наказывали розгами, батожьями, плетьми. Побои почти всегда были такъ жестоки, что оканчивались смертью несчастныхъ жертвъ. Иныя наказанія производились съ особеннымъ тиранствомъ. Такъ у одной женщины Салтычиха опалила на головѣ всѣ волосы, другаго человѣка била объ стѣну головой, обливала кипяткомъ изъ чайника и брала за уши раскаленными щипцами. Одну дѣвку приказала въ октябрѣ загнать кнутомъ по горло въ воду, гдѣ она пробыла съ четверть часа, а другую сама скинула съ крыльца. Палачами Салтычихи служили ея собственные крѣпостные, тиран-

ства ея покрывались священниками, которые погребали завѣдомо ею убитыхъ, а если они не соглашались, то слуги хоронили замученнаго ночью въ лѣсу, а управитель подавалъ заявленіе о его побѣгѣ.—Недаромъ народная молва обвиняла Салтычиху даже въ *людоѣдствѣ:* будто бы она употребляла себѣ на жаркое вмѣсто сладкаго мяса женскія груди. Указъ 1768 г., впрочемъ, называетъ ее только *мучительницей и душегубицей*, которая *безчеловѣчно мучительски людей своихъ убивала до смерти* (№ 13.211).

Почти чрезъ сто лѣтъ послѣ этого дѣла, случилось дѣло поручика Ив. Карцова. Втеченіе этого времени нравы помѣщиковъ, конечно, смягчились, ихъ отношенія къ крестьянамъ улучшились. Но въ самой природѣ крѣпостнаго права лежала возможность такихъ же злоупотребленій и тиранствъ въ 19 ст., какія случались въ 18.—Дѣло Карцова служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Въ имѣніи помѣщицы Карцовой херсонской губерніи, въ декабрѣ 1851 г., зарѣзался 11-лѣтній крестьянскій мальчикъ. Оказалось, что онъ посягнулъ на свою жизнь изъ страха наказанія. Наряжено слѣдствіе, при производствѣ котораго одинъ изъ дворовыхъ людей, Шраменко, объявилъ о разныхъ жестокостяхъ съ крестьянами поручика Карцова, управлявшаго имѣніемъ своей жены. Шраменко показалъ: Карцовъ, въ бытность въ Одессѣ, билъ его обнаженною саблею среди улицы за то, что показатель не привелъ къ нему на ночь дѣвки; родная мать Шраменка, кромѣ другихъ наказаній, была постоянно содержима въ кухнѣ прикованною на желѣзной цѣпи къ столбу за одну ногу, впродолженіе 5 лѣтъ, за то, что послѣ жестокаго наказанія захотѣла утопиться въ рѣкѣ. Чрезъ притѣсненія Карцова не говѣла она семь лѣтъ, а показатель 3 года. Другіе крестьяне говѣли только разъ въ 10 или 8 лѣтъ. Когда дворовые просились говѣть, то Карцовъ, призывая живущаго въ деревнѣ еврея Лейбу, приказывалъ ему исповѣдывать просившагося говѣть, и еврей, покрывая его полою одежды, спрашивалъ о грѣхахъ и совѣтовалъ молиться

Богу. Одинъ изъ крестьянъ, Яковлевъ, содержался 4 года въ ножныхъ кандалахъ, наглухо заклепанныхъ и въ нихъ работалъ барщину, а на ночь приковывался въ кухнѣ къ столбу цѣпью за шею, и даже прикованнымъ умеръ. Сына Яковлева, во время молотьбы на господскомъ току, Карцовъ билъ собственноручно цѣпомъ до того, что у него пошла ртомъ и носомъ кровь, отчего онъ началъ чахнуть и чрезъ 3 мѣсяца умеръ. И показатель тоже содержался столько же времени, какъ и отецъ его: по ночамъ приковывался на кухнѣ цѣпью за ногу къ столбу. Въ заключеніе Шраменко прибавилъ, что 3 цѣпи, двое кандаловъ и двѣ рогатки, надѣвавшіяся на шею людямъ, хранятся на чердакѣ господскаго дома.

Другіе свидѣтели подтвердили показанія Шраменка: зять подсудимаго, корнетъ Громашевскій, показалъ, что Карцовъ до того жестокъ съ крестьянами, что въ то время, когда онъ жилъ въ его домѣ, едвали хотя одинъ изъ дворовыхъ людей оставался впродолженіе дня ненаказаннымъ; жена подсудимаго сдѣлала подобныя же показанія.

Крестьяне показали, что многіе изъ нихъ брались на цѣпь, заковывались въ кандалы, причемъ на шею надѣвались рогатки, въ которыхъ исполнялись разныя господскія работы; послѣ наказанія, простиравшагося иногда до 700 ударовъ палками, Карцовъ приказывалъ высѣченное сѣдалище вспрыскивать острою водкою. Сосѣди Карцова подтвердили, что имъ хорошо было извѣстно жестокое обращеніе его съ крестьянами, что они видѣли людей закованныхъ въ цѣпи и съ рогатками на шеѣ, исполнявшими господскія работы (Р. уг. проц. Любавскаго, Т. II, стр. 293).

Подобныя явленія были тѣмъ возможнѣе, что законъ не опредѣлялъ точно, какому наказанію подвергать помѣщиковъ за жестокости противъ крестьянъ, а судебныя мѣста приговаривали ихъ обыкновенно къ наказаніямъ снисходительнымъ сравнительно съ важностію преступленій. — Правда, у насъ никогда не существовало *права жизни и смерти* помѣщиковъ надъ

крестьянами, подобно тому, какъ это было въ Польшѣ. Потемкинъ, купивъ у Ксаверія Любомирскаго имѣніе, далъ ордеръ своему управляющему: „Всѣ находящіяся въ купленномъ мною у кн. Любомирскаго польскомъ имѣніи *висѣлицы*, предписываю тотчасъ приказать сломать, не оставляя и знаку оныхъ“... (Р. Арх. № 5, 1869 г.). Но тѣмъ не менѣе, законъ не предусматривалъ случая, когда жестокостями помѣщика крестьянинъ будетъ лишенъ жизни.

Начнемъ съ соборнаго уложенія. Оно не опредѣляетъ, какому наказанію подвергается помѣщикъ за убійство своего крѣпостнаго. Единственное постановленіе объ этомъ заключается въ 19 п. XXI гл., которая постановляетъ, что если помѣщикъ, сыскавъ у себя разбойниковъ, изъ своихъ крестьянъ, побьетъ ихъ, не желая отдать къ сыску въ губу, то если онъ человѣкъ помѣстный—у него отымается помѣстье и взыскиваются истцовы иски, а если не помѣстный — то его бьютъ кнутомъ, доправивъ также истцево. Но очевидно, что это постановленіе имѣетъ ввиду болѣе регулированіе губнаго дѣла и обезпеченіе частныхъ интересовъ стороны, потерпѣвшей отъ разбоя, чѣмъ обезпеченіе крѣпостныхъ отъ жестокихъ наказаній ихъ господъ. Впрочемъ, Котошихинъ говоритъ, что если господинъ дѣлалъ надъ своимъ крѣпостнымъ наругательства, билъ его безъ вины—то крѣпостной отбирался безденежно. За членовредительство крѣпостнаго господинъ его подвергался такому-же: рука за руку, глазъ за глазъ. А если увѣчный умиралъ— господина казнили смертію [95]). Порядокъ, описанный Котошихинымъ, но неподкрѣпленный закономъ, исчезаетъ въ практикѣ 18 ст., и судебныя мѣста не только затрудняются, какому наказанію подвергать господина за жестокости противъ его людей, но и что *помѣщикамъ чинить, крестьяне которыхъ помрутъ отъ наказанія*, какъ то было въ 1762 г., когда юстицъ-коллегія затруднялась, какому наказанію подвергнуть отставнаго поручика Нестерова за убійство его крестьянина (№ 11.450). Депутаты отъ правительственныхъ мѣстъ въ коммисіи 1767 г. предлагали учи-

нить законъ, *какъ поступать, когда отъ побоевъ помѣщика случится людямъ смерть?* Сенатъ въ 1772 г. по поводу дѣла Эттингерши (см. ниже), предложилъ сообщить въ коммисію сочиненія проэкта новаго уложенія учинить положеніе о томъ, *какъ поступать съ такими, кои суровость противъ человѣка употребляютъ?* (№ 13.758). Но такого положенія учинено не было, и еще Александръ I не находилъ яснаго постановленія, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть помѣщика за жестокія истязанія его крѣпостнаго. Отдавая дѣло генералъ-маіора Побѣдинскаго, въ 1802 г., на судъ ярославскаго дворянства, онъ надѣялся, „что въ *недостаткѣ гражданскаго закона*, заимствуя основаніе суда въ правилахъ чести, совѣсти и человѣчества, не дастъ оно въ немъ мѣста ни послабленію, ни пристрастію“, и опредѣлитъ наказаніе, соразмѣрное преступленію (См. рескриптъ ярославскому губернатору 1802 г. Р. Старина январь 1870, стр. 47).

При такомъ отсутствіи закона, наказанія, которымъ судебныя мѣста подвергали помѣщиковъ за жестокости противъ крестьянъ, были разнообразны—особенныя для каждаго отдѣльнаго случая, и нерѣдко весьма снисходительныя, особенно по сравненію съ тѣми, которымъ подвергались крестьяне за неповиновеніе и сопротивленіе помѣщичьей власти. Дѣла этого рода въ П. С. начинаютъ встрѣчаться къ концу царствованія Елизаветы Петровны: первое дѣло относится къ 1761 году. Отставной майоръ, Ив. Лазыревъ, засѣкъ своего крестьянина. Дѣло судилось главной полицеймейстерской канцеляріей. Принявъ во вниманіе, что умершій собственный крестьянинъ Лазырева и положась при показаніяхъ его, что засѣкъ онъ неумышленно, на штабъ-офицерскую честь убійцы, канцелярія присудила ему церковное покаяніе, а сенатъ одобрилъ ея приговоръ (№ 11.291). Второе дѣло — отставнаго поручика Нестерова 1762 г. Онъ замучилъ своего крестьянина. Юстицъ-коллегія затруднялась, *какому наказанію подвергнуть его, такъ какъ не было закона, что въ такомъ случаѣ чинить съ помѣщиками.* Дѣло перешло въ сенатъ,

который приговорилъ Нестерова сослать въ Нерчинскъ на вѣчное поселеніе, отдавъ его имѣніе наслѣдникамъ (№ 11.450). Послѣднее дѣло, изъ практики 18 ст., съ которымъ встрѣчаемся въ П. С. З. — дѣло помѣщицы Оренбургской губерніи ф. Эттингеръ — относится къ 1772 году. Она такъ наказала одного своего крестьянина длинными таловыми прутьями, что тотъ вслѣдъ затѣмъ и умеръ. Сенатъ приговорилъ ее къ тюремному заключенію на мѣсяцъ, по прошествіи котораго она должна была принесть публичное покаяніе по обрядамъ лютеранскаго исповѣданія (№ 13.758).

Разсмотрѣнныя 3 дѣла подтверждаютъ вышесказанное нами о томъ, что за злоупотребленія правомъ наказанія помѣщики приговаривались къ наказаніямъ разнообразнымъ, при одной и той же винѣ, и болѣе или менѣе снисходительнымъ, смотря по ихъ общественному положенію. Только Салтычиху сенатъ приговорилъ къ смертной казни, что замѣнено императрицей самымъ строгимъ пожизненнымъ заключеніемъ (№ 13.211).

Наказаніе Салтычихи послужило для императора Александра I образцемъ при опредѣленіи наказанія Орлову (№ 20.217). Нерѣдко, въ первую пору своего царствованія, императоръ предоставлялъ судъ надъ помѣщиками, уличенными въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, собраніямъ дворянъ. Къ чести дворянскихъ обществъ, они въ такихъ случаяхъ всегда оправдывали довѣріе императора, опредѣляя такія строгія наказанія, что они смягчались иногда императоромъ. Такъ, напр., было въ дѣлѣ Побѣдинскаго.

Что касается судебныхъ мѣстъ, то, какъ опять видно изъ П. С. З., въ царствованіе Александра I они продолжали постановлять весьма снисходительные приговоры.—Шляхтичъ Тонкель, традиціонный владѣлецъ одной деревни, принадлежащей помѣщику Неверовскому, наносилъ такіе побои крестьянамъ, что нѣкоторые изъ нихъ умирали. Это дѣлалось до изданія всемилостивѣйшаго манифеста 30 августа 1814. Сенатъ-же рѣшилъ дѣло въ 1817 г. Не нашедъ, чтобъ крестьяне дѣйствительно умерли отъ побоевъ, онъ распространилъ

на Тонкеля силу манифеста 1814 г. и предалъ его только церковному покаянію. Иначе отнесся къ дѣлу государственный совѣтъ: признавъ, что смерть крестьянъ произошла отъ нанесенныхъ имъ побоевъ, онъ лишилъ Тонкеля шляхетства, приговоривъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (№ 26.603). Подобное-же рѣшеніе сената состоялось и по дѣлу подполковника Лисевича, обвиненнаго въ жестокомъ обращеніи съ крестьянскими женками, въ неповиновеніи чиновникамъ, производившимъ слѣдствіе, и въ оскорбленіи словами членовъ земскаго суда. Сенатъ, распространяя на подсудимаго силу манифеста 1814 г., приговорилъ сослать его на житье въ монастырь. 13 членовъ общаго собранія государственнаго совѣта согласились съ рѣшеніемъ сената, за исключеніемъ одного, утверждавшаго, что преступленія Лисевича не могутъ быть подведены подъ всемилостивѣйшій манифестъ. Государь согласился съ мнѣніемъ этого одного (№ 26.781).—Губернскія судебныя мѣста постановляли еще болѣе снисходительные приговоры: штабсъ-капитанша Пашевкина, съ которой мы уже встрѣчались, не была приговорена ни къ какому наказанію кавказской палатой уголовнаго суда, которая постановила: *случай смерти засѣченной дѣвочки предать волѣ Божіей* (№ 30.543).

Какъ видно изъ процессовъ Любавскаго, приговоры судебныхъ мѣстъ были снисходительны и во времена императора Николая I. Преданный военному суду, Карцовъ былъ приговоренъ генералъ-аудиторіатомъ къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ на житье въ иркутскую губернію, что̀ замѣнено Государемъ ссылкою на 10 лѣтъ въ каторжную работу (стр. 321). О наказаніи Жадовскаго въ московскомъ сенатѣ состоялись два мнѣнія:

1) лишить его нѣкоторыхъ особенныхъ правъ состоянія, заключивъ въ смирительный домъ на два съ половиною года; 2) лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ. Перевѣсъ получило первое мнѣніе (Люб. Т. II стр. 345).

б) Мы видѣли, какъ развивалось законодательство о правѣ помѣщиковъ на трудъ крестьянъ и объ обязанностяхъ ихъ хозяйственнаго обезпеченія. Постановленія его были фрагментарны и неопредѣленны: право на трудъ крестьянъ въ жизни обнаруживалось почти безгранично, ихъ хозяйственное положеніе было крайне бѣдственное.

„Крестьянское житіе скудостно... отъ помѣщичья насилія“, начинаетъ свою главу о крестьянствѣ Посошковъ. „Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ, и который крестьянинъ станетъ мало мало посытнѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину да не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошатъ; понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ“.... Какая же причина такого обирательства крестьянъ помѣщиками? Какъ бы прозрѣвая ихъ будущее освобожденіе, мудрый публицистъ-крестьянинъ говоритъ:

„*Крестьянамъ помѣщики невѣковые владѣльцы*: того ради они не весьма ихъ и берегутъ, *а прямой ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно*“. Поэтому, Всероссійскому Самодержцу— прямому Владѣтелю крестьянъ слѣдуетъ охранять ихъ отъ излишнихъ поборовъ: „помѣщикамъ учинить расположеніе указное, почему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣлья дѣлать, чтобы имъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ

вельми надлежитъ смотрѣть, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали, и въ нищету бы ихъ не приводили". (Книга о скудости и о богатствѣ, гл. VII).

Совѣтъ Посошкова не былъ исполненъ: указнаго положенія поборамъ съ крестьянъ учинено не было, судьи не вельми смотрѣли, чтобъ помѣщики крестьянъ въ нищету не приводили. Поборы возрастали, по мѣрѣ развитія роскоши между дворянствомъ, а параллельно съ ихъ возрастаніемъ усиливалась крестьянская нужда. Неудивительно, что лэди Рондо подъ впечатлѣніями поѣздки изъ С.-Петербурга въ Москву писала въ Англію „... народъ весьма учтивъ, но такъ угнетенъ бѣдностію, что едва виденъ въ немъ образъ человѣческій" (Письмо II). Неудивительно, что Полѣновъ, благороднѣйшій изъ русскихъ людей 18 вѣка, въ своемъ трактатѣ „Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи", представленномъ имъ на соисканіе преміи въ 1767 г., употреблялъ *надъ мѣру сильныя выраженія*, говоря о положеніи крестьянъ: „я не нахожу *бѣднѣйшихъ* людей какъ нашихъ крестьянъ, которые, *не имѣя ни мало отъ законовъ защиты*, подвержены всевозможнымъ не только вразсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ, и претерпѣваютъ безпрерывныя наглости, истязанія и насильства..." (Р. Арх. ч. 3-й).

Крестьяне относительно повинностей раздѣлялись, какъ мы видѣли, на оброчныхъ и барщинскихъ. Оброчное управленіе сильно развивается въ 18 вѣкѣ. Екатерина II въ своемъ наказѣ жалуется, что всѣ деревни почти на оброкѣ, и что это вредно дѣйствуетъ на земледѣліе, побуждая крестьянъ отлучаться на много лѣтъ изъ своихъ домовъ и отыскивать заработки въ отдаленныхъ городахъ, бродя по всему государству (Гл. XII). Положеніе оброчныхъ крестьянъ, безъ сомнѣнія, могло быть лучше положенія крестьянъ барщинскихъ: первые были болѣе удалены отъ гнета владѣльческой власти. Но возможности ихъ лучшаго положенія противодѣйствовало то, что норма оброка не была установлена закономъ и зависѣла отъ произвола владѣльца.

Мысль Посошкова объ изданіи указнаго положенія поборамъ съ крестьянъ промелькнула и въ запискѣ, поданной П. И. Панинымъ Екатеринѣ II, по ея воцареніи. Записка эта совѣтовала императрицѣ издать *секретное* предписаніе (отчего не явное?) всѣмъ губернаторамъ, чтобы помѣщики отъ крестьянъ не требовали работы болѣе 4 дней въ недѣлю, а въ сутки требовали-бы не болѣе, какъ вспаханія одной десятины доброй земли, или накошенія 3 копенъ сѣна, или нарубленія $1^1/_2$ сажени однополѣнныхъ дровъ, а съ оброчныхъ не требовали-бы болѣе 2 р. оброку въ годъ (Соловьева: Р. В. 1861 г. т. XXXV). Могла-ли Екатерина II, возведенная дворянствомъ гвардіи на престолъ, издать такое предписаніе—хотя бы и *секретно?* Но въ своемъ наказѣ она рекомендуетъ коммисіи мѣру Панина: „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе отлучаютъ мужика отъ его дома и семейства“ (П. С. № 12.949. Гл. XII п. 270). Но законъ не сдѣлалъ подобнаго предписанія, и поборы всегда были велики, всегда были произвольны. Если въ имѣніяхъ Татищева, одного изъ образованнѣйшихъ помѣщиковъ своего времени, крестьяне платили по 10 р. съ *тягла* (Бѣляевъ), то какимъ оброкамъ они подвергались у другихъ помѣщиковъ? Екатерина II въ наказѣ жалуется, что оброкъ съ *души* простирался иногда до 5 р. (Гл. XII), а въ письмѣ къ Архарову она обвиняетъ помѣщика тверскаго намѣстничества Хитрово за взыманіе оброка болѣе 6 р. съ *души* (Р. Арх. ч. 2-й стр. 794). По свидѣтельству Кларка, посѣтившаго Россію вначалѣ текущаго столѣтія, крестьянинъ приносилъ своему владѣльцу среднимъ числомъ 10 р. въ годъ (Voyages en Russie, p. 240); императоръ Александръ I, вначалѣ своего царствованія, самъ не считалъ десятирублеваго оклада высокимъ (Р. Ст., февр. 1870 г.). Десять рублей! А легко ли было крестьянину уплатить такой оброкъ, когда заработная плата была такъ низка, что въ Малороссіи, въ которой до самаго конца 18 вѣка не было конкурренціи крѣ-

постнаго труда, въ 1733 г. косарь получалъ по 6 к., а гребецъ — по $2^{1}/_{2}$ коп. въ день (З. Марковича: ч. I, стр. 407); когда сами помѣщики не имѣли средствъ акуратно выплачивать 80 к. подушной подати съ ревизской души, и обременяли свои имѣнія массой недоимокъ по подушному сбору? (стр. 102 [99]).

Положеніе барщинскихъ крестьянъ, безъ всякаго сомнѣнія, было не лучше: законъ не опредѣлялъ ни рода ихъ работъ, ни числа рабочихъ дней. Въ 1738 г. правительство само жаловалось, на *всегдашнюю непрестанную* работу помѣщичьихъ крестьянъ, вслѣдствіе которой крестьяне не только что не могутъ платить исправно государственныя подати, но и на свое годовое пропитаніе не могутъ добыть себѣ хлѣба (П. С. № 7.494). Тѣмъ не менѣе ни предложеніе Посошкова, ни записка Н. И. Панина, объ установленіи законнаго размѣра барщины, какъ мы видѣли, не были приведены въ исполненіе, и если крестьяне, послѣ закона 1797 г. о трехдневной барщинѣ и о досугѣ въ воскресные и праздничные дни, иногда работали цѣлую недѣлю, а въ знойное страдное время работали иногда и по праздникамъ—и не только днемъ, но и ночами,—то что̀ было до изданія этого закона?

Мы знаемъ, что переводъ крестьянъ изъ разряда пашенныхъ и наоборотъ предоставлялся полному произволу владѣльцевъ. Оторвать крестьянина отъ пашни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ родного угла и семьи, и перевесть его во дворъ, на глаза барскіе—было для него всегда весьма отяготительно. А между прочимъ, правомъ этимъ помѣщики пользовались весьма неумѣренно, вслѣдствіе искони укоренившейся привычки къ многочисленному дворовому штату. Привычка къ такому штату существовала уже при Олеаріи (Соловьева: Т. XI). О ней свидѣтельствуетъ Котошихинъ, говоря, что бояре и другіе служилые люди держали въ своихъ домахъ многочисленную прислугу—иногда отъ 100 до 1.000 человѣкъ „сколько кому можно, смотря по своей чести и по животамъ“ (стр. 126). Гордонъ, знавшій хорошо Россію конца 17 ст., подтверждаетъ Котошихина, сви-

дѣтельствуя, что знатные господа держали дворню отъ 300—500 человѣкъ (Устряловъ: Т. III). То же самое говоритъ и кн. Щербатовъ: „за честь себѣ бояре считали, когда ѣдитъ по городу, чтобы ему предшествовали человѣкъ 50 слугъ пѣшкомъ; слыхалъ я, что и самыя боярыни не токмо куда во знатное посѣщеніе, но ниже къ обѣднѣ къ своему приходу стыдились безъ предшествованія 20 или 30 слугъ ѣхать“ (О поврежденіи нравовъ... стр. 11). Между дворовою прислугою начинаютъ появляться ливрейные уже въ 17 ст.: Никита Ивановичъ Романовъ первый одѣлъ своихъ людей въ ливрею [100]).

Обычай окружать себя многочисленной дворней перешелъ къ шляхетству 18 и дворянству 19 ст. Не говоря о богатыхъ помѣщикахъ, многочисленная дворня наполняла дворы не только помѣщиковъ средняго состоянія, но даже мелкопомѣстныхъ. Мы видѣли, какую дворню оставилъ своимъ наслѣдникамъ гр. Салтыковъ; Кларкъ сосчиталъ слугъ Орлова—ихъ было не менѣе 500: одни одѣтые въ великолѣпныя ливреи, другіе въ лохмотьяхъ. Придворные штаты гр. Разумовскаго въ Батуринѣ, кн. Куракина въ Надеждинѣ, Саратовской губерніи, не уступали пышностію и этикетомъ штатамъ мелкихъ владѣтельныхъ особъ. Вельможи въ своей сельской жизни—пародировали обстановку монарховъ. Интересно описаніе Вигеля жизни кн. А. Б. Куракина въ Надеждинѣ. Онъ сочинилъ себѣ тамъ нѣчто подобное видѣннымъ имъ дворамъ—дармштадтскому или веймарскому. Бѣдные дворяне принимали у него, за большую плату, должности дворецкихъ, шталмейстеровъ и церемоніймейстеровъ; при немъ состояли: секретарь, медикъ, капельмейстеръ и библіотекарь; множество любезниковъ безъ должностей составляли его свиту. При его дворѣ устраивались иногда большіе выходы, и все было подчинено строжайшему этикету и церемоніалу (Ч. 1-я стр. 203). Вельможи давали тонъ: ему слѣдовало среднее и даже мелкое дворянство. Мы помнимъ, какъ средней и мелкой руки малороссійское дворянство старалось воспроизводить въ миніатюрѣ широкую и барскую обста-

новку кн. Н. Гр. Рѣпнина въ Яготинѣ—какъ между нимъ развелись болѣе или менѣе *рѣпниноватые*, какъ говорилось, помѣщики. Кто не помнитъ, какъ при крѣпостномъ правѣ у иного дворянина было всего отъ 50 до ста душъ крестьянъ, а лакейская переполнялась лакеями и казачками, кухня—поварами и поваренками, конюшня—кучерами и форейторами и т. д.? А для всего этого нужно было отвлечь мужика отъ родной нивы. Правительство при императорѣ Николаѣ было очень озабочено изысканіемъ средствъ уменьшить въ Россіи число дворовыхъ людей: въ 1839 г. главноуправляющій II отд. собственной е. и. в. канцеляріи, Блудовъ, представилъ о томъ записку; а въ 1844 г., подъ предсѣдательствомъ самого государя, составленъ секретный комитетъ, спеціальная цѣль котораго состояла въ томъ, чтобъ изыскать средства къ уменьшенію числа дворовыхъ людей въ Россіи и къ улучшенію ихъ плохаго положенія. Главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли комитетъ считалъ воспрещеніе перечисленія крестьянъ въ дворовые и содѣйствіе обратному дѣйствію: но комитетъ не подѣлалъ ничего, и только послѣдняя ревизія воспретила неограниченный переводъ въ дворовые. Но это уже было наканунѣ отмѣны крѣпостнаго права, когда число дворовыхъ людей обоего пола простиралось до 1.382.783 душъ.

Одинъ изъ весьма характерныхъ способовъ извлеченія дохода изъ крѣпостныхъ состоялъ въ образованіи изъ нихъ хоровъ музыкантовъ и пѣвчихъ и труппъ актеровъ—не только для собственнаго удовольствія, но и для денежной выручки. Даровитая русская натура заявляла себя: оторванные отъ сохи или плуга, насильственно засаженные за скрипку или віолончель, нерѣдко изъ подъ кнута, крѣпостные достигали иногда артистическаго музыкальнаго совершенства. Мы слышали объ одномъ крѣпостномъ скрипачѣ, за котораго другой помѣщикъ предлагалъ владѣльцу 20 т. р.— Мы знали скрипача *Артемку* изъ оркестра одного малороссійскаго помѣщика—глубокаго артиста, воспитанника вѣнской консерваторіи.

Заведеніе этихъ крѣпостныхъ оркестровъ и труппъ въ особенности распространяется при Екатеринѣ II. Нерѣдко помѣщики извлекали изъ нихъ денежную выручку: крѣпостные оркестры играли на ярмаркахъ, крѣпостные актеры *ломали камедь* въ губернскомъ городѣ. Оркестры существуютъ до самаго послѣдняго времени, труппы же выводятся въ царствованіе Александра I. Онѣ были распространены въ особенности вконцѣ 18 и вначалѣ 19 столѣтій. Вигель говоритъ, что въ Пензѣ, вконцѣ прошлаго вѣка, было три труппы крѣпостныхъ актеровъ. Одна изъ нихъ принадлежала помѣщику Г. Г., который выгонялъ на сцену всю свою дворню—отъ дворецкаго до конюха и отъ конюха до портомойки. „Все это были какія-то страдальческія фигуры, вспоминаетъ Вигель, все какъ-то отзывалось побоями, и нѣкоторые увѣряли, будто на лицахъ, сквозь румяны и бѣлила, были иногда замѣтны синія пятна“ (ч. 2, стр. 72). Весьма извѣстна была также въ Малороссіи вначалѣ текущаго вѣка крѣпостная труппа Ширяя, а о крѣпостномъ театрѣ гр. Каменскаго, существовавшемъ въ Орлѣ въ 1827 и 1828 годахъ, интересное описаніе сдѣлано гр. Бутурлинымъ (З. Черниговск. стат. ком. кн. 2-я стр. 145. Р. Арх. 1869 г. № 10 [101]).

Помѣщики обучали своихъ крѣпостныхъ и живописи, и нерѣдко выходили изъ нихъ замѣчательные мастера. Шевченко—не единственный примѣръ въ этомъ родѣ: мы помнимъ, напримѣръ, одного геніальнаго копіиста изъ крѣпостныхъ кн. Рѣпнина. Случалось иногда, что крѣпостнымъ давали блистательное образованіе, чтобъ потомъ утилизировать ихъ таланты и знанія. Это нѣчто въ родѣ рабовъ-литераторовъ и артистовъ въ Римѣ. Богатый заводчикъ Твердышевъ своего крѣпостнаго человѣка, Дороѳея Серебрякова, обучалъ въ славяно-греко-латинской академіи латинской и русской словесности, а потомъ у лучшихъ московскихъ докторовъ врачебному искусству. Лирикъ Петровъ давалъ ему уроки въ краснорѣчіи и поэзіи (Ив. Ив. Дмитріева: Взглядъ на мою жизнь, стр. 23).

Мы видѣли, какъ законодательство опредѣляло обязанность помѣщиковъ продовольствовать своихъ крестьянъ въ голодные годы, которые у насъ бывали и бываютъ весьма часто. Недостаточныя требованія закона далеко не исполнялись въ жизни. А между тѣмъ голодъ иногда бывалъ ужасный, и крестьяне терпѣли отъ него много. Чтобъ судить о томъ, до какой степени доходили иногда неурожаи, мы приведемъ свидѣтельство кн. Щербатова о голодѣ 1788 г. Вначалѣ его московская, калужская, тульская, бѣлгородская, рязанская, тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣвали такой голодъ, что крестьяне ѣли солому, мякину, листья, сѣно, лебеду. Но не доставало и этихъ продуктовъ, и лебеду покупали по 4 р. за четверть. Кн. Щербатову изъ алексинской его вотчины привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, 2 изъ мякины и 2 изъ лебеды. Онъ въ *ужесть пришелъ:* въ эти хлѣбы едва четверка овсяной муки была положена. Но когда показалъ ихъ другимъ, то услышалъ въ утѣшеніе, что эти хлѣбы еще хороши, а есть и похуже (Чтенія 1860, кн. 1-я). Конечно, въ такіе неурожайные годы нѣкоторые помѣщики сами бывали поставлены въ крайнюю нужду и иногда при всемъ своемъ желаніи не могли продовольствовать своихъ крестьянъ. Мы помнимъ голодъ въ Малороссіи, когда семейства небогатыхъ помѣщиковъ сами испытывали недостатокъ въ хлѣбѣ. Нерѣдко бывали такіе случаи и въ 18 вѣкѣ: въ 1734 г. крестьяне смоленской губерніи, претерпѣвавшіе голодъ, за убожествомъ ихъ помѣщиковъ, не получали хлѣба на *сѣмена* и на *ѣмена*, такъ что поля ихъ оставались не засѣянными (№ 6.609). Правительство въ такихъ случаяхъ не могло попрекнуть помѣщиковъ, но оно часто имѣло основаніе попрекать ихъ нерадѣніемъ о продовольствіи своихъ крестьянъ. Эти попреки встрѣчаются, какъ въ 18 столѣтіи, такъ можетъ быть еще больше въ 19, когда правительство стало обращать на то бо́льшее вниманіе. Мы это видѣли выше, когда разсматривали, какъ опредѣляло законодательство обязанность помѣщиковъ продовольствовать крестьянъ въ го-

лодные годы. Опредѣленія законодательства были несовсѣмъ точны, да они мало и исполнялись. При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1735 г., сенатъ получалъ изъ губерній и провинцій рапорты, какую нужду претерпѣваютъ въ хлѣбѣ крестьяне помѣщичьи, неимѣющіе достаточно ржи для обсѣмененія полей и скитающіеся по міру за милостынею (№ 6.653). Сенатъ приказываетъ мѣстнымъ властямъ *смотрѣть за помѣщиками и принуждать ихъ къ пропитанію* крестьянъ (№ 6.682). Елизавета Петровна предписываетъ также *принуждать помѣщиковъ о доставленіи крестьянамъ* пропитанія и сѣмянъ на засѣвъ полей (№ 9.709, 10.229).

При Екатеринѣ II въ 1782 г. въ одномъ намѣстничествѣ открылось, что нѣкоторые владѣльцы, „отвергнувъ весь стыдъ и человѣколюбіе“, чтобы избавиться отъ содержанія и платежа подушныхъ податей за своихъ крестьянъ, приведенныхъ болѣзнями и *старостью въ сущее безсиліе*, при приближеніи народной переписи, стали отпускать ихъ на волю, удерживая у себя ихъ семейства. Вольноотпущенные старцы и калѣки скитались по разнымъ мѣстамъ, снискивая пропитаніе отъ мірскаго подаянія, хотя, какъ говоритъ сенатскій указъ, когда ихъ лѣта и силы дозволяли, употребляемы они были къ услугамъ и приносили пользу своимъ владѣльцамъ (№ 15.603).—Императоръ Александръ I писалъ въ 1816 г. херсонскому военному губернатору, гр. Ланжерону, что, по свѣдѣніямъ, нѣкоторые помѣщичьи крестьяне въ херсонской губерніи *разорены до такой степени*, что не *имѣютъ никакой собственности*, а потому надъ имѣніями дворянъ, не брегущихъ о благѣ крестьянъ, учреждать опеки (№ 26.254). Въ то же время помѣщичьи крестьяне минской губерніи мозырскаго уѣзда претерпѣвали большой недостатокъ въ хлѣбѣ, а помѣщики и арендаторы не только мало обращали на то вниманіе, но еще стѣсняли ихъ отяготительными работами (№ 27.316). Еще прежде, въ 1802 г., извѣстный уже намъ помѣщикъ Орловъ, во время голода, имѣя нарочитое въ своей вотчинѣ количество ржи, питалъ своихъ крестьянъ мякинным хлѣбомъ,

едва годнымъ къ употребленію, раздавая его притомъ вѣсомъ и малыми порціями (№ 20.217). Нерадѣніе о продовольствіи крестьянъ продолжалось и при императорѣ Николаѣ. Во время голода 1851 г. раздавались помѣщикамъ суммы изъ продовольственнаго капитала. Начальникъ смоленской губерніи доносилъ: „соблазнъ къ полученію денегъ дѣйствовалъ сильно на всѣхъ помѣщиковъ, находившихся и ненаходившихся въ нуждѣ, и многіе помѣщики, *получивъ деньги, не употребляли ихъ для той цѣли, для которой получили, или отдавали только часть, оставляя крестьянъ своихъ въ бѣдствіи*" (Варадинова: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ).

Не малымъ также бѣдствіямъ подвергались крестьяне и вслѣдствіе переселенія ихъ изъ одного имѣнія въ другое, не только другаго уѣзда, но иногда и другой отдаленной губерніи. Переселенія же эти совершались очень часто, и иногда даже по прихоти владѣльца, безъ всякихъ хозяйственныхъ резоновъ. Мы знавали одного помѣщика въ Малороссіи, который постоянно переводилъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое. Едва крестьяне, переведенные изъ имѣнія А въ имѣніе Б, успѣвали обжиться и устроиться на новомъ мѣстѣ, какъ опять ихъ переселяли изъ Б въ А. О размѣрахъ, какіе иногда имѣли эти переселенія въ 18 в., можно судить по тому, что передъ второй ревизіей находились въ нѣкоторыхъ губерніяхъ имѣнія, помѣщики которыхъ со всѣми своими крѣпостными неизвѣстно куда выѣхали, оставивъ земли пустыми и безхозяйными (№ 8.619). Случалось, что помѣщики переселяли своихъ крестьянъ изъ одного уѣзда въ другой, чтобы отбыть отъ повинностей: такъ въ 1773 г. помѣщикъ казанской губерніи, Бардовскій, перевелъ своихъ крестьянъ изъ казанскаго уѣзда въ уфимскій, чтобы избавиться отъ подушнаго оклада и рекрутчины, лежащихъ на его крестьянахъ по казанскому уѣзду (№ 13.984). Если вѣрить Вигелю, Мордвиновъ, вѣроятно изъ благороднѣйшихъ помѣщиковъ своего времени, купилъ въ пензенской губерніи 1.000 душъ, разсчитывая на пло-

дородіе. Имѣніе оказалось малоземельнымъ, неприносящимъ никакого дохода. Мордвиновъ хотѣлъ накупить земель въ степяхъ саратовской губерніи, чтобы переселить туда половину пензенскихъ крестьянъ (Воспоминаніе ч. 3-я, стр. 43).—Переселенія эти во всякомъ случаѣ для крестьянъ были бѣдственны: кромѣ нравственнаго горя—покинуть родину и близкихъ сердцу родныхъ и односельцевъ, не малы были также и потери хозяйственныя. Послѣднія увеличивались отъ злоупотребленій: помѣщикъ Жадовскій (см. выше) въ 50 годахъ, по переводѣ своихъ крестьянъ изъ пензенской губерніи въ оренбургскую, продалъ ихъ домы и на корню хлѣбъ и вырученныя деньги употребилъ въ свою пользу, а избы, данныя на новосельи, положилъ въ цѣну, вычитаемую изъ ихъ заработковъ (Любавскій т. II, стр. 335).

Исчисленные нами факты, конечно, болѣе качественные, чѣмъ количественные. Но все таки они до извѣстной степени обрисовываютъ хозяйственное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Бѣдствія этого положенія не могутъ быть вмѣнены цѣлому сословію. Кто не знаетъ тѣхъ помѣщиковъ, которые радѣли о своихъ крѣпостныхъ, какъ о собственной семьѣ, для которыхъ продовольствіе крестьянъ было святою обязанностію, самымъ честнымъ образомъ ими исполняемой? Народъ, по крайней-мѣрѣ, зналъ такихъ помѣщиковъ и сложилъ про нихъ поговорку *„не станетъ хлѣба—баринъ дастъ“*. Народъ любилъ такихъ помѣщиковъ, какъ своихъ родныхъ отцовъ, и нерадъ былъ даже отмѣнѣ крѣпостнаго права, прекращавшей исконную связь съ батюшкой-бариномъ. Такіе помѣщики особенно часто встрѣчались въ Великой Россіи; менѣе знала ихъ Малороссія, помѣщичій классъ которой подлежалъ въ своемъ историческомъ образованіи вліянію польскихъ шляхетскихъ началъ.

Притомъ, небрежность относительно хозяйственнаго обезпеченія своихъ крестьянъ большей части другихъ владѣльцевъ часто обусловливалась причинами, лежавшими въ самой средѣ, въ атмосферѣ, окружавшей

дворянство. Допетровская простота нравовъ и потребностей замѣнилась страстнымъ стремленіемъ къ роскоши, разнообразными и искусственными потребностями, усвоенными вмѣстѣ съ цивилизаціей западной Европы. Щербатовъ въ одномъ своемъ памфлетѣ шагъ за шагомъ слѣдитъ за развитіемъ этой роскоши, этихъ искуственныхъ потребностей двора, аристократіи и рядоваго дворянства. Правительство иногда озирается и начинаетъ издавать предписанія противъ роскоши. Но какую убѣдительность для дворянства могли имѣть предписанія Елисаветы Петровны, напримѣръ, не носить дорогихъ кружевъ, парчей и штофовъ, когда у самой матушки—государыни вовремя московскаго пожара сгорѣло 4.000 платьевъ? Дворъ самъ подавалъ примѣръ роскоши, аристократія, по-самому положенію своему, не должна была отставать отъ него, за аристократіей тянулось шляхетство рядовое. Къ этому присоединились и новыя, разрушительныя для дворянскихъ состояній, привычки. Избавленное отъ обязательной службы, досужее дворянство пристращается къ карточной игрѣ, которую ведетъ *запоемъ*. Правительство тщетно борется съ этой страстью отъ Петра Великаго и до императора Николая; оно тщетно запрещаетъ дворянству играть на деньги *и на людей*, позволяетъ въ такія азартныя игры, какъ фаро, квинтичъ и др., играть въ апартаментахъ двора, а въ знатныхъ дворянскихъ домахъ допускаетъ только ломберъ, кадрилію, пикетъ, контру и памфилъ (П. С. № 11.275): Екатерина II жалуется, что карточная игра разоряетъ старыя дворянскія фамиліи (П. С. № 11.877), что въ 1765 г. въ Россіи было истреблено 23.000 дюжинъ картъ (П. С. № 12.530). Александръ I говоритъ, что азартная игра производится *безъ зазора и страха* (П. С. № 19.938).

Для удовлетворенія новымъ потребностямъ, новымъ привычкамъ нужны были деньги и деньги. А гдѣ ихъ взять въ земледѣльческой странѣ, когда продукты ни по чемъ? Правда, въ голодные годы цѣны баснословныя, и въ 1788 г., какъ мы видѣли, за четверть лебеды брали по 4 р. Въ обыкновенные же годы цѣны были

такія, что имѣніе могло давать мало денегъ: Энгельгардтъ свидѣтельствуетъ, что въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія имѣніе въ сто душъ въ нижегородской губерніи приносило доходу едва 100 р. въ годъ. Да и какъ могло быть иначе, когда въ низовыхъ губерніяхъ въ то время четверть ржи стоила 25 к. (З. Энгельгардта, стр. 3), а въ Малороссіи въ 1738 г. озимая пшеница покупалась по 1 р. 4 к. четверть, жито—по 24 к., а овесъ (близъ Лохвицы)—по 18 к. четверть (Дневн. Зап. Марковича: ч. II, стр. 49)? Сколько же нужно было продать четвертей ржи, пшеницы или овса, чтобы сдѣлать парчевой или атласный кафтанъ, отдѣлавъ его богатыми кружевами, угостить гостей заморскимъ виномъ, прокатиться въ нѣмецкой каретѣ?

Отученное-же всей предшествовавшей своей исторіей отъ занятій сельскимъ хозяйствомъ, какъ могло шляхетство улучшать доходы своихъ имѣній?

Вѣчные царскіе слуги — премьеръ-майоры или вахмистры гвардіи, пока они не сдѣлались *стары, дряхлы, слѣпы* и *увѣчны*—какими агрономами могли быть наши помѣщики въ 18 вѣкѣ? И крестьянскій трудъ—крестьянскіе оброки и барщина—дѣлается главнымъ рессурсомъ шляхетства. Какъ было, при такомъ порядкѣ вещей, *дать крестьянину обрости и не стричь его яко овцу?* А между прочимъ, имѣнія оскудѣвали; трудно было платить и подушную подать, по которой накоплялись большія недоимки, для взысканія которыхъ употреблялись строгія мѣры—брались въ опеку и продавались съ молотка дворянскія имѣнія. Запутывались дѣла не только рядоваго дворянства, но и аристократіи. Какъ могли, при такомъ банкротствѣ хозяйственномъ, шляхетскія фамиліи *пребывать ясными въ своей непоколебимости,* какъ того добивался Петръ Великій? Правительство старается спасти разоренныя имѣнія знатныхъ дворянскихъ фамилій. Имѣнія расточителей берутся въ опеку, какъ, напримѣръ, поручиковъ гр. Салтыковыхъ при Екатеринѣ II (П. С. № 14.331). Надъ имѣніями, обремененными долгами, учреждаются *попечительства*, первый примѣръ кото-

рыхъ мы встрѣчаемъ въ 1816 г. въ имѣніяхъ гр. Хвостова (П. С. № 26.310), второй—въ имѣніи гр. Головкиной, въ 1820 г. (П. С. № 28.349). Потомъ учреждался рядъ попечительствъ надъ имѣніями: гр. Шуваловыхъ, гр. Каморовскаго, Цуриковой, кн. Рѣпнина, кн. Куракина, гр. Разумовскаго, гр. Соллогуба, Нарышкина, пока закономъ императора Николая I, 1837 г., не было запрещено учреждать попечительства по дѣламъ частныхъ лицъ, *какого бы они ни были дворянскаго происхожденія.*

Учрежденіемъ кредитныхъ заведеній, открывшихъ кредитъ дворянству подъ залогъ ихъ имѣній, правительство старалось подать дѣятельную помощь *дворянскимъ родамъ, стенающимъ подъ бременемъ долговъ.*

Елизавета Петровна 13 мая 1754 г. учреждаетъ государственный заемный банкъ, для того, чтобы доставить своимъ подданнымъ, и *болѣе всего дворянству*, средства занимать деньги съ меньшими процентами, такъ какъ многіе изъ нихъ приходили въ *убожество и разореніе*, платя по 12, по 15 и по 20%. Банкъ былъ учрежденъ въ С.-Петербургѣ при сенатѣ и въ Москвѣ при сенатской конторѣ, и образовалъ два отдѣленія, которыя именовались *конторами государственнаго банка для дворянства*. Банкъ бралъ по 6% съ рубля въ годъ и давалъ въ *однѣ руки* не болѣе 500 или 1.000 р., не долѣе какъ на *одинъ годъ* и не иначе, какъ подъ залогъ населенныхъ имѣній, по 50 р. на душу, или за поручительствомъ знатныхъ и пожиточныхъ людей (П. С. № 10.235). Дворянство, конечно, бросилось занимать деньги изъ государственнаго банка, и на первыхъ же порахъ оказалось должникомъ неисправнымъ: такъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка прапорщикъ Салтыковъ, занявъ изъ банка деньги, просрочивъ платежемъ, по неоднократнымъ повѣсткамъ, въ контору банка не являлся, денегъ не приносилъ и не подавалъ объявленія объ отсрочкѣ (П. С. № 10.513). Кромѣ того, на первыхъ же порахъ существованія банка случались и такія исторіи: въ 1754 г. прапорщикъ выборгскаго гарнизоннаго полка, Ив. Бочаровъ, занялъ изъ банка 250 р.,

заложа въ немъ свое недвижимое имѣніе, рыльскаго уѣзда въ д. Прошиной 25 д. За несостоятельностію должника, имѣніе было описано, и оказалось, что на его часть приходилось только 4 души и 5 четв. земли. Поручителями же по немъ явились: отставной капитанъ, Степанъ Хорюковскій, состоящій въ крайней нищетѣ, а второй, подписавшійся въ обязательствѣ прапорщикомъ, былъ солдатскимъ сыномъ, сержантомъ углицкаго пѣхотнаго полка (П. С. № 10.713). Очень скоро сроки на взносъ въ государственный банкъ занятыхъ дворянствомъ суммъ были повышены: въ 1754 г. установлена отсрочка на 3 года, въ 1758 г. прибавленъ еще годъ, въ 1759 г. еще велѣно продолжить, но и затѣмъ должники просрочивали, вслѣдствіе чего въ 1761 г. отсрочено до 8 лѣтъ (П. С. № 10.973, 11.340).—Въ 1772 г. учреждены банковыя экспедиціи въ Оренбургѣ, Казани и Нижнемъ, для вспомоществованія дворянамъ, имѣнія которыхъ были разорены возмущеніемъ (П. С. № 14.414). 22 іюня 1786 г. устройство банка преобразовано и измѣнены правила ссудъ. Дворяне получали ссуду на 20 лѣтъ, обязываясь ежегодно платить 5% и 3% погашенія. Банкъ давалъ не иначе, какъ подъ залогъ населенныхъ имѣній, полагая крестьянина въ 40 р. и выдавая въ однѣ руки не менѣе 1.000 р., подъ залогъ 25 душъ (П. С. № 16.401, 16.407). Декабря 18, 1797 г., былъ изданъ императоромъ Павломъ манифестъ объ учрежденіи *государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства:* „съ крайнимъ прискорбіемъ видимъ", говоритъ манифестъ, „что многіе дворянскіе роды, стеная подъ бременемъ долговъ, изъ рода въ родъ съ наслѣдствомъ влекущихся или небережливостію нажитыхъ, *немногіе изъ нихъ воспользовались сложеніемъ съ себя сего бремени способами, въ государственныхъ банкахъ отверзтыми, но большая часть усугубляли* свои долги, . . . ". Банкъ долженъ дѣлать вспоможенія тѣмъ дворянскимъ фамиліямъ, имѣнія которыхъ обременены долгами, выдавая подъ залогъ крестьянской души въ губерніяхъ 1-го класса по 75 р., 2-го—65 р., 3-го—50 р. и 4-го 40 р.—(П. С. № 18.274, 18.383). Съ какою жад-

ностію стало прибѣгать дворянство къ ссудамъ вспомогательнаго банка, показываетъ № 25 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1800 г., въ которомъ перечислено количество ссудъ, выданныхъ банкомъ.

Какъ заявилъ депутатъ трубчевскаго дворянства, Бровцынъ, въ коммисіи 1767 г., кредитомъ государственнаго банка пользовались преимущественно зажиточные дворяне, которые побрали оттуда такія большія суммы, что за выдачею ихъ не осталось и малаго количества денегъ для бѣднаго дворянства (Сб. Р. Ист. общ. Т. IV, стр. 202). Бѣдному дворянству старались помочь учрежденіемъ приказовъ, всѣ суммы которыхъ, какъ свидѣтельствуетъ кн. Щербатовъ, были розданы дворянству на % чрезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ ихъ учрежденія, такъ что въ голодъ 1788 г. у приказовъ не было денегъ для народнаго продовольствія (Чт. кн. 1-я 1860). *Благотворительныя общественныя* учрежденія превратились, такимъ образомъ, въ *кредитныя дворянскія*, что постигло также и опекунскій совѣтъ, учрежденный Екатериной II при московскомъ воспитательномъ домѣ, въ 1763 г. (П. С. № 11.908). Большая часть дворянскихъ имѣній была заложена и перезаложена въ этихъ, по первоначальной ихъ идеѣ, *благотворительныхъ учрежденіяхъ*.

Императоръ Николай I манифестами 1830 г. (2-е П. С. № 3.399) и 1839 г. (2-е № 12.497), облегчивъ условія займа изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, понизилъ банковые % и увеличилъ размѣръ ссудъ. Въ день бракосочетанія наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго государя императора, 16 апрѣля 1841 г., губерніи, для выдачи ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, были раздѣлены на три разряда: 1) по 70 р. на душу, когда на нее причиталось не менѣе 4 дес. земли, а иначе 60 р., 2) 60 или 50 р., 3) 50 или 40 р. Установляя эти размѣры, императоръ повторилъ свою прежнюю надежду, что новыя ссуды обратятся *„не къ прихотямъ роскоши и не къ усиленію долговъ расточительности, а къ лучшему устройству дворянскихъ имѣній, къ дальнѣйшему еще*

усовершенствованію земледѣлія, и къ расширенію сельской и всякой другой полезной промышленности“ (2-е № 14.461). Но оправдало-ли дворянство надежды покойнаго императора? Масса долговъ на дворянскихъ имѣніяхъ не переставала накопляться, безъ *всякаго усовершенствованія земледѣлія и другой полезной промышленности;* имѣнія не выходили изъ опекъ за неплатежъ въ приказы; нерѣдко онѣ продавались и съ молотка. До какой степени банкротства дошло бы наше дворянство, еслибъ законъ 1859 г. не отмѣнилъ залога и перезалога ихъ имѣній въ кредитныя установленія (2-е № 34.379), а послѣдовавшее затѣмъ упраздненіе крѣпостнаго права не вывело бы его на путь правильнаго и раціональнаго сельскаго хозяйства, основаннаго не на одной эксплуатаціи крѣпостнаго труда?

в) Если значительная доля вины въ эксплуатаціи и разореніи крестьянъ дворянствомъ можетъ быть сложена на ихъ безденежное хозяйственное положеніе, на множество новыхъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ были такъ малы средства ихъ имѣній, то тѣ же самыя причины обусловливали и непомѣрное развитіе торговли крестьянами, которую тщетно старалось ограничить законодательство своими колеблющимися и нерѣшительными мѣрами. Что крестьянъ приходилось иногда помѣщикамъ продавать *по нуждѣ*, показываютъ нѣкоторыя объявленія № 100 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1796 г.: „продается *отъ нужды* 17 лѣтъ дворовый человѣкъ, башмачникъ“, или въ № 26 за 1800 г.: „*отъ нужды* продается дѣвка“. Но крѣпостной крестьянинъ былъ предметомъ не только купли—продажи, но и мѣны, даренія, какъ всякая другая движимая собственность.

Мы видѣли, что уже вначалѣ 18 столѣтія мелкое шляхетство продавало своихъ крѣпостныхъ, по выраженію Петра Великаго, *какъ скотовъ.* Развитію этой продажи весьма содѣйствовало право, предоставленное людямъ всѣхъ званій, покупать крѣпостныхъ и ставить ихъ за себя въ рекруты. Предъ всякимъ рекрутскимъ наборомъ производилась торговля крѣпостными въ са-

мыхъ большихъ размѣрахъ. Болтинъ, на глазахъ котораго совершалась она, говоритъ: „нѣкоторые помѣщики, въ удовлетвореніе жадности своей къ корысти, продаютъ охотно рабовъ своихъ въ рекруты, и признаютъ то прибыльнымъ торгомъ, какъ и въ самой вещи есть, еслибъ не сопряжено было сіе дѣйствіе съ жестокостію и безчеловѣчіемъ. Зналъ я одного такого, который промотавшися, всѣхъ до единаго крестьянъ своихъ продалъ въ рекруты, и такимъ средствомъ долги свои оплатилъ, а деревня осталася за нимъ, но остались одни старики, малолѣтные, увѣчные и женщины" (Примѣчанія на Леклерка, ч. 2-я, стр. 121). Въ № 82 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1796 г. читаемъ: „въ московской-ямской, близъ Глазова кабака, въ домѣ подъ № 2.010, у купца Гусева есть продажные четыре въ рекруты годные человѣка, которыхъ покажетъ дворникъ Степановъ". Екатерина II въ письмѣ къ Архарову жалуется, что помѣщикъ тверскаго намѣстничества, Николай Хитрово и сестры его дѣвицы, проживающія въ Москвѣ, продаютъ своихъ крестьянъ на выборъ, порознь по душамъ. Намѣреваясь продать всѣхъ годныхъ, они потребовали, чтобъ изъ вотчины ихъ прислать имъ, разрозня отъ семействъ, 30 дѣвокъ на выборъ и одну вдову съ дочерью (Р. Арх. ч. 2-й стр. 458).

Но жалуясь на торговлю крестьянами, Екатерина II сама попускала ее, можетъ быть, больше всѣхъ своихъ предшественниковъ: къ концу ея царствованія, торговля эта производилась самымъ циническимъ образомъ. До какихъ размѣровъ въ самомъ дѣлѣ развилась она къ концу царствованія нашей великой законодательницы 18 вѣка, можно видѣть изъ *извѣстій* „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1796 г. Мы внимательно ихъ перебрали. Мало извѣстныя, они необыкновенно ярко изображаютъ эпоху. Мы считаемъ не безъ интереса привести нѣкоторыя для примѣра. При Елизаветѣ Петровнѣ (мы пересматривали извѣстія за послѣдніе годы ея царствованія) это не водилось. Въ извѣстіяхъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1796 г. наряду съ объявленіями о сбѣжавшихъ собакахъ, о потерянныхъ вещахъ, за возвращеніе

которыхъ обѣщаются награды, мы читаемъ объявленія и о сбѣжавшихъ дворовыхъ людяхъ и крестьянахъ, за возвращеніе которыхъ обѣщается также *довольное награжденіе*. Вслѣдъ за объявленіями о продажѣ коровъ, жеребцовъ, малосольной осетрины, лиссабонскихъ апельсиновъ—объявленія о продажѣ крѣпостныхъ *семьями* и *порознь*, и чаще всего о продажѣ *молодыхъ дѣвокъ собою видныхъ*. Вотъ образчики такихъ объявленій. Въ № 73 читаемъ: „нѣкто, отъѣзжая изъ С.-Петербурга, продаетъ 11 лѣтъ дѣвочку и 15 лѣтъ парикмахера, за котораго даютъ 275 р., да сверхъ того столы, 4 кровати, стулья, перины, подушки, платяной шкафъ, сундуки, кіота для образовъ и прочій домашній скарбъ“. № 75: „Лейбъ-гвардіи семеновскаго полка въ 5 ротѣ, въ домѣ вдовы Мурзиной, продаются: малой 17 лѣтъ и мебели“. № 79: „Литейной части, въ 1 кварталѣ, противъ церкви Симеона Богопріимца въ д. купца Пашчевскаго № 1.422, продаются: мужской портной, поваръ и башмачникъ, тамъ же вѣнская прочной работы коляска и хорошо выѣзженная верховая лошадь. Желающимъ покупать, подастъ свѣдѣніе о цѣнѣ служитель Андрей Дмитріевъ“. № 77: „Въ московской-ямской, близъ кузницы въ домѣ майорши Кандауровой продается 18 лѣтъ деревенская дѣвка, о которой спросить у дворника, а въ 3-й адмиралтейской части, въ Конномъ переулкѣ подъ № 903 продаются двѣ деревенскія дѣвки, о которыхъ извѣстится у Кудрякова“. „Въ приходѣ церкви Николая Чудотворца въ школѣ продается 20 лѣтъ, *собою видная* и къ исправленію горничной работы способная дѣвка. Тутъ же можно извѣститься о продающемся въ Малой Коломнѣ деревянномъ болѣе 250 р. доходу приносящемъ домѣ“. Въ № 78, вслѣдъ за объявленіемъ о продажѣ 7 цуговъ сивыхъ въ яблокахъ мериновъ—объявленіе о продажѣ семьи людей—мужа съ женою. Въ № 79, послѣ извѣстія о продажѣ новопригонныхъ холмогорскихъ стельныхъ коровъ, двухъ козъ и бѣлаго козла, читаемъ извѣстіе о продажѣ семьи людей. Въ № 84, послѣ объявленія о продажѣ пары молодыхъ гнѣдопѣгихъ и пары сѣрыхъ каретныхъ лошадей и шубы,

напечатано о продажѣ дѣвки 20 лѣтъ. № 87 „Въ Большой Подъяческой въ д. столяра Мейера продаются у жильца въ среднемъ этажѣ семья людей, зеркала и другія мебели". Затѣмъ извѣстіе о продажѣ четверки лошадей. Въ № 90 (уже при Павлѣ) „продается лѣтъ 30 дѣвка и молодая гнѣдая лошадь. *Ихъ* видѣть можно у Пантелеймона противъ мясныхъ рядовъ въ Меншуткиномъ домѣ, у губернскаго секретаря Іевлева". Если кто нуждался въ людяхъ, тотъ объявлялъ: „Желающіе продать лѣтъ 30 бабу, которая бы умѣла шить и гладить бѣлье, да лѣтъ 13 дѣвочку, могутъ о семъ дать знать на петербургскую сторону въ Зелейной улицѣ, въ 3 отъ перевозу домъ". Такая продажа, впрочемъ, производилась и впродолженіе всего царствованія императора Павла: въ № 51 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1797 г. читаемъ извѣстіе о продажѣ дѣвки, умѣющей шить и другой горничной, а вслѣдъ затѣмъ извѣстіе о продажѣ 4 паръ гончихъ собакъ и 15 щенковъ, въ № 75: продается дѣвка 16 лѣтъ и поѣзженная карета, № 78: 20 лѣтъ дворовой человѣкъ парикмахеръ и лучшей породы корова, въ № 81: карета, мебели, разныя фруктовыя деревья и дворовая дѣвка; № 82: каменный домъ, карета, лошадь и молодой въ рекруты годный человѣкъ; № 86: каменный домъ съ мебелью, пожилыхъ лѣтъ мужчина и женщина и молодыхъ лѣтъ холмогорская корова; № 38 за 1798 г.: пожилыхъ лѣтъ дѣвка и подержанные дрожки; № 1 на 1800 годъ: портной, зеленый забавный попугай и пара пистолетовъ и т. д. Иногда производилась продажа за излишествомъ: такъ № 46 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" на 1798 г. объявлялъ о продажѣ за *излишествомъ* 17 лѣтней дѣвки. Мы не услѣдили, до какого года продолжаются подобнаго рода публикаціи нашей академической газеты: вѣроятно, онѣ захватываютъ и послѣдующее время.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ тому поколѣнію, которому посчастливилось видѣть обновленіе великой родной земли—по мановенію одного изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ монарховъ, какихъ только знаетъ исторія человѣчества! Приведенные факты слиш-

комъ характерны и малоизвѣстны, чтобъ посѣтовать на скромнаго собирателя матеріаловъ для исторіи капитальнѣйшихъ вопросовъ нашего прошлаго общественнаго строя за щедрое ихъ перечисленіе. Насъ занималъ также вопросъ о цѣнѣ продаваемыхъ крестьянъ. Данныя по этому вопросу, которыя удалось намъ собрать, читатель найдетъ въ примѣчаніяхъ. Цѣна была весьма разнообразна и подвержена обыкновеннымъ колебаніямъ: правительство устанавливало таксу, существовала средняя *дворянская цѣна* (30 р.), по которой, напримѣръ, гр. Шуваловъ предлагалъ въ 1763 году своихъ крестьянъ, въ счетъ уплаты своего долга въ казну, постоянно видоизмѣнялась цѣна рыночная. Кларкъ говоритъ, что цѣна мальтійскаго ордена, который по замѣчанію Гебера можно было купить за 1.200 р., равнялась 300 крестьянамъ (Voyages... p. 193). Но это едва-ли справедливо: за простаго калмыченка въ 1741 г. платили 3 р.; Марковичъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка платилъ за крестьянъ и по 50 р., и гораздо дешевле; генералъ Тирингъ въ первое десятилѣтіе текущаго столѣтія платилъ за мужиковъ и 350 р., и по 190 р. за пару супруговъ и т. д. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ рѣдко объявляли цѣну; иногда просто извѣщалось, что продается *по сходной цѣнѣ* мужикъ или дѣвка (№ 77 на 1797 г.) [102]).

Крѣпостныхъ не только продавали, но проигрывали въ карты, несмотря на запрещеніе указовъ играть на людей (№ 9.380); платили ими долги (№ 16.818) [103]), давали взятки (Даниловъ: стр. 34), платили врачамъ за леченіе (см. дарственныя записи въ приложеніи). Иногда продавалось на свозъ все крѣпостное населеніе деревни (№ 8.619 п. 5): такъ вдова Аргамакова въ 1773 г. продала на свозъ всѣхъ своихъ крестьянъ деревни Позняковой мещовскаго уѣзда, въ числѣ 195 душъ, за 1.200 р. Изъ этой сдѣлки видно, что помѣщики продавали иногда не наличное крѣпостное населеніе, а записанное по ревизіи: Аргамакова продаетъ съ бѣглыми—число душъ, какъ оно записано по 3-й ревизіи (№ 13.950).

Торговля людьми вызвала особенную отрасль промышленности: мошенническую продажу чужихъ людей

за своихъ. Въ Москвѣ въ первой половинѣ 18 ст., въ Зарядьѣ, проживалъ отставной чиновникъ Зурошевъ, который принималъ къ себѣ чужихъ бѣглыхъ людей, и потомъ подложно продавалъ ихъ за своихъ собственныхъ, а подложно проданному не трудно было, согласясь съ продавцемъ, убѣжать и отъ покупателя (Побѣдоносцева: Дѣло объ убійствѣ с. Жуковыхъ, Р. В. т. XXX, 1860). Возможно было также похищеніе и продажа украденнаго: у купца 1 гильдіи Силина въ услуженіи былъ калмыченокъ. Когда послѣдній гулялъ на кузнецкомъ мосту, въ 1741 г., на него наѣхалъ какой-то солдатъ, схватилъ его и отвезъ въ с. Мытищи, гдѣ продалъ архимандриту андреевскаго монастыря за 3 руб. (Осм. вѣкъ кн. 3-я, ст. 291). Весьма многіе указы запрещали подлоги при продажѣ помѣщиками людей. Генеральное учрежденіе о рекрутскомъ наборѣ 1757 г. постановляетъ за это самыя строгія наказанія. Но подлоги все-таки продолжались: ярославская провинціальная канцелярія въ 1761 г. докладывала сенату, что въ 1759 г. отставной, обрѣтающійся не у дѣлъ, капитанъ Горшковъ, продалъ для отдачи въ рекруты бѣглаго человѣка, принадлежавшаго подпоручику Абатурову (№ 11.359).

Особенно сильно развилась продажа крѣпостныхъ въ Малороссіи, послѣ введенія Екатериной II крѣпостнаго права: есть преданіе, что здѣсь ихъ выгоняли на ярмарки, вмѣстѣ съ баранами и другими животными (Бѣляевъ, стр. 320). Малороссійская старшина привыкла къ торговлѣ людьми издавна (См. Записки ген. подскарбія Марковича): имѣя подсосѣдковъ съ правомъ перехода, она старалась пріобрѣтать людей въ крѣпость, которые не имѣли этого права. А постоянныя войны—то съ турками, то съ поляками и татарами—доставляли плѣнныхъ—живой товаръ для торговыхъ операцій. Понятно, почему въ 1798 г. запрещена въ Малороссіи продажа крестьянъ безъ земли; понятно, почему и послѣ этого запрещенія, какъ показываютъ ниже прилагаемые документы, она все-таки не выводилась.

Александръ I засталъ торговлю людьми въ полномъ разгарѣ. Иностранцы, посѣщавшіе Россію вначалѣ 19 ст., разсказываютъ, что продаваемыхъ крестьянъ выставляли на рынкахъ, какъ домашнихъ животныхъ. Таковъ разсказъ Macgill'я, посѣтившаго Россію въ 1808 г., приводимый въ извлеченіи Кларкомъ (Voyages en Russie... T. 3, p. 278). Разсказы иностранцевъ подтверждаются свидѣтельствами отечественными. Богдановичъ въ своей Исторіи Александра I дѣлаетъ одну ссылку на журналъ государственнаго совѣта 1807 г., изъ которой явствуетъ, что при осмотрѣ рязанской губерніи сенаторомъ Рунчемъ, оказалось, что изъ сей губерніи и изъ другихъ мѣстъ привозились на урюпинскую ярмарку *скованные* помѣщичьи люди для продажи ихъ въ розницу (T. III, стр. 29). Изъ П. С. З. видно, что на урюпинской ярмаркѣ подпоручикъ Гололобовъ, по довѣренности Головина и жены его, продавалъ крѣпостныхъ безъ земли, а нѣкоторыхъ съ разлученіемъ отъ семействъ (№ 23.157).

Мы видѣли, какія мѣры употребляло правительство при Александрѣ I къ ограниченію *постыднаго*, какъ императоръ всегда выражался, *торга людьми*. Сознавая недостаточность предпринятыхъ полумѣръ, предположено было вовсе запретить продажу людей безъ земли. Вопросъ этотъ обсуждался въ государственномъ совѣтѣ, въ 1820 г. Департаментъ законовъ отстаивалъ право продажи безъ земли. Онъ не нашелъ ни одного закона, прямо воспрещающаго не только продажу безъ земли, но и по одиночкѣ, а напротивъ указывалъ на побочные указы, знаменующіе согласіе законодателя на такую продажу. Департаментъ не находилъ и потребности въ изданіи воспретительнаго закона, основываясь на томъ, что продажа людей, при нынѣшнемъ гражданскомъ состояніи Россіи, не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Замѣчательно, что воззрѣніе департамента защищалъ и Мордвиновъ. (Чтенія, 1859 г. кн. 2-ая). Но въ основаніи мысли Мордвинова лежала горькая иронія надъ крѣпостнымъ правомъ, что вполнѣ высказалось имъ при новомъ обсужденіи этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ въ 1833 г. Мордвиновъ опять явился сторон-

никомъ продажи людей, но высказалъ при этомъ всю подноготную своего правдиваго взгляда. Онъ попросилъ у совѣта дозволенія высказать объ обсуждаемомъ вопросѣ всю истину. „Отъ горькаго корня, говорилъ онъ, не будетъ плода сладка. На рѣдькѣ не выростетъ ананасъ". Доколѣ рабство между крестьянами существуетъ, до тѣхъ поръ продажа людей по одиночкѣ должна быть допущаема. Она необходима, и часто для проданнаго бываетъ благотворна; часто отъ лютаго помѣщика проданный рабъ его переходитъ въ руки мягкосерднаго господина, отъ скудной и тощей своей нивы, переселяется на ниву просторную и плодородную" (ib. кн. 3-ья). Но ироническая защита Мордвинова не нашла сочувствія въ императорѣ: Николай къ вопросу относился рѣшительнѣе своего предшественника. Николай I понималъ, что иногда, вслѣдствіе продажи, рабы переходили отъ мягкосердаго господина къ лютому, отъ плодородной нивы къ скудной. Состоялся законъ 1833 г., развитый и пополненный въ 1841 г., которымъ продажа крестьянъ значительно была стѣснена. Конечно, продажа людей на прежнихъ основаніяхъ продолжалась иногда и послѣ этого, какъ то видно изъ П. С. З. (2-е № 20.556, 20.711). Но то были уже злоупотребленія, за которыя виновные подвергались отвѣтственности. Лучшіе, мыслящіе члены сословія привѣтствовали радостно законъ 1833 г., какъ впослѣдствіи они привѣтствовали и манифестъ 19 февраля, прекратившій *постыдное обладаніе людьми*. Вотъ что писалъ во второй половинѣ 40-хъ годовъ смоленскій помѣщикъ Кононовъ, бывшій предводитель дорогобужскаго уѣзда..... „важныя измѣненія въ государствѣ совершаются, напр. прекращенъ поодиночной торгъ людьми, столь постыдный для человѣчества. Я не совсѣмъ старъ еще, но помню, какъ, по произволу, по прихоти владѣльца, отецъ оставался на родинѣ, а судьба его сына сопрягалась съ судьбою владѣльца новаго, увлекавшаго его своею властію на край необъятной Россіи, а беззащитная дочь того же отца увозилась въ противоположную сторону. Николай I положилъ предѣлъ тому, и филантропъ благословилъ его. Но быть можетъ

не всѣ были тѣмъ довольны. Чувство, за то благословлявшее преимущественно, принадлежитъ дворянству...“ (Чтенія 1858 г. кн. 2-ая). [101]).

IV. Мы видѣли, что неопредѣленность и фрагментарность постановленій, регулировавшихъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, вызывала на практикѣ нескончаемый рядъ злоупотребленій владѣльческой власти. Эти злоупотребленія вызвали противъ себя реакцію. Реакція сказывалась двояко: А) въ правительствѣ и Б) въ средѣ самихъ крестьянъ.

А) Петръ Великій, возмущавшійся торговлею людьми, не былъ безучастенъ и къ другимъ злоупотребленіямъ владѣльческой власти. Въ инструкціи воеводамъ 1719 г. постановлялось: „понеже есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутны разорители суть, что ради пьянства, или иного какого непостояннаго житія вотчины свои не токмо снобдѣваютъ, или защищаютъ въ чомъ, но и разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тяжести, и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ, и отъ того крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и чинится отъ того пустота, а въ государственныхъ податяхъ умножается доимка“.... Земскіе коммисары, объѣзжая свои уѣзды, должны были замѣчать, гдѣ такая пустота являлась, и доносить о томъ воеводамъ. Воевода съ коммисаромъ, при помощи окольныхъ людей, производили слѣдствіе: „отчего оная пустота явилась, и не было ли тѣмъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ такого наглаго разоренія“? Результаты слѣдствія представлялись сенату, и если оказывалось, что причина бѣдственнаго положенія крестьянъ „разореніе ихъ помѣщикомъ“—таковой помѣщикъ отдавался до исправленія *подъ началъ*, а въ управленіе его имѣніемъ вступали его будущіе наслѣдники (№ 3.294. п. 30). Этимъ положено начало *опеки* за мотовство помѣщика и за злоупотребленія власти надъ крестьянами. Но отъ кого зависѣла отдача въ опеку? Рѣшителемъ этого вопроса была сторона, солидарно связанная своими интересами съ помѣщиками; воевода—самъ же помѣщикъ и не всегда безукоризненный, земскій коммисаръ—из-

любленное лицо помѣщиковъ уѣзда, наконецъ сенатъ, правда всегда возвышающійся надъ мелкою точкой зрѣнія мѣстныхъ властей, но въ такихъ случаяхъ невсегда нелицепріятный. Сами же угнетенные крестьяне мало-по-малу лишены были права жаловаться на помѣщиковъ: неопредѣленная 23 ст. II-й главы уложенія 1649 г. объ извѣтахъ крестьянъ на своихъ господъ, истолкована въ 18 вѣкѣ (преимущественно указомъ 1767 г. № 12.966) въ томъ смыслѣ, что всякая жалоба крестьянъ на помѣщиковъ—незаконна и влечетъ строгое наказаніе ихъ (Побѣдоносцевъ, Бѣляевъ). Понятны слова наказа 1767 г. „Петръ I узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно“ (Гл. XI. п. 256).

При своемъ великомъ умѣ и благихъ желаніяхъ управляемой ею Россіи, Екатерина II, особенно въ первую пору своего царствованія, не могла не принимать къ сердцу угнетеніе крестьянъ. Впрочемъ, наставленіе губернаторамъ 1764 г. не заключаетъ въ себѣ такого эксплицитнаго постановленія о наблюденіи надъ обращеніемъ владѣльцевъ съ крестьянами, какъ инструкція воеводамъ 1719 г. Мы говоримъ эксплицитнаго, ибо въ IV п. наставленія, гдѣ говорится, что губернаторъ недремлющимъ окомъ долженъ взирать на то, чтобы всѣ исполняли съ возможнымъ радѣніемъ свою должность въ его губерніи, общими словами обозначается и обязанность наблюдать надъ отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ (№ 12.137). Эксплицитнѣе въ этомъ случаѣ законъ 1775 г., опредѣляющій должность государева намѣстника: онъ обязанъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія — мотовство, тиранство и жестокости (№ 14.392. Гл. IV п. 84). Но и здѣсь не квалифицируются тѣ злоупотребленія, которыя обязанъ пресѣкать государевъ намѣстникъ. Да едва-ли бы помогла и квалификація: во второй половинѣ царствованія Екатерины II перевѣсъ получили интересы дворянскіе, которые стала крѣпко поддерживать сама императрица. Органами

ея были намѣстники: какую же защиту предъ ними могли имѣть крестьяне, угнетаемые своими помѣщиками? Притомъ, учрежденіемъ о губерніяхъ и жалованной дворянству грамотой мѣстный судъ и администрація перешли въ руки выбранныхъ дворянствомъ членовъ своего сословія: коронный элементъ въ судахъ не могъ служить большимъ коррективомъ. Суды могли только постановлять приговоры по открываемымъ злоупотребленіямъ, а самое раскрытіе злоупотребленій было въ рукахъ земской полиціи, душой и тѣломъ связанной съ интересами помѣщиковъ.

Несомнѣнно, что Павелъ I болѣе своей предшественницы, особенно во вторую половину ея царствованія, заботился объ огражденіи крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщиковъ. Строгое правило указа 1767 г., почти безусловно отвергавшее подъ угрозою тяжкихъ наказаній — право жалобы на помѣщика, хотя закономъ и не было отмѣнено, но фактически не исполнялось: императоръ, особенно вовремя своихъ поѣздокъ по имперіи, принималъ жалобы, по которымъ иногда производились слѣдствія (Р. Арх. 1870. № 2). Правда, что иногда отъ этихъ жалобъ не было добра и крестьянамъ: вовремя пребыванія своего въ Казани, Павелъ I охотно принималъ отъ крестьянъ жалобы на ихъ помѣщиковъ, но по отъѣздѣ императора мѣстныя власти подвергли челобитчиковъ строгимъ наказаніямъ. (Осмнадц. вѣкъ, кн. 4-я).

Еще сочувственнѣе къ огражденію крестьянъ отъ притѣсненій отнесся Александръ I. Въ первые годы его царствованія подаваема была масса жалобъ крестьянами. Какъ пристрастно производились слѣдствія губернаторами по этимъ жалобамъ, показываетъ одно письмо императора по поводу жалобы крестьянъ на помѣщика Каннабиха (Р. Старина, 1870 № 2). Но несмотря на такое отношеніе къ дѣлу мѣстныхъ властей, императоръ зорко слѣдилъ за прекращеніемъ злоупотребленій: въ 1802 г. надворный совѣтникъ, Яцына, признанъ былъ властію императора за недостойнаго управлять своимъ имѣніемъ. Имѣніе взяли въ опеку и раздѣлили между

наслѣдниками (№ 20.576). Но законъ о наложеніи опекъ мѣстными властями, установленный 84 ст. учр. о губерніяхъ, не вполнѣ былъ опредѣлителенъ. Поэтому, въ практикѣ, при примѣненіи его, возникали иногда сомнѣнія. Въ 1817 г. с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ предписалъ гражданскому губернатору взять въ опеку имѣніе двухъ помѣщиковъ. Распоряженіе гражданскаго губернатора было исполнено губернскимъ правленіемъ. Сенатъ нашелъ это неправильнымъ. Государь, напротивъ, нашелъ веденіе дѣла правильнымъ, и предписалъ впредь налагать опеку не только генералъ-губернаторамъ, но и военнымъ губернаторамъ, управляющимъ гражданскою частію. Относительно же гражданскихъ губернаторовъ предписано исполнять имъ 84 ст. учрежд. о губ. такимъ образомъ, чтобы о назначеніи опеки было составляемо положеніе дворянскимъ собраніемъ, представляемое затѣмъ на утвержденіе сената (№ 27.266). Въ 1822 г. постановленіе это измѣнено въ томъ смыслѣ, что, гдѣ нѣтъ генералъ-губернаторовъ, назначеніе о взятіи въ опеку имѣнія постановлять собранію губернскихъ и всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, совокупно съ дворянскимъ собраніемъ губерніи (№ 29.193). Но этими постановленіями законъ о взятіи въ опеку помѣщичьихъ имѣній за жестокость и расточительность не былъ вполнѣ разъясненъ: оставалось именно не разрѣшеннымъ—имѣютъ-ли генералъ-губернаторы и губернаторы право налагать опеки только на имѣнія, лежащія въ предѣлахъ управляемой ими губерніи, или же и на тѣ, которыя лежатъ въ другихъ губерніяхъ? Когда, на основаніи этой неопредѣленности закона, московскій военный генералъ-губернаторъ наложилъ однажды опеку надъ имѣніями одного помѣщика, лежащими не только въ московской губерніи, но и въ другихъ, и помѣщикъ обжаловалъ это рѣшеніе сенату, то въ 1825 состоялось постановленіе: налагать опеки только надъ имѣніями, лежащими въ предѣлахъ управляемой губерніи (№ 30.297).

Императоръ Николай I, двумя рескриптами на имя министра внутреннихъ дѣлъ въ 1826 г., поставлялъ

дворянству въ непремѣнную обязанность *„христіанское и законное обращеніе съ ихъ крестьянами“*, такъ-какъ до государя доходили свѣдѣнія „несогласныя съ примѣрами, которыми помѣщики должны быть руководимы, ихъ обязанностями христіанъ и вѣрноподданныхъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ возложено на предводителей дворянства наблюдать надъ отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ, подъ угрозою взысканія за неисполненіе этой *достойной обязанности*. Предводители обязаны „навѣдываться безъ огласки и безъ всякаго письменнаго производства о обращеніи помѣщиковъ съ ихъ крестьянами“, а земскіе исправники обязаны были сообщать имъ всѣ случаи нарушенія помѣщичьей власти. Удостовѣрясь въ правильности донесеній исправника, предводители внушали помѣщику перемѣну обращенія съ крестьянами, а если не достигали цѣли, то представляли о томъ начальникамъ губерніи. Затѣмъ имѣніе помѣщика бралось въ опеку. Но лучше-ли исполняли эту обязанность земскіе исправники, предводители дворянства и начальники губерній въ 19 столѣтіи, чѣмъ земскіе коммисары и воеводы въ 18-мъ? Исправники и предводители дворянства были такіе же излюбленные люди своего сословія, и вмѣстѣ съ губернаторами, такъ же солидарно связанные съ помѣщиками, такъ же оберегавшіе ихъ интересы. А между тѣмъ при Николаѣ I отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ контролировались гораздо болѣе, чѣмъ въ предшествовавшія царствованія; правила о взятіи въ опеку помѣщичьихъ имѣній дѣлались болѣе опредѣлительными.

Мы знаемъ, какъ опредѣляетъ законъ 1817 года порядокъ назначенія опекъ: налагать опеки по этому закону могли генералъ-губернаторы и военные губернаторы, управляющіе гражданскою частію, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не было—положеніе о назначеніи опеки составлялось дворянскимъ собраніемъ. Но какъ быть въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ ни генералъ-губернаторовъ, ни губернаторовъ военныхъ, ни дворянскихъ собраній? Вопросъ этотъ возникъ по дѣлу о жестокихъ поступкахъ съ людьми жены Маркшейдера Макке въ

пермской губерніи, гдѣ существовали самыя многодушныя помѣщичьи имѣнія, а между прочимъ не было дворянскаго общества. Въ разрѣшеніе этого вопроса, въ 1827 г., было постановлено: въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ ни генералъ-губернаторовъ, ни военныхъ губернаторовъ, управляющихъ гражданскою частію, ни дворянскихъ обществъ, гражданскіе губернаторы сзываютъ палаты, и вопросъ о назначеніи опеки, разрѣшенный ихъ соединеннымъ засѣданіемъ, представляется на разрѣшеніе сената (2-е П. С. № 1.598). Въ 1829 г. точнѣе выражены правила о наложеніи опекъ вообще: когда управляющіе губерніями (не дѣлается отличіе между генералъ-губернаторами, военными и гражданскими губернаторами) признаютъ нужнымъ наложить опеку на имѣніе дворянина, въ чертѣ управленія ихъ состоящее, то предлагаютъ дворянскому сословію для составленія о томъ положенія.—Если-бы дворянское сословіе съ мнѣніемъ управляющаго губерніи не согласилось, то онъ можетъ собственною властію предписать учредить опеку.—Донесенія объ этомъ во всякомъ случаѣ представляются 1 департаменту сената, съ изъясненіемъ причинъ, побудившихъ сдѣлать распоряженіе о назначеніи опеки. По полученіи такого донесенія, 1 департаментъ, вслучаѣ, если у лица, подвергшагося опекѣ есть еще имѣніе въ другихъ губерніяхъ, дастъ предписаніе, дабы начальства тѣхъ губерній имѣли и за этимъ имѣніемъ надзоръ (2-е П. С. № 2.650). Законъ 1829 г. неопредѣленно говоритъ о сословіи дворянства, участвующемъ въ рѣшеніи вопроса о наложеніи опеки по предложенію начальника губерніи. Чтó разумѣть подъ этимъ сословіемъ? Это разрѣшается наказомъ гражданскимъ губернаторамъ 1837 г.: собраніе предводителей и депутатовъ дворянства, на обсужденіе котораго, чрезъ губернскаго предводителя, начальникъ губерніи предлагаетъ вопросъ (2-е П. С. № 10.303 § 184)—въ смыслѣ закона 1822 г., который, впрочемъ, устанавливалъ исключеніе для генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ военныхъ (см. выше). Допускались изъятія: генералъ-губернатору Бибикову въ 1849 г.

дано право (ввидѣ временной мѣры на 1 годъ, которую, впрочемъ, нѣсколько разъ продолжали) налагать опеки собственною властію (2-е П. С. № 23. 479). По поводу дѣла супруговъ Новиковыхъ, засѣкавшихъ своихъ крестьянъ, были опредѣлены ограниченія правъ владѣльцевъ, имѣнія которыхъ взяты въ опеку. Имъ запрещены пріобрѣтеніе людей покупкою, передача имѣній другимъ владѣльцамъ, кромѣ продажи въ постороннія руки, пребываніе въ имѣніи (2-е П. С. № 2.723). Ограниченія эти пополнены въ 1842 г. воспрещеніемъ держать при себѣ въ услуженіи крѣпостныхъ дворовыхъ людей своихъ (2-е П. С. № 16.388). Въ 1850 г. сдѣлано одно послабленіе этихъ ограниченій: владѣльцу, изобличенному въ злоупотребленіи помѣщичьей власти, предоставлено право передать принадлежащее ему имѣніе въ собственность другому лицу по дарственной записи (2-е П. С. № 24.763). Въ 1853 г. правила касательно опекъ, учреждаемыхъ за злоупотребленія помѣщичьей власти, были пояснены и дополнены (№ 27.046), предписывалось наблюдать, чтобы помѣщики съ должною отеческою заботливостію исполняли въ отношеніи своихъ крестьянъ всѣ возложенныя на нихъ обязанности" (2-е П. С, № 27.293, отд. 1 § 7). Это было послѣднее слово объ огражденіи крестьянъ отъ злоупотребленій ихъ владѣльцевъ, сказанное императоромъ Николаемъ, несомнѣнно болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ заботившемся объ участи крестьянъ. Далѣе его въ этомъ отношеніи нельзя было идти, не вступивши въ обладаніе помѣщичьими крестьянами *прямому ихъ владѣтелю Всероссійскому Самодержцу*, устранивъ отъ обладанія ими ихъ владѣтелей *временныхъ*—помѣщиковъ.

Добрая воля правительства оградить крестьянъ, разбивалась о пассивное сопротивленіе мѣстныхъ властей, солидарно связанныхъ своими интересами съ дворянствомъ. Но невсегда и мѣстныя власти, при всей своей доброй волѣ, могли исполнять благія намѣренія правительства относительно огражденія крестьянъ. Здѣсь онѣ встрѣчались иногда съ *активнымъ противодѣйствіемъ* самихъ помѣщиковъ, съ трудностію проникнуть

вглубь помѣщичьяго имѣнія, узнать что̀ въ немъ дѣлается, привести въ немъ въ исполненіе требованія начальства. Это особенно имѣло мѣсто въ 18 ст., когда губернаторы и воеводы, *боясь изъ страха знатныхъ людей*, не смѣли взыскивать запущенныя на ихъ имѣніяхъ недоимки (П. С. № 7.494), когда помѣщики, съ своими вооруженными людьми, поссорившись съ мѣстнымъ правителемъ, предпринимали противъ него походъ и осаждали города (Побѣдоносцевъ: Р. В., 1858 г., т. XVI). Прекрасно изображаетъ эту непроницаемость помѣщичьяго имѣнія для государственной власти, это самоуперство помѣщиковъ съ мѣстными правителями г. Побѣдоносцевъ. „Помѣщичье село представляется какъ бы маленькимъ государствомъ посреди большаго; нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной государственной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить свое распоряженіе. Сплошь да рядомъ мы видимъ, что помѣщикъ въ своемъ имѣніи втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно упорствуетъ въ неисполненіи всѣхъ требованій правительства, господствуетъ съ полнымъ произволомъ надъ своими крестьянами и даже, съ помощію этаго господства, открыто возстаетъ противъ общественной власти... Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчалъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей; съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружіемъ „собрався съ своими крестьяны“. Подъячему, который пріѣзжалъ со служилыми людьми во-дворъ помѣщиковъ, объявлялось прямо „ступайте де вонъ, никого вамъ не дадутъ, а коли поѣдете съ людьми на село, будете побиты до смерти“. Случалось даже, что пріѣхавшаго подъячаго помѣщикъ приказывалъ бить, сажать на цѣпь, и освобождалъ по усиленнымъ его просьбамъ. Послѣ нѣсколькихъ посылокъ, отвѣтчикъ переѣзжалъ въ другую вотчину, гдѣ повторялись такія же продѣлки; большей частію онъ, если былъ силенъ, оставался безъ всякаго наказанія за ослушаніе...“ (ib. См. также 1-е П. С. № 3.103). До какой наглости доходило иногда

отношеніе богатыхъ помѣщиковъ къ мѣстнымъ властямъ въ 18 в., показываетъ исторія съ генералъ-аншефомъ и андреевскимъ кавалеромъ, богатымъ воронежскимъ помѣщикомъ, гр. Девіеромъ, который вконцѣ царствованія Екатерины II перестрѣлялъ изъ двухъ пушекъ весь ѣхавшій къ нему земскій судъ. (Р. Арх. Т. 2-й). Такія исторіи, конечно, менѣе возможны были въ 19 ст., при смягчившихся нравахъ помѣщиковъ, при улучшеніи полицейскихъ средствъ государства. Но боязнь предъ сильными своимъ богатствомъ и связями дворянами перешла по наслѣдству къ земской полиціи 19 ст.: кто не помнитъ, какъ смиренно приближался къ богатому помѣстью грозный въ другихъ случаяхъ земскій исправникъ? кто не помнитъ, какъ становые пристава иногда раболѣпствовали предъ помѣщиками даже средняго состоянія? Притомъ, иногда и въ 19 ст. помѣщики давали себя знать членамъ земской полиціи, какъ прямые наслѣдники своихъ предковъ, помѣщиковъ-озорниковъ 18 столѣтія. Въ П. С. можно найти такіе примѣры: вначалѣ 19 ст. нѣкоторые помѣщики тульской губерніи, при выемкѣ въ ихъ имѣніяхъ дезертировъ и помѣщичьихъ бѣглыхъ людей, оказывали земской полиціи такое сопротивленіе, что убили одного рядоваго въ находившейся при томъ командѣ (№ 21.10). Замѣчательно, что эти помѣщики почти были оправданы уѣзднымъ судомъ и палатой. Другой помѣщикъ, калужской губерніи, учинялъ озорническіе поступки члену земскаго суда, при исполненіи послѣднимъ его должности (№ 20.374), а губернаторъ, покровительствовавшій этому помѣщику (Левшину), не уважилъ рапорта н. з. суда о его поступкѣ.

При такихъ условіяхъ, какое могло быть огражденіе крестьянъ? Жалобы ихъ на владѣльцевъ, несмотря на множество препятствій, подавались въ значительномъ числѣ—то государю, то министру внутреннихъ дѣлъ, то начальнику губерніи.—Исчисленіе жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ въ Исторіи м. вн. д. Варадинова начинается съ 1818 г. Особенно велико ихъ число въ 1821 г. Однѣхъ всеподданнѣйшихъ было

принесено 12 только изъ 2-хъ губерній: тамбовской и воронежской. Всеподданнѣйшія жалобы разсматривались въ комитетѣ министровъ, который обратилъ вниманіе на ихъ великое число и постановилъ: вслучаѣ справедливыхъ жалобъ крестьянъ—предавать помѣщиковъ суду, со взятіемъ имѣній въ опеку, а дворовыхъ людей освобождать отъ услугъ помѣщику. Еще большее число жалобъ приносилось въ царствованіе императора Николая--свѣтлую пору въ исторіи крѣпостнаго права: въ одномъ 52 году принесено 20 жалобъ Государю и 40 министру внутреннихъ дѣлъ. По жалобамъ производились слѣдствія и открывались злоупотребленія. Открытіе числа послѣднихъ обусловливалось энергіей и благонамѣренностію мѣстныхъ властей. Обыкновенно число злоупотребленій, по которымъ министерство внутреннихъ дѣлъ наряжало слѣдствія, было весьма не велико (1, 2 или 3 въ имперіи), но въ 1818 г. въ одной симбирской губерніи обнаружено 8 такихъ случаевъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ приписало это особенной заботливости объ участи крестьянъ исправляющаго должность начальника губерніи Голынскаго и управляющаго губерніей, предсѣдателя уголовной палаты, Андреева.— Наибольшое число злоупотребленій помѣщичьей власти преслѣдовалось при гр. Перовскомъ, одномъ изъ нашихъ лучшихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ. До него рѣдко-рѣдко преслѣдовалось злоупотребленій 6 (только въ 1829 и 1839 годахъ), а большею частію 3, иногда 2 (1833) и 1 (1834 г.). Напротивъ, при гр. Перовскомъ min. преслѣдуемыхъ злоупотребленій было 10 случаевъ (только въ 1852 г.) а max. 21 случай (въ 1843 г.). Такъ же точно и число опекъ за жестокое обращеніе съ крестьянами значительно больше при гр. Перовскомъ. До него рѣдко-рѣдко налагали опеку на 2—3 имѣнія въ годъ, а при немъ только изрѣдка случалось брать 4—5 имѣній, но большой частію брали по 6, по 7 имѣній, а иногда 15 (въ 1848 г.) и даже 17 (1842). Въ 1836 г. всѣхъ имѣній, въ опекѣ за расточительность, жестокость и недоимки было 262. Правда, большая часть изъ нихъ—имѣнія дворянскія (въ спб. губ. 37, въ полтавской 30). Въ

1838 г.—203 имѣнія, изъ которыхъ 140 за жестокое обращеніе съ крестьянами и 63—за мотовство и распутство. Но къ концу управленія министерствомъ гр. Перовскаго только за жестокое обращеніе съ крестьянами было въ опекѣ 200 имѣній: maxim. въ полтавской и владимірской губ.—по 11 имѣній. Въ такомъ же духѣ управлялъ и генералъ Бибиковъ, которому принадлежитъ такая добрая слава въ исторіи нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ—особенно югозападныхъ губерній. (Сгруппированныя нами статистическія данныя разбросаны въ Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ Варадинова).

Б) Реакція правительства была недостаточна: злоупотребленія помѣщичьей власти вызывали ее въ средѣ самихъ крѣпостныхъ крестьянъ Эта реакція крѣпостныхъ обнаруживалась *пассивно* и *активно*.

а) Пассивная реакція состояла: 1) въ побѣгахъ и 2) въ самоубійствахъ крѣпостныхъ. б) Активная реакція обнаруживалась: 1) въ возстаніяхъ крѣпостныхъ противъ ихъ владѣльцевъ и 2) въ истязаніи и убійствѣ помѣщиковъ.

1. Бѣгство крестьянъ и заботы правительства къ его уменьшенію отъ 17 вѣка перешли по наслѣдству къ 18-му и 19-му. Указы о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, наказанія ихъ и ихъ передержателей, способы возвращенія ихъ прежнимъ помѣщикамъ, наполняютъ П. С. З. Причина побѣговъ заключалась, конечно, не въ *бродяжнической натурѣ русскаго мужика*, а въ условіяхъ, лежащихъ въ крѣпостной средѣ, въ томъ гнетѣ, которому подвергались крѣпостные крестьяне, и отъ котораго такъ естественно было желаніе освободиться. Но какой выходъ для этого освобожденія? Природа страны указывала на него простому человѣку. Въ странѣ необъятныхъ пространствъ легко было убѣжать и скрыться: чтобы освободиться отъ гнета крѣпостнаго права, крестьяне убѣгали и въ одиночку, и цѣлыми массами. Наказанія за побѣги были строги: по указу 1721 года велѣно всѣмъ бѣглымъ чинить жестокое наказаніе кнутомъ (№ 6.951). Приманка привольной жизни и свободы

отъ крѣпостной тяготы перевѣшивала страхъ наказаній. Коммиссія 1727 г. о преобразованіи подушной подати, въ 1729 г. показывала, что бѣглыхъ съ 1719—1727 г. около 199.000 душъ (№ 8.619). При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1734 г., худое состояніе помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи заставляетъ ихъ бѣжать за польскій рубежъ (№ 6.609). Для отысканія своихъ бѣглыхъ крестьянъ и ихъ пожитковъ, порубежные помѣщики, собрався во многолюдствѣ, съ рогатинами и дубьями, наѣзжали въ маетности литовской шляхты, подвергая ихъ всяческимъ разореніямъ, такъ что на польскомъ сеймѣ въ Варшавѣ раздавались протесты (№ 6.982). При Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1742 г., помѣщичьи люди, затѣявъ, что ихъ повелѣно записывать въ вольницу, подавали о томъ прошенія, убѣгая толпами отъ своихъ помѣщиковъ (№ 8.577). Помѣщики имѣли особенныхъ повѣренныхъ для сыска своихъ бѣглыхъ людей (№ 9.724). Въ 1758 г. разнеслась молва, что помѣщичьимъ крестьянамъ дозволено переходить въ Царицынъ и Камышенку, для поселенія на шелковыхъ заводахъ—и крестьяне толпами побѣжали отъ помѣщиковъ (№ 10.791). Вначалѣ царствованія Екатерины II, графъ П. И Панинъ подалъ свое мнѣніе объ удержаніи побѣговъ изъ Россіи въ Польшу. Между причинами побѣговъ онъ указываетъ и на слѣдующія: 1) „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности, къ сборамъ съ подданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы, не только превосходящія примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько у многихъ выступающія и изъ *сносности человѣческой*. 2) Заведшееся поползновеніе у нѣкоторыхъ помѣщиковъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни, и безъ всякаго въ томъ уваженія, какъ огорченія, такъ и разоренія остающимся ихъ семьямъ“. Для предотвращенія побѣговъ, Панинъ совѣтовалъ: „запретить варварскій обычай продавать помѣщикамъ своихъ крестьянъ въ рекруты за чужія деревни для ненасытной роскоши; продавать

только цѣльными семьями.... Сочинить примѣрное на все государство положеніе крестьянскимъ для помѣщиковъ работамъ и податямъ"... (Соловьевъ: Р. В. 1861 г. Т. XXXV). Совѣтъ Панина, проглянувшій и въ наказѣ коммисіи 1767 г., исполненъ не былъ: ни продажи крестьянъ для *ненасытной корысти*, ни работы выступающія изъ *сносности человѣческой* воспрещены не были (ук. 1797 г. о трехдневной барщинѣ не исполнялся), и побѣги крестьянъ продолжаются до самой отмѣны крѣпостнаго права. Архивы министерства внутреннихъ дѣлъ наполнены дѣлами о побѣгахъ крестьянъ. Въ большихъ размѣрахъ побѣги эти случались въ 1824 г.: изъ тверской, рязанской и курской губерній. Изъ первой крѣпостные люди многихъ помѣщиковъ, продавъ секретно свое имущество, бѣжали съ семействами въ смоленскую губернію, гдѣ по распространившимся слухамъ, имъ будутъ давать паспорты для безпрепятственнаго проѣзда въ какія-то поселенія. Въ рязанской губерніи распространились между крѣпостными слухи, будто правительство дозволяетъ имъ селиться возлѣ Моздока. Изъ курской губерніи убѣгали крестьяне одной помѣщицы, объявляя на допросѣ, что у нихъ *мало земли для хлѣбопашества*, и что *помѣщица тѣснитъ ихъ*. Главный пріютъ для бѣглыхъ была Новороссія, а отчасти Бессарабія. Число бѣглыхъ, зашедшихъ въ эти мѣста, было такъ велико, что возвращеніе ихъ прежнимъ владѣльцамъ могло-бы подорвать хозяйственное положеніе края, лишивши его множества рабочихъ рукъ. Вслѣдствіе этого, по представленію новороссійскаго генералъ-губернатора, состоялся въ 1827 г. указъ, по которому бѣглыхъ крестьянъ, зашедшихъ въ новороссійскія губерніи, велѣно оставить на ихъ мѣстожительствахъ, а въ удовлетвореніе ихъ прежнимъ владѣльцамъ, если они опознаютъ своихъ бѣглыхъ въ теченіи двухъ лѣтъ со дня указа, платить по 250 р. асс. за душу мужескаго пола и по 150 р. женскаго помѣщикамъ или казеннымъ волостямъ, принявшимъ ихъ. А послѣ изданія указа, бѣглыхъ крестьянъ возвращать прежнимъ владѣльцамъ и никому ихъ не прини-

мать (2-е П. С. № 1.521). Послѣ этого указа, побѣги продолжались: въ 1831 г. управляющій новороссійскими губерніями гр. Паленъ доносилъ министерству внутреннихъ дѣлъ о побѣгѣ крестьянъ изъ подольской губерніи въ херсонскую, по причинѣ притѣсненія ихъ польскими помѣщиками, за непринятіе участія въ бывшемъ мятежѣ (2-е П. С. № 4.738), въ 1832 г. изъ саратовской губерніи и земли войска донскаго убѣжало много крестьянъ на кавказскую линію, вслѣдствіе слуховъ, что тамъ ихъ примутъ въ казацкія общества.

Продолжали убѣгать и въ Новороссію, гдѣ Кулешовы хутора, ростовскаго уѣзда екатеринославской губерніи, представляли всѣ удобства для укрывательства бѣглыхъ, не смотря на указъ 1827 года (2-е П. С. № 6.689). Убѣгали и изъ Новороссіи въ Бессарабію: въ 1839 г. дворянство херсонской губерніи ходатайствовало о принятіи мѣръ къ отвращенію распространяющихся побѣговъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Бессарабію (ib. № 12.363). Значительное число этихъ побѣговъ было въ 1841 г.: между крестьянами разнесся слухъ, что тѣмъ, которые переселятся въ Новороссію, дарують землю и свободу—и вотъ не только изъ сосѣднихъ губерній, но и изъ отдаленныхъ — спбургской, смоленской—начались побѣги крестьянъ. Въ послѣдней изъ одного только бѣлицкаго уѣзда убѣжало 1.000 человѣкъ. Въ то же время убѣгали и изъ самой Новороссіи, отягощенные излишними работами (П. м. вн. д. Варадинова). И такъ дѣло шло до самой отмѣны крѣпостнаго права, которое содѣйствовало развитію бродяжническихъ инстинктовъ населенія.

2. Другой видъ пассивной реакціи крѣпостному праву—самоубійство крѣпостныхъ. Статистика случаевъ этого рода не можетъ быть достовѣрно извѣстной: *самоубійцы—крѣпостные* въ оффиціальныхъ таблицахъ часто показывались въ графѣ *скоропостижно умершихъ*. Но несомнѣнно, что случаи такого рода были не исключительнымъ явленіемъ, но довольно обыденнымъ—естественнымъ послѣдствіемъ гнета крѣпостнаго права. Боязнь жестокаго наказанія, отчаянное горе, оскорблен-

ное достоинство человѣка, побуждали нерѣдко людей впечатлительной нервной натуры наложить на себя руку, и чтобъ спастись отъ крѣпостнаго права — броситься въ рѣку, надѣть петлю на шею. Изъ дѣлъ сквирскаго уѣзднаго суда видно, что въ послѣднее пятилѣтіе существованія крѣпостнаго права (1855—1860) случаевъ самоубійства, *скоропостижной смерти* и др. въ уѣздѣ было 443: на каждый годъ 73_{22}, а въ первое пятилѣтіе по упраздненіи крѣпостнаго права (1861—1866) всѣхъ случаевъ—272: на каждый годъ 45_{66}=уменьшеніе 28_{16}%. (Кіевлянинъ на 1869 г., № 90).

2) Но реакція крѣпостному праву проявлялась не только пассивно: были случаи и активнаго ея проявленія. Во-первыхъ въ волненіяхъ крестьянъ и открытомъ неповиновеніи власти своихъ помѣщиковъ.

1. До насъ дошло мало свѣдѣній о крестьянскихъ волненіяхъ вначалѣ 18 столѣтія. Единственное извѣстіе о волненіяхъ крестьянъ помѣщичьихъ при Петрѣ Великомъ, заключающееся въ П. С. З., относится къ 1713 г.: крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ нижегородскаго, ростовскаго и верейскаго уѣздовъ „учинились владѣльцамъ своимъ ослушны и отъ нихъ отложились“ (№ 2.668). Трудно думать, чтобъ это былъ единственный случай. Мы читали челобитную, поданную крѣпостными Петру, для удовлетворенія которой при немъ не приспѣло еще время. Можно думать, что страстная жажда *свободства*, жажда *вырваться изъ Содому и Гомору*, какъ выражались челобитчики, не утоленная правительствомъ, приводила крѣпостныхъ къ постояннымъ открытымъ возстаніямъ противъ помѣщиковъ— возстаніямъ, которыя непрерывно тянутся чрезъ 18 и 19 вѣка, оканчиваясь только наканунѣ отмѣны крѣпостной зависимости. Волненія крестьянъ, случавшіяся послѣ реформы, были безконечно слабѣе и рѣже, чѣмъ до нея.

Больше свѣдѣній мы имѣемъ о волненіяхъ, бывшихъ при преемникахъ Петра, особенно съ Елизаветы Петровны. Въ 1741 г. начались волненія крестьянъ, купленныхъ Демидовымъ у Головкина въ калужскомъ

уѣздѣ. Сенатъ строго наказалъ виновныхъ: двое изъ нихъ были повѣшены, двое по наказаніи сосланы вѣчно въ ссылку, а остальные — десятый по жребію — биты кнутомъ и плетьми. Строгія наказанія не долго удерживали крестьянъ отъ новыхъ волненій. Волненія повторяются въ 1752 г. Присягнувъ стоять за одно, по *отслуженіи молебна священниками*, крестьяне, въ числѣ 3 т. человѣкъ, съ пушками и ружьями разбили цѣлый рижскій драгунскій полкъ, отправленный для ихъ усмиренія, взявъ въ плѣнъ самого полковника. Послали бригадира Хомякова съ шестью полками съ повелѣніемъ жечь жилища волнующихся крестьянъ и палить въ нихъ изъ пушекъ. Волненіе сообщилось и въ близлежащіе уѣзды: поднялись крестьяне гр. Шувалова вышегородской волости серпейскаго уѣзда, фабриканта Лучинина бѣлевскаго уѣзда, гр. Ягужинскаго въ московскомъ и новгородскомъ уѣздахъ, Гончарова—въ Брянскѣ (Чтен., кн. 2-я 1863). Въ 1760 г. Воронцовъ продалъ своихъ крестьянъ въ арзамаскомъ уѣздѣ надворному совѣтнику Безсонову: въ одномъ изъ проданныхъ имѣній крестьяне, увидѣвъ приближающагося къ нимъ подьячаго арзамаской провинціальной канцеляріи, посланнаго съ военной командой для отказа ихъ, вооружившись, не допустили въ село ни подъячаго, ни команду, угрожая побить ихъ. Сенатъ отрядилъ въ имѣніе Безсонова роту солдатъ съ пушками. А между тѣмъ, получилъ отъ капитана Тараканова жалобу, что въ галицкой его вотчинѣ крестьяне не слушаютъ и доходовъ не платятъ (№ 10.054). Едва усмирены были эти волненія, какъ начались новыя, еще въ большихъ размѣрахъ, послѣ манифеста 18 февраля 1762 г., освободившаго дворянъ отъ обязательной службы. Профессоръ Бѣляевъ видитъ связь между этимъ манифестомъ и послѣдовавшими за нимъ волненіями (314). Эта связь весьма возможна; крестьяне могли разсуждать такъ: царь освободилъ дворянъ отъ барщины въ пользу государства, а насъ долженъ освободить отъ барщины въ пользу дворянъ. Между крестьянами, дѣйствительно, разошлись слухи о ихъ освобожденіи. Освобожденія не послѣдо-

вало: начались волненія. 19 іюня 1762 г. изданъ манифестъ, но этотъ манифестъ не принесъ крестьянамъ свободы, а напротивъ изъяснилъ непоколебимое намѣреніе государя „помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи держать“. Для усмиренія же тѣхъ которые, отложась отъ должнаго помѣщикамъ своимъ повиновенія, поступили на многія своевольства и продерзости, въ клинской и тверской уѣзды была послана четырехсотенная команда съ 4 полковыми пушками, при штабъ-офицерѣ и кирасирскій полкъ Виттена. А самъ Виттенъ посланъ по почтѣ въ Тверь, съ повелѣніемъ, по усмиреніи крестьянъ въ тверскомъ и клинскомъ уѣздахъ, слѣдовать съ командами въ другія мѣста, гдѣ происходили такія же волненія (№ 11.577). Екатерина II застала волненія крестьянъ въ полномъ разгарѣ: для усмиренія ихъ она послала кн. Вяземскаго и Бибикова. Кн. Вяземскій усмирилъ большое волненіе крестьянъ кн. Долгоруковыхъ въ вяземскомъ уѣздѣ, побивъ притомъ пушками значительное число душъ. А между тѣмъ, 8 октября 1762 г. императрица издала указъ о пребываніи крестьянъ у своихъ помѣщиковъ въ должномъ повиновеніи—указъ, въ которомъ дословно повторяются увѣщанія манифеста 19 іюня (№ 11.678). Въ слѣдующемъ году предписано: если для усмиренія помѣщичьихъ крестьянъ будутъ посланы военныя команды, то, сверхъ наказанія виновныхъ, взыскивать съ нихъ и причиненные казнѣ убытки (№ 11.875). Но это распоряженіе, подкрѣпленное предоставленнымъ помѣщикамъ правомъ ссылать крестьянъ въ каторжную работу, мало содѣйствовало прекращенію волненій. Волненія продолжались: въ Москвѣ и Петербургѣ между простымъ народомъ обращался пасквиль на дворянство (№ 12.089). Въ 1766 г. нѣкоторые крестьяне подали въ главную дворцовую канцелярію челобитную, что будто-де за тягчайшими отъ помѣщиковъ оброками, коихъ платить крестьяне не въ состояніи, императрица повелѣла отписывать ихъ на Е. В. Сенатъ угрожалъ строгими наказаніями разгласителямъ невѣрныхъ слуховъ

(№ 12.633) Угрозы сената не дѣйствовали: въ томъ же 1766 году крестьяне гвардіи секундъ-маіора Фролова-Багрѣева, тамбовскаго уѣзда, дрались съ воинскою командою, при *помощи волостныхъ мужиковъ* и убили поручика, поранивъ довольно много солдатъ (№ 12.669). Неблагонамѣренные люди продолжали разглашать слухи между крестьянами о перемѣнѣ законовъ и собирали съ нихъ поборы, обнадеживая исходатайствовать имъ разныя пользы и выгоды. Крестьяне волновались, сенатъ продолжалъ усовѣщевать ихъ пребывать въ повиновеніи у помѣщиковъ (№ 12.966); предписывалъ губернаторамъ присылать рапорты о возмущеніяхъ противъ помѣщиковъ во 2-й и въ 1-й деп. (№ 13.008).

Всѣ эти волненія были предвѣстіемъ страшныхъ смутъ—пугачевщины, цѣль которой, по понятіямъ современниковъ, заключалась въ *истребленіи дворянства*, въ обращеніи всей Россіи въ *мужицкое царство* (Записки о жизни А. И. Бибикова). Начался, какъ выразился Державинъ, „прекровожаждущій на благородныхъ рыскъ“ (изд. Грота, т. 3 стр. 323). Страшнымъ репрессаліямъ подвергались и правые и виноватые, за злоупотребленія владѣльческой власти. Но за то и крестьяне подвергались кровавому воздаянію, по усмиреніи Пугачева П. И. Панинымъ, котораго симбирское дворянство назвало за то „животодатель твоихъ собратій“ (Сл. Б.-Каменскаго: Т. IV, стр. 121). Сенатъ задумывалъ террористическія мѣры противъ крестьянъ. „Конфондируя“, какъ выражается воздерживавшая его отъ этихъ мѣръ императрица, „убійство помѣщиковъ съ ихъ необороною“, онъ хотѣлъ, чтобы необоронители подверглись такимъ же наказаніямъ, какъ и убійцы. Екатерина II пророчествовала сенату, что если *за жизнь одного помѣщика въ наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни*, то послѣдуетъ бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ. Сенатъ, какъ можно думать, боялся, чтобы не послѣдовало послѣ Пугачева *генеральнаго освобожденія* крестьянъ. Обнадеживая его, что такого освобожденія не послѣдуетъ, императрица рекомендовала сенату гуманное, умѣренное отношеніе къ крестьянамъ: „Ибо если

не согласимся на *уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія*, то и противъ воли нашей *сами оную возмутъ рано или поздно*" (Осмн. В. кн. 3 стр. 390). Помѣщики также мстили крестьянамъ: одинъ изъ нихъ, Сергѣй Нестеровъ, въ 1775 г. даетъ слѣдующую довѣренность — поистинѣ *рѣдкостную*. „Увѣдомился я саранской моей вотчины села Большой Танѣевки отъ прикащика Ив. Перепелова, что въ проѣздъ государственнаго злодѣя Пугачева находятся нѣкоторые крестьяне виновны въ грабежѣ моего дома и въ прочемъ. Того рода васъ прошу, чтобъ означенныхъ крестьянъ, кто явится по дѣламъ своимъ виненъ, о таковыхъ просить въ канцеляріяхъ о наказаніи кнутомъ и плетьми и *объ отнятіи членовъ, т. е. ушей, а если достойны будутъ лишенія живота, то таковыхъ представя просить что по законамъ будетъ слѣдовать учинить* (Р. Арх. 1868 г. № 11).

Пугачовщина была послѣднимъ взрывомъ крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II. Послѣ такихъ взрывовъ обыкновенно бываетъ затишье. Утомленные борьбой, изнуренные наказаніями, крестьяне притихли на остальные годы царствованія Екатерины II.

Но едва взошелъ на престолъ Павелъ I, какъ снова начались крестьянскія волненія, болѣе и болѣе увеличивавшіяся въ своихъ размѣрахъ. Между крѣпостными разнеслась опять молва, что не будетъ *крѣпости*, а все будетъ *государщина*, что новый царь хочетъ даровать свободу крестьянамъ, но тому противятся помѣщики. На эту молву крестьяне откликнулись возстаніями противъ своихъ помѣщиковъ. Первое движеніе началось въ декабрѣ 1796 г. олонецкой губерніи лодейнопольскаго уѣзда. Въ январѣ 1797 г. въ тайной экспедиціи получены отъ мѣстныхъ властей рапорты о возстаніяхъ крестьянъ въ губерніяхъ: орловской, московской, псковской, новгородъ-сѣверской, ярославской, нижегородской, пензенской, калужской, костромской и вологодской. Въ вологодской губерніи крестьяне помѣщика Поздѣева (масона), въ числѣ 3.000 человѣкъ, принесли жалобу государю, что у нихъ: „одежи и обутки нѣту, отъ мразу

и гладу умираютъ". Поздѣевъ же писалъ къ Лопухину: „въ крестьянахъ видимъ явно готовящійся бунтъ, весьма готовый на пугачевскій, ибо всѣ крестьяне имѣютъ оставшагося отъ временъ Пугачова духа, дабы не было дворянъ". Въ крестьянскихъ движеніяхъ вологодской губерніи, какъ и въ большей части другихъ таковыхъ движеній въ 18 и 19 ст., *большое участіе въ пользу крестьянъ принимаетъ сельское духовенство*—„тѣ же мужики, только что грамотные", по выраженію Поздѣева. Еще сильнѣе высказалось это участіе въ волненіяхъ псковской и калужской губерній. Въ первой волненія прежде всего обнаружились въ уѣздахъ порховскомъ и печерскомъ, а отсюда уже перешли въ холмскій, распространяясь по всѣмъ помѣщичьимъ имѣніямъ. Въ медынскомъ уѣздѣ калужской губерніи почти все крѣпостное населеніе возстаетъ поголовно противъ помѣщиковъ. Одновременно съ тѣмъ разгорѣлось волненіе въ 5 уѣздахъ полоцкаго намѣстничества, а въ сѣвскомъ уѣздѣ орловской губерніи возстало болѣе 10.000 крестьянъ (Р. Арх. № 3, 1869 г., ст. де-Пуле). Императоръ издаетъ манифестъ о преданіи суду доносителей, распространяющихъ ложные слухи объ отложеніи крестьянъ отъ должнаго помѣщикамъ повиновенія (№ 17.730); приказываетъ епархіальнымъ архіереямъ, дабы они наблюдали, чтобы священно- и церковнослужители, при возмущеніи крестьянъ, всемѣрно старались отвращать ихъ отъ онаго (№ 17.958). Между прочимъ, ген. фельдм. кн. Рѣпнину поручается *покореніе* возставшихъ крестьянъ (де-Пуле).

Замѣчательно, что при Александрѣ I не было такихъ значительныхъ волненій крестьянъ, какія бывали не только при его предшественникѣ, но даже потомъ при его преемникѣ. Конечно, мелкія волненія и неповиновенія крестьянъ—то за „дурное обращеніе", то за „жестокіе поступки", то за „развратные и жестокіе поступки" помѣщиковъ, какъ значится въ бумагахъ министерства внутреннихъ дѣлъ—не переводились во все время этого царствованія. Въ самомъ началѣ его, одна гдовская помѣщица своими притѣсненіями довела кре-

стьянъ до возстанія и обратилась съ просьбой о военной силѣ для ихъ усмиренія. Императоръ хотѣлъ преслѣдовать виновную, но члены пресловутаго comité du salut public, образованнѣйшіе и либеральнѣйшіе помѣщики своего времени, убѣдили императора оставить дѣло, чтобъ не подать повода крестьянамъ къ большимъ безпорядкамъ (Богдановичъ). Въ 1803 г. случилось неповиновеніе крестьянъ помѣщика барона Унгернъ-Штернберга, ямбургскаго уѣзда. Императоръ постановилъ: наиболѣе виновныя семейства сослать въ Сибирь на поселеніе, возвративъ помѣщику за каждую ссылаемую душу мужескаго пола по 100 р. (№ 20.964). Въ иные годы случалось по 13 такихъ волненій. Особенно значительныя были 1818—1820 г., когда между крестьянами, какъ и дворянами, разнеслась молва объ освобожденіи крѣпостныхъ, и для усмиренія возставшихъ употреблялась иногда военная сила. При приближеніи французской арміи въ 1812 г., помѣщики очень опасались, чтобы подсылаемые тайные агенты не взволновали ихъ крестьянъ. Но *бѣдствія родной земли поглощали вниманіе крестьянъ*. Особенныхъ волненій между ними не послѣдовало: въ 1812 г. было такихъ 13 случаевъ неповиновенія помѣщикамъ, какъ и въ предшествовавшемъ 1811 г. и послѣдовавшемъ 1815 г. (Варадиновъ).

Въ большихъ размѣрахъ происходили волненія помѣщичьихъ крестьянъ при императорѣ Николаѣ. Они начались въ 1826 г., когда между ними разнесся слухъ объ освобожденіи отъ помѣщиковъ [105]). Въ кіевской губерніи волненіе было такъ упорно, что продолжалось въ одномъ имѣніи 3 года. Значительныя движенія происходили также въ костромской и ярославской губ., а во псковской, владимірской, смоленской, курской и пермской волненіе происходило, какъ свидѣтельствовали сами мѣстныя власти, отъ *обремененія работами и жестокихъ поступковъ помѣщиковъ*. Въ вологодской и др. губерніяхъ взбунтовались крестьяне отъ слуховъ, что они будутъ взяты въ казну. Отъ помѣщичьихъ волненіе сообщилось крестьянамъ казеннымъ, которые

прослышали, что ихъ освободятъ отъ платежа податей (Варадиновъ). Манифестъ 12 мая 1826 г., опровергаетъ слухи объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, призывая ихъ къ повиновенію владѣльцамъ, а *владѣльцевъ къ христіанскому обращенію съ ними.* Манифестъ велѣно читать втеченіе 6 мѣсяцевъ по воскреснымъ днямъ въ церквахъ, на торгахъ, ярмаркахъ (2-е П. С. № 330). Но это не усмиряетъ крестьянъ: государь усматриваетъ изъ доходящихъ до него свѣдѣній „что и вслѣдъ за манифестомъ 12 мая сего года, нѣкоторые изъ виновныхъ въ непослушаніи, упорствуя въ закоснѣломъ заблужденіи своемъ, не внимая ни словамъ Высочайшаго манифеста, ни истолкованіямъ и убѣжденіямъ начальства, и даже пренебрегая самое наказаніе, не перестаютъ оказывать преступное неповиновеніе властямъ". Такіе упорствующіе должны быть на мѣстѣ предаваемы военному суду (Іб. № 515). Военный судъ не усмиряетъ крестьянъ: волненіе продолжается въ 1827 г. Мѣстныя власти докладываютъ: „духъ буйства и своевольства распространился до такой степени, что крестьяне вовсе отказались отъ повиновенія, и вразумленія губернскаго начальства не имѣютъ никакого дѣйствія". Въ 1830 г. между крестьянами опять распространяется молва, и опять волненія—опять военный судъ, ссылки въ Сибирь. Военный судъ присуждаетъ къ такимъ строгимъ наказаніямъ, что правительство *сдерживаетъ его въ предѣлахъ умѣренности,* разрѣшая гражданскимъ губернаторамъ облегчать и отмѣнять наказанія имъ присуждаемыя „тѣмъ болѣе, собственноручно пишетъ императоръ Николай, „что случаи сіи должны быть рѣдки, ибо военные суды наряжаются тогда, когда уже употреблена была военная сила, стало былъ бунтъ (Іb. № 688).

Въ 1843 г. то большія, то меньшія волненія крестьянъ были въ 11 губерніяхъ. Причинами ихъ, по сознанію самыхъ властей, были: *отяготительныя повинности крестьянъ, жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ* и слухи объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Замѣчательны въ этомъ году волненія

между казенными крестьянами. Между ними распространился слухъ объ отдачѣ ихъ помѣщикамъ: вспыхнуло волненіе, въ особенности въ оренбургской и пермской губерніяхъ. Въ первой волненіе распространилось на пространствѣ 200 верстъ, въ толпѣ 40.000 душъ, противъ которыхъ выслана была воинская команда въ 10.000 человѣкъ, при 10 орудіяхъ. Въ пермской губ. взбунтовавшіеся крестьяне разбили одну военную команду и были усмирены только другою. Въ 1845 г. слухи о свободѣ произвели волненія помѣщичьихъ крестьянъ въ 13 губерніяхъ, а въ нѣкоторыхъ ихъ было нѣсколько случаевъ (с.-петербургской, полтавской). Въ 10 изъ этихъ случаевъ употреблена военная сила. Въ слѣдующемъ году обнаружилось неповиновеніе въ 10 губерніяхъ. Замѣчательно, что предъ отмѣною крѣпостной зависимости, волненія помѣщичьихъ крестьянъ прогрессивно возрастаютъ: въ 1847 г. они происходили въ 20 губерніяхъ. Мѣстныя власти указывали на причины ихъ: въ 3 имѣніяхъ отъ *угнетенія крестьянъ*, въ 1-мъ отъ *развратнаго поведенія помѣщика*, въ 2-хъ отъ слабаго управленія, въ остальныхъ—отъ стремленія освободиться отъ крѣпостнаго права. Въ 1848 г.—въ 22 губерніяхъ; въ 1849 г.—изъ 15 губерній, особенно сильное происходило въ путивльскомъ уѣздѣ курской губерніи, гдѣ крестьянъ возстало 10.000 человѣкъ. Съ особеннымъ ожесточеніемъ — изувѣченіемъ управителя, побоями помѣщиковъ, покушеніемъ на жизнь ихъ и убійствами—происходили волненія крестьянъ въ 8 губерніяхъ въ 1850 г.; въ 1851 г.—въ 22 имѣніяхъ; въ 1853—въ 33. Происходили они все-таки: отъ жажды свободы, разоренія хозяйствъ, жестокаго обращенія, желанія укрыть одновотчинниковъ отъ наказанія. Тѣ же причины вызываютъ волненія и въ слѣдующихъ годахъ: 26 случаевъ въ 1854 году, 19—въ 1855 (См. Варадинова).

2) Волненія крестьянъ и открытое неповиновеніе власти помѣщиковъ сопровождалось обыкновенно истязаніями и убійствомъ послѣднихъ. Число случаевъ этого рода не перечислено, но несомнѣнно, что оно было зна-

чительно. Екатерина II, ведя полемику съ Сумароковымъ по поводу своего наказа, къ замѣчанію послѣдняго, что если сдѣлать крестьянъ вольными, то между ними и помѣщиками будетъ непрестанная брань, вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ своихъ вотчинахъ, сдѣлала прибавку „и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ“ (Соловьева Р. В. 1861 Т. XXXV). Другой современникъ, укоряя коммисію въ возбужденіи вопроса о вольности крестьянъ, говоритъ, что 1767 г. примѣчателенъ избіеніемъ многаго числа господъ отъ ихъ подданныхъ (Чтенія: кн. 3-я, 1861 г.). Кларкъ въ своемъ путешествіи въ Россію замѣчаетъ, что привычка помѣщиковъ жить въ городахъ происходила иногда отъ ихъ боязни быть убитыми въ деревняхъ крестьянами (Р. 139). Статистика убійствъ помѣщиковъ крестьянами дѣлается болѣе извѣстною со времени учрежденія министерства внутреннихъ дѣлъ. Не проходило года, чтобъ крестьяне на жестокости своихъ владѣльцевъ не отвѣчали убійствомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; а иногда убивали ихъ съ семействомъ (въ рязанской губерніи въ 1820), или кого-нибудь изъ членовъ помѣщичьей семьи (въ пензенской губерніи въ 1849 г. убита дочь помѣщика). Кромѣ убійствъ, помѣщикамъ наносили раны и увѣчья (въ 1848 г. въ тамбовской губерніи изступленіе крестьянъ дошло до того, что они отрѣзали носъ помѣщику), тяжкіе побои и оскорбленія. Нерѣдко также убивали управителей и прикащиковъ. Въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ сохраняются драгоцѣнныя данныя для возсозданія статистики жертвъ накипѣвшей злобы и гнѣва крѣпостныхъ крестьянъ. Не думаемъ, чтобъ г. Варадиновъ въ своей Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ, вполнѣ воспользовался этими данными: богатое матеріаломъ, сочиненіе его заставляетъ желать еще многаго. Но тѣмъ не менѣе и тѣ данныя, которыя разбросаны въ его сочиненіи — весьма краснорѣчивый памятникъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Мы сводимъ данныя эти въ слѣдующую таблицу, въ которой за многіе годы и вовсе нѣтъ данныхъ, а

между данными за различные годы поразительное несоотвѣтствіе:

Годы.	Уб. пом.	Покуш.	Раны.	Побои.	Оскорбл.	Уб. упр.	Покуш.	Раны и побои.
1816	1	—	—	—	—	—	—	—
1817	3	—	—	—	—	—	—	—
1818	1	1	—	—	—	—	—	—
1820	2	—	—	—	—	—	—	—
1835	1	—	1	—	—	—	—	—
1836	1	1	—	—	—	—	—	—
1837	11	—	—	—	—	—	—	—
1838	5	—	—	1	—	—	—	—
1839	7	1	—	—	—	—	1	—
1840	4	—	—	—	2	1	1	—
1841	3	7	1	—	—	1	—	—
1842	15	4	—	—	—	5	—	—
1843	11	7	1	—	—	6	—	—
1844	7	5	2	—	1	1	—	—
1845	8	3	—	1	1	—	—	—
1846	6	6	—	—	—	—	—	—
1847	2	5	2	1	1	—	—	1
1848	8	7	2	2	3	—	—	1
1849	4	4	—	1	—	3	—	—
1850	8	4	—	5	—	—	—	1
1851	9	1	—	2	—	—	—	—
1852	9	5	—	—	—	1	—	—
1853	7	—	—	—	—	1	—	—
1854	5	—	—	—	—	2	—	—

Таблица эта составлена на основаніи данныхъ, собранныхъ, очевидно, безъ всякой системы — она далеко не воспроизводитъ того, что совершалось въ дѣйствительности. Но все-таки это не лишаетъ ее нѣкотораго интереса, а составленная на основаніи данныхъ болѣе точныхъ и многочисленныхъ, она пролила бы много свѣта на вопросъ, нами изслѣдуемый. Мы предлагаемъ ее, какъ первый опытъ въ такомъ родѣ.

V. При существованіи крѣпостнаго права, нашъ общественный строй стоялъ, можно сказать, на пороховой почвѣ: достаточно было малѣйшей искорки, чтобы произвесть въ немъ взрывъ: то помѣщики истязали наказаніями и обирали поборами своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, то крѣпостные крестьяне убѣгали въ одиночку и массами отъ своихъ помѣщиковъ, бунтовали и избивали ихъ. Какъ было не возникнуть при такомъ ходѣ дѣлъ вопросу: правомѣрно-ли владѣніе крестьянами, не противно-ли оно благу государства? Ни Петръ I, ни его преемники не возбуждали этого вопроса: если владѣніе крестьянами было по ихъ воззрѣніямъ и не правомѣрно, то во всякомъ случаѣ оно оправдывалось *государственною необходимостію.* Интересы служилаго класса вызвали укрѣпленіе крестьянъ; обязательная служба дворянства его поддерживала. Понятно, что пока существовала эта обязательная служба, владѣніе крестьянами не только оправдывалось raisons d'état, но *даже было правомѣрно.* Не правомѣрнымъ оно дѣлается послѣ отмѣны обязательной службы, когда вмѣстѣ съ тѣмъ изсчезаютъ всякіе мотивы существованія института, во имя государственной необходимости. Логическимъ послѣдствіемъ манифеста 18 февраля 1762 г. и жалованной дворянству грамоты, какъ мы говорили, должно было быть упраздненіе крѣпостнаго права и *жалованная грамота крестьянству.* Но важность шага, нерѣшительность правительства, низкая степень развитія дворянства, между которымъ преобладаютъ матеріальные интересы, несовершенство средствъ управленія—задерживаютъ освобожденіе крестьянъ на цѣлое столѣтіе. Между прочимъ, вслѣдъ за отмѣной обязательной службы, вопросъ о правомѣрности крѣпостнаго права дѣлается предметомъ спора между *крѣпостниками* и *аболюціонистами.* Тѣ и другіе выходятъ преимущественно изъ рядовъ дворянства. Между первыми мы встрѣчаемъ не однихъ людей, отстаивающихъ крѣпостное право съ своекрыстной точки зрѣнія сословнаго, помѣщичьяго интереса: между крѣпостниками мы видимъ и Державина, и Карамзина, и Сперанскаго и мн.

др., для которыхъ благо родной земли можетъ быть было дороже, чѣмъ для многихъ аболюціонистовъ; которые, отстаивая отживающее учрежденіе, сослужили отечеству лучшую службу другими своими дѣлами, чѣмъ многіе изъ порицателей крѣпостной зависимости. Благородные люди, отцы для своихъ крестьянъ—они судили такъ и объ отношеніяхъ къ крестьянамъ прочихъ помѣщиковъ. Между аболюціонистами мы сначала видимъ самое незначительное число людей—теоретическаго либеральнаго образованія; людей, на тяжеловѣсные реальные аргументы крѣпостниковъ отвѣчающихъ общими фразами о правахъ человѣка, попираемыхъ варварствомъ крѣпостнаго права. Цѣлое столѣтіе ведется этотъ споръ: ряды крѣпостниковъ уменьшаются—все лучшее благонамѣренное между ними переходитъ въ лагерь аболюціонистовъ, между которыми появляются не только люди фразы, но и глубоко понимающіе интересы родной земли, готовые реальными аргументами отстаивать свое убѣжденіе въ необходимости отмѣны крѣпостнаго права. Это ослабленіе партіи крѣпостниковъ и усиленіе партіи аболюціонистовъ—качественное, но не количественное. Но при разрѣшеніи вопроса качество оперлось на силы правительства, и получило перевѣсъ. Правительство, въ продолженіе вѣковаго спора изъ-за быть или не быть крѣпостному праву, играло посредническую роль между спорящими сторонами: прислушивалось къ каждой изъ нихъ, воздерживая то одну, то другую, дѣлая уступки то крѣпостникамъ, то аболюціонистамъ. Но изъ-за этой нейтральной роли, несомнѣнно, проглядывало одно: правительство всегда было болѣе за смягченіе и отмѣну крѣпостнаго права, чѣмъ за его сохраненіе. Правительство всегда было *болѣе аболюціонистическое, чѣмъ дворянство*, большинство котораго душой и тѣломъ стояло за крѣпостное право. Нашъ великій благополучно царствующій монархъ въ дѣлѣ отмѣны крѣпостнаго права былъ вѣренъ завѣту своихъ приснопамятныхъ предшественниковъ, и какъ справедливо выразился сенатъ въ своемъ адресѣ государю, составленномъ имъ по прочтеніи

манифеста 19 февраля 1861 г., „былъ исполнителемъ государственной мысли, которая многократно озабочивала народолюбивыя серда Его августѣйшихъ предшественниковъ и перешла къ нему, какъ задушевное ихъ завѣщаніе“.

Въ исторіи нашего дворянства этотъ споръ изъ за существованія крѣпостнаго права представляетъ назидательный эпизодъ, живо обрисовывающій нравы и воззрѣнія сословія. Мы далеки отъ претензіи представить цѣльный историческій его обзоръ: нашъ скудный матеріалъ позволяетъ намъ только начертать силуэтъ вопроса.

Петръ Великій, какъ мы говорили, не могъ поставить на обсужденіе вопросъ о томъ, правомѣрно-ли владѣніе крѣпостными людьми? Въ его время, какъ и при ближайшихъ его преемникахъ, владѣніе это если было и не правомѣрно, то неизбѣжно, или даже правомѣрно всилу своей исторической необходимости. Но Петръ Великій по возможности сдерживалъ распространеніе крѣпостнаго права. При немъ, въ прежнемъ Поморьѣ, не было крѣпостной зависимости, а существовали изстаринные половники—живой слѣдъ прежнихъ крестьянъ, съ правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому. Землевладѣльцы хотѣли было прикрѣпить половниковъ но, *руководствуемый Петромъ Великимъ*, сенатъ не согласился на это [106]). По смерти Петра, интересъ дворянства расширить крѣпостное право не *нашелъ уже себѣ преграды въ сенатѣ.* Напротивъ, 2-й ревизіей, постановленія о которой издавались сенатомъ, предѣлы крѣпостнаго права были значительно раздвинуты: 2-я ревизія отдавала въ крѣпость и такихъ людей, которые до нея были вольными (Побѣдоносцевъ). Въ первой половинѣ 18 столѣтія въ крѣпостной зависимости находились иногда не только церковно, но и священнослужители [107]). Въ то же самое время, мы замѣчаемъ стремленіе водворить крѣпостное право и въ Малороссіи. Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія старшина—владѣльцы подсосѣдковъ—начинаетъ пода-

вать гетману просьбы о воспрещеніи переходовъ (въ 1733 Бороздна, въ 1738 Войцеховичъ). Великороссійскіе же чины укрѣпляютъ малороссіянъ въ вѣчное холопство: берутъ на нихъ крѣпости, женятъ на своихъ крѣпостныхъ женахъ и дѣвкахъ. Во удовлетвореніе просьбъ старшины, генеральная войсковая канцелярія въ 1739 г. даже воспрещаетъ переходъ. Но стремленіе къ распространенію крѣпостнаго права малороссійской старшиной и великорусскими чиновниками и на Малороссію встрѣчаетъ противодѣйствіе въ любящей Малороссію Елизаветѣ Петровнѣ: она возстановила свободу перехода подсосѣдковъ, а въ 1742 г. запретила великороссійскимъ чиновникамъ укрѣплять за собою малороссіянъ (№ 8.555). Указъ этотъ нарушался, что вызывало его подтвержденіе: въ томъ же 1742 (№ 8.578) и даже въ 1752 г. (№ 9.925).

Такимъ образомъ, въ первую половину 18 вѣка стремленіе дворянства расширить предѣлы крѣпостнаго права встрѣчаетъ противодѣйствіе въ правительствѣ.

Во вторую половину этого вѣка, послѣ отмѣны обязательной службы дворянства, возбуждается вопросъ о самой правомѣрности крѣпостнаго права. Честь первой постановки этого капитальнаго для судебъ родной земли вопроса принадлежитъ Екатеринѣ II. Въ первую половину своего царствованія она несомнѣнно была аболюціонисткой. Ученица Дидро и энциклопедистовъ, поклонница *разрушительной* философіи 18 ст., проводившая ея начала въ великой восточной равнинѣ, какъ могла она считать правомѣрнымъ крѣпостное право? Правда, въ своемъ наказѣ императрица не высказывается вполнѣ противъ крѣпостнаго права, и XI гл. представляетъ даже нѣкоторое его оправданіе „лишь бы только гражданскіе законы злоупотребленіе рабства отвращали“. Но эта XI гл. наказа находится въ явномъ противорѣчіи съ V-й, гдѣ говорится о равенствѣ всѣхъ гражданъ предъ закономъ (см. № 12.949 гл. XI и V). Болѣе рѣшительно высказываетъ императрица свой отрицательный взглядъ на крѣпостное право въ своей полемикѣ въ Сумароковымъ по поводу

наказа. Полемика эта (въ извлеченіи она въ статьѣ Соловьева „Разсказы изъ русской исторіи XVII ст.“, помѣщенной въ Р. В. за 1861 г. т. XXXV, а вполнѣ въ Исторіи императорскаго вольнаго экономическаго общества) чрезвычайно интересна: аболюціонизмъ императрицы сталкивается съ крѣпостническимъ взглядомъ сатирика. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни лакея, ни кучера имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки...“ „Малороссійскій подлый народъ отъ сей воли почти несносенъ“, заключаетъ свою аргументацію даровитый русскій сатирикъ 18-го столѣтія.

Такимъ образомъ, вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, при первомъ своемъ появленіи на свѣтъ Божій, встрѣтилъ энергическій протестъ въ затронутыхъ имъ матеріальныхъ интересахъ дворянства, которое учило своихъ людей „брить, волосы убирать, кушанье варить и пр.“, и въ отмѣнѣ крѣпостнаго права прежде всего увидѣло лишеніе себя брадобрѣевъ, парикмахеровъ, поваровъ и пр. Но вопросъ былъ поставленъ, и цѣлое столѣтіе продолжалось его обсужденіе.

Графъ Гр. Гр. Орловъ, человѣкъ близко знающій воззрѣнія императрицы, какъ полагаютъ нѣкоторые по поводу дѣла Салтычихи, предложилъ, въ 1766 г., вольному экономическому обществу поставить на публичное обсужденіе вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи. Общество поставило на соисканіе преміи *амблематъ*: „что полезнѣе для общества: чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе и сколь далеко его права на то или и другое имѣніе простираться должны“? Посыпались записки, разрѣшающія вопросъ и за крѣпостное право, и за его отмѣну. Между послѣдними особенно выдѣлялись: доктора правъ изъ Ахена Беарде Делабея и русскаго юриста Полѣнова. Беарде Делабей говорилъ, что крѣпостной не можетъ

имѣть никакой собственности, что „богатство принадлежащее рабу, подобно брякушкамъ серебрянымъ, у собаки на ошейникѣ висящимъ: все принадлежитъ господину“. Онъ заклиналъ царей „даровать свободу невольникамъ“. Члены общества присудили премію Делабею, а сочиненіе Полѣнова рѣшили не печатать, разсмотря „сверхъ матеріи и самый слогъ, и найдя въ ономъ многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія“. Сочиненіе Полѣнова, написанное, дѣйствительно, страстнымъ языкомъ молодаго поборника идеи освобожденія крестьянъ, по своей матеріи не заключало въ себѣ болѣе радикальнаго разрѣшенія вопроса, какъ сочиненіе другаго соискателя: возставая противъ *безчестнаго торга человѣческою кровію*, русскій юристъ не требуетъ даже абсолютнаго его запрещенія, а ограничивается повтореніемъ требованія Петра Великаго, чтобъ по крайности продавали людей съ землей, не разлучая отъ семействъ (Р. Арх. ч. 3-й стр. 521, 642 и Чтенія). Изъ записокъ, стоящихъ за крѣпостное право, намъ извѣстна одна записка *человѣка неграматикальнаго и никакихъ исторій отъ роду не читывавшаго*, какъ самъ себя называетъ авторъ. Записка эта крайне-интересна: точка зрѣнія, высказанная Сумароковымъ, нашла въ ней подробное развитіе. „Недвижимаго имѣнія, разрѣшаетъ авторъ, крестьяне имѣть не могутъ: всѣ земли и крестьянскія усадьбы—родовое, пожалованное или купленное достояніе помѣщиковъ. Движимаго имѣнія *добрые помѣщики* крестьянъ не лишаютъ, а при скудости даже ссужаютъ ихъ. Но могутъ-ли крестьяне имѣть свободу? При свободѣ крестьяне будутъ огурничать еще больше, какъ нынѣ, и на обширной россійской землѣ будутъ переходить съ мѣста на мѣсто; а за-моремъ, у неправославныхъ христіанъ, за грѣхи ихъ, по числу людей земли имѣется весьма малая толика, такъ каждый крестьянинъ радъ тому, что онъ *отжухарится* (?) У крестьянъ съ помѣщиками, еслибы крестьяне были на заморскомъ положеніи, была тяжба безконечная и *ихъ сіятельства фельдмаршалы и фелдцехмейстеры, командующіе слав-*

ною россійскою арміею, были бы принуждены на огурщиковъ бить челомъ комиссарамъ; а у насъ на Руси огурщиковъ больше, нежели въ заморскихъ краяхъ, понеже тамъ крестьяне грамотны а на Руси, попущеніемъ Божіимъ, и попы не всѣ гораздо грамотны. Помѣщики научаютъ своихъ крѣпостныхъ не только камардинству, но и столярству и партесному пѣнію; того ради, ежели бы поселяне по заморскому отъ господъ не зависѣли, *такъ бы у иного помѣщики некому было и студено искрошить, а нетолько сдѣлать какой фракасей, т. е. поливай, или супа, т. е. похлёбки, или почтета, т. е. пирога.* А за моремъ фракасейскихъ мастеровъ имѣется довольное число, и не надобно тамъ ни ложки, ни плошки, понеже, какъ слышно, тамъ въ трактирахъ все сыщешь". Но несмотря на всѣ эти доводы въ пользу крѣпостнаго права, *неграматикальный* и *отъ роду никакихъ исторій не читывавшій* авторъ, не безусловный противникъ его отмѣны. Но отмѣна эта, по его мнѣнію, возможна будетъ только тогда, „когда Россія многонародна столько будетъ, какъ галанское королевство, попы наши такъ грамотны будутъ, какъ попы иноземческіе, *дворяне—такіе астрономы*, какъ аглинскіе и французскіе, а крестьяне знать будутъ букварь, и слѣдовательно, будутъ совѣстнѣй и больше будутъ повиноваться страху Божію и чаще станутъ ходить въ церкви, нежели въ питейные дома, не будутъ на Волгѣ разбивать струговъ, и наша чернь о мастерствахъ заморскихъ лучшее понятіе получитъ и умнѣе станетъ, тогда можно будетъ имъ, крестьянамъ, быть на заморскомъ основаніи (Р. Арх. № 2. 1.870). Это характерное воззрѣніе на крѣпостное право, эти нехитрые и простые доводы въ его защиту—для насъ тѣмъ интереснѣе, что носятъ характеръ типическій: большинство нашего дворянства въ 18 ст. было также неграматикально и никакихъ исторій отъ роду не читывало—большинство нашего дворянства въ 18 ст. исповѣдывало тотъ же самый наивный и безхитростный взглядъ на крѣпостное право. Крѣпостники новѣйшіе отстаивали учрежденіе болѣе тонкими и научными

доводами: въ этомъ случаѣ нашему крѣпостнику 1767 г. можно отдать преимущество: онъ былъ искреннѣе своихъ собратовъ по убѣжденію.

Вопросъ о правомѣрности крѣпостнаго права, возбужденный Екатериной II, не могъ не сдѣлаться предметомъ обсужденія коммисіи 1767 г., гдѣ собралась вся интеллигенція тогдашней Россіи. Но въ защиту крестьянъ одинъ только депутатъ подалъ голосъ: въ засѣданіи 5 мая 1768 г. депутатъ отъ козловскаго дворянства, подпоручикъ артиллеріи Григорій Коробьинъ, признавалъ нужнымъ ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ ихъ крестьянъ и силою законовъ оградить собственность послѣднихъ, оставивъ личное управленіе помѣщиковъ надъ крестьянами въ прежнемъ положеніи. Заявленіе Коробьина было несочувственно принято коммисіей: изъ 20 голосовъ, поданныхъ на его мнѣніе, 18 были противъ его мысли, и только 3 за нее. Депутаты, признавая эту мѣру вообще вредною для государства, подкрѣпляли свои возраженія тѣмъ, что считали невозможнымъ разъединить два права, тѣсно связанныя между собою: оставить у помѣщиковъ власть надъ лицомъ, отнявъ ее надъ имуществомъ этого самаго лица. Одинъ изъ возражавшихъ на мнѣніе Каробьина, депутатъ отъ дворянства гороховецкаго уѣзда, Александръ Протасовъ, сказалъ, что если принять мнѣніе Коробьина, „то не остается другого способа, какъ сдѣлать крестьянъ свободными, еслибъ на то монаршее было соизволеніе“, но и въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, это нужно сдѣлать исподволь (Сборн. Русск. Историч. Общ. Т. 4-й, стр. XXII).

На прорвавшіяся въ коммисіи аболюціонистическія воззрѣнія возражалъ также Болтинъ, одинъ изъ замѣчательныхъ мыслящихъ людей 18 столѣтія. „Не будучи апологистомъ рабства“, говоритъ онъ въ Примѣчаніяхъ на Леклерка, „не скажу я, чтобъ наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобъ было не нужно дать имъ облегченія и пособія къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не единственно въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять; *прежде должно*

учинить свободными души рабовъ, какъ говоритъ Руссо, *а потомъ уже тѣла...*“ „Не всякому народу, продолжаетъ Болтинъ, вольность можетъ быть полезна; не всякій умѣетъ ее снести и ею наслаждаться; потребно къ сему расположеніе умовъ и нравовъ, особливо которое приобрѣтается вѣками“. Описавъ затѣмъ различныя вольности крестьянъ западной Европы, онъ прибавляетъ: „изъ сихъ многообразныхъ вольностей надобно намъ избрать такую, которая была бы сообразна нашему физическому и нравственному состоянію. Понеже такъ самая вольность, которая одинъ народъ дѣлаетъ счастливымъ, для другаго будетъ руководствомъ къ несчастію, къ погибели.—Земледѣльцы наши прусской вольности не снесутъ; германская не сдѣлаетъ ихъ состоянія лучшимъ; съ французскою помрутъ они съ голоду, а англійская низвергнетъ ихъ въ бездну...“. „При дачѣ рабамъ свободы, заключаетъ Болтинъ, все благоразуміе въ томъ должно состоять чтобъ не прежде имъ даровать, какъ науча ихъ познать ея цѣну, и какъ надлежитъ ею пользоваться; въ противномъ случаѣ вмѣсто благодѣянія сдѣланъ будетъ имъ вредъ, зло и погибель“.

Еще сильнѣе противъ отмѣны крѣпостнаго права возстаетъ авторъ „Размышленія о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ и служителямъ, или здѣлать собственность имѣній„? Написанное въ 1785 г., скоро послѣ пугачовщины, когда „тысяча семей дворянскихъ поносною смертію истреблены были“—разсужденіе это проникнуто духомъ жолчнаго озлобленія противъ крестьянъ. Авторъ разбиваетъ свою задачу на 4 вопроса: 1) можно ли крестьянъ учинить вольными? 2) Можно ли имъ дать собственность земель? 3) Можно ли дать свободу дворовымъ? 4) Какой собственно для нихъ самихъ изъ всего сего вредъ произойдетъ?—Всѣ вопросы, кромѣ послѣдняго, разрѣшены отрицательно.

Интересенъ тотъ рядъ умозаключеній, который приводитъ автора къ признанію абсолютной необходимости крѣпостной зависимости крестьянъ въ Россіи. Необходимость эта обусловливается и физическимъ положеніемъ страны: „Если мы возьмемъ физическое положеніе

страны нашей, то узримъ, что холодной климатъ, возбраняющій дѣйствія транспираціи, а проницательнымъ своимъ воздухомъ сжимающій наши жилы, побуждаетъ насъ къ пріятію болѣе пищи, нежели въ полуденныхъ климатахъ; а сіе производитъ многокровіе и дѣлаетъ болѣе характеры наши сангвиническими; довольно же всѣмъ извѣстно, *что сангвиническій характеръ есть характеръ наглой и стремительной* въ предпріятіяхъ своихъ, которыя безъ дальняго размышленія и начинають; а есть ли по роду жизни примѣшается къ оному и флегма, то сіе ничего болѣе не произведетъ, какъ должайшее настояніе суровости и злопамятства.... по сему извѣстному характеру да разсудитъ каждый, легко-ли таковыхъ поселянъ, учиня ихъ свободными, общими законами задержать? Флегматической характеръ производится отъ застоя движенія крови въ зимніе мѣсяцы и отъ недостатка движенія тѣла, такъ же отъ самыхъ топленныхъ покоевъ, въ коихъ густота воздуха приводитъ въ ослабленіе наши члены, къ лѣности и къ увальчивости насъ склонными чинить: при свободѣ же крестьянъ не умножатся ли сіи характеристическіе пороки?... россійскій народъ, по ослабленіи надъ нимъ начальства, впадетъ въ безпрерывную лѣность: ибо *точно примѣчено, гдѣ менѣе съ крестьянъ берутъ оброка, т. е. менѣе имъ побужденія промышлять себѣ прибыль*, тамъ они бѣднѣе становятся и болѣе впадають въ лѣность“ (Чтенія: 1861 г. кн. 3-ья).

Поставленная между двухъ огней—между идеей освобожденія крѣпостныхъ, навѣянною французской разрушительной философіей 18 ст., и существующимъ порядкомъ вещей, неразрывно связаннымъ съ интересами дворянства, которые въ силу своего положенія, по инстинкту самосохраненія (братья Панины), императрица должна была менажировать—Екатерина II одной рукой подписываетъ указъ 1783 г., запрещающій свободнымъ людямъ поступать въ крѣпостное состояніе (№ 15.853) и сочиняетъ видѣнный гр. Блудовымъ проектъ закона по которому всѣ дѣти крѣпостныхъ людей, рожденные послѣ 1785 г., должны быть свободными (Р. Арх. ч. 3-й),

а другою рукою подписываетъ указъ 3 мая 1783 г., лишившій посполитыхъ крестьянъ въ Малороссіи права перехода и поставившій ихъ въ такое же положеніе, въ какое указъ 1592 г. поставилъ крестьянъ великорусскихъ (П. С. З. № 15·724) [108]); щедро жалуетъ населенныя крѣпостными людьми имѣнія, какъ бы доказывая сомнѣвающемуся сенату, что „генеральнаго освобожденія отъ несноснаго и жестокаго ига не послѣдуетъ“ (Осмн. В. кн. 3-ья, стр. 390).

Такова была судьба вопроса о правомѣрности крѣпостнаго права при Екатеринѣ II.

Въ короткое время своего царствованія, Павелъ I не успѣлъ вполнѣ высказаться относительно этого вопроса. Онъ льготилъ крестьянамъ (указы 1797 и 1798 г.), но строгій поборникъ дисциплины, онъ смотрѣлъ на помѣщиковъ, какъ на лучшихъ своихъ *полицеймейстеровъ* (Р. Арх. ч. 2-й, стр. 781), во власть которыхъ отдавалъ тысячи крестьянъ. Хотя и менѣе своей предшественницы, воспитанной на *французской философіи*, склонный поддерживать интересы дворянъ—*тунеядцевъ-дворянъ*, какъ онъ самъ выражался (З. Энгельгардта стр. 211)—но все-таки, воспитанникъ прусской дисциплины, окруженный гатчинцами, едва-ли въ душѣ своей былъ аболюціонистомъ.

Иначе отнесся къ вопросу о правомѣрности крѣпостнаго права ученикъ Лагарпа, императоръ Александръ I. Благородная душа его не могла выносить, что едва не половина его подданныхъ находится въ крѣпостной зависимости. Аболюціонистомъ онъ не переставалъ быть во все продолженіе своего царствованія, даже послѣ священнаго союза, когда въ немъ началъ развиваться піетизмъ и его начали одолѣвать Аракчеевъ и реакція. Аболюціонизмъ императора съ особенной силой высказывался въ первую, либеральную пору его царствованія. Изъ „Засѣданій неофиціальнаго комитета“, въ которомъ на *парижскомъ жаргонѣ обсуждались капитальнѣйшіе вопросы русской земли*, видно, какъ сильно занималъ тогда императора вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права,

или по крайней мѣрѣ его смягченіи. Крестьянскій вопросъ составлялъ главный предметъ обсужденія комитета до конца 1801 г Изъ извлеченій, сдѣланныхъ гр. Строгановымъ, видно, какъ комитетъ запутывалъ этотъ вопросъ. Въ комитетѣ *своя своихъ непознаша*, и трудно опредѣлить, кто тамъ былъ аболюціонистомъ, кто крѣпостникомъ, за исключеніемъ императора и можетъ быть его молодаго друга, гр. Строгонова, который искреннѣе и опредѣленнѣе другихъ явился поборникомъ идеи освобожденія. Чтеніе этихъ извлеченій даетъ живую характеристику людей эпохи; угадавъ любимую мысль императора, они и поддѣлываются къ ней и менажируютъ интересы дворянства: гр. Мордвиновъ и совѣтуетъ императору сдѣлать что-нибудь для помѣщичьихъ крестьянъ, „неимѣющихъ никакого гражданскаго существованія“, и остерегаетъ императора сдѣлать это постепенно и незамѣтно, и совѣтуетъ отложить предложенный въ проектѣ Зубова выкупъ крѣпостныхъ людей казною „во избѣжаніе неудовольствій и опасеній дворянства и возбужденія слишкомъ большихъ надеждъ въ крестьянахъ“; Новосильцовъ и сочувствуетъ идеямъ императора, и соглашается съ Мордвиновымъ, полагая, „что выкупъ дворовыхъ людей можетъ поселить въ помѣщичьемъ сословіи опасеніе немедленнаго освобожденія крестьянъ“, а „и безъ того уже ходили слухи, тѣмъ болѣе опасные, что общественное мнѣніе считало государя слишкомъ склоннымъ къ освобожденію крестьянъ“. (Приложенія ко 2-й гл. I т. Исторіи Александра I Богдановича). Рѣшительнѣе на сторону идеи освобожденія становятся: гр. Кочубей, кн. Чарторыйскій, говорившій въ комитетѣ, „что право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно, что не слѣдовало ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его“ и гр. Строгоновъ, разсѣивавшій своей рѣзкой филиппикой противъ дворянства опасенія его недовольства и волненій, „въ которыхъ всѣ времена принимали участіе крестьяне, а дворянство никогда“ (ib.). Но замѣчательно: ни одинъ изъ этихъ *аболюціонистовъ* не освободилъ своихъ крѣпостныхъ, даже въ свободные хлѣбопашцы. Въ концѣ

концовъ, секретный комитетъ 1801 г., обсуждавшій на *парижскомъ жаргонѣ мѣры улучшенія положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи*, не сдѣлалъ для нихъ ничего. Указъ объ отпущеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы 1803 г. состоялся по иниціативѣ гр. С. П. Румянцева, который представилъ государю записку о вольныхъ земледѣльцахъ, которые могутъ быть первымъ шагомъ „къ постепенному уничтоженію и самаго рабства, которое иное ли что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе“ (Р. Арх. 1869 г. № XI).

Записка Румянцева была передана на обсужденіе совѣта, въ преніяхъ котораго принималъ участіе и Державинъ. „Всѣ господа члены совѣта“, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „хотя находили сей проектъ не полезнымъ, перешептывали между собою о томъ, но согласно всѣ его одобрили, какъ и указъ о томъ апробовали“. Какъ же обсуждали г.г. члены совѣта предложеніе Румянцева? Объ этомъ сохранилось интересное извѣстіе, помѣщенное въ Чтеніяхъ, кн. 1-я на 1860 г. Г.г. члены совѣта различили въ предложеніи гр. Румянцева два обстоятельства: 1) главную мысль объ увольненіи крестьянъ по условіямъ съ ихъ помѣщиками и 2) образъ, коимъ предполагается произвести ее въ дѣйство. Главную мысль совѣтъ, хотя и перешептывалъ между собою, но одобрилъ. Приведеніе же ея въ дѣйство нашелъ неудобнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: „Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ разными обстоятельствами такъ усилилось въ умахъ, что малѣйшій поводъ и прикосновеніе къ сему предмету можетъ произвесть опасныя заблужденія. Примѣры ослушаній, возбуждаемыхъ по случаямъ менѣе сего основательнымъ, доказываютъ ясно, сколь много народъ расположенъ къ новостямъ сего рода, и сколь легко предается онъ всѣмъ слухамъ о перемѣнѣ сего состоянія. При такомъ расположеніи умовъ, изданіе общаго закона объ освобожденіи крестьянъ можетъ произвесть превратные толки, и, вмѣсто того, чтобъ видѣть въ немъ установленіе на прежнихъ законахъ и на взаимной пользѣ

основанное, многіе помѣщики, пораженные слухами, усмотрятъ въ немъ первое потрясеніе ихъ собственности, а крестьяне возмечтаютъ о неограниченной свободѣ". Г. прокуроръ (Державинъ) присоединилъ, что, „хотя, по древнимъ законамъ, права на рабство нѣтъ, но политическіе виды, укрѣпивъ крестьянъ землѣ, тѣмъ самымъ ввели рабство въ обычай. Обычай сей, утвердясь временемъ *сдѣлался столь священнымъ*, что прикоснуться къ нему, безъ вредныхъ послѣдствій, великая потребна осторожность". Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, совѣтъ, находя неудобнымъ изданіе общаго узаконенія, дозволилъ освобождать крѣпостныхъ людей частно—на одно лицо.—Въ запискахъ своихъ Державинъ еще полнѣе высказываетъ свой взглядъ на учрежденіе вольныхъ хлѣбопашцевъ. Тяжелое впечатлѣніе производитъ онъ на читателя: онъ не останавливается ни предъ какой клеветой, позволяетъ себѣ даже ложь, чтобъ только очернить благородную память гр. Румянцова. „Касательно вольныхъ хлѣбопашцевъ", читаемъ въ запискахъ нашего великаго поэта, „то сіе такимъ образомъ случилось: Румянцевъ выдумалъ, смѣю сказать, изъ *подлой трусости* (?) государю угодить средства, какимъ образомъ сдѣлать свободнымъ господскихъ крестьянъ. Какъ это любимая была мысль государя, внушенная при воспитаніи его *нѣкоторымъ* его учителемъ Лагарпомъ, то Румянцевъ, чтобъ *подольститься* къ государю, *стакнувшись* напередъ, смѣю сказать, съ *якобинскою шайкою* Чарторижскихъ, Новосильцовыхъ и прочими, подалъ проектъ, чтобъ дать свободу крестьянамъ откупиться отъ господъ своихъ... и на семъ основаніи отпустилъ своихъ крестьянъ до 200 душъ, которые, какъ послѣ слышно стало, *никогда не были его крѣпостными людьми*, но вольные, отцомъ его, покойнымъ фельдмаршаломъ... на его земляхъ, *вновь отъ Порты пріобрѣтенныхъ*, поселенные (имѣніе гр. Румянцева было въ рязанской губерніи (!)... Всѣмъ владѣльцамъ, по манифесту 1775 г. отпущать людей своихъ и крестьянъ позволено, а по указу царствующаго государя 1801 г. и снабжать землей можно,

слѣдовательно никакой нужды нѣтъ въ новомъ законѣ. Румянцевъ можетъ отпустить хотя всѣхъ своихъ людей и крестьянъ по тѣмъ указамъ (*однако же онъ того ни тогда, ни послѣ не сдѣлалъ*), и новымъ особымъ указомъ растверживать о мнимой вольности и свободѣ простому, еще не довольно просвѣщенному народу, опасно, и только такое учрежденіе надѣлаетъ много шуму, а пользы никакой ни дворянамъ, ни крестьянамъ... условливаться рабу съ господиномъ въ цѣнѣ и свободѣ почти невозможно... Нижніе земскіе суды или сельская полиція, по пространству въ имперіи мѣстъ нежилыхъ и пустыхъ, удержать ихъ *отъ разброду не могутъ* безъ *помѣщиковъ, которые суть наилучшіе блюстители или полиціймейстеры за благочиніемъ и устройствомъ поселянъ въ ихъ селеніяхъ* (стр. 485—490) [109]). Несмотря на эти протесты, указъ 1803 былъ обнародованъ (№ 20.620, 20.625). При обнародованіи его министерство внутреннихъ дѣлъ приняло большія предосторожности: циркуляръ начальникамъ губерній гласилъ „никакъ не предполагается при томъ ослабить порядокъ, нынѣ существующій между помѣщиками и крестьянами, и ни малѣйшей перемѣны не вводится въ образъ управленія сихъ послѣднихъ“ (Варадиновъ). Примѣръ Румянцева нашелъ себѣ послѣдователей между другими помѣщиками [110]): въ 1804 г., кромѣ самого Румянцева, уволены въ свободные хлѣбопашцы помѣщикомъ воронежской губерніи дѣйст. ст. сов. Петрово-Солововымъ 5.001 душа, помѣщицею владимірской губерніи Балакиревою 27 душъ, сержантшею, помѣщицею вологодской губерніи, Дарьей Аникіевой, 52 души (втеченіе 20 лѣтъ крестьяне должны были выплатить 7.400 р.—по 370 р. въ годъ). Въ томъ же году кн. А. Б. Куракинъ предположилъ уволить всѣхъ своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, но не прежде, какъ по своей кончинѣ. За отъѣздомъ князя заграницу, дѣло пріостановилось. Но по возвращеніи своемъ въ Россію въ 1814 г., онъ объявилъ министерству, что крестьяне не *желаютъ вступить въ свободные хлѣбопашцы*. Впрочемъ, по смерти князя, крестьяне просили объ исполненіи условій

1804 г., но министерство отказало, вслѣдствіе измѣнившихся намѣреній владѣльца (См. Варадинова). Мы назвали имена первыхъ помѣщиковъ, воспользовавшихся указомъ 1803 г. Послѣ этого, какъ ни туго помѣщики освобождали своихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, но большее или меньшее число такихъ освобожденій случалось каждый годъ, до самой отмѣны крѣпостного права [111]).

Учрежденіемъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, императоръ и аболюціонисты хотѣли уменьшить число крѣпостныхъ крестьянъ. Государственный совѣтъ шелъ къ другой цѣли. Когда въ 1810 г. обсуждалась въ немъ записка объ удобнѣйшемъ комплектованіи арміи нижними чинами, совѣтъ предполагалъ, ограничивъ срокъ службы нижнихъ чиновъ 15 годами, возвращать ихъ къ прежнимъ владѣльцамъ въ крѣпостное состояніе (Богдановичъ: т. III. 29). Проведеніемъ этой мѣры государственный совѣтъ закрылъ бы и послѣдній выходъ изъ крѣпостной зависимости—рекрутчину. Но во всякомъ случаѣ онъ вѣренъ былъ традиціи сената 18-го столѣтія.

Между прочимъ, о возбужденномъ вопросѣ заговорилъ и Карамзинъ. Въ своей „Запискѣ о древней и новой Россіи“, защищая продажу крестьянъ помѣщиками, онъ ратуетъ и за крѣпостное право. Освобожденіе крестьянъ представлялось Карамзину не иначе, какъ безъ земли. Принявъ обезземеленіе крестьянъ за исходную точку возможной реформы, онъ думалъ, что свободные, но безъ земли, добровольно останутся у помѣщиковъ, которые предпишутъ имъ самыя тягостныя условія, или настанетъ бродяжничество съ мѣста на мѣсто, ко вреду казны и земледѣлія. „Не знаю говорилъ Карамзинъ, хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ свободу у крестьянъ, но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить ее. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ; мнѣ кажется, что *для твердости бытія государственнаго безопаснѣе порабощать людей, нежели дать имъ не во время свободу, для которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ*“.

Въ то же время изданіе гр. Валер. Стройновскимъ книги „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“ вызвало энергическіе протесты другихъ крѣпостниковъ. Екатерининскій дѣлецъ, Поповъ, въ 1811 г. писалъ къ императору: „Чтеніе появившейся нынѣ книги о вольности крестьянъ произвело во мнѣ ужасныя воображенія... Подобныя внушенія были всегда въ устахъ извѣстныхъ въ Россіи мятежниковъ. Въ Россіи не созрѣли еще умы къ воспріятію лестнаго, но и опаснаго, дара вольности: умствованія о ней воспалительны: а слѣдствія злоупотребленія ея ужасны...“

„Писаніе ваше“, отвѣчалъ докучливому совѣтчику императоръ, я нахожу совершенно излишнимъ; позвольте мнѣ думать, что я столько же умѣю понимать вещи, какъ и вы. Въ упоминаемой вами книгѣ ничего похожаго вашимъ описаніямъ я не нашелъ... Вообще не вижу я инаго въ подвигѣ вашемъ, какъ охоту прослыть совѣтодателемъ. Я конечно столько же искренно привязанъ къ своему отечеству, какъ и вы. Благосостояніе онаго составляло и будетъ составлять всегда первѣйшую мою обязанность. Прочтите 1768 г. Трудовъ вольнаго экономическаго общества VIII части стр. 11, 12 и 13 (Беарде Делабей), и вы удостовѣритесь, что и при блаженной памяти императрицѣ Екатеринѣ II мысли подобныя не сочтены были столь опасными, какъ вы ихъ представляете“. (Р. Арх. ч. 2-й). Но отвѣтъ императора Попову не воздержалъ другихъ *совѣтодателей:* на книгу Стройновскаго представили замѣчанія гр. Растопчинъ и харьковскій помѣщикъ Каразинъ. Возраженія гр. Растопчина, отъ которыхъ потомъ тщетно отказывался его сынъ (Р. В, 5 кн. за 1860 г.), гласятъ слѣдующее: „дворяне суть первые подданные государя, подпора престола и трона....“ А крестьяне *холопы*, какъ ихъ называетъ иногда гр. Растопчинъ въ 19 ст.?.... „Распутство, лѣнь и нерадѣніе крестьянъ превышаетъ понятіе“... Можно ли имъ дать свободу? „Земледѣліе вольностію крестьянъ въ Россіи процвѣсти не можетъ, потому что *русскій крестьянинъ не любитъ хлѣбопашества* и пренебре-

гаетъ своимъ состояніемъ, не видя въ немъ для себя пользы?" Затѣмъ варьянтъ того же самаго аргумента: „крестьянинъ *къ обрабатыванію земли* и къ пріуготовленію чистаго и хорошаго хлѣба *долженъ быть приведенъ принужденіемъ*" (Чтенія: кн. 2-я на 1860 г., стр. 203—217).

Интересны умозаключенія Каразина, не пользовавшагося славой примѣрнаго помѣщика. Онъ написалъ „Практическое защищеніе противъ иностранцевъ, существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества", если мы не ошибаемся, также въ отвѣтъ гр. Стройновскому.

Вотъ какими доводами авторъ согласуетъ крѣпостную зависимость съ монархическимъ правленіемъ и съ истиннымъ благосостояніемъ помѣщиковъ:

. . . . . „Въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія же; одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь. И слѣдовательно помѣщики, для благоденствія селеній земледѣльческихъ, *почти столько же нужны, сколько монархъ* для подданныхъ вообще...

„Помѣщика я разумѣю *наслѣдственнымъ чиновникомъ*, которому верховная власть, давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила ему попеченіе о людяхъ, на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ими и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами, однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству, онъ *есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ*... Россійскіе помѣщики, по разуму законовъ своего отечества, не что иное, какъ намѣстники своихъ великихъ государей, каждой во ввѣренной ему

части...“ Каразинъ, очевидно, развиваетъ ту же теорію помѣщичьей власти, зерно которой было брошено императоромъ Павломъ I, которую исповѣдывалъ Державинъ, а изъ новѣйшихъ публицистовъ г. Бланкъ [112]). Каразинъ, впрочемъ, допускаетъ возможность нѣкотораго смягченія крѣпостнаго права. Улучшеніе должно состоять въ томъ, чтобъ отдѣлить владѣніе собственностію отъ власти начальнической. Опытъ этого отдѣленія онъ сдѣлалъ въ своемъ Кручинѣ слободско-украинской губерніи въ 1805, но, по свѣдѣніямъ, разорилъ тѣмъ и крестьянъ, и себя (Чтенія, кн. 3-я 1861 г.).

Окруженный такими совѣтодателями, Александръ I дѣлаетъ что можно для осуществленія своей завѣтной идеи: освобождаетъ въ 1808 г. таврическихъ яссыръ, несмотря на просьбу таврическаго муфтія оставить ихъ къ крѣпостной зависимости отъ прежнихъ владѣльцевъ (№ 22.925); улучшаетъ положеніе остзейскихъ крестьянъ. Послѣднее вызываетъ новые протесты крѣпостниковъ. Противъ постановленій объ эстляндскихъ крестьянахъ ополчается уже знакомый намъ Каразинъ, доводя свою прежнюю теорію до метафизики. „Народъ нашъ обожалъ своихъ владыкъ, а въ боярахъ видѣлъ отцовъ... *Народу невозможно пребывать безъ начальниковъ, безъ руководителей:* и кому *приличнѣе быть сими орудіями высшей власти, какъ не помѣщикамъ?* Неужели избранный міромъ на срокъ староста изъ тѣхъ же крестьянъ будетъ имѣть болѣе побудительныхъ причинъ желать добра и его производить, нежели просвѣщенный помѣщикъ, который увѣренъ, что тотъ, кому дана въ помѣстье Россія, имѣетъ на него отверзтыя очи и готовъ наградить человѣколюбивое его рвеніе, или наказать употребленіе власти во зло? Помѣщикъ и по отличному воспитанію, и по незыблемости его власти, и по неимѣнію никакихъ видовъ соперничества съ подчиненными и по пріятной сердцу обязанности передать свое наслѣдіе, предметъ человѣколюбивыхъ его заботъ, дѣтямъ своей крови, *точно представляетъ въ маломъ своемъ кругѣ лицо своего монарха.* Вотъ репрезентація, приличнѣе и естественнѣе репрезентаціи толпы бурной

черни въ закупаемомъ короною парламентѣ... Какъ всѣ государственныя части имѣютъ своихъ начальниковъ, да будутъ начальниками земледѣлателей помѣщики! Да будутъ они особенными *государственными чиновниками*, какъ и прочіе репрезентанты великаго монарха... Подобно, какъ раздѣлена имперія на губерніи и уѣзды, такъ, и съ большею еще точностію, можетъ она раздѣлиться на помѣстья. Съ большею точностію, говорю: ибо число губерній, а особливо уѣздовъ, весьма можетъ сокращено быть при предоставленіи помѣщикамъ земской полиціи. Помѣстья же, приведенныя въ извѣстные предѣлы, да останутся уже недѣлимыми!" (Чтенія, кн. 2-я, 1860 г.). Аболюціонисты отвѣчаютъ крѣпостникамъ: на „Рѣчь о защищеніи права дворянъ на владѣніе крестьянами", писанную въ Москвѣ 4 апрѣля 1818 г., они возражаютъ (Чтен., 1859 г. кн. 3). Между прочимъ, въ 1818 г. нападаетъ на дворянство паника, вслѣдствіе слуховъ о намѣреніи императора освободить крестьянъ; въ особенности была взбудоражена московская публика. Это побуждаетъ гр. Канкрина подать государю „Записку объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости" (Р. Арх. 1865 г.).

Къ этому же времени относится чрезвычайно интересная переписка Сперанскаго съ Столыпинымъ. Enfant terrible аристократіи вначалѣ царствованія Александра I, проученный ею за грѣхи молодости—за указъ о придворныхъ званіяхъ и другія либеральныя затѣи—Сперанскій въ этой перепискѣ является почти крѣпостникомъ-доктринеромъ. „Вамъ безъ сомнѣнія уже извѣстны всѣ припадки страха и унынія, коими поражены умы московскихъ жителей варшавскою рѣчью" (сказанною государемъ при открытіи варшавскаго сейма, въ которую вкралось слово о распространеніи свободныхъ учрежденій и на Россію). Помѣщики въ этой рѣчи ничего другаго не видѣли, какъ намекъ на свободу крестьянъ—и между ними распространилась молва объ освобожденіи ихъ крѣпостныхъ. Можно ли требовать, спрашиваетъ Сперанскій, чтобъ простой народъ увидѣлъ въ варшавской рѣчи что-либо другое? Какъ скоро

такая молва, продолжаетъ онъ, распространится въ селеніяхъ, „тогда родится или утвердится въ *черномъ народѣ* мнѣніе, что правительство не только хочетъ даровать свободу, но что оно уже ее и даровало и что одни только помѣщики не допускаютъ или таятъ ее провозглашеніе. Но что за симъ слѣдуетъ, вообразить ужасно, но всякому понятно... Вы довольно меня знаете и повѣрите", разговариваетъ съ своей совѣстью нашъ либералъ первой четверти текущаго столѣтія, „что говорю не изъ трусости, *хотя, правду сказать, отваживаю не менѣе другихъ, отваживая Ханеневку*, т. е. 30.000 годового дохода..." Но какъ быть съ освобожденіемъ крестьянъ? О такомъ щекотливомъ вопросѣ, касавшемся русскаго мужика, аристократствовавшее дитя народа позволяло себѣ говорить не иначе, какъ на французскомъ языкѣ, подобно Чарторыйскому и Кочубею, обсуждавшимъ тотъ же вопросъ въ неофиціальномъ комитетѣ 1801 г. на томъ же, только болѣе правильномъ парижскомъ жаргонѣ: „Epurez la partie administrative. Venez ensuite à établir les lois contitutionelles c'est à dire liberté politique et puis ensuite et graduellement vous viendrez à la question de la liberté civile, c'est à dire liberté des paysans. Voilà le véritable ordre des choses"... (Р. Арх. 1869 г. № 10).

Такъ велся споръ между аболюціонистами и крѣпостниками о правомѣрности крѣпостнаго права втеченіе царствованія Александра I. Аболюціонисты отстаивали великую идею освобожденія русскаго народа отъ помѣщичьей власти; крѣпостники *отваживали* свои Ханеневки съ тысячами крестьянъ, приносившими имъ тысячи рублей дохода. У первыхъ было слишкомъ отвлеченное знамя, знамя другихъ было слишкомъ реально и осязаемо—ущербы матеріальнымъ интересамъ: кто будетъ бороду брить, студено крошить, фракасеи и почтеты дѣлать, оброки платить? Аболюціонистамъ слѣдовало свести вопросъ на ту же почву: дебатировать не правомѣрность крѣпостнаго права, а его утилитарность—выгодно ли оно для самихъ помѣщиковъ, для государства? Это случилось уже въ царство-

ваніе императора Николая I, когда аболюціонисты, по-крайней-мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, перестали пѣть іеремiады надъ постыднымъ торгомъ человѣческою кровію, надъ позорящимъ человѣчество и страну обладаніемъ своими братьями по Христу, а занялись вычисленіями потери производительныхъ силъ націи, вслѣдствіе крѣпостной зависимости большинства ея членовъ. На этой почвѣ крѣпостники не устояли и сдались аболюціонистамъ.

Споръ перешелъ на другу почву, но продолжался во все царствованіе императора Николая. Самъ императоръ былъ рѣшительнымъ поборникомъидеи освобожденія. Замѣчено, что ни при одномъ изъ его предшественниковъ не издано было столько мѣръ къ улучшенію положенія помѣщичьихъ крестьянъ, какъ при немъ [113]). Хотя манифестомъ 12 мая 1826 г. разсѣивались ложные слухи объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, но обсужденіе этого вопроса началось вконцѣ того же года. Въ основанный тогда секретный комитетъ, для пересмотра всѣхъ государственныхъ учрежденій имперіи, внесены были двѣ записки: одна Васильчиковымъ о недѣлимости дворянскихъ имѣній и маіоратахъ, а другая Сперанскимъ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи. Записки эти выдвинули вопросъ крестьянскій. Есть извѣстіе, что секретный комитетъ 1826 г. постоянно дѣйствовалъ до 1830 г. и изготовилъ проектъ о новомъ устройствѣ всѣхъ состояній въ государствѣ—въ томъ числѣ дворянства и крѣпостныхъ крестьянъ. Проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе: ему не сочувствовалъ братъ императора, великій кн. Константинъ Павловичъ. Между прочимъ, подоспѣли іюльская революція и польскій мятежъ, отвлекшіе вниманіе императора отъ крестьянскаго вопроса. По-умиреніи Европы и укрощеніи Польши, вопросъ снова возникаетъ. Въ 1839 г. учреждается второй секретный комитетъ для пересмотра закона объ увольненіи въ свободные хлѣбопашцы. Комитетъ занялся обсужденіемъ проекта закона объ обязанныхъ крестьянахъ. Гр. Воронцовъ представилъ въ 1834 г. проектъ устройства бессарабскихъ царанъ,

въ основанiи котораго лежало устройство поселянъ въ Валахiи, введенное тамъ гр. Киселевымъ. Это устройство предложено было гр. Киселевымъ для примѣненiя къ обязаннымъ крестьянамъ и въ Россiи. Комитетъ долго занимался обсужденiемъ этого предложенiя. Въ основанiи мыслей комитета лежало то, чтобъ обязанныхъ крестьянъ сдѣлать учрежденiемъ не обязательнымъ для помѣщиковъ, но добровольнымъ. Въ такомъ смыслѣ измѣнено было и предложенiе гр. Киселева, и представлена комитетомъ записка государю. На основанiи этой записки обнародованъ указъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ (2-е П. С. № 15.462), развитой въ 1844 г. предоставленiемъ помѣщикамъ права отпускать на волю и дворовыхъ людей безъ земли съ обязательствомъ выплачивать за себя условленную сумму (2-е П. С. № 17.977). Между прочимъ и частныя лица начали представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ проекты объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Такъ, напримѣръ, еще въ 1836 г. представилъ титулярный совѣтникъ баронъ Боде. Не получая изъ министерства никакого отвѣта, онъ заключилъ, что проектъ его нашли неудобнымъ, и поэтому въ 1841 г. представилъ его вновь. Но и на этотъ разъ безъ всякихъ послѣдствiй. Мысль Боде состояла въ томъ, чтобы освобожденiемъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости доставить помѣщикамъ возможность уплатить свои долги (Варадиновъ).

Третiй и четвертый секретные комитеты занимались главнымъ образомъ вопросомъ объ уменьшенiи числа дворовыхъ людей въ Россiи и улучшенiемъ ихъ положенiя. Болѣе общiй вопросъ обсуждался въ 5-мъ секретномъ комитетѣ 1846 г. Здѣсь разсматривалась записка министра внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскаго объ уничтоженiи крѣпостнаго права въ Россiи, составленная имъ въ 1845 г. Мысль Перовскаго состояла въ слѣдующемъ: русскiй крестьянинъ долженъ быть прикрѣпленъ закономъ къ землѣ, а помѣщикъ долженъ сохранять надъ нимъ политическую власть. Русскому крестьянину нельзя дать полной свободы, но только

условную, къ которой можно придти постепеннымъ ограниченіемъ крѣпостнаго права помѣщиковъ. Ограниченія должны состоять: а) въ точномъ опредѣленіи власти помѣщика надъ личностью крестьянъ и б) въ огражденіи собственности крестьянина отъ произвольныхъ притязаній помѣщика. Комитетъ относительно перваго пункта нашелъ его достаточно уже опредѣленнымъ въ новомъ уголовномъ уложеніи, второй призналъ полезнымъ внести въ изготовляемое II отдѣленіемъ канцеляріи новое гражданское уложеніе.

Интересны очень мотивы учрежденія шестаго секретнаго комитета въ 1848 г. Передъ тѣмъ, 8 ноября 1847 г., дозволено было помѣщичьимъ крестьянамъ выкупаться при продажѣ ихъ съ публичнаго торга, а правилами 11 августа того же года разрѣшено министерству государственныхъ имуществъ покупать насчетъ правительства продающіяся съ публичныхъ торговъ частныя населенныя имѣнія. Постановленія эти обобщили и распространили на всю имперію дозволеніе, данное въ 1831 г. крестьянамъ въ Грузіи, продаваемымъ съ публичныхъ торговъ и по частнымъ сдѣлкамъ, откупаться отъ крѣпостнаго права.

Вслѣдъ за изданіемъ ихъ, губернскій предводитель тульскаго дворянства, Норовъ, представилъ государю записку о вредѣ, причиняемомъ кредиту дворянства помянутыми постановленіями. Подобныя же записки были поданы генералъ-адъютантомъ Шиповымъ, смоленскимъ предводителемъ дворянства, кн. Друцкимъ-Соколинскимъ, генералъ-маіоромъ Барятинскимъ и др. Для разсмотрѣнія этихъ записокъ, для предотвращенія вредныхъ послѣдствій указа 8 ноября 1847 г., и былъ учрежденъ шестой комитетъ. Комитетъ единогласно постановилъ: право, данное министерству государственныхъ имуществъ, покупать помѣщичьи имѣнія на публичныхъ торгахъ отмѣнить, а указъ 8 ноября измѣнить.

Шестой секретный комитетъ, продолжавшійся до 1849 г., былъ послѣдней попыткой императора Николая обсудить крѣпостное право, и если можно порѣшить

съ нимъ. Европейскія смуты опять отвлекли вниманіе императора отъ крестьянскаго вопроса. А въ результатѣ его аболюціонистической дѣятельности было бы значительное улучшеніе положенія крѣпостныхъ крестьянъ, еслибъ на то была добрая воля помѣщиковъ, да бдительный надзоръ мѣстныхъ властей, и учрежденіе званія обязанныхъ крестьянъ. Послѣднему императоръ придавалъ большое значеніе; задняя мысль его была при изданіи указа 1842 г. сдѣлать его впослѣдствіи обязательнымъ для всѣхъ владѣльцевъ.

Но какъ отнеслись къ нему помѣщики? Несомнѣнно: далеко несочувственно. Съ изданія указа 1842 г. до 1848 г. только два помѣщика кн. Воронцовъ и кн. Витгенштейнъ отпустили своихъ крестьянъ въ обязанные: первый—492 д., второй 662 д.—оба въ с.-петербугской губерніи. Кромѣ того, нѣкоторые другіе помѣщики представили министерству договоры съ крестьянами, но они не были утверждены, такъ какъ заключали въ себѣ условія, крайне отяготительныя для крестьянъ: такова была судьба договоровъ многихъ помѣщиковъ динабургскаго, тульскаго уѣздовъ и 13 договоровъ помѣщиковъ смоленской губерніи.—Къ двумъ помѣщикамъ, примѣнившимъ къ своимъ крестьянамъ указъ 1842 г., присоединился въ 1849 г., помѣщикъ подольской губерніи, гр. Мих. Потоцкій, уволившій 15.052 д. муж. и 14.785 жен. половъ своихъ крестьянъ въ обязанные. Дальше этого число помѣщиковъ и уволенныхъ ими въ обязанные крестьянъ не шло (Варадиновъ). Причина этого—мы сказали—въ несочувствіи дворянства мысли императора. Въ 1847 и 1849 г. представлялась императору депутація смоленскаго дворянства. Онъ заявилъ ей свою неизмѣнную волю измѣнить крѣпостное состояніе крестьянъ въ обязанное и надежду, что дворянство будетъ содѣйствовать его благимъ намѣреніямъ.

Депутація передала дворянству волю императора. Вопросъ подвергся обсужденію. Губернскій предводитель, кн. Друцкой-Соколинской—крѣпостникъ—рѣшительно былъ противъ видовъ императора, и когда за-

мѣтилъ сочувствіе къ нимъ дорогобужскаго предводителя, Кононова, то сказалъ ему: „вы дворянинъ, а дѣйствуете противъ правъ своихъ“!—Болѣе согласныхъ съ нимъ воззрѣній былъ ельнинскій предводитель дворянства, Ступѣевъ. Въ запискѣ, представленной имъ кн. Друцкому, о причинахъ, затрудняющихъ владѣльцевъ имѣній, заключать обязательныя условія съ ихъ крестьянами и о послѣдствіяхъ, могущихъ произойдти отъ перехода помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ:

„Невѣжество крестьянъ, ихъ суевѣріе, закоснѣлость и непреодолимая привязанность къ старымъ обычаямъ, *дѣлаютъ ихъ неспособными къ воспріятію убѣжденія въ законоположеніяхъ и къ сознанію непреложнаго долга гражданской зависимости*... время, смягчивъ просвѣщеніемъ нравы дворянства, изглаживаетъ уже и слѣды прежняго ихъ обращенія съ крѣпостными людьми .., но крестьяне вообще все еще остаются въ томъ же грубомъ невѣжественномъ состояніи, въ томъ же мракѣ, сквозь который не проникаютъ благотворные лучи просвѣщенія: вѣра ихъ—суевѣріе, исполненіе обязанностей—слѣдствіе привычки, страха и зависимости; нравственность требуетъ строгаго надзора и направленія; особенно, если крестьянинъ опредѣляетъ себя ремеслу, или промышленности внѣ земледѣлія: это послѣднее порождаетъ нерѣдко развратъ, своеволіе и неповиновеніе власти. Кто же можетъ предотвратить всѣ эти уклоненія отъ порядка и добрыхъ нравовъ, какъ не помѣщикъ, имѣющій ближайшій надзоръ за всѣмъ бытомъ простолюдина“?

„Вопросъ объ обязанныхъ крестьянахъ“, заключаетъ Кононовъ свою записку „О ходѣ дѣла въ смоленской губ. по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ“, увеличитъ славу Николая I въ исторіи и омрачитъ въ ней дворянство наше, не сочувствовавшее великой мысли“ (Чтенія 1863 г., кн. 1-я).

Таковы были результаты борьбы аболюціонистовъ съ крѣпостниками при Николаѣ I. Результаты эти были

незначительны, но была подготовлена почва для достиженія болѣе важныхъ при его великомъ преемникѣ. При императорѣ Александрѣ II вѣковой споръ изъ-за быть или не быть крѣпостному праву на русской землѣ, начавшійся въ 18-мъ в., вслѣдъ за отмѣной обязательной службы дворянства, оканчивается отмѣной крѣпостнаго права. Вѣрный завѣту своихъ предшественниковъ, предсказаніямъ геніальнаго русскаго крестьянина 18 в., Александръ II *вступаетъ въ обладаніе помѣщичьими крестьянами, какъ прирожденный ихъ владѣтель.* Какъ же вело себя дворянство при развязкѣ вѣковаго спора, при окончательномъ упраздненіи крѣпостной зависимости крестьянъ? Моментъ этотъ уже выступаетъ изъ предѣловъ нашего изслѣдованія. На поставленный вопросъ найдется отвѣтъ въ Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія (3 тома, Берлинъ 1860), а еще можетъ быть болѣе въ изданныхъ Скребицкимъ матеріалахъ Гакстгаузена, безъ знакомства съ которыми, къ сожалѣнію, намъ приходится окончить свое изслѣдованіе. Мы же ограничимся дословнымъ приведеніемъ записки министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго. „Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время (въ августѣ 1859)". Записка эта представлена была государю въ то время, когда въ Петербургѣ ожидали появленія представителей дворянства, вызванныхъ изъ губерній, и когда аристократія видѣла въ нихъ опору для поддержанія своихъ сословныхъ интересовъ—она составляетъ поистинѣ драгоцѣннѣйшій матеріалъ, которымъ не можетъ не воспользоваться историкъ послѣднихъ дней крѣпостнаго права. Говоритъ въ ней министръ внутреннихъ дѣлъ, на долю котораго выпало стоять во главѣ крестьянскаго дѣла и близко знать воззрѣнія и стремленія дворянства, живо затронутаго реформой:

„Первое извѣстіе о предположенной реформѣ возбудило въ большинствѣ помѣщиковъ безотчетный страхъ. Отъ обнародованія ея ожидали возмущеній; отъ выполненія—совершенной потери собственности... Считали реформу примѣнимою лишь къ однимъ западнымъ гу-

берніямъ и невозможною въ остальныхъ полосахъ Россіи... Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости обсуживали въ 45 губернскихъ комитетахъ и коммиссіяхъ. Всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ было до 1.377, изъ числа коихъ, можно положительно сказать, едвали одна $^1/_{10}$ доля занималась предложеннымъ вопросомъ. Остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ..... въ большинствѣ представленныхъ комитетами проектовъ *не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій* нѣтъ даже *явнаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ.* Въ нихъ выразилось стремленіе къ *безземельному освобожденію крестьянъ*, и въ то же время затрудняются имъ переходы. Составители проектовъ жалуются, что по неимѣнію капиталовъ и земли ихъ останутся безъ рукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ надѣлы. Въ развитіи частностей замѣтно отсутствіе практическаго приложенія и незрѣлость сужденій: съ одной стороны комитеты вдались въ мелочныя подробности, напримѣръ опредѣляютъ вершками глубину пашни, съ другой выходятъ изъ круга своихъ обязанностей и возбуждаютъ посторонніе вопросы... Нѣтъ также и примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта. Положенія разнятся въ тѣхъ частяхъ, которыя должны быть общія для Россіи, въ личныхъ правахъ крестьянъ, устройствѣ обществъ,—и наоборотъ сходятся въ томъ, въ чемъ должны бы были отразиться мѣстныя различія, а именно: въ надѣлѣ и повинностяхъ. Такъ напр. астраханскій комитетъ взялъ нормы надѣла прямо изъ с.-петербургскаго положенія. Для разнохарактерныхъ губерній установлены одинаковыя нормы; напротивъ, для смежныхъ, и даже для одной и той же губерніи большинство и меньшинство приняли совершенно различные надѣлы. Съ сожалѣніемъ можно сознаться, что комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, и знакомятъ только съ тѣмъ, какъ смотритъ на него большинство дворянства. . . .

Первое мнѣніе тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому

личными матеріальными выгодами помѣщика. Нельзя подвергнуть ихъ безусловному и строгому осужденію. Большинство изъ нихъ, рожденные и воспитанные въ понятіяхъ крѣпостнаго права, не могутъ постигнуть настоятельной нужды преобразованія и ждутъ отъ него неминуемыхъ потерь. Напуганное воображеніе рисуетъ въ будущемъ раззореніе и нищету какъ ихъ, такъ и ихъ потомковъ. Хотя всѣ губернскіе комитеты 1-ю статьею своихъ положеній единогласно постановили отрѣченіе отъ крѣпостнаго состоянія, но тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ, подъ разными видами, встрѣчается почти во всѣхъ комитетахъ, и въ весьма многихъ изъ нихъ составляетъ большинство. Всего сильнѣе оно выразилось въ комитетахъ: воронежскомъ, костромскомъ, курскомъ, тамбовскомъ, въ большинствѣ: тульскаго, рязанскаго, владимірскаго, московскаго, нижегородскаго, симбирскаго, вологодскаго и новгородскаго.

Начальныя дѣйствія противниковъ освобожденія состояли въ томъ, что они пытались остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніемъ бунта. Къ числу такихъ попытокъ въ особенности слѣдуетъ отнести представленную В. И. В. безъименную записку подъ литерою А, въ коей авторъ усиливается доказать, что въ освобожденіи крестьянъ таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи. Убѣдившись въ неудачѣ остановить реформу, люди несочувствующіе стали заботиться о томъ, чтобы дать ей оборотъ, какъ можно болѣе выгодный для помѣщиковъ. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестьянъ, или на правительство, или на всѣ сословія государства. Не достигнувъ этой цѣли, въ настоящее время они или стараются сохранить барщинный трудъ, и чрезъ сіе власть помѣщика надъ крестьянами, или же, соглашаясь на безусловное освобожденіе и личности крестьянъ и выхваляя свободу труда, желаютъ всячески уменьшить крестьянскіе надѣлы и ограничить пользованіе землями однимъ 12 лѣт-

нимъ срокомъ, а если можно, то и вовсе не дать крестьянамъ земельнаго надѣла. Воронежскій комитетъ, напримѣръ, даже совсѣмъ не хочетъ употребить слова надѣлъ, а называетъ его наймомъ. Или же напримѣръ, Ярославскій комитетъ, который изъявляетъ согласіе на выкупъ крестянами полевыхъ угодій, но съ тѣмъ, чтобы получить отъ правительства по 270 р. за каждую ревизскую душу. Словомъ сказать, люди этого мнѣнія въ настояще время не имѣютъ никакого твердо установленнаго плана. Они, убѣдившись окончательно въ невозможности противодѣйствовать освобожденію крестьянъ, заботятся лишь о томъ, какъ бы дѣло уничтоженія крѣпостнаго состоянія обратить въ выгодную для себя операцію.

Второе мнѣніе. Оно выдѣлилось изъ направленія личнаго матеріальнаго интереса, вскорѣ по обнародованіи рескриптовъ, и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ. Это направленіе сословнаго интереса. Оно нашло себѣ приверженцевъ всего болѣе между знатными и богатыми нашими помѣщиками. Поставляя на *первый планъ сословные интересы дворянства*, желаютъ создать *у насъ дворянскую поземельную аристократію подобно англійской* и вмѣсто нынѣшней привиллегированной дворянской собственности, на крѣпостныхъ началахъ, ввести другую не менѣе привиллегированную, на началахъ феодальныхъ. За предоставленіе крестьянамъ въ собственность усадьбы и въ пользованіе полеваго угодья, оставляютъ за помѣщиками, подъ именемъ „вотчинныхъ правъ“, особыя, чуждыя доселѣ нашему законодательству права, напоминающія средневѣковыя феодальныя привиллегіи на Западѣ. Но и такое ограниченное признаніе правъ крестьянъ на поземельное владѣніе есть со стороны этого направленія только уступка правительству и общественному мнѣнію; настоящая же цѣль, которой держались люди этого мнѣнія, весьма сознательно и настойчиво, есть *освобожденіе крестьянъ безъ земли.* Они увлекаются сословнымъ интересомъ и примѣромъ Англіи, не принимая въ соображеніе различія времени и обстоятельствъ.

Мало зная Россію, и почти вовсе не постигая всѣхъ условій крестьянскаго быта, не видятъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ могло бы привести все государство такое направленіе, еслибы оно осуществилось.

Поборники этого направленія нашли себѣ сочувствіе и въ остальномъ дворянствѣ, можетъ быть и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ вамъ, государь, особахъ, и въ нѣкоторыхъ членахъ главнаго комитета. Вопросъ о „вотчинныхъ правахъ" первоначально возбужденъ былъ въ С.-Петербургскомъ комитетѣ, а изъ него перешелъ и въ другіе.

Третье мнѣніе принадлежитъ желающимъ полнаго уничтоженія крѣпостнаго права. Они составляютъ, хотя далеко не большинство, но значительную часть русскаго дворянства. Къ нимъ принадлежитъ большинство и можно сказать меньшинство тверскаго комитета, большинство харьковскаго и кіевскаго и меньшинство многихъ комитетовъ, въ особенности самарскаго, тульскаго, рязанскаго, владимірскаго и симбирскаго... (Р. Арх. 1869 г. №№ 7 и 8).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I. *Служилые люди* до Петра не составляли *мѣстныхъ обществъ*. — Намѣреніе Петра собрать *шляхетство* въ мѣстныя *землевладѣльческія общества*, участвующія въ *мѣстномъ управленіи*. — Въ этомъ случаѣ на преобразователя имѣли вліяніе *остзейскіе порядки*. — Ландратскія коллегіи. — Земскіе коммисары. — Важныя функціи должности земскаго коммисара парализуются значеніемъ должности *полковника*. — Петръ Великій вводитъ *баллантированіе* и старается пріучить къ нему шляхетство. — Могло-ли намѣреніе Петра организовать *шляхетскія уѣздныя общества*, принимающія участіе въ мѣстномъ управленіи, увѣнчаться успѣхомъ? — Успѣху его мѣшали и потребы государства, и нравы шляхетства. — Потребы государства вызывали шляхетство изъ деревень на службу въ полкахъ и канцеляріяхъ. — Нравы проникнуты были безучастіемъ къ управленію родной мѣстностію, исторически развившимся. — Шляхетство неохотно съѣзжается на выборы земскаго коммисара. — Какъ оно относится къ выбору членовъ законодательныхъ коммисій? — Заявляя о разныхъ своихъ нуждахъ въ 1730 г., шляхетство ничего не говоритъ о своемъ участіи въ мѣстномъ управленіи.

II. Вліяніе отмѣны обязательной службы шляхетства на развитіе его мѣстнаго значенія, на образованіе *мѣстныхъ дворянскихъ обществъ*. — Выборъ предводителей и депутатовъ въ 1766 г. — Какъ отнеслось дворянство къ призыву императрицы? — Въ меньшинствѣ, составленномъ изъ лучшихъ членовъ сословія, призывъ вызываетъ сочувствіе. — Большинство относится къ нему равнодушно. — Свидѣтельство гр. Сиверса о томъ, какъ производились выборы депутата дворянствомъ новгородской губерніи. — Число подписей на дворянскихъ наказахъ 1767 г. свидѣтельствуетъ о присутствіи на выборахъ меньшинства. — Чинопочитаніе, обнаружившееся при выборахъ. — Какъ отнеслось малороссійское шляхетство? — Жалобы на него Румянцева. — Жалоба стародубскаго предводителя Петра Искрицкаго. — Выборы въ нѣжинскомъ полку. — Заявленія дворянства о *составленіи* дворянскихъ обществъ. — Требованія права выбора мѣстныхъ должностныхъ лицъ. — Анализъ этихъ требованій и заявленій, которыя вращались въ тѣсномъ кругу *чисто сословныхъ дворянскихъ интересовъ*. — Согласовались-ли они съ намѣреніями

Екатерины II, задумавшей преобразовать всю систему мѣстнаго управленія.—Для новаго управленія нужно было множество должностныхъ лицъ.—Императрица расширяетъ кругъ дворянскихъ требованій и привлекаетъ дворянство къ участію въ мѣстномъ судѣ и управленіи.—Обязательная служба во второмъ изданіи.—*Нѣтчики* на дворянскихъ выборахъ, *отлынивающіе* отъ мѣстной выборной службы.—Переходное время—отъ 1767 до 1775 г.—Чтó предоставляетъ дворянству законъ 1775 г.—Промежутокъ времени отъ изданія этого закона до 1785 г.—Дворянскіе мундиры 1784 г., отличающіеся отъ дворянской униформы по закону 1832 г. Окончательная организація *губернскихъ дворянскихъ обществъ* совершается жалованной грамотой 1785 г.—Какимъ существеннымъ измѣненіямъ подвергается эта организація при Павлѣ и Николаѣ?

III. Организація дворянскихъ обществъ и ихъ значеніе по жалованной грамотѣ и по позднѣйшимъ дополненіямъ и измѣненіямъ ея.

А) Дворянскія общества: *губернскія* и *уѣздныя*.—Органъ ихъ—дворянскія собранія: 1) Роды и виды ихъ: собранія *губернскія* и *уѣздныя*. *обыкновенныя* и *чрезвычайныя*.—2) Предметы дѣятельности собраній, и главнымъ образомъ *выборы*. 3) Право участвовать въ собраніяхъ, и главнымъ образомъ на выборахъ.—Цензъ.—Первоначальное многолюдство собраній, вслѣдствіе присутствія на нихъ мелкопомѣстья.—Протесты противъ низкаго имущественнаго ценза.—Первоначально цензъ оставался нетронутымъ, за исключеніемъ западно-русскихъ губ.—Разъясненіе другихъ вопросовъ, относящихся къ праву участія на выборахъ.—Законъ о цензѣ 1831 г.

Б) Отношеніе къ дворянскимъ собраніямъ мѣстныхъ коронныхъ властей.—Первые выборы производились въ присутствіи губернаторовъ и другихъ мѣстныхъ властей.—Учрежденіе 1775 г. съ точностію не обозначило отношенія губернатора къ дворянскимъ выборамъ.—Вслѣдствіе этого генералъ-губернаторы предлагали императрицѣ вопросные пункты.—Жалованная грамота также ничего не говоритъ объ отношеніи мѣстныхъ властей.—Фактическое развитіе вліянія мѣстныхъ властей на дворянскіе выборы.—Причины.—Правительство само защищаетъ иногда свободу дворянскихъ выборовъ.—Свидѣтельство иностранныхъ писателей.—Въ 1788 г. сенатъ запрещаетъ губернаторамъ входить въ дворянское собраніе.—Павелъ снова разрѣшаетъ.—Вліяніе губернскаго правленія, отъ котораго защищаетъ сенатъ.—Подтвержденіе губернаторамъ не вмѣшиваться въ дворянскіе выборы.—Участіе губернскихъ прокуроровъ.—Законъ 1831 г. окончательно опредѣляетъ отношеніе мѣстныхъ властей къ дворянскимъ выборамъ.

В) Кругъ дѣлъ уѣзднаго и губернскаго управленія, порученный вѣдѣнію дворянскихъ обществъ.—Попытка дать дворянскимъ обществамъ участіе при опредѣленіи должностныхъ лицъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія.—Общія начала о должностныхъ лицахъ, дворянствомъ избираемыхъ.—Должностныя лица,

избираемыя дворянствомъ.—а) По внутреннему управленію дворянскихъ обществъ.—Предводители—губернскій и уѣздные.—Депутаты дворянскихъ депутатскихъ собраній.—Секретарь дворянскаго собранія.—б) Должностныя лица, избираемыя по общему управленію.—Судебному.—Полицейскому. — Учебному.—Кредитному.—Путямъ сообщенія и строительной части.—Квартирной повинности.—Межеванію.—Губерніи, въ которыхъ эти должности, по малолюдству дворянства, замѣщались чиновниками отъ короны.—Первоначальные выборы земскихъ исправниковъ дворянствомъ Бессарабіи.

IV. Уклоненія, существовавшія въ Малороссіи и въ западно-русскихъ губерніяхъ. — Объединеніе управленія Екатериной II — Реформа судоустройства въ Малороссіи, произведенная при гетманѣ Разумовскомъ.—Возстановленіе особенностей въ управленіи Малороссіей императоромъ Павломъ. — Возстановленіе прежняго порядка управленія въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши. — Записка современника о печальныхъ послѣдствіяхъ для Малороссіи отмѣны въ ней екатерининскихъ учрежденій. — Заявленія малороссійскаго дворянства при воцареніи Александра I.—Заявленія польскаго дворянства. — Александръ I возстановляетъ нѣкоторыя екатерининскія учрежденія.—Возстановленіе не было полное.—Записка кн. Куракина о томъ, какъ производились выборы въ западно-русскихъ губерніяхъ. — Полное возстановленіе екатерининскихъ порядковъ Николаемъ I.—Какія ограниченія въ правахъ западно-русскихъ дворянскихъ обществъ все-таки оставались?—Предоставленіе имъ Императоромъ Александромъ II всѣхъ тѣхъ правъ, которыми пользовалось дворянство русское. — Послѣднее повстанье возвращаетъ правительство къ политикѣ императора Николая.

V. Ретроспективный взглядъ. — Чѣмъ въ сущности было *дворянское самоуправленіе?* — Оно въ сущности было *прежней обязательной службой, въ новомъ изданіи.*—Какъ отнеслось дворянство къ первымъ выборамъ?—Какъ скоро охладѣлъ интересъ къ нимъ.—Государственная служба привлекаетъ дворянство болѣе выборной.—Само правительство въ сущности продолжаетъ считать дворянство болѣе *служилымъ классомъ*, чѣмъ *землевладѣльческимъ.*—Какое вліяніе этихъ условій на мѣстную корпоративную жизнь дворянства и его службу по выборамъ.—Какъ отразилось въ мѣстной корпоративной жизни дворянства его раздвоеніе на аристократію и рядовое дворянство—мелкопомѣстное и среднее. — Аристократія уклоняется отъ дворянской службы, вмѣстѣ съ дворянствомъ рядовымъ. — Абсентеизмъ аристократіи.—Обмельчаніе дворянскихъ обществъ.—

Кредитъ дворянскихъ выборовъ падаетъ. – Правительство рано начинаетъ обращать вниманіе на безучастное отношеніе дворянства къ выборамъ.—Взысканіе по закону Екатерины II за самовольную отлучку избранныхъ дворянствомъ отъ должностей.—Донесеніе рязанскаго гражданскаго губернатора въ 1800 г. генералъ-прокурору Обольянинову.—Жалобы Александра I на уклоненіе дворянства

отъ выборовъ.—Обращенія государя мало дѣйствовали на дворянство.—Замѣщеніе должностныхъ лицъ по выбору отъ дворянства чиновниками отъ герольдіи.—Донесенія губернскихъ правленій сенату объ уклоненіи отъ должностей избранныхъ дворянствомъ —Правительство предписываетъ въ 1827 г. замѣщать такія должности губернскимъ правленіямъ.—Чтобъ поднять значеніе дворянскихъ выборовъ, очистить ихъ отъ мелкопомѣстья и привлечь къ участію въ нихъ знатное дворянство императоръ Николай I повышаетъ цензъ.—Законъ 1831 г. установляетъ замѣчанія и пени за неявку.—Надежда государя, что дворянство будетъ относиться къ выборамъ усерднѣе.—Начальники губерній продолжаютъ жаловаться на уклоненія.—Безучастное отношеніе дворянства къ выборамъ отражалось и на качествѣ избираемыхъ имъ должностныхъ лицъ.—Должностныя лица по выбору дворянства въ 18 ст.—Донесеніе гр. Закревскаго.—Императоръ Николай въ 1832 г. предписываетъ губернскимъ предводителямъ наблюдать, чтобы дворянство избирало людей *достойныхъ* и *способныхъ*.—Отчетъ гр. Перовскаго.—Какъ смотрѣло дворянство на должность земскаго исправника?—Заключительныя слова.

I. Замѣчено нашими изслѣдователями, что служилые люди до Петра Великаго не *имѣли значенія мѣстнаго землевладѣльческаго класса*, что они не составляли *мѣстныхъ дворянскихъ обществъ*. Служилые люди тянули къ Москвѣ, въ помѣстьяхъ своихъ они были временными гостями, пока воевода или царскій гонецъ не потребуетъ ихъ на службу царскую. При такомъ положеніи дѣлъ, невозможна была мѣстная корпоративная связь между ними—невозможны были и мѣстныя дворянскія общества. Какую связь, въ самомъ дѣлѣ, служилый человѣкъ могъ имѣть съ своимъ помѣстьемъ, съ своей областію—какой интересъ онъ могъ принимать въ мѣстномъ судѣ и управленіи, когда всю жизнь свою онъ долженъ былъ проводить на службѣ царской—на полѣ ратномъ, или въ другихъ посылкахъ? Правда, и въ 17 ст. существовалъ цѣлый рядъ мѣстныхъ должностей, въ которыя выбирались члены помѣстнаго служилаго класса, но должности эти (напр. губныя) имѣли значеніе наряда по выбору мѣстнаго служилаго человѣка на государево дѣло. Существовали и другія подобныя должности, возможны были различныя пору-

ченія, которыя воевода дѣлалъ помѣщикамъ и вотчинникамъ—дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ—но въ нихъ преобладали интересы центральнаго правительства, а не мѣстные—интересы Москвы, а не области.

Въ такомъ положеніи относительно мѣстнаго значенія засталъ Петръ Великій царскихъ людей, мѣстныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Организуя изъ нихъ новое цѣльное сословіе—*шляхетство*, Петръ Великій первоначально думалъ дать ему мѣстное землевладѣльческое значеніе, связать его съ мѣстностію, давъ участіе въ мѣстномъ управленіи. Это замѣтилъ проф. Градовскій. Дѣйствительно, въ первоначальныхъ реформахъ Петра Великаго относительно мѣстнаго управленія эта попытка проглядываетъ. Такъ напримѣръ, въ 1702 г., упразднены были губные старосты и сыщики и предписано всякія дѣла съ воеводами вѣдать *дворянамъ*—тѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, добрымъ и знатнымъ людямъ, по выбору тѣхъ же городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ большихъ городахъ по 4 и по 3, а въ меньшихъ по 2 человѣка „и дѣла чинить тѣмъ воеводамъ обще съ дворянами, и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и имъ дворянамъ всякому своими руками, а одному воеводѣ, безъ нихъ дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу не чинить“ (№ 1.900). Начало участія мѣстнаго дворянства въ мѣстномъ управленіи, проглянувшее въ законѣ 1702 г., получаетъ еще бо́льшее развитіе въ 1713 г. Реформы, которыя производились въ это время, очевидно были навѣяны прибалтійскими образцами. Хорошо познакомившись съ тѣми порядками, которые существовали тогда въ Остзеѣ—съ сильнымъ корпоративнымъ строемъ тамошняго рыцарства, съ преобладающимъ участіемъ его въ мѣстномъ судѣ и управленіи, Петръ Великій учрежденіемъ ландратскихъ коллегій задумалъ перенести эти порядки и на русскую почву. Въ 1713 г. предписано было: учинить ландратовъ въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8. Ландраты должны всѣ дѣла дѣлать вмѣстѣ съ губернаторомъ, который стоялъ надъ ними не яко вла-

ститель, но яко президентъ, имѣющій только два голоса, противъ одного голоса каждаго ландрата (№ 2.673). До насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о дѣятельности этихъ ландратскихъ коллегій, и мы не можемъ судить, насколько онѣ привились въ жизни. По аналогіи, мы можемъ думать, что ихъ постигла такая же судьба, какъ и многихъ другихъ заморскихъ учрежденій Петра Великаго, для которыхъ не было исторической почвы, и которыя, какъ выразился отмѣнившій ихъ указъ 24 февраля 1727 г., „нетолько служили къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной“ (№ 5.017)[114]. Введеніе подушной подати и учрежденіе для сбора ея новой должности—*земскаго коммисара*—представляетъ дальнѣйшее развитіе попытки собрать уѣздное шляхетство въ одно общество, избирающее *коммисара отъ земли.*

Объ этихъ коммисарахъ упоминаетъ еще законъ 1715 г. На каждую долю дворовъ (5.536), состоявшую въ завѣдываніи одного ландрата, положено было по одному коммисару—для сборовъ и земскихъ дѣлъ. Но этотъ законъ ничего не говоритъ о выборѣ коммисаровъ шляхетствомъ (№ 2.879). Первый указъ о ревизіи 1718 г., положившій содержать полки подушнымъ сборомъ по губерніямъ, постановляетъ: на каждый полкъ должно быть два коммисара - *полковой и отъ земли, послѣдній выбирается по вся годы дворянами того уѣзда* (№ 3.245). Инструкція земскимъ коммисарамъ 1719 г. подробно опредѣляетъ, въ чемъ должны состоять ихъ обязанности. Земскіе коммисары получаютъ значеніе весьма важной полицейской мѣстной должности. Главнѣйшая обязанность коммисара по инструкціи: въ повѣренномъ ему уѣздѣ собирать всѣ государственные доходы, кромѣ пошлинъ. Но кромѣ того, земскій коммисаръ долженъ былъ:

1) присутствовать при досмотрахъ и переписвѣ дворовъ и земель;

2) смотрѣть, чтобы въ его уѣздѣ никто не владѣлъ бо̀льшимъ количествомъ деревень и маетностей, какъ сколько кому пожаловано;

3) наблюдать надъ откупщиками, чтобы статьи, содержимыя ими, не были разорены и умалены;

4) смотрѣть за правильнымъ отбываніемъ рекрутской повинности;

5) завѣдывать устройствомъ и безопасностію путей сообщенія (наблюденіе надъ постоялыми и гостиными дворами, мостами и безопасностію пути отъ бѣглыхъ и разбойниковъ);

6) наблюдать надъ нравственностію обывателей уѣзда (чтобъ подданные при всѣхъ случаяхъ страху Божію и добродѣтели, къ добрымъ поступкамъ, правдѣ и справедливости ко всѣмъ людямъ, также и къ подданнѣйшей вѣрности Е. И. В. обучены и наставливаны были);

7) содѣйствовать отправленію правосудія (чинить письменныя извѣщенія по требованіямъ суда, ловить и на судъ представить преступниковъ, исполнять приговоры о наказаніи и казни). (№ 3.295).

Мы, нарочно, перечислили съ такой подробностію обязанности земскаго коммисара, чтобы показать, какое важное участіе въ мѣстномъ управленіи Петръ Великій думалъ дать дворянству, предоставивъ ему избирать изъ своей среды земскихъ коммисаровъ. Порядокъ выбора ихъ опредѣленъ былъ точнѣе въ инструкціяхъ генераламъ, которымъ поручалось располагать полки по губерніямъ (генералъ-маіору Волкову въ 1721 г. и генералъ-маіору Чернышеву въ 1722 г.) и въ указѣ 1723 г. Шляхетство каждаго уѣзда должно было съѣхаться въ опредѣленный мѣсяцъ — въ декабрѣ, какъ постановлено 1724 г. (январѣ № 3.720, декабрѣ 3.901, 4.533 и октябрѣ 4.424) и выбрать изъ среды своей изъ лучшихъ людей въ коммисары, а по прошествіи того года, съѣзжаться вторично для выбора новаго коммисара, и при этомъ повѣрять прежняго. Если прежній коммисаръ „что неправо сдѣлалъ, то штрафовать его, чему будетъ достоинъ, не описываясь воеводѣ, но по экзекуціи рапортовать онаго: развѣ смерти подлежать будетъ, то таковаго отсылать къ надворному суду“ (№ 3.720, 3.901, 4.224). Инструкція земскимъ комми-

сарамъ 1719 г. постановляетъ, чтобы при земскомъ коммисарѣ, кромѣ земскаго писаря, состояли слѣдующіе служители: 1) нѣсколько подчиненныхъ нижнихъ коммисаровъ, вѣдавшихъ крестьянъ; 2) мостовой надзиратель, завѣдывавшій путями сообщенія, и 3) три человѣка подчиненныхъ служителей для ловли воровъ, карауловъ надъ ними и разсылокъ въ уѣздѣ. Инструкція не опредѣляетъ: избираются ли они шляхетствомъ, или опредѣляются какъ иначе? она постановляетъ только, чтобъ эти лица были послушны земскому коммисару, который долженъ былъ съ ними снисходительно поступать, безъ излишней жестокости (№ 3.295. п. 24).

Должность земскаго коммисара была началомъ должности земскаго исправника, болѣе опредѣлившейся учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. Важныя его обязанности, были парализованы расширеніемъ должности полковника по наблюденію надъ земской полиціей въ уѣздѣ въ 1724 г. (№ 4. 535). Но все-таки при Екатеринѣ I въ 1725 г. земскимъ коммисарамъ предписывалось смотрѣть, чтобъ полковники и прочіе офицеры не причиняли обидъ и притѣсненій уѣзднымъ жителямъ (№ 4.687), а въ 1727 г. полковники и офицеры устранены отъ вмѣшательства въ дѣла, ввѣренныя земскимъ коммисарамъ, отданнымъ подъ власть губернаторовъ и воеводъ (№ 5.010. п. 2). Наказомъ губернаторамъ и воеводамъ слѣдующаго года постановлено въ большихъ уѣздахъ, гдѣ одному земскому коммисару нельзя будетъ исправиться, быть по 2 или по 3 коммисара, сколько будетъ опредѣлено по разсмотрѣнію сената (№ 5.333 ст. 20 п. 3), а въ инструкціи генеральному кригсъ-коммисаріату 1731 г. полковники опять были привлечены къ сбору подушныхъ денегъ, съ подчиненіемъ имъ земскихъ коммисаровъ (№ 5.904).

Подвергаясь означеннымъ колебаніямъ, должность земскаго коммисара продолжала существовать и при преемникахъ Петра Великаго: въ 1765 г. велѣно было въ войсковыхъ слободахъ слободской губ., вмѣсто сотниковъ, быть земскимъ коммисарамъ (№ 12.440).

Мы видѣли попытки Петра Великаго образовать изъ шляхетства мѣстный землевладѣльческій классъ, участвовавшій посредствомъ выбираемыхъ изъ своей среды должностныхъ лицъ въ мѣстномъ управленіи. Петръ Великій ввелъ и новый способъ выборовъ—баллотированіе (*баллантированіе*, какъ говорило шляхетство въ первой половинѣ прошлаго столѣтія). Это баллотированіе впервые встрѣчается у насъ въ 1719 г., при выборѣ офицеровъ на вакансіи (№ 3.406), [115]) но мы не можемъ судить, употреблялось ли оно и при выборѣ въ другія должности—напр. при выборѣ шляхетствомъ въ ландраты и земскіе коммисары? Извѣстно, что Петръ Великій хотѣлъ пріучить шляхетство къ баллотированію, нерѣдко самъ присутствовалъ при выборахъ и наблюдалъ за правильностію ихъ. Такъ, когда въ 1722 г. баллотировали президента юстицъ-коллегіи, то императоръ и сенаторы расположились въ столовой палатѣ; сюда же призваны были генералы и гвардейскіе офицеры, члены коллегій и 100 выборныхъ изъ шляхетства (Соловьевъ: Т. XVIII. стр. 157).

Но могли ли попытки Петра Великаго образовать изъ мѣстнаго шляхетства общества, участвующія въ мѣстномъ управленіи, увѣнчаться успѣхомъ? Успѣху ихъ мѣшали потребности государственныя, для удовлетворенія которымъ нужна была обязательная служба шляхетства, и нравы и стремленія самого шляхетства, сложившіяся подъ вліяніемъ этихъ потребностей.

Петръ Великій хотѣлъ образовать уѣздныя общества шляхетства, участвующія въ мѣстномъ управленіи. Но для этого шляхетству слѣдовало осѣсться въ своихъ имѣніяхъ, связаться съ интересами мѣстности. А возможно ли это было при его пожизненной обязательной службѣ? Конечно, не всѣ помѣщики—какъ многопомѣстные, такъ и малопомѣстные—отсутствовали изъ своихъ деревень, обрѣтаясь въ службахъ и отлучкахъ, какъ это видно изъ одного указа 1719 года (№ 3.287). Но несомнѣнно, что въ службахъ и отлучкахъ обрѣталось большинство. Военная коллегія, обсуждая въ 1731 г.

лучшіе способы укомплектованія кирасирскихъ полковъ, представила сенату слѣдующее разсужденіе:

„По указамъ Петра Великаго для учрежденія регулярнаго войска *всероссійское шляхетство, кромѣ старолѣтнихъ и увѣчныхъ*, опредѣлены были въ службу, и опредѣлены были въ арміи по смерть, а иные по то время, пока за старостями жъ и за разными неисцѣльными болѣзньми отставкою абшидъ получили, а многіе еще и понынѣ служатъ, ибо урочныхъ лѣтъ, сколько инымъ въ службѣ быть, не назначено, а дѣти ихъ по возрастѣ отъ 15 лѣтъ и выше опредѣляются жъ въ службу жъ: знатнаго шляхетства въ лейбъ-гвардію, а прочіе въ армейскіе другіе полки и въ разныя школы, и для того оныхъ дѣтей выше 15 лѣтъ въ домахъ содержать запрещено... чего ради *всѣми ихъ шляхетными домами и деревнями владѣютъ прикащики и старосты...*" (Книга Штатовъ: ч. 1-я стр. 80).

Нравы и стремленія шляхетства, образовавшіеся подъ вліяніемъ отправляемой имъ обязательной службы, не могли также содѣйствовать успѣху попытокъ Петра Великаго. Дворянинъ привыкъ смотрѣть на службу государству, какъ на свою прирожденную обязанность. Его тянуло въ деревню не для того, чтобъ пріобрѣсть въ ней авторитетъ и значеніе въ средѣ собратовъ-землевладѣльцевъ, не для того, чтобъ участвовать въ управленіи родной мѣстностію. Въ деревню его тянуло, чтобъ *107 полежебокствовать*, чтобъ насладиться привольемъ и покоемъ сельской жизни, чтобъ показать дворянскую волю надъ холопами и дать разгуляться страстямъ и инстинктамъ, сдерживаемымъ дисциплиной царской службы. Понятно то безучастіе, какое показало мѣстное шляхетство къ выбору такой важной мѣстной должности, какъ должность земскаго коммисара. На выборы въ эту должность шляхетство вмѣсто себя посылало своихъ прикащиковъ, что возбранялось указомъ 1724 года, предписывавшимъ выбирать самимъ помѣщикамъ, а въ выборѣ тѣхъ коммисаровъ прикащикамъ не быть (№ 4.458). Но указы не могли породить въ шляхетствѣ интереса къ выборамъ, на которые оно продолжало смотрѣть,

какъ на тяжелую обязанность, отъ исполненія которой старалось *отлынивать*, какъ *отлынивало* отъ обязательной службы.

Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ дѣйствовали избранные шляхетствомъ члены въ коммисію 1727 г. о преобразованіи подушной подати (П. С. № 5.079). Но мы знаемъ, какъ отнеслось оно къ выбору членовъ въ первоначальныя законодательныя коммиссіи. Въ 1728 году для составленія четвертой законодательной коммисіи повелѣно изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, выбрать шляхетству изъ добрыхъ и знающихъ людей по 5 человѣкъ, и выслать ихъ въ Москву къ 1 сентября того же года, давъ имъ жалованья по полтинѣ на день (№ 5.287). Подошло 1 сентября, но выборные шляхетствомъ въ Москву не являлись, и изданъ подтвердительный указъ о томъ, чтобъ выборные явились, а иначе имѣнія ихъ будутъ отписаны на государя (№ 5.348). Какая тому была причина? „Новгородская губернская канцелярія отъ 12 сентября донесла сенату, что для отправленія въ Москву выбранъ былъ изъ новгородскихъ дворянъ помѣщикъ Иванъ Скобельцынъ, и что за нимъ посланы въ уѣздъ солдаты уже въ 3-й разъ, но онъ оказался не слушенъ и въ Новгородъ не поѣхалъ. Тогда губернская канцелярія послала за нимъ подъячаго и трехъ солдатъ съ приказаніемъ, если онъ укроется, то взять жену его и привезть подъ карауломъ, а если и она будетъ укрываться, то за ослушаніе ихъ движимое и недвижимое имѣніе отписать на государя и людямъ ихъ и крестьянамъ ихъ ни въ чемъ не слушать“ Это распоряженіе имѣло свое дѣйствіе (Сборн. Русск. Историч. Общ., т. II, стр. 398). Но и явившіеся въ Москву выборные отъ шляхетства оказались мало къ дѣлу приготовленными. Указъ 1729 г. предписалъ отпустить ихъ обратно въ домы, а на ихъ мѣста выбрать другихъ, которые бъ къ тому дѣлу были достойны, изъ каждой губерніи по 2 человѣка, согласясь губернаторамъ съ дворянами. А если губернаторы выберутъ къ тому людей недостойныхъ, то будутъ отвѣтствовать, а для этого съ выборными пріѣзжать въ

Москву самимъ губернаторамъ или ихъ товарищамъ (№ 5.412). Предписаніе это повторено Анной Іоанновной въ 1730 году (№ 5.577), но и на этотъ разъ шляхетскіе депутаты оказались несостоятельными. Сначала было повелѣно сенату присоединить къ нимъ изъ людей слѣдующихъ, выбравъ ихъ самому изъ шляхетства, духовенства и купечества (№ 5.567), но вскорѣ въ законодательную коммисію прикомандированы были еще новые члены, а высланные изъ губерній отпущены и повелѣно болѣе ихъ не высылать (№ 5.654) [116]). Къ концу царствованія Елизаветы Петровны, въ 1761 г., повторена попытка Петра II—привлечь къ законодательному дѣлу шляхетство. Повелѣно: къ слушанію новосочиняемаго уложенія выбрать шляхетству каждой провинціи по 2 человѣка (изъ купечества по одному) немедленно (№ 11.335, 11.378). Распоряженіе это, вѣроятно, не имѣло никакихъ послѣдствій: депутатовъ велѣно выслать въ С.-Петербургъ къ 1 января 1762 г., а 25 декабря 1761 г. умерла Елизавета Петровна, и на престолъ вступилъ ея преемникъ.

Мы можемъ указать еще на одно обстоятельство, показывающее, какъ мало дворянство цѣнило свое мѣстное значеніе, какъ нисколько оно не добивалось пріобрѣсть участіе въ мѣстномъ управленіи, сложившись въ корпораціи мѣстныхъ землевладѣльцевъ, солидарно связанныхъ между собою единствомъ помѣщичьихъ интересовъ. При выборѣ Анны Іоанновны, раздавались голоса объ участіи шляхетства въ образованіи центральнаго правительства—шляхетство требовало права *баллотировать* членовъ в. т. совѣта, сената, президентовъ коллегій, но не заявило о предоставленіи ему участія въ мѣстномъ управленіи, объ организаціи мѣстныхъ дворянскихъ обществъ. Какая разница въ этомъ отношеніи заявленія шляхетства въ коммисіи 1767 г.? Но эти новыя заявленія—плодъ большой перемѣны въ положеніи шляхетства: отмѣна обязательной службы въ 1762 г. вызываетъ новыя потребности сословія, о которыхъ заговорили представители шляхетскихъ интересовъ въ 1767 г.

II. Отмѣной обязательной службы шляхотства ему дано было право служить или жить, въ своихъ помѣстьяхъ. Конечно, правомъ этимъ воспользовались весьма многіе члены сословія, которыхъ, какъ мы видѣли, тянуло въ деревни и тогда когда на нихъ лежала обязательная служба: Екатерина II въ своихъ отвѣтахъ гр. Сегюру 1773 г. на вопросъ его о численности разныхъ сословій въ Россіи, перечисливъ сколько дворянъ въ государственной службѣ и сколько воспитывается въ корпусахъ, замѣтила, что *наибольшее ихъ число живетъ въ своихъ имѣніяхъ*, въ губернскихъ городахъ и столицахъ, особенно въ Москвѣ и Казани (Заря: іюнь, 1870 г.). Шляхетство, такимъ образомъ, разбрелось по уѣздамъ, размѣстилось по своимъ имѣніямъ. Явилась потребность дать ему какую-нибудь мѣстную организацію, привлечь его къ участію въ мѣстномъ управленіи. Наступаетъ въ исторіи дворянства новая пора, когда сложились дворянскія общества, которыя, чрезъ своихъ выборныхъ, пріобрѣтаютъ преобладающее значеніе въ мѣстномъ судѣ и управленіи. Пора эта продолжалась до нашихъ дней: отмѣна крѣпостнаго права, судебная реформа и земскія учрежденія видоизмѣняютъ это преобладаніе дворянства, призывая къ участію въ мѣстномъ управленіи новыя силы—силы народа, земства, а не одного привиллегированнаго сословія.

Екатерина II сзываетъ разбревшееся по уѣздамъ и размѣстившееся по своимъ имѣніямъ досужее мѣстное дворянство, въ 1766 г., для выбора уѣздныхъ предводителей и депутатовъ въ коммисію составленія новаго уложенія. Начальники собирали уѣздныхъ дворянъ и объявляли имъ, чтобы они выбрали изъ своей среды *дворянскаго предводителя* на *два года*, который бы въ томъ уѣздѣ владѣлъ деревнею и не былъ бы моложе 30 лѣтъ. При выборѣ предводителя примѣнена была форма *баллотированія*, установленная указомъ 1719 г. [117]). Ее же принимаютъ и учрежденіе о губерніяхъ и жалованная грамота 1785 г, и затѣмъ она постоянно употребляется дворянствомъ при выборахъ, что освящаетъ

и законъ 1831 г.—Избранный въ предводители въ письмахъ и разговорахъ въ своемъ уѣздѣ, если не имѣлъ другихъ титуловъ, назывался *почтенный* (избранный городскимъ головой титуловался *степенный*). Онъ получалъ отъ дворянства выбравшаго его уѣзда полномочіе руководствовать дворянство при предстоящемъ выборѣ депутата въ коммисію, а также и въ случаѣ другихъ требованій верховной власти. Для выбора депутата дворяне каждаго уѣзда должны были собраться въ назначенный губернаторомъ городъ къ опредѣленному сроку. [118]). Кто не могъ явиться лично, тотъ отзывался письменно къ губернатору, кого онъ изъ дворянъ своего уѣзда, при сочиненіи уложенія, удостоиваетъ быть депутатомъ, или что онъ въ выборѣ онаго полагается на своихъ сотоварищей. Дворянки, владѣющія въ уѣздѣ деревнями, присылали такія же объявленія. А если у дворянина были имѣнія въ разныхъ уѣздахъ, то онъ чрезъ объявленія могъ участвовать при выборѣ депутатовъ отъ всѣхъ этихъ уѣздовъ. Для избирателей полагался, не точно, впрочемъ, опредѣленный поземельный цензъ—дѣйствительное владѣніе имѣніемъ въ уѣздѣ. Таковой же цензъ, съ прибавленіемъ опредѣленнаго возраста—25 лѣтъ—полагался и для избираемости. Дворянскимъ депутатамъ опредѣлено годовое жалованье: 400 р. (городовымъ—122 р., прочимъ по 37). Депутаты отъ всѣхъ сословій получили, кромѣ того, другія важныя преимущества: 1) свободу отъ смертной казни, 2) отъ пытокъ, 3) отъ тѣлесныхъ наказаній. Имѣніе депутата подлежало конфискаціи только за долги; особа его ограждалась отъ оскорбленій угрозою двойнаго наказанія оскорбителю. Сверхъ всего этого, „дабы члена коммисіи о уложеніи узнать можно было, имъ всѣмъ опредѣлены одинаковые знаки, которые во всю ихъ жизнь при нихъ оставались, и которые дворянскіе депутаты могли поставить, по окончаніи дѣла коммисіи, въ свои гербы, дабы потомки могли узнать, какому великому дѣлу они были участниками“. Если дворянинъ, владѣвшій деревнями въ нѣсколькихъ уѣздахъ, выбирался депутатомъ отъ нѣсколькихъ

уѣздовъ, то, по прибытіи въ коммисію, онъ могъ, съ ея разрѣшенія, сдать одно изъ своихъ полномочій, кому заблагоразсудитъ. Депутату дворянство давало наказъ о своихъ нуждахъ, для сочиненія котораго оно баллотировало, или такъ назначало, 5 членовъ изъ своей среды (№ 12.801).

Таковъ былъ первый опытъ собрать дворянство въ уѣздныя общества, которымъ дано важное полномочіе—выборъ предводителя и депутата въ законосовѣщательную коммисію. Какъ отнеслось дворянство къ призыву императрицы? Въ дѣятельности коммисіи 1767 г.—избирателей и депутатовъ—всплыло наверхъ и заявило себя мыслящее меньшинство, которое, безъ сомнѣнія, сочувственно отозвалось на призывъ императрицы и съумѣло заявить о дѣйствительныхъ нуждахъ и пользахъ страны и сословія. Но по этой лицевой сторонѣ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, нельзя еще судить объ изнанкѣ: большинство мѣстнаго дворянства едва-ли поняло всю важность затѣи императрицы, едва-ли сочувственно отнеслось къ ея призыву. Не опять-ли обязательная служба, не опять-ли тягло, отъ котораго такъ недавно освободилъ Петръ III? мелькнуло въ головахъ многихъ *помѣщиковъ-лежебоковъ*. Пока собрано мало данныхъ, чтобы судить о воззрѣніи большинства мѣстнаго дворянства на коммисію 1767 г. Но и эти немногія данныя нѣсколько обрисовываютъ эти воззрѣнія.

Изъ сочиненія Блума о гр. Сиверсѣ мы видимъ, что когда Сиверсъ пригласилъ дворянъ новгородской губерніи приступить къ выбору депутата въ коммисію, то одинъ изъ нихъ отказывался, утверждая, что манифестомъ Петра III дворянство освобождено отъ обязательной службы [119]). Изъ подписанныхъ наказовъ видно, что при выборѣ депутата присутствовали далеко не всѣ помѣщики уѣзда, а иногда самое незначительное ихъ меньшинство: наказъ клинскаго дворянства, напримѣръ, подписанъ всего 6 дворянами (Сб. Русск. Историч. Общ. Т. III, стр. 265); при баллотированіи депутата отъ юрьевскаго дворянства владимірской губерніи при-

сутствовало только 12 дворянъ, получены отзывы отъ 53, а отъ многихъ даже не было отзывовъ (ib. стр. 318); верейскій наказъ подписанъ 5 дворянами (присутствовало 6 человѣкъ, такъ какъ сержантъ Ив. Бородинъ подписался и за ефрейтъ капрала Ивана Синдюкова, понеже онъ Синдюковъ грамотѣ и писать не умѣлъ) (ib. стр. 382); наказъ шуйскаго дворянства подписанъ 9 дворянами (ib стр. 397), столько же подписей и подъ кинешемскимъ наказомъ (стр. 421).

Замѣчено (В. Европы: окт. 1869 г.), что при выборѣ депутатовъ шляхетство обнаруживало нерѣдко чинопочитаніе, выбирая въ депутаты не рядоваго дворянина, который ближе стоялъ къ дѣйствительнымъ потребностямъ сословія, но человѣка чиновнаго, вращающагося въ сферахъ, отдаленныхъ отъ быта и жизненныхъ условій рядового дворянства: московское дворянство избрало своимъ депутатомъ генералъ-аншефа П. И. Панина, боровское (калужской губерніи)—генералъ-аншефа же кн. Волконскаго, волоколамское—гр. З. Гр. Чернышева, козельское (калужской губерніи)—гр. Брюса, медынское—кн. Голицына, ярославское—знаменитаго кн. Щербатова и т. д. Подобное же чинопочитаніе высказалось и при выборѣ депутатовъ малороссійскимъ шляхетствомъ: переяславское выбрало Безбородька, Ив. М. Скоропадскаго оспаривали многіе повѣты—глуховской, прилуцкій, черниговскій (Арх. Судіенка). Замѣчательно, что *само начальство* предостерегало дворянство отъ выборовъ, основанныхъ на чинѣ и знатности избираемаго лица.

Мы имѣемъ больше свѣдѣній о томъ, какъ отнеслось малороссійское шляхетство къ призыву депутатовъ въ коммисію 1767 г.? Румянцевъ не переставалъ жаловаться императрицѣ на своевольство шляхетства, на постоянные попреки одинъ другому тѣмъ, что онъ-де не шляхтичъ и т. п. (Соловьевъ: Р. В. Т. XXXV. 1861). Малороссійское шляхетство, при выборѣ депутатовъ въ коммисію, дѣйствительно безобразничало. Предводитель стародубскаго шляхетства, Петръ Искрицкій, писалъ гр. Румянцеву отъ 6 апрѣля 1767 г , что старо-

дубцы, выбравъ депутата и сочинивъ наказъ, стали разъѣзжаться по домамъ, не дождавшись подписи наказа всѣми. Сочиненный наказъ говорилъ въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ словахъ о нуждахъ стародубскаго дворянства. Между прочимъ, полученъ былъ наказъ шляхетства черниговскаго, въ которомъ точнѣе обозначены нужды сословія. Искрицкій просилъ у Румянцева дозволенія исправить прежній наказъ, примѣнительно къ пунктамъ наказа черниговскаго. Въ другомъ рапортѣ онъ продолжаетъ жалобы на стародубское шляхетство: 1). „Съ самаго вступленія моего въ сію отъ общества ввѣренную на меня должность, все стараніе мое прилагалъ я о сочиненіи отъ здѣшняго повѣта такого наказа, кой удаленъ будучи отъ всѣхъ закоренѣлыхъ предразсужденій, соотвѣтствовалъ бы прямой и существенной каждаго пользѣ. Но все мое попеченіе ни къ чему больше не послужило, какъ только къ самымъ обиднымъ для меня порицаніямъ отъ нѣкоторыхъ; и сколь ревностнѣе защищалъ я мои мнѣнія, столь больше несогласіе и упорство дѣйствовали, такъ что я, оставаясь при немногомъ числѣ шляхетства одинхъ со мною сентиментовъ, принужденнымъ себя напослѣдокъ увидѣлъ, во избѣжаніе пареканій уступить времени и на первомъ наказѣ съ усиліемъ моимъ подписаться“ (наказы депутатамъ въ коммисію 1767 г.—изъ Архива Судіенка). Подобное же случалось и въ другихъ повѣтахъ. Румянцевъ доносилъ сенату, что нѣжинскаго полка, въ повѣтахъ нѣжинскомъ и батуринскомъ, шляхетство выбрало въ предводители, а потомъ и въ депутаты земскаго судью Лаврентія Селецкаго, а на мѣсто его предводителемъ отставнаго полковника Ив. Тарнавіата. Но не давъ Селецкому полномочія, не сочинивъ для него наказа, шляхетство самовольно разъѣхалось, отложа сочиненіе наказа на цѣлый мѣсяцъ. Послѣ этого на срокъ, имъ самимъ назначенный, оно съѣхалось вторично, и приступило къ сочиненію наказа. Но при этомъ, оставя общественную пользу, вмѣсто разсужденія о своихъ нуждахъ и тягостяхъ, оно стало разсуждать о вопро-

сахъ къ дѣлу неподходящихъ. Тогда нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и депутатъ Селецкій, въ томъ имъ противорѣчили. Шляхетство, озлобившись на противорѣчившихъ, забыло данную подъ присягою довѣренность депутату Селецкому, и, пользуясь простотой предводителя Тарнавіата, заставило его, въ противность обряда, выбрать другаго депутата, подкоморія Гр. Долинскаго. Напрасно Румянцевъ увѣщевалъ отправить депутатомъ Селецкаго: „всѣ его увѣщанія не произвели въ сихъ заблужденныхъ никакова дѣйства“ (№ 12.933).

Но собравшись въ 1766 г. впервые въ уѣздныя общества, дворянство переговорило о своихъ нуждахъ. Одной изъ этихъ нуждъ была организація мѣстнаго дворянства, участіе его въ мѣстномъ управленіи. Насколько потребности эти назрѣли въ самой жизни, видно изъ шляхетскихъ наказовъ. Михайловскій (рязанской губерніи) уполномочиваетъ своего депутата заявить въ коммисіи, дабы дворянство, разсѣянное по всему государству, могло по уѣздамъ *общество дворянское состановить* (Сб. стр. 271); дворянство волоколамскаго уѣзда называетъ себя *корпусомъ дворянскимъ* (241). Боровское дворянство (калужской губерніи) проситъ, чтобы дозволено было дворянамъ чрезъ всякіе два года съѣздъ имѣть, и наономъ разсматривать и разсуждать о нуждахъ дворянства; дозволить собранію дворянства прямо отъ себя, выбравъ депутата, дѣлать представленія въ сенатъ (237); ярославское дворянство: во всякой провинціи учредить ежегодныя собранія дворянства, ведущія списки дворянъ (297); веневское (тульской губерніи): дворянамъ чрезъ каждый годъ съѣздъ имѣть, и наономъ разсуждать и разсматривать, все-ли въ уѣздѣ въ силѣ законовъ исполняется, и ежели что происходить будетъ къ неисполненію законовъ, то прямо отъ себя, выбравъ депутата, представить въ сенатъ (339); серпуховское: по-прошествіи 2 лѣтъ земскій судья собираетъ того уѣзда дворянъ, и на томъ собраніи объявляетъ обществу, что̀ въ уѣздѣ происходило, и дѣлаетъ свой отчетъ предъ собраніемъ (359). Тульскій наказъ говоритъ о необходимости построить въ уѣзд-

номъ городѣ домы для конференцъ-камеры, въ которую бы дворянство собиралось во время своихъ съѣздовъ (398). За правомъ дворянъ, составившии уѣздныя общества, составлять и собранія, слѣдуютъ требованія выбора мѣстныхъ должностныхъ лицъ. Московское дворянство требуетъ, чтобы дворянству въ уѣздѣ дозволено было выбирать изъ своей среды по одному или по нѣскольку коммисаровъ, черезъ годъ или два года, на содержаніи дворянскаго общества, для разбора небольшихъ ссоръ между дворянами и поселянами уѣзда и для производства судебныхъ слѣдствій (225); боровское: выбрать уѣздному дворянству ландрата, которому быть опекуномъ и защитникомъ уѣзда, а во всякомъ стану, которые переименовать дистриктами—дистриктнаго коммисара (237); костромское: во всякомъ уѣздѣ, или по крайней мѣрѣ въ каждой провинціи, для спокойствія и распорядку земскаго, изъ живущихъ въ отставкѣ дворянъ, по выбору ихъ же самихъ учредить земскіе суды—изъ одного старшаго, или выбраннаго уже предводителя и при немъ по 3 или по 4 человѣка соприсутствующихъ, перемѣняя ихъ черезъ 2 года, а во всякомъ стану учредить по выбору дворянъ становаго коммисара, для разбора споровъ (244); клинское: надъ дворянами уѣзда быть начальнику, избираемому чрезъ 3 года, который долженъ имѣть полную власть разбирать жалобы между дворянами и защищать ихъ въ воеводской канцеляріи. Кромѣ того, долженствуетъ быть годовому депутату, выбранному дворянствомъ, который, живучи въ Москвѣ, стараніе будетъ имѣть, чтобы какъ въ вотчинной коллегіи, такъ и въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ, дѣла дворянъ его уѣзда какъ наискорѣе были рѣшаемы. Этотъ депутатъ уѣзднаго дворянства долженъ быть подъ покровительствомъ государственнаго депутата, состоящаго изъ персоны 1 или 2 класса, который бы никакими дѣлами не занимался, но имѣлъ попеченіе о доставленіи дворянамъ чрезъ немедленное рѣшеніе ихъ дѣлъ совершеннаго спокойствія (255). Козельское: выборъ воеводы и товарища предоставить дворянству, которому изби-

рать также во всякой станъ земскихъ коммисаровъ погодно (265); михайловское: быть дворянскому земскому суду, а также, чтобы всегда былъ у дворянъ предводитель съ 4 помощниками, перемѣняемые дворянствомъ чрезъ каждые 2 года, который бы во всѣхъ дѣлахъ между дворянами, кромѣ криминальныхъ, судъ и расправу чинилъ (271), судиславское (костромской): баллотировать всякому уѣздному дворянскому обществу воеводъ на 2 года, да выбирать судью и къ нему 4 помощниковъ, для того, чтобы дворяне не имѣли себѣ убытка и приказной волокиты, ибо многіе изъ нихъ не только приказныхъ порядковъ не знаютъ, но не умѣютъ и грамотѣ (279); медынское: быть въ каждомъ уѣздѣ уѣздному дворянскому предводителю, а для суда и расправы въ каждомъ уѣздѣ выбирать дворянству судей, которымъ бы подчинялись выбранные также дворянами становые коммисары, а аппеляцію на тѣхъ судей приносить въ учрежденный въ губернскомъ городѣ дворянскій судъ (287); ярославское: воеводскихъ товарищей выбирать уѣздному дворянству, а для суда въ малыхъ дѣлахъ ежегодно выбирать становыхъ коммисаровъ (297); малоярославецкое: быть словесному суду въ уѣздѣ, а судей баллотировать уѣздному дворянству (321); коломенское: для лучшаго порядка между дворянами выбирать имъ черезъ два года дворянскаго предводителя (328); веневское: для лучшаго разбора ссоръ между дворянствомъ учредить въ уѣздѣ одного ландрата, а въ каждомъ стану дворянству выбирать по одному коммисару (339); ростовское: предводителю дворянства быть навсегда черезъ 2 года (353); серпуховское для правосудія въ уѣздѣ, съ перемѣною черезъ 2 года, быть одному земскому судьѣ, а при немъ 2 или 3 коммисарамъ по выбору дворянства (359); бѣжецкое: воеводамъ и ихъ товарищамъ, а въ станахъ коммисарамъ, быть по выбору дворянства (383); кашинское: дворянству въ своемъ уѣздѣ выбирать для суда дворянъ предводителя, а въ товарищество къ нему 4 человѣкъ—предводителя на 2 года, а товарищей погодно, а въ каждомъ стану—земскихъ коммисаровъ погодно

(459).—Подобныя же заявленія сдѣланы и малороссійскимъ шляхетствомъ: переяславское и черниговское просили, дабы дозволить возобновленіе выбора предводителя, чрезъ котораго требовать о высылкѣ дворянина для совѣта предъ государевымъ правительствомъ (Арх. Судіенко).—Корпоративная связь мѣстнаго дворянства сказалась еще въ требованіи устройства дворянскихъ опекъ (московское, костромское, михайловское, серпуховское).

Таковы были заявленія дворянства въ 1767 г. Мы нарочно подробно перебрали эти заявленія, для того, чтобы лучше оцѣнить, чего добивалось дворянство. Разсѣянное по уѣздамъ, дворянство чувствовало, что не было никакой, закономъ установленной между нимъ связи, соединяющей его членовъ въ одно мѣстное общество. Единство же положенія, единство интересовъ, дѣлали такую связь необходимой: отсюда требованіе михайловскаго дворянства, чтобы дворянство могло по уѣздамъ общество дворянское составить. Для обсужденія общихъ дворянскому обществу дѣлъ и интересовъ, члены его отъ времени до времени должны собираться вмѣстѣ—составлять дворянскія собранія: отсюда требованіе боровскаго дворянства и др. имѣть дворянству съѣзды чрезъ 2 года и т. д. Для завѣдыванія дѣлами дворянскихъ обществъ нужны дворянствомъ избираемыя должностныя лица: отсюда требованіе дворянства многихъ уѣздовъ имѣть дворянству постояннаго предводителя, избирать ландратовъ, коммисаровъ, судей. Требованія дворянства, такимъ образомъ, вращались въ *тѣсномъ кругу чисто сословныхъ интересовъ*. Дворянство заявляло не о томъ, чтобы выборнымъ отъ него принимать участіе въ мѣстномъ управленіи, *касавшемся интересовъ всѣхъ сословій*—дворянство требовало только права выбирать должностныхъ лицъ для завѣдыванія дѣлами дворянскихъ обществъ. Ничего подобнаго воззрѣніямъ на мѣстное значеніе землевладѣльцевъ англійской джентри; ничего подобнаго *мѣстному самоуправленію чрезъ помѣщиковъ*, подобнаго англійскому self-government'у чрезъ мировыхъ судей. Это—измышленіе

позднѣйшихъ публицистовъ, вышедшихъ изъ второй категоріи воззрѣній на отмѣну крѣпостнаго права, которую такъ живо охарактеризовалъ покойный Ланской.

Дѣятели 1767 г. имѣли болѣе простой взглядъ на участіе дворянства въ мѣстномъ судѣ и управленіи: участіе это для нихъ ограничивалось завѣдываніемъ дѣлами своего сословія, чтобы дворянству было польготнѣе, а на завѣдываніе мѣстными дѣлами другихъ классовъ они не имѣли никакихъ притязаній. Требованіе выбора дворянствомъ обще-правительственной мѣстной должности—воеводы—встрѣчаемъ только въ двухъ-трехъ наказахъ (козельскомъ, судиславскомъ).

Согласовались-ли эти требованія мѣстнаго дворянства съ намѣреніями Екатерины II, задумавшей преобразовать всю систему мѣстнаго управленія? Императрица задумала планъ губернскаго управленія на весьма широкихъ началахъ, въ сравненіи съ прежними: при раздѣленіи вѣдомствъ, при отдѣленіи суда отъ администраціи, при снабженіи уѣзднаго управленія многими учрежденіями нужно было множество новыхъ должностныхъ лицъ. Гдѣ было взять ихъ правительству? Бюрократія, хотя и разрослась уже, но ея хватало только на прежнія учрежденія. Единственный выходъ для императрицы былъ въ томъ, чтобы привлечь къ участію въ мѣстномъ управленіи *сословія*, и преимущественно *дворянство*, которое всегда было *служилымъ*. Поэтому, требованія дворянства дать ему право участвовать въ управленіи своими сословными дѣлами поднято было императрицей до права участвовать въ мѣстномъ судѣ и управленіи: дворянство получило больше, чѣмъ просило—даже можетъ быть больше, чѣмъ хотѣло. *Выборы въ мѣстныя должности сдѣлались для дворянства обязательной службой во второмъ исправленномъ изданіи.* Обязательная служба въ арміи и во флотѣ, при сенатѣ и коллегіи, преобразовалась въ обязательную службу въ губерніи и уѣздѣ, при палатѣ, или земскомъ судѣ. Въ этомъ отношеніи, замѣчаніе г. Лохвицкаго, что Екатерина II перечислила дворянство относительно отправляемой имъ службы изъ военнаго министерства

въ министерство внутреннихъ дѣлъ, столько же остроумно, сколько и вѣрно. При отбываніи этого новаго тягла, этой обязательной службы въ новомъ исправленномъ изданіи, мы подчасъ замѣчаемъ тѣ же явленія, какъ и прежде—тѣ же *нѣтчики* на дворянскихъ выборахъ, то же *отлыниваніе* отъ службы по выборамъ. Къ этому присоединились еще другія причины, повліявшія на то, что исторія участія дворянства въ мѣстномъ судѣ и управленіи, дворянскіе выборы—не составляютъ свѣтлаго эпизода въ исторіи этого сословія. Причины эти, о которыхъ подробнѣе мы скажемъ ниже: раздвоеніе дворянства на аристократію и низшее дворянство, абсентеизмъ первой изъ помѣстій и н. др.

Задумавъ преобразованіемъ губернскаго управленія предоставить дворянству широкое участіе въ немъ, Екатерина II достигла этой цѣли въ 1775 и 1785 г., а пока требованія дворянства, заявленныя въ наказахъ его депутатамъ, были болѣе или менѣе удовлетворяемы. Время отъ 1767 до 1775—переходъ отъ прежняго устраненія дворянства отъ всякаго участія въ мѣстномъ управленіи къ преобладающему въ немъ значенію: дворянство мало-по-малу призывается къ этому участію.

Должность предводителей сначала имѣла быть временной—на два года. Но когда истекалъ этотъ срокъ, то сначала велѣно снова выбрать ихъ на два года (1768, 1771 г. см. № 13.119, № 13.600), а вскорѣ повелѣно избирать ихъ, по истеченіи всякихъ двухъ лѣтъ, не ожидая о выборѣ особаго указа (№ 13.661). Въ то же время расширены ихъ обязанности: губернаторамъ и воеводамъ предписывалось въ 1771 г. обще съ уѣздными предводителями имѣть предписанныя предосторожности отъ распространенія прилипчивой болѣзни (№ 13.662), завѣдывать очищеніемъ товаровъ, изготовленныхъ къ отпуску (№ 13.748). Первые шаги новой должности не всегда отличались тактомъ и пониманіемъ круга ея обязанностей. Правительство, напримѣръ, жаловалось, что по случаю рекрутскихъ наборовъ

и по другимъ дѣламъ многіе изъ предводителей, будучи недовольны своими городовыми канцеляріями, миновавъ поставленныя надъ ними провинціальныя и губернскія, представляютъ прямо въ сенатъ, прося его сдѣлать разсмотрѣніе ихъ неудовольствій (№ 13.757).

Выборъ предводителей распространенъ былъ въ 1737 г. и на бѣлорусскія губерніи (псковскую и могилевскую) (№ 13.938). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ губерніяхъ учреждены губернскіе и провинціальные земскіе суды, члены которыхъ избирались тамошнимъ шляхетствомъ. Въ губернскіе земскіе суды шляхетство выбирало по одному главному судьѣ, противъ 6-го класса, да членовъ: въ могилевской, гдѣ было 4 провинціи—4-хъ, а во псковской, гдѣ были 3 провинціи—3-хъ, противъ 8 класса. Въ провинціальные же суды—въ каждый по одному презусу противъ 8 класса и по 3 члена противъ 9 класса. Судьи эти избирались на 4 года изъ помѣщиковъ, имѣющихъ не менѣе 20 душъ мужескаго пола, а избирателями могли быть только тѣ, которые владѣли не менѣе 10 душъ мужескаго пола (№ 13.977).

Учрежденіе о губерніяхъ, хотя еще ничего не говоритъ о томъ, что дворянство *губерніи* составляетъ одно цѣльное дворянское общество но предоставляетъ дворянству *поуѣздно*, съ уѣзднымъ предводителемъ во главѣ, срокъ службы котораго продолженъ до 3 лѣтъ, избирать множество должностныхъ лицъ въ новыя правительственныя и судебныя мѣста, появившіяся въ 1775 г. Объ этихъ должностныхъ лицахъ, избираемыхъ дворянствомъ, такъ какъ они были оставлены жалованной дворянству грамотой и существовали до нашихъ дней, мы скажемъ ниже.

Учрежденіемъ о губерніяхъ, сказали мы, дворянство губерніи не получаетъ еще огранизаціи губернскаго дворянскаго общества, во главѣ котораго стоитъ *губернскій предводитель дворянства.* Такую организацію оно получаетъ окончательно въ 1785 г. Впрочемъ, и въ десятилѣтіе 1775—1785 г. мы встрѣчаемъ уже начала этой организаціи. Изъ вопросовъ генералъ-губернаторовъ 1778 г. о порядкѣ выборовъ въ губерніяхъ должно-

стныхъ лицъ изъ дворянъ, видно, что въ это время уже были губернскіе предводители дворянства. Генералъ-губернаторы спрашивали: когда соберется дворянство губерніи, то, за полученіе повелѣній отъ государева намѣстника, слѣдуетъ-ли предстать предъ нимъ только *губернскому* и уѣзднымъ предводителямъ дворянства съ почетнѣйшими его членами, или же цѣлому обществу? (п. 3). Не слѣдуетъ ли при этомъ государеву намѣстнику вручить маршальскій жезлъ *губернскому предводителю дворянства?* (п. 4). Самъ ли генералъ-губернаторъ долженъ повести дворянство къ присягѣ, или же губернскій предводитель? (п. 8) и т. п. Между прочимъ, изъ этихъ же вопросовъ видно, что дворянство тогда еще не собиралось на выборы въ губернскій городъ, но совершало ихъ поуѣздно (№ 14.816). Кромѣ вопросныхъ пунктовъ генералъ-губернаторовъ, въ П. С. З. мы не находимъ другихъ подтвержденій, чтобъ должность губернскаго предводителя дворянства была учреждена раньше 1785 г., вопросные же пункты несомнѣнно свидѣтельствуютъ о существованіи этой должности и до жалованной грамоты. Генералъ-поручикъ Потемкинъ въ 1781 г. предложилъ также императрицѣ пункты о дворянскихъ выборахъ; между этими пунктами въ первомъ сказано, что втеченіе послѣдняго трехлѣтія губернскій предводитель тверскаго намѣстничества выбылъ, а на мѣсто его императрица велѣла выбрать другаго изъ числа уѣздныхъ предводителей (№ 15.280 п. 1).

Кромѣ этихъ указаній на существованіе губернскихъ предводителей дворянства въ промежутокъ времени 1775—1785 г., мы имѣемъ другіе признаки, что дворянство каждой губерніи уже начало тогда обособляться въ отдѣльныя губернскія дворянскія корпораціи. Въ 1782 г. императрица повелѣла генералъ-прокурору написать ко всѣмъ генералъ-губернаторамъ, что для платья дворянства обоего пола въ каждой губерніи присвоены особые цвѣта (№ 15.557). Въ 1784 г. точнѣе опредѣлены мундиры для дворянъ обоего пола каждой губерніи и для служащихъ въ губерніяхъ чиновниковъ.

Имперія была раздѣлена на три полосы, и для каждой полосы назначены особые цвѣта, съ различіями по губерніямъ, заимствованными большей частію изъ гербовъ, ими употребляемыхъ. Напримѣръ, въ с.-петербургской губерніи *сѣверной полосы*: кафтаны свѣтлосиняго сукна, лацканы, воротникъ и обшлага черные бархатные; подбой черный, камзолъ бѣлый, пуговицы желтыя. Въ московской губерніи *средней полосы*: красные кафтаны съ воротниками и обшлагами желѣзнаго цвѣта, подкладка и камзолы бѣлые, пуговицы золотыя. Въ кіевской губерніи *полуденной полосы*: темновишневый кафтанъ съ свѣтлоголубыми лацканами, воротникомъ, обшлагами, съ 4 по разрѣзу пуговицами и свѣтлоголубымъ подбоемъ, камзолъ бѣлый, пуговицы бѣлыя. (№ 15,994). Дворянскому мундиру присвоены были большія права: все дворянство, не исключая унтеръ-офицеровъ гвардіи, въ дворянскихъ мундирахъ имѣло право бывать на придворныхъ балахъ, входить въ кавалергардскую залу (Записки Энгельгардта). Цѣль дворянской униформы, установленной Екатериной II для обоихъ половъ, состояла между прочимъ и въ предупрежденіи роскоши: „губернскимъ мундирамъ рады отцы да мужья", слазала Екатерина II Храповицкому (Чт. 1862). Другое значеніе дворянской униформѣ, измѣненной 1 мая 1832 г., придалъ императоръ Николай: дворянство цѣлой Имперіи было одѣто въ мундиры министерства внутреннихъ дѣлъ—наглядное указаніе, что служба по этому вѣдомству продолжала быть обязанностію цѣлаго сословія. Въ униформѣ екатерининской, *особенной для каждой отдѣльной губерніи*, отражалась корпоративность сословія, принадлежность извѣстнаго дворянина къ тому или другому губернскому дворянскому обществу; униформа николаевская, *общая для дворянства* цѣлой Имперіи, на первый планъ выдвигаетъ, что оно *числится на службѣ* министерства внутреннихъ дѣлъ [120]).

И такъ, мы видѣли, что послѣ изданія учрежденія о губерніяхъ, въ 1775 г. и до жалованной дворянству грамоты 1785 г., дворянство каждой губерніи уже

складывается въ губернское дворянское общество. Окончательно дворянскія общества въ губерніяхъ устанавливаются жалованною дворянству грамотой, которая даетъ этимъ обществамъ весьма важное право избирать своего представителя—губернскаго предводителя дворянства, и, повѣряя доказательства дворянскаго происхожденія своихъ членовъ, чрезъ дворянскія депутатскія собранія, разрѣшать вопросъ о принадлежности къ себѣ своихъ членовъ.

Жалованная дворянству грамота—окончательный моментъ въ исторіи образованія дворянскихъ обществъ: ею опредѣлялось донынѣшнее значеніе и положеніе этихъ обществъ. Со времени изданія своего, она подверглась перемѣнамъ только дважды: при Павлѣ I, когда были отмѣнены многія права, ею дарованныя, было въ опасности самое существованіе губернскаго дворянскаго общества, разбитаго на общества уѣздныя, и значительно стѣснены выборныя права дворянства. Другія измѣненія постигли грамоту при императорѣ Николаѣ I, преимущественно по манифесту 6 декабря 1831 г., когда произведены были многія улучшенія во внутренней организаціи дворянскихъ обществъ и въ порядкѣ службы по выборамъ дворянства: опредѣленъ цензъ, дающій право непосредственнаго и посредственнаго участія въ выборахъ, пожаловано право выбора въ должность председателей судебныхъ палатъ, уравнена служба по выборамъ дворянства со службою коронною.

III. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія мы предположили разсмотрѣть:

А) дворянскія общества и органъ ихъ—дворянскія собранія: предметы дѣятельности, право участія въ нихъ вообще и въ выборахъ въ особенности.

Б) отношеніе къ дворянскимъ собраніямъ и выборамъ мѣстныхъ коронныхъ властей.

В) кругъ дѣлъ губернскаго и уѣзднаго управленія, порученныхъ вѣдѣнію дворянскихъ обществъ; должностныя лица, дворянствомъ избираемыя.

А) *Дворянскія общества и органъ ихъ—дворянскія собранія: предметы дѣятельности собраній, право участія въ нихъ вообще и въ выборахъ въ особенности.*

Жалованная дворянству грамота составила изъ дворянства губерніи отдѣльное дворянское общество, получившее значеніе юридическаго лица; уѣздное дворянство такого значенія не получило: законъ признаетъ только существованіе обществъ губернскихъ (Т. IX, ст. 88), несмотря на то ,что фактически между уѣзднымъ дворянствомъ гораздо болѣе связей. При Павлѣ I была попытка раздробить губернское дворянское общество на уѣздныя: законъ 1799 г. предписывалъ не съѣзжаться дворянамъ цѣлой губерніи для выборовъ въ губернскій городъ, а выборы, даже губернскаго предводителя, производить въ уѣздномъ городѣ (№ 19.154, 19.619). Точно такъ же, дворянская родословная книга губерніи была разбита на уѣздныя дворянскія родословныя книги, содержавшіяся поуѣздно (№ 19.531). Это случилось уже вконцѣ царствованія императора Павла I, а начало царствованія его преемника ознаменовалось возстановленіемъ жалованной грамоты (№ 19.810), а вмѣстѣ съ нею и губернскихъ дворянскихъ обществъ, такъ какъ дворянству дано прежнее право съѣзжаться для выборовъ въ губернскій городъ, а дворянскую родословную книгу вести по губерніи, а не поуѣздно (№ 19.856). Значеніе губернскаго дворянскаго общества, какъ юридическаго лица, еще болѣе усилено впослѣдствіи, когда положеніемъ о земскихъ повинностяхъ 1805 г. предписано дворянскія общества допускать предпочтительно предъ другими желающими къ подрядамъ по земскимъ повинностямъ въ губерніи, что подтверждено и уставомъ 1851 г. (№ 21.737. 2-е П. С. № 25.398). Вскорѣ затѣмъ, дворянскимъ обществамъ предоставлено право безъ узаконеннаго залога вступать въ подряды и поставки для войскъ, расположенныхъ въ губерніи [121]).

Органъ дворянскихъ обществъ—*собранія дворянъ.*

1. Жалованная грамота не различаетъ эксплицитно родовъ этихъ собраній. Но изъ нея видно, что они бывали губернскія и уѣздныя, обыкновенныя и чрезвы-

чайныя (см. § 38): обыкновенныя—для выборовъ, чрезвычайныя—для выслушиванія предложеній генералъ-губернатора, или губернатора [122]). При Павлѣ I, какъ мы видѣли, губернскія собранія были отмѣнены, а оставлены только собранія уѣздныя. Александръ I возстановилъ прежніе роды собраній. Положеніе 1831 г. точнѣе и эксплицитнѣе опредѣляетъ роды и виды ихъ. Оно отличаетъ *губернскія* собранія отъ собраній *уѣздныхъ*; тѣ и другія могутъ быть *обыкновенными* и *чрезвычайными*. Обыкновенныя губернскія собранія бываютъ чрезъ *каждые* три года—преимущественно въ декабрѣ и январѣ [123]); чрезвычайныя—по мѣрѣ надобности и когда удобнѣе. Обыкновенныя уѣздныя собранія составляются за три мѣсяца до открытія обыкновеннаго губернскаго собранія, а чрезвычайныя уѣздныя собранія—открываются по испрошеніи уѣздными предводителями чрезъ губернскихъ разрѣшенія начальника губерніи. Эти же роды и виды дворянскихъ собраній встрѣчаемъ и въ послѣднемъ изданіи свода (Т. IX ст. 91—98).

2. *Предметы совѣщаній и права дворянскихъ собраній.* Жалованная грамота опредѣляетъ слѣдующіе предметы дѣятельности собраній:

а) выборы должностныхъ лицъ, избраніе которыхъ предоставлено дворянству (§ 39—§ 45).

б) представленіе генералъ-губернатору или губернатору объ общественныхъ нуждахъ и пользахъ дворянства (§ 47).

в) представленія и жалобы, приносимыя чрезъ депутатовъ какъ сенату, такъ и государю (§ 48).

г) составленіе особливой казны добровольными складками дворянства (54).

д) повѣрка дворянской родословной книги, составляемой дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ (66). Причемъ, собранію дано право при запискѣ какого-нибудь дворянскаго рода въ книгу опредѣлить, сколько денегъ онъ долженъ внести въ дворянскую казну, но не свыше 200 р. асс. (§ 86), что́ переложено на 60 р. сер. (2-е П. С. № 13.750).

Права и преимущества дворянскихъ собраній по жалованной грамотѣ состоятъ:

а) собраніе дворянства не могло быть потребовано на судъ, не могло подлежать стражѣ (56—57).

б) собранію дворянства дозволено исключать изъ среды своей дворянина, который опороченъ судомъ, или котораго явный и безчестный порокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы онъ судимъ не былъ, пока оправдается (65).

Но за то собранію дворянства запрещено дѣлать противозаконныя постановленія, подъ опасеніемъ за первый разъ взысканія съ собранія пени 200 р., что̀ поручено наблюденію и иску губернскихъ стряпчихъ (49).

Постановленія жалованной грамоты о предметахъ дѣяльности дворянскихъ собраній, ихъ правахъ и преимуществахъ послѣдующимъ развитіемъ законодательства подвергались большимъ или меньшимъ измѣненіямъ. Измѣненія сіи состояли или въ болѣе точномъ опредѣленіи предметовъ дѣятельности и правъ собраній, или въ ограниченіи и отмѣнѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, или въ ихъ распространеніи.

а) Выборы должностныхъ лицъ—важнѣйшій предметъ дѣятельности дворянскихъ собраній—точнѣе были опредѣлены въ 1831 г.

б) Право дѣлать представленія начальству о своихъ нуждахъ и пользахъ, которымъ, впрочемъ, весьма мало пользовались дворянскія собранія, опредѣлено также точнѣе въ 1831 г.: представленія эти собранія могли дѣлать чрезъ губернскаго предводителя, а къ прежнимъ начальствамъ присоединено министерство внутреннихъ дѣлъ (2-е П. С. № 4.989, § 7). Дополненіемъ положенія 6 декабря 1831 г., изданнымъ въ 1836 г., постановлено, что если губернское дворянское собраніе сдѣлаетъ постановленіе о принесеніи просьбъ и жалобъ высшему правительству, то оно можетъ для объясненія сихъ просьбъ избрать депутатовъ, на случай вызова оныхъ правительствомъ (2-е П. С. № 9 322, § 32). Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніемъ 1831 г. расширены и

самые предѣлы просьбъ и жалобъ, приносимыхъ дворянствомъ начальству: кромѣ представленій о нуждахъ дворянства, оно могло также просить начальство о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постановленія (2-е П. С. № 4.989, § 62). Постановленіемъ этимъ передовому общественному классу губерніи дано весьма важное право, для поддержанія его авторитета—право предстательствовать о нуждахъ цѣлаго края и всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ. Но какіе были результаты этого постановленія? Во всякомъ случаѣ, не такіе, чтобы поднять значеніе и авторитетъ дворянства въ глазахъ другихъ общественныхъ классовъ. Да можетъ быть дворянство и предстательствовало, но его петиціи и заявленія оставлялись безъ всякихъ послѣдствій? Изданіе и разъясненіе документовъ по этому вопросу, во всякомъ случаѣ, освѣтило бы яркимъ свѣтомъ исторію изучаемаго нами сословія.

в) Право представленій и жалобъ чрезъ депутатовъ сенату и государю, косвенно было отмѣнено указомъ 4 мая 1797 г. Указъ этотъ воспретилъ всѣмъ мѣстамъ принимать коллективныя прошенія—за многими подписями (№ 17.955), что̀ распространилось и на прошенія, приносимыя дворянскими собраніями. По возстановленіи жалованной грамоты, возстановлены были и 47 и 48 §§ ея, дающіе дворянскимъ собраніямъ право петицій. Положеніе 1831 г. точнѣе опредѣляетъ и даже расширяетъ право, предоставленное § 48 жалованной грамоты. Дворянство можетъ приносить прошенія государю, адресуя конверты въ собственныя руки Е. И. В. Если же для объясненія жалобы признано будетъ нужнымъ вызвать депутатовъ, то дворянство присылаетъ ихъ въ числѣ не болѣе 3, и депутаты эти имѣютъ быть снабжены уполномочіемъ, подписаннымъ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства, съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ предметовъ, порученныхъ ихъ ходатайству (2-е П. С. № 4.989. § 8). Но положеніе 1831 г. умалчиваетъ о правѣ дворянскихъ собраній посылать депутацію въ

сенатъ, что прямо предоставляется имъ § 42 грамоты, тогда какъ ни въ § 7, ни въ § 8 положенія 1831 г. объ этомъ не говорится.

г) Право дворянскихъ собраній составлять складчинами казну опредѣляется въ § 54 грамоты весьма неточно. Въ 1796 г. опредѣленъ одинъ изъ предметовъ употребленія этой казны: разрѣшено изъ нея дѣлать ссуды дворянамъ, подъ залогъ ихъ недвижимыхъ имѣній (№ 17.427). Въ 1805 г. по высочайшей волѣ предложенъ былъ на обсужденіе государственнаго совѣта вопросъ: „должны-ли существовать добровольныя дворянскія складки?“ Такимъ образомъ, подвергнуто было сомнѣнію существованіе § 54 жалованной грамоты. Но совѣтъ большинствомъ голосовъ разрѣшилъ вопросъ утвердительно. При этомъ гр. Румянцевы подали особыя мнѣнія.

Особенный интересъ представляетъ мнѣніе министра коммерціи. „Надобно остерегаться, говоритъ онъ, чтобъ складки не были вынуждены... Вынужденными могутъ быть тогда, когда склоняетъ къ тому или начальникъ губерніи, желая отличить эпоху своего управленія, или дворянскій предводитель, дѣйствуя въ намѣреніи выслуги. Въ пресѣченіе сихъ личныхъ домогательствъ должно бы огласить по государству, что впредь приношенія дворянскія всегда угодны будутъ престолу, но не будутъ отплачиваться воздаяніями ни на лицо губернатора, ни на лицо предводителя... Должны ли мелкопомѣстные дворяне подавать голосъ при такихъ раскладкахъ? Я утверждаю противное.... Впрочемъ, я не совсѣмъ исключаю мелкихъ дворянъ...., а собирая ихъ въ 5-сотные участки, отдаю имъ соразмѣрный голосъ.... Всѣ дворянскія имѣнія раздѣляются на пятисотные участки, и каждому участку дается право голоса. Владѣющій 1.000, или 2.000 имѣетъ два или 4 голоса и т. д. Неимѣющій 500 душъ остается безгласенъ, хотя имѣетъ право быть при сужденіи о складкахъ. Мелкопомѣстные дворяне, дабы составить итогъ, слагаются въ общіе участки, и всѣ, сколько бы ихъ ни вмѣстилось въ 5-сотный участокъ, изображаютъ одинъ голосъ,

ввѣряя оный одному изъ нихъ“.... (Чтенія кн. 3-я 1860 г.).

На основаніи мнѣнія государственнаго совѣта точнѣе опредѣлены, въ 1805 г., правила о добровольныхъ дворянскихъ складкахъ, которыя могъ предлагать собранію губернскій предводитель, испросивъ предварительно дозволеніе начальника губерніи, а собраніе рѣшало вопросъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ (№ 21.737). Положеніемъ 1831 г. складки раздѣлены на 2 рода: а) на надобности, необходимыя всей губерніи или общеполезныя, и б) на предметы, общей надобности несоставляющіе, или на издержки частныя. Постановленія о складкахъ перваго рода, принятыя собраніемъ единогласно или $^2/_3$ голосовъ, съ отзывомъ не согласившихся, если таковой послѣдуетъ, представляются губернскимъ предводителемъ чрезъ начальника губерніи министру внутреннихъ дѣлъ, а отъ него комитету министровъ. Если послѣдуетъ утвержденіе государя, то постановленіе дворянскаго собранія дѣлается равно обязательнымъ, какъ для дворянъ, присутствовавшихъ въ собраніи, такъ и для отсутствовавшихъ.—Постановленія же о складахъ 2-го рода обязательны только для дворянъ, принявшихъ ихъ (2-е П. С. № 4.989. § 12). Не малый интересъ представляетъ также вопросъ, какъ собирались эти складки, до какихъ размѣровъ онѣ доходили, на что употреблялись? Пока, кромѣ воспоминаній изъ недавняго прошлаго, нѣтъ данныхъ для разрѣшенія этого вопроса. Воспоминанія же едва-ли говорятъ въ пользу производительнаго и разумнаго употребленія дворянскихъ капиталовъ, которые достигали весьма почтенныхъ суммъ.

д) Предметы дѣятельности дворянскихъ собраній расширены въ 1805 г. предоставленіемъ имъ права участвовать въ составленіи смѣтъ и раскладки земскихъ повинностей. Смѣты составлялись начальникомъ губерніи, обще съ вице-губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ. Смѣта, такимъ образомъ составленная, представлялась собранію дворянства при первыхъ вы-

борахъ, а собраніе назначало депутатовъ для раскладки (№ 21.737).

Предметъ обыкновенныхъ уѣздныхъ собраній, вовсе не опредѣленный жалованной грамотой, былъ въ точности обозначенъ въ положеніи 1831 г. Обыкновенныя уѣздныя собранія занимаются: 1) приготовительными распоряженіями къ губернскимъ выборамъ и 2) назначеніемъ посредствомъ баллотированія одного изъ своихъ сочленовъ для подробнаго разсмотрѣнія отчетовъ въ употребленіи дворянскихъ суммъ (2-е П. С. № 4.989). Къ этимъ предметамъ присоединено въ 1839 г. 3) право уѣздныхъ собраній раздѣлять уѣздъ на части, съ назначеніемъ въ каждую изъ нихъ посредника для полюбовнаго спеціальнаго размежеванія земель (Ib. № 12.459). Кромѣ того, могъ быть еще одинъ предметъ уѣздныхъ дворянскихъ собраній: 4) въ 1832 г. было постановлено, что если для замѣщенія вакантной должности уѣзднаго предводителя не будетъ кандидата, а срокъ до губернскихъ выборовъ останется не болѣе года, то должность уѣзднаго предводителя поручается уѣздному судьѣ, а если болѣе года—то она замѣщается посредствомъ баллотированія въ уѣздномъ городѣ, подъ руководствомъ уѣзднаго судьи (2-е № 5.673). Тоже примѣнено въ 1834 г. къ выбору депутатовъ отъ дворянства (Ib. № 6.756).

Что́ касается предметовъ чрезвычайныхъ собраній дворянства—какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ,—то законъ не предусматривалъ ихъ; предметы эти обусловливались обстоятельствами, вызвавшими чрезвычайныя собранія.

Право, предоставленное § 65 жалованной грамоты, точнѣе было опредѣлено въ интересѣ лица, подвергающагося исключенію изъ дворянскаго собранія. По положенію 1831 г. исключеніе дворянина изъ дворянскаго собранія можетъ послѣдовать не иначе, какъ постановленіемъ, принятымъ единогласно или большинствомъ $^2/_3$, посредствомъ баллотированія и подписаннымъ какъ губернскимъ, такъ и уѣздными предводителями въ залѣ собранія. Такое постановленіе, неподлежа пе-

ресмотру судебныхъ мѣстъ, приводилось немедленно въ исполненіе. Жалоба на него могла быть принесена только сенату, и то лишь кассаціоннаго характера—вслучаѣ несохраненія порядка, постановленнаго для собранія голосовъ и подписанія приговора (2-е П. С. № 4.989. § 55). Гарантія для дворянина, подвергающагося исключенію, въ 1835 г. была еще усилена тѣмъ, что если онъ находился въ отсутствіи, то дворянство могло постановить только объ удаленіи его отъ собраній и предоставить ему чрезъ своего уѣзднаго предводителя представить собранію объясненія, нужныя для оправданія себя предъ собратами, и затѣмъ уже, въ слѣдующее губернское собраніе, дворянство разрѣшало: долженъ ли дворянинъ быть рѣшительно исключенъ, или же, на основаніи объясненій, быть снова допущенъ къ участію въ дѣлахъ дворянства (2-е П. С. № 7.734).

Постановленіе § 49 грамоты о пени, которой подвергались собранія за противозаконныя постановленія, было измѣнено § 62 положенія 1831 г.: за противозаконное постановленіе—500 р. пени съ собранія, и сверхъ того особенно съ губернскаго предводителя 200 р., а съ уѣздныхъ—по 100 р. съ каждаго (2-е № 4.989). Этотъ §, по переложеніи счета ассигнаціями на серебро, составилъ ст. 135 IX Т. изд. 1857 г.).

3. *Право участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ.*

Жалованная грамота заключаетъ въ себѣ мало постановленій объ этомъ. Право имѣть голосъ въ дѣлахъ собранія она предоставляетъ дворянину: 1) владѣющему деревнею, 2) не моложе 25 лѣтъ и 3) получившему въ службѣ оберъ-офицерскій чинъ. Нѣсколько точнѣе опредѣляется пассивный имущественный цензъ: избраннымъ можетъ быть только дворянинъ, получающій съ своихъ деревень не менѣе 100 р. дохода. Другія условія для избираемыхъ тѣ же, что и для избирателей: 25 лѣтній возрастъ и чинъ. Имущественный цензъ и опредѣленный возрастъ встрѣчаются и въ прецедентахъ жалованной грамоты [124]); новое условіе—чинъ. Но этому требованію грамота не даетъ обратной силы: тѣ изъ неимѣвшихъ чина, которые уже были выбраны до жалованной гра-

моты, сохранили право быть избираемыми и на будущее время (№ 16.297).—Императоръ Павелъ I всѣмъ дворянамъ, исключеннымъ изъ военной службы, которыхъ при немъ было не мало, запретилъ всякое участіе въ выборахъ—въ качествѣ избирателей и избираемыхъ (№ 18,245, 18.321). При возстановленіи жалованной грамоты въ 1801 г., Александръ I стоялъ на томъ, чтобы дворяне, нигдѣ неслужившіе, не принимали участія въ выборахъ, но члены неофиціальнаго комитета, въ особенности Новосильцовъ, предлагали замѣнить эту квалификацію другою: лишить права присутствовать въ собраніяхъ дворянъ безграмотныхъ и неимѣющихъ понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, а равно и тѣхъ, кои жестоко обращаются съ своими крестьянами. Но императоръ удержалъ одну изъ квалификацій жалованной грамоты—чинъ (Приложенія ко 2-й гл. Исторіи Александра I Богдановича).

Имущественный цензъ оставался нетронутымъ. На дворянскихъ выборахъ продолжали участвовать дворяне мелкопомѣстные, число которыхъ преобладало и дѣлало собранія слишкомъ многолюдными: въ Рязани на дворянскіе выборы вконцѣ прошлаго столѣтія стекалось иногда до 2.000 дворянъ, преимущественно мелкопомѣстныхъ. Опираясь на мелкопомѣстье, вліятельный и сильный человѣкъ могъ дѣлать на выборахъ что хотѣлъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ московской губерніи, вконцѣ царствованія Екатерины II, предводителемъ былъ богачъ и вельможа, кн. Любецкой: передъ выборами онъ обыкновенно приглашалъ къ себѣ дворянъ уѣзда и объявлялъ имъ—кого они должны выбрать судьею, кого исправникомъ и т. д. Дворяне безропотно повиновались князю, а другіе предводители старались подражать ему. Такія личности, какъ кн. Любецкой, обыкновенно привозили съ собой въ губернскій городъ толпы мелкопомѣстныхъ избирателей, которыхъ они во время выборовъ на свой счетъ кормили, поили и одѣвали, а тѣ по указаніямъ своего милостивца *прокатывали на вороныхъ*, или выбирали того или другаго претендента (Р. В. Т. XIV 1858). Это же повторялось и втеченіе 19 ст. до закона

1831 г., повысившаго избирательный цензъ: мы знавали еще живыхъ свидѣтелей прежнихъ порядковъ, отъ которыхъ слыхали рядъ уморительныхъ анекдотовъ о томъ, что̀ дѣлали на выборахъ богатые помѣщики съ мелкопомѣстными, мы видали еще фургоны оригинальной конструкціи, въ которыхъ отвозились толпы послѣднихъ въ губернскій городъ на выборы. Противъ низкаго имущественнаго ценза раздавались голоса еще вначалѣ текущаго столѣтія. „По нынѣшнему порядку", говорилъ государственному совѣту въ 1805 г. министръ коммерціи, гр. Румянцевъ, „дворянамъ мелкимъ, владѣющимъ лоскутомъ земли, дана въ голосѣ при выборахъ, или другихъ съѣздахъ, уважительность, наравнѣ съ великопомѣстными, отчего выходитъ, что первые, обольщаясь своими преимуществами, рано оставляютъ службу и скрываются въ губернію, дабы представлять тамъ роль значительную наравнѣ съ лучшими помѣщиками, и, слѣдственно, съ знатнымъ дворянствомъ, а *знатные помѣщики, негодуя на такое поравненіе, удаляются изъ губерній*" (Чтенія, кн. 3-я, 1860 г.). Несмотря на эти невыгоды низкаго имущественнаго ценза, при тогдашней степени развитія мелкаго дворянства, несмотря на протесты противъ него—онъ оставался нетронутымъ. Только въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, въ которыхъ Павломъ I былъ уничтоженъ даже всякій имущественный цензъ, было постановлено въ 1805 г., что въ дворянскихъ собраніяхъ могутъ избирать и быть избираемы только тѣ дворяне, недвижимое имѣніе которыхъ приноситъ не менѣе 150 р. годичнаго дохода (№ 21.646). Другіе же вопросы, относящіеся до права участія въ собраніяхъ дворянства, были разъясняемы: такъ въ 1820 г. постановлено не допускать къ выборамъ служащихъ чиновниковъ, безъ аттестатовъ объ увольненіи отъ послѣдняго мѣста служенія ихъ—какъ то случалось иногда, напримѣръ во владимірской губерніи (№ 28.143). Точнѣе былъ также опредѣленъ возрастъ для избираемыхъ въ нѣкоторыя должности. Нѣкоторые губернаторы, при утвержденіи избранныхъ въ предводители, иногда за-

труднялись, какое узаконеніе принимать въ основаніе при опредѣленіи возраста: обрядъ-ли 1766 г., по которому дворянинъ, избранный въ предводители, долженъ имѣть 30 лѣтъ, или 62 ст. жалованной грамоты, которою запрещается избирать моложе 25 лѣтъ [125]). Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ объ этомъ сенату, который постановилъ: руководствоваться 62 ст. грамоты, за исключеніемъ губерній, возвращенныхъ отъ Польши, въ которыхъ по указу 1805 г. дозволено избирать дворянъ не ниже 22 лѣтъ (2-е П. С. № 3.881).

Наконецъ, въ 1831 г. опредѣлено точнѣе, какія лица могутъ участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ. Но изданное въ этомъ году положеніе еще порождало иногда нѣкоторыя недоумѣнія, для разъясненія которыхъ государственный совѣтъ въ 1832 г. дважды издавалъ дополнительныя статьи (2-е П. С. № 5.240, 5.580). Недоразумѣнія все-таки существовали: когда, послучаю открытія Александровской колонны въ С.-Петербургѣ собрались предводители дворянства, то министръ внутреннихъ дѣлъ личными объясненіями съ ними старался разъяснить эти недоразумѣнія. Потомъ дѣло было внесено въ государственный совѣтъ, издавшій въ 1836 г. новыя дополненія къ положенію 6 декабря 1831 г.— (2-е П. С. № 9.774).

Законоположенія эти слѣдующимъ образомъ опредѣляютъ право участія въ дворянскихъ собраніяхъ.

Собранія дворянства составляются только изъ *потомственныхъ дворянъ* губерніи или уѣзда. Одни изъ нихъ *имѣютъ право голоса* въ дѣлахъ собранія, а другіе *права голоса не имѣютъ. Право голоса имѣетъ* дворянинъ: 1) когда онъ честнаго и неукоризненнаго поведенія и не находится въ явномъ порокѣ или подозрѣніи. 2) Когда онъ внесенъ въ родословную книгу той губерніи, въ собраніяхъ коей желаетъ участвовать, и имѣетъ въ оной недвижимую собственность. 3) Когда онъ имѣетъ не менѣе 21 года. 4) Когда онъ имѣетъ по крайней мѣрѣ чинъ 14 класса, полученный на дѣйствительной службѣ, а не при отставкѣ, или же прослужилъ 3 года по выборамъ дворянства или получилъ въ службѣ россій-

скій орденъ. 5) Когда имъ представленъ аттестатъ или указъ объ увольненіи отъ послѣдняго мѣста служенія, или же отпускъ.—Быть въ собраніи, *не имѣя голоса въ положеніяхъ онаго*, могутъ потомственные дворяне и неимѣющіе никакого чина, неслужившіе по выборамъ, и невладѣющіе никакимъ недвижимымъ имуществомъ.

Право голоса въ дѣлахъ собранія — двоякое [126]): 1) голосъ во всѣхъ положеніяхъ собраній, кромѣ выборовъ и 2) голосъ и въ выборахъ (которые законъ 1831 г. называетъ однимъ изъ важнѣйшихъ правъ благороднаго россійскаго дворянства, чрезъ которое „оно содѣйствуетъ непосредственно охраненію общественнаго благоустройства и отправленію правосудія“).

Право голоса въ выборахъ, кромѣ тѣхъ условій, которыя даютъ дворянину право участвовать въ постановленіяхъ собраній, зависитъ еще *отъ качества* и *количества* состоящей за нимъ недвижимой собственности, и сообразно тому бываетъ: а) непосредственное, или б) посредствомъ уполномоченныхъ.

а) *Непосредственное право* принадлежитъ дворянину, имѣющему не менѣе *ста душъ крестьянъ* мужескаго пола, ему принадлежащихъ, или *ста человѣкъ поселянъ*, живущихъ на собственной его землѣ, по условію съ нимъ заключенному; а также не менѣе *3.000 десятинъ земли*, хотя и незаселенной, но въ одной губерніи. Къ этому въ 1836 г. прибавлено: непосредственное право выбора принадлежитъ также дворянину, пріобрѣвшему во время дѣйствительной службы, а не при отставкѣ военный чинъ—полковника, или гражданскій—дѣйствительнаго статскаго совѣтника, если онъ при томъ: а) имѣетъ въ той губерніи или въ разныхъ губерніяхъ не менѣе *5 душъ* поселенныхъ крестьянъ, или же *150 десятинъ* удобной, хотя незаселенной земли. Правомъ этимъ пользуется и дворянинъ, прослужившій въ званіи предводителя полное трехлѣтіе, хотя бы онъ не имѣлъ никакой недвижимой собственности. Непосредственное право выбора законъ 1736 г. предоставилъ также и опекунамъ имѣній малолѣтнихъ дѣтей своихъ,

если имѣнія эти составляютъ полный участокъ.—Дворянинъ, имѣющій во владѣніи своемъ полные участки въ разныхъ губерніяхъ, по закону 1831 г., можетъ участвовать непосредственно въ выборахъ каждой изъ нихъ. Имѣющій же полные участки въ разныхъ уѣздахъ одной губерніи можетъ по каждому изъ нихъ участвовать въ выборѣ уѣздныхъ чиновниковъ, но при выборѣ губернскихъ онъ имѣетъ одинъ голосъ. Если малые участки, разбросанные въ разныхъ губерніяхъ, составляютъ въ совокупности полный участокъ—то это даетъ право непосредственнаго участія въ выборахъ въ одной изъ губерній. Право непосредственнаго участія принадлежитъ также и потомственному дворянину, у котораго находится полный участокъ по заставному или пожизненному владѣнію, если только онъ владѣетъ не менѣе 10 лѣтъ. Напротивъ, дворяне-арендаторы, даже полныхъ участковъ, этого права не имѣютъ. Въ имѣніи, нераздѣльно владѣемомъ, сколько есть полныхъ участковъ, столько можетъ быть и непосредственныхъ избирателей; но если все имѣніе, нераздѣльно многими владѣемое, составляетъ не болѣе одного участка, тогда владѣльцы онаго избираютъ изъ среды своей одного уполномоченнаго, но если владѣльцы братья, то право быть уполномоченнымъ принадлежитъ старшему. Напротивъ, дворянинъ, неимѣющій полнаго участка, хотя бы имѣніе его въ сложности съ имѣніемъ жены его и составляло таковой—не имѣетъ права непосредственно участвовать въ выборахъ. Кромѣ этого нормальнаго ценза, ввидѣ исключенія, предоставлено право непосредственнаго выбора: по *с.-петербургской губерніи*—дворянамъ, владѣющимъ въ столицѣ или ея уѣздѣ домами и дачами, по *московской губерніи*—владѣющимъ домами (не дачами?) въ Москвѣ, по *кавказской области*—землями, домами и садами, по *таврической губерніи* и по *Бессарабіи*—землями, если только этого рода недвижимая собственность приноситъ не менѣе 2.000 р. асс. ежегоднаго дохода. Дворянинъ, имѣющій непосредственный голосъ въ выборѣ, можетъ вмѣсто себя послать въ собраніе одного изъ неотдѣленныхъ своихъ сыновей, если

только онъ соединитъ въ себѣ условія, дающія право участвовать въ собраніяхъ дворянства, и записанъ въ родословную книгу. На этомъ же основаніи и дворянка, владѣющая такимъ недвижимымъ имѣніемъ, которое даетъ право непосредственнаго участія въ выборахъ, можетъ это право предоставить своему мужу [127]), сыну или зятю, хотя бы они и не владѣли никакимъ недвижимымъ имуществомъ въ губерніи, если только имѣютъ право участвовать въ собраніяхъ. Но такая дворянка, у коей не будетъ сихъ родственниковъ, можетъ право свое передать и другому постороннему лицу, если только оно само по себѣ имѣетъ право непосредственнаго выбора. Уполномочіе на право присутствовать въ собраніяхъ дворянства и участвовать въ выборахъ составляется ввидѣ письма на имя уѣзднаго предводителя дворянства на простой бумагѣ, за свидѣтельствомъ 2 дворянъ того же уѣзда. Уполномочіе это не можетъ быть передаваемо дворяниномъ, получившимъ оное, другому. Одно лицо не можетъ также имѣть болѣе одного полномочія. Но имѣющій полномочіе и въ то же время имѣющій собственное право непосредственнаго участія въ выборахъ, при баллотированіи имѣетъ два шара [128]).

б) *Право участія въ выборахъ чрезъ уполномоченныхъ* принадлежитъ тѣмъ дворянамъ, за коими состоитъ въ губерніи не *менѣе 5 душъ* поселенныхъ крестьянъ, или же не менѣе *150 дес.* удобной, хотя не заселенной земли, когда они не имѣютъ чина полковника, или дѣйствительнаго статскаго совѣтника и не прослужили полнаго трехлѣтія въ званіи предводителей дворянства.— Неполные участки складываются въ полные, и на каждый полный полагается одинъ уполномоченный, какъ бы ни было велико число приходящихъ неполныхъ участковъ. Но имѣетъ ли право владѣющій неполнымъ участкомъ дать полномочіе на выборъ уполномоченныхъ другому лицу? Законъ не разрѣшаетъ. Число-же уполномоченныхъ обусловливается не числомъ всѣхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ уѣзда, но числомъ дѣйствительно прибывшихъ въ уѣздное собраніе.

Таковы опредѣленія закона 1831 г. и дополненій къ нему объ активномъ имущественномъ цензѣ. Цензъ этотъ значительно повышенъ въ сравненіи съ жалованной грамотой. Напротивъ, цензъ пассивный пониженъ вообще, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ должностей. По положенію 1831 г. и дополненіямъ къ нему, въ должности по выбору дворянства могутъ быть избираемы: 1) Потомственные дворяне губерніи, имѣющіе право участвовать въ дѣлахъ собранія. 2) Потомственные дворяне, кои не владѣя недвижимымъ имѣніемъ, не участвуютъ въ дѣлахъ собранія. 3) Потомственные дворяне, кои еще нигдѣ не служили, слѣдовательно не имѣютъ еще классныго чина и потому не участвуютъ въ дѣлахъ собранія, но только въ должности не свыше 10 класса. 4) Всѣ личные дворяне губерніи, но только въ должности засѣдателей земскихъ судовъ, а въ случаѣ недостатка потомственныхъ дворянъ, по усмотрѣнію собранія, въ земскіе исправники (2-е П. С. № 4.989, 5.240, 5.530, 9.322).—Въ 1856 г. дозволено выбирать личныхъ дворянъ и въ должности членовъ межевыхъ судовъ—тамъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго числа дворянъ потомственныхъ (2-е № 31.137).

Послѣ этого окончательнаго опредѣленія права участвовать въ собраніяхъ дворянства вообще и въ выборахъ въ особенности, до послѣдняго изданія свода вышло нѣсколько постановленій только о частностяхъ. Вскорѣ по обнародованіи положенія 1831 г., министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ комитетъ министровъ записку о томъ, чтобъ по случаю недостатка въ с.-петербургской губерніи дворянъ, владѣющихъ полными участками, предоставить право непосредственнаго выбора всѣмъ тѣмъ, которые владѣютъ во всѣхъ уѣздахъ ея недвижимыми имуществами, приносящими не менѣе 2.000 ежегоднаго дохода. Предложеніе министра, принятое комитетомъ, было утверждено государемъ (2-е П. С. № 5.910). Въ 1834 году дозволено было бессарабскимъ дворянамъ, неимѣющимъ чиновъ, участвовать въ дворянскихъ выборахъ (2-е П. С. № 6.889). Въ 1837 г. распространено и на астраханскую губернію

*

право непосредственнаго участія въ выборахъ дворянъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ, приносящимъ не меньше 2.000 р. ежегоднаго дохода (2-е П. С. 10.225). Въ 1846 г. въ землѣ войска донскаго предоставлено тамошнему дворянству вмѣсто себя присылать на выборы въ Новочеркасскъ по 12 депутатовъ отъ каждаго изъ 7 округовъ (2-е П. С. № 20.276 ст. 708). Въ 1848 г. опредѣлено, кто изъ дворянства тифлисской губерніи имѣетъ право участвовать въ выборахъ непосредственно и кто чрезъ уполномоченныхъ? Непосредственно—имѣющіе не менѣ 20 дымовъ крестьянъ или поселянъ, а также земли не менѣе, какъ на 1.000 дней паханья; а чрезъ уполномоченныхъ—не менѣе 2 дымовъ крестьянъ или поселянъ, а незаселенной земли не менѣе 100 дней (2-е № 22.839), а въ 1850 г. это распространено и на кутаисскую губернію (2-е № 24.707). Въ 1852 г. постановлено, что дворянамъ, владѣющимъ въ с.-петербургской губерніи недвижимыми имуществами, а въ московской губерніи домами въ столицѣ, только тогда можно пользоваться непосредственнымъ правомъ выбора, когда цѣнность этихъ недвижимыхъ имуществъ и домовъ не менѣе 15.000 р. сер. (2-е № 26.846), а въ 1857 г. это распространено и на владѣльцевъ домовъ въ Кіевѣ (2-е № 32.273), которые въ 1807 г., по одному владѣнію домами, лишены права избирать и быть избираемыми (№ 22.540).

Б. *Отношенія къ собраніямъ мѣстныхъ коронныхъ властей.*

Выборы депутатовъ въ коммисію 1767 г. происходили подъ надзоромъ и руководствомъ губернаторовъ и другихъ начальниковъ, ими назначенныхъ. Выборы должны были происходить „съ тихостію, учтивостію и безмолвіемъ“, зачѣмъ должно смотрѣть начальство, подъ руководствомъ котораго выборы производились (№ 12.801). Первые выборы по учрежденію о губерніяхъ производились также въ присутствіи губернатора, вице-губернатора и одного изъ предсѣдателей палатъ (№ 14.816 ст. 18). Учрежденіе о губерніяхъ, опредѣливъ вообще обязанности генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и

губернскихъ прокуроровъ по наблюденію надъ всѣми мѣстами въ губерніи, въ точности не обозначило отношенія ихъ къ дворянскимъ собраніямъ и степени власти надъ ними (№ 14.392). Эти отношенія и степень власти разъяснились вопросными пунктами, которые генералъ-губернаторы предлагали императрицѣ при приближеніи новыхъ выборовъ. Рядъ такихъ вопросныхъ пунктовъ предложенъ былъ и въ 1778 г. Генералъ-губернаторы спрашивали императрицу: сенату-ли или генералъ-губернатору назначать и публиковать приближеніе срока для общаго собранія дворянъ къ новому выбору? Надлежитъ-ли генералъ-губернатору обратиться къ собранію съ краткою рѣчью о причинахъ собранія дворянъ и дѣлахъ имъ предстоящихъ, или же изложить то письменно? Должно-ли генералъ-губернатору присутствовать въ собраніи дворянъ, или же нѣтъ? Самъ-ли генералъ-губернаторъ долженъ вести дворянство къ присягѣ, или же губернскій предводитель? При избраніи новаго губернскаго предводителя обязанъ-ли предсѣдательствовать самъ генералъ-губернаторъ, или же прежній губернскій предводитель? Большую часть такихъ вопросовъ императрица разрѣшала въ интересѣ свободы дворянскихъ собраній отъ гнета генералъ-губернаторской власти. Такъ на вышесказанные вопросные пункты она постановила слѣдующія резолюціи: срокъ для собранія дворянства назначается генералъ-губернаторомъ или правящимъ его должность; генералъ-губернаторъ не можетъ присутствовать въ собраніи и при выборахъ; къ присягѣ ведетъ губернскій предводитель, онъ же предсѣдательствуетъ въ собраніи при выборѣ его преемника (№ 14.816). Подобные же вопросы предлагались императрицѣ и новгородско-тверскимъ генералъ-губернаторомъ, въ 1781 г. (№ 15.280). Жалованная грамота заключаетъ въ себѣ мало постановленій объ отношеніяхъ мѣстныхъ властей къ дворянскимъ собраніямъ и степени ихъ власти надъ ними. Она опредѣляетъ только, что дворянство въ губерніи собирается по созыву и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, какъ для выборовъ, такъ и для выслушанія другихъ предложеній

ихъ; что въ случаѣ этихъ предложеній, они берутся собраніемъ въ уваженіе и по нимъ дѣлаются пристойные отвѣты, рѣшенія и соглашенія (№ 16.187 § 38, 46). При такой неопредѣленности закона, фактически генералъ-губернаторы и даже губернаторы поработили собранія своей власти. Да и какъ было устоять собраніямъ, при той огромной степени полномочій, которую Екатерина II дала своимъ намѣстникамъ? Самая внѣшняя обстановка ихъ власти заключала въ себѣ нѣчто царское: въ домѣ, занимаемомъ государевымъ намѣстникомъ, находилась обыкновенно большая зала, въ которой собиралось и дворянство для выборовъ и посреди которой возвышался тронъ. На тронѣ возсѣдали намѣстники. При особѣ ихъ состоялъ конвой изъ 24 человѣкъ легкой конницы съ однимъ подпоручикомъ, при немъ состояли также 2 адъютанта, да дворянство наряжало для почести его молодыхъ дворянъ по 1 человѣку съ каждаго уѣзда (№ 14.392 п. 92). Повторяемъ: самый престижъ генералъ-губернаторской должности подчинялъ ей дворянскія собранія. Кромѣ того, существовали причины внутреннія. Учрежденіе о губерніяхъ въ руки дворянскихъ обществъ отдавало весь судъ, все управленіе губерніи. При крѣпостномъ правѣ, при обладаніи дворянствомъ большинствомъ населенія губерніи, какъ было не подчинить ихъ собраній строжайшему контролю генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, постоянному наблюденію губернскихъ прокуроровъ? Это мы замѣчаемъ при первыхъ шагахъ дворянскаго самоуправленія; это не переставало существовать и до нашихъ дней — такъ что правительство иногда само защищало свободу дворянскихъ собраній отъ давленія на нихъ коронныхъ мѣстныхъ властей; старалось поставить вліяніе этихъ властей въ закономъ очерченные предѣлы. Иностранцы, посѣщавшіе Россію въ концѣ прошлаго столѣтія, обратили вниманіе на рабскую зависимость дворянскихъ собраній отъ генералъ-губернаторовъ. Подобный отзывъ мы нашли въ одномъ довольно интересномъ сочиненіи о Россіи конца прошлаго столѣтія „Voyage de deux Francais dans le nord de l'Europe, fait en 1790—1792“,

авторы котораго лично присутствовали на дворянскихъ выборахъ с.-петербургской губерніи въ 1792 г. и были поражены зависимостью всѣхъ рѣшеній и выборовъ дворянскаго собранія отъ указаній генералъ-губернатора [129]). Что не помѣшало, однакожъ, имъ придти къ неожиданному заключенію, что дворянскія собранія въ будущемъ грозятъ странѣ великой революціей (mais, tôt ou tard, ces assemblées donneront le signal d'une grande revolution...“ (p. 62).

Правительство, какъ сказали мы, само защищало дворянскія собранія отъ захватовъ мѣстныхъ властей. Въ 1788 г., сенатъ разсматривалъ дѣло объ одномъ губернаторѣ, который пришелъ въ собраніе дворянства съ своими гостьми, выслалъ вонъ изъ онаго одного дворянина, выговаривалъ губернскому предводителю за опредѣленіе дворянскаго собранія о принесеніи жалобы императрицѣ на намѣстническое правленіе (которое наложило на дворянскія имѣнія сборъ хлѣба, для пополненія магазиновъ, по случаю военныхъ обстоятельствъ), настоялъ на выборѣ въ предводители дворянина, судомъ опороченнаго, и отвергалъ выбраннаго дворянствомъ губернскаго предводителя. По поводу этого дѣла сенатъ запретилъ губернаторамъ входить въ дворянскія собранія (№ 16.731).

При императорѣ Павлѣ, въ 1798 г., это запрещеніе было отмѣнено, и губернаторамъ „для соблюденія добраго порядка“ предписано присутствовать при дворянскихъ собраніяхъ (№ 18.421). Какому подчиненію мѣстнымъ властямъ подпали дворянскія общества при Павлѣ, можно видѣть также изъ того, что когда костромской губернскій предводитель предположилъ созвать въ губернскій городъ уѣздныхъ предводителей дворянства и исправляющихъ ихъ должность уѣздныхъ судей для постановленія о сборѣ и доставленіи въ губернское казначейство 47.000 р., назначенныхъ на содержаніе штата костромской губерніи—то костромское губернское правленіе нашло такой съѣздъ уѣздныхъ предводителей не нужнымъ, а исправляющихъ ихъ должность уѣздныхъ судей и вовсе невозможнымъ.

Сенатъ постановилъ: предписать костромскому губернскому правленію, чтобъ оно на будущее время не воспрещало съѣздовъ уѣздныхъ предводителей дворянства, исключая, однакожъ, исправляющихъ ихъ должность членовъ уѣзднаго суда (№ 18.485).

Предоставленіе губернаторамъ права присутствовать въ собраніяхъ дворянскихъ, въ противность указу 1788 г., неизбѣжно повело къ злоупотребленіямъ. Въ 1802 г. поручено было Державину произвести слѣдствіе о разныхъ злоупотребленіяхъ калужскаго губернатора, Лопухина. По слѣдствію оказалось, что губернаторъ, присутствуя на выборахъ, нерѣдко вмѣшивался въ производство ихъ, ему подавались жалобы на пристрастную баллотировку, подчищались баллотировочные списки и т. п. (№ 20.374). По этому поводу предписано было губернаторамъ отнюдь не вмѣшиваться въ дворянскіе выборы, домогаясь избранія однихъ и удаленія другихъ (№ 20.372).

Такимъ образомъ, насколько при Павлѣ I правительство старалось подчинить власти губернаторовъ и контролю прокуроровъ дворянскія собранія, настолько же при его преемникѣ оно поддерживало ихъ свободу. Министръ внутреннихъ дѣлъ, кн. Куракинъ, въ 1809 г., даже обвинялъ нѣкоторыхъ губернаторовъ польскихъ губерній, въ которыхъ дворянство иногда безчинствовало въ собраніяхъ, что они представляютъ себѣ дворянскія собранія status in statu—обществомъ, ни какой полиціи не подчиненнымъ (№ 23.513).

Въ 1811 г. на выборахъ олонецкой губерніи произошли безпорядки, къ отвращенію которыхъ не принялъ никакихъ мѣръ и бывшій тамъ прокуроръ, дозволившій себѣ участвовать въ выборахъ въ качествѣ помѣщика. Вслѣдствіе этого точнѣе опредѣлено участіе въ выборахъ губернскихъ прокуроровъ: если они имѣли помѣстья въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ состояли на службѣ, то во время дворянскихъ выборовъ имѣли право дѣйствовать только по обязанностямъ своего званія, не принимая въ нихъ участія въ качествѣ дворянъ губерніи (№ 24.539).

Несмотря на это желаніе правительства поднять свободу дворянскихъ собраній—вмѣшательство губернаторовъ продолжалось: костромской губернаторъ Пасынковъ, при обсужденіи костромскимъ собраніемъ дворянства, въ 1812 г., поставки ополченцевъ, вмѣшивался въ собраніе, настоявъ, чтобы дворяне дали по 2 ополченца съ 50 душъ, тогда какъ многіе изъ нихъ желали дать по одному (2-е П. С. № 588).

Сильно было также и вліяніе прокуроровъ: въ 1827 г., симбирскій губернскій прокуроръ требовалъ, чтобы симбирское дворянское собраніе доводило до свѣдѣнія его и губернскихъ стряпчихъ о всѣхъ своихъ постановленіяхъ. Сенатъ постановилъ, что дворянскія собранія не обязаны представлять свои журналы на просмотръ прокуроровъ (2-е № 960). Нѣкоторыя дворянскія собранія поняли это постановленіе сената въ смыслѣ устраненія прокуроровъ отъ всякаго участія въ дворянскихъ выборахъ, несмотря на законъ 1811 г., по которому прокуроры должны были присутствовать по обязанностямъ своего званія. Такъ, въ 1828 г., на дворянскихъ выборахъ пензенской губерніи произошли нѣкоторые безпорядки: собраніе не допустило прокурора къ присутствію на нихъ. Сенатъ нашелъ неосновательнымъ поступокъ пензенскаго собранія и подтвердилъ постановленіе 1811 г. (2-е № 3.386).

Положеніе 1831 г. заключаетъ въ себѣ слѣдующія постановленія объ отношеніи губернаторовъ къ дворянскимъ собраніямъ: собранія, какъ обыкновенныя, трехгодичныя, такъ и чрезвычайныя, составляются съ дозволенія и по распоряженію начальника губерніи; за 3 дня до открытія собранія начальникъ губерніи доставляетъ губернскому предводителю списки о дворянахъ, находящихся подъ слѣдствіемъ или судомъ; наканунѣ дня, назначеннаго для открытія собранія, губернскій предводитель препровождаетъ къ губернатору списки, какъ дворянъ личныхъ, кои будутъ избираемы, такъ и потомственныхъ, прибывшихъ для присутствованія въ собраніи дворянства, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ

испрашиваетъ разрѣшенія на открытіе собранія; засимъ начальникъ губерніи предлагаетъ письменно дворянскому собранію начать свои засѣданія и приступить къ выборамъ, извѣщая между тѣмъ первенствующую духовную особу въ городѣ о имѣющихъ быть по сему случаю священнодѣйствіяхъ; въ день, назначенный для открытія собранія, начальникъ губерніи приводитъ дворянство къ присягѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ всѣ дальнѣйшія распоряженія губернскому предводителю.—Дворянское собраніе обязано исполнять всѣ законныя требованія начальника губерніи, предлагаемыя чрезъ губернскаго предводителя и доставлять ему всѣ нужныя свѣдѣнія по предметамъ относящимся до выборовъ. Вообще, оно сносится съ начальникомъ губерніи и получаетъ отъ него отзывы чрезъ губернскаго предводителя, который съ своей стороны обязанъ извѣщать начальника губерніи о всѣхъ положеніяхъ, въ дворянскомъ собраніи состоявшихся. За порядкомъ въ собраніи наблюдаютъ губернскій предводитель вообще и уѣздные —каждый по своему уѣзду. Но если бы въ собраніи возникли безпорядки, которыхъ не успѣлъ бы прекратить губернскій предводитель, то ему предоставляется право закрыть собраніе и довести о томъ до свѣдѣнія начальника губерніи, который, по полученіи таковаго извѣщенія, немедленно призываетъ къ себѣ бывшихъ причиною означенныхъ безпорядковъ и дѣлаетъ имъ надлежащее внушеніе, поставляя на видъ, что при возобновленіи безпорядковъ, донесено будетъ поименно о нихъ высшему начальству, а собранію будетъ предложено подвергнуть ихъ приличному взысканію. Для обыкновенныхъ губернскихъ собраній назначается 15 дневный срокъ, но съ разрѣшенія начальника губерніи они могутъ быть продолжены еще на нѣсколько дней. Собранія закрываются по письменному предложенію губернатора, который обязанъ извѣстить о томъ, равно какъ и о назначенномъ имъ срокѣ для открытія, министра внутреннихъ дѣлъ.—Что касается губернскаго прокурора, то положеніе 1831 г. обязываетъ его присутствовать въ собраніи для изъясненія законовъ, въ

случаѣ возникающихъ насчетъ оныхъ сомнѣній (2-е П. С. № 4,989).

Начала, развитыя въ положеніи 1831 г., повторены и въ общемъ наказѣ гражданскимъ губернаторамъ 1837 г. (2-е № 10.303. §§ 38—45), откуда они перешли въ новѣйшія изданія свода.

В) *Кругъ дѣлъ губернскаго и уѣзднаго управленія, порученныхъ вѣдѣнію дворянскихъ обществъ; должностныя лица, дворянствомъ избираемыя.*

Учрежденіе о губерніяхъ, установивъ сословную подсудность, предоставило каждому сословію выбирать членовъ въ свои сословные суды. Съ уничтоженіемъ нѣкоторыхъ инстанцій сословныхъ Павломъ I, преобладающее значеніе въ составленіи персонала мѣстныхъ судовъ получило дворянство. Еще болѣе усилилось это преобладаніе въ 1831 г., когда дворянство получило право выбирать предсѣдателей судебныхъ палатъ. Мѣстный судъ, можно сказать, вполнѣ былъ отданъ въ руки дворянскаго общества: только городскіе обыватели имѣли въ магистратахъ свою независимую отъ дворянства первую инстанцію суда. Но что значила эта судебная независимость городскихъ обывателей въ 1-й инстанціи, подчиненной ревизіи и апелляціи судебныхъ палатъ, въ составѣ которыхъ получили преобладаніе элементы дворянскіе?

Учрежденіе о губерніяхъ отдало въ руки дворянства и земскую полицію, которая имѣла чрезвычайно широкое значеніе и захватывала много дѣлъ судебныхъ, до послѣдняго преобразованія полицейскаго управленія въ 1862 г. Шагъ къ нѣкоторому ослабленію преобладающаго значенія дворянства въ образованіи земской полиціи былъ сдѣланъ въ 1837 г., когда оставлены выбору дворянскихъ обществъ только земскіе исправники и старшіе непремѣнные засѣдатели земскихъ судовъ, а становые пристава начали назначаться губернскими правленіями, не безъ участія, впрочемъ, дворянства.

Кромѣ широкаго участія въ мѣстномъ судѣ и управленіи, дворянство назначало своихъ выборныхъ и

въ нѣкоторыя другія вѣдомства: учебное—почетные попечители гимназій, кредитное—члены совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій и т. д.

Наконецъ, дворянство получило не только широкое право внутренняго сословнаго самоуправленія чрезъ избираемыхъ для этого должностныхъ лицъ—предводителей и депутатовъ, но эти должностныя лица получили значительное участіе и въ предметахъ общаго управленія.

При Александрѣ I, въ 1803 г., по мысли Державина, какъ по крайней мѣрѣ онъ говоритъ въ своихъ Запискахъ (498), была замѣчательная попытка дать дворянскимъ обществамъ нѣкоторое участіе при опредѣленіи должностныхъ лицъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. Для того, чтобы всѣ мѣста въ государствѣ занимаемы были всегда людьми достойными и способными, признано было за полезное каждые 3 года отбирать чрезъ губернскія правленія отъ всѣхъ неслужащихъ свѣдѣнія, кто желаетъ изъ нихъ вступить въ статскую службу, и въ какихъ именно губерніяхъ. По полученіи такихъ отзывовъ, на дворянскихъ выборахъ баллотировать на службу по государству лицъ, изъявившихъ желаніе на поступленіе въ оную, и формулярные списки о нихъ, съ означеніемъ числа избирательныхъ балловъ и губерній, въ коихъ избранные объявили желаніе служить, доставлять въ герольдію, съ отзывомъ начальника губерніи. По доставленіи такихъ баллотировочныхъ списковъ изъ всѣхъ губерній, составляется общій списокъ по имперіи, изъ котораго герольдія, по превосходству избирательныхъ балловъ, на каждую открывшуюся вакансію представляетъ сенату 2—3 кандидатовъ. Указъ объ этомъ состоялся 4 февраля 1803 г., и помѣщенъ въ XXVII Т. I-го П. С. подъ № 20.608. Но эта мысль à la Сіэйесъ, какъ видно изъ записокъ Державина, не была приведена въ исполненіе, за выходомъ изъ министерства творца ея (стр. 498).

Кругъ дѣлъ мѣстнаго управленія, предоставленныхъ вѣдѣнію дворянскихъ обществъ, точнѣе обозначится, когда мы переберемъ рядъ должностей, которыя

избирало дворянство, и познакомимся съ функціями и значеніемъ ихъ. Но прежде всего изложимъ общія начала о должностныхъ лицахъ по выбору дворянства.

Положеніе должностныхъ лицъ, избираемыхъ дворянствомъ, порядокъ ихъ выборной службы, долгое время опредѣлялись частными отдѣльными постановленіями, пока въ 1831 г. не была издана цѣлая система узаконеній, которыми мѣстная служба дворянства была приведена въ строгій порядокъ и сравнена въ наградахъ и выгодахъ съ общею государственною службою. Вовремя существованія в. земскаго суда, второй судебной инстанціи для дворянъ, ему до нѣкоторой степени подчинялись служащіе по выбору дворянства—точно также, какъ служащіе по выбору мѣщанскихъ обществъ подчинялись губернскому магистрату, а по выбору поселянскихъ обществъ—верхней расправѣ: если въ продолженіе трехлѣтія кто-нибудь изъ выбранныхъ дворянствомъ выбывалъ по какому-нибудь случаю, то на убылыя мѣста назначалъ в. земскій судъ, съ утвержденія намѣстническаго правленія (№ 14.392 ст. 76). Первоначально не было кандидатовъ—получившихъ наибольшее число избирательныхъ балловъ при баллотированіи—для замѣщенія убылыхъ мѣстъ. Это хорошо видно, изъ слѣдующаго случая, бывшаго въ 1787 г. Московской губерніи богородицкаго уѣзда сдѣлалось вакантнымъ мѣсто уѣзднаго предводителя, на которое былъ выбранъ и утвержденъ губернскимъ правленіемъ бригадиръ Кругликовъ. Полковникъ-же, кн. Одоевскій, получившій при баллотированіи наибольшее число избирательныхъ балловъ послѣ выбывшаго предводителя, претендовалъ на полученіе вакантной должности. Главнокомандующій московскою губерніей, генералъ-аншефъ Еропкинъ, утвердилъ мѣсто за кн. Одоевскимъ, но „не имѣя власти отмѣнять опредѣленія губернскаго правленія“, представилъ дѣло на разрѣшеніе сената, который и разрѣшилъ его въ смыслѣ § 76 учрежденій о губерніяхъ, подтвердивъ право верхняго земскаго суда назначать на убылыя мѣста, отъ выборовъ дворянства зависящія (№ 16.527). При Павлѣ I сначала,

за отмѣною верхн. земскихъ судовъ новыми губернскими штатами 31 декабря 1796 г., наполненіе убылыхъ мѣстъ, отъ выборовъ дворянства зависящихъ, предоставлено губернскимъ правленіямъ (№ 18.057), но вскорѣ (въ 1799 г.) принято замѣщеніе *кандидатами:* „убылыя мѣста, отъ выбора зависящія, наполнять помѣщеніемъ изъ баллотированныхъ въ собраніи дворянства по выборнымъ спискамъ, кто куда выбирался, и большинство избирательныхъ балловъ имѣлъ“ (№ 19.154).

Въ 1778 г. состоялось повелѣніе, чтобы дворяне, служившіе въ высшихъ должностяхъ, не были избираемы въ низшія (№ 14.816, п. 19). Но повелѣніе это не было разъяснено другими постановленіями: достаточно-ли быть только избрану въ высшую должность, или же прослужить въ ней полное трехлѣтіе, чтобъ потомъ имѣть право не быть избираемымъ въ низшія? Вслѣдствіе этого на практикѣ происходили недоразумѣнія [130]), для разъясненія которыхъ состоялся законъ 1820 г.: въ низшія должности не избирать только тѣхъ дворянъ, которые прослужили въ высшихъ полное трехлѣтіе (№ 28.084).

Что касается вознагражденія лицъ, служащихъ по выбору дворянства, то общаго постановленія въ законѣ объ этомъ не было. Прецеденты же въ 18 вѣкѣ были такіе, что излюбленные сословій получали вознагражденіе: депутатамъ отъ дворянства въ законосовѣщательную коммисію Петра II назначено было, какъ мы видѣли, вознагражденіе по полтинѣ на день, депутатамъ отъ дворянства въ коммисію 1767 г.—по 400 р. въ годъ. Но относительно жалованья избранныхъ тогда же дворянскихъ предводителей, обрядъ 1766 г. ничего не опредѣляетъ. Фактически предводительская должность сдѣлалась безвозмездною, при первомъ своемъ появленіи [131]): въ предводители были выбраны зажиточнѣйшіе дворяне уѣзда. Съ учрежденіемъ губерній появилось много другихъ должностей по выбору дворянскихъ обществъ для различныхъ частей мѣстнаго управленія. Должности эти, неся обязанности не по однимъ дѣламъ дворянскихъ обществъ, сдѣлались вознаграждаемыми

жалованьемъ. Жалованная грамота къ предводительскимъ должностямъ присоединила нѣкоторыя другія для завѣдыванія дѣлами дворянскихъ обществъ, напримѣръ,—депутатовъ. Фактически установилось начало: должности по выбору дворянства для управленія дѣлами дворянскихъ обществъ безвозмездны, а должности для завѣдыванія разными частями мѣстнаго управленія должны вознаграждаться жалованьемъ. Законъ освящалъ фактически установившуюся безвозмездность должностей перваго рода, уничтожая иногда прорывавшіяся попытки превратить ихъ въ должности вознаграждаемыя, и устанавливалъ источники содержанія должностей втораго рода.

Въ 1801 г. до свѣдѣнія государя дошло, что въ новгородской губерніи на жалованье уѣзднымъ предводителямъ дворянства установленъ сборъ по 5 к. съ души. Государь предписалъ новгородскому гражданскому губернатору отмѣнить такой сборъ, какъ противозаконный (19.999). Но подобные случаи встрѣчались и послѣ —особенно въ польскихъ губерніяхъ: въ 1804 г. въ сенатъ была представлена записка, что въ литовскихъ губерніяхъ во многихъ повѣтахъ маршалы установили противозаконные сборы—на содержаніе чиновниковъ и канцелярій при маршалахъ, а иногда и на столъ маршалу (№ 21 381).

Что касается источниковъ содержанія должностныхъ лицъ на жалованьи, то для нихъ въ 1797 г. установленъ былъ сборъ съ дворянскихъ имѣній. Каждая губернія была обложена опредѣленной суммой сбора, разложеннаго на дворянскія имѣнія, который собирался въ два полугодовые срока, подъ наблюденіемъ предводителей дворянства (№ 18.278 [132]).

Должностныя лица, служащія по выбору дворянства, хотя и состояли въ извѣстномъ классѣ, но относительно повышенія ихъ въ чины, представленія къ орденамъ и къ другимъ наградамъ, они отличались отъ коронныхъ чиновниковъ, до закона 1831 г., сравнившаго службу по выборамъ дворянства въ наградахъ и выгодахъ съ общею государственною службою. Это

отличіе хорошо видно изъ словъ закона 1801 г. о правилахъ производства въ чины: „хотя службу дворянъ по выбору, говоритъ законъ 1801 г., признаемъ мы службою государственной, но вмѣстѣ съ тѣмъ находимъ справедливымъ существенную ихъ награду отнести къ тому же довѣрію и уваженію общества, которое и мѣста сіи имъ предназначало; а потому и повелѣваемъ дворянъ, служащихъ по выбору, производить въ чины тѣхъ только, кои имѣютъ чины ниже мѣстъ ими занимаемыхъ, и не иначе, какъ когда впродолженіе двухъ трехлѣтій безпрерывно они служили, когда объ отличности ихъ служенія отъ главнаго начальства ихъ представлено будетъ“ (№ 19.861). — Отличіе отъ коронныхъ чиновниковъ существовало и относительно представленія къ другимъ наградамъ должностныхъ лицъ, служащихъ по выбору дворянства: до 1815 г., напримѣръ, дворянскіе депутаты не представлялись не только къ чинамъ, но и къ орденамъ (№ 25.846).

Положеніемъ 1831 г. и нѣсколькими позднѣйшими законоположеніями окончательно опредѣлены были правила службы по выборамъ дворянства. Мы укажемъ только на самыя существенныя черты этихъ правилъ: болѣе подробное ихъ развитіе въ III т. Св. Законовъ. Въ должности, дворянствомъ избираемыя, по общему правилу, могли избираться только дворяне потомственные, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ личные, той же самой губерніи, а по исключенію въ 1840 г. было дозволено въ должности председателей палатъ избирать и дворянъ другихъ губерній (2-е П. С. № 13.277). Точно такъ же по общему правилу въ уѣздныя дворянскія должности избираются дворяне того же уѣзда, но по исключенію, если дворянъ какого нибудь уѣзда окажется на выборахъ менѣе 12 человѣкъ, то для баллотированія по тому уѣзду присоединяются къ нему по назначенію губернскаго предводителя всѣ дворяне одного или двухъ ближайшихъ къ нему уѣздовъ (Постановленіе 1836 г., развитое въ 1837 г. — 2-е П. С. № 9.322, 10.166—а по положенію 1831 г. въ недостающемъ уѣздѣ баллотированіе производилось всею губер-

ніей—2-е № 4989, 5105). Можно-ли избирать состоящихъ въ государственной службѣ? Выборъ не возбраняется, но если состоится, то избранное лицо должно уволиться изъ службы, если захочетъ занять должность по выбору дворянства (2-е П. С. № 9.322). Соединеніе въ одномъ лицѣ коронной и выборной дворянской должности положеніе 1831 г. допускаетъ только въ немногихъ случаяхъ: въ с.-петербургской и московской губерніяхъ, дворяне, состоящіе на службѣ въ столицахъ, могутъ быть избираемы въ должности губернскаго и уѣзднаго предводителей столицъ, совѣстнаго судьи и депутатовъ дворянскаго собранія; на такомъ-же основаніи допускалось избраніе въ астраханской и ставропольской губерніяхъ.

Другой вопросъ: дозволялось-ли соединеніе нѣсколькихъ выборныхъ должностей въ одномъ и томъ-же лицѣ [133])? Дозволялось, но только какъ исключеніе для нѣкоторыхъ случаевъ: званіе почетнаго попечителя гимназіи могло соединяться съ званіями предводителей, совѣстнаго судьи и депутата отъ дворянства, званіе депутата отъ дворянства— съ званіемъ засѣдателей палатъ и совѣстныхъ судовъ, почетные смотрители училищъ могли быть предводителями тѣхъ губерній и уѣздовъ, въ которыхъ находились училища (2-е П. С. № 4.989, 9.322). Дворяне, занимавшіе должности церковныхъ старостъ, нерѣдко отказывались отъ должностей, на которыя ихъ избирало дворянство, въ силу званія церковнаго старосты: положеніе 1831 г. постановило, что это званіе не можетъ служить препятствіемъ для занятія всякой другой должности по тому же уѣзду.— Прослужившій 3 года въ высшей должности не могъ быть избранъ въ низшую, безъ собственнаго его на то согласія. Кромѣ того, при выборѣ въ должности закономъ устанавливается въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстная постепенность: въ кандидаты на мѣста предсѣдателей судебныхъ палатъ могли быть избираемы по закону 1840 г., во—1-хъ, всѣ прослужившіе полные сроки по выборамъ дворянства въ должностяхъ засѣдателей палатъ и совѣстныхъ судовъ, или же уѣздныхъ

судей; во-2-хъ, всѣ, хотя и неслужившіе въ вышеозначенныхъ должностяхъ, но занимавшіе въ коронной или выборной службѣ мѣста не ниже 6 класса, или имѣвшіе чинъ 7 класса, если хотя нѣкоторое время они занимали штатное мѣсто по судебной части (2-е № 13.277); въ званіе губернскаго предводителя могли быть избираемы: какъ прежніе губернскій предводитель, почетный попечитель гимназіи, председатели губернскихъ палатъ, совѣстный судья, такъ и всѣ уѣздные предводители послѣдняго трехлѣтія и вновь избранные, но если эти лица не изъявятъ согласія, то дозволялось баллотировать и другихъ, пріобрѣвшихъ уваженіе и довѣріе дворянства (2-е № 10.655).

Для замѣщенія открывающихся вакансій до новыхъ выборовъ назначались кандидаты изъ тѣхъ дворянъ, которые на выборахъ получили болѣе избирательныхъ шаровъ; для каждой уѣздной должности—по 2 кандидата (2-е № 4.989, 7.602, 9.322).

Срокъ службы должностныхъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ—троякій: лица, служащія не по внутреннимъ дѣламъ дворянскаго сословія, но по мѣстному суду и управленію — на 6 лѣтъ; по дѣламъ, внутренняго управленія дворянскихъ обществъ—3 года; члены квартирныхъ коммиссій — 1 годъ. Избранные дворянствомъ утверждались: иные высочайшими повелѣніями (губернскіе предводители, предсѣдатели палатъ и др.); иные—начальниками губерній (уѣздные предводители, земскіе исправники и т. д.). Всѣ служащіе по-выборамъ дворянства, считались въ дѣйствительной государственной службѣ, но относительно представленія ихъ къ наградамъ они образовывали двѣ категоріи должностей: 1) должности по дѣламъ дворянства и 2) должности по дѣламъ, до всѣхъ сословій относящимся. — Должности перваго рода—большей частію безвозмездны; въ чины-же онѣ повышаются не иначе, какъ по высочайшему усмотрѣнію. Впрочемъ, дворянству не запрещалось назначать и этимъ должностямъ особое вспомоществованіе и составлять капиталы для пенсій служащимъ по дѣламъ дворянскихъ обществъ. Такъ, напримѣръ, тульское дво-

рянство на выборахъ въ 1846 г. постановило составить особый пенсіонный капиталъ, жертвуя для этой цѣли 5 лѣтъ по 2 коп. съ души, до суммы въ 40.000 р. сер., а % съ сего капитала употреблять для выдачи пенсій чиновникамъ канцеляріи дворянскаго депутатскаго собранія и предводителей дворянства (2-е № 21.215). Впрочемъ, этотъ примѣръ рѣдко находилъ подражаніе: участь нижнихъ должностныхъ лицъ по дѣламъ дворянства рѣдко была имъ обезпечена.

Должности втораго рода — по дѣламъ до всѣхъ сословій относящимся—получали штатное жалованье (за исключеніемъ немногихъ: попечителей запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ), производились въ чины, удостоивались наградъ орденами и получали право на пенсію, какъ они, такъ и семейства ихъ, по общему порядку службы гражданской [134]).—Запрещено только въ 1827 г. дворянскимъ обществамъ самимъ ходатайствовать о награжденіи лицъ, служащихъ по ихъ выбору (2-е № 1.015).—А въ 1840 г. опредѣлены источники пенсій служащимъ по выбору дворянства (3-е № 18.102).

Наконецъ, порядокъ увольненія отъ службы по выборамъ дворянства опредѣлялся слѣдующими правилами: увольненіе могло быть до срока, но не иначе, какъ съ согласія губернскаго предводителя, если дѣло касалось должностей губернскихъ [135]), или же уѣзднаго, если — должностей уѣздныхъ. Но служащіе въ должностяхъ, избираемыхъ на 6 лѣтъ, по прослуженіи 3 лѣтъ, имѣли право на увольненіе, но не иначе, какъ по постановленію губернскаго правленія. — Утверждаемые же въ должностяхъ высочайшими указами, могли увольняться не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія.

Но могло-ли губернское начальство отрѣшать по своему усмотрѣнію, отъ должности лицъ, служащихъ по выбору дворянства? Ст. 258 III т. изд. 1842 г. постановляла, что служащіе по выборамъ дворянства могли лишь временно быть удаляемы губернскимъ начальствомъ отъ должности съ преданіемъ ихъ суду, окончательно же увольненіе могло послѣдовать не иначе,

*

какъ по судебному рѣшенію, съ представленіемъ его на благоусмотрѣніе сената. 7 ноября 1850 г. состоялось высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ, предоставляющее начальствамъ увольненіе отъ службы чиновниковъ, которыхъ они найдутъ неблагонадежными или вообще къ службѣ неспособными (Постановленіе это по высочайшей волѣ не было опубликовано и не вошло въ П. С., но сообщено конфиденціально начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ). Руководствуясь имъ, начальники многихъ губерній (воронежской, псковской и др.) начали увольнять отъ службы, за упущенія по должности, служившихъ по выборамъ дворянства. Одно изъ такихъ увольненій состоялось въ 1851 г.: таврическій гражданскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Пестель, уволилъ отъ службы симферопольскаго земскаго исправника, капитанъ-лейтенанта, Максимовича, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, найдя его неспособнымъ къ занятію мѣста начальника земской полиціи. Послѣдовала интересная переписка начальника I отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, завѣдывавшаго и инспекторскимъ департаментомъ гражданскаго вѣдомства, статсъ-секретаря Танѣева, съ Пестелемъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Перовскимъ. Послѣдній отстаивалъ 258 ст. III т. изд. 1842, съ нимъ согласился и статсъ-секретарь Танѣевъ. Сенатъ постановилъ: исполнять въ точности правила касательно удаленія отъ должностей лицъ, служащихъ по выбору дворянства, на основаніи вышеозначенной статьи (2-е П. С. № 25.732). Это подтверждено и въ статьяхъ 265—268 III т., по изданію 1857 года.

Мы изложили общія начала о должностныхъ лицахъ, служащихъ по выбору дворянства. Теперь переберемъ ихъ въ отдѣльности. Они раздѣлились на двѣ главныя группы: а) по *внутреннему управленію дворянскихъ обществъ*— эта группа появляется раньше: начало въ 1766 г., развивается жалованной грамотой 1785 и послѣдующими узаконеніями; б) по *общему управленію*— судебному, полицейскому и по другимъ вѣдомствамъ: эта группа появляется по учрежденію о губерніяхъ

1775 г., развивается послѣдующими узаконеніями, хотя начало ея можно видѣть въ земскихъ коммисарахъ Петра Великаго, ландратахъ и дворянахъ-товарищахъ воеводъ.

а) *Должностныя лица, избираемыя дворянствомъ, по внутреннему управленію дворянскихъ обществъ*: 1) губернскій предводитель, 2) уѣздные предводители, 3) депутаты дворянскаго депутатскаго собранія, 4) секретарь дворянскаго собранія, 5) депутаты для составленія раскладки земскихъ повинностей (эта послѣдняя должность причисляется закономъ къ первой группѣ, но она касалась и интересовъ общаго управленія).

1) *Предводители дворянства*—губернскій и уѣздные. Прежде всего, какъ мы видѣли, появляются *уѣздные предводители*, избранные въ 1766 г., вмѣстѣ съ депутатами въ коммисію. Первоначальный смыслъ этой должности—руководить, *предводительствовать* дворянствомъ при обсужденіи имъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ испрашивалось правительствомъ его мнѣніе. Никакого другаго административнаго значенія эта должность не имѣла, и была сначала временной—на 2 года. Но вскорѣ на предводителей начали налагать нѣкоторыя обязанности по общему уѣздному управленію, а должность ихъ сдѣлалась постоянною. Сначала, по миновеніи одного двухлѣтія, предписывалось выбирать ихъ на другое, а въ 1771 г. постановлено избирать ихъ по прошествіи всякихъ двухъ лѣтъ, не ожидая о выборѣ новаго предписанія (№ 13.661). Учрежденіе о губерніяхъ освящаетъ существованіе этой должности, продолживъ ея срокъ на трехлѣтіе: „уѣздный предводитель дворянства выбирается дворянствомъ чрезъ всякіе 3 года по балламъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, расширяются обязанности предводителей: одной изъ важнѣйшихъ дѣлается предсѣдательство въ дворянской опекѣ, учрежденной при уѣздномъ судѣ. Опека по закону 1775 г. должна была собираться въ три срока въ году, въ то время, когда засѣданія имѣлъ уѣздный судъ. Подчиненная в. земскому суду [136]), дворянская опека завѣдывала малолѣтними дворянами-сиротами и ихъ имѣ-

ніемъ, заботилась также и о дворянскихъ вдовахъ и ихъ дѣлахъ, а важнѣйшимъ въ ней дѣятелемъ былъ уѣздный предводитель.—Учрежденіе о губерніяхъ должности губернскихъ предводителей не устанавливаетъ, но изъ нѣкоторыхъ упоминаній въ П. С. можно заключать, что должность эта существовала до 1785 г. (см. № 14.816, относящійся къ 1778 г. и № 15.280, къ 1781 г.: изъ послѣдняго видно, что выборы должны были начинаться избраніемъ новаго губернскаго предводителя). Жалованная дворянству грамота, подтвердивъ силу 64 и 211 статей учрежденія о губерніяхъ, дающихъ дворянству право избирать уѣздныхъ предводителей, дозволяетъ собранію дворянства въ намѣстничествѣ избрать губернскаго предводителя, устанавливая и самый способъ такого избранія. Собраніе дворянства всякіе три года представляетъ изъ уѣздныхъ предводителей двухъ кандидатовъ генералъ-губернатору или губернатору, и котораго сіи назначать, тому и быть губернскимъ предводителемъ (§§ 40 и 39). Одну изъ обязанностей губернскаго предводителя жалованная грамота прямо опредѣляетъ: онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ дворянскими депутатами разсматривать доказательства на дворянство, наблюдая надъ составленіемъ дворянской родословной книги намѣстничества (§ 85, 67). Въ 1799 г., когда уничтожены были губернскіе выборы, а должностныхъ лицъ повелѣно избирать по уѣздамъ, измѣненъ и способъ выбора губернскаго предводителя: буде дворянство изъ каждаго уѣзда большинствомъ не подтвердитъ прежняго, то выбраннымъ уѣздными предводителями выбирать губернскаго изъ себя (№ 19.154). Впрочемъ, въ слѣдующемъ году этотъ способъ былъ замѣненъ прежнимъ, съ той только перемѣной, что списокъ уѣздныхъ предводителей разсылался по уѣзднымъ городамъ и тотъ изъ нихъ, кто получалъ большинство балловъ, утверждался въ должности губернскаго предводителя (№ 19.619). Съ возстановленіемъ прежняго порядка выборовъ, возстановленъ и прежній способъ баллотированія какъ губернскаго, такъ и уѣздныхъ предводителей дворянства. Этотъ способъ баллотиро-

ванія губернскаго предводителя оставался въ силѣ до 1831 г., когда постановлено, что дворянство въ эту должность избираетъ двухъ кандидатовъ, которыхъ, чрезъ начальника губерніи и министра внутреннихъ дѣлъ, представляетъ на непосредственное утвержденіе государя (2-е № 4.989. § 91). Способъ этотъ практикуется и въ настоящее время.

Такъ возникли важнѣйшія должности по дѣламъ внутренняго управленія дворянскихъ обществъ—губернскіе и уѣздные предводители дворянства. Но законъ не опредѣлилъ отношенія между ними. Отсюда произошло, что губернскіе предводители, по-положенію своему поставленные надъ уѣздными, старались стать въ начальственное отношеніе къ послѣднимъ. Правительство въ такихъ случаяхъ старалось оградить независимость должности уѣздныхъ предводителей. Въ 1808 г. смоленскій военный генералъ-губернаторъ, Апраксинъ, доносилъ сенату, что смоленскій губернскій предводитель, Лесли, принимаетъ жалобы дворянъ на уѣздныхъ предводителей, присвоивая себѣ быть судьею надъ ними. Сенатъ предписалъ, чтобы губернское правленіе внушило Лесли о независимости уѣздныхъ предводителей отъ губернскихъ (№ 23.128). Несмотря на то, что этимъ сенатскимъ указомъ довольно точно обозначены отношенія губернскихъ предводителей къ уѣзднымъ, ярославскій губернскій предводитель, Майковъ, въ 1809 г. представлялъ министру внутреннихъ дѣлъ, что предѣлы должности и власти губернскаго предводителя въ учрежденіи о губерніяхъ не опредѣлены, а дополнялись и объяснялись впослѣдствіи частными постановленіями, почему уѣздные предводители не имѣютъ иногда должнаго уваженія къ предписаніямъ губернскаго предводителя и не исполняютъ ихъ даже по двукратнымъ подтвержденіямъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что образъ сношеній между предводителями достаточно разрѣшается существующими узаконеніями; подчиненности же уѣздныхъ предводителей губернскому нельзя допустить потому, что всѣ они назначаются по выбору одного и того же дворянскаго сословія. Сенатъ нашелъ

это мнѣніе правильнымъ (2-е П. С. № 863). Указомъ 1808 г. было опредѣлено, что губернскіе и уѣздные предводители дворянства могутъ отлучаться изъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, давая о томъ знать начальнику губерніи. Не смотря на это, орловскій губернскій предводитель въ 1827 г. требовалъ, чтобы увольненія уѣздныхъ предводителей въ отпускъ были дѣлаемы чрезъ него и съ его согласія (ib). Еще въ 1836 г. возникалъ вопросъ, разрѣшенный министромъ внутреннихъ дѣлъ отрицательно: могутъ-ли губернскіе предводители аттестовать въ послужныхъ спискахъ уѣздныхъ (2-е № 9774).

Что касается порядка сношеній начальниковъ губерній съ предводителями, то въ этомъ отношеніи существовала большая неопредѣлительность, пока въ 1808 г. не была принята форма сношеній министра внутреннихъ дѣлъ съ подвѣдомственными ему мѣстами—*отношенія* (№ 23.042). Но отношеніе губернскаго предводителя къ вице-губернаторамъ и другимъ высшимъ чиновникамъ губерніи все-таки оставалось неопредѣленнымъ. Вслѣдствіе этого между ними происходили столкновенія: при открытіи ликвидаціонной коммисіи въ Курскѣ между тамошнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и вице-губернаторомъ произошло разногласіе о старшинствѣ мѣстъ. Министръ юстиціи Трощинскій представилъ объ этомъ на разрѣшеніе комитета министровъ, который положеніемъ 1816 г. постановилъ: во всѣхъ случаяхъ общаго присутствія съ губернскими чиновниками, губернскій предводитель всегда долженъ занимать мѣсто послѣ губернатора (№ 26.536).

Классъ должности губернскаго предводителя опредѣленъ былъ въ 1818 г.: 5-й (№ 27.421). Положеніе 1831 г.—повышаетъ въ 4-й классъ, а должность уѣзднаго предводителя полагаетъ въ 6-мъ (2-е № 4.989).

Время, на которое выбираются, оставлено прежнее: трехлѣтіе. Но фактически послѣ одного трехлѣтія избирались обыкновенно на второе, третье и т. д. При II Т. Сборника циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ

приложенъ списокъ губернскихъ предводителей съ 1825—1853 г., изъ котораго видно, что въ должность эту обыкновенно избирали последовательно нѣсколько разъ: майоръ Тулиновъ былъ губернскимъ предводителемъ воронежской губерніи три трехлѣтія (1834—1843), также какъ и предшественникъ его Викулинъ (1825—1834), а послѣ этого избранъ былъ коллежскій ассесоръ, Тулиновъ (1843—1849); баронъ Франкъ былъ губернскимъ предводителемъ екатеринославской губерніи болѣе 4 трехлѣтій (1838—1851); полк. гв. Купреяновъ былъ губернскимъ предводителемъ костромской губерніи около 5 трехлѣтій (1831—1845); дѣйствительный статскій совѣтникъ Солнцевъ—губернскимъ предводителемъ курскимъ 5 трехлѣтій (1835—1850); коллежскій асессоръ, Никифоровъ, болѣе 5 трехлѣтій губернскимъ предводителемъ пензенской губерніи (1831—1847). Особенно часто выборы на новое трехлѣтіе повторялись въ западнорусскихъ губерніяхъ: гр. Тышкевичъ былъ кіевскимъ губернскимъ предводителемъ 27 лѣтъ (1826—1853); статскій совѣтникъ Ошторпъ—въ минской губерніи 22 года (1825—1847), а Пржездзецкій—въ подольской губерніи 25 лѣтъ (1825—1850).

Такъ же часто повторялись выборы на новое трехлѣтіе и уѣздныхъ предводителей дворянства: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ бывали почти безсмѣнные пожизненные предводители. Все это обусловливалось тѣмъ, что, въ особенности въ царствованіе императора Николая, являлось на выборахъ мало искателей предводительской должности, между прочимъ и потому, что она была безвозмездна и могла манить только весьма богатыхъ досужихъ помѣщиковъ. Впрочемъ, съ 1831 г. не возбранялось дворянству назначать предводителямъ денежное пособіе, но это почти никогда не встрѣчалось: лучше было выбрать богатаго собрата, въ гостепріимномъ домѣ котораго всегда можно было найдти и радушный пріемъ и вкусный обѣдъ, чѣмъ бѣднаго, какъ бы онъ ни былъ къ дѣлу способенъ, но содержать котораго приходилось бы на счетъ дворянства. Дѣлать же предводителю

какія-нибудь приношенія въ благодарность за служеніе запрещалось: въ 1853 г. дворянство одной губерніи испрашивало у начальника губерніи дозволенія поднести бывшему уѣздному предводителю серебряный кубокъ, въ память уваженія къ нему дворянства. Но министерство внутреннихъ дѣлъ воспретило это, на основаніи 1084 ст. III т. изд. 1842 г., воспрещающей приношенія начальствующимъ лицамъ отъ обществъ и сословій (см. III т. Циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ, стр. 194).

Что касается обязанностей губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, то онѣ образовывались постепенно, возрастая и развиваясь, по требованіямъ разныхъ министерствъ. Одно изъ главнѣйшихъ обязанностей, кромѣ руководства дворянскими собраніями, были дѣла по опекѣ. Но мало-по-малу начали присоединяться и другія: въ 1776 г. поручена была предводителямъ раскладка рекрутской повинности въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (№ 14.509); въ 1805 г. предоставлено имъ участіе въ составленіи смѣтъ и раскладокъ земскихъ повинностей (№ 21.737); въ 1815 г. они сдѣланы членами ревизскихъ коммисій, учреждаемыхъ во время производства ревизіи (№ 25.882); въ 1827 г. наложено было на нихъ попеченіе о почтовыхъ станціяхъ (2-е № 1.515); въ 1829 г. предписано было начальникамъ губерніи при конфирмаціи сентенціи объ отставныхъ чиновникахъ развратной жизни приглашать, кромѣ губернскихъ предводителей, предводителя дворянства того уѣзда, въ которомъ подсудимый имѣетъ пребываніе (2-е П. С. № 2.953, 3.117) и т. д. Такъ постепенно разрастались разныя административныя обязанности предводителей: между прочимъ, въ первыхъ двухъ изданіяхъ свода онѣ не были приведены въ систему. Отсюда происходило, что начальники губерній нерѣдко возлагали на предводителей дворянства и такія занятія, которыя прямо непринадлежали до нихъ. Такъ уѣзднымъ предводителямъ поручалось свидѣтельствованіе пожарныхъ инструментовъ, удостовѣреніе въ благонадежности лицъ, избираемыхъ въ городскія должности, производство по порученію губернаторовъ нѣкоторыхъ слѣдствій и т. д. Однимъ словомъ, предводи-

тельская должность, созданная для завѣдыванія внутренними дѣлами дворянскихъ обществъ, превратилась въ общеправительственную. Императоръ Николай предводителей, можно сказать, хотѣлъ сдѣлать начальствующими надъ дворянскими обществами, полицеймейстерами ихъ.—Предводители должны были имѣть свѣдѣнія о поведеніи, образѣ жизни и состояніи дворянъ, о положеніи ихъ имѣній. Такія полицейскія обязанности ихъ прямо вытекали изъ постановленія 1827 г., обязывавшаго предводителей наблюдать надъ отношеніемъ помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ [137]). При такомъ взглядѣ на эту должность, императоръ Николай въ 1850 г. повелѣлъ собрать всѣ постановленія о занятіяхъ предводителей, согласовать ихъ между собою и съ закономъ и составить инструкцію. Вслѣдствіе этого, министерство внутреннихъ дѣлъ поручило начальникамъ губерній освободить предводителей отъ 38 разныхъ дѣлъ мѣстнаго управленія, на нихъ налагаемыхъ (Ц. министерства внутреннихъ дѣлъ, т. III, стр. 185). Не смотря на это, въ послѣднемъ изданіи свода къ обязанностямъ предводителей причисляется множество дѣлъ по общему управленію, хотя обязанность ихъ и поставляется главнымъ образомъ въ попеченіи о пользахъ дворянства и охраненіи въ немъ благоустройства и порядка (Т. 12 ст. 165—168).

2) *Депутаты дворянскаго депутатскаго собранія* учреждаются жалованной грамотой 1785 г. Для составленія въ намѣстничествѣ дворянской родословной книги, предписано дворянству каждаго уѣзда избрать по одному депутату отъ каждаго уѣзда на три года (§ 67), эти депутаты составляли въ губернскомъ городѣ собраніе. Подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, они разсматривали доказательства на дворянство, и если единогласно, или ²/₃ голосовъ, доказательства найдены были достаточными, то родъ того дворянина вносили въ родословную книгу намѣстничества, а ему выдавали грамоту, съ прописаніемъ, что родъ его внесенъ въ такую то часть (§ 85). Составленіе родословной книги контролировалось собраніемъ дворянства (§ 88), а не-

довольный разборомъ доказательствъ на дворянство депутатскимъ собраніемъ, могъ представить ихъ въ герольдію (§ 87). Право дворянскихъ депутатскихъ собраній выдавать грамоты на дворянство было отмѣнено въ 1796 г. императоромъ Павломъ: „дошло до нашего свѣдѣнія, что съ великимъ небреженіемъ разборъ чинится въ дворянскихъ собраніяхъ по просьбамъ ищущихъ дворянства, и дворянское къ тому право обращается въ злоупотребленіе. Въ отвращеніе того, и сохраняя въ полномъ уваженіи всѣ преимущества, дарованныя благородному дворянству, повелѣваемъ, дабы никакое въ государствѣ нашемъ правительство собою не вводило въ дворяне и не выдавало грамотъ на сіе достоинство“... (№ 17.608) [138]. Въ 1800 г. выборъ депутатовъ для разбора доказательствъ дворянскаго достоинства былъ подтвержденъ (№ 19.527), но дворянскую родословную книгу опредѣлено содержать поуѣздно (№ 19.531).

Въ 1801 г. возстановлены прежнія дворянскія депутатскія собранія и прежній способъ составленія ими дворянской родословной книги. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, точнѣе опредѣлены обязанности ихъ по этой части: депутатскія собранія могли только признать дворяниномъ того, кто это докажетъ; всѣ же тѣ, которые имѣли право просить дворянства, не принадлежа къ дворянскому обществу той губерніи, должны обращаться въ герольдію (№ 19.856). Засимъ опредѣленъ порядокъ сношеній депутатскихъ собраній съ губернскими правленіями и палатами. Порядокъ этотъ не былъ установленъ дворянской грамотой, и поэтому онъ былъ неопредѣлителенъ: депутатскія собранія получали отъ палатъ и губернскихъ правленій сообщенія, а иногда указы. Въ 1806 г. постановлено, что депутатскія собранія заслуживаютъ не меньшаго уваженія, какъ приказы общественнаго призрѣнія и совѣстные суды, а поэтому и порядокъ ихъ сношеній съ губернскими правленіями и палатами долженъ быть таковой же (№ 22.110).

Чтó касается класса должности дворянскихъ депутатовъ, то долгое время онъ не былъ опредѣленъ, пока

не постановлено въ 1822 г. считать эту должность въ 9-мъ классѣ (№ 28.927), что подтверждено и положеніемъ 1831 г. (2-е № 4.989). Предметы занятій депутатскихъ собраній также постепенно расширял[illegible]. когда въ 1812 г., по случаю преобразованія коммисіи погашенія государственныхъ долговъ, установленъ былъ временный сборъ съ помѣщичьихъ доходовъ, для уплаты этихъ долговъ, то показанія о доходахъ доставлялись въ дворянское депутатское собраніе (№ 24.992); [139]) въ 1822 г. дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ предписано участвовать въ наложеніи опекъ надъ имѣніями дворянъ (№ 29.193), затѣмъ дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ поручено было и содержаніе формулярныхъ списковъ чиновникамъ, служащимъ по выбору дворянства.

Кромѣ предводителей и депутатовъ, къ должностнымъ лицамъ, по внутреннему управленію дворянскихъ обществъ, относились также: секретари дворянскаго собранія и депутаты для составленія раскладки земскихъ повинностей. Первые избираются на три года для завѣдыванія канцелярскою частію какъ дворянскихъ, такъ и депутатскихъ собраній. Но въ этой должности могли быть лица и по назначенію отъ короны. На основаніи предварительнаго положенія о земскихъ повинностяхъ 1805 г. собраніе дворянства назначало депутатовъ для раскладки этихъ повинностей (№ 21.737). Депутаты эти оставляются и положеніемъ о земскихъ повинностяхъ 1857 г. Они входили въ составъ комитета о земскихъ повинностяхъ, который собирался черезъ 3 года, но не принимали участія въ *особомъ о земскихъ повинностяхъ присутствіи* (2-е П. С. № 25.398).

б) *Должностныя лица, избираемыя дворянствомъ по общему губернскому управленію.*

1) *Судебному.*

Мы видѣли, что уже въ 1773 г. въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ (могилевской и псковской) учреждены были губернскіе и провинціальные земскіе суды, члены которыхъ избирались тамошнимъ шляхетствомъ (№ 13.977). Учрежденіе о губерніяхъ обобщаетъ соста-

вленіе мѣстныхъ судовъ по выбору отъ сословій на всю имперію. Оно устанавливаетъ въ губерніяхъ три судебныя инстанціи: двѣ первыя инстанціи, отдѣльныя для каждаго сословія—для дворянства, городскихъ и сельскихъ обывателей, а третья судебная инстанція—палаты—общая для всѣхъ сословій. Для дворянства учреждены были уѣздные и верхніе земскіе суды.— Судебныя инстанціи составлялись изъ выборныхъ отъ сословій, но степень преобладанія этого выборнаго сословнаго начала обусловливалась важностію инстанціи. Въ нижнихъ судебныхъ инстанціяхъ это начало преобладало, въ среднихъ комбинировалось съ началомъ коронным, въ высшихъ оно исчезало, замѣняясь коронным.

Такимъ образомъ, *уѣздные суды* составлялись вполнѣ изъ членовъ по выбору дворянства: уѣздный судья и 2 засѣдателя (№ 14.392. § 19). Судья считался въ 8 классѣ, засѣдатели въ 9. Должности ихъ—вознаграждаемыя, трехлѣтнія.

Верхній земскій судъ составлялся изъ 10 засѣдателей, избранныхъ дворянствомъ подсудныхъ уѣздовъ и 2-хъ предсѣдателей, назначенныхъ короной. Засѣдатели—въ 7 классѣ; должности ихъ вознаграждаемыя (по екатерининскимъ штатамъ въ 1-мъ разрядѣ—360, во 2-мъ—600 р. въ годъ), трехлѣтнія. Напротивъ, составъ общихъ палатъ—предсѣдатель, 2 совѣтника и 2 асессора—вполнѣ коронный.

Совѣстный-же судъ, общій для всѣхъ сословій, составлялся: изъ совѣстнаго судьи, назначаемаго намѣстникомъ изъ трехъ кандидатовъ, избираемыхъ вторыми судебными инстанціями и 8 засѣдателей—по 2 отъ каждаго сословія. Засѣдатели эти избирались на трехлѣтіе; дворянскіе засѣдатели—въ 7 классѣ, а вознагражденія по 1-му разряду 360, по 2-му—600 р. (№ 14.392).

Таковы суды, которымъ по учрежденіямъ о губерніяхъ подсудно было дворянство губерніи, и которые въ большей или меньшей степени замѣщались по его выбору.

При императорѣ Павлѣ, въ 1798 г., были уничтожены среднія судебныя инстанціи въ губерніи и явилась попытка выборный составъ уѣздныхъ судовъ замѣнить коронньмъ: въ 1800 г. предписано опредѣлять въ уѣздные суды членами чиновниковъ, находящихся при герольдіи (№ 19.418). Но это продолжалось недолго: съ воцареніемъ Александра I возстановленъ прежній судебный порядокъ; только отмѣна среднихъ судебныхъ инстанцій осталась въ своей силѣ. Но эта отмѣна имѣла вліяніе на нѣкоторую перемѣну въ составѣ судебныхъ мѣстъ, сравнительно съ учрежденіемъ о губерніяхъ: прежній исключительно коронный составъ палатъ комбинировался съ выборнымъ; прежнее исключительно дворянское значеніе уѣзднаго суда, за отмѣною нижнихъ расправъ, распространилось и на поселянъ. Возстановленіе екатерининскаго судоустройства, за означенными перемѣнами, произошло въ 1801 г.: палата суда и расправы раздвоилась на палату суда гражданскаго и палату суда уголовнаго; та и другая составлялись изъ предсѣдателя и совѣтника отъ короны, 2 засѣдателей отъ дворянства и 2 отъ купечества. Уѣздные суды возстановлены въ прежнемъ составѣ, съ присоединеніемъ двухъ засѣдателей отъ поселянъ, вмѣсто прежней расправы. Совѣстные суды также возстановлены, и составлялись изъ совѣстнаго судьи по выбору дворянства и 6 засѣдателей—по два отъ каждаго сословія. Изъ этихъ засѣдателей трое—по одному отъ сословія (по закону 1775 г. по два)—присутствовали и въ приказѣ общественнаго призрѣнія (№ 20.004). Встрѣчалось сомнѣніе: могуть-ли по дворянскимъ дѣламъ присутствовать въ палатахъ засѣдатели отъ купечества, а въ уѣздныхъ судахъ засѣдатели отъ поселянъ? Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ сенатомъ въ 1802 г.: въ палатахъ засѣдатели отъ купечества могутъ присутствовать при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, а въ уѣздныхъ судахъ засѣдатели отъ поселянъ могутъ участвовать въ рѣшеніи только тѣхъ дѣлъ, которыя касаются дворянъ и поселянъ (№ 20.284). Положительное разрѣшеніе вопроса относительно палатскихъ засѣдателей отъ купечества нарушило принципъ,

установленный Екатериной II, что каждый судится только равными себѣ. Нарушеніе этого принципа дворянство видѣло также въ томъ, что члены палатъ не избирались дворянствомъ, но назначались короной „не только безъ согласія того общества“, какъ писалъ Каразинъ Трощинскому въ 1801 г., „на участь котораго вліяніе ихъ столь важно, но часто даже явно противъ его пользъ и воли. Посылается человѣкъ, продолжаетъ онъ, который не имѣетъ никакой причины дорожить мнѣніемъ дворянъ неизвѣстной ему до того губерніи, котораго участь и честь ни по чему не соединена съ ихъ честію и участію, который въ мѣстѣ своемъ часто видитъ лишь способъ къ пропитанію; съ знаніемъ въ законахъ, иногда ограниченнѣйшимъ нежели послѣдній уѣздный судья, уничтожаетъ онъ его приговоръ, и такимъ образомъ дѣлаетъ безполезнымъ не только вниманіе и безпристрастіе послѣдняго, но и самую довѣренность дворянъ цѣлой округи...“ (Чтенія, кн. 3-я 1863). Поэтому, уже сначала текущаго столѣтія дворянство начало заявлять о томъ, чтобы всѣ члены судебныхъ палатъ замѣщались по его выбору. Но заявленія эти были удовлетворены только въ 1831 г. „Желая дворянству явить новые знаки своего монаршаго благоволенія,“ императоръ Николай I предоставилъ выбору его не только нѣкоторыхъ членовъ, но и самыхъ председателей судебныхъ палатъ. На должность предсѣдателя каждой палаты дворянство стало выбирать по два кандидата, которыхъ начальникъ губерніи представлялъ сенату на высочайшее усмотрѣніе. Прежній порядокъ назначенія предсѣдателей палатъ отъ короны былъ оставленъ только для губерній, возвращенныхъ отъ Польши, для губерній Астраханской, Таврической, Грузіи, Кавказа и Бессарабіи—въ послѣднихъ, впрочемъ, только до тѣхъ поръ, пока мѣстное начальство не признаетъ возможнымъ замѣщать эти должности также по выбору дворянъ.— Должность предсѣдателей палатъ опредѣлена была въ 5 классѣ. Чтò касается другихъ судебныхъ должностей, замѣщаемыхъ по выбору дворянства, то закономъ 1831 г. классы ихъ всѣхъ были повышены, а срокъ, на который

онѣ избирались, продолженъ: совѣстные судьи 5 класса, засѣдатели палатъ и совѣстнаго суда 7 класса, уѣздные судьи—также 7 класса, засѣдатели уѣзднаго суда—9 класса. Срокъ же выбора во всѣ судебныя должности продолженъ до 6 лѣтъ. (2-е П. С. № 4989, 4991).

Послѣ этого расширенія права дворянскихъ обществъ замѣщать судебныя мѣста по своему выбору, важнѣйшая перемѣна до судебной реформы произошла въ 1852 г., когда совѣстные суды были упразднены, а дѣла совѣстнаго разбирательства переданы въ вѣдомство мѣстныхъ судебныхъ палатъ—гражданскаго и уголовнаго суда, по принадлежности. Для дѣлъ этого совѣстнаго разбирательства оставлена была должность совѣстнаго судьи, по прежнему избираемаго дворянствомъ (2-е П. С. № 26.396), обязанности котораго положеніемъ 19 февраля 1861 г. расширены: онъ долженъ былъ приглашаться въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, для окончательнаго рѣшенія дѣлъ о принадлежности временно-обязаннымъ крестьянамъ недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ ими на имя ихъ помѣщиковъ до упраздненія крѣпостнаго права. За отмѣною засѣдателей совѣстнаго суда по выбору отъ сословій, засѣдавшихъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, предоставлено было дворянству выбирать непремѣннаго члена этого приказа.

2) *Полицейскому:*

Мы видѣли, что уже Петръ Великій учрежденіемъ должности земскаго коммисара хотѣлъ предоставить уѣздному шляхетству весьма существенныя части полицейскаго управленія. Эта должность, съ нѣкоторыми колебаніями, существовала до Екатерины II, которая учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. точнѣе опредѣлила участіе дворянства въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи. Уѣздное полицейское управленіе, отдѣльное отъ городскаго, предоставлено было *нижнему земскому суду* члены котораго избирались дворянствомъ. Члены были: земскій исправникъ или капитанъ и два или три засѣдателя дворянскихъ, кромѣ двухъ сельскихъ, посылаемыхъ въ земскій судъ нижней расправой. Исправникъ

и дворянскіе засѣдатели нижняго земскаго суда избирались дворянствомъ на 3 года и утверждались губернаторомъ; должность исправника полагалась въ 9 классѣ, а засѣдателей въ 10-мъ. Этимъ земскимъ судамъ предоставлено полицейское управленіе въ уѣздѣ въ полномъ объемѣ. Они не имѣли ни постояннаго мѣстопребыванія, ни опредѣленнаго времени для засѣданій, но собирались въ томъ мѣстѣ и въ такое время, гдѣ и когда указывала надобность (№ 14.392. гл. XVII). Въ 1800 году предписано опредѣлять членами земскихъ судовъ изъ чиновниковъ герольдіи, а также дозволялось губернаторамъ на эти мѣста принимать просьбы отъ дворянъ и представлять ихъ сенату (№ 19.418). Александръ I возстановилъ нижніе земскіе суды, какъ они были при Екатеринѣ II. Въ 1806 г. въ московской губерніи сдѣланъ опытъ соединенія московской градской полиціи съ земскою: московскій уѣздъ былъ раздѣленъ на 6 становъ, а становыми приставами назначены квартальные надзиратели московской полиціи (№ 22.379). Это былъ первый опытъ къ тому преобразованію земской полиціи, которое въ 1837 г. произведено по проекту гр. Блудова. Неудовлетворительность организаціи земской полиціи по закону 1775, жалобы на нее, особенно увеличившіяся послѣ 1815 г., заставили правительство заняться разсмотрѣніемъ разныхъ предположеній о ея преобразованіи. Сдѣлана была также попытка новаго устройства земской полиціи къ концу царствованія Александра I въ губерніяхъ, ввѣренныхъ управленію рязанскаго генералъ-губернатора Балашова Наконецъ, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Блудова, въ 1837 г., издано новое положеніе о земской полиціи, отличающееся отъ предыдущаго тѣмъ, что къ выборному элементу ея состава присоединился коронный: земскіе исправники оставлены были по прежнему по выбору дворянства, но уѣзды разбились на станы, завѣдываемые становыми приставами, которые назначались губернскими правленіями, съ нѣкоторымъ участіемъ дворянства. Изъ прежнихъ нѣсколькихъ дворянскихъ засѣдателей земскаго суда оставленъ былъ только одинъ

для постояннаго присутствія въ земскомъ судѣ, подъ названіемъ старшаго непремѣннаго засѣдателя (2-е № 10.305). Положеніе 1831 г. подняло классъ должности земскаго исправника до 8-го, засѣдателей до 9-го, а время ихъ избранія продолжило до 6 лѣтъ.

Участіе дворянства въ назначеніи становыхъ приставовъ, по положенію 1837 г. имѣло состоять въ томъ, что на дворянскихъ выборахъ оно могло указывать губернскому правленію на мѣстныхъ дворянъ, для назначенія въ становые пристава. Но это не вездѣ соблюдалось: въ иныхъ губерніяхъ становые пристава назначались по указанію дворянства, въ другихъ—губернское правленіе назначало по своему благоусмотрѣнію изъ своихъ канцелярскихъ чиновниковъ. Послѣ этого до послѣдней реформы уѣзднаго полицейскаго управленія, устранившей почти вовсе участіе дворянства въ образованіи земской полиціи, происходили нѣкоторыя только перемѣны. Перемѣны эти главнымъ образомъ состояли въ ограниченіи круга дѣлъ, подвѣдомственныхъ земской полиціи. Почти одновременно съ положеніемъ 1837 г. о земской полиціи, преобразовано управленіе государственными имуществами: земская полиція устранена отъ завѣдыванія казенными крестьянами, а потомъ, съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей, земская полиція окончательно была преобразована: управленіе городскою и земскою полиціей въ каждомъ уѣздѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, сосредоточено въ одномъ учрежденіи— уѣздномъ полицейскомъ управленіи, въ которомъ предсѣдательство, вмѣстѣ съ начальствомъ надъ полиціей, ввѣрено уѣздному исправнику, по назначенію отъ правительства. Для содѣйствія же уѣздному исправнику учреждена также коронная должность—его *помощника*. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, въ составъ уѣзднаго полицейскаго управленія вошли по выбору сословій: дворянскій засѣдатель—отъ дворянства, два сельскихъ— отъ поселянъ и одинъ по выбору городскаго общества.

3. *По нѣкоторымъ другимъ вѣдомствамъ*:

а) *Учебному*. Уставомъ гимназій и др. учебныхъ заведеній 1828 г. учреждена должность *почетнаго по-*

печителя гимназіи, которому была предоставлена значительная доля участія въ администраціи гимназій, а первою обязанностію поставлено изысканіе средствъ для открытія при нихъ пансіоновъ. Уставъ 1828 г., создавая изъ мѣстныхъ дворянъ меценатовъ, хотѣлъ привлечь средства мѣстнаго дворянства къ дѣлу народнаго образованія (2-е П. С. № 2.502). Положеніе 1831 г. опредѣляетъ порядокъ выбора почетнаго попечителя, который утверждается государемъ по представленію министра народнаго просвѣщенія и классъ его должности—5-й. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно установляетъ, что эта должность можетъ быть соединяема лишь съ должностями предводителей, совѣстнаго судьи и дворянскихъ депутатовъ (2-е № 4.989). Законъ 1836 г. опредѣлилъ, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ болѣе одной гимназіи, попечитель избирается для всѣхъ гимназій города (2-е № 9.024). Дворянству же екатеринославской губерніи дозволено въ 1828 г. замѣщать изъ своей среды званіе почетнаго попечителя таганрогской гимназіи (2-е № 11.316); а должность почетнаго попечителя немировской гимназіи, возложенная въ 1851 г. на гр. Потоцкаго, изъята была отъ выборовъ дворянства, доколѣ ее будетъ занимать гр. Потоцкій (2.е № 25.268). Почетный попечитель пензенской гимназіи въ 1843 г. былъ сдѣланъ и почетнымъ попечителемъ пензенскаго дворянскаго института (2-е № 16.994).

Кромѣ выбора почетнаго попечителя гимназіи, встрѣчались и другія учебныя должности по выбору дворянства: положеніе о полтавскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ 1828 г. постановило, что въ составъ его совѣта, сверхъ полтавскаго губернскаго маршала, должны входить три депутата отъ губерній полтавской, черниговской и кіевской, по выбору тамошняго дворянства (2-е 1777). Въ 1836 г. предоставлено и дворянству астраханской губерніи избирать особаго члена для завѣдыванія хозяйственною частію въ совѣтъ астраханскаго института для воспитанія дѣвицъ (2-е № 9. 464). То же было сдѣлано и въ другихъ институтахъ.

Что касается должности почетнаго смотрителя уѣзднаго училища, учрежденной указомъ 1811 г. для мѣстныхъ дворянъ и помѣщиковъ и подтвержденной въ 1818 г., то первоначально существовало сомнѣніе: подлежитъ ли эта должность баллотированію дворянства? Источникомъ этого сомнѣнія была неточная редакція § 49 устава учебныхъ заведеній 1828 г., говорящая, что почетные смотрители училищъ избираются изъ пользующихся общимъ уваженіемъ дворянъ уѣзда. На основаніи такой редакціи, несмотря на то, что положеніе 1831 г. ничего не говоритъ о баллотированіи почетныхъ смотрителей, возникалъ вопросъ: не слѣдуетъ ли ихъ подвергать баллотированію? Сомнѣніе это разъяснилось циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній 1834 г., предписывавшимъ имъ наблюдать, чтобы дворянство не баллотировало въ должность почетныхъ смотрителей училищъ (Цирк. мин. вн. дѣлъ, Т. 2-й стр. 24).

б) *Кредитному*. При образованіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій въ 1817 г., постановлено было: чрезъ каждые три года избирать 6 членовъ дворянству с.-петербургской губерніи, въ числѣ которыхъ долженъ быть с.-петербургскій губернскій предводитель (№ 26.834, ст. 22 III Т. изд. 1857). Въ директоры конторъ коммерческаго банка: кіевскую по закону 1839 г. (2-е № 12.369) и харьковскую по закону 1843 (2-е № 16.609) дворянство избирало по 2 кандидата--въ первую подольской, волынской и кіевской губерніи, а во вторую харьковской, черниговской и полтавской (ст. 24 III Т. изд. 1857). Въ 1841 г. основанъ былъ дворянствомъ нижегородской губерніи александровской губернскій дворянскій банкъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Званіе предсѣдателя въ немъ присвоено нижегородскому губернскому предводителю, а дворянству предоставлено избирать на 3 года: почетныхъ опекуновъ, директора и товарищей директора банка (2-е № 14.982). Подобнымъ же образомъ, въ 1845 г., предоставлено тульскому дворянству избирать на 3 года двухъ директоровъ александровскаго тульскаго банка (2-е № 19.546).

в) *Народному продовольствію.* Въ 1834 г. учреждены были коммисіи продовольствія, въ составъ которыхъ, кромѣ губернскаго предводителя и уѣзднаго предводителя того уѣзда, въ коемъ находится губернскій городъ, дворянство чрезъ каждое трехлѣтіе избирало непремѣннаго члена (2-е № 7.253. § 45) [140]. Мѣстное наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ магазиновъ въ селеніяхъ помѣщичьихъ предоставлено уѣзднымъ предводителямъ дворянства, а въ помощь имъ по выбору дворянства назначалось по нѣсколько дворянъ, съ наименованіемъ попечителями хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ (ib § 9). Служебныя ихъ права и срокъ службы опредѣлены въ 1836 г.: должность въ IX кл., на 6 лѣтъ (2-е № 9.322. § 18).

г) *Путямъ сообщенія и строительной части.* Въ 1845 г. предводители дворянства освобождены отъ присутствія въ окружныхъ правленіяхъ путей сообщенія въ столицахъ, а вмѣсто нихъ велѣно избирать дворянству по одному депутату (2-е № 18.758). Въ 1851 г. опредѣленъ былъ порядокъ и срокъ (3 года) выбора депутатовъ отъ дворянства въ строительныя и дорожныя коммиссіи (2-е № 24.863).

д) *Квартирной повинности.* Для завѣдыванія квартирной повинностію въ Кіевѣ учреждена была тамъ въ 1806 г. квартирная экспедиція, въ составъ которой вошли 2 члена по выбору дворянства на 3 года (№ 22,231, § 31). Потомъ, въ 1808 г. квартирныя коммисіи съ депутатами отъ дворянства появились и въ другихъ городахъ (№ 23.114). Но срокъ службы этихъ депутатовъ не былъ опредѣленъ, почему въ иныхъ губерніяхъ они избирались на неопредѣленное время, а въ иныхъ на 3 года. Въ 1827 г. министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что депутатовъ этихъ нельзя сравнивать съ лицами, служащими по другимъ должностямъ, зависящимъ отъ выбора дворянства, такъ какъ симъ послѣднимъ присвоены классы, а депутатамъ квартирныхъ коммисій классовъ не полагалось. На этомъ основаніи онъ представилъ въ сенатъ объ ограниченіи службы ихъ однимъ

годомъ, что и было сдѣлано въ томъ же году (2-е П С. № 1.095).

е) *Межеванію.* Въ 1839 г., постановлено въ каждомъ уѣздѣ имѣть для постояннаго ходатайства по дѣламъ межеванія особаго посредника. А по значительному пространству уѣзда, или особенной дробности чрезполосныхъ дачъ—двухъ и даже трехъ, и столько же кандидатовъ для ихъ замѣщенія. Въ выборѣ посредника могли принимать участіе всѣ дворяне, имѣющіе въ уѣздѣ поземельную собственность, хотя бы по общимъ правиламъ они и не имѣли избирательнаго голоса. Въ посредники могли быть избираемы и уѣздные предводители дворянства, а раздѣленіе уѣзда на части, съ назначеніемъ въ каждую изъ нихъ посредника, предоставлено постановленіямъ уѣзднаго дворянскаго собранія (2-е № 12.459).

Таковы должностныя лица, избиравшіяся дворянствомъ по разнымъ частямъ мѣстнаго управленія. Но эти лица существовали не во всей имперіи: встрѣчались губерніи, гдѣ дворянства было такъ мало, что всѣ должности мѣстнаго управленія замѣщались чиновниками отъ короны. Уже при Петрѣ Великомъ выборъ земскихъ коммисаровъ предоставленъ помѣщикамъ только въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ много шляхетства, а въ поморскихъ и другихъ, гдѣ дворянъ вовсе не было, земскаго коммисара избирали другіе обыватели (№ 4.533). Точно также и введенные Екатериной II, въ 1775 и 1785 годахъ, выборы чиновниковъ дворянствомъ могли имѣть мѣсто только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ оно было въ достаточномъ количествѣ [141]). Дворянство же по губерніямъ распредѣлялось весьма неравномѣрно: огромное число его приходилось на губерніи, возвращенныя отъ Польши—особенно на сѣверозападныя, гдѣ сосредоточилась $^1/_3$ всего дворянства имперіи [142]); въ остальныхъ же великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, только въ 3 губ. дворянство превышало 1% населенія (херсонской, смоленской и петербургской), а во всѣхъ прочихъ было менѣе 1%. А въ нѣкоторыхъ губерніяхъ—Сибири, архангельской, олонецкой, вятской

и пермской оно составляло такую ничтожную долю населенія, что изъ него не могли составляться дворянскія общества (Лохвицкаго. Губернія, стр. 120). На этомъ основывалось раздѣленіе губерній на *дворянскія* и *чиновныя*. Къ первымъ относилось 28 губерній (перечисленіе во 2 ст. III т.), за исключеніемъ губерній возвращенныхъ отъ Польши, гдѣ были нѣкоторыя особенности въ избирательныхъ правахъ дворянскихъ обществъ. Ко вторымъ относились: Сибирь, архангельская и олонецкая, вятская и пермская, хотя въ послѣдней находились самыя многодушныя помѣщичьи имѣнія (среднимъ числомъ на 1 помѣщика приходилось въ ней по 2.621 душѣ, тогда какъ напримѣръ въ полтавской по 44 души). Кромѣ того, нѣкоторыя губерніи занимали срединное положеніе между дворянскими и чиновными: въ губерніяхъ оренбургской и самарской земскіе исправники и засѣдатели земскихъ судовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ назначались отъ короны, то же было и въ таврической губерніи; въ губерніи вологодской губернскія должности, уѣздныя только въ вологодскомъ, грязовецкомъ и кадниковскомъ, замѣщались выборомъ отъ дворянства; въ астраханской губерніи дворянство выбирало только губернскаго предводителя, депутатовъ и секретаря дворянства, уѣздные же предводители выбирались по одному на два уѣзда—астраханскій и красноярскій, черноярскій и енотаевскій.

Чтó касается Бессарабіи, то положеніе 1818 г. предоставило бессарабскому дворянству выборъ всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, которые избирались и въ другихъ губерніяхъ, а въ томъ числѣ и земскихъ исправниковъ. Въ 1824 г. гр. Воронцовъ донесъ министерству внутреннихъ дѣлъ, что земская полиція въ Бессарабіи находится въ весьма дурномъ положеніи, вслѣдствіе неблагонадежности избираемыхъ дворянствомъ исправниковъ и засѣдателей. По мнѣнію Воронцова, выборы въ Бессарабіи и не могли быть лучше, вслѣдствіе малочисленности тамошняго дворянства: въ собраніе является 100 избирателей, а мѣстъ зависящихъ отъ избранія 81. Отсюда трудно входить въ разсмотрѣніе

благонадежности кандидатовъ, и приходится избирать людей сомнительныхъ. Послѣдствія этого печальны: измаильскій исправникъ былъ самъ содержателемъ почтовыхъ лошадей въ своемъ цунфтѣ; бендерскій не что иное, какъ повѣренный камергера Бальша, и вѣроятно печется единственно о помѣстьяхъ г. Бальша, въ томъ уѣздѣ находящихся; акерманскій (молдованъ, незнающій нашего языка, хотя въ семъ цунфтѣ жители всѣ русскіе) имѣлъ дерзость допустить отмѣненный главнымъ начальствомъ откупъ на дежму, и вмѣсто сбора оной, по закону, съ сѣна и ячменя, принуждалъ жителей отдавать ее въ натурѣ со всѣхъ произведеній; сверхъ того, вмѣстѣ съ засѣдателями, онъ покровительствовалъ разбойникамъ; хотинскій исправникъ изобличенъ въ разныхъ беззаконныхъ поборахъ и нарядахъ во время путешествія государя; яскій, хотя изъ всѣхъ лучшій, отданъ подъ слѣдствіе, а оргѣевскій обвиненъ въ присвоеніи общественныхъ суммъ. На основаніи этого донесенія постановлено было: въ Бессарабіи земскихъ исправниковъ и засѣдателей опредѣлять отъ короны (№ 30.048).

IV. Особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ уклоненія въ избирательныхъ правахъ дворянскихъ обществъ, которыя отъ времени до времени существовали въ Малороссіи и въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши.— Екатерина II свои учрежденія о губерніяхъ старалась распространить на всѣ части имперіи, даже на остзейскій край, въ которомъ въ 1783 г. предписано было предводителей дворянства избирать на общемъ основаніи (№ 15.776). Въ Малороссіи въ 1781 г. были образованы три намѣстничества—новгородъ-сѣверское, черниговске и кіевское (№ 15.227), въ которыхъ [113]) введенъ порядокъ управленія на основаніи закона 1775 г. (№ 15.265). Вслѣдствіе этого, отмѣнены всѣ прежніе судебные и административные чины, введенные при польскомъ владычествѣ: напримѣръ, въ 1782 году возные [114]) и подвойскіе, должность которыхъ была возложена на земскіе суды, земскихъ исправниковъ и городничихъ (№ 15.478).

Чрезъ нѣсколько дней по вступленіи своемъ на престолъ, Павелъ I возстановилъ въ Малороссіи прежнее правленіе и судоустройство (№ 17.594). Чтобъ понять значеніе этой перемѣны, слѣдуетъ сказать о тѣхъ реформахъ судоустройства въ Малороссіи, которыя произведены были за гетмана Разумовскаго. Онъ отчасти возстановилъ тѣ порядки, которые существовали до Богдана Хмельницкаго, давъ участіе шляхетному элементу наряду съ казацкимъ. Универсаломъ 1760 г. велѣно въ генеральномъ судѣ присутствовать 2 генеральнымъ судьямъ и 10 депутатамъ, выбраннымъ шляхетствомъ изъ полковой старшины 10 полковъ. Вконцѣ 1764 г. гетманъ созвалъ всѣ малороссійскіе чины на генеральную раду, которая возстановила уничтоженные Богданомъ Хмѣльницкимъ земскіе, городскіе и подкоморскіе суды. Малороссія была раздѣлена на 20 повѣтовъ [145]). Въ каждомъ повѣтѣ учреждался *земскій судъ*, состоявшій изъ *земскаго судьи*, засѣдателя—*подсудка* и *земскаго писаря*, избираемыхъ повѣтовымъ шляхетствомъ не баллотировкой, а открытыми голосами. Земскій судъ собирался трижды въ году, и члены его избирались на всю жизнь; канцелярія составлялась изъ приватныхъ лицъ, которыя нанимались земскимъ писаремъ и назывались *подписками*. Когда земскій судъ, при разборѣ поземельнаго спора, находилъ нужнымъ лично обозрѣть межи, то посылалъ дѣло въ *подкоморскій судъ*, состоявшій изъ *подкоморія* и его помощника—*коморника*, избиравшихся также повѣтовымъ шляхетствомъ. Для уголовныхъ дѣлъ во всякомъ полку учреждены суды *городскіе* (Шафонскаго, Черниговское намѣстничество, стр. 95). Указомъ 30 ноября 1796 г. вмѣсто бывшихъ трехъ намѣстничествъ повелѣно быть въ Малороссіи одной губерніи черниговской [146]), съ причисленіемъ къ ней полтавскаго и кременчугскаго уѣздовъ. Въ слѣдующемъ году образована одна малороссійская губернія, съ раздѣленіемъ ея на прежніе 20 повѣтовъ (№ 18.117). Вмѣсто 2 судебныхъ палатъ, возстановленъ генеральный судъ—изъ 2 генеральныхъ судей 4-го класса и 10 засѣдателей, избираемыхъ на

3 года дворянствомъ; возстановлены и земскіе суды въ 20 повѣтахъ, состоящіе изъ земскаго судьи 7 класса и 2 земскихъ подсудковъ 8 класса, а также суды подкоморскіе—изъ подкоморныхъ 6 класса. Выборъ судей—на основаніи литовскаго статута. Изъ прежнихъ должностей оставлены только земскіе исправники съ дворянскими засѣдателями (№ 17.594). Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало возстановленіе прежнихъ порядковъ въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши. Въ 1797 г., вмѣсто двухъ губерній—виленской и слонимской—образована была одна литовская губернія, въ которой также отмѣнены почти всѣ учрежденія 1775 г. и замѣнены прежними польскими. То же самое было сдѣлано и въ губерніяхъ кіевской, подольской, виленской, минской и бѣлорусской, гдѣ возстановлено и судопроизводство на польскомъ языкѣ (№ 18.135). Оставлены только нижніе земскіе суды, но исправники по выбору дворянства замѣнены коронными, дворянскіе же засѣдатели оставлены на прежнемъ положеніи. Вмѣсто судебныхъ мѣстъ по учрежденію о губерніяхъ, возстановлены суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, а надъ ними бывшій литовскій трибуналъ, подъ названіемъ главнаго литовскаго суда; члены всѣхъ этихъ судебныхъ мѣстъ избирались дворянствомъ. Губернскій предводитель отмѣненъ, а вмѣсто уѣздныхъ—повѣтовые маршалы въ 5 классѣ и повѣтовые хорунжіе—въ 7-мъ. Вовремя общихъ собраній дворянства должность губернскаго маршала долженъ занимать одинъ изъ повѣтовыхъ (№ 17.788, 17.790).

Выборъ повѣтовыхъ маршаловъ и хорунжихъ, вмѣсто предводводителей, распространенъ былъ и на Малороссію, которая никогда прежде не знала этихъ должностей, имѣвшихъ въ прежней Польшѣ военное значеніе: маршалы вовремя посполитаго рушенья предводительствовали корпусами повѣтоваго дворянства, а хорунжіе собирали хоренгвы и приводили ихъ къ маршалу. Неудивительно, что многіе малороссы были недовольны новыми порядками, и обвиняли въ нихъ Безбородька. Учрежденіе же маршаловъ представляло

еще ту невыгоду для дворянства, что должность ихъ была пожизненная, а обязанности такъ не точно опредѣлены, что губернское правленіе налагало на нихъ иногда производство слѣдствій, что составляло предметъ дѣятельности земской полиціи [147]). Но Павелъ I энергически противодѣйствовалъ началамъ объединенія въ управленіи, которымъ слѣдовала его предшественница, и реставрировалъ прежніе порядки въ Малороссіи, остзейскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ. Въ послѣднихъ онъ возстановилъ прежнюю безпорядочную систему сеймиковъ, на которыхъ получила право участвовать вся шляхта повѣта: въ литовскихъ губерніяхъ, въ 1798 г. для выбора нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ возстановлены ежегодные сеймы (№ 18.449), въ слѣдующемъ году въ Малороссіи и во всѣхъ западныхъ губерніяхъ должности подкоморыхъ, повѣтовыхъ судей, подсудковъ и писарей, на основаніи IV раздѣла 1 арт. статута и конституціи конвокаційнаго сейма 1764 г. сдѣланы пожизненными (19.154). Въ 1800 г. постановлено было допустить къ дворянскимъ выборамъ всѣхъ безпомѣстныхъ шляхтичей (№ 20.288) и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждена пожизненность нѣкоторыхъ должностей и возстановлена должность губернскаго маршала (№ 19.628).

Обломки екатерининскихъ учрежденій, вмѣстѣ съ реставрированными старыми и придуманными новыми порядками, ввели въ управленіе Малороссіи и западныхъ губерній большую неурядицу, которая не могла имѣть благодѣтельныхъ послѣдствій для края.

Сохранилась весьма интересная записка современника, изображающая всѣ печальныя послѣдствія для Малороссіи отмѣны екатерининскихъ учрежденій. Авторъ этой записки возстаетъ во-1-хъ противъ уничтоженія трехъ губерній въ Малороссіи, образованія изъ нея одной губерніи, съ отчисленіемъ Кіева. $1^1/_2$ милліона жителей, говоритъ онъ, управлялись прежде 3 правителями, имѣли 6 судебныхъ палатъ, 3 совѣстные суда, 36 уѣздныхъ судовъ, а вмѣсто того они получили одного правителя, одинъ генеральный судъ, 20 зем-

скихъ судовъ, столько же подкоморскихъ, на польскомъ несвойственномъ Малороссіи порядкѣ. Всѣ благомыслящіе малороссіяне желаютъ возстановленія екатерининскихъ порядковъ.

Что касается отдѣленія Кіева отъ Малороссіи, то объ этомъ онъ разсуждаетъ такъ: „Здѣланная нынѣ между Малороссійскою и Кіевскою губерніями рѣкою Днѣпромъ граница весьма неудобна. Лѣвый берегъ сея рѣки лежитъ подъ самымъ городомъ Кіевомъ, къ которому Кіевскій паромъ пристаетъ; всѣ кіевскіе луга теперь къ малороссійской губерніи принадлежатъ, а кіевскіе жители, по встрѣтившимся на нихъ земляхъ случаямъ, должны въ городъ Козелецъ за 70 в., или и въ самый губернскій городъ Черниговъ, за 152 версты, ѣздить. Пролагаемая такою рѣкою граница прилична два разныя государства раздѣлить, а не губерніи одного владѣнія“.

Во-2-хъ, онъ ратуетъ за возстановленіе уѣздныхъ судовъ и трехлѣтнихъ выборовъ въ губернскомъ городѣ. „Когда въ трехъ малороссійскихъ губерніяхъ на мѣсто повѣтовъ и повѣтовыхъ судовъ, открыты уѣзды и уѣздные суды... то всѣ жители ощутительно увидѣли, сколь они щастливы сдѣлались, что ихъ дѣла наравнѣ съ великороссійскими дворянами, судиться стали. Въ сіи суды избирались въ губернскомъ городѣ, въ виду генералъ-губернатора или правителя губерніи изъ нихъ же самыхъ судьи и засѣдатели балотированіемъ чрезъ всякіе три года... По возстановленіи же повѣтовыхъ судовъ... выборы пошли на основаніи польскаго статута, за 200 лѣтъ для Республиканскаго правленія дворянами тамъ здѣланнаго... Судьи и подсудки избираются въ повѣтовомъ городѣ не по дворянской грамотѣ 1785 г. и не по мудрому наказу о выборѣ депутатовъ баллами, а открытыми голосами, не на 3 года, а навсегда, безъ всякаго различія дворянъ. Тутъ стали участвовать поповичи, регистраторы, протоколисты, не изъ дворянъ; тутъ происходятъ грубости, личныя ссоры, разныя въ приватныхъ своихъ дѣлахъ укоризны, брани и такія неустройства и неблагопристойности,

какія рѣдко и въ сельскихъ собраніяхъ бываютъ... По симъ обстоятельствамъ всѣмъ благонамѣреннымъ малороссіянамъ... нужно къ престолу прибѣгнуть и просить, чтобы уѣздные суды выбираемы были *баллами*, чрезъ всякіе три года, въ губернскомъ, а не уѣздномъ городѣ, въ присутствіи генералъ-губернатора или правителя губерніи, и чтобы не писарь, дворянами выбранный, но настоящій секретарь былъ опредѣленъ..."

Въ-3-хъ онъ желаетъ уничтоженія маршаловъ и хоружихъ и возстановленія предводителей.

Въ 4-хъ, уничтоженія возныхъ, которые избирались шляхетствомъ для развоза призывовъ къ суду, ввода во владѣніе имѣніемъ, выклички (воланья) тяжущихся, и для свидѣтельства насилій и побоевъ.

Въ 5-хъ, возстановленія дворянскихъ опекъ, уничтоженныхъ вмѣстѣ съ упраздненіемъ уѣздныхъ судовъ. Уничтоженіе это имѣло своимъ послѣдствіемъ, что „бѣдные дворянскіе сироты и вдовы и ихъ имѣнія остались безъ всякаго призрѣнія и защиты. По польскому закону маршалы въ призрѣніи сиротъ и опредѣленіи къ нимъ опекуновъ не имѣютъ участія, а одни повѣтовые суды опредѣляютъ опекуновъ тогда только, когда кто изъ родныхъ оныхъ потребуетъ. Сіе рѣдко случается („въ Малой Россіи, говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ разбираемой нами записки, такого дружелюбія и союза между родными нѣтъ, каковъ у великороссійскихъ дворянъ есть"), а сироты и ихъ имѣнія остаются безъ всякаго отъ суда опредѣленія, на произволъ родныхъ. Есть ли повѣтовый судъ кого и назначитъ опекуномъ, то или таковой отъ опеки отказывается, или ихъ кто изъ родныхъ, желавшихъ безъ опеки малолѣтняго управлять имѣніемъ, опорочиваетъ. Пятый уже годъ существуетъ генеральный судъ, но еще ни одна почти опека не приняла своего теченія... Нигдѣ въ Европѣ сія часть не находится въ такомъ безпорядкѣ и презрѣніи, какъ въ Малой Россіи... Слѣдуетъ востановить дворянскія опеки по учрежденію о губерніяхъ... Но какъ въ Малой Россіи... предводители и до 1797 г. за сіе дѣло почти не принимались, то нужно испросить

строгой законъ, обязывающій предводителей заботиться о дворянскихъ вдовахъ и сиротахъ... Купцы и мѣщане въ Малой Россіи предъ дворянами щастливѣе; имъ оставлены сиротскіе суды, а дворянамъ оставленъ польской слабой и конфузной статутъ" [148]).

Въ 6-хъ, уничтоженія генеральнаго суда, „котораго творитель кн. Безбородько, по требованію котораго его же родня въ оные суды должны были избраны и не по большинству голосовъ опредѣлены быть", и возстановленія палатъ.

Въ 7-хъ, уничтоженія подкоморскихъ судовъ, такъ какъ уѣздные суды производили разборъ о межахъ гораздо скорѣе.

Наконецъ, въ 8-хъ, возстановленія совѣстныхъ судовъ. „О возстановленіи сего божественнаго суда должно у престола всеподданнѣйше просить; не желать же и не просить его, должно заключать, что малороссіяне люди неспокойные, и къ тяжбамъ и ябедамъ жадные, что и въ самомъ дѣлѣ есть: *нигдѣ и никакой народъ къ сочиненію ябедъ* и къ продолженію тяжебъ, и часто пустыхъ и неосновательныхъ, такъ несклоненъ и нежаденъ, какъ малороссійской" (Замѣчанія о Малой Россіи).

Желанія, высказанныя авторомъ замѣчаній о Малой Россіи, осуществлялись постепенно, втеченіе первыхъ лѣтъ царствованія Александра I. Но при этомъ порядки по учрежденіямъ о губерніяхъ возстановлялись не вполнѣ, а польскія учрежденія Павла также не вполнѣ были отмѣнены.

Такъ, что рядомъ съ учрежденіями по закону 1775 г., существовали введенныя Павломъ, а нѣкоторыя екатерининскія учрежденія назывались польскими именами. Полное возстановленіе екатерининскихъ порядковъ и отмѣна павловскихъ въ Малороссіи и западныхъ губерніяхъ произошли уже въ царствованіе Николая.

По возшествіи Александра I на престолъ, малороссійское дворянство представило государю записку о нуждахъ края. Оно просило изъять уголовныя дѣла изъ подсудности земскихъ повѣтовыхъ судовъ, возста-

новляя для этихъ дѣлъ прежніе градскіе суды, члены которыхъ — судьи, писари и возные — избирались бы дворянствомъ на 3 года; просило также, чтобы повѣтовые маршалы, подкоморные и хорунжіе, избранные пожизненно, безъ права оставить службу, пользовались тѣми же правами, какія жалованная грамота предоставляла избираемымъ дворянствомъ (Чтенія, кн. 1-я на 1865 г.). Впрочемъ, при отправленіи губернскаго маршала въ 1801 г. на коронацію, когда дворянство начало заявлять свои мнѣнія о подтвержденіи малороссійскихъ преимуществъ, раздались нѣкоторые голоса не о возстановленіи въ Малороссіи учрежденій 1775 г и жалованной дворянству грамоты, но о возстановленіи прежней гетманщины. Такъ, одинъ помѣщикъ роменскаго уѣзда заявилъ, чтобы управленіе и войско въ Малороссіи возстановить какъ было при гетманахъ, присоединивъ къ ней новороссійскую губернію (Замѣчанія о Малой Россіи).

Нѣкоторыя заявленія были представлены и польскимъ дворянствомъ западныхъ губерній: дворянство волынской губерніи, чрезъ своего уполномоченнаго, кн. Каликста Понинскаго, представило прошеніе о возстановленіи дворянскихъ выборовъ на началахъ учрежденія о губерніяхъ. Вслѣдствіе этого, выборы на этихъ началахъ были возстановлены въ западно-русскихъ губерніяхъ и въ Малороссіи 19 мая 1802 г. (№ 20.273). Вслѣдъ затѣмъ, такъ какъ на выборахъ въ западныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе допущенія на нихъ безпомѣстной и окольной шляхты, происходили большія замѣшательства и безпорядки—повелѣно допускать къ выборамъ только тѣхъ дворянъ, которые платили въ казну офяру, имѣли какую-нибудь поземельную собственность, или же казенную или частную землю въ оброчномъ содержаніи, не требуя, впрочемъ, чтобъ, на основаніи дворянской грамоты, участвующіе въ выборахъ имѣли оберъ-офицерскіе чины (№ 20.288). Въ 1803 г. въ Малороссіи возстановлены совѣстные суды на прежнемъ основаніи (П. С. № 20.726). Въ 1804 г. должность губернскихъ и повѣтовыхъ маршаловъ въ западныхъ губерніяхъ была приведена

въ соотвѣтствіе съ дворянской грамотой (№ 21.176). Въ слѣдующемъ году точнѣе опредѣлено право участія въ выборахъ въ западныхъ губерніяхъ: на выборахъ имѣютъ голосъ только тѣ дворяне, которые владѣютъ въ той губерніи имѣніемъ, приносящимъ не менѣе 150 р. дохода, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигли 18 лѣтъ. Избранными же могутъ быть только тѣ, которые имѣютъ голосъ въ дворянскомъ собраніи и достигли 23 лѣтъ. За вѣрностью дворянскихъ списковъ, которыми въ другихъ губерніяхъ завѣдывали депутатскія собранія, должны наблюдать повѣтовые маршалы (№ 21.646). Право дворянства западныхъ губерній выбирать земскихъ исправниковъ, возвращенное въ 1802 г., опять отмѣнено: въ 1805 г. земскіе исправники стали опредѣляться сенатомъ, по представленію м. вн. дѣлъ (№ 21.648).

Несмотря на всѣ эти распоряженія правительства, выборы въ западныхъ губерніяхъ продолжали сопровождаться большими безпорядками и разстройствомъ. Въ 1809 г. м. вн. дѣлъ, кн. Куракинъ, представилъ въ комитетъ министровъ подробную о томъ записку. Записка эта такъ живо изображаетъ, какъ производились выборы въ западно-русскихъ губерніяхъ вначалѣ текущаго столѣтія, что мы считаемъ не безъинтереснымъ привести ее цѣликомъ: „По случаю происшедшихъ безпорядковъ при дворянскихъ выборахъ прежде въ подольской, а потомъ и въ виленской губерніяхъ, Е. И. В. угодно было поручить мнѣ промыслить средства, кои бы на будущее время могли отвратить таковые безпорядки.

Представивъ государю мысли мои въ прилагаемой запискѣ, я получилъ высочайшее повелѣніе внесть оную на разсмотрѣніе комитета министровъ.

Правила для дворянскихъ выборовъ, вообще существующія, имѣютъ 2 предмета:

1. Не стѣснить свободы избранія, составляющей одно изъ важнѣйшихъ правъ россійскаго дворянства.

2. Опредѣлительностію дѣйствія самыхъ выборовъ предупредить всѣ средства къ подлогу и устранить всякую возможность къ безпорядкамъ.

Для достиженія перваго удалено совершенно губернское начальство отъ вліянія на выборы и свобода избирающаго сословія оставлена въ полномъ ея дѣйствіи.

Для втораго постановленъ опредѣлительный образъ сему дѣйствію, т. е. форма избранія; но такъ какъ форма сія въ отсутствіи полиціи должна одна охранить порядокъ, то и связана она столь тѣсно съ дѣйствіями дворянской свободы, что съ ея нарушеніемъ и самыя дѣйствія сіи останавливаются.

Въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, приложеніе правилъ выборовъ представляло неудобства.

Правительство искало причины оныхъ и скоро открыло, что неустройство, при выборахъ въ польскихъ губерніяхъ происходившее, имѣло двѣ причины:

1. Оставшійся навыкъ къ безпорядку народныхъ собраній въ Польшѣ.

2. Порочный составъ самаго сословія дворянскаго, гдѣ первѣйшій помѣщикъ имѣлъ равную свободу избранія, равный голосъ съ такъ называемымъ шляхтичемъ; между тѣмъ, какъ подъ симъ именемъ всегда почти былъ человѣкъ безъ всякаго понятія о чести, безъ собственности и часто наемщикъ какой-либо партіи. Нужно было очистить сословіе дворянства отъ сей толпы, къ буйствамъ обыкшей, и изгладить тѣмъ все, что могло оставаться похожаго на безобразіе бывшихъ въ Польшѣ діетинъ—сихъ народныхъ скопищъ, гдѣ воля нѣсколькихъ партій, раздиравшихъ государство, знаменовалась и поддерживалась крикомъ ихъ наемниковъ.

Мысль сія, единодушно принятая совѣтомъ, была причиною изданныхъ въ 1805 г. дополнительныхъ правилъ для выборовъ въ польскихъ губерніяхъ. Право избранія предоставлено людямъ, имѣющимъ извѣстную собственность.

Если, не взирая на сіе, нынѣ открываются важные безпорядки при выборахъ въ польскихъ губерніяхъ, то

причина не въ недостаткѣ или порочности правилъ, но отъ неисполненія ихъ.

Сіе ясно доказано слѣдующимъ: Въ чемъ состояли безпорядки при послѣднихъ выборахъ? Въ личностяхъ, въ спорахъ, буйствѣ и даже насиліи. Какое отношеніе имѣютъ сіи неустройства къ правиламъ о выборахъ? Нарушеніе формы; ибо еслибы при началѣ вся строгость правилъ была приведена въ дѣйствіе, то послѣдней ссоры не было бы, и такъ не въ недостаткѣ правилъ, а въ слабости мѣстныхъ правительствъ и дурно образованной полиціи.

Почему начальники губерній представляютъ себѣ, что дворянскіе выборы, во время производства ихъ, составляютъ внутри самой губерніи status in statu— общество никакой полиціи не подчиненное. Цѣль при удаленіи губернскаго начальства отъ выборовъ не была та, чтобы оставить многочисленное общество разныхъ классовъ дворянъ свободно ссориться, но въ томъ, чтобы не стѣснить свободы избиранія, всегда разумѣя до тѣхъ поръ, пока общество сіе дѣйствуетъ въ правилахъ ему предписанныхъ, какъ скоро отъ оныхъ отступило, то перестаетъ быть дворянствомъ на выборы собраннымъ и есть сборище людей, нарушившее коренные законы и внѣ оныхъ себя поставившее, и съ сей минуты не только начальникъ полиціи вправѣ войдти въ бывшее собраніе дворянъ, но долженъ даже разогнать неспокойныхъ. Изъ сего слѣдуетъ, что если правила постановленныя недостаточны, то сіе только въ томъ, что законъ, для россійскаго дворянства изданный, не предвидѣлъ безчинствъ, кои только въ провинціяхъ завоеванныхъ быть могли, а посему къ закону не достаетъ справедливыхъ мѣръ строгости, кои для оныхъ польскихъ губерній необходимы, ибо въ Россіи дворянство всегда по высочайшей довѣренности само было судьею сочленовъ своихъ, и приговоры его были строги, и нерѣдко государемъ смягчаемы, дѣло о Побѣдинскомъ служитъ тому доказательствомъ.

Двѣ мѣры справедливой строгости могутъ прекратить эти безпорядки:

*

1. При первомъ извѣстіи о важномъ неустройствѣ, во время выборовъ произшедшемъ, удалить губернатора отъ должности.

2. Дворянство, допустившее безпорядки, лишить на 2 трехлѣтія права избранія, и на всѣ мѣста, онымъ наполняемыя, опредѣлить чиновниковъ отъ короны.

Сіи мѣры должны предварительно и даже немедля быть обнародованы, ибо иначе безпорядки въ разныхъ польскихъ губерніяхъ показываютъ, что духъ непокорливости усиливается и начинаетъ дѣйствовать открыто. Въ послѣднихъ произшествіяхъ караулъ уже былъ подъ ружьемъ, одной минуты не доставало до кровопролитія. Вообще подобное броженіе умовъ посреди 3 милліоновъ завоеваннаго и недовольнаго народа всегда опасно, часто возвѣщаетъ большія потрясенія, и никогда не должно быть терпимо" (№ 23.513).

Въ 1810 г. по прошенію дворянства виленской губерніи, повелѣно для облегченія дворянскихъ выборовъ повѣтовыхъ чиновниковъ избирать въ повѣтовыхъ городахъ, а въ губернскомъ—избирать однихъ губернскихъ, чрезъ делегатовъ: отъ каждаго повѣта по 10 человѣкъ. Въ слѣдующемъ году, по ходатайству гродненскаго дворянства, это было распространено и на гродненскую губернію (П. С. № 24.709). Въ 1816 г. въ западно-русскихъ губерніяхъ предоставлено исправниковъ и засѣдателей земскихъ судовъ избирать тамошнему дворянству (П. С. № 26.132). Но въ 1823 г. для могилевской и витебской губерній установлено изъятіе: дворянство избираетъ однихъ засѣдателей и. земскихъ судовъ, а з. исправники непосредственно назначаются гражданскимъ губернаторомъ (П. С. № 29.419). Законъ этотъ былъ распространенъ и на кіевскую губернію (П. С. № 29.673). Годомъ раньше, на западно-русскія губерніи и на Малороссію распространены тѣ же правила о дворянскихъ опекахъ, что и въ великорусскихъ губерніяхъ (П. С. № 29.054). По поводу толкованія этого закона о дворянскихъ опекахъ возникъ вопросъ: относится-ли онъ только до учрежденія и управленія опекъ, или же ка-

сается и правъ владѣльцевъ? Вопросъ былъ разрѣшенъ уже въ 1826 г. въ первомъ смыслѣ (П. С. № 610).

Императоръ Николай I, въ дѣлѣ объединенія губернскаго управленія, на основаніи закона 1775 г. и дворянской грамоты 1785 г., слѣдовалъ завѣту Екатерины II—по крайней мѣрѣ относительно Малороссіи и западно-русскихъ губерній. Остзейскому же краю онъ оставилъ неприкосновенными его исконные порядки, нарушенные мудрою политикой Екатерины II и возстановленные реакціей Павла I.

Въ Малороссіи екатерининскія учрежденія возстановляются вполнѣ; въ западно-русскихъ же губерніяхъ— съ тѣми отмѣнами и ограниченіями, которыя вытекали изъ особеннаго положенія края.

Въ 1831 г. повелѣно малороссійскимъ *маршаламъ* именоваться *предводителями* (П. С. № 4.382); затѣмъ это обобщается: всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ въ Малороссіи повелѣно именоваться такъ же, какъ и въ великороссійскихъ губерніяхъ (П. С. № 4.992). По положеніе 1831 г. оставляетъ еще для Малороссіи должности: подкоморія подкоморскаго суда (6 класса), коморника (12 кл.), хорунжаго (7 кл.) и возпаго (14 кл.) (П. С. № 4.989). Въ 1834 г., принимая въ соображеніе, что въ Малороссіи всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ присвоены наименованія по общему учрежденію о губерніяхъ, но все таки еще оставались вышеозначенныя должности, императоръ повелѣлъ: званіе хорунжихъ и возныхъ совсѣмъ уничтожить, возложивъ исправленіе обязанностей послѣднихъ, внѣ судебнаго мѣста, на полицію—городскую и земскую; суды же подкоморскій и маршало-коммисарскій велѣно переименовать: первый—межевымъ, сдѣлавъ подкоморія межевымъ судьею, а послѣдній—посредническимъ межевымъ судомъ, а коморника—межевымъ засѣдателемъ (2-е П. С. № 6.718) [149]).

Такъ въ Малороссіи были возстановлены учрежденія 1775 г.

Въ то же время возстановленіе ихъ началось и въ западно-русскихъ губерніяхъ, гдѣ, впрочемъ, нѣкоторыя

ограниченія продолжали существовать, вслѣдствіе особенностей въ положеніи края.

1 Января 1831 г. въ губерніяхъ могилевской и витебской прекращено дѣйствіе литовскаго статута, и введенъ порядокъ управленія, на основаніи учрежденій о губерніяхъ (П. С. № 4.233). Затѣмъ, 23 февраля того же года, одновременно съ Малороссіею, западно-русскіе *маршалы* переименованы въ *предводителей* (Ib № 4.382). Октября 30 того же года всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ въ западныхъ губерніяхъ повелѣно именоваться такъ же, какъ и въ великоросс. губер. (Ib. № 4.894). Въ 1832 уничтожены должности подкоморіевъ, коморниковъ и возныхъ—двумя годами раньше, чѣмъ въ Малороссіи (Ib № 5.068). Послѣ этого объединенія управленія, устанавливались въ правахъ дворянскихъ обществъ западно-русскихъ губерній нѣкоторыя ограниченія: а) относительно права участвовать въ выборахъ, б) относительно выбора должностей полицейскихъ и в) относительно должностей судебныхъ.

а) Вслѣдствіе уклоненія западно-русскаго дворянства отъ государственной службы и стремленія его служить преимущественно по дворянскимъ выборамъ, въ 1835 г. для всѣхъ западныхъ губерній было постановлено, что неслужившій 10 лѣтъ въ государственной службѣ не имѣетъ права служить и по выборамъ дворянства, за исключеніемъ тѣхъ, которые уже прослужили по выборамъ 2 трехлѣтія (2-е П. С. № 8.463). Впослѣдствіи это было отмѣнено для кіевской губерніи, а по ходатайству Бибикова въ 1845 г. и для подольской (2-е № 18.860) [150]) а въ 1847 г. для волынской (2-е № 21.663).

б) Въ 1826 г., по представленію цесаревича Константина Павловича, въ губерніяхъ имъ управляемыхъ, постановлено назначать отъ короны не только земскихъ исправниковъ, но и половинное число засѣдателей нижнихъ земскихъ судовъ (2-е № 188). Въ 1828 г. кіевскій военный губернаторъ Желтухинъ доносилъ, что большая часть засѣдателей н. з. судовъ выбираются по видамъ богатыхъ помѣщиковъ, потому и дѣйствуютъ въ интересахъ послѣднихъ, заводя и прекращая

по ихъ желанію дѣла, къ утѣсненію крестьянъ: на кіевскую губернію распространено назначеніе половиннаго числа засѣдателей—отъ короны (2-е № 1786). Въ 1831 г. во всѣхъ западно-русскихъ губерніяхъ повелѣно назначать отъ короны всѣхъ безъ изъятія членовъ земскихъ судовъ (2-е № 4.894), но въ 1832 г. въ бѣлорусскихъ губерніяхъ предоставлено дворянству избирать исправниковъ (2-е № 5.124).

в) При дарованіи дворянству права избирать предсѣдателей судебныхъ палатъ, въ первые департаменты главныхъ судовъ западно-русскихъ, наименованные уголовными палатами, предсѣдателей велѣно назначать отъ короны (2-е № 4.894, п. 2). Въ 1830 г. югозападный генералъ-губернаторъ, Бибиковъ, ходатайствовалъ о замѣщеніи членовъ уѣздныхъ судовъ, избираемыхъ дворянствомъ, чиновниками отъ правительства—до новыхъ выборовъ. Ходатайство его было уважено (2-е № 13.386). Когда истекъ этотъ срокъ, въ 1844 ходатайство повторилось и порядокъ 1839 г. продолженъ еще на 6 лѣтъ, въ 1850 г.—опять на новое шестилѣтіе (2-е № 24.607). Наконецъ, уже въ настоящее царствованіе, въ 1856 г., дворянству западно-русскихъ губерній предоставлены общія всѣмъ губерніямъ права по выборамъ въ должности. Что продолжалось до 1863 г., когда польское дворянство оправдало репрессивную политику императора Николая и заставило къ ней возвратиться.

V. Мы видѣли, что до 1762 г. дворянство, обязанное постоянною службою государству, не могло организоваться въ мѣстныя общества, имѣющія собственное самоуправленіе и участіе въ губернскомъ судѣ и администраціи; *служилый* характеръ сословія не давалъ въ немъ развиться характеру *землевладѣльческому*. Если дворянъ въ этомъ періодѣ тянуло въ деревни, то не вслѣдствіе инстинктовъ землевладѣльческихъ, но чтобъ *отлынивать* отъ службы—отдохнуть въ родномъ помѣстьи отъ трудностей военной дисциплины, отъ головоломной канцелярской работы. Манифестъ 1762 г. распускаетъ дворянство изъ полковъ и канцелярій по деревнямъ. Дворянство массами пользуется новой льготой—

свободой отъ служебнаго тягла, и массами изъ полковъ и канцелярій перемѣщается въ родныя помѣстья. Опустѣлые до того времени уѣзды, наполняются помѣщиками; разобщенные до того времени службой государству, помѣщики начинаютъ чувствовать между собою солидарные мѣстныя связи и интересы. Сознаніе этихъ зараждающихся интересовъ вызываетъ потребность организаціи мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, которыя получаютъ самоуправленіе по собственнымъ общественнымъ дѣламъ. Мы видѣли, какъ потребность эта заявилась дѣятелями коммисіи 1767 г. Для выбора депутатовъ въ эту коммисію, Екатерина II собираетъ дворянство по уѣздно, предоставляя ему, кромѣ того, избраніе предводителей. Въ 1775 г. преобразовывается губернское управленіе: судебная часть отдѣляется отъ правительственной и полицейской, является много новыхъ присутственныхъ мѣстъ, для составленія персонала которыхъ требуется множество должностныхъ лицъ. Выборъ ихъ отдается на *души* мѣстнаго дворянства. Жалованная грамота окончательно разбиваетъ дворянство имперіи на губернскія дворянскія общества, *обязанныя* изъ своей среды *наряжать, ставить* чиновниковъ въ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста. Возникаетъ такъ называемое *дворянское самоуправленіе*, которое въ сущности было только преобразованіемъ военной обязательной службы дворянства, сообразно потребностямъ правительства центральнаго, въ мѣстную обязательную службу гражданскую, сообразно потребностямъ мѣстнаго управленія; которое въ сущности было *обязанностію* губернскихъ дворянскихъ обществъ *наряжать* мѣстныхъ судей и полицеймейстеровъ. Дворянство мало по малу и само начало такъ понимать это новое *преимущество, дарованное* ему, какъ говоритъ одинъ указъ 1835 г., за *вѣрность и благородное пожертвованіе жизнію на пользу отечеству* (2-е П. С. № 8.463). Эта новая обязательная служба дворянства, между прочимъ, объясняетъ и запоздалость отмѣны крѣпостнаго права: если мотивъ укрѣпленія крестьянъ въ концѣ 16 столѣтія и основаніе его до 1762 г. лежали въ потребностяхъ государства—въ обя-

занности дворянства тянуть служебное тягло, то такое же основаніе, только видоизмѣненное, осталось и послѣ 1762 г.—*обязанность* дворянства, хотя законъ называлъ ее *правомъ*, *преимуществомъ* тянуть тягло мѣстной службы. Дворянство, сказали мы, само такъ же понимало свои новыя льготы.

Первые выборы, замѣчаютъ современники, были и самые лучшіе: „тогда не успѣли еще разсмотрѣть всѣхъ сихъ послѣдствій, и намѣренія монархини произвели всеобщій энтузіазмъ къ добру, но скоро сей жаръ простылъ“ (Чтенія: кн. 3-я, 1863), и дворянство начало *отлынивать* отъ мѣстной выборной службы, и на дворянскихъ выборахъ число *нѣтчиковъ* начинаетъ прибывать, какъ было на прежнихъ смотрахъ дворянскихъ недорослей и въ прежнихъ полкахъ.

Во время обязательной службы, какъ мы видѣли, дворянство тянулось въ деревни. Послѣ ея отмѣны, оно потянулось на государственную службу: чинъ продолжалъ быть честнѣе сословія, а чинъ главнымъ образомъ давался государственною службою. Гакстгаузенъ удивляется, что въ Россіи весьма рѣдко можно встрѣтить дворянина, который бы не служилъ, или не служитъ по военной или гражданской службѣ; имѣть чинъ въ Россіи, по словамъ путешественника—такой же почетный обычай, какъ въ сѣверной Германіи университетская степень (Etudes, T. 3, p. 43, 62). Такимъ образомъ, и послѣ отмѣны обязательной службы, дворянство продолжаетъ быть болѣе *служилымъ*, чѣмъ *землевладѣльческимъ* классомъ. Такъ на себя смотрѣло само дворянство, такъ смотрѣло на него и законодательство.

Гакстгаузенъ пораженъ былъ отсутствіемъ *крѣпкой связи* между землей и дворянствомъ въ Россіи, легкостію, съ которою продавались помѣстья, бывшія по 200 лѣтъ во владѣніи одной и той же фамиліи, рѣдкостію имѣній, которыя назывались бы *фамильнымъ именемъ* владѣльца.

Само правительство продолжало считать дворянство преимущественно служилымъ классомъ: изъ него главнымъ образомъ должны выходить офицеры и чиновники.

Это отражалось и въ томъ, что на выборахъ могли участвовать только тѣ дворяне, которые имѣли чины. Императоръ Николай постоянно проводилъ мысль, что *служба государству—первѣйшая обязанность благороднаго сословія.* Въ самомъ опредѣленіи дворянства по своду звучитъ *болѣе служилый, чѣмъ землевладѣльческой* его характеръ.

Это, конечно, не могло не повліять на мѣстную корпоративную жизнь дворянства, на его службу по выборамъ: дворянство всегда болѣе предпочитало службу государственную.

На эту мѣстную жизнь имѣло также большое вліяніе то распаденіе дворянства на двѣ общественныя группы—знатное дворянство и рядовое, тотъ антагонизмъ между обѣими группами, съ которыми мы такъ часто встрѣчались въ нашемъ изслѣдованіи: *знатное дворянство не хотѣло тянуть одну выборную мѣстную службу съ дворянствомъ рядовымъ.* Обезпеченное въ своихъ матеріальныхъ средствахъ, знатное дворянство рѣдко-рѣдко жило въ помѣстьяхъ, но большей частію заграницей, или же въ столицахъ, за нимъ тянулось дворянство среднее, средства котораго едва достаточны были на жизнь въ губернскомъ городѣ. Какъ не значителенъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, процентъ осѣдлаго въ помѣстьяхъ своихъ знатнаго и богатаго дворянства, видно, напримѣръ, изъ сообщенія нижегородскаго генералъ-губернатора Гакстгаузену, что въ этой огромной губерніи едва 5 богатыхъ и просвѣщенныхъ дворянъ пребывали въ своихъ помѣстьяхъ (Etudes: Г. 3, p. 56). Не выше былъ процентъ и въ другихъ губерніяхъ. Самое время выборовъ—зимою, весьма естественное въ земледѣльческой странѣ — отвлекало отъ нихъ богатое дворянство; это время совпадало съ столичными сезонами, когда удовольствія были въ полномъ разгарѣ. Оставленныя своими знатными и богатыми членами, дворянскія общества мельчали, самыми главными ихъ дѣятелями становились пришлецы — офицеры и чиновники въ отставкѣ, поженившіеся на помѣщичьихъ до-

черяхъ и взявшіе за ними въ приданое цензъ, или же купившіе деревни. Въ рукахъ этихъ лицъ, *несвязанныхъ органически* съ мѣстностію, очутились дворянскіе выборы; они замѣщали по своему усмотрѣнію и нерѣдко своими креатурами всѣхъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ дворянствомъ, они являлись главными дѣятелями дворянскаго самоуправленія. Представители знатныхъ дворянскихъ фамилій не всегда охотно принимали даже такія почетныя должности, какъ должность губернскихъ предводителей: рюриковичей и гедиминовичей, потомковъ бояръ и окольничихъ, имена которыхъ красуются въ родословной книгѣ 1682 г., едва-ли не чаще можно было встрѣтить въ должностяхъ начальниковъ губерній и дивизіонныхъ генераловъ, чѣмъ въ должностяхъ губернскихъ предводителей, а такое явленіе, какъ кн. Рѣпнинъ, предводительствующій дворянствомъ пирятинскаго уѣзда въ настоящее время— слишкомъ исключительное. Чтобъ убѣдиться въ справедливости нашего замѣчанія, достаточно пробѣжать списокъ губернскихъ предводителей. Мы находимъ въ немъ: съ 1825 — 1853 года полковника кн. Голицына (1825 — 1827) и дѣйствительнаго статскаго совѣтника кн. Голицына (1839—1842 г.)—во Владимірской губерніи; полковника кн. Гагарина (1853) — въ Воронежѣ; кн. Грузинскаго (1825—1831), генералъ-маіора Шереметева (1837—1846), коллежскаго совѣтника Шереметева (1846 — 1849) — въ Нижегородской; кн. Васильчикова (1857—1859) — въ Новгородской; гв.-ротм. Шереметева (1833—1839)—Орловской губ.; и кн. Кочубея (1853)—въ Полтавской; Нарышкина (1825—1828), кн. Долгорукова (1833—1839) и кн. Голицына (1839—1842) въ С.-Петербургской губ.; кн. Друцкаго-Соколинскаго (1847—1853) въ Смоленской; кн. Гагарина (1846—1852) и кн. Голицына (1852—1853)—въ Тамб.; кн. Лобанова-Ростовскаго (1832 — 1835) — въ Тульской и кн. Голицына (1841 — 1852)—въ Харьк.; кн. Урусова (1831—1833)—въ Яросл. 18 аристократическихъ именъ между 249 губернскими предводителями, считая, впрочемъ, и западно-русскія губерніи, въ которыхъ чаще случалось, что аристократъ

становился во главѣ губернскаго общества дворянства (Сб. циркуляровъ мин. вн. дѣлъ, т. 2).

Кредитъ дворянскихъ выборовъ болѣе и болѣе падалъ, качество лицъ, дворянствомъ избираемыхъ, болѣе и болѣе ухудшалось: по словамъ Гакстгаузена, одинъ изъ весьма образованныхъ московскихъ дворянъ сказалъ ему, что *администрація губерній много бы выиграла, еслибъ дворянскіе выборы были уничтожены, а всѣ должностныя лица въ губерніи замѣщались бы отъ короны* (Etudes: Г. 3, р. 59).

Правительство не могло не обратить вниманія на безучастное отношеніе дворянства къ выборамъ, на его уклоненія отъ нихъ. Еще въ 1784 г. было постановлено, что за самовольную отлучку отъ должностей избранныхъ дворянствомъ подвергать ихъ взысканіямъ, на основаніи указа 1766 г.: за первый и второй разъ вычитать изъ жалованья, а за третій пробывшихъ въ отлучкѣ болѣе 7 дней предавать суду (П. С. № 16.025). Несмотря на это, въ 1800 г., рязанскій гражданскій губернаторъ доносилъ генералъ-прокурору, Обольянинову, что выбранный въ предводители михайловскаго уѣзда, бригадиръ Протопоповъ, и въ депутаты: того же уѣзда—полковникъ Измайловъ, раненбургскаго—майоръ Борзовъ и касимовскаго—майоръ Хлуденевъ, не являлись къ должностямъ, и, не сдѣлавъ никакого отзыва на повѣстку, удалились въ Москву и въ другія свои деревни. По этому случаю сенатъ предписалъ: распространить силу указа 27 іюля 1798 г. на дворянъ, которые уклоняются отъ выборовъ къ должностямъ (П. С. № 19.356). Указъ 1802 г. говоритъ: „Доходитъ до свѣдѣнія нашего, что будто лучшее дворянство, а также и граждане, уклоняются отъ выборовъ. Изъ того само по себѣ выходитъ, что земскій судъ и управа достаются въ руки ненадежныя. Мы не можемъ себѣ представить, чтобъ по нерадѣнію къ общему благу, въ семъ знаменитомъ поприщѣ въ гражданскихъ, а паче въ благородныхъ обществахъ, соревнованіе угасло. А потому повелѣваемъ сенату ко всѣмъ начальникамъ губерній предписать, дабы дворянству чрезъ своихъ предводи-

телей, а гражданамъ чрезъ градскихъ головъ, дали знать волю нашу, что намъ весьма пріятно будетъ, ежели они съ большею ревностію собираться будутъ къ ихъ выборамъ, и съ возможнымъ безпристрастіемъ, по силѣ законовъ, удостоивать лучшихъ людей къ опредѣленію въ должности, для составленія ихъ же собственнаго и прочего народа блага" (П. С. № 20.381). Въ слѣдующемъ году, на представленіе псковскаго гражданскаго губернатора, Ламздорфа, о томъ, что уѣздные предводители уклоняются отъ требованій губернскаго начальства по общественнымъ дѣламъ, государь писалъ: „Я поручаю вамъ, созвавъ предводителей дворянства ввѣренной вамъ губерніи, объявить имъ мою волю, что доколѣ они не приведутъ общественныхъ дѣлъ, для которыхъ будутъ созваны къ окончанію, до тѣхъ поръ собраніе ихъ распущено не будетъ" (№ 20.734).

Обращенія государя мало дѣйствовали: дворянство продолжало уклоняться отъ службы по выборамъ. Въ 1808 г. во многихъ уѣздахъ Псковской губерніи мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, оставались не замѣщенными, по уклоненію отъ службы дворянъ. Поэтому, было предписано: въ подобныхъ случаяхъ мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, замѣщать чиновниками отъ герольдіи (П. С. № 23.170). Въ 1818 году Смоленское правленіе доносило сенату, что при баллотировкѣ этого года, чиновники избранные дворянствомъ, не вступая въ должности, или мало прослуживъ, болѣютъ и просятъ увольненія отъ службы, а кандидаты ихъ также отказываются; назначенные же новые выборы не приводятъ ни къ какимъ результатамъ (П. С. № 27.247). Подобныя донесенія продолжаются: въ 1827 г. Тверской гражданскій губернаторъ представлялъ, что губернскія начальства затрудняются замѣщеніемъ должностей, зависящихъ отъ выборовъ дворянства, по причинѣ уклоненія избираемыхъ дворянъ, то чтобъ распространить и на Тверскую губернію указъ 1808 г. объ опредѣленіи на мѣста, отъ дворянскихъ выборовъ зависящія, чиновниковъ отъ герольдіи. По

внесеніи этого дѣла въ комитетъ министровъ, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ представлялъ, что такія затрудненія встрѣчаются не по одной Тверской, но и по другимъ губерніямъ. При этомъ онъ предложилъ: 1) если втеченіи трехлѣтія какое-нибудь мѣсто будетъ оставаться вакантнымъ, по уклоненію избранныхъ на него дворянъ, то чтобъ поступать на основаніи указа 20 іюля 1797 г., т. е. замѣщать такія мѣста самимъ губернскимъ правленіямъ и 2) чтобъ эти чиновники, назначенные губернскимъ правленіемъ, при наступленіи новыхъ выборовъ, въ случаѣ согласія дворянскаго собранія, оставляемы были на ихъ мѣстахъ, или баллотируемы вмѣстѣ съ дворянами той губерніи или того уѣзда, по которымъ они занимали мѣсто. Предложеніе это, принятое комитетомъ министровъ, было утверждено государемъ (2-е П. С. № 853). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ дворяне уклонялись отъ выборовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что состоятъ въ должности церковныхъ старостъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1827 г. предписалъ, что исполненіе этихъ должностей не можетъ служить законнымъ поводомъ уклоненія (Варадинова: Ист. мин. вн. дѣлъ).

Для того, чтобы поднять значеніе дворянскихъ выборовъ и болѣе привлечь къ участію въ нихъ знатное дворянство, не желавшее мѣшаться съ мелкопомѣстнымъ, въ 1831 г. былъ повышенъ цензъ, устранившій мелкое дворянство отъ непосредственнаго избранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ 1831 г. участіе дворянъ въ собраніяхъ прямо называетъ ихъ *обязанностію* (2-е П. С. № 4.989, § 48), отъ которой они могутъ освобождаться только вслѣдствіе законныхъ причинъ, между прочимъ 60-лѣтняго возраста (іб. § 49). Если же они не могутъ явиться на выборы, то должны представить отзывы, поступающіе на предварительное заключеніе депутатскаго собранія и предводителей дворянства. Эти отзывы, вмѣстѣ со списками неявившихся и непредставившихъ никакого увѣдомленія дворянъ, поступали на разсмотрѣніе собранія. И если собраніе находило отзывъ неосновательнымъ, или же если не было

никакого увѣдомленія, то своимъ постановленіемъ, состоявшимся единогласно, или большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, оно могло сдѣлать дворянину въ первый разъ замѣчаніе, во второй наложить на него пеню въ пользу дворянской казны 25—250 р., смотря по его состоянію, а въ третій разъ могло исключить на время изъ дворянскаго собранія (Ib. § 69). Точно также, если кандидать, избранный для замѣщенія вакансій, не являлся въ срокъ къ исправленію должности, то подвергался штрафу въ 100 р. (Ib. § 118). Послѣ этого, 1 января 1832 года, былъ изданъ указъ, въ которомъ государь изъявлялъ надежду, что *дворянство устремится къ исполненію одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей* (2-е № 5053). Несмотря на это, начальники губерній продолжали жаловаться на уклоненія дворянъ отъ выборовъ, и еще въ 1843 г. предписывалось строжайше соблюдать законъ 1831 г. о взысканіяхъ за неявку на выборы (1-е П. С. № 16.848). Но развѣ трудно было богатому дворянину за 25—250 р. штрафа не лишиться увеселеній шумнаго сезона столицы?

Такое отношеніе дворянства къ выборамъ неминуемо должно было отражаться и на качествѣ избираемыхъ имъ лицъ.

О качествѣ лицъ, избираемыхъ дворянствомъ въ 18 столѣтіи, мы имѣемъ мало свѣдѣній. Приблизительное понятіе о нихъ могутъ дать слѣдующіе примѣры. Когда Мельгуновъ былъ генералъ-губернаторомъ ярославскимъ и вологодскимъ, подъ начальствомъ его состоялъ кадниковскій исправникъ, Безобразовъ, имѣвшій слабость драться со встрѣчнымъ и поперечнымъ. Однажды онъ встрѣтился на улицѣ съ священникомъ, и учинилъ ему побои „и дароносицу, которую священникъ держалъ какъ щитъ отъ лютаго исправника повредилъ, и клокъ бороды вырвалъ“. Дворянскій же засѣдатель яренскаго земскаго суда, совмѣстно съ тамошнимъ стряпчимъ, удавилъ расправнаго судью (Р. Арх. т. III. О Мельгуновѣ).

Больше имѣемъ данныхъ, чтобъ судить о качествѣ лицъ избиравшихся дворянствомъ въ теченіе текущаго

столѣтія. Данныя эти заключаются не въ личныхъ воспоминаніяхъ о предводителяхъ, позволявшихъ разорять имѣнія сиротъ, остававшихся и безъ куска хлѣба, и безъ всякаго образованія, обижать и разорять крестьянъ; о судьяхъ, засуживавшихъ правыхъ и за посулы оправдывавшихъ виноватыхъ; объ озорникахъ-исправникахъ, лакействовавшихъ предъ богатыми дворянами и спуску недававшихъ мелкопомѣстью — эти данныя оффиціальнаго характера: онѣ заключаются въ докладахъ министровъ внутреннихъ дѣлъ государю, онѣ *неизгладимыми буквами* напечатаны въ П. С. З.

Гр. Закревскій, бывши министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ 1831 г., доносилъ государю: „усердіе и честность членовъ земскихъ судовъ нерѣдко измѣняютъ видъ свой подъ бременемъ бѣдности. Дворянинъ, имѣющій порядочное состояніе, избѣгаетъ той должности по выборамъ, *которая ничего не обѣщаетъ, кромѣ труда и отвѣтственности.* Званіе земскихъ засѣдателей, по обязанностямъ своимъ весьма важное, къ несчастію, въ общемъ мнѣніи пришло въ униженіе. Отъ того мѣста сіи чаще всего достаются тѣмъ людямъ, которые или не хотятъ служить, но не изыскали средства избѣгнуть выборовъ, или вовсе неспособны къ службѣ, но, не имѣя никакой фортуны, доискивались какой-нибудь должности. *Весьма примѣтно, что дворянскія выборы далеко уклонились отъ прямой цѣли своего установленія*“ (Варадиновъ: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ).

Издавъ положеніе 6 декабря 1831 г., императоръ Николай I, 1 января 1832 г. предписалъ губернскимъ предводителямъ дворянства обращать вниманіе, чтобы на службу по выборамъ избирались люди достойные и способные.

„Изъ свѣдѣній, доходившихъ до меня“ говоритъ императоръ въ указѣ на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ „Я съ прискорбіемъ видѣлъ, что выборы дворянскіе не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ правительства. Лучшіе дворяне или уклонялись отъ служенія, или не участвовали въ выборахъ, или съ равнодушіемъ соглашались на избраніе людей, не

имѣющихъ потребныхъ качествъ къ исполненію возложенной на нихъ обязанности. Отъ сего чиновники по судебной части оказывались нерѣдко не довольно свѣдущими въ законахъ; по части же полицейской открывались злоупотребленія, накопленіе податныхъ недоимокъ, а въ дѣлахъ слѣдственныхъ и уголовныхъ запутанность и упущеніе, постановляющія высшія судилища въ затрудненіе постановить безошибочное рѣшеніе по словамъ закона". Императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся, что послѣ манифеста 6 декабря 1831 г. дворянство обратитъ бо́льшее вниманіе на избраніе чиновниковъ, *истинно достойныхъ имени блюстителей порядка и правосудія* (2-е № 5.053). Но ожиданія императора не сбылись: гр. Перовскій, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1842 г., писалъ: „дворянскіе выборы не всегда отвѣчаютъ своей цѣли. *Чиновники, служащіе по выборамъ, нерѣдко менѣе способны и надежны*, чѣмъ опредѣляемые отъ правительства. На выборахъ не всегда обнаруживается чистое и безкорыстное стремленіе къ общественному благу. Званіе земскихъ исправниковъ и засѣдателей слишкомъ унижены въ общественномъ мнѣніи" (Варадиновъ: И. м. вн. д.).

Какъ въ самомъ дѣлѣ смотрѣло дворянство на земскихъ исправниковъ—эту важнѣйшую должность въ уѣздѣ, которую Гакстгаузенъ уподобляетъ должности французскаго префекта или прусскаго ландрата—видно изъ словъ, сказанныхъ однимъ образованнымъ русскимъ дворяниномъ этому умному, хотя и тенденціозному, наблюдателю нашей страны (Et. T. III, p 57). Какъ смотрѣлъ на эту должность народъ? Черемисы отождествили земскій судъ съ духомъ зла, которому они воздвигли идола и приносили жертвы (ib. p. 58). Не даромъ, когда начальники губерній излагали свои мнѣнія о преобразованіи уѣздныхъ учрежденій, то кіевскій генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, вмѣстѣ съ губернаторами другихъ губерній, полагалъ, что вслѣдствіе предубѣжденія, существующаго въ народѣ и обществѣ противъ земскихъ исправниковъ, слѣдовало бы это наименованіе замѣнить другимъ—началь-

ника уѣздной полиціи, или уѣзднаго начальника (Труды коммисіи о губ. и уѣздн. учрежд., ч. 1, стр. 2).

Было время, когда на дворянствѣ лежала обязательная служба государству въ полкахъ и канцеляріяхъ. Пришла пора, когда служба эта была отмѣнена манифестомъ 1762 г. Послѣ этого настало новое время, когда потребности преобразованнаго Екатериной II губернскаго управленія заставили законодательницу положить на души дворянскихъ обществъ личный составъ мѣстныхъ судовъ и полицій. Переживается и эта пора нашимъ быстро развивающимся государствомъ: преобразованіе земской полиціи, послѣдовавшая затѣмъ судебная реформа, снимаютъ съ дворянскихъ душъ мѣстное судебное и полицейское тягло. Этимъ подрывается послѣднее основаніе крѣпостного права и привиллегій дворянства. Мѣстная служба перелагается на души свободнаго безсословнаго земства. Надъ Россіей занимается новая заря; для дворянства, созданнаго и организованнаго *пережитыми* потребностями государства, наступаетъ пора кризиса. Какимъ свѣтомъ озарится родная земля? Какъ выйдетъ дворянство изъ наступившаго для него кризиса? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ—задача будущаго; задача жизни, гдѣ борются и интригуютъ страсти, перекрещиваются интересы, созидаются новыя начала и разрушаются старыя—а не кабинета, заваленнаго запыленными книгами. Въ этихъ запыленныхъ книгахъ—матеріалъ для оцѣнки и выясненія прошлыхъ судебъ нашего дворянства. Мы старались собрать этотъ матеріалъ и посильно его сгруппировать. Этимъ мы разрѣшаемъ и задачу нашего изслѣдованія. Да послужитъ нашъ мусоръ, наши кирпичи болѣе талантливому зодчему для окончательнаго выясненія прошлой жизни дворянства — для разрѣшенія этого капитальнѣйшаго вопроса въ исторіи нашего общественнаго строя!

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Сдѣлочные акты на крестьянъ конца 18 и 19 столѣтій.

(Печатано съ соблюденіемъ орфографіи подлинниковъ.)

КУПЧІЯ.

1. Тысяча сѣмъ сотъ восѣмъ десятъ шестаго Года апреля третаго дня.

Курскаго намѣстничества уѣзда Рилскаго Помѣщина умершаго Прапорщика Михаила Бирдина жена въ довствующая Татъяна Федорова дочь Бирдина, въ родѣ своемъ не послѣдная, съ указной на меня часты, продала я малороссійскому полковому писарю находящемусъ нынѣ въ нѣжинскомъ карабинеромъ полку въ военной службѣ Ивану Афанасьеву сыну Строгову крепостнаго своего человѣка намѣстничества Курскаго, уѣзда Рилскаго въ деревнѣ перецѣлуева, Ивана Андреева сына Зачеркашиніокова ону же и Горбачевъ, за котораго взяла я денегъ сто десятъ рублей, которой мой крепостной человѣкъ напредъ сей купчей иному никому непроданъ и не заложенъ, и ни у кого нивкакихъ крепостяхъ неукрепленъ и неотписанъ, и волно ему Строгову женѣ и наслѣдникамъ ево тѣмъ моимъ человѣкомъ владѣтъ, продатъ и заложитъ, и во всякія крепости утвердитъ, гдѣ ȏны похотятъ, А мнѣ Бирдиной и по мнѣ наслѣдникамъ моимъ до ȏного крепостного впредъ дѣла неиметъ, и невступатся и отвступщиковъ и ȏтвсякихъ крѣпостей ево Строгова жену и наслѣдниковъ ево ȏчищатъ, и убытка втомъ никакова не доставитъ, подушнижъ деньги и прочіе по указамъ поборы съ сего 1786 года июля отъ 1 числа за озна-

*

ченнаго проданнаго мною человѣка ему Строгову платить, а мнѣ Татьянѣ Бырбиной и наслѣдникамъ моимъ до того платежа дѣла нѣтъ.

(Подписи)

Купчая удовствующей Татьяной Бирдиной персонално язлена и сознана въ пѣжинскомъ уѣздномъ судѣ, въ которомъ записана въ книгу крѣпостей подъ № 6 и пошлины взяты съ пріобрѣтателя шестикопѣечныхъ 6 р. 60 к., отъ писма 15 коп., и отъ записки 20 к., такожъ и печатныхъ $27^1/_4$ к.

(Подписи членовъ суда, между которыми два бунчуковые товарищи).

2. Лѣта тысяча восѣмъ сотъ седьмаго, генваря въ шестый на десять день Курской губ. Льговской помѣщикъ Прапорщикъ Василій Ивановъ сынъ Патрикеевъ продалъ я льговскому помѣщику титулярному совѣтнику Петру Васильеву сыну Должикову въ вѣчное и потомственное владѣніе двороваго своего человѣка Степана Трофимова сына Зеновьева съ женою ево Анною и дочерью Татьяною доставшагось мнѣ по наслѣдству отъ покойнаго родителя моего коллежскаго ассесора Ивана Васильева сына Патрикеева состоящаго за мной по 5 ревизіи льговской округи въ деревнѣ Раковой, и взялъ я Патрикеевъ съ него Должикова денегъ государтвенными ассигнаціями девяносто рублей напредъ же сего оныя мои дворовые люди иному никому не проданы и незаложены и никакими крепостьми низакемъ неукреплены кромѣ сей купчей и впредъ мнѣ и наслѣдникамъ моимъ во оныхъ людей не вступатся и отъ уступщиковъ очищать по указамъ о неутайкежъ съ цѣны пошлинъ указъ 1752 г. іюля 29-го дня продавцу и покупщику былъ явленъ.

Купчая явлена въ Суджанскомъ уѣздномъ судѣ, гдѣ записана подъ № 38 и пошлины 4 р. 50 к. взяты.

3. Тысяча восимъ сотъ восьмого года марта тридцятаго дня я нижеподписавшійся курской губерніи тамошней и льговской округи помѣщикъ тытулярный совѣтникъ Петръ Василіевъ сынъ Должиковъ продалъ

господину надворному совѣтнику Науму Борисовичу Саксу крепостнаго своего двороваго человѣка писаннаго за мною по пятой ревизіи вчислѣ прочихъ великороссійскихъ моихъ крестьянъ Курской округи въ деревнѣ Цвѣтовой холостаго Семена Андреева сына Терехова, взялъ же я Должиковъ съ него Сакса за оного моего человѣка денегъ триста пятьдесятъ рубл., и за тѣмъ представляя ему Саксу и наслѣдникамъ его онымъ человѣкомъ Тереховымъ владѣть вѣчно и потомственно и распоряжать по воли своей, т. е. дать, продать, даровать, и во всякое время укрепить, я же себя и наслѣдниковъ моихъ отъ онаго человѣка Терехова навсегда отдаляю, и впредь къ нему никакого притязанія имѣть не буду, напредь же сего тотъ человѣкъ отъ меня никому другому не проданъ и не заложенъ, и ни въ какія крѣпости не укрѣпленъ, а буди кто въ онаго человѣка станетъ вступаться, то мнѣ и наслѣдникамъ моимъ покупщика Сакса и наслѣдниковъ его отъ таковыхъ вступщиковъ и отвсякихъ крѣпостей очищать, и убитка недоставить, буди жъ неочищеніемъ моимъ и наслѣдниковъ моихъ тотъ человѣкъ съ владѣнія его Сакса и наслѣдниковъ его отойдетъ и чрезъ то учинятся какие убитки, то какъ оные убитки, такъ и данные свои трыста пятьдесятъ рубл. деньги взять ему Саксу и наслѣдникамъ его съ меня и наслѣдниковъ моихъ.

(Подписи)

Сей купчій записъ былъ явленъ въ Черниговскомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ, въ сходство права статутоваго раздѣла 7 ортикула 1.

4. Лѣта тысяча восимъ сотъ восмаго февраля въ четвертый день.

Я нижеподписавшійся чиню ведомо симъ моимъ добровольнымъ вечистымъ купчимъ записомъ во всякомъ судѣ и правѣ и кому о семъ нынѣ и впредъ слѣдующіе времена ведать надлежитъ втомъ что имѣющихся во владѣніи моемъ великороссійскихъ дворовыхъ крестьянъ доставшихся мнѣ въ прошедшемъ 1807-мъ году по

куплѣ Курской губерніи отъ льговскаго помѣщика прапорщика Василія Иванова сына Петрикова записанныхъ за нимъ по 5-й ревизіи той округи въ деревни Пиковой Степана Трофимова сына Зеновьева жену его Анну и дочь ихъ Татьяну продалъ и вѣчно уступилъ я господину надворному совѣтнику Карлу Борисовичу сыну Саксу за сумму сто девяносто руб. кои деньги всѣ сполна отъ него Сакса получилъ и даю право ему господину Саксу владѣть тѣми проданными отъ меня крестьянами вечно и потомственно и по волѣ своей оными распоряжать, я же себя и наслѣдниковъ моихъ отъ оныхъ крестьянъ навсегда отдаляю, напредъ же сего оные мои крестьяне никому другому не проданы и не заложены и никакими крѣпостьми ни за кимъ не укреплены, а буди кто въ оныхъ крестьянъ станетъ вступаться, то я и наслѣдники мои долженствуя его покупщика Сакса наслѣдниковъ его отъ таковыхъ вступщиковъ и отвсѣхъ крѣпостей очищать по указамъ и убытка ему Саксу и наслѣдникамъ его недоставить втвердость сего и сей вечистый купчій записъ за подписомъ моимъ (Петра Васильевича сына Должикова) и упрошенныхъ мною свидѣтелей ему господину Саксу данъ году мѣсяца и числа вышеписаннаго.

Явленъ Малороссійской черниговской губерніи въ повѣтовомъ земскомъ черниговскомъ судѣ.

5. Тысяча восѣмь сотъ девятаго года маія третого дня Я нижеподписавшійся чиню ведомо симъ моимъ добровольнымъ вечистымъ купчимъ записомъ во всякомъ судѣ и правѣ и кому о семъ нынѣ и впредь слѣдующія времена вѣдать надлежитъ въ томъ, что имѣющихся во владѣніи моемъ доставшихся мнѣ въ прошломъ 1808 году по куплѣ Курской губерніи и льговской округи отъ помѣщика тытулярнаго совѣтника Петра Васильева сына Должикова великороссійской породы дворовыхъ крестьянъ Степана Трофимова сына Зеновьева, жену его Анну и дочь ихъ Татьяну и Семена Андреева сына Терехова продалъ и вѣчно уступилъ я господину бывшей французской службы гене-

ралу Геркулесу Осипову Тирингу [1]) за сумму 500 р. кои деньги всѣ сполна отъ него Тиринга получилъ и далъ право ему господину Тирингу владѣть тѣми проданными отъ меня крестьянами вѣчно и потомственно и по волѣ своей оными распоряжать, я же себя и наслѣдниковъ моихъ отъ оныхъ крестьянъ навсегда отставляю напредъ же сего оные мои крестьяне никому другому не проданы и не заложены и не закакія из-

[1]) Генералъ-лейтенантъ французской службы Генрихъ (или какъ его называли въ Малороссіи Геркулесъ Осиповичъ) Тирингъ (Thiering), весьма близкій намъ человѣкъ, по нашимъ семейнымъ преданіямъ. Онъ былъ пропитанъ идеями французской философіи 18 в., зналъ наизустъ Дидеро и Вольтера, имѣлъ блестящее образованіе во вкусѣ французскихъ энциклопедистовъ (мы перебирали многія его бумаги, находили между ними его сочиненія—въ философскомъ и драматическомъ родѣ) и глубоко изучилъ медицину. Генералъ-лейтенантъ республиканской арміи, онъ не ужился во Франціи, когда произошелъ въ ней поворотъ къ имперіализму, оставилъ родину и нашелъ убѣжище въ Россіи, избравши своимъ мѣстопребываніемъ Черниговъ. Впослѣдствіи онъ женился на вдовѣ Судовщиковой, урожденной Шостакъ. У жены его было имѣньице, полтавской губерніи, переяславскаго уѣзда, въ с. Войтовѣ—душъ 50—60 крѣпостныхъ крестьянъ. Воинъ французской республики, проникнутый великими принципами 1789 г. и ученіями Руссо, сдѣлался мирнымъ помѣщикомъ переяславскаго повѣта, мужемъ дочери какого-нибудь сотника или есаула. Эксъ-республиканецъ сильно увлекся господствовавшей тогда въ Малороссіи торговлей людьми, и довольно скоро покупками и другими пріобрѣтеніями увеличилъ число душъ своего имѣнія до ста. Глубокій знатокъ медицины, онъ лечилъ окрестныхъ и даже отдаленныхъ Малороссійскихъ помѣщиковъ, и за свою медицинскую практику бралъ съ нихъ парубковъ, хлопцивъ и дивчатъ; всегда съ готовой копейкой, онъ ссужалъ деньги нуждавшимся въ нихъ сосѣдямъ—помѣщикамъ, подъ залогъ крѣпостныхъ, которые часто не выкупались. Эпикуреецъ, онъ въ особенности часто пріобрѣталъ дѣвушекъ. Такимъ образомъ, составилось разноплеменное населеніе небольшаго имѣнія. Мы сами помнимъ, что тамъ можно было встрѣтить уроженцевъ всяческихъ губерній—и туляка, и литвина. Послѣдователь Руссо, умѣлъ пользоваться трудомъ своихъ крестьянъ: въ небольшомъ его имѣніи существовала суконная фабрика, англійскій садъ былъ изъ лучшихъ въ уѣздѣ. Генералъ республиканской Франціи, ученикъ энциклопедистовъ, превратившійся въ малороссійскаго помѣщика, покупающій и вымѣнивающій крестьянъ, эксплуатируя ихъ трудъ—намъ всегда казался достойнымъ предметомъ для психологическаго этюда.

дѣлки крепостные низакѣмъ не укреплены, и буди кто въ оныхъ крестьянъ станетъ вступаться то я долженствую его покупщика Тиринга и наслѣдниковъ его отъ таковыхъ вступщиковъ и отъ всѣхъ крепостей очищать по указамъ и убытка ему Тирингу и наслѣдникамъ его не доставить втвердость чего и сей вечистый купчій запись за подписомъ моимъ (Карла Борисова сына Сакса) и упрошенныхъ мною свидѣтелей ему господину Тирингу данъ года, мѣсяца и числа вышеписанныхъ.

(Въ числѣ свидѣтелей войсковой товарищъ).

6. Лѣта тысяча восѣмъ сотъ тринадцятого года генваря въ двадцатой день.

Я нижеподписавшійся коллежскій регистраторъ Тымофей Прокоповъ сынъ Дунаевскій всякому суду уряду и каждому объявляю, что продалъ я во вѣчность господину генералъ-лейтейнанту Генриху Осиповичу Тирингу благопріобрѣтеннаго мною по куплѣ крестьянина Антона Яковлева сына Медведя, за цѣну—россійской ходячей монеты триста рублей, которые деньги я отъ него покупщика г. Тиринга всѣ сполна получилъ, А упомянутаго крестьянина Медвѣдя ему господину Тирингу вручилъ, стѣмъ, что въ предъ я жена моя и никто другой къ тому крестьянину интересоватся не долженъ, дая симъ полную власть и право г. Тирингу вышеписаннымъ крестьяниномъ владѣть вѣчно и потомственно, дать, продать, даровать и какъ хотя для свой пользы обратить, въ твердость чего на семъ купчемъ записѣ при упрошенныхъ отъ меня свидѣтеляхъ и подписуюсь.

7. Лѣта тысяча восемъ сотъ семнадцатаго марта въ тридцать первый день.

Я ниже на подписи сего выраженной (губ. секр. Ѳедоръ Владиміровичъ Славатинской) чиню вѣдомо всякому суду и праву, и кому бы о семъ нынѣ и въ предбудущіе времена вѣдать надлежало, въ томъ что находящагося во владѣніи моемъ крестьянина по послѣдней 1816 г. ревизіи за мною записаннаго Марка Заику съ сыномъ прокопомъ, женою Матреною и до-

черью Агафьею и грунтомъ лежащимъ въ с. Войтовѣ продалъ бывшему во французской службѣ генералу Генриху Осипову Тирингу за цѣну государственными ассигнаціями шесть сотъ рублей, которые деньги всѣ полностію я отъ него г. Тиринга полностію принялъ, дая ему Тирингу право тѣми проданными крестьянами какъ хотя владѣть, продать, дать, даровать и къ наилучшему своему пожитку употребить. Я же себя и наслѣдниковъ своихъ близкихъ и далекихъ отъ тѣхъ крестьянъ вѣчно отъдаляю, къ откупу ни малейшаго права себя и всѣмъ наслѣдникамъ не оставляю. Слѣдуемые же за проданныхъ мною крестьянъ государственные и другіе указанные подати до переписи новой ревизіи или перечисленія за собою долженъ уплачивать покупщикъ Тирингъ въ твердость чего и сей купчій записъ за подписаніемъ моимъ и упрошенныхъ отъ меня свидѣтелей ему господину Тирингу данъ года, мѣсяца и числа вышеписанныхъ.

Явленъ въ переяславскомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ.

8. Тысяча восѣмъ сотъ восѣмнадцатаго года сентября двадцать втораго дня.

Я нижеподписавшаяся отставнаго маіора жена Анна Иванова дочь Баронесса де Лангландъ объявляю всѣмъ, кому бы нынѣ и впредь вѣдать надлежало, что я дворовыхъ своихъ крестьянъ, доставшихся мнѣ по куплѣ отъ помѣщика Рязанской губерніи города Данкова поручика Муромцова, вдовца Исаія Емельянова, дѣтей его двухъ дочерей Алимпіаду и Феодосію и одного сына Дмитрія да холостаго Іларіона Андреева, продала и вѣчно уступила, французской службы г. генералу Генриху Осиповичу Тирингу за цѣну государственными ассигнац. восѣмъ сотъ рублей, каковые деньги я отъ него г. Тиринга сполна всѣ получила и вливаю полное право упоминаемыми переданными ему отъ меня крестьянами, вѣчно и наслѣдствено владѣть, дать, продать, даровать и всякими образами по волѣ своей обращать. Я же себя и всѣхъ своихъ наслѣдниковъ, отъ всякаго притязанія, къ тѣмъ крестьянамъ отдаляю. Во увѣреніе чего, на семъ купчемъ записѣ, при упро-

шенныхъ отъ меня свидѣтеляхъ, съ приложеніемъ герба моего, печати подписуюсь.

9. 1820 года іюня 10 дня мы нижеподписавшіеся полтавской губерніи переяславскаго повѣта помѣщикъ губ. секр. Иванъ Евдокимовъ сынъ Турчановскій и жена его, урожденная Съцивинскихъ, продали мы собственную нашу крестьянку Евфимію Иванову дочь Леониковну губ. секр. Федору Владимерову сыну Славатинскому за цѣну государственными ассигнаціями сто двадцать рубл., которіи деньги мы отъ него Славатинскаго полностію получили, то и предоставляемъ право владѣть ею, т. е. дать, продать даровать и въ наилучшую пользу себѣ обратить. Мы же себя отъ той проданной нами ему Славатинскому дѣвки вѣчно себя удаляемъ и на выкупъ права ни себѣ ни кому другому не предоставляемъ, а буди ему Славатинскому надобность можетъ получить отъ насъ урядовую крѣпость на проданную нами крестьянку или кому другому онъ представитъ право объязываемось мы безъ отговорочно дать крѣпость съ тѣмъ однако, что долженъ онъ покупщикъ Славатинской или кому бы онъ не переуступилъ, то какіе бы ни случились казенные и прочіе зъдержки по крѣпости значащіяся уплачивать долженъ своими собственными деньгами покупщикъ.

1820 г. Ноября 2 дня по сей купчей крѣпости какъ выше въ оной значитъ данной на имя мое отъ помѣщика губ. секр. Ивана и жены его Маріи Турчановскихъ во вѣчное и потомственное владѣніе крестьянку Ефимью Леониковну которую я по праву данному мнѣ по сей крѣпости преуступаю г-ну генералу французской службы Генриху Осипову сыну Тирингу съ тѣмъ, что буде ему г-ну Тирингу надобность укажетъ и крепости на судѣ получить можетъ требовать отъ г-на Турчановскаго и жены его.

ЗАКЛАДНЫЯ.

1. Лѣта тысяща сѣмъ сотъ девяносто седмого апреля въ двадцать четвертой день войсковой товарищъ Семенъ Федоровъ сынъ Романовичъ-Славатинскій, въ

родѣ своемъ не послѣдней, занялъ я Семенъ Кіевской губерніи въ коммиссіи дворянскаго собранія изъ суммы дворянской зъ срокомъ отъ вышеписаннаго числа въ предъ на одинъ годъ съ указнымъ процентомъ тысячу пятьсотъ рублей денегъ, а въ оныхъ деньгахъ до того сроку заложилъ я Семенъ крестьянъ моихъ переяславскаго уѣзда въ хуторѣ малосупоевскомъ записанныхъ за мною по нынѣшней тысяча сѣмъ сотъ девяносто пятаго года ревизіи тридцать восѣмъ душъ мужеска пола съ ихъ семействами и владѣемыми ими землями, а ежели я Семенъ тѣхъ занятыхъ мною тысячи пяти сотъ рублей денегъ на показанной срокъ всѣхъ сполна не заплачу и тѣхъ своихъ крестьянъ съ ихъ семействами и владѣемыми ими землями до того сроку не выкуплю то по срокѣ на оныхъ моихъ крестьянъ съ ихъ семействами сія закладная и купчая напредъ же сего оные крестьяне съ ихъ семействами и землями отъ меня иному никому не проданы и не заложены и не у кого ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплены и пизачто не отписаны, а буди кто въ оныхъ крестьянъ съ ихъ семействами и владѣемыми имы землями почему ни есть станетъ вступатся то мнѣ Семену и наслѣдникамъ моимъ отъ тѣхъ вступщиковъ и отъ всякихъ крѣпостей очищать по указамъ и убытка въ томъ никакова не доставить.

2. 1818 года сентября 21 дня я нижеподписавшійся надворный совѣтникъ Иванъ Ильинъ сынъ Омельяновичъ занялъ у господина бывшей французской службы генерала Генриха Осиповича Тиринга государственными ассигнаціями двѣсти рубл. денегъ, а въ сихъ деньгахъ отдаю во услуженіе дворовую мою дѣвку Агафію Боршову съ такимъ правомъ, что онъ господинъ генералъ Тирингъ можетъ ея Прокофіеву по волѣ своей дать, продать, даровать и всякимъ образомъ какъ прямой владѣлецъ обращать, а я какъ себя такъ и всѣхъ по мнѣ наслѣдниковъ на всегда отдиляю и никакого впредь притязанія не представляю.

3. 1818 г. сент. 21 дня я нижеподписавшаясь жена отставнаго маіора Анна Иванова дочь боронесса де Лан-

гладъ заняла у господина бывшей франц. службы генерала Генриха Осиповича Тиринга госуд. ассигн. 1.200 р. а въ сихъ деньгахъ отдала во услуженіе крепостную крестьянку свою, доставшуюся мнѣ по куплѣ отъ помѣщика рязанской губ. Данковскаго уѣзда Змѣіова Елену Евстафіеву дочь Типтикову съ такимъ правомъ, что онъ господинъ генералъ Тирингъ можетъ сію крестьянку по волѣ своей дать, продать, даровать и всякимъ образомъ какъ прямой владѣлецъ обращать. А я какъ себя такъ и всѣхъ по мнѣ наслѣдниковъ на всегда отдаляю и никакого впредъ притязанія не предоставляю.

4. 1816 г. сент. 23 Я нижеподписавшійся (надв. сов. Иванъ Ильинъ сынъ Омельяновичъ) занялъ въ господина французской службы генерала Генриха Осиповича Тиринга денегъ госуд. ассигнац. двѣстѣ рублей и до уплаты оныхъ отьдалъ во услугу ему господину Тирингу дворовую крѣпостную дѣвку мою Зѣновія Бердошенкову. Съ тѣмъ, что если въ протеченіи времени найдется ей женихъ, то я позволяю вступить снимъ въ законный бракъ.

ДАРСТВЕННЫЯ.

1. Тисяча восѣмъ сотъ осмого года декабря двадцать третеяго дня Я ниже подписавшаяся малоросс. Полтавской губ. повѣта пирятинскаго помѣщица тайнаго совѣтника сенатора и кавалера жена Марія Иванова дочь Башилова; всякому суду и уряду сознаю, что свладѣнія своего прописанной губерніи и повѣта села Липовыци одну крестьянскую душу муж. пола корнѣя василененка онъ же и Слюсаренко, подарила во вѣчность бывшей франц. службы господину генералу Генриху Тюренгу, откотораго крестьянина сама себя и всѣхъ родственниковъ своихъ отдалыю, а уливаю ему свое право дать даровать продать замѣнять и къ наилучшимъ своимъ користямъ и пользованіямъ обратить, не узная ни откого ни малѣйшаго препятствія, а на случай бы кто за оного крестянина возимѣлъ какое препятствіе, или претенсію, то я онаго Туринга не допуская къ

убыткамъ и волокитамъ, сама съ претендоторомъ развѣдаца имѣю, Сію же крепость ему господ. Турингу предоставляю право гдѣ слѣдуетъ сознать и за собою утвердить.

2. Тысяча восемъ сотъ девятнадцатого года генваря дватцать седмаго дня я ниже подписавшійся губ. малороссійской Чернѣговской повѣта Стародубовскаго помѣщикъ маіоръ Николай Павловъ сынъ Миклашевскій всякому суду и уряду сознаю что свладѣнія моего села демянокъ собственнаго моего крестянина Игната Силенка съ его женою и детми подарилъ во вѣчность бывшей французской службы господину генералу Генриху Осиповичу Тирингу отъ котораго крестянина жены его и дѣтей его самъ себя и всѣхъ родственниковъ моихъ отдаляю и уливаю ему свое право дать даровать продать за меня не узная ни отъ кого ни малѣйшаго препятствія, а на случабы кто за оныхъ крестянъ возимѣлъ какое препятствіе или претенсію, то я онаго Тиринга не допуская къ убыткамъ и волокитамъ самъ спретендаторомъ раздѣлаться имѣю; за каковой той даръ г. Тирингъ по искуству своему и знанію долженъ выползовать меня въ находячейся во мнѣ болезни безденежно какъ за труды равно и за лекарствіи въ нужныхъ моихъ случаяхъ и болезни моей по извещенію моему долженъ онъ г. Тирингъ повѣщать меня въ домѣ моемъ въ селѣ демянкахъ безъ отговорочно съ поспѣшностію; сію же крепостъ ему господину генералу Тирингу предоставляю гдѣ онъ пожелаетъ на урядѣ дознать.

3. Тысяча восемъ сотъ девятнадцатаго года апреля десятаго дня за усердие ко мнѣ господина франц. генерала Генриха Осиповича Тиринга, и по родству Его; известному! что онъ билъ женатъ на сестре моей; аннѣ Григориевнѣ Шостаковой; въ разнихъ моихъ жестокихъ; болѣзняхъ помогалъ моему Здаровъю и облегчене, за таковие, Его благотворения и старателство, дарую ему во вечное владение, и потомству его; въ довствующую варвару начовную съ ее дочерми; губ. полтавской, повета Лубенскаго; и помнѣ не должни наслѣдники какие би могли случится, и нѣиметъ нѣкакие претен-

зій; сею бумагу, даю за собственно ручнымъ, моимъ подписаніемъ, и при печати герба моего.

Помѣщ. колл. регистр. Ларіонъ Григор. Шостакъ.

4. Тысяча восемъ сотъ тринадцатаго года декабря тридцать перваго дня Я нижеподписавшійся помѣщикъ переяславскаго повѣта Павелъ Васильевъ сынъ Судовщиковъ, объявляю всякому суду, праву и кому о семъ нынѣ и впредь вѣдать надлежитъ въ томъ, что состоящій въ спокойномъ моемъ владѣніи, по наслѣдству мнѣ доставшійся крестьянинъ мой переяславскаго повѣта въ с. Вѣтовѣ Павелъ Семенко онъ же и Бокуменко съ женою своею и жилымъ грунтомъ хатою съ доброй моей воли въ воздояніе добрыхъ его ко мнѣ благорасположеній и оказанныхъ имъ мнѣ милостей, подарилъ я ему Г. генералу Генриху Осипову сыну Тирингу и наслѣдникамъ его вѣчно и безповоротно. На каковъ даръ оному крестьянину съ женою его и жилымъ на немъ грунтомъ полагаю 300 р. и за востребованіемъ его генерала Тиринга долженъ я совершить въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ крѣпость.

5. Тысяча восѣмъ сотъ осьмаго года декабря двадцатаго дня.

Я ниже подписавшаясь малороссійской Полтавской и Черниговской губ. помѣщика умершаго маіора Григорія Галагана жена Ірина Антонова дочь Галаганова, всякому суду и уряду сознаю, что съ владѣнія моего Полтавской губ. Прилуцкаго повѣта села Секиринецъ собственную мою одну крестьянскую душу мужескаго пола Ивана Федорова сына Киченка въ четирнадцати лѣтахъ находящагося, подарила во вѣчность бывшей франц. службы Господину Генералу Генриху Осиповичу Тюренгу, отъ котораго крестьянина сама себя и всѣхъ родственниковъ моихъ отдаляя, уливаю ему свое право дать, даровать, продать, замѣнять и къ наилучшимъ своимъ користямъ и пользованію обратить, не узная ни отъ кого ни малѣйшаго препятствія; а на случай бы кто за онаго крестьянина возимѣлъ какое препятствіе или претензію, то я оного Тюринга не допуская къ убыткамъ и волокитамъ, сама съ претендаторомъ развѣдаться

имѣю. Сію жъ крѣпость ему Господину генералу Тюренгу предоставляю, гдѣ онъ пожелаетъ на урядѣ сознать и за собою утвердить.

МѢНОВАЯ.

Тысяча восемь сотъ четырнадцатаго года марта двадцать пятаго дня Я ниже подписавшійся чиню вѣдомо нынѣ и въ предъ будующее время и кому вѣдать надлежать будетъ, въ томъ, что съ числа доставшихся мнѣ послѣ раздѣла съ братьями и сестрами крестьянъ променялъ генералъ-лейтенанту Генрихъ Осиповичу Тирингу Федора Киселя съ семействомъ его, выключая сына его Тараса; а отъ него Тиринга принимая крестьянъ Ефима Зайца съ его семействомъ да умершаго Романа Киселя семейство,—коимъ семействомъ даю ему Тирингу отъ сего времени владѣть вѣчно и безъ поворотно, себя и наслѣдниковъ отдаляя, и имѣетъ право дать, продать, даровать и въ замѣнъ отдавать,—для вѣрнѣйшаго удостовѣренія каждый изъ насъ за востребованіемъ имѣетъ явиться въ судъ и дать подлежащую урядовую крѣпость.. Помѣщ. подпоручикъ Николай Васильевъ сынъ Судовщиковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Основной фондъ служилаго класса—дворяне и дѣти боярскія, по преимуществу помѣщики. Царскіе чиновные люди разныхъ другихъ степеней встрѣчались главнымъ образомъ въ Москвѣ. Не то же ли, что и въ классѣ городскихъ обывателей, *посадскіе* провинціальныхъ городовъ въ столицѣ имѣли чины гостей, гостинныхъ сотенъ и т. д.?

[2]) Въ первоначальныхъ указахъ Петра Великаго о призывѣ на службу переименовываются отдѣльные чины: напримѣръ, въ 1706 г. „стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы" (№ 2.098), того же года: „на службѣ быть въ Брянскѣ стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ и жильцамъ, брянскимъ, карачевскимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ" (№ 2.107), или: „стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и жильцы и городовые дворяне и дѣти боярскіе" (№ 2.111). Слово *шляхетство*, какъ наименованіе цѣлаго сословія, и *дворянинъ*, какъ наименованіе отдѣльнаго его члена, встрѣчаются въ первый разъ въ одномъ указѣ 1712 г.: „сказать всему *шляхетству*, чтобъ каждый *дворянинъ* (какой бы фамиліи ни былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому офицеру" (№ 2.467). Но въ томъ же году въ указѣ о переселеніи въ С-Петербургъ переименовываются отдѣльные чины: „бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, стольники комнатные и стольники же и стряпчіе и дворяне московскіе и дьяки и жильцы, генералы, бригадиры, полковники и офицеры и ландрихтеры и коммисары (№ 2.467, 2.563). Въ одномъ указѣ 1713 г. различаются *вышніе чины* и *шляхетство* (№ 2.650). Въ Уставѣ Воинскомъ 1715 г. Гл. I: *шляхетству россійскому* иной способъ не остается въ офицеры происходить, кромѣ что служить въ гвардіи (№ 3006). Въ указѣ 1722 г. о явкѣ *шляхетству* и о шельмованіи за неявку (№ 3874). Въ табели о рангахъ сословіе называется не *шляхетствомъ*, но *дворянствомъ* (№ 3890). Въ инструкціи герольдмейстеру Колычову поручается ему вѣдать всего государства не *шляхетство*, но *дворянство* (№ 3896). Указъ 1724 г. говоритъ о неопредѣленіи въ секретари не изъ *шляхетства* (№ 4449). Екатерина I сословіе называетъ *шляхетствомъ* (№ 5016). Особенно милымъ для сословія это выраженіе дѣлается при Аннѣ Іоанновнѣ, когда въ указахъ весьма рѣдко мы встрѣчаемъ выраженіе *дворянство*, даже отдѣльные члены котораго называются *шляхтичами*. Воинская коммисія, напримѣръ, въ 1781 г. представляла сенату: что *шляхетные* домы и деревни разоряются отъ того, что всѣ *шляхетскія*

дѣти служатъ въ полкахъ, то „дабы впредь каждый *шляхтичъ* по послѣдней мѣрѣ одного сына въ домѣ содержалъ“. (Штаты военно-сухопутные, Т. XLIII, ч. I, стр. 81). Анна Леопольдовна называетъ также сословіе *шляхетствомъ* (№ 8331). Елизавета Петровна свою лейбъ-кампанію возводитъ въ *дворянство* (№ 8491), но въ одномъ указѣ ея 1744 г. сословіе называется *шляхетствомъ* (№ 9013). Государственный Заемный Банкъ учреждается для *дворянства*, въ 1754 г. (№ 10.235). Въ томъ же году недорослямъ изъ *шляхетства* дозволено обучаться въ московскомъ университетѣ (№ 10.558), а въ указѣ 1758 г. обучающееся въ московскомъ университетѣ шляхетство названо *дворянскими дѣтьми* (№ 10.812). Съ манифеста 1762 г. окончательно устанавливается названіе сословія *дворянствомъ*. Подъ этимъ названіемъ сословіе фигурируетъ въ коммисіи 1767 г. Вообще, только дворянство малороссійское и смоленское называлось тогда *шляхетствомъ;* впрочемъ, *шляхетствомъ* называетъ себя и тульское дворянство въ наказѣ своему депутату (Сб. Русск. Ист. Общ., стр. 244), костромской наказъ также говоритъ о *шляхетскомъ* правѣ (ib., стр. 398). Въ жизни, какъ видно изъ сатирическихъ журналовъ прошлаго столѣтія, наименованіе сословія *шляхетствомъ* употреблялось и послѣ того. Жалованная дворянству грамота окончательно замѣняетъ это выраженіе словомъ *дворянство*, болѣе подходящимъ къ историческимъ особенностямъ нашего высшаго класса. Замѣтимъ, что въ первую половину 18 в. выраженіе *маетности* замѣняло выраженіе *вотчины* и *помѣстья*.

[3]) Малороссіяне жаловались Петру II на лубенскаго полковника Маркова (не Марковича ли?) между прочимъ и за то, что онъ „*дворянъ* и слугъ своихъ сотниками наказными опредѣлялъ“. Въ 1734 г. Яковъ Марковичъ писалъ до своего эконома, чтобъ *куренчики* и *дворяне* были готовы къ походу съ нимъ (Дн. зап. I. 423 Р. арх. ч. II). Между прочимъ, въ Западной Россіи слово дворянинъ имѣетъ въ 18 в. и другое значеніе: бояре, живніе селами въ окрестностяхъ Овруча вначалѣ 18 в., именовались *дворянами* (книга гродская овруцкая, записовая и поточная 1700—1703 г. № 3.220. Кіевскаго центральнаго архива). Вообще, въ западно-русскихъ актахъ 18 ст., рядомъ съ *шляхетствомъ*, упоминается *дворянство*. Въ каменецъ-подольской, напримѣръ, гродской декретовой книгѣ 1710—1712, Кіевскаго центральнаго архива, подъ № 4022, помѣщена тяжба между *шляхтичами* за причиненіе чарами смерти лошади, а въ кременецкой гродской поточной 1701 г., подъ № 1610—тяжба за изнасилованіе *дворянки дворяниномъ*. Въ актахъ, рядомъ съ дѣлами *шляхетства* —наѣздами, грабежами, безчинствомъ на сеймикахъ и т. п.—встрѣчаются дѣла *дворянства*—протесты о незаконности сеймиковъ, о неправильномъ выборѣ депутатовъ въ трибуналъ и т. п. Имѣнія на Украинѣ, оставшіяся послѣ *дворянъ* Мазепы и Свищевскаго, отданы были королемъ въ 1703 г. Яловицкому. (Мы пользовались для этихъ указаній описью актовъ, относящихся къ быту западно-русскаго

дворянства, обязательно намъ доставленною г. Козловскимъ). *Боярами* у малорусскихъ пановъ въ 18 в. назывались *мужики*, назначавшіеся для посылокъ: въ 1737 г. Марковичъ писалъ до своего перервинскаго прикащика, чтобы тотъ защитилъ перервинскихъ *бояръ*, которые должны приготовиться въ походъ съ нимъ, отъ наборщиковъ (Дневн. Записка: ч. II. стр. 22).

[4]) Вотъ эта вѣдомость (II): въ 1700 г. государь указалъ быть въ полку Головина въ свѣйскомъ походѣ

Стольникамъ	2.920	человѣкъ.
Стряпчимъ	1.497	—
Дворянамъ	1.659	—
Жильцамъ	5.457	—

[5]) Отцу Храповицкаго похвала „*онъ изъ дворянъ*". Слезы о смерти Потемкина: „какъ можно мнѣ замѣнить Потемкина: онъ былъ *настоящій дворянинъ*. . . ." „Онъ *настоящій былъ дворянинъ:* его не можно было купить". . (Зап. Храповицкаго).

[6]) Въ томъ же (1704) году явились прибыльщики, люди боярскіе: кн. Голицына—Степанъ Варахсинъ, кн. Черкасскаго—Василій Ершовъ, думнаго дворянина Крущова—знаменитый оберъ-фискалъ Нестеровъ и др. (Записки Желябужскаго).

[7]) Генеалогіи Меншикова и Разумовскихъ изобрѣтены были малороссійскими піитами и учеными—питомцами кіево-братской академіи и польскихъ шляхетскихъ теорій. Нахлѣбникъ Меншикова Кременецкій, въ своей *Лаврѣ* производилъ родъ своего патрона „изъ фамиліи благородной литовской" (Пекарскаго Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Т. I. стр. 329). Еще пышнѣе генеалогію для сыновей лемешовскаго регистроваго казака, Григорія Розума, изобрѣла кіево-братская академія (Осмн. Вѣкъ, кн. 2-я). Румянцевъ въ письмахъ къ Екатеринѣ II, 1766 г., жаловался, что при выборѣ депутатовъ малороссійскимъ шляхетствомъ „не обошлося безъ того однако ни одно собраніе, чтобъ кто-либо вначалѣ онаго не всталъ, укоряя другаго не быть шляхтичемъ, а таковой раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина или отъ жида". . . (Р. В., 1861 г. Т. XXXV). Малороссійское шляхетство, лучшіе представители котораго вышли изъ рядоваго казачества, а большинство происходило отъ самыхъ темныхъ проходимцевъ и авантюристовъ, любило выводить свои роды изъ старинной Польши.—Одна изъ знатнѣйшихъ шляхетскихъ фамилій въ Малороссіи конца прошлаго вѣка, *Будлянскіе*, произошли отъ Уласа Климовича Будлянскаго, ткача по ремеслу, женатаго на старшей сестрѣ гр. Разумовскихъ, Агафьѣ Григ. Сынъ Уласа, Михайло, тайный совѣтникъ и владѣлецъ около 7.000 душъ крестьянъ обоего пола, представилъ въ 1784 г. въ черниговское губернское дворянское собраніе доказательство о дворянствѣ своемъ, въ которомъ показывалъ, что онъ

„имѣетъ совершенное свѣдѣніе, что предки его были польскіе шляхтичи, какъ и теперь фамилія ихъ тамо существуетъ, именуется и гербомъ печатается“... (Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ черниг. губ. Зап. черниг. губ. статист. комитета, кн. 2-я).—Мы не знаемъ доказательствъ дворянства другой *аристократичнѣйшей* малороссійской фамиліи—*Закревскихъ,* происшедшей отъ закройщика, женатаго на второй сестрѣ Разумовскаго, Аннѣ Григорьевнѣ. —Депутатъ отъ шляхетства гадяцкаго, миргородскаго и полтавскаго полковъ, Николай Мотонисъ, въ одномъ засѣданіи коммиссіи 1767 г. совершенно справедливо сказалъ. „во всякомъ родѣ первые, получившіе дворянское достоинство, были или мѣщане, или земледѣльцы“... (Сб. Русск. ист. общ. Т. IV. стр. 169).

[8]) Для характеристики нравовъ нашихъ сановниковъ 18 в. имѣютъ нѣкоторый интересъ слѣдующія указанія: въ 1718 г. Петръ Великій предписывалъ коллежскимъ членамъ, чтобъ у нихъ въ засѣданіи „лишнихъ словъ и болтанья не было, на то время ни о чемъ другомъ, только о настоящемъ говорить, также кто станетъ говорить рѣчи, другому не перебивать, но дать окончить, и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ-торговкамъ“ (Дмитріева: Исторія суд. инстанцій, стр. 500).—Въ 1718 г., въ указѣ о должности сената, Петръ писалъ: „никому въ сенатѣ не позволяется разговоры имѣть о постороннихъ дѣлахъ, которыя не касаются къ службѣ нашей, меньше же кому дерзновеніе имѣть бездѣльными разговорами или шутками являтися; но надобно вѣдать, что есть оное мѣсто сочинено, гдѣ поступать подобаетъ со всякою надлежащею учтивостію“... (П. С. З № 3294 § 9). Екатерина II писала въ 1863 г. сенату: „присутствующіе въ сенатѣ имѣютъ междоусобное несогласіе, вражду и ненависть, и одинъ другаго дѣлъ не терпятъ, и потому и раздѣляются на партіи, и стараются изыскать одинъ другому причины огорчительныя, словомъ сказать, производятъ совсѣмъ благоразумнымъ и доброжелательнымъ людямъ дѣла несвойственныя; чтожъ отъ того рождается? Одна только безпредѣльная злоба и раздоръ, а тѣмъ самымъ ни интересамъ нашимъ и подданымъ желаемой пользы не приходитъ“... (П. С. № 11.845). Сенатъ былъ отданъ въ науку генералъ-прокурору кн. Вяземскому, получившему отъ императрицы весьма интересную инструкцію. Но и послѣ этой науки, онъ былъ не безупречнымъ. По дѣлу губернатора иркутскаго и колыванскаго, ген. поручика Якоби, состоявшему изъ нѣсколькихъ тысячъ листовъ, императрица нашла только сплетни, несогласія между сенаторами, сужденія сенаторовъ и заключенія оберъ-прокуроровъ, не собразныя ни съ справедливостію, ни съ законами, излишества, упущенія и безпорядки канцелярскіе (П. С. № 17.166). Далеко-ли ушли наши теперешнія коллегіи отъ прародительницъ своихъ—коллегій 18 вѣка?

[9]) „Кстати я вспомнилъ“ говоритъ въ своемъ Дневникѣ камеръюнкеръ Берхгольцъ „и о распубликованной недавно на русскомъ

языкѣ длинной табели о рангахъ, которая составлена частію по шведскому, частію по англійскимъ образцамъ. По ней особенно морскіе чины поставлены очень высоко" (Ч. 2-я. стр. 192). Берхгольцъ ошибался: морскіе чины по табели не были поставлены выше сухопутныхъ. „На морѣ командовать морскому надъ сухопутнымъ, а на земли сухопутному надъ морскимъ" (№ 3.890 п. 2). Но воинскіе чины были поставлены выше гражданскихъ. Отсюда гражданскіе чины любятъ именоваться военными: коллежскіе асессоры—майорами, коллежскіе совѣтники—полковниками, статскіе совѣтники—бригадирами, дѣйствительные статскіе—генералами. Отсюда: подтвержденія о первенствѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими (напр. № 5.877), и запрещенія (первое въ 1731 г.) гражданскимъ чинамъ именоваться военными (№ 5.878). Но гражданскіе чины не отстаютъ отъ этого обычая: въ 1736 опять повелѣвается *статскимъ* чинамъ не именоваться военными (№ 7.021). Обычай все-таки продолжается: въ 1793 г. опять подтвержденіе прежнихъ запрещеній (№ 17.159). Но прелесть военнаго чина продолжаетъ быть обаятельною для мирныхъ чиновъ гражданскихъ: въ царствованіе императора Николая, каждый дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ душѣ своей, воображалъ себя военнымъ генераломъ. Такое самозванство едва-ли искоренилось и въ настоящее время, развѣ искоренятъ его молодые и прогрессивные дѣйствительные статскіе совѣтники, которые вполнѣ удовлетворены прелестью одного гражданскаго элемента этого поистинѣ прелестнаго чина?

[10]) Напримѣръ: въ 1712 г. списокъ тѣхъ дворянъ, которые должны были переселиться въ Спб., постановлено прочесть на красномъ крыльцѣ, а къ *знатнымъ* людямъ послать о томъ повѣстки на дворы (№ 2467); въ 1722 г. постановлено домовыя церкви вездѣ упразднить, дабы *господа* ходили къ приходскимъ церквамъ, какъ опредѣлено духовнымъ регламентомъ, только престарѣлымъ дозволено имѣть въ домахъ антиминсы (№ 3964), а въ слѣдующемъ году дозволено имѣть антиминсы въ домовыхъ палатахъ *знатнымъ особамъ* (№ 4320); въ томъ же, 1723 г., повелѣно „человѣческихъ тѣлесъ, кромѣ *знатныхъ персонъ*, внутрь городовъ не погребать" (№ 4322). Впрочемъ, еще вопросъ, кого здѣсь разумѣлъ Петръ Великій подъ знатными особами и персонами—знатныхъ чиномъ, или породой? Можно толковать, пожалуй, двояко, но болѣе основаній предполагать, что онъ разумѣлъ здѣсь *знатныхъ чиномъ*. На вопросъ сената въ 1724 г., которое *шляхетство* за знатное считать? Государь отвѣтилъ: знатное *дворянство* по годности считать (№ 4588 § 9). Табель о рангахъ: „Сыновьямъ Россійскаго государства, князей, графовъ, барояовъ, *знатнѣйшаго дворянства*, такожде служителей знатнѣйшаго ранга, хотя мы позволяемъ для *знатной ихъ породы*, или ихъ отцовъ знатныхъ чиновъ въ публичной ассамблеѣ, гдѣ дворъ находится, свободный доступъ, и охотно желаемъ видѣть, чтобъ они отъ другихъ во всякихъ случаяхъ по достоинству отли-

чались; однакожъ мы для того никому какого ранга не позволяемъ, пока они намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ, и за *оныя характера* не получать" (№ 3890 § 8).

[11]) Размѣщеніе членовъ общества по рангамъ требуется табелью только въ церквахъ и придворныхъ церемоніалахъ, „но не въ такихъ оказіяхъ, когда нѣкоторые яко добрые друзья и сосѣди съѣдутся", или въ публичныхъ ассамблеяхъ, которыя Петръ Великій старался сдѣлать безсословными и безчиновными (см. Объявленіе ген.-полицейм. Девіера 1718 г. О порядкѣ собраній въ частныхъ домахъ подъ № 3246 § 6). Но нравы общества пошли дальше закона: стали размѣщаться и чествоваться по чинамъ, даже на съѣздахъ добрыхъ друзей и сосѣдей. Кто не знаетъ, какъ на нашихъ обѣдахъ—особенно деревенскихъ—по чинамъ разносятся кушанья? Мы знавали одну помѣщицу, которая во время обѣда прикрикнула на слугу за то, что тотъ обнесъ кушаньемъ полковника.

[12]) Вотъ эта страница:

„A présent en Russie, indépendamment des avantages que procure partout la fortune où la facilité de s'apporocher de la cour, un noble n'est distingué d'un autre, que par l'emploi qu'il occupe et qui lui marque son rang. Les titres, l'ancienneté de la noblesse, l'illustration de ses pères n'empêchent pas celui à qui son emploi ne donne que le rang de lieutenant, d'être, même hors du service militaire, inférieur à un capitaine tiré de la plus nouvelle noblesse ou même de la classe des affranchis".

[13] „Издревле дворянство въ Россіи пріобрѣталось службою; но условія пріобрѣтенія онаго по временамъ измѣнялись, съ измѣненіемъ порядка военной и гражданской службы". (Слова манифеста 11 іюня 1845 г. 2-е П. С. № 19.086).

[14]) Первые оберъ-офицерскіе чины по табели имѣютъ другія наименованія: фендрики, флигель-адъютанты при генералъ-лейтенантахъ (флигель-адъютанты въ теперешнемъ значеніи—при особѣ государя-императора—учреждены Екатериной II въ 1775 г. № 14.369) и штабъ-фурьеры у бригадировъ—по сухопутной части, инженерскіе фендрики—по артиллеріи, фендрики классомъ выше (12)—по гвардіи, корабельные коммисары, шкиперы 2-го ранга и констапели—по морской части (№ 3.890).—Еще до табели о рангахъ, въ 1721 г., было постановлено: „всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оные и ихъ дѣти и ихъ потомки суть дворяне и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство" (П. С. № 3.705).

[15]) Пожарскій называетъ кн. Вас. Вас. Голицына, вначалѣ 17 вѣка, *столпомъ* государства; *столповыя фамиліи* въ 17 столѣтіи—Голицыны, Воротынскіе, Мстиславскіе и др. противополагаются *новымъ фамиліямъ:* Ордынъ-Нащокинъ, Матвѣевъ и др. *Отсюда столбовое дворянство*—столбы государства, на которые опирается тронъ. (См. Историч. письма Соловьева, П. Р. Вѣстн. 1858 г., т. XV).

[16]) По исчисленію Манштейна (Г. II 324), которое оправдывается статистическими данными, собранными Миллеромъ для Вольтера (Р. В., т. XVII)—число дворянъ обоего пола въ ихъ время было до 500.000 душъ обоего пола. Но едва ли вычисленіе было вѣрно. Екатерина II, въ своихъ *отвѣтахъ* гр. Сегюру, говоритъ: „Всего труднѣе было бы опредѣлить *число дворянъ*, владѣющихъ и невладѣющихъ имѣніями. Но безъ сомнѣнія болѣе 10.000 дворянъ состоитъ на службѣ, въ однихъ гвардейскихъ полкахъ ихъ болѣе 3.000; армія, кадетскіе корпуса, числомъ три, а именно—сухопутный, морской и артиллерійскій, въ коихъ въ совокупности болѣе 1.000 человѣкъ, и на которые постоянно жалуются за то, что они не принимаютъ всѣхъ желающихъ поступить туда,—флотъ и артиллерія наполнены дворянами, не считая гражданскихъ вѣдомствъ и двора; еще гораздо большее число ихъ живетъ въ своихъ владѣніяхъ, въ губернскихъ городахъ и столицахъ, особенно въ Москвѣ и Казани" (Заря, іюнь, 1870 г.). Вычисленія Манштейна и Миллера оказываются, такимъ образомъ, преувеличенными. Число дворянъ впослѣдствіи увеличилось, особенно вслѣдствіе пріобрѣтенія отъ Польши западно-русскихъ губерній, съ многочисленнымъ дворянствомъ, и распространенія правъ россійскаго дворянства на высшіе классы иноплеменные. Въ европейской Россіи, по „таблицамъ" центральнаго статистическаго комитета за 1858 г., считалось:

потомственныхъ дворянъ обоего пола .	609.973
личныхъ дворянъ и чиновниковъ . . .	276.809
сюда нужно прибавить для Сибири . .	17.484
— Кавказа . .	13.000
Всего . .	1.002.000 душъ

обоего пола, или 1 дворянинъ на 68 жителей (См. Первое дополненіе къ сравнительной статистикѣ Кольба, стр. 166).

[17]) Это число собственно русскихъ породистыхъ фамилій. Сюда не причислены ни фамиліи, возведенныя въ княжескіе, графскіе и баронскіе титулы россійскими и иностранными монархами, ни фамиліи, вышедшія изъ Литвы и Польши, гдѣ онѣ существовали до 1600 г. (Баратынскіе, Булгарины, Войны, Дунины, Комаровскіе, Танскіе и т. д.), ни иностранныя фамиліи, вышедшія изъ другихъ странъ (Багговуты, Балкъ—Полевы, Ф. Визины, Лесли, Нироды, Поли, Рамзаи, Торнау и др.), ни фамиліи малороссійскія, находившіяся въ числѣ генеральныхъ старшинъ и полковниковъ (Бутовичи, Гамалѣи, Галаганы, Горленки, Дараганы, Дмитрашко-Райче, Забѣллы, Иваненки, Искры, Кочубеи, Милорадовичи, Якубовичи, и т. д.), число которыхъ, по книгѣ Долгорукова 120, но изъ нихъ многія, и можетъ быть самыя лучшія, захудали (Дорошенки, Искры, Наливайки, Полуботки и др.), а другія или совершенно исчезали, или

затерялись въ массѣ народа (Мазепа, Многогрѣшные, Орлики, Павлюки, Палій, Подковы, Тетеря, Трясило и т. д.). Къ аристократіи нашей принадлежитъ также потомство сановниковъ первыхъ двухъ классовъ: 18 вѣка 64 фамиліи (Мелиссино, Михельсоны, Олицы, Сиверсы, Симолины, Фроловы-Багрѣевы и т. д.) и 122 фамиліи 19 вѣка до царствованія императора Александра II (Аракчеевы, Балашовы, Инзовы, Кавелины, Кайсаровы, Капцевичи и т. д.) (Росс. родосл. кн. кн. Долгорукова, ч. 1 стр. 9—46).

[18]) Гакстгаузенъ познакомился съ капитаномъ Хорватомъ (de Khorwat), которому по наслѣдству досталось только 30 душъ, тогда какъ онъ происходилъ отъ новороссійскаго Хорвата, 50 лѣтъ назадъ владѣвшаго 6.000 душъ крестьянъ (прим. къ 53 стр. 3 т. Etudes).

[19]) Впрочемъ, еще при Петрѣ Великомъ въ дворянское достоинство возведенъ Кузьма Гурьевъ, родоначальникъ гр. Гурьевыхъ (Долгорукаго: ч. 2 стр. 234).

[20]) Родоначальникъ нашихъ орденовъ—св. Андрея Первозваннаго—основанъ въ 1698 г., и кажется первымъ его кавалеромъ былъ гетманъ Мазепа, а по другимъ Ѳ. А. Головинъ.

Въ 1714 г., въ память похода противъ турокъ, 1711 г., съ согласія императора—Екатериной I основанъ орденъ освобожденія—св. великомученицы Екатерины для особъ женскаго пола. Приготовляясь къ персидскому походу, Петръ Великій хотѣлъ учредить орденъ Александра Невскаго, что было исполнено преемницей его въ 1725 г. Въ 1769 г. основанъ для военныхъ заслугъ орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія. Затѣмъ, въ 1782 г., въ память совершившагося двадцатилѣтія своего коронованія, Екатерина II учредила орденъ св. равноапостольнаго кн. Владиміра. Въ 1735 г. Карлъ-Фредерикъ, герцогъ шлезвигъ-голштинскій, въ память супруги своей Анны Петровны, основалъ орденъ св. Анны; по прибытіи въ Россію наслѣдника престола, Петра III, въ 1742 г., орденъ этотъ начали жаловать россійскіе монархи, а въ 1797 г. Павелъ I присоединилъ его къ числу императорскихъ орденовъ. Онъ обратилъ большое вниманіе на устройство орденовъ. „Все кавалерское общество вообще всероссійскія имперіи, да будетъ почитаемо, яко единое тѣло и яко единый россійскій кавалерскій чинъ или орденъ". 4 янв. 1797 г. конвенціей, заключенной съ державнымъ орденомъ мальтійскимъ и его преимуществомъ гросъ-мейстеромъ, орденъ Іоанна Іерусалимскаго, существовавшій уже въ Польшѣ, былъ принятъ и въ Россіи (№ 17.708). 5 апрѣля 1797 г. издано установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ, устанавливающее коммандорственныя имѣнія (№ 17.908). Установленіе это игнорируетъ ордена Георгія и Владиміра. Но при чтеніи его въ Успенскомъ соборѣ, 14 апр. 1797 г., государь изрекъ съ престола: „А орденъ св. велик. и поб. Георгія остается на прежнемъ своемъ основаніи, такъ какъ

и статутъ его" № 17.917). Александръ I возстановилъ св. Владиміра, отмѣнивъ орденъ мальтійскій (еще въ 1817 г. состоялось запрещеніе носить этотъ орденъ № 26.626). въ 1815 г. къ императорскимъ орденамъ присоединены были царскіе св. Станислава и Бѣлаго Орла— окончательно въ 1831 г.

[21]) Впрочемъ, кн. Голицыны, выходцы изъ Литвы, происходящіе отъ Гедимина, чрезъ кн. Мих. Ив. Голицу—боярина, умершаго инокомъ Іоной, въ 1558 г.—могли давно имѣть свой породный гербъ, еще вывезенный ими изъ Литвы. (См. Долгорукова: Росс. род. кн., ч. I стр. 309). То же самое было и со многими другими фамиліями.

[22]) До 1726 г. въ дипломахъ на дворянство писалось: „кто не будетъ признавать такихъ то за дворянъ, тотъ будетъ наказанъ" (Чтенія, кн. 2-я 1858). Въ П. С. этого впрочемъ нѣтъ.—Екатерина II, какъ видно изъ записокъ Храповицкаго, собственноручно составила форму грамоты дворянамъ, коихъ родъ внесенъ въ губернскую родословную книгу. Форма эта была обнародована въ 1788 г. (П. С. № 16.698). Въ 1817 г постановлено было министру юстиціи контрасигнировать дипломы на дворянское достоинство (№ 26.232). Въ концѣ 1860 г. установлена новая форма грамотъ на дворянство, выдаваемыхъ дворянскими депутатскими собраніями, нѣсколько измѣняющая помѣщенную въ приложеніи къ ст. 1.646. Т. IX изд. 1857 г. (2-е П. С. № 35.668).

[23]) Въ 1 часть, изданную въ 1798 г., внесено:

1-е отдѣленіе	княжескихъ фам. . . .	15
	графскихъ „ . . .	17
	дворянскихъ „ . . .	50
2-е отдѣленіе (пожалов.)		21 ф.
3-е отдѣленіе (чинов.)		42 ф.

(П. С. № 18.333).

Во 2 часть, изданную въ томъ же году:

1-е отдѣленіе	княжескихъ	9
	графскихъ	7
	дворянскихъ	120
2-е отдѣленіе (пожалов.)		7
3-е отдѣленіе (чиновн.)		9

(П С. № 18.595).

Въ 3 часть, изданную въ 1799 году:

князей 2
графовъ 3
бароновъ . . . . 2 (Черкасовъ, Аракчеевъ, впосл. графъ).
дворянъ . . . . 131 (Изъ малороссійскихъ: Кочубеи, Судіенко, Миклашевскіе, Селецкіе, Милорадовичи).
(П. С. № 18.834).

Въ 4 часть, изданную въ томъ же году:

1-е отдѣленіе { князей 7
графовъ 8
дворянъ . . . . 128 (Изъ малороссійскихъ: Мищенки, Кондыбы).

2-е отдѣленіе (пожалов.) . . . . 2 ф.
3-е отдѣленіе (чинов.) . . . . 6 ф.

(П. С. № 19.238).

Въ 5 часть, изданную въ 1800 году:

1-е отдѣленіе { князей 7
графовъ 2
бароновъ 1
дворянъ . . . . 128 (Изъ малороссійскихъ: Горленки, Галаганы).

2-е отдѣленіе (пожалов.) 10
3-е отдѣленіе (чинов.) 4

(П. С. № 19.647).

Въ 6 часть, изданную въ 1801 году:

княж. 2
граф. 1
двор. . . . . 156 (Изъ малороссійскихъ: Родзянки, Марченки, Лагоды, Тарновскіе).

(П. С. № 19.940).

Въ 1803 г. издана 7 часть:

княж. 2
граф. 4
барон. 1
двор. . . . . 167 (Изъ малороссійскихъ: Марковичи, Дунины, Долинскіе).

(П. С. № 21.021).

Въ 1807 г. издана 8 часть:

княж. 2
граф. 3
барон. 1
двор. . . . . 153 (Изъ малороссійскихъ: Томары, Савичи, Гудимъ-Левковичи, Галенковскіе, Мазараки, Иваненки, Троцкіе). (П. С. № 22.516).

Въ 1816 г. издана 9 часть:

1-е отдѣленіе { князей 2
граф. 3
барон. 2
двор. . . . . 129 (Изъ малороссійскихъ: Дунинъ-Барковскіе, Базилевскіе, Часноки, Ісаевичи, Ширяи).

2-е отдѣленіе (пожалов.) 2
3-е отдѣленіе (чинов.) 20

(П. С. № 16.435).

[24]) Нѣкоторые изъ князей-рюриковичей присоединяли къ своимъ фамильнымъ прозваніямъ наименованіе своихъ прежнихъ удѣловъ. Послѣдній примѣръ—*Ромодановскіе-Стародубскіе*. Вконцѣ царствованія Алексѣя Михайловича это было запрещено (Соловьева: Т. XIII, стр. 72).

[25]) Роль этой почтенной фамиліи, предки которой оказали своими промышленными занятіями такія услуги отечеству, Гакстгаузенъ сравниваетъ съ фамиліей нѣмецкихъ князей Fougger, происходящею отъ знаменитыхъ аугсбургскихъ купцовъ XVI ст. (V. 3. p. 87).

[26]) Иностранцевъ, не вступившихъ въ русское подданство, наши государи титулами не жаловали. Единственное исключеніе—пожалованіе графскаго титула, въ 1826 г., Корсиканцу Поццо ди Борго, который, хотя и не былъ русскимъ подданнымъ, но оказалъ Россіи неоцѣненныя услуги (Гакстгаузенъ V. 3 p. 58).—Случилось, что на принятіе титула, жалуемаго иностраннымъ монархомъ, не послѣдовало высочайшаго соизволенія: Императоръ Іосифъ II, въ 1776 г., предлагалъ графское достоинство Зоричу, но Екатерина II принять оное не разрѣшила. Встрѣчаемъ примѣръ пожалованія *личнымъ* графомъ: каменецъ-подольскаго губ. предводителя, Пршездецкаго, въ 1843 г. Встрѣчаемъ и пожалованіе титула по порядку первородства: Димсдаль Екатериной II, въ 1769 г. Встрѣчаемъ также примѣръ пожалованія женщинамъ: Павелъ I пожаловалъ графиней Ливенъ, возведенную Николаемъ I въ свѣтлѣйшую княгиню; при Александрѣ I дѣвицы—Протасовы.

[27]) Интересно слѣдующее четверостишіе Державина:

„Я *Князь* коль мой *сіяетъ* духъ,
„Владѣлецъ—коль страстьми владѣю,
„Бояринъ—коль за всѣхъ болѣю,
„Царю, отчизнѣ, церкви другъ.

[28]) Съ дипломовъ на графство по положенію 1763 г. взымали 100 р., а на баронство—50 р. (№ 11.988 п. 12). Въ 1772 г. герольдмейстеръ, камеръ-юнкеръ, кн. Щербатовъ, докладывалъ, что нѣтъ никакого установленія, съ какими украшеніями писать дипломы на разныя достоинства. Вслѣдствіе этого доклада были установлены внѣшнія украшенія дипломовъ на титулы (П. С. № 13.774).

[29]) „Неодинаковое было мнѣніе древнихъ о раздѣленіи дворянства на классы“. Говорилъ въ коммисіи 1767 г. романовскій депутатъ, кн. Давыдовъ. „Мудрѣйшій изъ философовъ Платонъ и его послѣдователь Аристотель раздѣляли это сословіе на 4 класса. Къ первому они причисляли тѣхъ, которые произошли отъ знатныхъ предковъ; ко второму тѣхъ, коихъ отцы были князьями и могущими людьми; къ третьему тѣхъ, которыхъ предки въ мирное и военное время прославились знаменитыми дѣлами; наконецъ, къ четвертому классу такихъ, которые произошли отъ людей, показавшихъ

отмѣнную остроту и примѣрное великодушіе. Къ этому присоединяютъ еще пятый классъ, состоящій изъ такихъ людей, которые въ какой-либо наукѣ сдѣлали новое и полезное открытіе" (Сб. р. историч. общ., Т. IV., стр. 180).

30) Кромѣ этихъ 6 частей дворянской родословной книги, для московской губ., въ 1807 г., прибавлена особая часть, въ которую записаны были имена начальниковъ земскаго ополченія и лицъ, сдѣлавшихъ разныя пожертвованія (№ 22 41").

31) Значеніе *дѣтей боярскихъ* у насъ не достаточно выяснено. Болтинъ говоритъ: „дѣти боярскія точно тожъ были, что во Франціи въ старину des Evanesu des Taupins при Карлѣ VII; они уволены были отъ всѣхъ податей, и вмѣсто жалованья имѣли земли. По времени сами собою присвоили титулъ дворянства, и время то ихъ своевольное притязаніе утвердило". (Пр. на Леклерка. Т. II стр. 434). Составъ дѣтей боярскихъ былъ разномастный: здѣсь мы встрѣчаемъ даже княжескія фамиліи, древнѣйшія дворянскія, какъ напр. Нарышкиныхъ. Между прочимъ, въ 1660 г. Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ кн. Трубецкому г. Трубчевскъ, со всѣмъ его уѣздомъ и населеніемъ, между которымъ были и *дѣти боярскія*. Дѣти боярскія существовали въ Сибири еще во 2-й половинѣ 18 ст. Они возникли тамъ такъ: рядовые казаки жаловались сначала въ званіе *сына боярскаго*, а потомъ производились въ *дворяне*. Но *сибирскіе дворяне* были не состояніемъ, но чиномъ, который даже не переходилъ отъ отца къ дѣтямъ. Они получали за свои службы денежное и хлѣбное жалованье, а нѣкоторымъ отведены во владѣніе земли, на которыхъ они поселили крестьянъ. Неимѣвшимъ земель, въ 1725 г., опредѣлено денежное и хлѣбное жалованье: дворянамъ— по 8 р. 82 к. деньгами, хлѣбомъ по 5 четвертей, по 2 четверика ржи и по стольку же овса, дѣтямъ боярскимъ по 7 р. 4 к., по 5 четвертей ржи и по 4 четверти по 5 четвериковъ овса. За это они отправляли весьма многія службы. Въ засѣданіи коммисіи 1767 г. депутатъ отъ г. Енисейска, Степанъ Самойловъ, заявилъ о томъ, чтобъ сибирскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ даровать подлинное и равное съ россійскимъ дворянство (стр. 150), но ему возражалъ кн. Щербатовъ (стр. 155) и представилъ донесеніе сибирскій губ. Чичеринъ (стр. 203) въ томъ смыслѣ, что уравненія не должно быть.

Съ преобразованіемъ царскихъ чиновныхъ людей въ шляхетство, одни изъ дѣтей боярскихъ вошли въ его ряды, а другія присоединились къ *однодворцамъ*. Главный контингентъ однодворцевъ составился изъ мелкихъ служилыхъ людей, поселенныхъ въ украйныхъ и полевыхъ городахъ—бѣлгородскаго и сѣвскаго разрядовъ. Но, какъ говоритъ указъ 14 сент. 1798 г. „въ число однодворцевъ поступили нѣкоторые старинные дворянскіе роды; ибо, по размноженіи семействъ, отъ раздробительныхъ раздѣловъ стали весьма мелкопомѣстными. Въ царствованіе императора Петра Великаго, много дворянъ, имѣвшихъ за собою 100 и 200 дворовъ, отбывая

отъ службы, записались добровольно въ однодворцы, отчего начало свое производятъ нынѣшніе крестьяне однодворческіе" (П. С. №18.676). Самое выраженіе *однодворцы* впервые офиціально было употреблено въ указѣ 1714 г. марта 12 (П. С. № 2.723). Въ жизни оно могло употребляться и прежде, происходя отъ владѣнія *однимъ* только крестьянскимъ *дворомъ*, или обладанія *однимъ* собственнымъ дворомъ (Вивліоѳика, Т. XX, стр. 188. Голиковъ: Т. III, стр. 433). Въ коммисіи 1767 г. депутатъ отъ однодворцевъ тамб. провинціи. Василій Веденеевъ, заявилъ, что украйно-бѣлгородскій и сѣвскій разряды—населены были дворянами, дѣтьми боярскими и служилыми людьми низшихъ разрядовъ—солдатами. копейщиками, рейтарами и т. д., которые въ 1724 г. были переименованы въ государственные крестьяне и положены въ подушный окладъ, то чтобъ пожаловать ихъ прежнимъ званіемъ *дѣтей боярскихъ* (Сб. русск. ист. общ. Т. IV. стр. 177).

[32]) Возможность отыскиванія правъ дворянства не только лицами податнаго состоянія, но и крѣпостными. заставила правительство постановить, въ 1806 и 1814 г., что доказывающіе дворянство изъ податныхъ званій, до утвержденія ихъ права, не освобождаются ни отъ записки въ ревизію, ни отъ рекрутства и другихъ повинностей (П. С. № 22.265, 25.593. ст. 240 IX Т. изд. 1857), а относительно доказательствъ о дворянскомъ происхожденіи лицъ, записанныхъ въ ревизію за помѣщиками, наблюдалось, чтобы непремѣнно представлены были приговоры присутственнаго мѣста, признавшаго уже, что доказывающіе дворянство не суть крестьяне; если же такихъ приговоровъ представлено не будетъ, то доказательства возвращаются просителямъ (Прим. 1 къ ст. 67, IX Т. Св. З. изд.1857).

[33]) „Анна Іоанновна" читаемъ въ исторіи Соловьева, „любила подлѣ себя имѣть женщинъ, которыя бы болтали безъ умолку. Такъ она писала въ Москву: „А вдовы Загряжской у Авдотьи Ивановны въ Москвѣ живетъ одна *княжна Вяземская*. дѣвка: и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтобъ она не испужалась, то объяви ей, что я ее беру изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы: какъ сказываютъ, что она много говоритъ". Въ другой разъ императрица писала въ Переяславль: „Поищи въ Переяславѣ изъ бѣдныхъ *дворянскихъ дѣвокъ* или изъ посадскихъ, которыя бы похожи были на Татьяну Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобъ годны были ей на перемѣну: ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были лѣтъ по сороку, и также-бъ говорливы, какъ та Новокщенова, или какъ бы *княжны Настасья и Анисья*". Впослѣдствіи, заключаетъ многоуважаемый историкъ, знатные оскорблялись тѣмъ, что при Аннѣ въ числѣ шутовъ были два Князя—Волконской и Голицынъ (Т. XIX, стр. 270).

[34]) Вскорѣ Сенатъ распредѣлилъ дворянскихъ дѣтей между гарнизонными школами губерній: въ Московскую—200 чел., Новгородскую—

150, Бѣлогородскую, Архангелогородскую и Казанскую—105, Нижегородскую—98, Смоленскую—97, Астраханскую и Оренбургскую—по 10, въ Псковской и Великолуцкой провинц. Псковской губ.—15 (П. С. № 14 150).

35) 6 Февраля 1730 г. Саксонскій посланникъ доносилъ своему двору «.... La nouvelle forme du gouvernement, que les grands se font, donne matière ad interim à la petite noblesse de chuchoter; ils parlent comme cela: les grands prétendent tronquer le despotisme et le pouvoir absolu; ce pouvoir doit être tempéré par leur conseil, qui peu à peu s'approgriera les rênes de l'empire; qui nous répond que par les temps au lieu d'un souverain nous n'aurons pas antant des tyrans en la personne de chaque membre de ce corps, que par leurs vexations nous rendront cent fois plus esclaves"... (Сб. Русск. Ист. Общ. Т. V. стр. 347).

36) Такими уничижительными полуименами называли себя люди первыхъ чиновъ, даже въ сношеніяхъ между собою. Кн. Юрій Ромодановскій писалъ Кн. Вас. Голицыну, что „Юшка ему челомъ бьетъ"; дядя послѣдняго подписывался подъ письмами къ племяннику „дядя твой, Мишка Голицынъ, челомъ бьетъ"; жена Вас. Вас. Голицына, въ письмахъ къ своему супругу—„женишка твоя, Дунька, много челомъ бьетъ до лица земнаго" (См. Временникъ. 1850). Петръ Великій указомъ 1701 г. предписалъ съ 1 января 1702 г. людямъ всякаго званія *писаться полными именами съ прозваніями* (П. С. № 1.844). Для того, чтобы искоренить прежній обычай, въ частныхъ сношеніяхъ и въ домашнюю переписку ввести пріемы европейскихъ народовъ, по его повелѣнію, въ 1708 г., переведены были съ нѣмецкаго языка „Пріклады, какъ пишутся комплементы разные". Пріклады стараются въ обращеніяхъ къ лицу ввести употребленіе *вы*, а не *ты*. Но, какъ трудно было вывести этотъ обычай показываетъ то обстоятельство, что русскіе вельможи, даже въ царствованіе Александра I, говорили *ты* всѣмъ неимѣющимъ генеральскаго чина (Пекарскій: Т. I. стр. 181). Дворянство же употребляетъ это *ты* въ обращеніи почти со всѣми обществ. классами, не дворянскаго происхожденія, и въ настоящее время. Только мировые посредники и дѣятели новыхъ судовъ—люди царствованія Александра II — начали употреблять *вы* въ обращеніи со всѣми низшими общественными классами, за что подчасъ обвиняются въ *баловствѣ народа*. Давши право писаться полными именами съ прозваніями, Петръ Великій, въ 1701 г., повелѣлъ *не бить челомъ* и вмѣсто *холоповъ* называться *рабами*. Екатерина же II выраженіе *бьетъ челомъ* замѣнила — *приноситъ жалобу, проситъ*, а вмѣсто рабъ — *подданный*, по примѣру иностранныхъ государствъ: sujet, Unterthan (П. С. № 16.329). Но еще и при ней употребленіе имени съ отчествомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависѣло отъ монаршаго благоволѣнія: въ 1765 г. генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій, докладывалъ сенату, чтобы о томъ, кому въ жалованныхъ на деревни и достоинства грамотахъ писать отчество съ окончаніемъ *вичъ*,

доносить государынѣ, такъ какъ это зависитъ отъ благоволѣнія ея къ тѣмъ персонамъ (П. С: № 12.533). На этомъ основаніи въ 1774 г. государыня указала писать отчество на *вичъ* въ грамотахъ на пожалованныя деревни: Гр. Н. И. Панину, Гр. З. Г. Чернышеву, Кн. Гр. Гр. и Гр. А. Гр. Орловымъ (П. С. № 14.098). До 1780 г., при занесеніи должностныхъ лицъ въ списки, соблюдалась постепенность: высшіе чины до коллежскаго совѣтника записывались съ окончаніемъ *вичъ*, надворные совѣтники и маіоры *овъ сынъ*, а слѣдующіе—вовсе безъ отчества (соч. Державина, академическое изд., Т. 3. стр. 465). Въ обращеніи съ верховной властію высшихъ классовъ въ 18 в. иногда еще встрѣчаются унизательныя выраженія холопскихъ челобитныхъ, формы которыхъ установились въ царскій періодъ. Такъ напр. переводчикъ, Сергѣй Волчковъ, посвящая Петру III одинъ изъ своихъ переводовъ, въ 1762 г., выражается такъ „*бѣдной*", безъ мала сорокъ лѣтъ В. И. В. шестому монарху и всемилостивѣйшему государю своему всѣмъ усердіемъ служащій, но въ *непрерывной нищетѣ пресмыкающейся, сирой дворянинъ* съ семерыми дѣтьми (изъ того числа трое сыновей всѣ въ службѣ) самого себя и съ робятишки своими, къ монаршимъ стопамъ *всерабольпно повергаетъ*, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій, *всеуниженной рабъ*, коллежскій совѣтникъ Сергѣй Волчковъ" (Семевскаго: Шесть мѣсяц. изъ Русской исторіи, Отеч. з. авг. 1867).

[37]) Ф. Визинъ въ своемъ Опытѣ россійскаго сословника старается отличить понятія, заключающіяся въ словахъ *низкій* и *подлый* „слово *низкость* принадлежитъ къ состоянію, а *подлость* къ поведенію; ибо нѣтъ состоянія *подлаго*, кромѣ бездѣльныхъ" (Изд. Ефрем., стр. 190).

[38]) На стрижку бородъ Петръ Великій обратилъ первое вниманіе по возвращеніи своемъ изъ заграницы въ Москву, 26 августа 1698 г. Тогда же началъ вводить онъ и новую одежду (Устрялова: И. ц. Петра Великаго, Т. III. стр. 191, 197). Но первый указъ о новой одеждѣ въ П. С. встрѣчается только въ 1701 г., когда было предписано людямъ всякаго чина, кромѣ духовенства и пашенныхъ крестьянъ, и женамъ ихъ, носить платье и обувь нѣмецкія, а въ верховой ѣздѣ употреблять сѣдла нѣмецкія. За ношеніе русскаго платья и употребленіе русскихъ сѣделъ — штрафъ (П. С. № 1.887). Въ 1705 г. былъ изданъ указъ о бритіи бородъ и усовъ всякаго чина людямъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ (П. С. № 2.015). Въ 1713 и 1714 г. подтверждается: не носить бородъ и русскаго платья и не торговать послѣднимъ — подъ угрозою каторги (П. С. № 2.874), въ 1722 г. назначается за ношеніе бороды 50 р. штрафа, кромѣ пашенныхъ крестьянъ (П. С. № 3.944, 4.034). Но какъ трудно было ввести бритье бороды и ношеніе иноземческаго платья, показываетъ интересный указъ 1726, помѣщенный въ П. С., подъ № 4.893. Изъ него видно, что шт.-об. — и унтеръ-офицеры и рядовые, уволенные отъ службы и находившіеся въ отпускахъ, продолжали носить бороды

и старинное русское платье; указъ предписываетъ всѣмъ имъ носить нѣмецкое платье и шпаги, и бороды брить „а ежели гдѣ въ деревняхъ такихъ людей, кто брить умѣетъ, при нихъ не случится, то подстригать ножницами до плоти въ каждую недѣлю по дважды, и каждому содержать себя всегда въ чистотѣ, такъ какъ въ полкахъ служили, буде-жъ кто нѣмецкаго сукна на платье купить за скудостію не можетъ, чтобъ дѣлали, хотя изъ русскаго сермяжнаго сукна съ обшлагами другаго цвѣта, окрася сѣраго-жъ сукна, какою похочетъ краскою". За несоблюденіе этого предписанія урядниковъ и рядовыхъ наказывать батогами, а съ офицеровъ брать штрафъ на госпиталь. Но еще въ 1748 г. бѣлогородскіе купцы, Ворожейкинъ и Курчаниновъ, показывали, что они могутъ на 1749 г. приростить въ казну болѣе 50.000 р. за бороды и неуказное платье (П. С. № 9.479).

39) Кстати: Депутатъ отъ дворянства деревской пятины новгородской губерніи (Ѳед. Веригинъ) подалъ мнѣніе, что запасныхъ магазиновъ вовсе не должно быть, потому что *крестьяне ослабѣютъ отъ размноженія хлѣбопашества*, а нѣкоторые отъ него и совсѣмъ отстанутъ, если будутъ полагать надежду на заготовленный казною хлѣбъ (16. стр. 76).

40) Въ 1833 г. новгородское дворянство постановило для содержанія благороднаго пансіона, на 20 воспитанниковъ, ежегодно взимать по 7 к. съ души (2-е № 6.833). Въ 1835 г.: вологодское — по 10 к. съ души (2-е № 7.806), псковское — по 9 к. съ души (2-е № 7.899), курское — втеченіе 10 лѣтъ по 10 к. съ души на 100 своекоштныхъ и 15 безплатныхъ (2-е № 8.326), смоленское — единовременно 18.466 р. и по 5 к. съ каждой души (2-е № 8.443). Въ 1836 г.: тверское—по 15 к. съ души (2-е № 9.063), костромское—складка въ 59.787—по 20 к. съ души, для 30 воспитанниковъ по 6 к. съ души, а для капитала втеченіе 10 лѣтъ по 10 к. съ души (2-е № 9.164); ярославское—пожертвованій 37.000 и по 10 к. съ души (2-е № 9.247). Въ 1838 г.: рязанское—по 8 к. съ души (№ 10.897); тульское—25 к. съ души втеченіи 4 лѣтъ (2-е № 11.647). Въ 1839 г. владимірское—о займѣ въ 850.000 для устройства благороднаго пансіона, а для уплаты втеченіе 37 лѣтъ по 16 к. съ души (2-е № 12.856). Дворянство ярославской губ., въ ознаменованіе 25-лѣтн. царств. императора Николая, постановило сборъ по 20 к. съ души для содержанія 20 дворянъ въ каз. заведеніяхъ (2-е № 25.266). Подобное же постановленіе кіевскаго дворянства въ 1852 г.—по $1^1/_2$ к. съ души на содержаніе 25 „пансіонеровъ 22 авг. 1851 г." въ кіевскихъ учебн. заведеніяхъ (2-е 26.620).—Въ 1834 г. состоялся циркуляръ м. вн. д., что раскладка добровольныхъ приношеній дворянства на своихъ крестьянъ не соотвѣтствуетъ благонамѣренной цѣли дворянства и не сообразна съ существующими постановленіями: *взносъ долженъ лежать на самихъ помѣщикахъ, а не на крестьянахъ* ихъ (Сб. циркуляровъ мин. вн. дѣлъ. Т. 1. стр. 206).

41) Замѣчательныя слова Канкрина, бывшаго м. финансовъ, приводимыя Гакстгаузеномъ: „C'est par une faveur toute particulière de la Providence que la Russie qui jusqu'à lors n'avait formé qu'une agregation mécanique d'éléments très disparates, a pu acquérir les provinces allemandes de la mer Baltique qui jouissaient déjà d'institutions organiques. C'est par là qu'il lui est devenu possible de former peu à peu un organisme politique. Ces provinces lui ont servi de modèle, c'est de là que proviennent toutes les institutions organiques de la Russie, les gouvernements, la constitution de la noblesse, l'organisation municipale etc. etc. Dans toutes les questions de législation, par exemple celle des paysans, les provinces de la mer Baltique ont servi de pays modèle. Quand il s'agit de résoudre les questions relatives au cadastre, au système de crédit, a la réglementation des rapports ruraux, ces provinces depuis un demi-siécle ont fait dans ces matières, des expériences qu'il est avantageux pour la Russie, de consulter, pour pouvoir apprécier d'un côté les avantages qui en sont résultés, et de l'autre les fautes qu'on a commises“ (Etudes: 3-e v., p. 21).

42) Императоръ Павелъ I, воспретивъ въ 1798 г. отправлять молодыхъ людей въ иностранныя учебныя заведенія, по причинѣ возникшихъ тамъ „зловредныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подстрѣкающихъ“, указалъ рыцарству лифляндскому, эстляндскому и курляндскому избрать приличное мѣсто для своего университета (№ 28.474). Такъ возникъ университетъ въ Дерптѣ, который, при своихъ неоцѣненныхъ услугахъ наукѣ и просвѣщенію, постоянно питалъ, возводя ихъ въ схоластическія нѣмецкія теоріи, сословныя воззрѣнія остзейскаго дворянства.

43) До чего иногда доходили воззрѣнія остзейцевъ на отношенія ихъ къ имперіи, можетъ показать между прочимъ слѣдующій случай: въ 1814 г. рижскій военный губернаторъ Маркизъ Паулуччи чиновника, посланнаго министромъ вн. дѣлъ для устроенія почтовой части, по поводу путешествія Импер. Елизаветы Алекс., посадилъ подъ караулъ, сказавъ, что министръ не долженъ смѣть посылать кого-либо въ предѣлы управляемой имъ губерніи (Р. Старина. Май 1870 г.).

44) Народъ сложилъ пѣсню:

„Да не буде лучче,
Да не буде краще,
Якъ у насъ на Украини:
Нема панивъ,
Нема ляхивъ,
Не буде й измины“.

45) Шляхта эта мало-по-малу вошла вновь, „во всѣ уряды и командованія казацкія и, занимая предъ ними и предъ чиновниками изъ нихъ произшедшими, первенство и преимущество, тщеславясь одною породою своею и эдукаціею.... Плодомъ поверхности ихъ

надъ природными чиновниками и шляхтою было униженіе ихъ въ собственной своей землѣ и въ своихъ правахъ и преимуществахъ. Имъ позавидовавъ и поревновавъ, многіе изъ природныхъ малороссіянъ, а паче изъ поповичей, вышедшихъ въ чиновники посредствомъ инспекторій, пристали къ ихъ системѣ и, приладивъ кой какъ фамиліи свои къ польскимъ, стали тщеславиться ихъ происхожденіемъ. А къ симъ еще премногіе возникнувъ изъ жидовства, принужденнаго креститься въ прежде бывшія надъ ними всеобщія побоища, и поверстанные въ шляхту извѣстнымъ о перекрестахъ статутовымъ артикуломъ, составили наконецъ изъ смѣшенія сихъ языковъ и породъ единственный бичь для казаковъ и всѣхъ малороссіянъ. Они управляя ими во всѣхъ урядахъ и правительствахъ и набогатившись около нихъ разными происками, а паче пользуясь тѣхъ простотою и подчиненностію, отняли у нихъ всѣ права ихъ шляхетскія природныя, отъ самой неизвѣстной древности безпрерывно при нихъ бывшія, и подъ титуломъ рыцарства всѣми договорами и привиллегіями имъ подтвержденныя, присвоивъ ихъ однимъ своимъ породамъ...“ (Конискаго: Исторія Руссовъ, стр. 120).

[46]) Прекрасно изображены г. Антоновичемъ усилія Мазепы создать въ Малороссіи шлехетство на подобіе польскому и поставить къ нему посполЬство въ тѣ же отношенія, въ коихъ оно стояло въ Польшѣ. — Мазепа приглашаетъ къ себѣ на службу польскихъ шляхтичей и составляетъ изъ нихъ свой почетный отрядъ, называемый „гетманскими дворянами“; чтобы положить начало родовой аристократіи въ Малороссіи, онъ создаетъ новый классъ бунчуковыхъ товарищей, которые, вмѣстѣ съ знатными и войсковыми товарищами, составили первый зародышъ наслѣдственнаго дворянства въ Малороссіи. (Послѣднія времена казачества, стр. 70).

[47]) Вотъ слова наказа черниговскаго шляхетства о статутѣ: 1) „Вначалѣ изображаемъ мы недостатки, усмотрѣнные въ правахъ нашихъ. Разность временъ, въ которыя статутъ в. кн. Литовскаго сочиненъ, предкамъ нашимъ привилегіями утвержденъ, и сихъ, въ которыхъ мы живемъ, дѣлаетъ его намъ несходнымъ. Ибо 1-е узаконеніе въ раздѣлѣ 1 объ особѣ государя гласящія, противны самодержавной власти, нами управляющей. Раздѣлъ 2 (привилегіею Сигизмунда-Августа, блаженной памяти короля польскаго, княжеству кіевскому въ 1569 г. на сеймѣ пожалованною, отрѣшенный) пишетъ о такой военной земской службѣ, которую ни государственная польза, ниже удобства для жителей возобновить позволяютъ. Раздѣлъ 4 заключаетъ въ себѣ законы о судахъ земскихъ и градскихъ и объ образѣ разбора тяжебъ, равно же отечеству нашему служить не можетъ, понеже по привилегіямъ тѣ суды предоставлены одному шляхетству, которое сперва, обязанное службою въ войскѣ запорожскомъ, подвергнуло себя съ имѣніемъ начальствамъ козачьимъ; то послѣ того, недавно, возстановляя земскіе суды, примѣшало къ нимъ и казаковъ. 2) Не меньше же нѣкоторыя права суть противны и естественному праву, на которомъ всякій гражданскій законъ основанъ быть дол-

женъ, а особливо, что касается до арт. 16 разд. 11, гдѣ кровь простаго человѣка, шляхтичемъ пролитую, отсѣченіемъ токмо руки и весьма малымъ платежемъ отмстить повелѣно. Сей законъ можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные, а особливо достоинства шляхетскаго не пріобрѣвшіе, стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства. 3) Видъ правленія въ землѣ, который трудно сообразить съ предписаннымъ въ правахъ, и различное состояніе народныхъ раздѣленій. 4) Къ истребленію своевольства, неистовства, неправосудія и другихъ злодѣяній недостаточныя денежныя наказанія, въ правѣ нашемъ изображенныя, сходно съ давними годами, когда поляки и наши обыватели были еще и нынѣшнихъ бѣднѣе въ деньгахъ, великій вредъ обществу наносятъ. 5) Многія изъ сихъ правъ пополнены, другія-жъ и вовсе отмѣнены установленіями на сеймахъ послѣ изданія правъ учиненными, исполненіе коихъ равно съ правами отъ Сигизмунда-Августа вышеупомянутою привилегіею здѣшнему народу предписано. 6) Указы, въ дополненіе и отмѣну статута также послѣдовавшіе, иногда, предпочитать земскому праву, иногда же, въ чемъ съ правомъ не согласуютъ, не исполнять, отъ верховнѣйшихъ властей выходили. 7) Темнота трудная къ понятію прямому, а особливо людямъ. въ наукѣ правъ неискуснымъ, подающая поводъ къ пристрастнымъ толкованіямъ и мнѣніямъ. что въ статутѣ нашемъ можно сыскать законъ на законъ.—8) Употребленіе права, по причинѣ неимѣнія на природномъ, на польскомъ языкѣ, отъ ученія которому съ нѣкоторыхъ временъ отставать стали.— 9) Недостатокъ во многихъ положеніяхъ, нужныхъ обществу, бываетъ причиною, что пріемлютъ и другія христіанскихъ областей и городовъ права, не токмо намъ, но и всему почти краю нашему малослужащія. А сверхъ сего, отъ разнообразія и несходства между собою законовъ и обрядовъ, рождается вражда и зависть, произращающія взаимныя насильства и озлобленія, которыя всякій благонамѣренный отечества сынъ истреблять, а на ихъ мѣсто искренность и единодушіе во всѣхъ вперять и утверждать обязанъ...". (Изъ архива Судіенка).

[48]) Въ 1732 г. опредѣлены размѣры ранговыхъ маетностей, назначаемыхъ старшинѣ: генеральному обозному — 400 дворовъ, судьямъ — по 300, подскарбію — 300, асауламъ, хорунжему и бунчужному по 200, писарю судовому 30, на войсковую и судовую канцелярію 100; тремъ великороссійскимъ судьямъ по 50 дворовъ (Дневн. Зап. Марковича. ч. I, стр. 385).

[49]) Указъ 1715 г. слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ порядокъ замѣщенія вакантныхъ урядовъ полковой старшины или сотниковъ: когда открывалась вакансія, полковникъ сзывалъ на раду полковую старшину и сотниковъ—рада указывала на 2—3 кандидатовъ, которыхъ представляли на утвержденіе гетману (Дн. Зап. Марк. Ч. I. стр. 497). Но этотъ порядокъ часто нарушался; часто назначались безъ выбора по ходатайству въ Спб. Такъ напримѣръ: въ 1737 г. миргородскимъ полковникомъ былъ назначенъ сотникъ полка изюм-

скаго, Капнистъ, по представленію гр. Миниха; въ 1738 г. въ Глуховѣ былъ устроенъ новый сотникъ Маньковскій, который былъ въ *покоевыхъ* при Е. И. В.; въ 1746 г. присланъ указъ объ опредѣленіи въ лохвицкую сотню сотникомъ *пѣвчаго Коченевскаго* (Ib.: Ч. II.).

[50]) „Кн. Шаховской писалъ къ родителю изъ Спб. (1733 г.), говоритъ Марковичъ, что Е. В. пожаловала родителя моего въ Россійское дворянство, и на то велѣно дать родителю изъ сената грамату" (Дн. Зап. II. стр. 4).

[51]) Изъ рапорта полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія въ герольдію отъ 6 іюня 1828 г. видно, что фамилій, признанныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ кіевскимъ, черниговскимъ, екатеринославскимъ и полтавскимъ дворянскими собраніями 4.269, въ томъ числѣ изъ податнаго званія и разночинцовъ 2.095 (Чтенія: 1861 г., кн. 2-я).

[52]) Въ 1795 г. совѣтъ представлялъ государынѣ, чтобъ потребовано было отъ начальниковъ губерній мнѣніе объ удобнѣйшихъ средствахъ къ доставленію пропитанія тѣмъ изъ татаръ, которые были признаны въ дворянскомъ достоинствѣ, а поэтому лишены общественной земли (Арх. госуд. сов. Ч. 2-я, стр. 354).

[53]) *Мазылы*—родъ привилегированнаго состоянія, преимущества котораго были опредѣлены еще за молдавскихъ господарей. Мазылы съ потомствомъ не могли быть наказываемы тѣлесно, безъ судебнаго приговора; въ казну они выплачивали особенную подать—*даждію*, а прочія подати—гаттину, водраритъ и погонпоритъ—они вносили въ казну наравнѣ съ простыми обывателями, отъ которыхъ между прочимъ отличались и правомъ имѣть крѣпостныхъ цыганъ (П. С. № 27.357).

[54]) Когда Минихъ, по воцареніи Елизаветы Петровны, попалъ подъ судъ, то однимъ изъ сильнѣйшихъ обвиненій противъ него было, что онъ „въ первомъ перекопскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ *старыхъ шляхетскихъ фамилій* полковниковъ ругаясь подъ ружье ставилъ, и такъ ихъ предъ всею арміею держалъ" (Епевскаго: Очеркъ царств. Елиз. Петровны. Отеч. Зап., Май, 1868).

[55]) Въ 1700 г. авг. 19, государь указалъ быть въ полку Головина въ свейскомъ походѣ:

Стольникамъ	2.920
Стряпчимъ	1.497
Дворянамъ	1.659
Жильцамъ	5.458

(Исторія Петра Великаго Устрялова, Т. IV).

[56]) Замѣчательны заботы правительства охранять русскую народность и православіе смоленской шляхты: въ 1728 г. запрещено было ей посылать въ Польшу дѣтей для ученія (П. С. № 5.238), а смоленскому губернатору предписано строго надзирать, чтобъ смоленскіе шляхтичи не принимали къ себѣ польскихъ ксендзовъ и не перемѣняли вѣроисповѣданія (П. С. № 5.251, 5.322). Въ Дневныхъ Запискахъ Марковича читаемъ: въ 1728 г. нѣкоторые смоляне, ген.-маіора Потемкина племянники, Потемкины же, за уклоненіе въ

римско-католическую вѣру, приговорены в. т. с. въ ссылку (ч. I, стр. 294).

[57]) „Хочешь, Сережа, въ военную службу"? разсказываетъ С. Аксаковъ въ Семейной хроникѣ свой разговоръ съ Энгельгардтомъ.— „Не хочу!" — „Какъ тебѣ не стыдно: ты дворянинъ и непремѣнно долженъ служить со шпагой, а не съ перомъ".

Менѣе знатный дворянинъ, Лукинъ, разсуждаетъ въ своихъ запискахъ нѣсколько иначе: „касательно дворянина есть служба воинская ли, или по случаю и штатская.... Не безнужно дворянину знать и домашнюю экономію, какъ то во 1-хъ, вотчинное правленіе...." (Жизнь стариннаго русскаго дворянина. Р. Арх. Г. 3-й изд. 2 е, стр. 446).

[58]) Въ 1735 г. повелѣвалось: Въ Спб. на всѣхъ островахъ въ кабакахъ и вольныхъ домахъ, и гдѣ имѣются бильярды, всѣмъ объявить съ подпискою: ежели камеръ-пажи и пажи во оные домы придутъ пить или играть въ карты и др. игры: и такихъ. не допуская до питья и игры, брать подъ караулъ и приводить въ дежурную генералъ-адъютантовъ, а пуще смотрѣть пажа Ив. Волкова... (П. С. № 6.703).

[59]) Между дворянами юрьевскаго уѣзда мы встрѣчаемъ двора Е. И. В. *отставнаго лакея* Саворскаго (стр. 321); въ тульскомъ дворянствѣ встрѣчаемъ *ѣздоваго конюха* (398); въ зарайскомъ *дворцоваго конюха* (347); въ бѣжецкомъ *стремяннаго конюха* (386) а въ прилуцкомъ наказѣ — *абшитованнаго придворнаго пѣвчаго*, Тимофѣя Троцкаго (Арх. Судіенка).

[60] Одинъ помѣщикъ конца прошлаго столѣтія называлъ деревенскихъ поповъ *тѣми же мужиками, только что грамотными* (Р. Арх. № 3 1869 г.).

[61]) Указомъ 1724 г. предписывалось: въ священники и дьяконы принимать и постригать.... ежели не будетъ годныхъ, изъ *пашенныхъ* (П. С. № 4.455). Замѣчательно, что нѣкоторые церковники, приписанные къ помѣщикамъ и положенные въ подушной окладъ, были посвящены потомъ въ попы и дьяконы. Правда, указъ 1725 г. (№ 4.862) запрещалъ архіереямъ посвящать такихъ подушныхъ церковниковъ въ попы и дьяконы, но, какъ видно изъ П. С., они встрѣчались еще въ 1743 г. Въ формѣ описанія селъ и деревень, изданной въ этомъ году, есть статья: „при той же церкви церковниковъ, которые въ подушный окладъ положены, въ томъ селѣ... П. С. № 8.745).

[62]) Вотъ образцы перваго штатнаго жалованья:

а) чинамъ военнымъ:

фельдмаршалу	12.000 р.
полному генералу	3.600 „
генералъ-лейтенанту	2.160 „

генералъ-маіору		1.800	„
бригадиру		840	„
полковнику	иностр.	600	„
	русск.	300	„
капитану	иностр.	216	„
	русск.	100	„
поручику	иностр.	120	„
	русск.	40	„
прапорщику	иностр.	84	„
	русск.	50	„
рядовому		12	„

(П. С. № 2.319).

б) чинамъ гражданскимъ:

	въ Спб.		въ пр. губ.	
	ден.	хл.	ден.	хл.
губернатору	2.400 р.	1.200 ч.	1.200 р.	600 ч.
вице-губернатору	(?) „	300 „	600 „	300 „
ландрихтеръ	600 „	150 „	300 „	150 „
коммиссаръ	120 „	60 „	60 „	30 „
провіантмейстеръ	180 „	90 „	60 „	45 „
дьякамъ	—	—	120 „	60 „
подьячимъ старымъ	—	—	60 „	30 „
— среднимъ	—	—	40 „	20 „
— молодымъ	—	—	15 „	10 „

(П. С. № 2.879).

[63]) „Въ нашей собственной провинціи“, писалъ Меншиковъ ландрихтеру ингерманладскому Корсакову, „какъ въ нашихъ, такъ и въ лютерскихъ церквахъ, прикажи, чтобъ на молитвахъ поминали наше имя“ (Устрялова: Исторія ц. Петра Великаго Т. III, стр. 216).

[64]) Бѣглыми, приписываемыми къ имѣніямъ, увеличивали число крестьянъ многіе помѣщики, особенно въ Новороссіи (Воронцовскія имѣнія). Интересенъ разсказъ Болотова, что когда во время Потемкина былъ одинъ рекрутскій наборъ съ рекрутскими женами, то весь онъ былъ *разворованъ*, какъ княземъ, такъ и его креатурами (Поповымъ и др.), и женатые рекруты были поселены въ деревняхъ этихъ господъ (Р. Арх. ч. 2-й).

[65]) Генералъ Саблуковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о временахъ императора Павла“ говоритъ, что когда отцу его пожаловано было 500 душъ въ тамбовской губерніи, то депутація крестьянъ изъ этого имѣнія по этому случаю выразила радость (Р. Арх. XI. 1869 г.). Въ царств. императора Николая одни слухи объ отдачѣ казенныхъ крестьянъ помѣщикамъ произвели въ 1843 г. сильныя волненія казенныхъ крестьянъ въ губ. оренбургской и пермской. (Ист. м. вн. дѣлъ г. Варадинова).

[66]) Державинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ очень интересный фактъ, характеризующій время. Вначалѣ царствованія

Павла I, генералъ-прокуроръ кн. Куракинъ испросилъ себѣ и многимъ своимъ пріятелямъ большое количество лучшихъ казенныхъ земель на выборъ, которыя находились у казенныхъ крестьянъ, сверхъ 8 десятинъ на душу. Эти земли отбирались, если даже были подъ огородами. Крестьяне, дорожившіе землями, покупали ихъ обратно, платя по 500 и по 300 р. за десятину. Когда же кн. Куракинъ и др., по выраженію Державина, набили свои карманы, то исходатайствовали указъ, чтобъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ надѣлить землями—по 15 дес. на душу. Тогда начали отбирать земли у помѣщиковъ, не только примѣрныя, но и писцовыя (З. Державина, стр. 426).—Генералъ-прокуроръ Петра III, Глѣбовъ, захватилъ много башкирскихъ земель (Семевскаго: Шесть мѣсяц. изъ Русской Ист., От. 3 авг. 1867 г.).

[67]) Поединковъ въ смыслѣ западно-европейской *дуэли* между нашимъ дворянствомъ не водилось до знакомства его съ рыцарскими правами западной Европы. Нашей народной дуэлью была *потасовка*, которая случалась между первѣйшими сановниками. Такую дуэль между кн. Ромодановскимъ и кн. Долгоруковымъ описываетъ Берхгольцъ. У кн. Ромодановскаго однажды въ Преображенскомъ приказѣ было угощеніе для знатнѣйшихъ русскихъ вельможъ. „Такъ какъ между кн. Ромодановскимъ и кн. Долгоруковымъ существовала давнишняя непріязнь, и послѣдній не хотѣлъ отвѣчать какъ слѣдовало на предложенный ему первымъ тостъ то оба эти старца, послѣ многихъ гадкихъ ругательствъ, схватились за волоса и по крайней мѣрѣ полчаса били другъ друга кулаками, при чемъ никто изъ другихъ не вмѣшался между ними и не потрудился разнять ихъ" (Дневникъ: ч. 2-ая. стр. 348).—Екатерина II въ своемъ манифестѣ о поединкахъ 21 апрѣля 1787 г. жалуется на щекотливость дворянства къ словамъ и обидамъ, послѣдствіемъ которой бываютъ поединки. Предубѣжденія эти, по словамъ императрицы, „не суть отъ предковъ полученныя, но перенятыя или нанесенныя, чуждыя" (П. С. № 15.535).

[68]) Мы припоминаемъ, встрѣтившійся намъ въ П. С. случай, что въ 1831 г. сенатъ слушалъ дѣло о служащемъ чиновникѣ, титулярномъ совѣтникѣ Ѳедоровѣ, неумѣвшемъ грамотѣ (2-е П. С. № 4.342).

[69]) Въ Дневныхъ Запискахъ Марковича встрѣчаемъ иногда выраженіе казаки *огурились*—въ смыслѣ оказывали ослушаніе.

[70]) Жалованная грамота дворянству составлена было на основаніи заявленій о нуждахъ дворянства, высказавшихся въ наказахъ и мнѣніяхъ дворянскихъ депутатовъ коммиссіи 1767 г. Чтеніе законовъ о дворянствѣ съ мнѣніями и возраженіями депутатовъ продолжалось до 2 октября 1767 г. и заняло 11 засѣданій. Съ окончаніемъ этого чтенія, маршалъ Бибиковъ предложилъ собранію, чтобы всѣ прочитанные законы и мнѣнія отослать въ дирекціонную коммисію, для передачи ихъ въ частную коммисію о разборѣ государственныхъ

родовъ, которая должна была заняться составленіемъ особаго объ этомъ предметѣ положенія. Въ засѣданіи 10 іюня 1768 г. маршалъ Бибиковъ объявилъ большому собранію, что изъ дирекціонной коммисіи присланъ проектъ правамъ благородныхъ, составленный коммисіей о государственныхъ родахъ и дополненный замѣчаніями дирекціонной коммисіи.—Этотъ проэктъ, послужившій основаніемъ грамоты дворянству, былъ утвержденъ 21 апрѣля 1785 г. Онъ состоялъ изъ двухъ главъ: въ первой—изъ 8 статей—объяснены были: опредѣленіе самаго благородства, происхожденіе благородства, кто именно можетъ носить это званіе, разныя его степени, отличіе ихъ одной отъ другой; какъ благородство достигается, и чѣмъ оно упрочивается. Во 2-й главѣ—изъ 43 статей—изложены права благородныхъ (Сборникъ Русскаго историческаго общества: Т. IV, стр. XXII). Изданіе этого важнаго памятника крайне желательно: оно дало бы возможность, сравнивъ его съ жалованною грамотой, узнать, чего требовало дворянство и что получило.

71) Вотъ какъ разсуждаютъ авторы этого интереснаго сочиненія, изобилующаго многими свѣдѣніями о Россіи конца прошлаго столѣтія: „s'ils étaient tous (привиллегіи дворянства) ponctuellement exécutés, aucune noblesse ne jouirait des plus beaux privilèges... si l'on se bornait à le lire, sans approffondir la réalité de son exécution, il n'est point de gentilhomme en Europe qui n'enviât le sort du gentilhomme russe, mais il y a souvent bien loin d'une loi faite à une loi exactement suivie; c'est le cas où se trouve la noblesse russe“

72) Въ іюлѣ 1806 г. предписано было дворянъ, поступающихъ въ военную службу, по окончаніи университета, производить въ офицеры чрезъ 6 мѣсяцевъ (П. С. № 22.199), а въ ноябрѣ того же года, льгота эта распространена и на недворянъ (П. С. № 22,340).

73) Въ 1829 г. управляющій министерствомъ юстиціи, Дашковъ, представилъ комитету министровъ объ опредѣленіи 27 человѣкъ податнаго состоянія въ службу съ званіе копіистовъ. Комитетъ, усматривая, что о нихъ было представленіе въ сенатъ до изданія новаго узаконенія о канцелярскихъ служителяхъ, положилъ утвердить ихъ въ службѣ. По меморіи о семъ послѣдовало собственноручное повелѣніе государя: *„донести, много-ли еще подобныхъ представленій находится въ сенатѣ, ибо пора сему положить конецъ“*. Во исполненіе, управляющій министерствомъ юстиціи донесъ, что людей податнаго состоянія, о коихъ поступили въ сенатъ представленія, 636 человѣкъ, изъ которыхъ о 64 уже внесены записки въ комитетъ министровъ. Комитетъ министровъ постановилъ; на будущее время никакихъ болѣе представленій не принимать, но тѣхъ 64 человѣкъ утвердить въ службѣ. По этому послѣдовало собственноручное повелѣніе государя: *„рѣшительно послѣдніе“* (2-е П. С. № 3.191).

Положеніе воспретило принимать: 1) купцовъ, записанныхъ въ гильдіи, за исключеніемъ только записанныхъ въ первую гильдію,

2) вольноотпущенныхъ и дѣтей ихъ, 3) мѣщанъ и вообще людей, принадлежащихъ къ податнымъ состояніямъ. 4) иностранцевъ (впервые безусловное запрещеніе). 5) отставленныхъ отъ военной службы нижними чинами недворянъ и дѣтей ихъ, 6) церковнослужителей и дѣтей ихъ, 7) дѣтей придворно-служителей, недостигшихъ классныхъ чиновъ (2-е П. С. № 1.468). Сравни это постановленіе съ закономъ 1779 г., менѣе сжавшимъ кругъ лицъ, имѣвшихъ право поступать въ гражданскую службу—церковнослужители и всѣ не положенные въ подушный окладъ не были лишены этого права.

[74]) По табели о рангахъ дѣйствительные камергеры въ рангѣ полковничьемъ, а камеръ-юнкеры—капитанскомъ, а въ 1737 г., по указу Анны Іоанновны, дѣйствительные камергеры перенесены въ чинъ генералъ-маіора, а камеръ-юнкеры въ чинъ полковничій, а при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. камеръ-юнкеры перенесены въ чинъ бригадирскій (П. С. № 8.510).

[75]) Подлежало-ли тѣлесному наказанію шляхетство малороссійское? Отвѣтъ можетъ быть только утвердительный. Остзейскаго рыцарства тѣлеснымъ наказаніямъ русское правительство не подвергало, но что оно подвергало имъ малороссійскую старшину и шляхту—не подлежитъ сомнѣнію. Въ Дневныхъ запискахъ Марковича мы читаемъ, что въ 1727 г. сотника Соколовскаго бито кнутомъ 63 раза за безчестіе, отъ него *якобы* кн. Меншикову нанесенное. (стр. 230) Въ 1737 г. малороссійскаго переяславскаго полка хорунжему Григорью Мацкому за сказываніе ложно слова и дѣла на полковаго обознаго Сулиму учинено было такое наказаніе, къ какому представилъ его управлявшій Малороссіей генералъ кн. Борятинскій (П. С. № 7.451). Но имѣли ли право подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ шляхту и старшину малороссійскіе гетманы?

[76]) Какъ на замѣчательный примѣръ непослѣдовательности императора Павла, можетъ быть указано на то что онъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, въ 1796 г., освободилъ священнослужителей отъ тѣлесныхъ наказаній (П. С. № 17.624).

[77]) Дѣло гр. Девіера на столько обрисовываетъ нравы времени, когда, несмотря на деспотизмъ императора, наблюдавшаго даже надъ костюмами жителей С.-Петербурга, въ провинціяхъ совершались безнаказанно ужасныя преступленія, что мы считаемъ не безъинтереснымъ разсказать его. Въ воронежской уголовной палатѣ, съ 1791 г. производилось дѣло о помѣщикахъ воронежской губерніи—маіорѣ гр. Борисѣ Девіерѣ, маіорѣ Александрѣ и поручикѣ Алексѣѣ Потуловыхъ, оказавшихся виновными въ слѣдующемъ: въ умышленномъ призывѣ доктора Гезе къ Девіеру подъ видомъ гостепріимства, въ насильственномъ увозѣ его изъ г. Валуекъ, въ разныхъ жестокостяхъ надъ нимъ, въ держаніи его подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока Девіеръ не получилъ отъ родной тетки Потуловыхъ, бездѣтной вдовы Поярковой, у коей жилъ лекарь Гезе, выкупу за него 12.000 р. и 10 душъ крестьянъ, принуждая его

переписывать сочиненныя ими къ Поярковой письма, и доведя его чрезъ жестокости до того, что онъ сдѣлался боленъ, лишился ногъ и умеръ. Сверхъ того, Девіеръ былъ виновенъ и въ другихъ преступленіяхъ— варварскихъ, воровскихъ, лживыхъ, наглыхъ, буйственныхъ, оскорбляющихъ личную честность и разрушающихъ общежитіе, между прочимъ въ отнятіи земель у однодворцевъ валуйскаго уѣзда с. Рождественскаго и убійствѣ одного изъ нихъ. О нѣкоторыхъ его поступкахъ было посужденіе воронежскаго дворянскаго собранія, на которомъ *28 дворянъ одобрили* г. Девіера. Уголовная же палата, по дѣлу Девіера съ Поярковою, оправдывала его маловажною ссорою и незначущими ничего противорѣчіями (П. С. № 511).

[78]) На клады, находящіеся въ чужихъ земляхъ, Петръ Великій присвоилъ себѣ такое же право, какъ и на минеральныя богатства. При Екатеринѣ II право собственности землевладѣльцевъ распространено и на клады. На этомъ основаніи, въ 1803 г., сдѣланъ строжайшій выговоръ тверскому гражданскому губернатору за то, что онъ предписалъ отыскивать кладъ на землѣ одной помѣщицы (Неволина: Ист. рос. гражд. законовъ т. 2 й).

[79]) Помѣщики сами позволяли себѣ охотиться въ чужихъ дачахъ, употребляя при этомъ разныя насилія. Напримѣръ, въ 1754 г., суздальская провинціальная канцелярія представляла въ сенатъ рапортъ, что отъ многихъ помѣщичьихъ крестьянъ имѣются прошенія о томъ, что помѣщики ѣздятъ въ постороннія дачи со псовою охотою, поминаютъ хлѣбъ, а крестьянъ, защищающихъ свои поля, бьютъ (П. С. № 10.295.)—Въ 1861 году по поводу отдѣленія крестьянской земли отъ помѣщичьей въ пользованіе временно-обязанныхъ, до выкупа ея послѣдними, помѣщику предоставлено право на охоту въ предѣлахъ всего имѣнія.

[80]) Фамилія кн. Друцкихъ-Соколинскихъ-Гурко-Ромейко—живой памятникъ этого закона: кн. Илья Андреевичъ Друцкой-Соколинскій женился вначалѣ 18 вѣка на дочери полковника Гурко-Ромейко и на основаніи закона о единонаслѣдіи долженъ былъ принять фамилію своего тестя (кн. Долгорукова: Росс. Родосл. Книга Г. I стр. 138).

[81]) Считаемъ не лишнимъ исправить историческую погрѣшность многоуважаемаго автора Курса полицейскаго права, читаннаго студентамъ Университета Св. Владиміра. На стр. 146, 3-го выпуска, онъ говоритъ: „Въ Россіи введеніе майората *предположено* было Петромъ Великимъ. Законъ *остался безъ исполненія. Впервые* явились майораты *и* заповѣдныя имѣнія при Николаѣ I. Они не имѣли, впрочемъ, исключительной цѣли упрочить аристократію: появленіе ихъ отчасти было связано съ попыткою рѣшить крестьянскій вопросъ и водворить русскій элементъ въ западной полосѣ Россіи“.

Во-первыхъ, майораты, введенные Петромъ Великимъ, были не *предположеніемъ*, но *закономъ, строго исполнявшимся* вте-

ченіе 16 лѣтъ (1714—1730). Это несомнѣнно видно, какъ изъ самаго закона, уничтожившаго майоратъ, въ 1730 г. (П. С. № 5.653), такъ и изъ Записокъ современниковъ: Данилова, Пащокина и др. Послѣдній, напримѣръ, говоритъ: „когда старшій братъ утонулъ, слѣдующій по немъ учиненъ отъ батюшки наслѣдникомъ во всемъ недвижимомъ по указу 1714“ (стр. 5).

Во-вторыхъ, майораты (авторъ прибавляетъ *и заповѣдныя имѣнія*: мы думаемъ, что майоратъ и заповѣдное имѣніе—одно и то же) явились при Николаѣ *не впервые*: первые два майората учреждены были до Николая—одинъ при Екатеринѣ II (въ 1774 г.), а другой при Александрѣ I (въ 1817 г.), а при самомъ Николаѣ, до изданія закона 1845 г. о заповѣдныхъ имѣніяхъ, было уже учреждено 13 майоратовъ, такъ что первый майоратъ (кн. Витгенштейна), къ которому примѣненъ законъ 1845 г., былъ уже 16-й.

Въ-третьихъ, авторъ, объясняя цѣль появленія майоратовъ при Николаѣ I, какъ намъ кажется, смѣшиваетъ 2 различные закона: законъ 1842 г. о майоратахъ въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, и 1845 г. о заповѣдныхъ имѣніяхъ вообще. Первый дѣйствительно имѣетъ связь съ рѣшеніемъ вопроса крестьянскаго, и, пожалуй, водвореніемъ русскаго элемента въ западной полосѣ Россіи; главная цѣль втораго—регулировать и обобщить начала устройства майоратовъ, которые стали возникать отъ времени до времени съ цѣлію *поддержать значеніе какого-нибудь дворянскаго* рода (см. Побѣдоносцева: Курсъ гражд. права, Т. I. стр. 369).

[62]) Въ Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ Неволина не полно перечислены майораты; болѣе полное перечисленіе въ сочиненіи Заруднаго (Гражданское Уложеніе...ч. 2-я. стр. 55). Онъ опустилъ, впрочемъ, два маойрата:

1) 3 февраля 1774 г. гр. Чернышева.
2) 11 августа 1817 г. гр. Строгонова.
3) 1 октября 1831 г. гр. Строгоновой.
4) 16 ноября 1833 г. кн. Голицына.
5) 4 апрѣля 1834 г. гр. Воронцова.
6) 14 ноября 1834 г. кн. Голицыной.
7) 10 іюня 1836 г. гр. Дибичъ-Забалканскаго.
8) 31 октября 1837 г. гр. Бенкендорфа.
9) 1838 г. ген. отъ кав. Никитина (Орловой-Денисовой, 2-е П. С. № 11.350).
10) 29 іюня 1839 г. полк. Неплюева.
11) 8 ноября 1839 г. д. ст. сов. Быховецъ.
12) 9 сентября 1840 г. статсъ-дамы Апраксиной.
13) 6 іюня 1844 г. Головкина-Салтыкова.
14) 8 іюня 1844 г. гр. Красинскаго.
15) 17 іюля 1844 г. гр. Бенкендорфа.
16) 5 декабря 1845 г. кн. Витгенштейна.
17) 24 декабря 1847 г. Паскевича-Эриванскаго.

18) апрѣля 1848 г. тайн. сов. Стурдзы.
19) 21 декабря 1849 г. кн. Паскевича-Эриванскаго.
20) 3 іюля 1853 г. ст. сов. Свѣчиной и Войчицкой.
21) 23 октября 1850 г. кн. Волконской (2 майората: для двухъ сыновей).
22) 1853 г. кн. Волконскаго.
23) 15 іюня 1856 г. кн. Воронцова.
24) 1 апрѣля 1859 г. вдовы ген.-ад. Нарышкиной.
25) 17 октября 1859 г. кн. Барятинскаго.
26) 14 декабря 1859 г. ген.-м. Голенищева-Кутузова.
27) 7 ноября 1861 г. ген.-ад. Меншикова.
28) 31 мая 1862 гр. Ив. Тышкевича.
29) 4 января 1863 г. тайн. сов. гр. Орлова-Давыдова.
30) 30 іюля 1863 г. кн. Лопухина.
31) 2 ноября 1863 г. надв. сов. Рышкапа.
32) 2 декабря 1867 г. ген.-ад. Храповицкаго.

Кромѣ того, въ 1859 г. обращены въ заповѣдныя имѣнія ген. м. Толстаго, но въ 1864 г. этотъ майоратъ отмѣненъ.

83) Вигель говоритъ, что отставной полковникъ гвардіи, Фед. Ник. Петрово-Соловово, первый изъ *столбовыхъ дворянъ* „не погнушался предводительствовать цѣловальниками“ (Ч. I. стр. 213). У Петрово-Соловово было много предшественниковъ-откупщиковъ изъ дворянъ. Изъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева видно, что вначалѣ текущаго столѣтія многіе дворяне содержали откупа. Когда Дмитріевъ былъ отправленъ въ 1808 г. въ рязанскую губернію для производства слѣдствія о злоупотребленіяхъ по тамошнему питейному откупу, то между содержателями откуповъ онъ встрѣтилъ 4 дворянъ, самыхъ старинныхъ фамилій: Татищева, кн. Мещерскаго, Бахметева и Бестужева-Рюмина (стр. 151).

84) Державинъ, какъ говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, получилъ отъ Павла бриллянтовый мальтійскій крестъ за сочиненіе банкротскаго устава, вмѣстѣ съ Беклешевымъ, Обольяниновымъ и Гагаринымъ. „Сего устава цѣль“, объясняетъ Державинъ, „наиболѣе была въ томъ, чтобъ воздержать дворянство отъ мотовства и дѣланія чтобъ воздержать дворянчтво отъ вотовства и дѣланія долговъ, и для того довѣренность къ нимъ сжать въ тѣснѣйшіе предѣлы“. Державинъ, кромѣ того, предлагалъ, „не иначе дворянину дѣлать довѣренность, какъ по открытому листу, засвидѣтельствованному отъ правительства, гдѣ у кого какое недвижимое имѣніе есть, чтобъ всякій заимодавецъ подписывался, сколько подъ какое имѣніе кого ссудилъ, дабы послѣдующій могъ видѣть, не безопасно ли ему подъ то имѣніе ссудить“ (стр. 436).

85) „Чины есть язва, которая, заразивъ россійскихъ купцовъ вреднымъ и обществу и имъ самимъ безуміемъ, совершенно разоряютъ россійскую торговлю... Надежда каждаго купца, входящаго въ богатство, быть вскорѣ офицеромъ или дворяниномъ, дѣлаетъ,

что онъ торгъ, яко мимоходящее состояніе почитаетъ, и потому не тщится всѣхъ нужныхъ качествъ и знаній купцу пріобрѣсти, а симъ часто, не достигши своего предмета и самъ разоряется.... Я паки утверждаю, что правительство само убавляетъ число денегъ, обращающееся въ торговлѣ, ибо давая безъ разбору дворянство и чины, всѣ таковыхъ капиталы изъ общей суммы торговли выходятъ. Не малую бы можно написать тетрадь имянъ тѣхъ богатѣйшихъ въ Россіи купцовъ, которые съ большими капиталами вышли изъ торговли; но какъ ни списка таковаго я не имѣю, ни всѣхъ упамятовать не могу, ниже подлинно знаю о числѣ ихъ капиталовъ, то имена тѣхъ, которыхъ я помню, и сколько подлинно слыхалъ я, что онѣ имѣютъ капитала, здѣсь упомяну. Ив. Лазаревичъ Лазаревъ, арменинъ, капиталу тогда имѣлъ до 500.000 р., пожалованъ въ дворяне, а потомъ нигдѣ не служа и богатяся самъ только переводомъ денегъ, пожалованъ въ совѣтники. Логиновъ, бывшій Московскій и С.-Петербургскій откупщикъ, пожалованъ въ штабъ-офицеры; капиталъ его состоялъ до милліона. Барышниковъ, бывшій откупщикъ Московскій, до милліона; Лукинъ, бывшій откупщикъ Московскій, до 500.000 р.; Мѣщаниновъ до 500.000 р.; Хлѣбниковъ до 500.000 руб.; Гусятниковы, пошедшіе въ службу, до 400.000 р.; Кузмы Матвѣева дѣти до 500.000 р.; Зубковъ Московскій купецъ, до 400.000 руб. Се есть весьма малое число, о которыхъ я помянулъ: но и тутъ могу безъ ошибки сказать, что сихъ капиталовъ, выбывшихъ изъ торговли, состоитъ 4.800.000 р., а если всѣхъ счесть, то по крайней мѣрѣ будетъ такого вышедшаго изъ торгу капитала болѣе 10.000.000 р., и не считая множество завотчиковъ и ихъ дѣтей, яко Турченинова, Походяшина и прочихъ, которые чины офицерскіе получили, отъ заводовъ своихъ отстали и капиталы отъ торговъ отвратили". (Чтенія, кн. 3-ья на 1859 г. стр. 135). Между этими купцами, тянувшимися за чинами и дворянствомъ, замѣчательное исключеніе представляетъ старикъ Злобинъ, который никогда не хотѣлъ ни чиновъ, ни дворянства, довольствуясь званіемъ именитаго гражданина (Вигель: ч. 2-ая, стр. 21).

[86]) „Объявить дворянамъ, чтобъ построить слободу: урядникамъ по избѣ, солдатамъ 2 человѣкамъ по избѣ; земли отвесть урядникамъ ширины по 5, рядовымъ двумъ по 6, а длины всѣмъ ровно по 15 саженъ"... (П. С. № 3.901, п. 5).

[87]) „Въ коммиссіи 1767 г. заявлены были нѣкоторыя требованія судебныхъ привиллегій для дворянства. Такъ напримѣръ, въ ярославскомъ наказѣ читаемъ: „Чтобы при каждомъ дѣлѣ, по которымъ нынѣ по дворянъ сыскные посылаютъ, повелѣно бы было *дворянъ отъ простолюдиновъ отдѣлить* посылкою къ нимъ, хотя въ первый разъ, повѣстки" (Сб. Русск. Истор. общ. Т. IV, стр. 247. 10).

[88]) Помѣщичьи крестьяне назывались иногда *боярскими людьми* и въ 18 ст., см. П. С. № 5.925, относящійся къ 1732 г.

[89]) Напр. въ 1595 г. кн. Пронскій, кастелянъ Троцкій, отдалъ свое имѣчіе въ аренду пану Бурнацкому и жиду турейскому Абраму Шмойловичу съ правомъ судить крестьянъ безъ апелляціи владѣльцу, и даже наказывать непослушныхъ изъ нихъ смертною казнію. Имѣніе отдано въ потомственную аренду (Памятники, изд. Временною Комиссіею... Кіевъ, 1848 г., Т. I. отд. II. стр 79).

[90]) До изданія этихъ законовъ могли быть слѣдующіе случаи: помѣщикъ А отдаетъ въ солдаты своего крѣпостного Б, оставляя у себя въ крѣпостной зависимости отца, мать. братьевъ и другихъ родственниковъ его. Б выслуживаетъ оберъ-офицерскій чинъ, а съ нимъ вмѣстѣ и право пріобрѣтать населенныя имѣнія. Пользуясь этимъ правомъ, онъ покупаетъ имѣніе у своего прежняго помѣщика, а вмѣстѣ съ нимъ своихъ отца, мать, братьевъ и другихъ родственниковъ.—Другой случай: А женится на крѣпостной Б, принадлежащей помѣщику В, у котораго остаются въ крѣпостной зависимости отецъ, мать, сестры и т. д. Б.—А можетъ купить у В деревню, въ которой по ревизіямъ приписаны вышеозначенные родственники его жены, которые такимъ образомъ поступятъ въ крѣпостную зависимость отъ него. Законъ 1853 г, такіе казусы предупреждаетъ, но оставляетъ возможными слѣдующіе: А женится на крѣпостной Б, которая вмѣстѣ съ другими ближайшими своими родными принадлежитъ помѣщику В. При жизни своей жены, А не можетъ купить у В деревню. Но жена Б умираетъ и вдовецъ А можетъ пріобрѣсть у В деревню съ крѣпостными, родственниками его покойной жены, которая, положимъ, оставила послѣ себя дѣтей. Отецъ А умираетъ: имѣніе по наслѣдству переходитъ къ дѣтямъ, рожденнымъ отъ Б—внуки вступаютъ, такимъ образомъ, во владѣніе своими дѣдами и бабками, племянники дядями и тетками и т. п. Такіе казусы не предупреждались закономъ, и конечно могли встрѣчаться въ жизни. По крайней мѣрѣ они намъ извѣстны изъ практики 18 ст. (П. С. № 14.160).

[91]) Вотъ полный текстъ этого замѣчательнаго указа, объявленнаго сенату кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, 15 апрѣля 1721 г.: „обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малой вопль бываетъ: и Е. Ц. В. указалъ оную продажу людямъ пресѣчь; а ежели невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь, и о томъ бы при сочиненіи новаго уложенія изъяснить, какъ высокоправительствующіе г.г. сенаторы заблагоразсудятъ“.

[92]) Въ 1777 г. бѣлорусскій генералъ-губернаторъ. Чернышевъ, представлялъ, что такъ какъ бѣлорусское шляхетство издавна не имѣло обыкновенія, чтобъ продавать крестьянъ отдѣльно отъ земли, то чтобъ пріостановить на время продажу крестьянъ безъ земли для

вывода ихъ въ Россію, а дозволить только продажу оныхъ въ Бѣлоруссіи. Сенатъ постановилъ предписать генералъ-губернатору, что какъ владѣльцы Бѣлоруссіи приняты въ подданство Государыни, и *дано имъ пользоваться тѣми привиллегіями, какъ и все россійское дворянство, то и нельзя у нихъ отымать свободу продавать людей безъ земли* (П. С. № 14.376).

[93]) Переяславскій уѣздный судъ, сомнѣваясь въ правѣ совершать крѣпости и закладныя на малороссійскихъ крестянъ и дворовыхъ людей, требовалъ объ этомъ мнѣнія отъ верховнаго земскаго суда и губернскаго прокурора, а они оба согласно полагали, хотя о продажѣ крестьянъ и людей въ Малороссіи и нѣтъ точнаго закона, и оная прежде не производилась, но причиною сему было то, что крестьяне не были крѣпостными, но по укрѣпленіи ихъ въ 1783 году и по уравненіи въ цѣнѣ съ крестьянами великоросс. въ 1786 г., для залога въ государственномъ заемномъ банкѣ, слѣдуетъ распространить и на малороссійскихъ помѣщиковъ то право продажи крестьянъ безъ земли, которымъ пользуются помѣщики великорусскіе—тѣмъ больше, что съ состоянія указа 1783 г. таковая продажа въ Малороссіи производилась и производится. Кіевское намѣстническое правленіе изъяснило, что такъ какъ точнаго узаконенія о продажѣ крестьянъ не было, то оно не можетъ такой ни запретить, ни утвердить, но требуетъ разрѣшенія сената. Сенатъ, принимая въ основаніе узаконенія, на которыя указано верховнымъ земскимъ судомъ и губернскимъ прокуроромъ и присоединяя къ нимъ статутовое право, по которому малороссійскіе помѣщики судятся, постановляющее въ 1 пун. 7 разд. свободу продажи всѣхъ имѣній—земли и людей—принимаетъ мнѣніе верховнаго земскаго суда и губернскаго прокурора, чтобъ продажа крестьянъ безъ земли въ Малороссіи была разрѣшена. На рѣшеніе сената послѣдовала высочайшая резолюція въ 1798 г. *безъ земли не продавать* (П. С. № 18.705).

[94]) А если потомственный дворянинъ владѣлъ землею не населенной, могъ-ли онъ пріобрѣтать крестьянъ безъ земли? Законъ этого не разрѣшилъ, но практика допускала.

[95]) Вотъ разсказъ *Русской старины*, какъ Каннабихъ сдѣлался помѣщикомъ:

„Однажды на парадѣ, государь передалъ ему какое-то словесное приказаніе, и Каннабихъ стремглавъ полетѣлъ исполнять его, причемъ у него свалилась съ головы треуголка.

— Каннабихъ, Каннабихъ — закричалъ императоръ: шляпу потерялъ!

„Голова тутъ, В. И. В.!“ отвѣчалъ, продолжая скакать какъ сумасшедшій Каннабихъ.

— Дать ему тысячу душъ крестьянъ, воскликнулъ императоръ“ (Р. Старина, апрѣль 1870 г., стр. 404).

[96]) Полусумасшедшій гр. Дмитріевъ-Мамоновъ вѣрно изобразилъ точку зрѣнія сословія на право наказывать тѣлесно крестьянъ:

„....крѣпостныхъ людей, которые у меня въ домѣ", писалъ онъ въ 1825 г. московскому генералъ-губернатору, кн. Голицыну, „я не перестану наказывать тѣлесно, когда по усмотрѣнію моему окажутся они того достойными: ибо право наказывать крѣпостныхъ людей палками неразрывно сопряжено съ политическимъ и частнымъ домостроительствомъ россійскаго государства, что это право передано намъ отъ предковъ нашихъ. Я исповѣдую и это политическое правило, что правительство не можетъ лишить насъ сего права безъ общаго и нарочитаго нашего согласія" (Р. Арх.. 1868 г.).

[97]) Крѣпостные нерѣдко назывались не именами по крещенію, а кличками, остававшимися за ними по смерть. Мы помнимъ одно имѣніе, въ которомъ, при блаженной памяти крѣпостномъ правѣ, крестьяне часто назывались такими кличками. Мы помнимъ, между прочимъ, одну *рыжеволосую* женщину, которая никогда иначе не называлась, какъ *„рыжа"*; сама она всегда откликалась на такую кличку, многіе даже не знали настоящаго ея имени.

[98]) А будетъ... слуга учнетъ бити челомъ на господина своего, что онъ надъ нимъ много дѣлаетъ наругательства, и бьетъ безъ вины, или напиваючись невѣдомо за что, или надъ женою его и дѣтьми его учинитъ какое злое дѣло: и по сыску у такого господина такого человѣка возмутъ назадъ, безденежно. А будетъ онъ господинъ тому человѣку учинитъ наругательство, съ сердца переломитъ руку, или ногу, или глазъ выколетъ, или губы, или носъ, или уши и иное что обрѣжетъ: и ему противъ того жъ будетъ указъ учиненъ самому, рука за руку, нога за ногу, глазъ за глазъ, и иное противъ того жъ; да на немъ же возмутъ тому его увѣчному человѣку, за увѣчье, изъ животовъ по указу. А будетъ тотъ его увѣчной человѣкъ отъ его наругательства умретъ: и того господина самого казнятъ смертью, а женѣ того умершаго и дѣтемъ возмутъ того господина изъ животовъ на прожитокъ, по указу, кто бъ ни былъ. Такимъ же обычаемъ межъ всякихъ господъ и подданныхъ ихъ, дворовыхъ людей и крестьянъ, указъ во всемъ противъ того жъ и ни въ чемъ не разнится (стр. 95).

[99]) Первый указъ, предписавшій помѣщикамъ подавать втеченіе года *правдивыя сказки*, сколько у кого душъ мужескаго пола, послѣдовалъ въ 1718 г. (№ 3.245). Въ 1719 г. предписано за утайку одной мужской души платить вдвое (№ 3.287). Петру стало извѣстно, что помѣщики въ сказкахъ писали однихъ крестьянъ и не писали людей дворовыхъ: въ 1720 г. онъ повелѣлъ писать всѣхъ подданныхъ (№ 3.492). Въ томъ же году было предписано: у тѣхъ помѣщиковъ, которые сказокъ не подали, отписать деревни на государя, выславъ ихъ къ розыску въ С.-Перербургъ (№ 3.687). Въ 1722 г. установлена *подушная подать* по 8 гривенъ съ персоны 5 милліоновъ крестьянъ и дворовыхъ людей (№ 3.874). Помѣщики продолжали утаивать ревизскія души: одинъ вологодскій помѣщикъ въ 1719 г. показалъ, что у него сверхъ объявленныхъ имъ 4 скотниковъ, другихъ дворовыхъ нѣтъ; но какъ оказалось, что онъ утаилъ

2 дворовыхъ, то имѣніе его сельцо Суворково, въ которомъ произошла утайка, отписали на государя (№ 4.267). Подобныхъ утаекъ, конечно, было не мало. Помѣщики отвѣчали за своевременный взносъ ихъ крестьянами подушной подати. Но платить эту подать было крайне трудно. Уменьшивъ ее до 74 к. съ души, Екатерина I, въ 1727 г. учредила *коммисію о преобразованіи подушной подати,* составленную изъ выбранныхъ шляхетствомъ знатныхъ и посредственныхъ чиновъ. Какіе были результаты этой коммисіи? Намъ только извѣстно, что жалобы правительства на помѣщиковъ за несвоевременный взносъ подушныхъ начинаются уже съ Петра II, при которомъ предписывалось брать помѣщиковъ въ города и править на нихъ деньги (№ 5.079). Самыя строгія мѣры ко взысканію недоимокъ по подушному сбору употреблены при Аннѣ Іоанновнѣ. Въ 1735 г. правительство жалуется, что помѣщики не только не уплатили недоимокъ съ 1724 по 1735 г., но и пріумножили ихъ (№ 6.674). Опредѣленъ трехмѣсячный срокъ для взноса недоимокъ, по истеченіи котораго, если помѣщики не станутъ платить, то какихъ бы они чиновъ ни были, держать ихъ подъ карауломъ безъ выпуска, а если кто изъ нихъ будетъ уѣзжать отъ платежа недоимокъ въ другія деревни, то о такихъ немедленно писать въ сенатъ, отписывая ихъ имѣнія на государя (№ 6.675). Въ 1737 г. канцелярія конфискаціи снова предписываетъ править недоимку безъ послабленія, высылая изъ деревень неплатящихъ помѣщиковъ, и запрещая ихъ крѣпостнымъ оказывать имъ повиновеніе. Въ 1738 г. правительство жалуется, что „доимка не вся отъ пустоты и скудости запущена, но другими разными видами, а именно: на знатныхъ людяхъ, также и на ослушникахъ, изъ которыхъ на первыхъ губернаторы и воеводы *взыскивать не смѣютъ, боясь ихъ страха;* а другіе, имѣя свои деревни въ разныхъ уѣздахъ, убѣгая отъ платежа, изъ деревень переѣзжая, время провождаютъ, а губернаторы и воеводы въ другіе уѣзды, кои имъ не поручены, по нихъ посылать не смѣютъ“... При этомъ правительство прибавляетъ, что, небось, помѣщики своихъ собственныхъ доходовъ съ крестьянъ въ доимкѣ не оставляютъ, но такъ усердно ихъ взыскиваютъ, что разоряютъ крестьянъ, дѣлая ихъ несостоятельными платить государственныя подати. Предписывается заплатить недоимки въ мѣсяцъ, а иначе станутъ взымать съ % (П. С. № 7.494). Несмотря на это, въ 1742 г. число недоимокъ простиралось до 5 милліоновъ (№ 8 619). Екатерина II продолжаетъ принимать мѣры ко взысканію недоимокъ (№ 12.530). Взысканіе это дѣлается эпидемическимъ, продолжаясь непрерывно и во всѣ послѣдующія царствованія. Императоръ Николай I дозволялъ иногда взносить недоимки хлѣбомъ по возвышенной цѣнѣ, но и это не искоренило недоимокъ.

[100]) Въ 18 в. правительство начинаетъ регулировать употребленіе ливрей дворянскою дворнею. Завелся обычай держать гусаръ. Спб. Вѣд. въ № 91 за 1796 г. объявляли о продажѣ гусара съ женою, не болѣе 30 лѣтъ. Въ 1767 г. императрица приказала, чтобъ

помѣщики въ столичныхъ городахъ не наряжали служителей своихъ оружіемъ и не наряжали своихъ гусаръ въ мундиры, схожіе цвѣтомъ съ мундирами гусаръ арміи (П. С. № 12.947). Въ 1799 г. во всей имперіи запрещено было помѣщикамъ имѣть казаковъ и гусаръ изъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ (П. С. № 19.002).

[101]) Театръ гр. Каменскаго въ Орлѣ состоялъ изъ его крѣпостныхъ людей, съ платою за входъ, съ печатными афишками, и съ полнымъ оркестромъ, также изъ крѣпостныхъ. Таковыми же были живописцы, декораторы и машинисты.... Первый теноръ, чистый холопъ, по имени Кравченко... Дворовая дѣвка—примадонна... Балетъ съ первымъ танцоромъ Васильевымъ... Самъ хозяинъ всегда сидѣлъ въ первомъ ряду кресelъ, а семейство его въ средней ложѣ, *вродѣ царской*.... Иногда самъ графъ сидѣлъ у кассы и продавалъ билеты... Актрисъ иногда посѣкали; онѣ содержались взаперти въ четырехъ стѣнахъ, какъ бы въ гаремѣ, и кромѣ какъ въ театръ никуда не выходили (изъ Записокъ гр. Бутурлина).

[102]) Намъ встрѣчались нѣкоторыя данныя о цѣнѣ имѣній и крестьянъ, которыя считаемъ не безынтересныя. Выше мы встрѣчали свидѣтельство Болтина, что вконцѣ 17 ст. за 100 р. можно было купить деревеньку душъ въ 20. Въ 1717 г. село Тертино галицкаго уѣзда съ деревнями и пустошами, 126 четей пашни, дворъ помѣщиковъ, 7 дворовъ крестьянскихъ продано за 182 р., а въ переяславо-залѣсскомъ уѣздѣ въ сельцѣ Горкахъ дворъ помѣщиковъ, 3 двора крестьянскихъ, 59 четей пашни—за 314 р., 3 алт. и 2 деньги (П. С. № 3.103). Въ 1736 г. описное за доимку имѣніе майора Бахметева, въ алатырскомъ уѣздѣ с. Романово муж. п. 76 душъ, женскаго 89, пахатной земли 100 четв., да въ томъ же уѣздѣ село Калиновка м. п. 163, ж. 160 душъ, пахатной земли 100 дес., продано генералу Левашеву за 4.000 р. При этомъ люди отъ мала до велика—по средней цѣнѣ (П. С. № 7.512). Встрѣчаются случаи замѣчательно дешевой продажи имѣній: помѣщикъ пензенской губ. Струйскій, умершій вначалѣ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, за желѣзо для постройки своего дома, отдалъ подмосковную въ 300 душъ (Р. Арх. ч. 3-й); помѣщикъ Марковъ, въ концѣ прошлаго вѣка, пріобрѣлъ у Желябужскаго, смоленской губ., гжатскаго уѣзда село Паннно въ 200 д. съ большимъ количествомъ земли и лѣса за 200 р. (ib). Что касается цѣнъ на крестьянъ, то онѣ были крайне разнообразны. Правительство иногда само устанавливало цѣну на людей: въ 1722 г. потребовано было, чтобы помѣщики поставили 350 плотниковъ съ ихъ семействами. Опредѣлено было за дѣтей муж. пола 10—20 лѣтъ выдавать 20 р., а ниже 10 лѣтъ—по 10 р.; за дѣвочекъ же половину (П. С. № 3.915, 3.938). Подобнымъ же образомъ указъ 1760 г., предоставившій помѣщикамъ ссылать на поселеніе въ Сибирь своихъ крестьянъ, далъ имъ право оставлять у себя дѣтей ссылаемаго, а если дѣти отсылались съ родителями, то за нихъ платили изъ казны: за муж. полъ до 5 лѣтъ—по 10 р., 5—15—20 руб., а за дѣвочекъ—половину (П. С.

№ 11.166).—При учрежденіи государственнаго заемнаго банка, въ 1754 г., предписано давать подъ залогъ 50 душъ—500 р., а 100 душъ—1.000 р.: душа въ 10 р. (П. С. 10.235). По манифесту 1786 г. банкъ выдавалъ подъ залогъ крестьянина—40 р. (П. С. № 16.407). Государственный вспомогательный банкъ для дворянства, 1797 г.: въ губ. 1-го класса—75 р., 2-го кл.—65 р., 3-го—50 р. и 4-го—40 р. (П. С. № 12.274). Въ 1833 г. постановлено: крѣпостныхъ, принадлежащихъ лицамъ, неимѣющимъ права владѣть оными, отбирать въ казну, выдавая за нихъ по 300 р. за мужескъ и по 150 р. за женскъ полъ (П. С. 2-е № 6.163).—Въ 1813 г. опредѣлена цѣна на крѣпостныхъ людей при совершеніи актовъ на продажу—за каждую душу муж. п. по 200 р., и женск.—половину (П. С. № 25.385). Въ 1841 г. установлено изъ кредитныхъ заведеній подъ залогъ ревизской души: въ губ. 1-го разряда 70 р., если на каждую душу приходится не менѣе 4 д. земли, и въ противномъ случаѣ—60 р., въ губ. 2-го разряда—60, а 3-го—50 р. (2-е П. С. № 14.461). Но въ частныхъ сдѣлкахъ нормальная казенная цѣна на людей не соблюдалась. Интересныя свѣдѣнія о цѣнахъ живого товара въ первой половинѣ 18 вѣка заключаются въ Дневныхъ Запискахъ Марковича: 3 януарія 1724 г. онъ купилъ крестьянина у полковника Кошелева за 50 р.—Одинъ подсусѣдокъ за уплату за него Марковичемъ 33 р. штрафу, наложеннаго коллегіей, отдался въ вѣчную крѣпостную отъ него зависимость. Въ 1727 г. господарь его купилъ у полковника Обулдуева жонку съ 2 сынами и дочерью за 15 р. съ крѣпостью; въ 1731 г. заплачено за жонку съ дѣтьми 24 р.; за 2-хъ братьевъ съ сестрою—14 р., да пару лошадей въ придачу. Еще дешевле были татарчонки и калмычонки. Находясь въ гилянскомъ походѣ, Марковичъ поручилъ своему слугѣ Гаврилу покупать татарченковъ и калмычатъ, на что далъ ему 70 р.: за малаго татарчука Замбулата заплачено 15 р., за каракалпачапина 13 р. (персидскій поясъ 20 р.) и дѣвчонку калмычку 10 р. съ полтиною. Оставляя въ Астрахани своихъ слугъ, Марковичъ поручилъ имъ купить за моремъ: мальчиковъ, поясовъ, табаку и т. п. (Д. З. генер. подскарбія Як. Марковича).—Гр. Шуваловъ предложилъ въ 1763 г. къ платежу своего долга въ казну слѣдующія средства: крестьянъ 4.000 душъ, считая ихъ кругомъ *дворянскою цѣною* по 30 р. душу—на 120.000; бриліантовыхъ вещей на 100.000, желѣза при заводѣ 220.000 пудовъ на 113.000, московскій домъ за 35.000, а остальный долгъ онъ обезпечивалъ: 2.000 душъ, спб. домомъ и 10 пудами стариннаго серебра (П. С. № 11.967).—Въ 1773 г. вдова Аргаманова продала 195 д. со всѣми дѣтьми, женами, родственниками и пріемышами на своз за 1.120 р. (П. С. № 13.950). Въ 1789 г. одинъ дворянинъ за свой долгъ одному офицеру 100 р. отдалъ ему крѣпостнаго человѣка (П. С. № 16.818).—Въ 1811 г. надворный совѣтникъ Гейзеръ продалъ 3 крестьянъ, вывезенныхъ изъ остзейскихъ губ., поручику Гаркузену за 600 р. (П. С. № 24.699), а жена штабъ-лекаря кіевскаго повѣта, Розлачова, продала донскому казаку Фершалову подъ

видомъ крѣпостной дѣвки свою родную дочь за 90 руб. (П. С. № 24.821). Кромѣ того, у насъ подъ рукою были сдѣлочные акты на крѣпостныхъ людей, извлеченные нами изъ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ архивовъ. Въ нихъ встрѣчаемъ также интересныя указанія на цѣны людей: въ 1786 г. помѣщица рыльскаго уѣзда курскаго намѣстничества, Бирдина продала малороссійскому полковому писарю, служащему въ нѣжинскомъ карабинерномъ полку, Ив. Аф. Строгову, крестьянина Гербачева за 110 р.; въ 1797 г. войсковой товарищъ, Семенъ Федоровичъ Романовичъ-Славатинскій занялъ въ коммисіи кіевскаго дворянскаго собранія на одинъ годъ 1.500 р., подъ залогъ 38 душъ крестьянъ съ семействами и землями переяславскаго уѣзда; въ 1807 г. помѣщикъ курской губ. льговскаго уѣзда, прапорщикъ, Вас. Ив. Потрикѣевъ, продалъ титул. сов. Должикову двороваго человѣка Трофимова за 90 р.; въ 1808 г. этотъ самый Должиковъ продалъ надворному совѣтнику Науму Борисовичу Саксу холостаго крестьянина Сем. Терехова за 350 р. и другаго двороваго человѣка съ женою и дочерью за 190 р., а Саксъ продалъ ихъ въ 1809 г. генералу Тирингу за 500 р.; въ 1813 г. коллежскій регистраторъ Дунаевскій продалъ генералу Тирингу крестьянина Медвѣдя за 300 р.; тотъ же генералъ Тирингъ купилъ: въ 1817 г. у Ѳедора Славатинскаго крестьянина Заику съ женою, сыномъ, дочерью и грунтомъ за 600 р., въ 1818 г. у надворнаго совѣтника Омеляновича дворовую дѣвку за 200 р. и у баронессы де Ланкладъ дворовыхъ людей: вдовца Исаія Емельянова съ его сыномъ и 2 дочерьми и холостаго за 800 р.; въ 1820 г. помѣщикъ полтавской губ. переяславскаго уѣзда, губ. секретарь Турчановскій, съ своею женою, продали крестьянку Леоникову губ. секр. Ѳедору Славатинскому за 120 р., который уступилъ тотчасъ же генералу Тирингу; въ 1842 г. помѣщикъ полтавской губ. лохвицкаго уѣзда Савицкій продалъ крестьянина, съ женой и двумя сыновьями, съ жилымъ грунтомъ, избою и 9 десятинами поля за 200 р. сер., и купленная семья тотчасъ же была переведена въ другой уѣздъ (изъ помѣщичьихъ архивовъ).

[103]) Смоленскій совѣстный судья, Степанъ Храповицкій, въ 1789 г. доносилъ ген.-прокурору, что при вступленіи его въ должность подалъ просьбу одинъ офицеръ, что долженъ ему его знакомый дворянинъ 100 р., прося о призывѣ его и усовѣщеваніи. На другой день явился должникъ, и, не дожидаясь усовѣщеванія, объявилъ, что онъ дѣйствительно долженъ, и за свой долгъ отдаетъ человѣка.

[104]) Какъ было не благословлять филантропу? Исторія торговли людьми представляетъ случаи, едва вѣроятные: въ 1811 г. въ сенатѣ разсматривалось дѣло жены штабъ-лекаря кіевскаго повѣта, коллежской ассесорши Разлачевой, которая, возненавидѣвъ свою родную дочь за то. что та открыла предъ своимъ отцомъ неприличное обращеніе съ однимъ мущиною въ нарушеніи супружеской вѣрности, назвавъ свою дочь крѣпостною дѣвкою, выдала довѣренность

за продажу ея донскому казаку Фершалову, по полученіи отъ него 90 руб. Кіевскій повѣтовый судъ положилъ оставить Разлачеву свободною отъ всякаго наказанія. Мнѣніе это утвердилъ и первый департаментъ кіевскаго главнаго суда, присоединивъ сдѣлать Розлачевой выговоръ. Это утверждено и кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ, Панкратьевымъ, и только сенатъ лишилъ Разлачеву дворянства и постановилъ сослать ее въ Сибирь на поселеніе (П. С. № 24.821). Другой случай описанъ въ журналѣ министерства юстиціи за 1864 г.: „въ 184* г. неграмотная и мелкопомѣстная помѣщица, С. губерніи В. уѣзда, Акулина Ѳ., владѣлица хутора, къ которому было приписано 6 душъ крѣпостныхъ крестьянъ мужескаго пола, вышла замужъ за одного изъ нихъ, Ивана Павлова, не выдавъ ему отпускной. Супруги прожили до 2 лѣтъ, прижнвъ дочь. Затѣмъ Акулина Ѳ. по купчей продала свой хуторъ помѣщику С. со всѣми записанными по послѣдней ревизіи *6 душами* мужескаго пола съ *ихъ семействами*. Прошло 3 года послѣ совершенія купчей. Вдругъ Акулина Ѳ. получила повѣстку изъ уѣзднаго суда, съ препровожденіемъ копіи исковаго прошенія дворянина С., который изъяснялъ въ немъ, что купленный имъ по купчей крѣпости, вмѣстѣ съ хуторомъ, у дворянки Ѳ., крестьянинъ Иванъ Павловъ, съ семействомъ, самовольно скрылся отъ него и проживаетъ въ уѣздномъ городѣ, а потому просилъ уѣздный судъ водворить его съ семействомъ въ законномъ мѣстожительствѣ, обязавъ исполнить барщину, и оказывать законное повиновеніе помѣщику... Уѣздный судъ постановилъ: хотя дворянинъ С., на основаніи законовъ, имѣетъ право требовать признаніе дворянки Акулины Ѳ. съ семействомъ въ крѣпостной отъ него зависимости, но принимая во вниманіе между прочимъ, что такой приговоръ произвелъ бы крайній соблазнъ, оскорбилъ бы все дворянское сословіе и поколебалъ бы должное уваженіе къ нему остальнаго населенія, судъ опредѣлилъ: отнестись къ губернскому предводителю дворянства, чтобы онъ убѣдилъ С. выдать вольную крестьянину Ивану Павлову съ семействомъ. Дѣло уладилось при посредствѣ дворянства (Ж. м. ю., іюль. 1864 стр. 189—193).

[105]) При усмиреніи крестьянъ помѣщицы Мусиной-Пушкиной, костромской губерніи, въ 1826 г., они были приведены къ присягѣ въ полномъ послушаніи и повиновеніи помѣщицѣ и поставленнымъ надъ ними властямъ. При подписаніи журнала государственнаго совѣта, предсѣдатель департамента законовъ не нашелъ закона, дозволяющаго приводить къ присягѣ крестянъ *цѣлымъ обществомъ* въ повиновеніи ихъ владѣльцамъ (а отдѣльными лицами?) (2-е П. С. № 300). Въ сквирскомъ уѣздномъ судѣ, въ 1857 г., производилось дѣло о приводѣ помѣщицею Варварою Хаецкою крестьянъ къ присягѣ на *вѣрность службы* (Кіевл. 1869 г. № 90).

[106]) „Въ 1723 г. императоръ предписалъ переписчикамъ согласиться съ землевладѣльцами сѣверныхъ областей насчетъ полов-

никовъ, переходящихъ съ одной земли на другую, и прислать въ въ сенатъ мнѣнія, какой придумать способъ, чтобъ половники, переходя съ мѣста на мѣсто, не избывали подушнаго сбора. Переписчикъ, бригадиръ Фаменднинъ, прислалъ мнѣніе, чтобъ половниковъ въ другія мѣста не переводить и запретить имъ переходъ указами; такое же мнѣніе прислалъ и полковникъ Солнцевъ; но генералъ-майоръ Чекинъ писалъ, что хотя, по *мнѣнію землевладѣльцевъ, должны укрѣпить половниковъ за ними* какъ за помѣщиками, однако, по его мнѣнію, половниковъ укрѣплять не слѣдуетъ. Сенатъ въ январѣ 1725 г. согласился съ Чекинымъ" (Соловьева: т. XVIII, стр. 181).

[107]) Въ азовской губерніи нѣкоторые церковнослужители, записанные по ревизскимъ сказкамъ за помѣщиками, были потомъ посвящены въ попы и діаконы (№ 4.996). Замѣчательно, что въ Грузіи до 1808 г. многіе изъ священниковъ и діаконовъ были въ крѣпостной зависимости отъ тамошнихъ князей и дворянства „по слабости бывшаго правительства", и несли оброки и прочія повинности, лежащія на крѣпостныхъ. Только указъ 1808 г. постановилъ, что духовное состояніе въ Грузіи свободно отъ крѣпости (№ 23.146). Еще въ 1811 г. священникъ казанской губерніи чистопольскаго уѣзда с. Архангельскаго, Прокофьевъ, подавалъ прошеніе государю объ исключеніи изъ помѣщичьяго владѣнія сына его Ивана съ семействомъ (№ 24.207).

[108]) Тепловъ въ своей извѣстной запискѣ, около 1760 г., писалъ „къ внутреннему и собственному разоренію есть вредъ наиближайшій малороссійскому народу *вольный переходъ* съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые паче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ сторонѣ"... Причиной частыхъ переходовъ подсосѣдковъ отъ одного державцы къ другому, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Лазаревскій (Записки черниг. губ. статистич. комитета. кн. 1-я, стр. 114), было не право вольнаго перехода, но державскія насилія—угнетеніе посполитства малороссійской старшиной, въ интересахъ которой было сказать и малороссамъ: „вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день"! Вотъ что писалъ въ 1831 г. малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Рѣпнинъ, глубоко изучившій край, императору Николаю:... „въ 1783 г. малороссійскіе земледѣльцы порабощены были *происками тогдашнихъ царедворцевъ,* клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, *пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственной корысти.* Каждый 60 лѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память разсказовъ объ ней есть главнѣйшая причина ропоту крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти къ казакамъ" (Чт. 1863 г. кн. 1). Малороссія бѣдствовала отъ подвижности населенія, отъ бродяжничества посполитства. Но

причина его заключалась въ злоупотребленіяхъ державцевъ, на которые нужно было налечь законодателю. Указъ 3 мая 1783 г. отдаетъ посполитство въ крѣпостную зависимость шляхетства. Это было лекарство, отъ котораго еще болѣе могъ разложиться болящій организмъ.

[109]) Державинъ по вопросу, возбужденному англійскимъ парламентомъ о дарованіи свободы невольникамъ:

„Льзя-ль просвѣщенный умъ привить всему народу
И въ равенствѣ его во всей вселенной зрѣть?
Коль можно, то съ звѣрьми должно въ порахъ сидѣть
И лѣсъ звать городомъ, а пить за кофе воду".

(Изд. Грота, Т. III стр. 386).

Въ переложенной одѣ Анакреона „Голубка" онъ дѣлаетъ намеки на намѣреніе Александра I освободить крестьянъ:

„Какая это воля,
Летала чтобъ одна;
Была бъ безвѣстна доля,
Была бы голодна".

(ib., Т. 2 стр. 393).

[110]) Помѣщица Пасевьева почти въ одно время съ Румянцовымъ просила государя объ увольненіи ея крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Но предположеніе ея не осуществилось, такъ она не заключила съ крестьянами условій. Еще прежде, въ 1800 г., виленской помѣщикъ Нагурскій отпустилъ своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы даже безъ вѣдома правительства (Варадиновъ).

[111])

Годы.	Владѣльцы.	Число душъ.
1804	4	5.227
1805	3	101
1806	6	762
1807	7	14.433
1808	3	254
1809	7	1.600
1810	3	7.291
1811	6	927
1812	8	751
1813	2	1.021
1814	3	940
1815	3	693
1816	7	572
1817	2	202
1818	9	1.861
1819	19	4.455
1820	11	931
1821	15	1.178
1822	12	1.087
1823	14	1.777

Годы.	Владѣльцы.	Число душъ.
1824	5	955
1825	6	268
1826	2	70
1827	4	250
1828	7	251
1829	6	1.478
1830	6	461
1831	3	49
1832	7	6.852
1833	9	2.546
1834	3	402
1835	7	497
1836	3	352
1837	9	696
1838	18	9.417
1839	11	2.760
1840	3	310
1841	4	249
1842	5	2 439
1843	6	412
1844	5	12.904
1845	7	466
1846	11	817
1847	8	5.924
1848	18	6.512 (государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ)
1849	12	839
1850	19	2.668
1851	15	4.406
1852	14	1.235
1853	13	512
1854	12	2.399
1855	2	256
Всего	384 влад.	115.734 душъ.

Между помѣщиками, освобождавшими своихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, встрѣчаемъ случай освобожденія безъ всякой платы: такъ освободила жена капитана Захарьина, помѣщица владимірской губерніи, 62 души (Варадиновъ, въ соч. котораго разбросано число освобожденныхъ въ вольные хлѣбопашцы крѣпостныхъ крестьянъ, сведенное нами въ вышеизложенную таблицу). Встрѣчаемъ и другой подобный случай: помѣщикъ владимірской губерніи, Строминовъ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ 30 д. крестьянъ (№ 29.592).

[112]) См. Движеніе законодательства въ Россіи, отд. 1. стр. 38: „водвореніе и поддержаніе доброй нравственности и трудолюбія,

удержаніе народа въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ поставленъ закономъ, достигалось (при крѣпостномъ правѣ) раздѣльнымъ въ малыхъ массахъ или кадрахъ надзоромъ и управленіемъ посредствомъ помѣщиковъ, которые считались у правительства *даровыми полицеймейстерами*".

[113]) Многія изъ нихъ намъ уже извѣстны. Къ числу ихъ можно отнести весьма важную мѣру 1842 г.: измѣненіе узаконенія касательно удовлетворенія крѣпостныхъ людей за обиды. Они уравнены съ лицами свободныхъ состояній: за безчестье крѣпостнаго человѣка положено взыскивать съ обидчика такую же сумму, какъ и за безчестье государственнаго крестьянина; за безчестье вдовъ и женъ крѣпостныхъ людей вдвое противъ мужей ихъ; за оскорбленіе незамужней дочери—вчетверо, а за обиду сыновей, не достигшихъ 17 лѣтъ—$^1/_2$ противъ отца (2-е П. С. № 16.168).

[114]) „Умноженіе правителей и канцелярій, сказано въ этомъ указѣ не только служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной; понеже вмѣсто того, что прежде къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ,—нынѣ къ десяти. а можетъ быть и больше, и всѣ тѣ разные правители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ, волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ"....

[115]) Форма баллотированія, устанавливаемая указомъ 1719 г., та же самая, которая впослѣдствіи была узаконена Екатериной II и сохраняется при выборахъ въ настоящее время: поставивъ на столѣ ящикъ, взять въ одну руку балъ (или шарикъ) и вложить ту руку въ трубку, при помянутомъ ящикѣ придѣланную, и ежели похощетъ кого удостоить опустить тотъ шарикъ въ ящикъ въ бѣлую сторону; а естьли кого признаетъ, что повысить его не надлежитъ, то въ черную сторону; а опущать искусно, чтобъ никто дознаться не могъ, въ которую сторону опуститъ. А какъ всѣ такъ пробаллотируютъ (начиная съ нижняго чина и кончая высшимъ), то отпереть снизу одну сторону ящика и счесть балы и записать, и въ которой сторонѣ будетъ больше баловъ, то и дѣйствительно, а именно: буде въ бѣлой больше число баловъ, то удостоенъ.....

[116]) Въ 1734 г. повелѣно было для пользы и правосудія малороссійскаго народа: магдебургское право и саксонскіе статуты свесть въ одну систему, переводя на великороссійскій языкъ и разъяснивъ встрѣчающіяся сумнительства. А для этой работы генералъ-лейтенантъ Шаховской долженъ былъ выбрать знатныхъ особъ: каждой епархіи по одному архимандриту или игумену, отъ кіевопечерскаго монастыря одного соборнаго старца изъ протопоповъ, одного изъ генераловъ старшины. одного изъ полковниковъ, чтобъ всѣхъ было 12 человѣкъ, и выслать ихъ всѣхъ въ Москву, назначивъ жалованья 2.000 на всѣхъ (№ 6.614, 6 610). Для смотрѣнія надъ ними опредѣлена одна персона изъ великороссійскихъ (№ 6.837).

[117]) Ср. указъ 1719 г. (№ 3.406) съ обрядомъ 1766 г. (№ 12.801). Когда дворянство соберется въ назначенномъ для того мѣстѣ для выбора, то начальникъ, предсѣдательствующій на этомъ выборѣ, велитъ раздать каждому по одному шарику, и велитъ читать по-росписи имя перваго дворянина, т. е. того, который прежде въ городъ явился; а дворяне, выслушавъ оное, встанутъ одинъ за другимъ, и кладутъ свой шарикъ въ приготовленный на столѣ ящикъ, перегороженный по срединѣ на двѣ части и покрытый сукномъ. На правой сторонѣ ящика написано: *избираю*, а на лѣвой не *избираю*. Всякій положитъ, въ которую сторону пожелаетъ. А тотъ, чье имя читали, воленъ класть шарикъ или не класть, остаться при выборѣ или выйти. Когда же всѣ шарики положены, то начальникъ встаетъ, и при всѣхъ ясно снимаетъ сукно, которымъ покрытъ ящикъ, и вынимаетъ шарики сперва съ той стороны, гдѣ подписано *избираю*, и считаетъ оные, и записать велитъ въ росписи противъ имени того дворянина, что столько голосовъ его одобряютъ быть предводителемъ того уѣзда дворянъ. Сдѣлавъ сіе, вынимаетъ шарики и съ той стороны ящика, на которой надписано не *избираю* и сколько найдетъ шариковъ, такъ же записываетъ . . . (п. 12).

[118]) Въ уѣздахъ, въ которыхъ находилось малое число помѣщиковъ владѣющихъ деревнями, какъ напр. въ с.-петербургскомъ, великоустюжскомъ, кунгурскомъ и т. п., гдѣ было менѣе 15 человѣкъ помѣщиковъ, предоставлялось имъ на волю прислать или не прислать депутатовъ (№ 12.801, п. 3).

[119]) Такое воззрѣніе дворянина новгородской губерніи въ 18 ст., конечно, понятнѣе, чѣмъ подобное же воззрѣніе одного московскаго дворянина въ 19 ст., который, послѣ введенія судебной реформы, отказывался отъ должности присяжнаго, ссылаясь на манифестъ 1762 г.

[120]) При императорѣ Николаѣ I дворянство и служащіе по выборамъ дворянства получили новую униформу, отчасти вѣдомства м. вн. дѣлъ. Положеніе о дворянскихъ губернскихъ мундирахъ состоялось 1 мая 1832 г. На основаніе его: 1) для дворянства всей Росс. имперіи установленъ парадный мундиръ темнозеленаго цвѣта, съ краснымъ воротникомъ и обшлагами и желтыми пуговицами, съ изображеніемъ на нихъ герба губер. подъ императорскою короною названія губерній; 2) шитье, сообразно занимаемой должности; 3) для небывшихъ ни въ какой должности—ни въ коронной, ни въ выборной—шитья не полагалось; 4) служащіе по выборамъ дворянства должны носить мундирные фраки и сертуки темнозеленые, съ губер. пуговицами (2-е П. С. № 5.316).

[121]) Положеніе о провіантскомъ управленіи 1816 г. Гл. II § 49: Отъ внесенія залога изъемлются подряды, принимаемые въ видѣ общественныхъ поставокъ сословіемъ всего дворянства той губерніи, гдѣ войска расположены: тогда благонадежность продовольствія можетъ основываться на довѣріи, принадлежащемъ сему сословію и его имуществѣ (№ 26.206).

[122]) Генералъ-губернаторы въ 1778 г. спрашивали императрицу: Что ежели, кромѣ выборовъ, общее собраніе дворянства, или нѣкоторые уѣзды, будутъ имѣть надобность или пожелаютъ собраться для совѣта съ собратами своими о своихъ нуждахъ и взаимныхъ пользахъ, напр. о заведеніяхъ для воспитанія, о какихъ-либо публичныхъ повинностяхъ, можно-ли дозволить имъ о томъ совѣтовать и дѣлать представленія или жалобы именемъ общества чрезъ депутатовъ? Императрица разрѣшила (№ 14.816 ст. 23).

[123]) Мы видѣли, что уѣздное шляхетство при Петрѣ Великомъ съѣзжалось на выборы земскаго коммисара также въ это зимнее время. На вопросные пункты генералъ-губернаторовъ, какое время удобнѣе для общаго собранія дворянъ къ новымъ выборамъ? послѣдовала въ 1776 г. резолюція: отъ 10 декабря до 10 января (№ 14.816). Зимнее время для выборовъ оставляется и жалованной грамотой (§ 38).

[124]) Прецедентъ для жалованной грамоты, при опредѣленіи ценза, былъ порядокъ выбора депутатовъ въ коммисію и предводителей дворянства въ 1767 г. По этому порядку какъ депутатомъ, такъ и предводителемъ могъ быть выбранъ дворянинъ: 1) дѣйствительно имѣніемъ въ томъ уѣздѣ владѣющій (безъ опредѣленія его стоимости и дохода); 2) ни въ какихъ штрафахъ, подозрѣніяхъ и явныхъ порокахъ небывалый; 3) честнаго и незазорнаго поведенія; 4) служащій или неслужащій, какого бы чина и званія ни былъ. Депутатомъ могъ быть выбранъ имѣющій не менѣе 25 лѣтъ, а предводителемъ—не менѣе 30. Для избирателей же возрастъ не опредѣлялся, а только имущественный цензъ—дѣйствительное владѣніе имѣніемъ въ уѣздѣ (№ 12.801). При дарованіи бѣлорусскимъ губерніямъ права избирать судей въ губенскіе и провинціальные суды, въ 1773 г., опредѣлено было, что избирать могутъ тѣ помѣщики, у которыхъ не менѣе 10 душъ, а быть избранными могутъ быть только владѣльцы 20 душъ мужскаго пола (№ 13.977 п. 3). Учрежденіе о губерніяхъ не опредѣлило ценза, принявъ порядокъ баллотированія, на основаніи депутакскихъ выборовъ 14 декабря 1776 г. (№ 14.392, прим. къ III гл.). Въ 1781 г. новгородско-тверской намѣстникъ представлялъ государынѣ, что при управленіи намѣстничествомъ гр. Сиверса, дворяне того намѣстничества, неимѣющіе 20 душъ достоянія въ судьи избираемы не были „чего въ прочихъ губерніяхъ не усматривается. Сіе распоряженіе, продолжаетъ намѣстникъ, какъ видно почерпнуто изъ проекта о дворянахъ; но оно не согласуется съ симъ потому: 1) что въ проектѣ въ 57 ст. сказано: что дворянинъ, неимѣющій 100 р. доходу съ деревень, въ судьи избранъ быть не можетъ; достояніе жъ дворянина, имѣющаго только 20 душъ, назначеннаго числа доходу дать не можетъ.... 2) Въ проектѣ сказано: избирать судей не нижъ 25 лѣтъ, но при выборахъ сіе исполнялось токмо вразсужденіи председателей, въ засѣдатели жъ избираемы были 21 года". Императрица постановила

резолюцію: „до изданія главы о дворянствѣ оставить сіе на волю дворянъ“ (№ 15.280). А въ 1784 г. въ бѣлорусскихъ губерніяхъ допущены были къ выборамъ дворяне, владѣющіе староствами (№ 15.961).

[125]) Такой случай былъ при выборахъ въ орловской губерніи, въ 1830 г. Въ должность сѣвскаго уѣзднаго предводителя баллотировались: полковникъ Болотниковъ и штабсъ-ротмистръ Педлипевъ, изъ которыхъ первому, имѣющему 50 лѣтъ, избират. 9. неизбир. 7, а второму, имѣющему 28 лѣтъ избират. 11, неизб. 5. При утвержденіи, орловскій гражданскій губернаторъ и возбудилъ вопросъ: которое узаконеніе принимать въ основаніе—обрядъ 1766 г., или 62 ст. жалованной грамоты?

[126]) Разграниченіе непосредственнаго права отъ права чрезъ уполномоченныхъ уже видно въ томъ особомъ мнѣніи, которое министръ коммерціи Румянцевъ представлялъ въ 1805 г. государственному совѣту по поводу вопроса о добровольныхъ дворянскихъ складахъ (Чтенія, кн. 3-я 1860 г.). Мотивъ установленія имущественнаго ценза для участія въ выборахъ, законъ 1831 г. формулируетъ такъ: „отъ частаго раздробленія дворянскихъ имѣній, чрезъ продажу и раздѣлы при наслѣдствѣ, число избирателей непомѣрно увеличилось; дворянскія собранія иногда уже не вполнѣ составляются изъ людей, коихъ собственныя выгоды, основанныя на владѣніи достаточнымъ, дающимъ и средства надлежащаго образованія имуществомъ, могутъ служить ручательствомъ въ стремленіи ихъ къ общей пользѣ, и открылся поводъ къ жалобамъ на избранія пристрастныя, не оправдывающія довѣренности и ожиданій правительства“ (2-е П. С. № 4.989). Норма ценза для непосредственнаго права выбора—100 душъ—имѣла прецеденты: сенатъ спрашивалъ Петра Великаго въ 1724 г.: считать годнымъ шляхетствомъ по дворовому числу—отъ ста дворовъ? (№ 4.588). Отчасти постановленіе 1732 о назначеніи деньщиковъ только тѣмъ генераламъ и офицерамъ, которые имѣютъ *меньше 100 душъ* крестьянъ (№ 6.211).—Какъ уменьшилось число избирателей, вслѣдствіе повышенія имущественнаго ценза, можно видѣть изъ того, что въ 1854 г. изъ 565.470 потомственныхъ дворянъ, правомъ голоса на выборахъ пользовалось только 21.916 (Варадиновъ).

[127]) Въ 1817 г. постановлено: дворянъ, не имѣющихъ собственнаго имѣнія, но жены которыхъ имѣютъ таковое, допускать къ выборамъ не иначе, какъ за согласіемъ дворянства губерніи (№ 26.617).

[128]) Въ 1810 г. запрещено было впредь принимать довѣренности на дворянскіе выборы отъ отсутствующихъ, а выборы производить только наличными дворянами (№ 24.423). Изъ этого запрещенія видно, что довѣренности фактически установились, хотя не было постановленія ихъ разрѣшавшаго.

[129]) „D'après la lecture de l'ukase, concernant ces assemblées, on voit qu'il est peu de réglemens mieux faits, et qu'il n'en est point

qui accordent une plus grande étendue de pouvoirs á un corps assemblé pour déliberer sur ses affaires, et sur celles de l'état. Jusqu'à présent le gouvernement a mis de telles entraves à ses projets, la présence des gouverneurs généraux a tellement influé sur ses décisions, qu'on peut regarder l'effet de ses assemmblées comme absolument nul. Les élections sont connues d'avance, parce qu'elles sont désignées par une puissance supérieure, et le gouvernement abandonne volontiers la forme, dont la noblesse veut toujours bien se contenter, pourvu qu'il soit toujours maître absolu dans le fond....“ (p. 61).

[130]) До закона 1820 г., прапорщикъ Пыхачевъ, на выборахъ въ оренбургской губерніи, по бузулукскому уѣзду, былъ избранъ въ дожность засѣдателя бузулукскаго уѣзднаго суда, но не хотѣлъ вступить въ нее, подъ тѣмъ предлогомъ. что на выборахъ 1812 г. его баллотировали въ уѣздные предводители, хотя и получилъ на этомъ баллотированіи болѣе неизбирательныхъ шаровъ (№ 27.139).

[131]) Но предводители могли получать пенсію, выслуженную на прежней службѣ: законъ 1781 г. постановилъ: „кто уволенъ будетъ изъ службы въ отставку съ пенсіею, а пребывая спокойно въ домѣ своемъ отъ общества дворянскаго выбранъ будетъ въ земскую службу, того лишать пенсіи не слѣдуетъ“ (№ 15.140).

[132]) На содержаніе дворянства отданы были: совѣтники и ассесоры палаты суда и расправы. уѣздные и нижніе земскіе суды съ канцеляріями, губернскіе и уѣздные землемѣры, врачебныя управы со всѣми медицинскими чинами губерніи, а въ Малороссіи генеральные судьи и совѣтники генеральныхъ судовъ. Для знакомства съ размѣромъ жалованья, приведемъ нѣкоторые примѣры изъ штатовъ, изданныхъ еще при Екатеринѣ II: уѣздные судьи по 1 разряду—по 300 р., а по 2—по 450, засѣдатели уѣзднаго суда по 1 разряду по 250, а по 2—375 р., капитанъ-исправникъ по 1 разряду 250, а по 2—375, дворянскіе засѣдатели земскаго суда—200 и 300 р., уѣздный докторъ—по 300 и 400, уѣздный лекарь—по 140 и 180 (См. книгу граж. штатовъ стр. 256). Суммы по губерніямъ назначены въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Литовская	104.000
Бѣлорусская	92.000
Малороссійская	80.000
Кіевская	72.000
Подольская	65.000
Волынская	63.000
Смоленская и Тульская	61.000
Нижегородская и Минская	57.000
Тамбовская	56.000

Орловская и Рязанская	55.000
Московская, Тверская, Калужская и Владимірская	51.000
Ярославская и Саратовская	49.000
Костромская и Курская	47.000
Симбирская	40.000
Псковская	36.000
Слободско-Украинская	35.000
Лифляндская	33.000
Новороссійская	30.000
Новгородская	28.000
Пермская	25.000
Курляндская	20.000
Эстляндская	16.000
Вологодская	15.000
Казанская	14.000
С.-Петербургская	14.000
Оренбургская	10.000
Земля Войска Донскаго	10.000
Выборгская	5.000
Вятская	2.000
Астраханская	1.000
Въ 38 губ.	1.640.000

(№ 18.278). Въ 1799 г. въ ниж. земскіе суды прибавлены были засѣдатели, для содержанія которыхъ въ сбору съ дворянскихъ имѣній прибавлено 104.000 р. въ годъ (№ 18.908). Распредѣленіе этого сбора на души по всѣхъ губерніяхъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что въ ярославской губерніи приходилось по 18¼ коп. на душу (№ 18.507). Вышеозначенныя данныя тѣмъ интереснѣе, что по нимъ можно судить, какъ распредѣлялось число дворянскихъ имѣній по губерніямъ вконцѣ 18 столѣтія.

[133]) Въ 1784 г. генералъ-прокуроръ спрашивалъ сенатъ: можно-ли выбирать предсѣдателей палатъ и верховныхъ земскихъ судовъ въ другія должности? Рѣшеніе сената: въ должности предводителей нельзя выбирать изъ чиновъ, имѣющихъ по штатамъ особливыя должности по намѣстничествамъ (№ 15.913). Напротивъ въ 1786 г. разрѣшено должность губернскаго предводителя принимать всѣмъ должностнымъ лицамъ губерніи, исключая генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ (№ 16.331, п. 9).

[134]) Иначе было до закона 1831 г.: въ 1826 г. состоялось положеніе комитета министровъ, по которому вдовамъ и сиротамъ чиновниковъ, служившихъ по выборамъ отъ дворянства, запрещалось выдавать въ единовременную выдачу годовой окладъ ихъ жалованья (2-е № 32).

[135]) Въ 1803 г. сенатъ предписалъ ярославскому губернскому правленію „для избѣжанія частыхъ перемѣнъ чиновниковъ, служащихъ по выборамъ дворянства, какъ они избираются всѣмъ обществомъ, въ случаѣ просьбы, не иначе увольнять, какъ по освидѣтельствованіи, что они по болѣзни не могутъ служить, безъ сего ни подъ какимъ предлогомъ не перемѣнять ихъ другими“. Но въ 1809 г. ярославскій губ. предводитель Майковъ жаловался министерству внутреннихъ дѣлъ, кн. Куракину, что губернское правленіе увольняетъ дворянъ по ихъ просьбамъ слишкомъ часто, чрезъ что даетъ имъ поводъ уклоняться отъ общественной службы, то чтобъ въ первое трехлѣтіе увольнять не иначе, какъ съ согласія дворянскаго собранія. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что для удержанія отъ уклоненія, подъ предлогомъ болѣзни, нужно бы постановить, чтобы губернское правленіе о каждомъ уволенномъ чиновникѣ давало знать губернскому предводителю, чтобы вслучаѣ сомнѣнія объ основательности причинъ могъ бы онъ поставить сіе на уваженіе дворянскаго собранія. Сенатъ нашелъ, что достаточно правила, установленнаго въ предписаніи ярославскому губернскому правленію въ 1803 г. (№ 23.538). Напротивъ: въ 1782 г. состоялся указъ о неувольненіи намѣстническимъ правленіямъ чиновъ, избираемыхъ дворянствомъ, прежде трехлѣтняго срока, безъ, согласія дворянства (№ 15.763).

[136]) За упраздненіемъ в. з. судовъ, дворянскія опеки въ 1798 г. были подчинены палатѣ суда и расправы (№ 18.667), за раздвоеніемъ которой въ 1801 г.- палатѣ гражданскаго суда.

[137]) Въ 1849 г. правительствующій сенатъ по разсмотрѣніи дѣла о двухъ уѣздныхъ предводителяхъ дворянства, преданныхъ суду за допущеніе одного помѣщика и жены его къ чрезмѣрно жестокому обращенію съ крѣпостными людьми ихъ, нашелъ, что такое злоупотребленіе продолжалось нѣсколько лѣтъ по невѣдѣнію о томъ предводителей, и поэтому положилъ, сверхъ отрѣшенія ихъ отъ должностей, сдѣлать имъ въ присутствіи суда при открытыхъ дверяхъ строжайшій выговоръ и запретить на будущее время избраніе ихъ въ предводители (Циркуляры мин. вн. дѣлъ Т. III. стр. 182).

[138]) Нѣкоторыя дворянскія собранія поняли этотъ законъ, какъ уничтожающій самое существованіе депутатскихъ собраній: костромское дворянское собраніе въ 1799 г. испрашивало разрѣшенія, повелѣно-ли ему будетъ существовать, а находящимся въ немъ депутатамъ имѣть присутствіе? (№ 19.020).

[139]) Для ускоренія уплаты и погашенія государственныхъ долговъ, манифестомъ 11 февраля 1812 г., установленъ временный

сборъ съ владѣльческихъ доходовъ. Каждый владѣлецъ обязывался *по чести* представить предводителю показаніе о доходахъ съ своего имѣнія, а предводители чрезъ губернскаго, вносили показанія эти въ дворянское депутатское собраніе. Показаніе о доходахъ должно было возобновляться ежегодно, и при этомъ не принимались никакіе доносы на утайку. Владѣльцы, получавшіе менѣе 500 р. дохода, освобождались отъ платежа временнаго сбора. Получавшіе же болѣе 500 р., платили извѣстный процентъ, прогрессивно возвышавшійся, по мѣрѣ увеличенія дохода. Расчисленіе производилось по слѣдующей табели:

500 р. до 2.000 р. платили 1%
2.000 „ „ 4.000 „ „ 2%
4.000 „ „ 6.000 „ „ 6%, и это было maximum'омъ.

Владѣльцы же имѣній, жительствовавшіе за границей не по дѣламъ службы, проживавшіе доходы внѣ отечества, платили вдвое (П. С. № 24.992, 250.001). Этотъ налогъ на доходы съ помѣщичьихъ имѣній былъ сложенъ 1 января 1820 г. (П. С. № 28.028).

[140]) Еще прежде, въ 1821 г., въ губерніяхъ учреждены были губернскія коммиссіи, въ которые дворянство также избирало по одному непремѣнному члену (№ 29.000).

[141]) Въ 1790 г., по прошенію одного изъ якутскихъ князьцовъ, головы Алексѣя Аржакова, дозволено выбрать предводителя въ Якутскѣ (№ 16.829).

[142]) 200.000 потомственнаго дворянства, при 609.973 потомственнаго дворянства всей имперіи.

[143]) Первое составлено изъ уѣздовъ: новгородсѣверскаго, стародубскаго, почепскаго, мглинскаго, глуховскаго, кролевецкаго, коропскаго, сосницкаго, конотопскаго, новомѣстскаго и суражскаго; второе—изъ уѣздовъ: черниговскаго, городницкаго, березинскаго, борзенскаго, нѣжинскаго, прилуцкаго, глинскаго, роменскаго, лохвицкаго, гадяцкаго и зеньковскаго, а третье: кіевскій, остерскій, козелецкій, переяславскій, пирятинскій, лубенскій, миргородскій, хорольскій, голтинскій, городискій и золотоношскій (№ 15.227) Уѣзды кременчугскій, полтавскій и константиноградскій причислены въ 1784 г. къ екатеринославскому намѣстничеству (№ 15.910).

[144]) Въ разговорѣ съ Храповицкимъ Екатерина II отозвалась о возномъ „c'est le maitre Jacques, il est partout, excepté là, ou il doit être“ (Чтенія, 1862 г.).

[145]) „Польское названіе *повѣтъ*, раздѣленіе Польши на повѣты, и повѣтовые земскіе суды взяли свое начало отъ древняго въ Польшѣ обычая, по которому выборъ королей происходилъ. Польское дворянство собиралось въ полѣ, дѣлало себѣ *повѣты* (навѣсы), собираясь подъ ними для производства выборовъ. Такое собраніе называлось *повѣтъ* такого то города. Отсюда части, на которыя

воеводство дѣлилось называлось *повѣтами*, а по литовскому статуту и уѣздами“ (Замѣчанія о Малой Россіи).

[116]) Тогда же отчисленъ былъ отъ Малороссіи Кіевъ, къ которому приписана особая губернія, составленная изъ возвращенныхъ отъ Польши земель (№ 17.594).

[117]) Вотъ слова одного современника: „малая Россія, имѣвши свое казацкое войско, не имѣла никогда маршаловъ, а съ 1766 г. получила, наравнѣ съ прочими великороссійскими дворянами, предводителей... кн. Безбородко, получивъ повелѣніе уменьшить число губерній и судовъ, далъ ей польскихъ маршаловъ съ бригадирскими чинами для того, чтобы свою родню и своихъ пріятелей и знакомыхъ въ сіе званіе помѣстить, надѣясь при томъ, что онъ Малороссіею, на подобіе бывшихъ гетмановъ, управлять будетъ. Въ маршалы и хорунжіе поступили отставные прапорщики, губернскіе секретари, титулярные совѣтники и тому подобные молодые люди, нигдѣ не служившіе и въ томъ повѣтѣ, гдѣ они маршалами опредѣлены, помѣстья не имѣющія...“ (Замѣчанія о Малой Россіи).

[118]) Вотъ эпизодъ изъ исторіи опекъ въ Малороссіи, который мы нашли въ П. С. Въ 1806 г. малороссійскій генералъ-губернаторъ, кн. Куракинъ, рапортовалъ въ сенатъ, что дѣти умершаго подпоручика Якова Гамалеи содержатся ихъ опекуномъ Косачемъ недобросовѣстно. По мѣсту жительства малолѣтнихъ въ стародубскомъ повѣтѣ, поручено было тамошнему повѣтовому маршалу произвести слѣдствіе. Оно обнаружило, что малолѣтные Гамалеи находятся въ бѣдномъ положеніи и воспитаніи, нѣкоторые взяты сторонними людьми для прокормленія, а другіе, обращаясь къ черной работѣ, питаются отъ посѣтянъ, тогда какъ имѣютъ наслѣдственнаго имѣнія 200 душъ съ хорошими выгодами. По мнѣнію маршала малолѣтные Гамалеи вовлечены въ такое состояніе слабымъ распоряженіемъ Косача. 2-й департаментъ черниговскаго генеральнаго суда, которому были подвѣдомственны дѣла по опекамъ, вошелъ съ представленіемъ, что хотя онъ и обязанъ войдти въ состояніе малолѣтныхъ Гамалеевъ, но какъ по статуту непорядочнаго опекуна можно отставлять отъ опеки не иначе, какъ за позвомъ предъ судъ родственниками малолѣтнаго, и только тогда самимъ повѣтовымъ судомъ, когда не будетъ родственниковъ. Но у Гамелеевъ, хотя и есть родственники, но никакого заявленія противъ Косача они не сдѣлали, а при родственникахъ самъ судъ учинить то не вправѣ. При этомъ кн. Куракинъ замѣтилъ, что въ Малороссіи много такихъ случаевъ бываетъ, вслѣдствіе постановленій статута объ опекахъ. Поэтому, по мнѣнію его, слѣдуетъ дозволить самимъ повѣтовымъ судамъ призывать на судъ непорядочныхъ опекуновъ. Что и было постановлено (№ 22.281).

[119]) Суды эти для Малороссіи подтверждены были въ 1803 г. (П. С. № 20.806). Подкоморскій судъ въ каждомъ повѣтѣ составлялся на основаніи 4 арт. 83 п. литовскаго статута изъ маршала, под-

кормія и дворянина—со стороны казны, и столькихъ же членовъ со стороны частнаго просителя, выбранныхъ имъ изъ дворянъ. Аппеляція на этотъ судъ по 9 разд. 7 п. литовскаго статута приносилась въ коммисарской судъ—въ губернскомъ городѣ, который состоялъ изъ одного повѣтоваго маршала, въ званіи предсѣдательствующаго, изъ двухъ подкоморыхъ и двухъ хорунжихъ, въ званіи засѣдателей.

150) Въ 1826 г. постановлено и въ западнорусскихъ губерніяхъ не допускать на выборы лицъ, неимѣющихъ никакого чина (2-е П. С. № 188).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Введеніе . . . . I — X.

Предисловіе . . . . I — XX.

Глава первая. Образованіе и развитіе дворянства . . 1 — 115.

Раздѣлъ I. Образованіе дворянства, его источники, раздѣленіе на разряды, учрежденія имъ завѣдывавшія . . . . 2 — 59.

Раздѣлъ II. Развитіе сословности въ дворянствѣ и его обособленія отъ народа . . . . 59 — 89.

Раздѣлъ III. Введеніе въ русское дворянство дворянства иноплеменнаго . . . . 89 — 115.

Глава вторая. Повинности, лежавшія на дворянствѣ, вознагражденіе за отбываніе ихъ и освобожденіе отъ нихъ . . . . 116 — 213.

Раздѣлъ I. Обязательная служба дворянства . . 118 — 156.

Раздѣлъ II. Вознагражденіе за отбываемую службу—главный источникъ образованія дворянскихъ состояній . . . . 156 — 174.

Раздѣлъ III. Обязательное обученіе дворянства . 174 — 185.

Раздѣлъ IV. Историческое развитіе идеи освобожденія дворянства отъ обязательной службы, освобожденіе отъ нея и слѣды ея . . . 185 — 213.

Глава третья. Личныя права дворянства и ихъ основаніе. 214 — 278.

Раздѣлъ I. Права и преимущества по службѣ государственной . . . . 220 — 233.

а) военной . . . . 220 — 226.

б) гражданской . . . . 226 — 233.

Раздѣлъ II. Какимъ наказаніямъ подлежало дворянство, и какъ оно постепенно освобождалось отъ наказаній тѣлесныхъ . . . . . . 233 — 244.

Раздѣлъ III. Историческое развитіе права поземельной собственности и другихъ имущественныхъ правъ дворянства . . . . 244 — 264.

Предметы имущественныхъ правъ . . . 246 — 250.

Ограниченія права пользованія . . . . . 250 — 254.

Ограниченія права распоряженія . . . . 254 — 264.

Раздѣлъ IV. Историческое развитіе права дворянства заниматься торговлей и другими промышленными операціями . . . . 264 — 272.

Раздѣлъ V. Свобода отъ личныхъ податей и отъ рекрутчины . . . . Страницы. 272 — 275.
Раздѣлъ VI. Неприкосновенность дворянскаго достоинства, защищаемаго судомъ и верховною властью—гарантія личныхъ правъ сословія . . . . 275 — 278.
Глава четвертая. Крѣпостное право и его значеніе въ исторіи дворянства . . . . 279 — 409.
Раздѣлъ I. Историческое развитіе вопроса о томъ, кто могъ владѣть крѣпостными людьми . . 286 — 293.
Раздѣлъ II. Историческое развитіе законодательства по вопросу о пространствѣ власти помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми . . . 293 — 314.
а) право на наказанія . . . . 293 — 300.
б) право на оброки и издѣльныя повинности . . . . 300 — 306.
в) право на продажу крѣпостныхъ . . . 306 — 314.
Раздѣлъ III. Фактическое положеніе крѣпостныхъ. 314 — 354.
а) фактическія наказанія . . . . 316 — 330.
б) фактическіе оброки и издѣльныя повинности . . . . 330 — 346.
в) фактическая торговля крѣпостными . 346 — 354.
Раздѣлъ IV. Реакція противъ злоупотребленій помѣщичьей власти . . . . 354 — 378.
А) реакція правительства . . . . 354 — 364.
Б) реакція крѣпостныхъ . . . . 364 — 378.
а) пассивная реакція . . . . . . 364 — 368.
1) побѣги . . . . 364 — 367.
2) самоубійства . . . . . . 367 — 368.
б) активная реакція . . . . 368 — 378.
1) волненія . . . . 368 — 376.
2) убійства помѣщиковъ . . 376 — 378.
Раздѣлъ V. Историческое развитіе идеи объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ путемъ борьбы аболюціонистовъ и крѣпостниковъ . 379 — 409.
Глава пятая. Историческое развитіе корпоративныхъ правъ дворянства и его участія въ мѣстномъ судѣ и управленіи . . . . 410 — 514.
Раздѣлъ I. Отсутствіе мѣстныхъ дворянскихъ обществъ до отмѣны обязательной службы въ 1762 г. . . . . 413 — 421.
Раздѣлъ II. Вліяніе отмѣны обязательной службы на развитіе корпоративнаго духа сословія . 422 — 436.
Раздѣлъ III. Образованіе дворянскихъ обществъ и ихъ участіе въ мѣстномъ судѣ и управленіи. 436 — 489.
А) Дворянскія общества и органъ ихъ—дворянскія собранія: предметы дѣя-

тельности, право участія въ нихъ вообще и въ выборахъ въ особенности. | Страницы. 437 — 452.
Б) Отношеніе къ собраніямъ мѣстныхъ коронныхъ властей . . . . 452 — 459.
В) Кругъ дѣлъ губернскаго и уѣзднаго управленія, порученныхъ вѣдѣнію дворянскихъ обществъ; должностныя лица, дворянствомъ избираемыя . . . 459 — 489.
Раздѣлъ IV. Уклоненія въ организаціи и въ правахъ дворянскихъ обществъ, существовавшія въ Малороссіи и въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши . . . . 489 — 503.
Раздѣлъ V. Какое дѣйствительное значеніе имѣло такъ-называемое дворянское самоуправленіе, и какъ относилось дворянство къ праву участвовать въ мѣстномъ судѣ и управленіи . . . . 503 — 514.
Приложенія . . . . 515 — 527.
Примѣчанія . . . . 529 — 578.

Важнѣйшія опечатки.

Напечатано:				Слѣдуетъ читать:
Стран.		Строка		
V	введенія	10 снизу	иститута	института
VII	предисловія	9 сверху	тѣлеснымъ	тѣлесныхъ
4		15 „	резюмируютъ	резюмируетъ
6		2 „	сословновной	сословной
11		13 „	правы	нравы
19		7 снизу	подъ	надъ
29		8 сверху	дворянсство	дворянство
47		10 „	на на	на
65		17 „	досвоинства	достоинства
70		6 „	25)	35)
84		18 снизу	тутуль	титулъ
111		20 сверху	мадороссійскими	малороссійскими
172		4 „	казенными	казенными заведеніями
195		17 снизу	граждискимъ	гражданскимъ
195		18 „	вонпской	воинской
196		17 „	великомю	великому
253		12 „	къ	въ
275		6 „	и и	и
322		15 сверху	Ждановскій	Жадовскій
392		17 снизу	свободнымъ	свободными
401		17 сверху	внутренниихъ	внутреннихъ
429		19 снизу	становыыхъ	становыхъ
433		7 „	огранизаціи	организаціи
439		14 сверху	дѣяльности	дѣятельности
448		1 „	предствленъ	представленъ
448		2 снизу	1736 г.	1836 г.
463		19 сверху	(19.999)	(№ 19.999)
532		6 снизу	собразныя	сообразныя
556		12 „		надо выпустить

фразу: „чтобъ воздержать дворянство отъ мотовства и дѣланія“.

